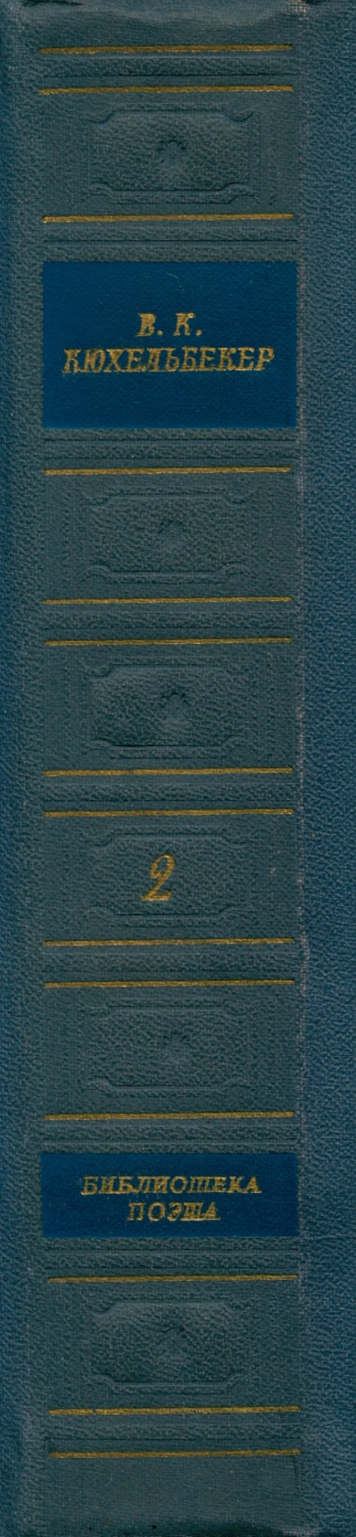


В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

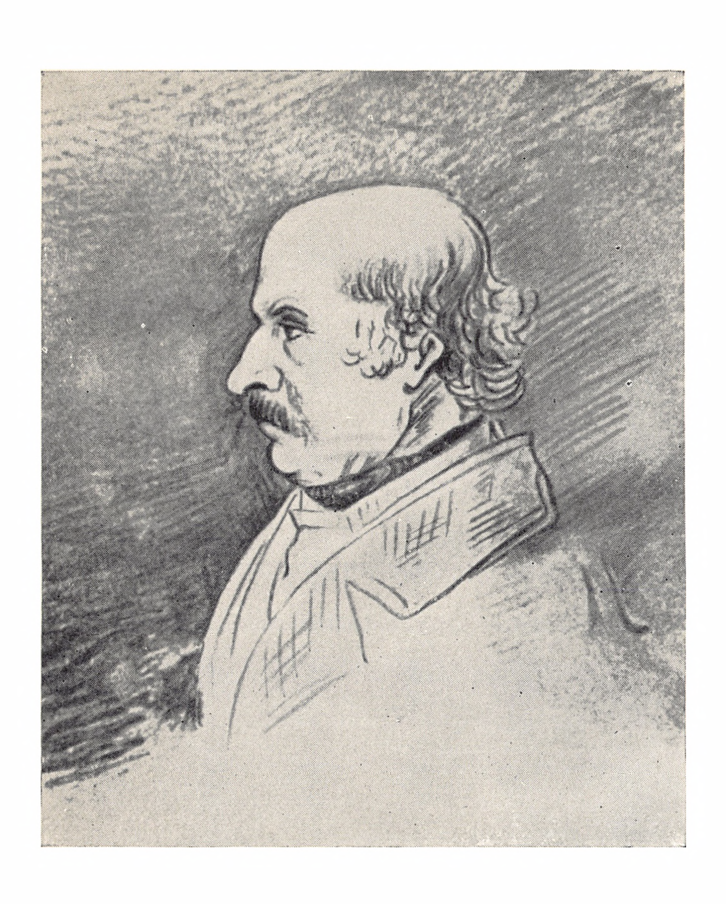
В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕР

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Подготовка текста и примечания
Н. В. Королевой

МОСКВА - ЛЕНИНГРАД • 1967



ПОЭМЫ

1. ЮРИЙ И КСЕНИЯ

(Поэма в шести песнях)

ПОСВЯЩЕНИЕ

«Не Ахиллесов гнев и не паденье Трои,
Нет, Душеньку пою!» — так добрый Ипполит
Когда-то говорил, и баловню харит,
Сложив косматый шлем, повесив меч и щит,
Внимали русские герои;
Гордились деды им, он дорог был отцам;
И много дней прошло, — а дорог он и нам.
Поэт беспечный был храним Екатериной:
Писала в оный век законы племенам
Великая жена рукой единой;
Другую же к певцам
С приветом, с лаской простирала,
Их берегла, любила, утешала
И улыбалась их стихам.

Он, не искав, нашел любовь, покров, защиту...
Себя не уподоблю Ипполиту;
Всё сходство: как и он, я не войну пою.
Вам песнь смиренную, вам, други, отдаю:
Но будет ли певца счастливее творенье?
Ах! донесет ли к вам простую быль мою
Попутных ветров дуновенье?

На вас взглянуть бы, на семью
Со мною связанных не только кровью,
Но верной, но в бедáх испытанной любовью!
О! пусть бы брату вы предстали не во сне!

Пусть и она рассказ о русской старине
Пришла бы слушать! — Ей, моей родимой,
Рукой судьбы непостижимой
Страданий чаша полная дана.
Стихов, быть может, светлая волна
С ее души тоску снесла бы на мгновенье,
Дала бы боли сердца облегченье,
И нам казалось бы: еще всё те же дни,
Когда и мы не ведали печали,
Когда в прекрасном Закупе они
Для нас без бури протекали.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Над бором громоздятся тучи,
Завыл под ними бор дремучий;
С дерев срывая хрупкий лист,
Подъемлет ветер рев и свист.
Печальны вопли бури хладной;
Глухая ночь; звезды отрадной
Нет в тверди; бледная луна
Ненастной мглой поглощена;
Шумят потоки дождевые
И шепчут что-то, как живые,
И под шатром седых небес
Сквозь сон им отвечает лес.

Шагает в темноте глубокой
По стежке путник одинокий:
Скользка та стежка, словно лед,
Здесь пни, тут кочки; но вперед
Всё дале, дале в бор безбрежный
Он продолжает путь прилежный,
Не устает и смотрит — глядь!
Что там сверкнуло и опять
Погасло? — Глаже и ровнее
Тропинка; странник стал бодрее,
Идет проворней. Снова свет!
Огонь ли то болотный? Нет,
Не так блестит огонь болотный.
Тут жило: пес же приворотный

41 35.

Юрий и Ксения
(напис. в [illegible])

вступление

Не Ахиллесов гнев и не падение Трои,
Игры, — душевную тоску; — так первый Илиады
Когда-то говорил, и [illegible] Карамзин
Внимали русские герои.
Прошли [illegible], как дорогой [illegible]
И много дней прошло! а [illegible]
[illegible] был [illegible] Екатериной!
[illegible] в [illegible] законы племенам
[illegible] рукой единой
[illegible] к [illegible]
С [illegible], с [illegible]
[illegible], любила, [illegible]
[illegible] и их [illegible],
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] вопрос, [illegible]? —
— Но вам [illegible], но [illegible]
С [illegible] не только [illegible]
Но [illegible], но в [illegible]!
[illegible]!
[illegible]
[illegible]! — [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]; [illegible] дни;
Когда и мы не видали печали
Когда [illegible]
[illegible] без бури протекали

Песнь 1.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

А. С. Пушкину.
(С 32-го на 33-й год)

[illegible]
[illegible]
Не стукнул [illegible] одинокий.
[illegible], [illegible],
[illegible]; [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]... [illegible]
[illegible]... [illegible]
Не так [illegible]:
[illegible]
[illegible]... [illegible]...
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
А [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Она [illegible]:
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
2.
„[illegible]!
[illegible] —
[illegible]
[illegible]:
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Залаял... Вот и ветхий кров...
И вышел изо тьмы дубов
И стукнул путник в дверь избушки;
И чу! не голос ли старушки,
Не песнь ли бабушки лесной?
А та старушка под луной
Всё знает, всё, что есть и было;
И ветр завоет ли уныло,
Гром зарокочет ли — она,
Призывом их пробуждена,
Встает и ловит их вещанья
И слышит из их уст деянья,
Событья нерожденных лет,
И принуждает дать ответ
Волшебной силой слов чудесных
Духóв земных и поднебесных.
Стоит пришелец у дверей;
Она поет, он внемлет ей:

«Светлый месяц не блещет,
В тучах, батюшка, спит;
Крупный дождичек хлещет,
Непогодка гудит;
Сыр-бор гнется и воет...
Сердце вещее ноет:
С вещим ведут разговор
Ветер и дождик и бор.

Сыр-бор, мати дуброва!
Что ты, мати, шумишь?
Ох! шумишь и три слова,
Три словечка твердишь:
«Быть, — твердишь ты, — разлуке,
Быть кручине и муке!»
Что же сулишь под конец?
Слушаю — слышу: «Венец!»

Дождик, дождичек крупный!
Что ты, сударь, стучишь?
Стук и стук, неотступный!
Три словечка твердишь:

«Быть, — твердишь ты, — веселью,
А с веселья да и в келью!»
Что же, скажи, под конец?
Слушаю — слышу: «Чернец!»

Ветер буйный и шумный!
Что, родимый, кричишь?
Рвешься, будто безумный,
Три словечка твердишь:
Слово первое: «Пойте!»
А другое: «Заройте!»
Третье-то слово, отец?
Слушаю — слышу: „Мертвец!“»

И песню кончила старушка,
И отворилася избушка,
И статный мо́лодец вошел.
Там чудно: посреди котел,
В нем пенится, кипит и бродит;
А черный кот, мурлыча, ходит
Кругом кипящего котла,
А на коте, как снег бела,
Воркуя, крыльями махая,
Голубка едет молодая.
Оттуда ж, где бы быть должны,
Лампадкою освещены,
Угодников господних лики,
Несутся хохот, визг и крики,
И, длинным саваном покрыт,
Высокий остов тут стоит,
И что ж? под лад коту и птице,
Смеясь, играет на скрыпице.
Огромный сыч в другом углу;
Темно и душно, да сквозь мглу
Глаза сыча горят, как плошки:
Он под мяукание кошки,
Под скрып и свист, под шум и вой
Кивает толстой головой,
Дрожит и хлопает глазами.
Старуха с бородой, с усами;
Простоголова и боса,

Она седые волоса
По самый пояс распустила:
Их тайная взвевает сила;
Хрустит беспрерывный треск
И пробегает белый блеск
По вылитой вкруг желтой шеи
Реке волос живых, как змеи.

Пришлец — удалый славянин:
Ему не страшен злой мордвин,
Ни берендей, наездник хищный,
Ни тот разбойник безжилищный,
Тот не монашеский клобук,
Который любит гром и стук
Ковшов и копий, а за плату
Всем служит — и врагу и брату;
Пришлец к любому сопостату
Готов лететь на смертный спор, —
Но тут смельчак, как бросил взор,
Чуть не прыгнул назад на двор.
А кто он? — Доблестный воитель,
Любимец князя. Повелитель
Приволжской Руси, Ярослав,
Его, средь сверстников избрав,
Осыпал и сребром и златом
И не слугой зовет, а братом.
Чего ж он ищет здесь? чего
Недостает душе его?

Гремела брань над волжским брегом:
Кровавым, мстительным набегом
Был утесняем Ярослав;
Родство забвению предав,
Пошли под Тверь из Новаграда
Свободы дерзостные чада;
Подъемля пламенник и меч,
Нахлынули, грозили сжечь
Соседа юную столицу.
Князь Ярослав простер десницу,
Извлек сверкающий булат
И у Тверских дрожащих врат
Их встретил с верною дружиной.

И разразилось над равниной:
Лилася долго кровь славян,
Вился над ними жадный вран,
И клект орла был слышен дикий,
И звал он птиц на пир великий.
Уже приволховская рать
Полки тверитян стала гнать;
Да князь сказал: «Костьми здесь лягу,
А им не уступлю ни шагу», —
И стал. Разливом грозных сил
Посадник князя окружил:
Князь пал бы; вдруг увидел Юрий,
Собрал друзей, напором бури
Нагрянул, смял толпу врагов
И государя спас. — С холмов
Крутых, прибрежных оглянулись
Бежавшие и обернулись
И снова ринулися в бой.
Тогда шатнулся полк псковско́й,
Смешалась вольница лихая,
Онежцы дрогли; горсть чужая,
Варяжская, еще стоит;
Но свист: стрела! их вождь убит,
И — ко щиту примкнула щит,
Назад не обратила тыла,
А с поля горстка отступила.
Своих злодеев разогнав,
Пал на колена Ярослав
И го́спода вознес хвалою,
Поднялся и вещал герою:
«Спасеньем божией судьбе
Я, друг, обязан — и тебе.
И ныне, — нет! не воздаянье, —
Но чтоб о том воспоминанье
В твое потомство перешло,
Я Едимоново село
Тебе в наследие дарую».
И здесь-то, где Тверцу живую
В объятья Волга приняла,
Краса и честь всего села,
Как ландыш, Ксения цвела.
Отец ее старик был честный,

Да темный; в стороне окрестной
Был славен дочерью своей
Простой церковник Елисей,
И — только. В хижине убогой
С заботой нежною, но строгой
Он милое дитя свое
Взрастил, в<з>лелеял — для нее
Дышал и жил. — Он не порочил
Богатых, знатных, только прочил
Ее за ровню жениха,
И пуще всякого греха
Старик разумный и смиренный
Боялся спеси ослепленной.
А дочь? — Она, моя душа,
Добра, невинна, хороша,
Да дело девичье: с уборов
Не отвратит, наморщась, взоров,
И любо ей в кругу подруг
Завесть беседу про жемчуг,
Про шелк, про ткани дорогие,
В каких красотки городские
В храмовый праздник и в Семик
В село приходят, чтобы лик
Почтить угодника святого
Или с пригорка лугового
Взглянуть на сельский хоровод.
Их, чванных, сравнивал народ
С малюткой дяди Елисея
И, барышень хулить не смея,
Всё ж находил, что и при них
Она не посрамит своих,
Что ей казаться в люди можно;
А молодежь неосторожно
Подчас и прямо молвит: «Нет!
Цветет она, как маков цвет. . .
Те, правда, чопорны, жеманны,
Дородны, белы и румяны,
Да что в них?» — Боле всех хвалил
Малютку молодой Ермил;
Всех чаще резвую ловил
Над речкой под вечер в горелках;
Всех чаще был на посиделках,

Где знал, что будет; а речей
Людских послушать: мил и ей
Молодчик статный, чернобровый.

Но вот приехал барин новый:
Ее увидел средь подруг
И — вздрогнул, очарован вдруг,
И на щеках его прекрасных
Вспылал огонь, и взоров ясных
Уж свесть с нее не в силах он;
Не в снедь и снедь, и сон не в сон!
Он для девицы светлоокой
Забыл всё в мире: сан высокий,
И двор, и город, и войну,
И милость князя, и — княжну.
А ведь княжну обворожила
Неодолимой страсти сила
И молодечество его.
Болтают: «Будет торжество!
Увидим стол и столованье,
Поднимут пир и пированье,
В Твери польется мед рекой:
Быть Ольге Юрия женой».
И лести ж не было опасной
В улыбке светлой и согласной,
С какой смотрел князь Ярослав,
Княжну-сестру врасплох поймав,
Когда, бывало, в грусти сладкой
Она на Юрия украдкой
Глядит — и вдруг уйдет, горя
Живым румянцем, как заря.
Тогда и Юрий умиленный
Еще берег, как дар бесценный,
Все знаки, что к нему княжна
И благосклонна и нежна.
Супругом быть такой супруги
Ему казалось за заслуги
Наградой выше всех заслуг...
И что же? всё забыто вдруг:
Он ныне увлечен судьбою,
Он дышит Ксенией одною;
Ему награда стала в казнь,

Надежда — в ужас и боязнь.
Что будет с ними? ведь Ермила,
Кажись, малютка полюбила,
Ему дала в любви обет,
Не на словах конечно, — нет!
А вздохом девственным и скромным,
А взором влажным, взором томным,
Тем взором, языком страстей,
Что самых страстных слов сильней...
И ей ли быть теперь неверной?
Его ли горести безмерной,
Тщеславьем грешным прельщена,
Отчаянью предаст она?
Кто без весла и без кормила,
Без путеводного светила
В открытый выйдет океан,
Хотя б и не парил туман
По лживой, зёркальной равнине,
И ветер по немой пучине
Не мчался, самая лазурь
Не предвещала гроз и бурь, —
Но пусть же ждет от злобы моря
Смельчак несчастный бед и горя;
И пусть и тот страданий ждет,
Кто слепо сердце отдает
Красавице, которой взгляды
С восторгом смотрят на наряды,
На блеск и мишуру. — «Дитя!»
И точно! а резвясь, шутя,
Играючи, дитя погубит
Того безумца, кто полюбит
Не в шутку, пламенно ее,
Кто посвятит ей бытие.
Вот так-то и она сначала
Не с прежней тихой лаской стала
Приветам друга отвечать;
Потом уж стала убегать
С ним радостной когда-то встречи...
Меж тем пошли людские речи:
Насмешливый, ревнивый глаз
За ней, за Юрием не раз
Следил тайком. Доходят слухи

И до отца; сошлись старухи
И говорят ему: «Сосед!
Ты нынче стар и дряхл и сед,
И плохо видишь; мы не скажем
Дурного слова, лишь укажем
На сокола. — Сокóл богат,
Хорош, пригож и тороват;
Да только пташечке ничтожной,
Неопытной, неосторожной,
Водиться худо с соколóм».
Такие вести словно гром
Отца сразили: он трепещет,
Слеза в седых ресницах блещет,
Лицо рукой закрыл старик
И белой головой поник;
Встает, и всем поклон смиренный,
И вышел, скорбный и смущенный.
А в эту пору у окна,
В мечтания погружена,
Сидела Ксения; рукою,
Подобной снегу белизною,
Головку, светик, подперла;
С ее прекрасного чела
Волнами кудри золотые
Лились на перси молодые;
Глядели очи голубые
(Сдавалось так) не без тоски
На бег излучистой реки,
И ножкой душенька небрежной,
Разутой, розовой и нежной
Домашнего трепала пса...
(Людей недобрых пес гроза,
Зверей лесных противник смелый;
Сама она рукою белой
Привыкла верного кормить.)
Отец вошел и прервал нить
Ее раздумия немого;
И встала девица, родного
Встречает с лаской, как всегда,
Но он для знаменья креста,
Чтобы ей дать благословенье,
Руки не поднял: выраженье

Его лица являет гнев;
Он отступил и, посмотрев
На Ксению суровым взором,
Ей молвил с горестным укором:
«Ужель еще ты дочь моя?
Молчи! молчи... Тобою я
Забавой, притчей стал соседства...
Зачем мне до такого бедства
Дожить судил господь мой бог?
Сломил моей гордыни рог,
Меня унизил вседержитель!
Так! ныне грешный твой родитель
Достиг семидесяти лет,
А говорит: почто на свет
Взираю скорбными очами?
Я плакал над пятью сынами,
Рыдал над матерью твоей,
Да не роптал: душе моей
Ты заменяла их; тобою
Я жил, дышал тобой одною...
И что ж? — увы мне! — сводишь ты
В жилище вечной темноты
Главу мою седую с срамом!
Ты клятву вспомни, что над Хамом
Изрек разгневанный отец:
Той тяжкой клятве внял творец,
Он ухо и к моей преклонит».
Как затрепещет, как застонет,
Как зарыдает тут старик!
Страдальца ужас вдруг проник,
Когда себе представил ясно,
Что вымолвил. — Дрожа, безгласно,
Как смерть бледна, стояла дочь;
Вдруг очи ей покрыла ночь:
Добыча страха и страданья,
Она упала без дыханья.
«Дитя мое! дитя мое!» —
Старик завóпил и ее
С помоста поднял; но, лишь снова
Глаза открыла, ей ни слова
Не говоря, снимает он
С гвоздя свой лучший балахон,

Надел — и кушаком камчатым
Опоясáл и, с сердцем, сжатым
Стыдом, кручиной и тоской,
Выходит на берег крутой,
Отколе терем возвышенный,
Дубовым тыном окруженный,
Глядится в светлую Тверцу.
«Как знать? он старику отцу
И явит, может, состраданье
И не предаст на поруганье
Того, кто низок и убог,
Но за кого заступник — бог!» —
Подумал старец огорченный
И входит в терем возвышенный.

Младой боярин Юрий там
Дает богатый пир друзьям:
Их много за столом накрытым,
Сидят — и за обедом сытым
Похваливают мед его;
И речь зашла про сватовство,
И с смехом молвил Глеб дебелый,
Лихой наездник, ратник смелый,
Но жесткий, как его булат:
«Послушай, Юрий! в битве хват,
А что в любви — ты трусоват;
Вот мешкать! — Пусть другого, брат,
Да ведь тебя князь не обидит;
Он только то и спит и видит,
Чтоб вышла за тебя сестра.
Сестра же... сжалься, друг: пора!
Бедняжка по тебе вздыхает,
Горюет, плачет, сохнет, тает!»
Смеются гости. У дверей
Вдруг показался Елисей;
И продолжает Глеб: «Ужели
Тебе еще не надоели
Твои красотки? — Не шали!
Смотри, чтоб слухи не дошли
До суженой твоей ревнивой».
И снова хохот. Молчаливый
Хозяин на иглáх сидит;

В дверях церковник, как убит,
Тяжелой грустию тягчимый,
Стоит немой и недвижимый.
«Добро пожаловать, отец! —
Боярин молвил наконец. —
Эй, кубок!» — и перед друзьями
Своими белыми руками
Подносит кубок старику;
Но, ах! зальет ли мед тоску?
Смягчат ли честь и пированье
Растерзанной души страданье?

Разъехались: и вот они,
И витязь и старик, одни.
Церковник начал: «Благодарен
За ласковый прием, боярин!
Ты милостив, ты не спесив;
Надеюсь, будешь терпелив,
Не вспыхнешь. — Человек я хилый,
Изволишь видеть; над могилой,
Готовой для меня, стою:
Щади, помилуй дочь мою!
Служитель я господня храма:
Ты в землю дай мне лечь без срама!»
И прервал Юрий старца речь:
«Пусть сердце мне пронзит мой меч
Пусть мне не будет во спасенье
Ни кровь Христа, ни искупленье,
Когда, бесчувственный злодей,
Бесславьем дочери твоей
Тебя, старик, убить намерен!
Клянусь (и будь, отец, уверен:
Нет клятвы для меня святей), —
Чрез три́ дня я женюсь на ней!»
Про князя помянул церковник,
Про Ольгу; пламенный любовник
Все возраженья отстранил:
Он государю точно мил;
Да верить можно ли известью,
Чтобы его взыскали честью,
Которая так велика,
Что даже мысль о ней дерзка?

Не лицемер младой боярин:
Он честен, прям и не коварен,
Да ослеплен огнем своим.
Когда ж старик расстался с ним,
Он вновь, унынием тягчим,
Он всё то весит, всё то мерит,
Чему и верит и не верит,
Что вздором назвал бы иной,
Но что загадочной игрой
И чувств и мыслей, сколь ни мало,
Терзать его, как пыткой, стало:
«Согласье даст ли Ярослав
На этот брак? во всем ли прав
Я перед юною княжною?»
Так, мучим страхом и тоскою,
В уединенном терему
Он размышляет. Вот ему
Как будто шепотом сказали:
«Встань! пользы нет в пустой печали.
В дубраву! труд ведь не большой:
В дубраву, к бабушке лесной!
Она беде твоей поможет.
Чего боишься? грех тревожит?
Никто не прожил не греша:
Не пропадет же вдруг душа».
Шептал ли то ему лукавый?
Да вот он уж в глуши дубравы,
И вот уж в хижине лесной,
И ведьму видит пред собой.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Герой, добыча удивленья,
На всё, что видел, без движенья,
Хотя и мужествен и смел,
Объятый ужасом, смотрел.
Промолвить напоследок хочет,
Но бабушка как захохочет,
Как взвизгнет ведьма, — замер дух;
А та спросила: «Нас, старух,
Неужто трусишь, храбрый воин?

Чего боишься? будь спокоен:
Не сотворю я зла тебе.
Пришел ты о своей судьбе
Наведаться... Не так ли? — Знаю!
Я даже мысли все читаю
В душе твоей. — Присядь, сынок,
На — кубок! выпей: уж медок!
Не брезгай нашей хлеба-соли...
Не хочешь? уморился, что ли?
Ну, как угодно! отдохни,
Усни часочек». — «Да! усни! —
Подумал Юрий, — тут до сна ли?»
Однако сел, и вдруг пропали
И кот и филин и мертвец,
И, ободряся, молодец
Сказал: «Есть не дает кручина.
Открой, какая мне судьбина
Назначена?» — Она в ответ:
«Стоял ты у дверей, мой свет,
И заперта была избушка,
А пела про тебя старушка...
Ты песню слышал ли мою?
Не слышал? раз еще спою».
— «Ты пела, — отвечает Юрий, —
Под стон лесов, под вопли бури;
Но что ты пела, — слышал я,
Да песня мудрена твоя».
И просит бабушку лесную:
«Пропой мне песенку другую!
Тебя, старушку, награжу;
Привезть — и завтра ж — прикажу
Сюда всё, в чем тебе потреба:
Холста и живностей и хлеба,
Зерна и меду и вина».

— «Спасибо! — прервала она. —
Своим попам сули подарки:
Я не без брашна, не без чарки
Вина и меду; мой запас
Не истощится, как у вас.
Бог христиан — властитель строгий,
Но ласков Велес козлоногий

И щедр прекрасный Световид.
Не спорю: много нам обид,
И мало нас осталось ныне,
Их верных слуг, и те в пустыне,
В сухих степях, в глухих лесах,
И нам защита только страх
В тех дебрях и борах, где бродим;
Да страх же на народ наводим
Наукой дедов и отцов,
Неведомой для вас, слепцов!
Чудна наука! ей вовеки
Вас не научат ваши греки;
На зов волшебных наших струн,
На наши песни сам Перун
В громах и молниях слетает.
От вас же взор он отвращает:
Он ваша кара, а не щит
С тех пор, как лик его разбит,
Как нет у вас ни жертв, ни тризны,
Как перестал к богам отчизны
В дубравах славянин взывать
И повелел волнам предать
Владимир истуканы ваши;
С тех пор на вас из полной чаши
Уж не прольет своих даров
Златая Баба, мать богов.
А мы — ее жрецы и жрицы:
И хлебом нас питают птицы,
И варят нам березы квас;
Медведь находит сот для нас
И сам несет под нашу кровлю;
Для нас выходит волк на ловлю,
И, хитрый ткач, хотя без рук,
Полотна наши ткет паук...
Своим попам сули подарки:
Я не без брашна, не без чарки
Вина и меду; так спою.
Поймешь ли песенку мою?

Рассердился медведь да на пахаря;
Говорит мужичок: «Спрошу знахаря».
«Всё ли здравствуешь, свет, знахарь-дедушка?

Присоветуй совет мне, соседушка!
Ох! медвежья боюсь зову зычного:
Зверь не съел бы меня горемычного!»
Как промолвится тут знахарь-дедушка:
«Не сердитого бойся, соседушка!
От сердитого, брат, ведь же спрячешься;
А как ласков медведь — уж наплачешься!»

Так ведьма пела, и уныло
В сыром бору ненастье выло;
Качал в раздумьи головой
И слушал витязь песнь и вой.
С усмешкою невыразимой
Взглянула ведьма: «Что ж, родимый?
Ты песню понял ли мою?
Не понял? — Ну! еще спою:

Раздался звон:
Она и он
Спешат во храм;
По их следам
Народ шумит,
Народ бежит.
Все хвалят их:
«Хорош жених,
Хорош, пригож,
Невеста тож».
В толпе людей
Кто им злодей?
Одна беда:
Им ждать вреда,
Бояться зла
От сокола́.

Конь с седоком
За соколо́м
Несется вдаль,
Несет печаль.
Не виноват
Ни брат, ни сват;
Не злой сосед
Причиной бед;

Тут нет проказ
От вражьих глаз...
Тут та беда,
Что ждать вреда,
Что ждать им зла
От сокола́!

Соко́л-пострел!
Зачем ты сел
На светлый шест,
На самый крест?
Лукав и зол
Пострел сокол:
Вот молодца
Из-под венца
Прогнал же вор
В дремучий бор!
От сокола
Ждать было зла,
Ждать было зла
От сокола!»

И кончила. — «Меня морочишь
Или мне впрямь беду пророчишь? —
Так говорит ей молодец. —
Поведай ясно наконец:
Могу ли ждать в любви успеха?
Поведай: будет ли помеха
От князя счастью моему?»
— «От князя? — Поезжай к нему:
Не скажет князь худого слова!
В Твери-то княжич из Ростова:
Ростовский князь богат, силен,
Тверской расчетлив и смышлен;
Княжна-сестрица? — ххмм! услышит,
Что милый, кем живет и дышит,
Что друг другую полюбил,
И соберет остаток сил,
И распрощается с любовью,
И руку, обливаясь кровью,
Отдаст немилому. — Ты рад?
Послушай: раз нашла я клад;

Ты бы запрыгал? Я — нисколько;
Нет, заступ я взяла и только
Сказала: «Клад своим добром
Считать я стану под замком;
В пути бы не отбили воры!
Да и подземных стражей взоры
Остры, и велика их власть:
Их обмануть, их обокрасть
Совсем не шуточное дело».
Ты к князю можешь ехать смело;
Гроза, однако, не прошла;
Ведь пела ж я про сокола́:
Соко́л лукав, соко́л коварен;
Той песни не забудь, боярин!»
Ее угроз последних он
Уж не слыхал, а встал: поклон,
И вышел опрометью вон.

Сбылись старушки предвещанья, -
Сбылись любовника желанья.
В Тверские Юрий ворота
Въезжает: стук и теснота
С ним встретились у входа;
Глядит — кипит толпа народа,
И слышит — молвил брату брат:
«Наш светлый гость — сказать, что хват!
Он сам и слуги все лихие».
— «А что? — спросили тут другие, —
Уж верно не по пустякам
Пожаловать изволил к нам?
Поход куда-нибудь? . .» — «Пустое!
Войны не будет: всё в покое.
Вот разве свадьба». — «Да жених?»
— «Жених». — И разговор утих,
Взвилася песнь, раздался топот,
В толпе глухой несется шепот:
Сияя в злате, как в огне,
Промчался Юрий на коне
И вот у терема княжого
Спрыгну́л с коня и ретивого
К стальному привязал кольцу,
И, медля, всходит по крыльцу.

Встречают гостя не без чести:
Не сам ли вышел князь при вести,
Что прибыл витязь, на крыльцо?
Да вот: и ласково лицо,
А что-то князя ведь тревожит;
Иной сказал бы: князь не может
На друга, не смутясь, взглянуть.
Заметил Юрий — что ж? ничуть
Он не смешался: знать, заметил,
Чего желал; он бодр, он светел.
Но вот вступает во дворец:
Тут выдержит ли молодец?
Там Ольга, бледная, немая,
Сидит — и, словно неживая,
Роняет, кроясь от подруг,
Жемчу́г на тот другой жемчуг,
Который по зеленой фо́льге,
Тоскуя, нижет. Входят к Ольге,
И Ольга задрожала вдруг:
Пред нею милый, милый друг,
Предмет всех дум, предмет печали,
Он, с кем расстаться приказали!
Вся вспыхла; но чудесна власть,
Красавицы! с какою страсть,
С какою радость и мученья
Таите! — вот еще моленья
Обычного не кончил он,
Еще не свел очей с икон, —
Не боле одного мгновенья, —
И след исчез ее смятенья,
Потух румянец, и она
Грустна, как прежде, а важна,
И на его поклон глубокий
Кивнула головой высокой,
Почти надменно; был ответ
На трепетный его привет
Спокоен, хладен. Но чего бы
Тут не нашли глаза и злобы,
То он нашел; он стал, глядит —
И видит: вырван и убит,
Растоптан цвет души прекрасной!
Недвижим витязь; он, безгласный.

Смущенный потупляет взор:
Его пронзил живой укор;
Он думает: «Увы! когда бы
Всё, всё ты знала!» —
Сколь мы слабы!
То идолу готовы несть
На жертву жалость, долг и честь,
То таем вдруг от сострaданья.
Достигли мы меты желанья,
И что же? — Счастие нашли?
Как прежде, счастие вдали
И прежней манит нас улыбкой;
Не вразумились мы ошибкой
И, средь неверной, лживой тьмы,
Вновь за мечтой стремимся мы.

Противных, бурных дум волненье
В душе героя; их теченье,
За ним в молчаньи наблюдав,
Незапно прервал Ярослав:
«Нас любишь, Юрий; наше счастье
Ведь встретит же в тебе участье:
Итак, поздравь нас!» — «С чем?» — «Княжна
Выходит замуж». — Тут, бледна
Как полотно, она трепещет,
На брата взгляд угасший мещет
И — поспешила в терем свой.
«Оставить грустно край родной, —
Так продолжает князь. — Бедняжка!
Но вечно ли сидит и пташка
У милой матки под крылом.
Расстаться должно же с гнездом
Отеческим, чтоб в новом месте
Другое свить, — свое! Невесте
Подумать о своей судьбе,
Вестимо, страшно; всё ж тебе
Ручаюсь, как княгиней будет,
Нас позабыть — не позабудет,
А уж не станет всякий час
С слезами вспоминать о нас.
К тому ж далёко ль до Ростова?
Не край земли. — Еще два слова:

Пример обоим нам сестра;
Остепениться нам пора,
Покинуть вольность удалую,
Хозяйку выбрать молодую
Пора и нам бы. — Мне своя
Княжна Прасковья, — жаль! а я
Ее бы взял: умна, богата,
Наследница отца и брата;
Довольно всякого добра:
И золота, и серебра,
И вотчин у нее немало...
Послушай, что на ум мне вспало,
Подумай и решись: я сват;
Тебя прославил твой булат,
Ты храбр, хорош, — княжна Прасковья...»
— «Нет, князь! — дай бог тебе здоровья!
Слугою я рожден, и мне
Нейдет и думать о княжне.
Своим достатком я доволен
И молвлю: я уже не волен.
Не гневайся, — перед тобой
Винюся, повелитель мой:
Я обручен». — «Помилуй! Что ты?
Достало ж у тебя охоты
Скрываться! — руку друга сжав,
Смеясь, воскликнул Ярослав. —
Ну, в добрый час: господь с тобою!
Проказник! рад я всей душою,
И Ольге поспешу принесть
Такую радостную весть».
Так отвечал не без искусства,
Но с лаской князь. — Какие чувства
Бороли Юрья между тем?
Стоял он, поражен и нем,
Перед княжим лукавым взором;
С досадой стыд, любовь с укором,
С восторгом мука и печаль
Сражались в нем: то Ольги жаль, —
Он бедную над бездной видит,
Клянет себя и ненавидит
И презирает за нее;
То опостыло бытие

Без Ксении, — без девы милой
Желает он быть взят могилой;
То князя осуждает: «Сам
Когда-то льстил моим мечтам,
Взрастил, взлелеял их — и что же?
Теперь, теперь — великий боже! —
Забыл и продает княжну!»
Свалить на князя всю вину
Страдалец силится; напрасно!
«Ты рад предлогу! — слышит ясно
Из глуби сердца своего. —
Пенять тебе ли на него?»
Другое горе: Ярославу
Не будет ли в игру, забаву,
В посмешище его любовь?
Заране в нем бунтует кровь...
Но одолел себя любовник
И говорит: «Простой церковник,
Старик смиренный Елисей
Родитель суженой моей».
И, хладным вооружась отпором,
С насмешливым, веселым взором
Он бодро встретиться готов...
Ошибся: князь без колких слов
И с видом ласковым, но важным,
Без смеха, голосом протяжным
Промолвил: «Юрий! ты мне брат,
На ком бы ни был ты женат».

Был вечер. — Солнце догорало,
Погасло; пламенно и ало
Пылало небо; вод зерцало
Его отливы отражало;
Последний блеск лучей дневных
Златил верхи дерев седых.
В мечтаньях смутных и немых,
По скату берега крутого,
Узду покинув ретивого,
Боярин ехал из Твери.
Потух последний след зари
На тучах смеркнувшей лазури;
Спустился в дол со ската Юрий.

Под лесом разделился путь:
Налево только повернуть —
И витязь прибыл бы в свой терем;
И что же? (Случай ли? не верим:
Всё здесь под властью мудрых сил.)
Направо конь поворотил:
Давно коню стезя знакома
Туда, где ожидают дома
Покой и сено и овес,
Да седока он в *скит* понес.
Там жил отшельник: в мире телом,
Но, дум и чувств в полете смелом,
Душой заране в небесах,
Он в размышленьях и трудах,
В молитвах, испытаньях строгих
Остаток дней благих и многих
Единому владыке сил
В уединеньи посвятил;
И пребывал с ним вседержитель:
Скорбей иного исцелитель,
Иному же на небо вождь
Был мудрый старец; будто дождь
Поля сухие, жизни словом
Он всех поил, — и в граде новом
И по окрестности молва
Разносит мощные слова
И праведные предсказанья
И дивные его деянья.
К нему-то был ведом судьбой
В ту ночь боярин молодой.
От дум и легких и тяжелых
И то унылых, то веселых
На полпути очнулся он:
Вернуться ли? но клонит сон,
Но конь устал; к тому ж и мраком
Покрыта будущность: пред браком
От старца — с ним же благодать —
Благословенье бы приять!
И дале от Тверцы сребристой,
Закрытой высотой лесистой,
А долго слышной, в бор глухой
Он мчится тою же тропой.

Всё смолкло; самый конь не пышет,
Кругом одно молчанье дышит, —
И вот над краем тишины
Прорезал тучи рог луны,
И, осребрен луны лучами,
Белеет крест между древами.
Чтоб соскочить с седла, герой
Оперся об луку рукой,
Хотел привстать — и в то же время
Увидел: держит кто-то стремя.
Он смотрит: перед ним Ермил.
«Ты что здесь?» — витязь вопросил.
— «Боярин, — был ответ, — печали
И на мою же долю пали.
Страдал я, — было изнемог:
Здесь укрепил меня мой бог...
Но слушать скорбь мою тебе ли?
И мне ж уведомить велели,
Что ожидают». — «Как? меня?
(И Юрий вдруг спрыгну́л с коня.)
Не ведал сам я, что сегодня
Мне быть в дому раба господня,
А старец знает!» — В тот же миг
Он прага хижины достиг;
Ермил же привязал ко древу
Коня того, кто отнял деву,
Кто взял полжизни у него;
Из глуби сердца своего
Вздохнул, пошел и в весь родную
Понес тоску свою немую.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ

Пора мне обратиться к вам,
Красавицы! — не вы ль певцам
Даете жар и вдохновенье?
И не рекло ли провиденье:
«До окончания веков
Поэтов, сладостных послов
Из мира красоты нетленной,
Союз бессмертный и священный
Да свяжет с красотой земной!»

И, заповеди вняв святой,
Певцы, касаясь арф согласных,
Улыбки жаждут уст прекрасных.
Из-под волшебных, мощных рук
Исторгнется ли дивный звук,
Дающий тело и дыханье
Всему, что зиждет дарованье, —
Скажите: чье они вниманье,
Сквозь тонкую завесу мглы
Хотят увидеть? — Чьи хвалы
Блаженство их, когда их струны
Бросают в мрак времен перуны,
Когда их дух, отваги полн,
Ныряет в бездну светлых волн,
В безбрежный океан видений,
И машет, гость из рая, гений
Широким, радужным крылом
Над их сияющим челом?
Не ваши ли рукоплесканья
И мне прельстители — мечтанья
Вливали в алчный слух подчас?
Очами духа зрел я вас
И скорбь позабывал земную,
Восторга пил струю златую,
И чудотворный ток огня
Небесного живил меня;
Шептал я: «Дева лет грядущих
Под сению сирен цветущих,
При тихом лепете ручья,
При стоне томном соловья,
На длань приникнет головою,
Прочтет рассказ мой и — слезою,
Росой лазоревых очей,
Почтит отзы́в души моей,
Уже спокойной и блаженной,
Но из Эдема привлеченной
К душе ей близкой!» — О мечта!
И сладкие твои уста
Коварного полны обмана?
И, как созданье из тумана,
Подобье замка, легкий пар
Не стерпит, тает, если жар

Прольется с тверди раскаленной, —
Так песнь моя исчезнет? — Пусть!
Я всё ж был счастлив: боль и грусть
Стихи от сердца отгоняли,
И отлетали все печали,
Когда, бывало, горних дев,
Цариц гармонии, напев
Ловлю я упоенным ухом
И, уносясь за ними духом
В страну священной старины,
За жизнь и мир приемлю сны!
Не им ли я и ныне внемлю?
Чудесный сходит гул на землю:
Картину древности седой
Мой гений пишет предо мной.

Из-за дубравы восходило
Дневное, пышное светило;
Вспылал, как жар, Тверцы кристалл, —
«Домой боярин прискакал
К невесте?» — Нет, не отгадали:
Под тайным бременем печали
Он мимо окон доро́го́й
К холму поехал в терем свой...
Боярский терем — тес и камень,
А ведь и он, одетый в пламень,
В багрец и злато, светел, ал,
Боярыни, казалось, ждал.
Живит веселье сердце скал,
Холмы, луга, равнину, воду, —
Роскошный пир на всю природу;
Ликуют дол и высь небес;
Всё, даже и осенний лес
Смеется в пурпурном уборе;
Всё радостно во всем обзоре, —
Всего не он ли властелин?
Зачем же мрачен он один?
Но вот невесте шлет подарки:
Тут ткани, драгоценны, ярки,
Великолепны; тут жемчу́г, —
Из прежних молодых подруг
Счастливой Ксении какая,

На нитки крупные взирая,
Дерзнет сказать: «Жемчу́г такой
Видала я». — Жених рукой
Не скудной, прямо тороватой
Прислал невесте дар богатый,
Богат-то дар, да для чего
Нет с даром самого его?

А что невеста? — Что с ней было
С поры, как, тихо и уныло
На полживую посмотрев,
Отец смирил свой правый гнев,
В слезах, в тоске ее оставил
И в дом боярский путь направил?
Поражена, оглушена,
Немая, бледная, — она
Себя не помнила сначала:
Ни чувств ни дум не обретала
В душе растерзанной; потом...
Как в летний зной незапно гром
За душной, грозной тишиною
Стоустной заревет трубою,
Вослед удару вновь удар,
По тверди запылал пожар,
Дождь бесконечный льет ручьями, —
Так дева залилась слезами;
Но в них и ожила она,
Но ими-то и спасена:
Роса надежды — плач печали;
Где вздохи сердце всколебали,
Там уж отчаяния нет;
Сиянье слез — зари привет,
Луч первый вставшего светила
Того, чьи пламенные крила
Свевают с тверди хлад и мрак.
Как по грозе смоченный мак
Головку робкую подъемлет
И шепоту зефира внемлет,
Так, порыдав, на небеса
Взвела и девица-краса
От влаги блещущие взоры
И вслушалася в разговоры

Туги сердечной... Да о чем?
Когда впервые мы найдем,
Что мир обманщик, — грусть младая,
Лелея вместе и терзая,
Нас будто манит в рощи рая,
Но к миру тайную любовь
Не грусть ли в нас вдыхает вновь?
Ведь же, прощаясь с братом милым,
Мы взором нежным и унылым
Сквозь слезы смотрим на него;
Пусть до мгновения того
И были ссоры меж друзьями,
Мы их не помним: перед нами
Он, — и расстаться мы должны!
Мечтает дева: «Где вы, сны
Неверные? — взвились толпою...
Мне под доскою гробовою,
В объятиях земли сырой
Найти отраду и покой;
Искать их прежде — труд напрасный!
А был же люб мне мир твой красный,
Мой господи!» — И вот опять
Малютка плакать и рыдать.
Пришел старик: он сел без пени,
Без укоризны. На колени
Она упала перед ним:
«Итак, с проклятием твоим
Твое дитя в могилу ляжет!»
И вся дрожит и ждет, *что* скажет...
Он дланью вдоль ее ланит
Повел, их óттер, говорит:
«Всегда ли, Ксения, с устами
Согласно сердце? Я словами
Жестокими тебя сразил;
Но у меня ли станет сил
Тебя проклясть?» — Всё каплют слезы,
Да уж на щечках снова розы:
Страшливой нежности полна,
Его лобзает грудь она,
Лобзает и плечо и руки.
Сдавалось, минул срок разлуки,
Сдавалось, с долгого пути,

С опасного, в свой дом придти
Ему судило провиденье...
И вот, окончив поученье,
«Дочь, — он сказал, — благодаренье,
Хвала небесному отцу! —
Нет, не к могиле, а к венцу
Готовься!» — Что же? грудь трепещет?
В очах перун восторга блещет?
Пирует сердце? — Нет? — Ужель?
Достигнута желаний цель,
Мета надежды дерзновенной:
Так может ли в груди блаженной
Еще остаться тайный стон?
О чем теперь, скажите, он?
Падет ли с моря к корню леса
На берег влажная завеса,
Пусть белым паром дол заткан,
Всё ж лес чернеет сквозь туман.
Так и родитель сквозь обман,
Сквозь кров блестящий, но прозрачный
Ее улыбки тучи мрачной
Не мог не видеть; да не вник
В вину ее тоски старик.
Он рад, он мыслит: «Буря страсти
У ней не отнимает власти
Столь редкой, трудной над собой.
Прощаясь с скромной нищетой,
Жалеет... Право! — не без боли
Плетется нить высокой доли».

Уже осенний день потух;
О счастии соседа слух
Разнесся по всему селенью, —
И поднялись: кто по влеченью
Души, приемлющей и впрямь
Участие, что вот к друзьям
Сошла благих небес щедрота;
Но боле нудит их забота
Снискать благоволенье той,
Которой суждено судьбой
Супругой быть их властелина;
Иных же ест, грызет кручина:

«Нам — ничего, всё для других!» —
Так громко ропщет сердце их,
Да тем бегут они скорее:
«О добром дяде Елисее,
О милой Ксении с хвалой,
Перед другими, меж собой,
Ведь мы всегда же поминали!
Теперь — минули их печали;
Отныне злая клевета —
Мы ради! — заградит уста...
А странно: темных и убогих,
Их бог возвысил: на немногих,
Что, и кажись, не хуже их,
Он льет поток даров таких!» —
Вот как дорогою толкуют;
Но в дом вошли и — торжествуют;
Невольно скажешь: «Слух судьбы
Внял воплю давней их мольбы!»
Все поздравляют. Рой мечтаний
Пред девой пляшет; нет страданий:
Восторгом смыты, снесены;
Не спит она, а видит сны:
В златых чертогах Ярослава
Гуляют мысли; блеск и слава
И радости за ней текут...
Любовь? — ах! до любви ли тут?
Средь вихря шумной, пестрой бури
Забыт Ермил, забыт — и Юрий.

Давно сошла на землю ночь,
Как провели отец и дочь
Друзей, соседей и соседок,
И вот остались напоследок
В своих родных стенах одни;
Вот разлучились и они.
Но со всего, что испытали
В сей день блаженства и печали,
В сей день и страха и надежд, —
Впервые их беспечных вежд
Чуждался верный посетитель
Укромных хижин, усладитель
Дневного горя и работ —

Безмолвный, мирный ангел тот,
Кого нередко все усилья
Детей роскошных изобилья
Усталой, жаждущей душой
Вотще зовут средь тьмы ночной.
Припав к земле пред ликом спаса,
Молился до златого часа
Зари неранней Елисей:
«Пошли, Христе! все блага ей! —
Он повторял в тиши священной. —
А паче кроткий дух смиренный
И сердца чистого покой».
Слеза катилась за слезой
И вздох за вздохом к богу силы
Взносился, словно огнекрилый
Господень ревностный посол,
Что, совершив его глагол,
Вспять, в рай парит, покинув дол.
И вот белеет край востока,
Мелькнул по зеркалу потока,
Взбежал на выси первый свет;
Луг только тьмой еще одет.
Дотоле, верой укрепленный,
Подъялся, бденьем утружденный,
И лег церковник и — уснул;
Среди ж дремоты тихий гул,
Отзы́в моления живого
В душе молельщика седого
Не умолкал. — Тогда, как он
Забыл было для бога сон,
И дочь не спала: мудрено ли?
Снимает ночь узду неволи
И разбивает цепи дум,
А в деве и дневной же шум
Не мог смирить их... вдруг взглянула,
И — с неба темнота спорхнула,
Зарделись тучи, твердь светла;
И дева встала и вошла
К отцу приять благословенье;
Но видит: спит он, усыпленье
Так и лелеет старика...
«Назад!» — и уж, как дух легка,

Без шороху, подобно тени
Пошла, да стала, — на колени
Спустилась к старцевым ногам,
Потом она к его рукам
Чуть прикоснулася устами
И в дверь неслышными шагами
Скользнула... Нужно, нужно ей
С наследием семьи своей
Проститься, словно с старым другом:
С убогой нивой, малым лугом,
С тем огородом, где и мак,
И овощ, и целебный злак,
И куст малины, дар Ермила,
Сама заботливо растила;
А вот теперь туда ей путь,
Где бог дал милым отдохнуть,
Где пали в хладные объятья
Сырой земли и мать и братья.

Всё спит; еще в соху волов
Не запрягали: рога зов
Еще с села не сóбрал стада.
Идет девица. Вот ограда,
За ней часовня. — Глядь: во мгле,
Которая там по земле
Ползет, как нити паутины,
В парах, свеваемых с равнины,
Старушка. — «Нищей быть должна...
Так точно; кстати же она:
Подам бедняжке подаянье».
Но страх сменяет состраданье:
«Ххмм! почему было не в весь
Зайти ей? — в этот час и здесь?»
И дрожь пошла по членам тела,
И чуть боязнь не одолела;
Однако нет: пусть не смелá,
А всё ж девица подошла
И шепчет: «Бабушка, здорово!»
Да только сил и стало слово
То вымолвить, так в ней душа
Вся обмирает; прочь спеша
С давно ославленного места,

Старушке подает невеста
Всё, что находит. — «Нет же! стой
И слушай! — говорит старушка. —
Мне не нужна твоя полушка.
Ты сердобольна и красна,
Надеюсь, будешь и умна...
Как погляжу, не сизый иней
Сверкает там под твердью синей,
А над тобою, над княгиней
Для вещих, прозорливых глаз
Сверкают бисер и алмаз;
Алмаз и бисер над тобою
Польются блещущей рекою!
Тебе из злата есть и пить,
По шелку, по сребру ходить!
Сокóл-то, дитятко, коварен;
Смотри: клобук надел боярин!
Да ты княгиня, ты светла:
Бранить ли станешь сокола?» —
И дикий хохот подняла,
Взвизжала нищенка седая;
Лицо руками закрывая,
Девица как осинный лист
Дрожит... Чу! это что за свист?
Задребезжал он из-под лесу...
Невеста смотрит: снял завесу
С долины ветер; мглу холмов
Испило лоно облаков.
Где ведьма? — Вместе ли с парами
Растаяв, шумными волнами
Воздушной бездны снесена?
А ведь, как призрак, чадо сна,
Как бледное созданье бреда,
Быстрее молнии, без следа
Пропала... Ксения соседа,
Очнувшись, видит пред собой.
Он поклонился. — «Бог с тобой!
Куда ты?» — «В рощу, за дровами»,
Сказал и хитрыми глазами
Глядит на деву между тем:
Распространять сосед Ефрем
Охотник всякие рассказы

И вести, слухи, вздор, проказы;
Где случай — промаха не даст,
Ефрем и выдумать горазд;
Пошел, качая головою.
Что ж? под вечер село молвою
Наполнилось: за ворожбою
На *черном* месте в эту ночь
Застал церковникову дочь
Ефрем Наумов. — «Вражья сила,
Знать, барина к ней приманила!» —
Лепечут жены и мужья.
И вот, любезные друзья,
Образчик вам людских суждений:
Полны отравы и мучений,
Нередко в гроб они кладут;
А как же часто глупый шут,
Презренный лжец, давно известный,
Злодей бездушный и бесчестный
Родоначальник той молвы,
К которой, может быть, и вы
Склоняли слух в иное время!
Да! злоречиво Евы племя;
Наклонность верить клеветам
В наследство передал Адам
Своим безжалостным сынам.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Уж эти слезы мне и вздохи!
Ни игрища, ни скоморохи,
Ни песни, ни пиры ее
Не веселят; твердит свое:
«Позволь мне, ласковый властитель,
Вступить в священную обитель,
Позволь постричься...» Стыд и срам!
Нет, не позволю ей, не дам
Унизиться перед слугою.
Конечно, — будь и он тоскою
И мукой, как она, объят,
Люблю его, — я князь, но брат, —
Им, правда, не сказал ни слова,

Да если бы к нам из Ростова
Не прибыл княжич... Всё впопад
Случилось; я сердечно рад,
А всё досадно! — Ногу в стремя!
Прочь! с плеч долой заботы бремя!» —
Так в третий день, с одра восстав,
С самим собой князь Ярослав
Беседовал. С скамьи дубовой
Потом поднялся: конь готовый
Стоит под княжеским крыльцом, —
И князь выходит с соко́лом
Любимым на руке державной.
Тверской гордится птицей славной:
Нет на Руси в полете равной,
Вернее же под солнцем нет;
Чуть свет долой — увидит свет,
Вспорхнет — и вмиг за облаками,
И смотрит острыми глазами,
Лебедку белую блюдет
И вдруг что молния падет:
Добыче не найти спасенья.
А пусть средь смелого паренья
Услышит властелина зов —
Покинет самый лучший лов,
Забудет вольность золотую
И сядет на руку княжую.
«За нашим гостем дорогим
Ступайте; соколом своим
Пощеголяю перед ним!» —
Так Ярослав и птицу мечет
И говорит: «Известен кречет
Отца Борисова; но *Вор,*
Ручаюсь смело, столь же скор,
Да и послушен. Нет, такого
Навряд ли где сыскать другого».
Вот гость, и свистнул Ярослав,
И тут как тут, с небес упав,
Свистку господскому покорный,
Сверкнул, блеснул соко́л проворный,
Мгновенье в воздухе повис,
Вскричал, спустился. — «Князь Борис,
Что скажешь? — птица не дурная!» —

Любимца гладя и лаская,
Промолвил гостю князь Тверской.

И шумной понеслись толпой
Из города и в чистом поле
Уж скачут, тешатся по воле.
Пестры, красны одежды их;
Из-под копыт коней лихих
Бьют искры, вьется облак пыли.
Вдруг трубы и рога завыли,
Тем воем пробужденный гул
Зверей дубравы ужаснул, —
И топот слышен стал каба́на,
И волк мелькнул из-за тумана,
И серну, вышедшую в луг,
Обратно в бор прогнал испуг.
Но ныне не зверям дубравы
Бояться ловчих: нет облавы,
Непримиримых их врагов,
Свирепых, быстроногих псов
Убийства жаждущего лая
Не повторяет глубь лесная.
Пернатым брань, и в брани сей
Помощник и клеврет людей,
Кровавой воле их послушный,
Изменник родине воздушной,
Соко́л, безжалостный злодей
Товарищам минувших дней.
И было ж время, как с лазури,
Оттоле, где родятся бури,
Где зарождается перун,
И он, могуч и смел и юн,
Бросал надменный взор в долину
И, неподручный властелину,
Ловцам смеялся с оных стран,
Куда не досягнет туман,
Ни лук, ни копья, ни те страсти,
Которых смертоносной власти
Земли владыка, человек,
Покорствует из века в век.
Там он ширялся, сын свободы;
Как на ковре лицо природы

Без крова видел из-под туч;
Впивал златого солнца луч,
Купался в глубинах эфира;
Казалось так: иного мира,
Счастливейшего, житель был.
И ныне сила смелых крыл
Не сокрушилась: он и ныне
К небесной, пламенной пустыне
Дорогу ведает, не слаб,
Отваги не лишен, — но раб...
Раб прежний воздуха властитель!
Вот, братий ужас и губитель,
У князя на плече сидит;
Строптивый дух его убит,
Он дремлет, сеткою завешен,
А между тем, свиреп и бешен,
Холоп такой же, как и сам,
Под ним по долам, по холмам,
Вдоль Волги над снято́ю нивой
Несется вихрем конь ретивый.
Вдруг лебедь по реке поплыл;
Увидели, и — рог завыл,
И в быстроте дрожащих крыл
Спасенья ищет лебедь белый...
Вотще! — стрелою, грозный, смелый,
Сокол взвился — и уж над ним.
Стал хвастать соколом своим
И молвил князь: «Умен сердечный!
Хитер! Со стороны приречной
Летит и перерезал путь,
Чтобы за Волгу ускользнуть
Не мог коварный неприятель...
Да! дал и птице смысл создатель!»
И вот — за быстрым летуном,
Вздымая пыль густым столбом,
Чрез холм и дол и мост оврага
Несется бурная ватага;
Вот с камышовых берегов
Уж отогнал соко́л свой лов:
Слабеет лебедь — ниже, ниже!
А тот играет: только ближе
Кружится... Вот въезжают в лес, —

И что же? лебедь вдруг исчез;
Когда ловцы уже победу
Трубить хотели, — нет и следу;
И, пристыженный в первый раз,
Для самых зорких, острых глаз
Чуть видный, — в высоте безмерной
Cокóл мелькает! — «Плут неверный!
По милости твоей я в грязь
Лицом ударил! — крикнул князь. —
А сам ношу тебе, злодею,
И корм и пойло! Шею, шею
Сверну мерзавцу!» — Подал знак, —
Слуга покорный! как не так!
Негодный будто и не слышит;
Тверской едва от гнева дышит,
Свистит: летун висит над ним,
Трепещется, да вдруг, гоним
Стыдом и страхом, дале, выше. . .
Вновь к князю, чуть поскачут тише;
Но чуть скорее — вверх и вдаль.
Тому досадно, а и жаль
Лишиться птицы; за провором
Вперед дремучим, черным бором,
То шагом, то к луке припав,
Сердясь, пустился Ярослав.

Уж солнцу оставалось мало
До отдыха; почти кончало
Свой путь оно: с деревьев тень
Длинней ложилась; дряхлый день
Почуял приближенье ночи,
Тускнел и путниковы очи
Густейшим златом веселил.
Так старец по ущербу сил
Познал, что близко до кончины,
И мыслит: «Пусть хотя седины
Их отходящего отца
Родимых радуют сердца!»
Бывал смущаем шумной кровью,
Но ныне с кроткою любовью,
Нежнее, чем во цвете лет,
Приемлет каждый их привет.

Подобно и вечерний свет
Дробился краше над поляной,
Чем в полдень, сыпался румяный,
И, как прощающийся друг,
На мураву ронял жемчуг.
В бору бесчисленные круги
И князь и гость его и слуги
Назад, вперед, опять назад
Прорыскали, а словно клад,
Который в руки не дается,
Летун то в твердь от них несется,
То перед ними по кустам
Порхает. — Речка их глазам,
Опоясуя скат лесистый,
Открылась вдруг в равнине чистой;
И слышат: будто тихий стон
Души, взыскавшей бога, — звон,
Призыв к вечернему моленью,
Передается отдаленью;
И вот виднеется село,
Вот церковь: всю ее зажгло,
Всю колокольню позлатило,
Клонясь на запад, дня светило;
И уж беглец не упадет:
Туда, туда его полет,
Прямой, высокий без круженья...
Чу! — ветер гул святого пенья
Уже заносит в близкий дол:
И вот привел ловцов соко́л
К деревне светлой и приветной.
Усталые с погони тщетной,
Въезжают и глядят: все там
Разряжены, все в божий храм
Бегут, друг друга упреждая.
«Эй, парень! — это весь какая?» —
Тверской молодчика спросил;
А ведь молодчик-то Ермил:
Сегодня не ему дорога
За прочими; он у порога
Домашнего стоит один
И отвечает: «Властелин,
Здесь Единоново *Лесное*».

— «Теперь я вспомнил: *Полевое*
Там вправо. — Праздник, брат, у вас?»
— «Боярин наш повел тотчас
К венцу невесту», — так насилу
Промолвить удалось Ермилу,
Ермилу князь: «Спасибо, брат!»
И птицы ищет: «Где мой хват?
Где мой повеса?» — Глядь: лукавый
На колокольне златоглавой,
На самой маковке сидит.
«Слетит, надеюсь!» — и свистит;
И — отгадал: слетает смело
Проказник, словно сделал дело,
И на плечо Тверскому сел.
«Ты уморил меня, пострел!
Да вот же к Юрию в усадьбу
И сверх того к нему на свадьбу
Меня привел ты: не дурак!
Ну, бог с тобой! пусть будет так!»
И обратился князь к клевретам:
«Друзья, окажем честь обетам,
Которые боярин мой,
Мой верный Юрий Удалой,
Пред богом в божией святыне
С невестой произносит ныне».
И все спешат с коней сойти.
Но в Ярославовой груди,
При мысли о венце, о браке,
Дремавшая в сердечном мраке
Досада вновь проснулась: «Там, —
Он думает, взглянув на храм, —
Смеются Ольгиным слезам!
И всё спустить? всё так оставить?
Нет! хоть себя бы позабавить,
Хоть подтрунить бы мне над ним!»
И в храм с намереньем таким
Вступает князь.
                    В то время в храме
В благоуханном фимиаме
Поющих глас к владыке сил
На радостных крылах парил;
Но о́но таинство святое,

Которым тех, что было двое,
Законодавец сам господь
Связует во едину плоть,
Еще над юною четою
Не совершилось: их к налою
Лишь подводили. Вдруг, смутясь:
«Князь, — зашептали, — в церкви князь!»
И вот, как пенистые волны
Расступятся, боязни полны,
Когда меж них владыко вод,
Корабль, прострет крылатый ход, —
Так, светлым сонмом окруженный,
Главой над всеми возвышенный,
Меж стен народа Ярослав
Идет, могуч и величав.
Что ж? стал и обомлел властитель...
А бога вышнего служитель
Уж подходил с святым крестом.
Но тут зарокотал не гром:
«Стой!» — крикнул князь, и все трепещут,
И взоры князя пламя мещут;
Весь мир забыт, — он рвется к ней
И молвил: «Блеск твоих очей
Палит мне сердце, жжет мне душу!
Ах! счастье ли твое разрушу,
Красавица, когда с тобой
Я, сам я обойду налой?»
Да он помучить только хочет
Боярина? вот захохочет
И — даст согласие на брак?
Быть может, что и было так
Им предположено сначала;
Но девы грудь затрепетала,
Но по щекам ее вспылал,
И свеж и нежен, жив и ал,
Румянец молодой денницы,
И вдруг за длинные ресницы
Стыдливых взоров чистый свет
Скрывается, — и силы нет.
«Ты мне назначена судьбою;
Мне жить и умереть с тобою!» —
Тверской воскликнул... И она...

Предательству не учена —
Ведь провела ж, дитя природы,
В селе младенческие годы, —
Да ей уже знаком обман:
Она, жалея тяжких ран,
Которые душе Ермила
(А был он мил ей) наносила,
Скрепяся, нанесла же их!
Теперь не милый ей жених:
Ей победить ли искушенье?
О! почему в сие мгновенье
В ней всё прелестно, всё краса?
Всё — в легких тучах небеса
Очей, как бирюза лазурных,
И колыханье персей бурных,
И боязливый, умный взор,
В котором борется укор,
Сомнение и страх с желаньем,
Который то с живым вниманьем
На князя устремлен, то вдруг,
Как будто чувствуя испуг,
К земле опущен, полн смятенья;
Всё — и румянец восхищенья,
И та улыбка, сердцу яд,
С которой чуть увидишь ряд
Зубов жемчужных из-за алых,
Как две гвоздички, свежих, малых,
Волшебных губок! — Тяжкий миг
Ужасный Юрия постиг:
Изменница простерла руку
К сопернику — и ада муку,
Нет! ад весь Юрий ощутил!
Вдруг дрогнул он, лишенный сил,
И выбежал. — Меж тем к обряду,
Послушный властелина взгляду,
Послушный робости своей,
Уж приступает иерей.
Вот совершен обряд священный;
Союз, пред богом заключенный,
В величье Ксению одел:
Он, неразрывный, за предел
Надежды самой дерзновенной

Жилицу хижины смиренной
Вдруг поднял на престол княжой.
Но блеск заменит ли покой?
Там на княжом златом престоле
Она найдет ли счастья боле,
Чем в хижине, чем в низкой доле?
Не знаю, — только в дом отца
По совершении венца
Пришла княгиня с князем... Что же?
Старик взглянул и молвил: «Боже!
Смиряюсь пред тобою я!
Скончалась в день сей дочь моя,
Убита грешною гордыней...
Склоню колена пред княгиней!»
И вспыхнул гнев в княжих очах,
И всех кругом объемлет страх,
Всех, кроме старца... Пал во прах,
Почтил княгиню поклоненьем,
Но тверд, но над своим рожденьем,
Над чадом нежности своей,
Над чадом падшим — Елисей,
Презрев угрозы и моленья,
Не произнес благословенья.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

«Не покинутый ребенок
    Плачет по родной;
Не к волкам забрел теленок
    С паствы в бор глухой:
Бродит по бору глухому
    Над Тверцой-рекой
Там по бережку крутому
    Молодец лихой...

Молодец лихой да знатный,
    Барин многих слуг,
Первый на потехе ратной,
    Первый князю друг:
Не его ль осанке статной,
    Удальству, красе,
Взору, поступи приятной
    Дивовались все?

Был таков, — а ныне, ныне...
(Смех меня берет)
Без пути, один, в пустыне,
Как шальной, бредет.
Бесталанный! что с тобою?
Что на небеса,
Заволоченные тьмою,
Пялишь так глаза?

Нет на небесах помоги
Злой твоей судьбе;
Как ни думай, нет дороги
Из беды тебе!
Есть одна тебе дорожка:
Та дорожка — скок
Не с крылечка, не с окошка —
С бережка в поток!»

Так голос пел из глуби леса
И, песню кончив, смехом беса
Ненастный воздух огласил.
На мрачной тверди нет светил;
Валят густые хлопья снега,
Но лед еще живого бега
Тверцы стенящей не сковал:
За валом вдаль сверкает вал,
Дол заливает, землю роет,
Ярится, катится и воет;
Дубравы темной черный зев
Плач издает, и свист, и рев..
А в бурю вышел кто-то смелый;
Как труп, от стужи посинелый,
Для стужи бледный странник туп,
Бесчувственный, как тот же труп,
И, тою песнью беспощадной
Из уст дремоты безотрадной
Незапно, страшно извлечен,
Он дрогнул, болию пронзен.
А нечестивых слов певица,
Кумиров падших злая жрица,
Ему предстала тут же вдруг
И говорит: «Давно ли, друг,

Ты полюбил скитаться в пору,
Когда и волк, залегший в нору,
Не выйдет из норы на лов?
Узнал ли ты моих богов?
В столетья славы и победы
Им поклонялись ваши деды;
Их дивной силой волхв Олег
Своих стругов отважный бег
По суше под Царь-град поставил;
Их Святослав и чтил и славил;
Не через них ли сокола́
И я на брак твой пригнала?..
И вот, как зверь, по дебри рыщешь:
Где преклонить главу, не сыщешь,
Не сыщешь, чем унять алчбу!
А ты давно ль блажил судьбу
За жребий, мнилось, беспримерный?
«Из всех друзей мне каждый верный,
Прямой, нелицемерный друг», —
Так думал ты... Что ж их услуг
Не видит дикая дубрава?
Ты причислял к ним Ярослава, —
А скорбь твоя ему забава,
Ему твое мученье — смех!
Ты (вот удар тяжеле всех!),
Ты был любим, по крайней мере
Всем сердцем предавался вере,
Что мил невесте; только миг —
И ты блаженства бы достиг
И звал бы Ксению своею...
Но миг (хвалиться я не смею:
И я не ждала!) — и она,
Не силою увлечена,
Нет! по своей по доброй воле
Изменою, какой дотоле
Не знали, растерзав тебя,
Другому отдала себя!
Рвись, рвись же, жертва поруганья!
Пусть когти лютого страданья
В тебя вонзятся! пусть любовь
Обманутая выжмет кровь
Из глаз твоих! Перед тобою

Не дуб ли? о́б дуб головою!
Разбрызгай мозг свой! Где твой бог?
Чем в бездне зол тебе помог?
Наказан ли им похититель?
Клятвопреступным грозный мститель,
Он, упование твое,
Разбил ли молнией ее?
Но столь же щедры, сколь и строги
Твоих могучих предков боги:
Они зовут, предайся им, —
И за тебя мы постоим!
Проси их помощи надежной
И у́зришь скорый, неизбежный
Твоих злодеев злой конец».
Но укрепил его творец;
Он прервал грешницу седую:
«В слезах лобзаю длань святую
Непостижимого уму!
Не легок крест мой, — а ему
Я и под игом посещенья
Воздам хвалу благословенья.
Волхвица! именем Христа
(Он вложит мощь в мои уста!)
Повелеваю и глаголю:
Иди!» — и вдруг пустому полю
Передает дубрава визг,
И вспыхнул столб блестящих брызг,
И тут же с неба быстрый пламень,
Плеснуло что-то, словно камень
Скатился в воду... Ведьмы нет!
Тогда ли чародейки свет
Погас, Тверцы волнами залит?
Тверца кипит и волны валит, —
О смерти ж ведьмы ни одна
Не молвит бурная волна;
А не встречали уж крестьяне
Ни в сизом, утреннем тумане,
Ни поздно при звезде ночной
Зловещей *бабушки лесной.*

Нет месяца средь тьмы глубокой;
По-прежнему разлив широкий

За валом гонит грозный вал;
Свистящий, хладный вихрь не пал;
Как прежде, воют вопли бури, —
Но уж не тот, как прежде, Юрий.
«Служил довольно миру я, —
Он мыслит, — жизнь моя
Да будет господу отныне
Принос и дар в святой пустыне!
С зениц прозревших снят туман:
Прости же, горестный обман
Мучительных, слепых желаний!
Мне быть игралищем мечтаний,
Быть жертвой безотрадных снов
Довольно. — Сень немых дубов,
Священный кров седого бора,
Прими меня! — С тоскою взора
Не обращу назад, туда,
Где не бывало никогда
Для сердца прочного покоя...
Я духотой земного зноя,
Грозáми жизни утомлен:
Нужна мне пристань; освещен
И путь мой к пристани надежной
Из треволненной и безбрежной
Пучины лести, зол и бед!
Убийствен твой кровавый след,
Безумной страсти ослепленье!
Прости навеки!» — Чувств волненье
Его высокое чело
Вновь быстрой тучей облекло;
Но верным близок вседержитель:
Отныне ангел-утешитель
Ему сопутствует везде;
Звезда, подобная звезде
Вождю пловцов в ненастном море,
Горит пред ним и в самом горе.
Вот и отшельник, божий раб,
Из чащи вышел: «Ты не слаб, —
Вещает старец, — но гордыне
Да не предашься! — Как о сыне
Печется день и ночь отец,
И о тебе же твой творец

Так пекся: богу, богу слава!
Мощь — жезл его; любовь — держава.
В свой дом да йдешь! — так, не вдруг
(Не скрою) тяжкий твой недуг
Медлительной цельбе уступит:
Не скоро мир сердечный купит,
Кто потерял сердечный мир...
Но *он* покров тому, кто сир,
Он слышит страждущих молитвы,
И рано ль, поздно ль, а из битвы
И ты изыдешь, увенчан».
— «Увы! в крови смертельных ран, —
Воскликнул Юрий, — утопаю:
Закроются ль когда? — не знаю;
Но гаснет в персях жизнь моя.
Могу ли возвратиться я?
Когда орлу подрежешь крылья,
Вотще, вотще тогда усилья:
Уж не поднимется с земли!
Нет! дни те для меня прошли,
В которые, неутомимый,
И князю и стране родимой
И я служить способен был.
Не даст ли бог иных мне крыл?
Не время ли к нему, к благому?
К владыке крепкому, живому?
Томлюсь и жажду! Как под тень
К источнику воды олень
Желает из степи палящей,
Так, воспален тоской горящей,
Стремлюсь к единому, к нему!»
— «Завесу с вежд твоих сниму:
Ты край прельщенья ненавидишь;
Но — в нем утех уже не видишь,
Но — обманул тебя тот край.
Нет, друг! стезя иная в рай.
Ты в силах ли в часы моленья
За тех, которых оскорбленья
Отяготели над тобой,
Нелицемерною душой,
Любовью чистой окрыленный,
Взывать к правителю вселенной?

Когда же ты и за врагов
Ему молиться не готов,
Тогда не можешь дать залога,
Что ищешь ты в пустыне бога».
Так отвечал седой мудрец,
Проникший в глубь людских сердец,
Муж опытный и прозорливый,
Который мрак изведал лживый
Вертепов, где игра страстей
Привыкла крыться от очей.

Под мировым огромным сводом
Пред пышным солнечным восходом
Лежит святая тишина;
Журча, не пробежит волна
В реке, стеклу подобно гладкой;
Дается сон и самый сладкий
Пред пробуждением земле;
Луга и горы в влажной мгле,
И дол и небо в ожиданьи,
Пока в торжественном сияньи
Из моря разноцветных зарь
Не выплывет природы царь:
Так точно старцево вещанье
Повергло Юрия в молчанье;
Он строгий взвешивал глагол;
Прилив и дум и чувств борол
В нем дух, с собою несогласный;
Он долго пребывал безгласный;
Но вот промолвил наконец:
«Притворство чуждо мне, отец!
И не таю: я силой скуден;
Тяжел же долг и подвиг труден,
Взложенный на меня тобой;
Но укрепит создатель мой
Изнемогающую душу.
Клянусь, — и клятвы не нарушу:
Врагов прощаю; за врагов
Ему молиться я готов».
Взошло в груди его смиренной
Светило жизни обновленной;
Взошло — и бросило свой луч

Прекрасный, дивный из-за туч
И над свинцовой мглой страданья
В венце чудесного сиянья
Свое бессмертное чело,
Как победитель, вознесло!

Взирал пустынник с умиленьем
На юношу и, вдохновеньем
Предведенья объятый вдруг,
Воскликнул: «Сонм господних слуг
Возникнет здесь в немой пустыне!
Кладешь основу той святыне
И в ней уснешь желанным сном...
Ты взял свой крест, и под крестом
Любовь Христа в тебе созрела.
О сын мой! из темницы тела
Изыду вскоре; близок час —
И ангела услышу глас:
Мне кончились земные лета.
Но бог дает тебе клеврета,
Сподвижника: найдешь его
Под кровом скита моего.
Друг! и ему мечты, надежды,
Обманы, ложь слепили вежды,
Ты враг ему, а он тебе.
Хвала таинственной судьбе!
Благая вас соединила,
Да возрастет в обоих сила,
Да примешь ты клеврета стон
И да тебя утешит он!»

И вот идет за старцем Юрий.
Утихла ярость зимней бури,
И уж рассеян мрак ночной
Над лесом, долом и горой;
Уж день родился: он не красен,
Как мощный вешний день, а ясен;
Не сыплет утро в путь свой роз,
А в серебро одел мороз,
В сверкающий алмазом иней
Седые сосны; в тверди синей
Пожара нет, а всё светло, —

И всё страдальцу предрекло:
«Мятеж и твоего ненастья
Пройдет, и серафим бесстрастья
В уединении святом
Покроет и тебя крылом».
Но вот и скит, приют отрадный
Больной души, покоя жадной;
И кто же дверь им отворил?
Кто их приветствует? — Ермил.

В ту ж ночь до утра: «Князю слава!» —
Взывало в доме Ярослава;
Гремели гусли, трубы, рог;
Пылал, горел златой чертог, —
И гости чашу круговую
За Русь и за чету младую
Не уставали выпивать;
А Юрия не смел назвать
Никто за чашей круговою.
Лишь Ольга с многою тоскою
В своей светелке за него,
Тебя и сына твоего,
Покров скорбящих, пресвятая!
Свои страданья забывая,
В слезах молила до зари
Одна в ликующей Твери.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Воскресла мертвая природа:
Летит с лазоревого свода
На землю красная весна;
А тело старца глубина
Давно приняла гробовая;
И смотрит он уже из рая,
Как трудятся его сыны.
Их мысли в небо вперены:
Хотя в сердцах их тишины
Всегдашней, светлой, совершенной
И нет еще, и тьмой мгновенной
Бывает дух их омрачен,

Но, твердой верой укреплен,
Он почерпает мощь в молитве,
Он побеждает в каждой битве,
Он расторгает, дивный луч,
Покров мимолетящих туч.
Так! бодр их дух; однако тело
Григория с тех битв слабело...
(Пред смертью божий человек
Постриг их; Юрия нарек
Григорием, по толкованью:
«Не предающийся дреманью,
Муж, победивший грешный сон».
Ермила ж Савой на́звал он.)
Нередко Сава в час трапе́зы
На брата бледного сквозь слезы
Глядел и про себя шептал:
«Уныл же век твой был и мал!»

Любимца вспомнил князь: не минул,
Не потухал еще, не стынул
Счастливой страсти первый жар,
Еще пирует сонм бояр,
А уж раскаяния жало
Грудь Ярослава растерзало, —
И в третий день, друзей собрав,
Простер к ним слово Ярослав:
«Труды отбросив и печали,
Со мной вы два дня пировали...
Для пира я и третий день
Назначил было; да, как тень
Убитого вослед убийцы
Идет и воет, — так с денницы
Мутит мне душу до луны,
Так даже в ночь мои все сны
Тревожит образ незабвенный...
Ах! брат мой, мною оскорбленный!
Спасите князя своего!
Где Юрий? — дайте мне его!
Найдите мне его, живого!
Его престолом трисвятого,
Всевышним богом закляну
Мне отпустить мою вину,

Простить мне грех мой!» — Во мгновенье
Княжих гостей объяло рвенье:
Казалось, сердца лишены;
Но, вдруг усердьем возжжены,
Бегут и ищут.
Вот до Глеба
В тот день, когда в обитель неба
Взлетел святого старца дух,
Дошла молва, народный слух:
«Отшельник запрещает ныне
Приблизиться к своей пустыне;
И что же? любопытный взор
Сквозь обнаженный стужей бор
Двух юношей, небезызвестных
Крестьянам деревень окрестных,
Молящихся перед крестом
Однажды видел с стариком».
Тут догадались Глеб и други
И предложить свои услуги
Любимцу князя в лес спешат;
Надеждой лживою объят,
Мечтает каждый: «Благодарен
За память будет мне боярин;
Меня и князь-то наградит».
Прошли они в дубравный скит,
Глядят и видят: два монаха
Покою гроба, лону праха
В лесу кого-то предают.
Был храбрый Глеб суров и крут,
Всё у него так и кипело:
Молчать и ждать его ли дело?
Он стал и крикнул: «Чернецы!
Вы что творите, молодцы?
Добром скажите!» — Речь пришельца
Монаха, сына земледельца,
Перепугала; да другой
Так отвечает: «Бог с тобой!
Не видишь ли?» — И, погруженный
В безмолвье, кончил труд священный.
И скорбный совершен обряд,
И потупили томный взгляд
И стали удаляться братья;

Вдруг Юрия схватить в объятья
Дебелый бросился пришлец,
Но Юрий отступил: «Отец
И сын и дух святый с тобою!
Ты не мути нас суетою».
Так, Глеба оградив крестом,
Промолвил он и хочет в дом;
Да воин, переняв дорогу,
Воскликнул: «Не пущу, ей-богу!
Боярин, —нет! ступить не дам! —
Твое благословенье нам
Не нужно, Юрий; от клеврета
Желаем ласки, ждем привета».
— «Благословенье — мой привет;
Не Юрий я, не ваш клеврет,
Считайте Юрья погребенным:
Зовусь Григорием смиренным;
Здесь не боярин пред тобой,
А грешный инок». — «Нет, постой
И выслушай! ты Ярослава,
Ты князя пожалей: ни слава,
Ни золото, ни блеск, ни власть,
Ни даже счастливая страсть
И Ксении краса и младость
Без Юрия ему не в радость;
Твердит одно: «Его! его!
Не пожалею ничего:
Сыщите Юрья моего!»
Оставь же пу́стынь, — сделай дружбу!
Опять за меч, опять за службу!
На князя гнева не держи:
Пойдем, боярин! не тужи!»
Тут, указав на рясу Глебу:
«Любезный брат, я ныне небу, —
Григорий говорит, — служу.
На князя гнева не держу,
Не сетую и на княгиню:
Но променять на мир святыню
Дерзнет ли раб Христа — монах?
Вот жизнь где кончу — в тех стенах.
За князя теплые моленья,
За вас в тиши уединенья

По гроб свой стану воссылать:
Да будет с вами благодать,
Да осенит вас длань господня!
В последний раз меня сегодня
Ты видел... руку дай! прости!»
Сказал и — скрылся. Не уйти
Тогда уж стало невозможно:
Пошли и князю осторожно,
Что жив, да от сует земли
Отрекся Юрий, — донесли.
Но долго же утрату друга
Из сердца князя взять супруга
Была не в силах. —
                                        Мчится вал,
Несутся годы: амигдал
Уж расцветать там начинал
И ночь пророчил белизною,
Где некогда текли волною
На плечи с гордого чела,
Чернее вранова крыла,
Густые кудри Ярослава.
Не посещалась им дубрава,
Но бог ему дал двух сынов,
Их князь порой не без даров
В обитель отпускал лесную, —
И радость примечал живую
Брат Сава в братиных чертах,
Когда они в своих стенах
Прекрасных княжичей видали...
(Легко стереть письмо с скрижали;
А на душе раз напиши
Волшебный образ — и с души
Уж не сотрешь его до гроба.)
Им отроки любезны оба,
Да чаще взор им поднимать
Случалось на меньшого. «В мать!
Весь в мать!» — шепнул однажды Сава;
Любимец прежний Ярослава
Кивнул, задумчив, головой.

Волна струится за волной;
Дни пролетают, с ними годы:

Князь Ярослав уже в походы
Сынов решился отпускать.
Он собрал удалую рать:
Та рать на чудь и ливь и немцев;
Унять он хочет иноземцев,
Чинящих буйство и разбой
На рубежах Руси святой.
Отправил рать и с ратью той
Отправил и детей властитель, —
И Тверь в дубравную обитель
Не посылает уж гостей.

Прошло еще довольно дней,
И — Ольга овдовела; ей
Теперь бы свидеться с родными,
Теперь бы плакать вместе с ними!
И вот оттоле, где теперь
Ей всё постыло, Ольга в Тверь
На время прибыла. Гостила
В Твери вдовица, отгостила
И завтра едет. Как могила,
Молчала и в пучине сна
Еще тонула вся страна:
И что же? — Гостья, сколько можно
Без шуму, тихо, осторожно,
Поднялась без прислуг с одра...
Напрасно всё: уже вчера
Хозяйка знала, что сестра
Идти готовится куда-то.
Хозяйки сердце болью сжато:
Как ей не отгадать, куда?
Зовет же и ее туда
Непобедимое влеченье:
Давно в ней тайное мученье,
Давно и прежде ей тоска:
«Ступай!» — твердила; но робка
Виновных совесть, — и, по долгой,
Но горестной борьбе, над Волгой
Решилась ждать сестры она.
«У них не буду же одна;
Да! слез бесплодных не уронит
Хоть Ольга, — может быть, преклонит

Хоть Ольга их сердца ко мне».
Так в предрассветной тишине
Всеобщей, грозной и глубокой,
Она шепталась с одинокой,
Болезненной душой своей.
Идет сестра... Княгиня к ней;
Сошлись; свидетельству очей
Не верит Ольга: «Ты? ужели?»
И — не нашлись: оторопели,
Как уличенные в вине,
Одна перед другой оне.
Но победит, кто чист душою,
Неправый стыд: «Сестра, не скрою, —
Сказала гостья, — в лес я шла. —
Потом, подумав: — Я была
Женой покорной мужу; жала,
Надеюсь, я не погружала
Борису в сердце ни тоской,
Ни ропотом, — и верь: слезой
Не лживой я его почтила,
И свята мне его могила,
Но вырвать из груди своей
Любовь моих цветущих дней
Я силилась постом, молитвой,
Вступала в битву я за битвой;
Напрасно! не могла! — С утра
До ночи, милая сестра.
Во мне *одно* горит желанье,
В одном желаньи и страданье
И радость почерпаю я:
Вот так и рвется жизнь моя
Раз на него взглянуть, не боле!
Увы! я с ним и в низкой доле
Была бы счастливей царей!
Не ведал он любви моей,
Да, Ксения! — по крайней мере
Предамся этой сладкой вере:
Не ведал Юрий силы всей
Боязненной любви моей...
И мог ли, друг он мой несчастный?
Ведь, над душой своей не властный,
Сам не избег того ж огня:

Любил и он, — но не меня!..
Просить отшельника святого
Хочу я, чтобы всеблагого
Порой и за меня молил:
Сестрица, мне — мне много сил
Потребно в жизненной пустыне».
Так молвила Тверской княгине
Вдова Бориса; та мрачна,
Тиха, угрюма, — вдруг она
Взрыдала, Ольгины колена
Вдруг обняла: «Моя измена
Мне душу жжет сильней огня;
Предательство мое меня,
Гора свинца, тягчит и давит!
Пред светом, пред людьми лукавит
Улыбка моего лица...
Ах! клятва гневного отца
Меня и в славе поразила!
Не выдаст старика могила;
Пусть хоть сопутствую тебе:
О! дай мне вымолить себе, —
Нет, *ты* мне вымоли прощенье!
Мое отвергли бы моленье
Страдалец Юрий и...» — *Ермил*
Сказать у ней не стало сил.

Покинув ложе, дня светило
Взошло — и жизни ток излило
На землю с тверди голубой.
А тихо в пу́стыни лесной:
Там лишь перед двумя крестами,
Внимаем только небесами,
Печальный молится монах.
Знать, иноку любезный прах
Тут спит в безмолвной тьме могильной.
Уж холм один травой обильной
Оброс, ушел и в землю он;
Под холм другой на мирный сон,
Кажись, легло недавно тело:
И дерево креста-то бело,
И дерна нет еще на нем,
И влажен рыхлый чернозем;

Да он и сам, чернец унылый,
Исполнен скорби неостылой.
Что ж посох у него в ногах?
Не в путь ли собрался монах?
Так, — вот безмолвное моленье
Он кончил, встал, еще мгновенье
Стоит в раздумьи пред крестом
И обращается потом,
И хочет бросить взгляд прощальный
На стены хижины недальной;
Но тут его потряс испуг:
К нему приблизилися вдруг
Две странницы осанки статной.
«Нас, грешных, старец благодатный,
Благослови!» — они рекли
И поклонились до земли,
И, будто собирая силы,
Промолвили: «Чьи здесь могилы?»
— «Почиет Авраамий там...
(Его святую славу вам
Случалось слышать, — полагаю)
Муж, русскому известный краю
Богоугодным житием».
— «С благоговением о нем
Слыхали мы. Но тут?» — И трепет
Чуть дал расслышать слабый лепет
Вопроса старшей; обе ждут.
«Похоронен Григорий тут», —
Сказал чернец; и уж не стала
Та боле спрашивать, а пала
И, вся в себя погружена,
Над гробом молится она,
Без слов, трепеща и рыдая.
Пролила слезы и другая,
Однако говорит: «Скажи,
Слуга господень, чуждый лжи!
Он не был ли пожат кручиной?
И что промолвил пред кончиной,
И вспоминал ли мир сует?
И не его ли ты клеврет?»
И речь с трудом, не без запинок
Докончила. — Вещал же инок:

«У корня нежный цвет подрежь
И спрашивай: зачем не свеж,
Зачем лишен благоуханья? —
Мой бедный брат! — так! есть страданья,
Которых жизнь не исцелит.
Но мне ль злословить, что убит
Григорий грешною тоскою?
На жребий, посланный судьбою
Всевышнего, он не роптал:
Не столько сладостен и ал,
И тих, и чист, и благотворен
Румяный вечер, сколь покорен
И крепок был его конец;
Да медлить не хотел отец,
Прибрал дитя свое больное;
Здесь крин завял в тяжелом зное,
Но вновь расцвел в стране иной.
Бог дал ему конец святой:
Он отходил; вдруг блеск чудесный
Над ним пронесся; вождь небесный
Незримый ли над ним парил?
И вот, собрав остаток сил,
Три имени, воссев на ложе,
Страдалец вымолвил: «Мой боже! —
Вслух прошептал язык его, —
Помилуй князя моего!
И пред отверстою могилой
Молюсь за Ксению: помилуй,
Любви источник, и ее!
Благословение твое
Излей на чад их! — Отпущенье
Не нужно Ольге... Мне прощенье,
Ее прощенье нужно мне!
Она простила: в той стране,
Там ты назначил нам свиданье...»
Невнятно стало лепетанье
Его смыкавшихся устен;
А мнилось, слышу: «Кончен плен!
Не медли, плена разрешитель!»
И се — услышал искупитель:
Брат сжал мне руку, — я взглянул,
И что же? уж мой брат уснул,

Унесся, словно песни гул,
Ушедший в твердь из глуби храма:
Так тает облак фимиама;
Так колокола чистый глас
Стихает, слышный в поздний час
И перелитый в отдаленье.
Лежал он в сладком усыпленье,
Как у груди своей родной
Младенец». — И поник главой
И хочет в путь печальный Сава.
«Ты сам, — супруга Ярослава
Тогда воскликнула, — отец,
Ты сам кто?» — «Я? — сказал чернец. —
Не вопрошай! но вот что ведай:
Господь мой и меня победой
Над слабым сердцем наградил;
В виду любезных мне могил
Клянусь, давно я всем простил...
Так! всех, какой бы кто виною
Виновен ни был предо мною».
Умолк — и углубился в лес
И на́век для людей исчез.

Княгини ж князю Ярославу
Сказали, возвратясь: «Дубраву
Сегодня посещали мы.
Там лишь надгробные холмы:
Преставился твой богомолец.
И ныне бисера и колец,
Запястий наших не жалей;
Не будем уж носить перстней,
Носить не станем ожерелья;
Там, где его пустая келья,
Ты божий монастырь построй».
Их не ослушался Тверской:
При честном князе Ярославе
Был создан монастырь в дубраве
И благочестьем просиял;
А имя монастырь заял
От Юрья, отрока княжого:
Ведь был у князя молодого
Любимым отроком в те дни

Боярин Юрий, как они
Отважно, вместе, без печали
При старом князе вырастали.

ЭПИЛОГ

1

Ослабли струны: арфа, умолкая,
Едва трепещет под моей рукой...
Царица песней, вечно молодая
Волшебница! я расстаюсь с тобой:
Ты на отлете в вертограды рая,
Ты в путь обратный манишь за собой
Народ свой легкий, звучные мечтанья;
Тебя не удержать мне — до свиданья!

2

Лишь миг помедли: ведь сама же ты
В груди моей былое пробудила!
Не пала ли завеса слепоты?
Не веют ли отцветшей жизни крыла?
Текут лучи из бездны темноты;
Зажглись, горят погасшие светила,
Скликает, будит жителей гробов,
Могущая, твой чудотворный зов!

8

В бессильном, бренном сердце я вмещу ли
Блаженства столь мне нового прилив?
Под бурей упоенья не паду ли?
Он, чьею славою я был счастлив,
Чьи вежды (так скорбел я) в смерть уснули,
Предстал мне, предо мною он, он жив,
Мой Исандéр, души моей избранный,
Моей любви любовью вечной данный!

4

Царица песней! рвется длань к струнам,
Вздыхают перси, мысль огнем объята...
Теперь-то вторить мне твоим устам!
Бряцанье, шепот, звон и гром раската,
Рекою лейтесь! — брат внимает нам,
Нас наградит за песнь вниманье брата!
Вновь дни те блещут, как ничьих похвал,
Как лишь его улыбки я желал!

5

Бывало, пред начатым начертаньем
Стою, тобой исполнен, упоен:
Весь дух мой поглотился созиданьем,
Я весь в картине, весь в нее вперен, —
И вдруг надеждой, страхом и желаньем
К нему стремлюсь, к нему я унесен
И вопрошаю: «В душу друга, дева!
Прольются ль токи нашего напева?»

6

И вот же вновь судьею дум моих
Взор мне бесценный, светлый и правдивый:
О радость! каждый колос, каждый стих
Вновь стану несть к нему, нетерпеливый;
Он склонит слух, участья полн и тих,
И шумна ж будет жатва с нашей нивы!
Воскрес, воскрес мой мир! со мною вновь
Поэзия и юность и любовь!

7

Тони же тяжких сновидений бремя!
Так, встал я: утро! предо мной народ
Знакомый мне, полуденное племя;
За мной Кавказ и рев нагорных вод;
Казбека только девственное темя,
Разрезав льдом небес лазурных свод,
Там светится на крае тверди ясной...
Опять я гость твой, Гурджистан прекрасный!

8

Сверкаешь, Кур, и ропщешь между скал;
Мне вожделенно струй твоих стенанье:
Дробяся, поднимает каждый вал
Со дна души моей воспоминанье...
Что ж нá сердце как будто камень пал,
И стало слышно жил мне трепетанье,
И пот студеный облил мне чело?
«Узнал ли ты? — вдруг что-то мне рекло, —

9

Утес узнал ли дерзостный и мрачный,
И там, на нем, под блещущим шатром,
Под синевой безбрежной и прозрачной,
Уединенный, древний божий дом,
Молитв и жизни чистой и безбрачной
Безмолвную обитель?» — Всё кругом
Бесплодно, голо; но Христовы чада
Там побороют мир и силы ада.

10

Давида имя носит тот приют,
Драгое вере и душе поэта,
Того, чьи вещие псалмы текут,
Потоки дивные огня и света;
И дни родятся, и лета умрут,
А вечной жизнью песнь его согрета.
Страдал, как мы, любил и плакал он,
И свят его над падшим другом стон!

11

Ты, нареченная по нем обитель,
Привет мой! — Я бывал в твоих стенах;
Вот и опять твой верный посетитель.
Но... свежий гроб! чей здесь почиет прах?

Могилы этой кто недавний житель? —
Увы мне! меркнет свет в моих очах,
Исполнилась моих страданий мера:
Здесь прах, здесь труп кровавый Исандера!

1832—1836

2. АГАСВЕР

Поэма в отрывках

ПРЕДИСЛОВИЕ

Напечатанные здесь вместе отрывки поэмы «Агасвер», собственно, не иное что, как разрозненные звенья бесконечной цепи, которую можно протянуть через всю область истории Римской империи, средних веков и новых до наших дней. Это, собственно, не поэма, а план, а рама и вместе образчик для поэмы всемирной; автор представленных здесь отрывков счел бы себя счастливым, если бы мог быть просто редактором, по крайней мере между своими соотечественниками, хоть малой части столь огромного создания. Агасвер путешествует из века в век, как Байронов Чайльд Гарольд из одного государства в другое; перед ним рисуются события, и неумирающий странник на них смотрит, не беспристрастно, не с упованием на радостную развязку чудесной драмы, которую видит, но как близорукий сын земли, ибо он с того начал свое поприще, что предпочел земное — небесному. Небо, разумеется, всегда и везде право; промыслу нечего перед нами оправдываться; но не забудем же и мы, что, если не прострем взора *об он пол гроба* в область света, истины, духа, — мы никогда лучше Агасвера не постигнем святую правду божию, и жребий наш при последнем часе нашей жизни непременно отчаяние, как скорбный жребий последнего человека, умирающего в окончательном отрывке нашей поэмы в объятиях нетленного, страшного странника.

ВЕЛЬТМАНУ

Милостивый государь!

Лично ни вы меня, ни я вас не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Но столько вы мне известны, как человек и *оригинальный* писатель, что я счел бы просто глупостью, если бы перед словами: *Милостивый Государь* (за которыми даже нет вашего святого имени и отчества, потому что я их никогда не слыхал) я написал *Господину* Вельтману. Вы так же мало Господин, как Апулей или Лукиан, как Сервантес или Гофман, как между нашими земляками, хотя и в другом совершенно роде, Державин, Жуковский, Пушкин. Вы этого, может быть, по своей скромности еще не хотите знать: так позвольте же, чтоб человек, который вам ни друг, ни брат, ни сват, вам об этом объявил. Вместе примите, милостивый государь, мои отрывки: я вам их посвящаю, потому что не знаю, чем иным отблагодарить вас за удовольствие высокое и живое, какое доставили мне ваши сочинения. В них мысли, а мысли ... [1] нашей многословной литературы — дело [не посл]еднее. Ваш покорный слуга

Неизвестный

[1] Угол листа оборван. — *Ред.*

I

Видал ли ты, как ветер пред собою
По небу гонит стадо легких туч?
Одна несется быстро за другою
И солнечный перенимает луч,
И кроет поле мимолетной тенью;
За тенью тень найдет на горы вдруг, —
Вдруг нет ее, вновь ясно всё вокруг,
Светило дня, послушное веленью
Создателя, над облачной грядой
Парит, на землю жар свой благодатный
Льет с высоты лазури необъятной
И, блеща, продолжает подвиг свой.
За племенем так точно мчится племя
И жизнь за жизнью и за веком век:
Не тень ли та же гордый человек?
Людей с лица земли стирает время,
Вот как ладонь бы стерла со стекла
Пар от дыханья; годы их дела
Уносят, как струя тот след уносит,
Который ря́бит воду, если бросит
Дитя, резвясь, с размаху всей руки
Скользящий, гладкий камень в ток реки.

Взгляни: стоит хозяйка молодая
И вот, любимцев с кровель созывая,
Им сыплет щедрой горстью корм она;

На зов ее, на шумный дождь пшена,
Подъемлются, друг друга упреждая,
Спешат, и в миг к владычице своей
Зеленых, белых, сизых голубей
Слетается воркующая стая...
Подобно им мечты слетают в ум,
Подобно им толпятся в нем картины,
Когда склоню пугливый слух на шум
Огромных крыльев Ангела Кончины.

В душе моей всплывает образ тех,
Которых я любил, к которым ныне
Уж не дойдет ни скорбь моя, ни смех:
Они сокрылись, — я один в пустыне.
И вдруг мою печаль сменяет страх,
Вступает в мозг костей студеный трепет,
Дрожащих уст невнятный, слабый лепет
Едва промолвить может: «Тот же прах,
Такой же гость ничтожный и мгновенный
За трапезой земного бытия,
Такой же червь, как все окрест, и я.
Часы несутся: вскоре во вселенной
Не обретут и следа моего;
И я исчезну в лоне Ничего,
Из коего для бед и на истленье
Я вызван роком на одно мгновенье».
Увы, единой вере власть дана
В виду глухого, гробового сна
Спокоить, укрепить, утешить душу:
Блажен, чей вождь в селенье звезд она!
«Нет! Своего подобья не разрушу, —
Так страху наших трепетных сердец
Ее устами говорит творец. —
Потухнут солнца, сонмы рати звездной,
Как листья с древа, так падут с небес,
И бег прервется мировых колес,
Земля поглотится, как капля, бездной,
И, будто риза, обветшает твердь.
Но мысль мой образ: мысли ли нетленной
Млеть и дрожать? Ей что такое смерть?
Над пеплом догорающей вселенной,
Над прахом всех распавшихся миров,

Она полет направит дерзновенный
В мой дом, в страну родимых ей духов».

Бессмертья светлого наследник, я ли
Пребуду сердцем прилеплен к земле?
К ее обманам, призракам и мгле,
К утехам лживым, к суетной печали
И к той ничтожной, горестной мечте,
Напитанной убийственной отравой,
Которую в безумной слепоте
Мы называем счастьем или славой?
Смежу ли очи я, когда прозрел?
Надежд моих, желаний всех предел
Ужель и ныне только то, что может
Мне дать юдоль страданья и сует?
Или души плененной не тревожит
Тоска по том, чего под солнцем нет?

———

Не пышен, но пространен и спокоен,
Дом Агасвера при пути построен,
Который вьется, будто длинный змей,
Из стен сионских на тот Холм Костей, [1]
Куда, толпою зверской окруженный,
В последний день своих несчастных дней,
Идет, бывало, казни обреченный.
С писаний Маккавеев Агасвер
Подъемлет взоры: вечер; дня светило
Свой рдяный лик на миг опять явило;
Но черный облак быстрый ход простер
И преждевременною тьмою нощи
Грозит задернуть холм, и дол, и рощи,
И град, то погасающий, то вдруг
Златимый беглым блеском. Мрачен юг,
Восток и север мраком покровенны,
И нити мрака, ветром окрыленны,
По тверди тянутся; вот и закат,
Мгновенье каждое затканный боле,
Темнеет, тускнет; потемнело поле;
Весь мир бесцветной ризой мглы объят.
Вдруг молния, — протяжный гром грохочет,
Отзы́вом повторился перекат;

Иной сказал бы: это бес хохочет
Над ужасом трепещущей земли.
Не умирает гул в глухой дали:
Им, возрожденным беспрестанно снова,
Трясется беспрестанно гор основа.

Склонил чело на жилистую длань
И молча смотрит иудей на брань
И внемлет крику бешенства мятежных
Стихий, бойцов в полях небес безбрежных.
С какой-то томной радостию слух
Печального впивает речи грома:
Из персей рвется жизнь его, влекома
Призывом их; ненасытимый дух
Дрожит и алчет сочетаться с ними
И вдаль стремится, в беспредельный путь,
И крыльями разверстыми своими
Теснит его стонающую грудь.
Но он не понял, чадо ослепленья,
Души своей святого вожделенья, —
На все вопросы сердца *там* ответ,
Единственный, отрадный, непреложный;
Его зовет и манит вечный свет,
А взоры он вперяет в прах ничтожный.
К земле уныние гнетет его;
Он так вещает: «Солнце дня сего!
Подобье ты минувшей нашей славы:
Как ночь простерлась над лицом твоим,
Так на лицо Давидовой державы
Всепожирающий, ужасный Рим
Набросил ночь орлов своих крылами!
Взойдешь и заблестишь заутра ты,
Сразишь победоносными лучами,
Разгонишь светом рати темноты. . .
Но мы, мы позабыты небесами!
Нам дня не будет. . . Строгий Иоанн
Лишь обличал неправды жизни нашей,
Лишь гром метал на злобу, на обман,
Нам лишь грозил господня гнева чашей;
Вотще мы вопрошали: «Или ты
Обетованный царствия наследник?»
От имени пророка проповедник

Отрекся даже. Тут из темноты,
Из Галилеи, области презренной,
Смешеньем с кровью чуждой помраченной,[2]
Великий гром за молнией своей,
За Иоанном *он,* непостижимый,
Превознесенный, славимый, гонимый,
Исшел — и поразил сердца людей!
И ныне третий год, — и вот немые
Приемлют речь, приемлют свет слепые,
Глухие паки обретают слух,
И удержать заклепы гробовые
Не могут мертвых, и нечистый дух
Неодолимым Словом изгоняем. . .
Сомнением я долго был смущаем,
Но наконец, благоговея, рек:
«Нет! Он не нам подобный человек;
Он тот, кого от бога ожидаем! —
Почто же медлит? Скоро ль, скоро ль он
Венец Давида на себя возложит,
Шагнет — и власть языков уничтожит
И свободит поруганный Сион?»

И встал и пред усиленной грозою
Отходит в храмину, но не к покою,
А да питает в лоне тишины
Обманчивые, дерзостные сны.

Кто там, путем потопленным и поздным,
Точа с развитых кудрей и брады,
Напитанной дождем, ручьи воды,
Идет, спешит под завываньем грозным
Свистящих ветров, яростных громов?
Под Агасверов неприютный кров
До возрожденья сладостной лазури
Кто уклониться пожелал от бури?
Его увидел с прага Агасвер,
Стоит и смотрит; руку тот простер,
Рукою машет, и, сдается, крылья
Ногам хотят придать его усилья.
В туман ненастья мещет иудей
Пришельца испытующие очи,
И вот, среди взволнованных зыбей

Борьбой стихий усугубленной ночи,
Нечуждые одежду, поступь, стан
Распознает: так точно! то Нафан,
Всех тайн его участник, всех советов,
Клеврет, ему дражайший всех клевретов, —
И к страннику навстречу иудей
Бросается, заботою подвинут,
И нудит с лаской под навес дверей;
Из ризы влагу, от которой стынут
Трепещущие члены пришлеца,
Желает выжать; но, не отраженный
Защитой дома, льяся без конца,
Ему смеется дождь.
                    За праг священный
Шагнули; с гостя плащ тяжелый снят,
И вот они за трапезой сидят.
Уж чашу трижды, не прервав молчанья,
Друг другу передали; наконец,
Вперив на брата быстрый взор, пришлец
Простер к нему крылатые вещанья:
«Ужели не речешь мне ничего?
Ты что безмолвствуешь в немой кручине
И как не вопрошаешь о причине
Прихода в дом твой друга своего?»
От губ отъемля кубок позлащенный,
Тот молвить хочет, но узрел в очах
Наперсника восторг неизреченный, —
Слова в отверстых замерли устах.
«Да смолкнут, — гость воскликнул, — наши пени!
Друг, брат мой! склоним перед Святым колени!
Я зрел его в Вифании: всех нас,
Свидетелей неслыханному чуду,
Объял священный трепет. . . Длить не буду
Повествованья — знай: мессиин глас
Воззвал от мертвых Лазарево тело;
Оно четвертый день в гробнице тлело,
Оно уже распространяло смрад;
Но душу выдал побежденный ад:
Жив Лазарь! — Господом благословенный,
Грядет, народа тьмами окруженный,
Грядет Давидов сын в Давидов град!

О, Агасвер! ты жаждал дня избавы —
Настал! настал! — раздайтесь, песни славы!»
Когда до матери дойдет молва
Такая: «Мать, твой сын погиб во брани!» —
Как цвет подкошенный, ее глава
Падет на перси; длань, прильнув ко длани,
Оледенеет; скорбью сражена,
Лежит без чувства на одре она,
А лишь откроет свету солнца вежды,
Снедается воскресшею тоской, —
Но вдруг от брата слышит: «Луч надежды!
Неверны вести!» — жадною душой,
Несытым сердцем сладость championsованья
В себя вбирает горестная мать;
Меж тем ее колеблют содроганья:
Недужная не в силах не рыдать.
Подобно в бурных персях Агасвера
Сражаются сомнение и вера.
Но напоследок победил Нафан,
И вот их ум мечтами обуян!
Одна другую в беге упреждая,
При легком, свежем, быстром ветерке,
Струи бегут и мчатся по реке,
Так точно и слова, не иссякая,
Спешат без отдыха из уст друзей,
И их надежда дерзкая, слепая
Несется по потоку их речей.
С мечтами их сравнятся лишь созданья
Главы, жегомой яростным огнем,
Неистовством свирепого страданья:
Больной, бессильный утопает в нем;
А между тем пред ним поет и пляшет
Фантазия, сестра немого сна,
Порхает и жезлом волшебным машет
И, вымыслов бесчисленных полна,
За миг один, быть может, до кончины
Чертит пред ним грядущего картины!

Но вот зажглась веселая заря
На искупавшейся дождем лазури;
Минула ночь и вместе с ночью бури...
Встают и, да приветствуют царя,

Нетерпеливым рвеньем пламенея,
Из дома вышли оба иудея;
Идут — и стали вдруг: стоустный гул
Летящих к небу кликов ликованья
По быстрым хлябям ветрова дыханья
Их алчущего слуха досягнул.
Взошли на холм, — и сонм необозримый
Явился взорам их с того холма:
Волнуется народу тьма и тьма;
И се — грядет *он сам,* превозносимый,
Благословляемый восторгом тех,
Которым будет он в соблазн и смех,
Которых ныне радостные лики
Поют: «Осанна!», но настанут дни,
И близки, — их же яростные крики
Возопиют: «Распни его! распни!»

Уже они вступили в стены града,
И Агасвер мечтает: «Ныне чада
Израиля провозгласят его;
Он снимет плен с народа своего!»
Но, уз иного плена разрешитель,
Христос остался тем же, чем и был;
Не грозный вождь, не дерзостный воитель,
Пред коим в страхе обращают тыл
Полки врагов, — нет, скорбных утешитель,
Бессмертных истин кроткий возвеститель,
Недужных друг и врач больных сердец.
И что же? соблазняется слепец;
Еврей тупой, строптивый и безумный
Едва удерживает ропот шумный;
Но ждет еще и молвил: «Он в ночи
Велит избранникам и приближенным
На сопостатов обнажить мечи,
Или друзьям, быть может, отдаленным
Дарует время к подвигу поспеть
И с ними на противников беспечных
Нечаянно и вдруг накинет сеть».
В надежде, в страхе, в мятежах сердечных
Проходит для него другая ночь:
«Он скоро ли решится нам помочь?»
Нет, и не мыслит возвратить свободу

Спаситель всех Адамовых сынов
Не терпящему *временных* оков,
Но к *вечным* равнодушному народу!
Тут сыну праха божий сын постыл:
И вот, угрюм и гневен и уныл,
Лишась надежды суетной и лживой,
Христа покинул Агасвер кичливый.
В самом Христе одну свою мечту
Он обожал; он плакал от утраты,
Его восторг был только блеск крылатый,
Который, разрывая темноту,
Средь черных туч ненастной, грозной ночи
Мелькнет, сверкнет в испуганные очи —
Вдруг нет его, исчез пустой призрáк,
И вслед над потрясенными горами
Ревут, грохочут громы за громами,
И стал еще мрачнее прежний мрак.
И вот, смущаем адскими духами,
Отступник в сердце обращает грех,
И на устах его бесчеловечный,
В самом безмолвии ужасный, смех,
Изобличитель ярости сердечной.

Пришел Нафан на третий день к нему
И молвил: «В Каиафином дому
Сбираются и умышляют ковы
Жрецы и книжники, враги Христовы».
А он ни слова, мрачный и суровый;
Его уста язвительно молчат;
Он, мнится, мразом мертвенным объят.
Не удивлен наперсник: ведь к печали
Тяжелой Агасверовой привык
И ведает — страданья налагали
Всегда оковы на его язык.
Но что бы было, ежели бы ясно
И вдруг разоблачилося пред ним,
Что давит так безгласно, так ужасно
Того, кто сердцем породнился с ним?

В четвертый день, весь искажен испугом,
Ногами слабыми едва несом,

Как человек, пред коим с неба гром
Ударил в землю, друг предстал пред другом,
Упал на ложе и, лишенный сил,
В слезах, трепéща, с воплем возопил:
«Сбылось! сбылось! — увы! на смерть, на муки
Влекут его злодеи: предан! взят!
Его Иуда предал! Лицемеры
В безбожной радости не знают меры:
Ему за срам свой ныне отомстят,
Ему за слово каждое отплатят!
И времени свирепые не тратят:
Я видел, он уж ими приведен
К наместнику на суд; а, наущен
Коварными, злохитрыми жрецами,
Народ ревет, стекаяся толпами:
„Смерть, смерть ему! Он смерти обречен!“»

Как столп огня, который, рдян и страшен,
Средь темноты, средь тишины ночной,
Когда над градом гибельный покой,
Поднимется и взыдет выше башен, —
Так грешник вспрянул, бледен, мрачен, дик,
И вот издал, трясяся, зверский крик
(В том крике хохот, визг, и стон, и скрежет,
И, словно вопль казнимых, душу режет).
Потом подходит к другу своему
И смотрит на него, как житель ада,
И с смехом повторяет: «Смерть ему,
И да не явится ему пощада!»
Дрожа, отпрянул от него Нафан,
И мыслит: «Сон ли безобразный вижу?»
Но, лютым беснованьем обуян,
«Безумца, — тот лепечет, — ненавижу!
Он мог — но разгадать он не умел
Сердец народа. . . Смерть и поношенье
Да будет вечно всякому удел,
Кто нас введет в бесплодное прельщенье!»

И бешеный не кончил буйных слов,
Как вдруг от стука, топота и гула,
От грохота бряцающих щитов
Потрясся воздух и земля дрогнула:

Идет, поникнув божеским челом,
Поруганный народом легковерным,
Растерзанный, согбенный под крестом,
Под бременем страданий непомерным,
Идет податель жизни к торжествам,
К приятью чистой, невечерней славы,
Туда, где гордым, буйственным очам
Единый видится конец кровавый,
Где им понятны только смерть и срам.
«Увы! ведут!» — воскликнул посетитель,
И замер на устах дрожащий глас.
Но сердце Агасвера дух-губитель
Окаменил в ужасный оный час:
Он к двери дома своего исходит
И шепчет: «Покиваю же главой,
Увижу, посрамлю его хулой!»
И стал, и взор неистовый возводит,
И, жадный, ищет жертвы средь толпы.
В пути коснеют тяжкие стопы
Спасителя; под кровом Агасвера
Остановился он. Тогда грехов
Отступника исполнилася мера:
Хотел вещать — не может; но без слов
От прага оттолкнул, немилосердый,
Того, кто бы смягчил и камень твердый,
Кто шел на муку за своих врагов! [3]

Примечания

[1] Холм или Гора Костей, черепов, в Славянском тексте: Краниево место, у Лютера: Schädelstelle, Κρανιγ τόλος, Γολγοθα — место казни, несколько стадий, или поприщ, от Иерусалима.

[2] Галилея была населена евреями, но между ними жило множество и самаритян, и язычников, между прочим и галлатов, или азиатских галлов, — остаток от нашествия галлов при втором Бренне.

[3] Если поэт не довольно ясно высказал то, что хотел сказать этим отрывком, так пусть это замечание в прозе доскажет его мысль! В таком *пусть,* может быть, более самоотвержения, чем бы то иной думал. Замечание в прозе, разъясняющее целую поэму или по крайней мере довольно пространный отрывок, в котором есть же нечто целое, почти не что иное, как явное признание, что мысль в поэме, в отрывке, развернута неудовлетворительно; *а легко ли* для самолюбия стихотворца признаться в подобном промахе? Конечно, тут можно бы было и сказать кое-что в защиту этой неясности, этой

неудовлетворительности, но — оставим: автор, по крайней мере в настоящем случае, более дорожит своею мыслию, чем стихотворением, в котором она — хорошо ли, худо ли — изложена. «Воздадите Кесаре — Кесареви, а божие богови». От святыни, от человеков божиих не требуйте никогда и ничего, что не до них касается: пусть религия не будет для вас никогда средством для достижения мирских целей, как бы, впрочем, эти цели ни были благородны и высоки. Даже те, которые, напр<имер>, как испанское духовенство в войну с Наполеоном, употребляли веру для воспламенения любви к отечеству и ненависти к чужеземному владычеству, все-таки унижали ее чистую святость — и в своих понятиях не слишком разнствовали от утилитарного богохульства некоторых философов XVIII века, говоривших, что религия — очень недурная выдумка для обуздания глупой черни.

II

Сион лежал в осаде; оскверненный
Убийством и нечестьем, град священный
Под пыткою кровавой умирал,
Евреев буйных дикий глад снедал
И вызвал в жизнь чудовищное дело
(Злодеи даже вздрогли от него):
Зарезала младенца своего,
Сожрать решилась трепетное тело
Родного сына мерзостная мать. [1]

Был третий год в исходе. Ночь немая
Едва могла расторгнуть с ратью рать:
Ногами груды трупов попирая,
Вторгаясь в стены, пламени предать
Святыню порывалися трикраты
Когорты римские; едва сам Тит
Их удержал. [2] Заутра запретит,
Но глухи будут: шлемы их и латы
Не красная денница озлатит —
Ужасная неслыханная кара
Их в кровь оденет светочем пожара.
И было уж за полночь: освещал
Зловещий луч кометы темя скал,
Дремавших полукругом в темной дали;
Катил унылые струи Кедрон,
И, мнилось, был в струях тех слышен стон,

Они, казалось, в пасмурной печали
О гибели Израиля рыдали.
В последний раз пред смертью тяжкий сон
Смежил народу страждущие вежды,
Лишенному и силы и надежды.
Близ храма, на развалинах забрал
Твердыни рухнувшей, которой дал
Антоний имя, [3] — в думы погруженный,
На страже юный иудей стоял,
Сухой, как остов, бледный, изнуренный
И бденьем, и неистовой нуждой,
И битвой; а когда-то красотой,
И мощью, и породою высокой
Был знаменит Иосиф черноокий.
И с ним беседовал другой еврей —
Не воин, жрец ли, или фарисей,
А только без меча и сбруи бранной, —
Средь тьмы всеобщей, в грозной тишине,
В кидаре, [4] в ризе белой и пространной,
Пришел он по изъязвленной стене,
Мелькая, словно призрак полуночи.
И вдруг из мрака огненные очи,
Угрюм, таинствен, в юношу вперил
И, став: «О чем мечтаешь?» — вопросил.
«Увы! — воскликнул витязь черноокий,
Тебя не знаю; мне твои черты
Неведомы; однако молвлю: ты
Быть должен муж безжалостно жестокий...
Скажи мне: бедные мои мечты
Что сделали тебе? Зачем их чары
Разрушить было? — Я так счастлив был!
Забыты были ужасы и кары:
Грустя без боли, сладостно уныл,
Был ими унесен я в глубь былого!
Я был в Сароне: чуждый битв и гроз,
В наследьи моего отца седого
Бродил я тихо вдоль ручья живого,
Под сенью наших пальм и наших лоз;
Не видя трупов и не слыша стона,
Внимал я трелям соловья Сарона
И душу обонял саронских роз,
Родных мне, славных в песнях Соломона. [5]

Любовь забудешь там, где стынет кровь,
Где брань и глад, мятеж и мор пируют;
Но пусть меня безумцем именуют
(Поверишь ли?), я вспомнил и любовь!
Сдавалось, будто меч приняв впервые,
Готовлюсь стены защищать святые
И расстаюсь, сдавалось, с милой я. . .
Клянусь, пришелец! предо мной стояла
Моя Деввора, свет мой, жизнь моя,
Так точно, как когда, замлев, упала
На грудь мою и простонала: «Друг,
Прости навеки: нет тебе возврата!»
Ах! знать, была предведеньем объята
Душа любезной: в мой родимый круг,
В ее объятья мне из бойни ратной
Навеки отнят, заперт путь обратный;
Заутра черви ждут нас, мрак и тлен,
Все мы умрем заутра». — «Тот блажен,
Кто умирает, — рек пришелец, — все вы
Умрете, сча́стливые дети Евы;
А тот, кто не умрет, — увы ему!» —
И замолчал.
Тогда немую тьму
Разрезал вопль протяжный: «Глас совсюду,
Отколе ветры дышат, глас греха
На град сей и на храм, на жениха
И на невесту, на всего Иуду!»
Был ужасом напитан томный вой,
Весь болию проникнут, дик и странен;
Но, некой мощной думой отуманен,
Внял без движенья, хладною душой
Его рыданью муж в одежде белой.
Не так Иосиф; хоть и воин смелый
И среди сеч, и глада, и зараз
Взирал в лицо погибели не раз,
Но весь затрясся, — бледный, охладелый.
Или впервые бедственный привет
В ту роковую ночь услышал? — Нет!
Вот даже и вопроса от пришельца
Не выждал же, а молвил: «Странник, знай:
Не пес то плачет, позабывший лай,
Без пищи, без приюта и владельца;

Не стонет то и буря нараспев:
К Иуде то исходит божий гнев
Из темных уст простого земледельца.
Его все знают: дом его стоял
На южном склоне Элеонских скал. . .
Четыре года до разгара брани
(В то время мы еще платили дани,
А только тайно на ночной совет
Клеврета начал зазывать клеврет)
Однажды он сказал: «Пойду я в поле» —
И уж в свой дом не возвращался боле,
Исчез без слéда. Вот потом настал
Веселый первый день Седьмицы кущей, [6]
И на равнине, радостью цветущей,
Народ вне града шумно пировал,
Беспечный, под роскошными древами.
Вдруг, — с чудно искривленными чертами,
Явился он средь смехов и забав,
В очах с огнем зловещим исступленья,
Безгласный, страшный, — мнилось, обуяв
От несказанно тяжкого виденья.
Престали пляски: трепета полны,
Вдруг побледнели все средь тишины,
Упавшей будто с неба — столь мгновенной;
Все взоры на него устремлены:
А он стоит, движения лишенный,
Стоит и смотрит, словно лик луны,
Живой мертвец, бесчувственный и хладный;
В сердца всех льется ужас безотрадный.
Но вот уже усталый день погас,
По мановению десницы ночи
Безмолвных звезд бесчисленные очи
Проглянули; тогда, в священный час,
Когда земля под сенью покрывала,
Сотканного из сна и темноты,
Усталая, протяжней задышала
И смолкли шум и рокот суеты, —
В тот час он ожил и на стены града
Взошел, посланник бога или ада,
И стал ходить и «Вас Владыка сил
Отринул! горе, горе!» — возопил.
Был взят ночною стражей исступленный,

С зарей его к префекту привели;
Но, вопрошен правителем земли,
Он, как кумир, из древа сотворенный,
Как труп, в котором жизни луч потух,
Как камень, оставался нем и глух.
Предать его свирепым истязаньям
Велел наместник. — Что же? Мертв к страданьям,
Он их и не приметил; утомил
Мучителей провидец. «Ты безумный», —
Решил префект и ведца отпустил.
И снова день и суетный и шумный
Пред матерью таинственных светил,
Пред влажной ночью скрылся за горами,
И снова над Израиля сынами
Глашатай бед и горя возопил;
И с той поры, чудесно постоянный,
Не уступая ни тревоге бранной,
Ни ужасу неистовых крамол,
На стены еженочно он восходит,
И еженочно бедственный глагол
И на бесстрашных страх и дрожь наводит.
Когда же день займется, — немота
Смыкает бледные его уста,
И он уж не живет, а только дышит:
Клянут его — стоит, молчит, не слышит;
Ударят — даже взором не сверкнет;
Предложат брашно, скажут: «Ешь во здравье!» —
Он жрет, как зверь, и, не взглянув, уйдет.
Ему равны и слава, и бесславье,
И жизнь, и смерть, и злоба, и любовь, —
И, мнится, в жилах у него не кровь». [7]

Тут воин смолк, а тихими шагами
Тот приближался. Серыми волнами
Трепещущей, неверной темноты
Смывались мутные его черты.
Вдруг замахал засохшими руками,
Стал прядать и, дрожа, завóпил он:
«Увы народу, граду и святыне!»
И в тот же миг расторгся чуткий сон
По всем холмам окрестным и в равнине,
Покрытой тяготою римских сил.

И снова он и громче возгласил:
«Увы народу, граду и святыне!» —
И, дня не выждав, грозный легион
На новый приступ ринулся к твердыне;
Вот и другой, вот третий грозный стон,
Рев оглушительный со всех сторон,
Глагол войны, как гром небесный, грянул
И с скрежетом слился. Весь стан воспрянул.
Настал Израилев последний бой;
Последний час Сиона тьму немую
Вдруг превратил в денницу роковую,
В единый, общий, нераздельный вой.
Стрелам навстречу стрелы, камню камень
Несутся с визгом; щит разбит о щит,
Меч ломится о меч; смола кипит;
Клокоча, лижет домы жадный пламень. . .
И уж в стенах Сиона смерть и Тит!
Иосиф доблестный примкнул к дружине
Сынов Исава[8]; бьются; он глядит —
И что же? Книжник тот или левит,
С кем он беседовал, утес в пучине —
Без брони, без щита, пред ним стоит.
«Прочь! ты не воин: удались, пришелец!
Без пользы гибнешь!» — юноша вскричал;
Но тот главою молча покачал.
А между тем зловещий земледелец
На них и битву с высоты забрал
Смотрел, и не бесчувствен, как бывало:
Уж ныне истребленье не в зерцало,
Не в мутный призрак свой кровавый лик
Пред ним из-за дрожащей мглы бросало;
Он видит, явно сам господь приник
С десницей гневной, грозно вознесенной,
На град свой, запустенью обреченный!
Под стон и гром, средь дыму и огня,
Под дождь багровых искр, при криках зверских,
Слила в один ужасный ком резня
Отважных римлян и евреев дерзких.
Борьба стрельбу сменила, — нож, кинжал
Сменили лук и дротик. Тот, кто пал,
Еще пяту врага грызет зубами;
Другой пронзен и на копье подъят,

Но гибнет вместе с ним и сопостат:
Вверх меч вознес обеими руками,
Напряг страдалец весь остаток сил,
Скрежеща, бьется, вьется, леденея,
И. . . свистнул в темя своего злодея
И шлем его и череп раздвоил.
Вотще! — Сияние твоих светил
Погасло: издыхаешь, Иудея!
В твоей крови купает ноги враг
И всё вперед, вперед за шагом шаг:
И вот твой храм вспылал, и вот в твердыне
Орел, — и сорван твой последний стяг.
«Увы народу, граду и святыне!» —
Тут в третий раз загадочный левит
Услышал; смотрит: там пред ним лежит
Растоптанный Иосиф черноокий;
Вдруг, весь в огне, с зубца стены высокой
«Увы и мне!» — глашатай бед завыл
И в бездну рухнул с рухнувшей стеною.
Но цел левит: не сень ли дивных крыл
Простер бесплотный над его главою?
Он жаждал смерти. Что ж? где пали тьмы,
Где с матерями издыхали чада,
Где взгромоздились мертвых тел холмы,
Там только одному ему пощада —
Жестокая пощада! — «Спите вы,
Вы все, потопшие в кровавом море! —
Так он промолвил: — Горе! горе, горе
Мне одному! ах! жив я! мне увы!»

Примечания

[1] Об этом ужасном деле рассказывает подробно в своей истории Флавий Иосиф (которого, скажем мимоходом, несправедливо называют Иосифом Флавием).

[2] Тит, по свидетельству того же историка, не желал, чтобы взяли его воины Иерусалим приступом, потому что хотел сохранить храм, как примечательный памятник зодчества.

[3] Цитадель, построенная по приказанию Антония и носившая его имя.

[4] Кидар — род чалмы.

[5] См. книгу: Песнь песней, гл. 2, стих 1-й и следующие.

[6] Седьмица кущей — известный летний праздник у иудеев.

[7] Лицо, которое здесь выводится на сцену, не вымышленное. О нем упоминает Иосиф, а Евсевий подробно рассказывает его историю: был он сын земледельца, по имени Анания, а сам звался Иисусом. В последние 50 лет он приобрел некоторую знаменитость по известному пророчеству Казотта.

[8] Сыны Исава, т. е. едомляне, или идумеи, составили дружину и прислали на помощь осажденному Иерусалиму. Эта дружина отличалась не только храбростью, но и благоразумием и повиновением своим вождям и первосвященникам иерусалимским: на нее одну почти только и могла положиться, среди всеобщих смут, раздоров и буйств, партия еврейских умеренных, доктринеров, к которой принадлежал и сам Иосиф.

III

Некто

Всё это только значит, что солгали
Пророки ваши; или подожди:
Еще, быть может, слава впереди,
Которую они вам обещали!
А что по-моему: к земному сын земли
Стремиться должен. Призраки, туманы,
Поэтов и софистов бред, обманы
И ложь жрецов в надоблачной дали.
Взгляни на римлян: властелины мира.
Друг, отчего? без грез пустых они
Для мира, не для синих стран эфира,
Не сло́жа рук, проводят в мире дни.
Ты скажешь: «Не было у них Гомера,
Платона не было». — Что нужды в том? —
Звучнее лиры броненосный гром;
Платон же. . . Бог с ним! Без его примера,
Без книг, в которых много слов и снов,
А толку мало, темных болтунов
И между греков было бы помене.
Все песни, все искусства, все дары
Харит и муз — подобны пене,
Похожи на шары
Из воздуха и мыла: пышны, блещут,

Но дунь — мгновенно затрепещут
И — лопнут. То ли дело власть
И страх, который навожу на ближних,
Готовых в прах передо мною пасть?
Богатство, сила, блеск почище вздоров книжных.

Агасвер

Не веруешь ты в чудеса;
Тебя послушать: пусты небеса,
Нет никого, кто бы оттоле,
Господь и Судия, радел о нашей доле
И возвещал бы о себе
В виденьях прозорливцев вдохновенных
И грозных знаменьях. Но о судьбе
Моих сограждан, тьмами побиенных,
В убогих же остатках расточенных
По всей поверхности земной,
О страшной гибели страны моей родной,
О запустении святого града
От мятежа, врагов, огня, зараз и глада
Что скажешь? На людей, на град и храм
Сошел же рок и — по *его* словам:
За смерть *его* нам, нечестивым, в кару
Бог повелел мечу, и язве, и пожару,
И что ж? пожрала нас неслыханная казнь!
Не спорить мне с тобой: не хитрый я вития;
Но. . . исповедую души моей боязнь:
Он, может быть, и впрямь мессия,
И согрешили мы,
Что от сошедшего с небес в юдоль печали —
Да будет светом среди тьмы,
Владычества земного ожидали.

Некто

Приятель, это всё мечты
Больного воображенья:
На страхи произвольной слепоты
Ответ — улыбка сожаленья.

Агасвер

Он рек мне: «Будешь жить», — что ж? скорбную главу
Под град я подставлял каменьев раскаленных,

Бросался на врагов, победой разъяренных,
Грудь открывал мечам и копьям... Но живу!

Некто

И поздравляю, потому что в гробе
Едва ли веселее, чем у нас;
Хотя порою, под сердитый час,
О глупости, о злобе,
О мерзости людской
И много говорит иной,
Но даже Персий злоречивый
И гневный Ювенал
Не поспешат запрятаться в подвал,
Где умный и дурак, ханжа и нечестивый
Средь непробудной тишины,
Средь мрака вечного — равны.
Что жив ты — случай, и притом счастливый.

Агасвер

Я не старею; измененью лет,
Так мне сдается, не подвержен,
Не чувствую упадка силы...

Некто

Нет? —
Ты, верно, в молодости был воздержан... —

Так Некто, издеваясь, возражал
Казнимому бессмертьем Агасверу,
Когда уже был путь его не мал,
Но не шагнул еще за роковую меру,
За грань последнюю, какую указал
Отец времен и ве́ков
Тревожной жизни человеков;
В те дни венчанный славою Траян
Сидел над той громадой царств и стран,
Которую, тщеславьем ослепленный,
То гнусный раб, то мерзостный тиран,
Потомок Брута называл вселенной.[1]
Но с кем же скорбный иудей
Вел разговор средь плачущей пустыни,
На пепле Соломоновой святыни,

В глухую ночь, под вой зверей,
Которые, ногами землю роя,
Искали трупов, жертв отчаянного боя? [2]
Что отвечать мне вам,
Питомцы мудрости высокомерной?
Ваш род строптивый — род неверный:
На посмеянье ли вам свой рассказ я дам?
Вы, праха легкомысленные чада,
За чашей искрометного вина
Поете: «Смертным жизнь на миг подарена,
А там нет ничего, нет рая, нет и ада!»
Вы на воде, на прозе взращены:
Для вас поэзия и мир без глубины. . .
Для вас учения Садокова наследник [3]
Такой же, как и тот, еврей,
Или, пожалуй, грек-эпикурей,
Скитальца просвещенный собеседник.
Великий Мильтон. . . «Мильтон здесь к чему?
Тебе ль равняться с ним?» — С титаном мне, пигмею?
Не оскорбленье ли тому,
Пред кем благоговею,
И отвечать-то вам? — Но выпал век ему,
Который не чета же моему:
Пылал еще в то время веры пламень,
И, как в напитанный огнем священным камень,
Так ударял в сердца певец —
И вылетали искры из сердец!
Он бога возвещал: что ж? и дышать не смея,
Ему внимали; славил красоту —
Влюблялся мир в его волшебную мечту;
Перуном поражал злодея —
Злодей дрожал; или, проникнут сам
Испугом вещим, духа отрицанья
Являл испуганным очам —
И в души проливал потоки содроганья.
Да! не в метафору в те дни и смерть и грех,
А в зримое лицо, в чудовищное тело
Поэта вдохновение одело.
Что ж? об заклад: теперь и он бы встретил смех!
Как, например, пред вами молвить смело.
Блестящих ангелов в златых полях небес

Привык я видеть, да и бес
Не мертвенное зло, без бытия живого,
Не отвлечение, а точно падший дух
И враг свирепый племени людского? [4]
Не так ли? хохот ваш тут поразит мой слух:
«Ступай и бреднями пугай старух;
Кажи не нам, а ребятишкам буку!»
Уж так и быть! Навесть и страшно скуку,
Но кончу исповедь свою.
За Фауста я себя не выдаю,
А попадался мне, и видимо, лукавый;
Не окружен, конечно, адской славой,
Не гадкая та харя, с коей нас
Знакомят сказки, Дант и Тасс, [5] —
В пристойном виде, для стихов негодном,
То в рясе, то во фраке модном,
То в эполетах (в наш любезный век
И он премилый человек!).
Я узнавал не по наряду,
Не по улыбке, не по взгляду, —
По языку я узнавал его;
Его холодный, благозвучный лепет
Рвал струны сердца моего;
Я ужас ощущал, и обморок, и трепет,
А он учтиво продолжал:
«Итак, я, кажется, вам доказал:
Бог, красота, добро, бессмертье — предрассудок,
И глупость, стало быть, единственный порок,
Вселенной правит случай или рок,
Людьми же — похоть и желудок»;
Довольно! — Напоследок, не тая
И не робея, объявлю же я:
На пепле и костях Давидовой столицы
Так к Агасверу некто приступил,
Известный некогда под именем Денницы,
И Сатаны, и Князя темных сил,
Но эти прозвища он в старину носил.

В то время властвовал, — я вам сказал, — Траян:
При нем народные злодеи,
Наушники, не растравляли ран
Республики; патрициев со львами

Он в цирк не выводил;[6] не думал созывать
Сената, чтоб с почтенными отцами
О соусе к осетрине рассуждать;[7]
А не без слабостей был царственный воитель.
Остатка стран свободных притеснитель,
Он превратил свои народы в рать
И метил в Бахусы и Сезострисы.
Да, к слову: в Бахусы! Не потрясались тисы
Пред ним толпою бешеных менад
(Не слишком это было бы впопад
В столетье Тацита и Ювенала),
Однако летопись не умолчала:
Герой бывал хмелен от вакховых отрад.
Он, правда, знал себя; спасибо! раз, не пьяный,
Указ похвальный, хоть немножечко и странный,
Послал в сенат: «Обязываю вас
Не исполнять, что под веселый час
Траяну приказать случится. . .» Дело!
А лучше было бы не пить. . .
Всё выскажу ли смело?
Диона Кассия вы можете купить. . .
Я исчисленья прерываю нить.

Траяном, может быть за панегирик звучный,[8]
В наместники назначен Плиний был
Страны азийской, римлянам подручной,
Какой же именно — я позабыл.[9]
Вельможа Плиний во всей силе слова:
Любезность, величавость, ум и вкус —
Поступков и речей его основа;
Он вместе и питомец муз,
Философ и оратор,
Однако и в святилище наук
Всё барин: царедворец и сенатор.
Кто волею судеб без рук,
Язык того всегда бывал проворен:
В Траянов век
Без рук был, и давно, вертлявый грек,
И потому не так, как прежде, вздорен,
Строптив и вспыльчив, нет! смирен и терпелив,
Искателен и вкрадчив, а болтлив,
И тот же вестовщик, каким бывал и прежде;

Тайком он варваром и дикарем честил
Потомка Ромула, но грозному невежде
Бесстыдно изо всех способностей и сил,
Как пес ручной, похлебствовал и льстил.
В дворцы Лукуллов, Не́ронов и Силл,
На пир беспутных нег и грубого разврата,
Кривляясь, скаля зубы, приходил
Бесславный внук Алкида и Сократа,
И судорожный смех (увы! какая плата!)
Ему за срам его платил.
Гречатами их в Риме называли [10];
Зевая, слушали их песни, их скрижали,
Под их рассказы забывали
Свои державные печали,
Кормили их и — презирали.

Таких-то дорогих приятелей кружок
К себе и Плиний вызвал из столицы.
И вот однажды в зимний вечерок
И ложь и правду, быль и небылицу
Гречата лепетали перед ним.
Внимая купленным друзьям своим,
Лежал на торе [11] пресыщенный Плиний
И взором мерил воздух синий,
И был хандрою одержим.
Не их вина: их языки не праздны;
Но, сплетни Рима истощив,
Пересказав все скверны, все соблазны,
Они с прискорбьем видят: всё ленив,
Угрюм и холоден философ-воевода.
Вот кто-то наконец же вспомнил, что природа
И чудеса ее — конек
Семейства Плиниев. . . Для светских разговоров
Лего́к скачок
От Антиноев, Мессалин и Споров, [12]
От преторьянцев и шутов
До изверженья гор и странных свойств слонов,
Затмений солнца и подобных вздоров;
О долгоденстве речь: примеров привели
Сомнительных не мене полдесятка
Счастливцев, вышедших из общего порядка,
Таких, что за столетье перешли.

И молвил Плиниев отпущенник: «Властитель,
Мне пишет брат, домоправитель
Сирийского проконсула, и что ж?
Есть жид у них, зовется Агасвером:
Ему за двести лет».

Плиний

Твой братец пишет ложь,
И, кстати: ведь поэт! Приказчиком-Гомером
Сирийский мой сосед зовет его давно.

Отпущенник

Ты едок, Плиний! — Правда, что смешно!
Я рад божиться: брата жид морочит;
Тем боле что с лица ему
Под пятьдесят. Вдобавок плут пророчит
(Ну, сообразно ли уму?),
Что вовсе не умрет.

Плиний

Я Плиний: это счастье.
А то совет соседу своему,
Быть может, дал бы я — принять участье
В решении задачи.

Гость-римлянин

Да!
Чтоб, например, хоть утопил жида
Или повесил.

Это предложенье
Не принято — спасибо! — в уваженье,
Но Плиний шлет в Дамаск гонца с письмом:
«Здоров я, — пишет, — будь здоров и ты»; потом
Пеняет за молчанье; тут известья
Из Рима, из Афин, из своего наместья;
А мимоходом пред концом
И просьба: «Если нет, Сервилий, затрудненья,
Для польз наук и просвещенья
Такого-то жидка пришли с моим гонцом».
И вот, по прихоти вельможной,

Без дальных справок (ведь он жид ничтожный),
Необычайный тот старик
Был взят и в Плиниев отправлен пашалик.

Приехал он и был наместнику представлен.
С улыбкой Плиний стал расспрашивать его
И не добился ничего;
Однако жид при нем оставлен.

И нагляделся Агасвер всего:
Всего величья мировой державы,
Всей суеты земной, ничтожной славы;
Ее когда-то он небесной предпочел,
И вот вблизи ее увидел и нашел,
Что мед ее смертельной полн отравы;
А тут же мог бы он узнать
И оную божественную славу,
Которую дарует благодать...
Но гордым ли святую постигать?
Она земле в потеху и забаву.

Известно всем, что отвечал Траян,
Когда, поверив клеветам безумья,
Пугаясь хлóпот лишнего раздумья,
Чернить и Плиний вздумал христиан:
«Ты их не трогай, — пишет повелитель, —
А разве сами явятся они;
Но наглых исповедников казни!!» [13]
И был Траян не Нéрон, не мучитель!

Был в граде Плиния великий храм
Астарты, полуварварской Юноны. [14]
Служенье в нем преданья и законы
Присвоили издавна двум родам:
Придет чреда — и выбирают жрицу
В одном из них, в другом берут жреца.
Им право то бесценно: багряницу
Отвергли бы, не взяли б и венца
Ему в замену. Вот настало время,
И Каллиадов радостное племя
Готовится кумиру деву дать:
И жребий пал на Зою, дочь Перикла.

Но в душу Зои свыше благодать
Живая пролилася и проникла:
Не хочет дева идолу предстать.

Сначала, подавляя пламень гнева,
Отец ей молвил: «Нас покинешь, дева;
Обещана ты юному жрецу,
Аминту, сыну Клита Гермиада».
Она же отвечала так отцу:
«Аминт несчастный! Жрец и жертва ада!
Увы! скорбит о нем душа моя. . .
Родитель, не ему невеста я:
Христос жених мой». И красой чудесной,
Святым смиреньем, кротостью небесной
Не умягчила диких душ она;
Кровава пред отцом ее вина:
Не враг-завистник право вековое,
Наследие колена их, подрыл;
Нет, дочь его, дитя его родное, —
И вот старик пред Плинием завыл,
Весь обезумлен бешенством Эрева:
«Достойна казни дерзостная дева;
Уж мне не дочь, злодейка мне она.
Презрев преданья предков и законы,
Рекла: „Не буду жрицею Юноны;
Бред ваши боги; в мраке вся страна,
И свет, и правду вижу я одна“».
Но Плиний сам считал мечтою тщетной
И уж отцветшей баснею певцов
Эллады, Рима, Азии богов;
Вот почему с улыбкою приветной
С курульских кресел [15] он взглянул на ту,
Которая в таких летах незрелых
Народную постигла слепоту,
Быть может из его ж писаний смелых.
«Тебя, — сказал, — не укоряю я;
Прекрасна смелость юная твоя,
Но увлеклась ты ревностию ложной:
Друг, назову тебя — неосторожной.

Безумец только бросит головню
В солому дома своего сухую,

Чтоб уподобить золотому дню
До времени, до срока ночь седую.
Пример Сократа мудрому закон;
Что ж? — предрассудкам потакал и он:
Да! петуха на жертву богу здравья
Он завещал же. — Цицерон
Не видел ни малейшего бесславья,
Что правил должностью авгура сам,
А между тем авгурам и жрецам
В кругу *своих* смеялся тихомолком,[16] —
С волками жить, кто ж не завоет волком».

Всё это он вполголоса шепнул,
Затем осклабился, на чернь взглянул
И громко молвил: «Вот мои довóды!
Теперь, надеюсь, дороги тебе
Священные права твоей породы:
Рассудку ты покорна и судьбе.
А впрочем, область дум и слов и мнений, —
(Тут он понизил голос), — дочь моя,
Свободна, и тебе против гонений
Тупых глупцов покровом буду я».

— «Благодарю; меня по крайней мере
Не нудишь к лицемерству, властелин;
А знаешь ли, чтó рек о лицемере
Тот, кто с создания земли один
И прав и чист и без греха пред богом?» —
Так отвечала дева. — Грозный мрак
Простерся на лице незапно строгом
Проконсула; он ясно понял: *так*
Не говорят питомцы мудрований,
Которые секирой отрицаний
Всё разрушают, но в которых нет
Ни пламени, ни жизни для созданий,
Которых тусклый и неверный свет,
Лишенный теплоты лучей и силы,
Дрожит над зевом мировой могилы.
«О ком вещаешь?» — Плиний возразил.
Она же: «Вопрошаешь, повелитель?
Он Сын Жены, но и Владыко Сил,

Был узником, но уз же разрешитель;
Он умерщвлен, а мертвым жизнь дает».

Плиний
(пожимая плечами, с усмешкой)

Нет, Зоя! — Слишком дерзок твой полет:
Я антитез твоих не понимаю.

Зоя

Он Свет и Слово, Бог и человек;
Он мой наставник, — я иных не знаю;
И ведай, он о лицемере рек:
«Кто, раб тщеславья или мзды и страха,
Здесь отречется пред сынами праха,
Пред смертными отвергнется меня,
Того и я за вашим миром тесным
В том мире пред отцом моим небесным
Отвергнусь». — Пред лицом меча, огня
И срама не содрóгнусь; все внемлите:
И скóрбь и слава ваша — суета;
Пред вами исповедую Христа!
Терзайте тело, — дух в его защите!

Не ожидал наместник: деве он
Дивится; но уже со всех сторон
Раздался зверский вопль остервененья,
И, если бы не ликторы, каменья
В нее бы полетели. — Плиний был
Философ светский: благородный пыл
Смешил его, смешило вдохновенье,
Он бредом называл восторг; но тут
Свое взяла природа: изумленье
Его объяло, душу — сожаленье,
Стыд, скорбь, досада борят и мятут;

И вот он начал: «Мне ученье ваше
Не по нутру. . . Ты выбрать бы могла
Иное, поприветливей и краше
И боле ясное. Довольно зла
И гнусностей злоречье вашим братьям

Приписывает; враг я их понятьям,
Их суеверью. Но, вождей губя,
От них умею отличить тебя.
Мне тягостно предать тебя на муки.
Но я подвластен — связаны мне руки. . .
Как хочешь думай: я твоим мечтам
Пределов никаких не полагаю,
Но лютой черни буйственную стаю,
Хотя бы и притворством, должно нам
Смирить, спокоить. . . Веришь ли богам,
Не веришь ли, — без алтаря, без храма
Не обойдется; горстку фимиама
Им бросить, кажется, не тяжело».
— «Тяжеле гор вселенной грех и зло,
В них боле весу, чем земли основа, —
Так отвечает ратница Христова. —
Души моей я не продам врагу,
Святому Духу Правды не солгу!»
Настаивал проконсул — труд бесплодный!
Уж и отца давно был залит гнев
Опасностью кровавой и холодной:
Он молит, плача, руки к ней воздев;
Но, токам слез слезами отвечая,
Бессильная, страшливая, младая,
И тут не пошатнулась ни на миг.
И час ужасный, роковой настиг:
Завóпила, как тигр, толпа слепая;
Бледнеет Плиний, — уступил мудрец
И. . . деву предал. Тут верховный жрец
Астартина кумира первый камень,
Скрежеща, бросил в божию рабу.
Но деву преисполнил дивный пламень:
«Благословляю я свою судьбу! —
Она провозгласила. — Торжествую!
Свидетельствовать истину святую
Меня сподобил ты, Владыко Сил!
И се! горé над воинством светил,
Средь херувимов (вы его не зрите ль?)
Стоит и машет пальмой мой спаситель.
Туда, туда! там радость без конца,
За мной, Аминт! за мною в дом отца!
Я жду, не медли! — презри прах и тленье,

За мной, за мной!» — А он? — его мученье
В тот страшный час чей выскажет язык?
Считать ее своею он привык.
Он смеет мыслить, что не равнодушна
К его исканьям чистым и она.
И что же? богу своему послушна,
Могилы смрадной, гробового сна,
Всех ужасов свирепой, грозной казни
Питомица девической боязни
Не убоялась, только бы его
Не ставить высше бога своего!
И бог ее Аминту не противен:
Из уст любезной знает он Христа;
В ее устах сколь благ, велик и дивен
Спаситель мира! «Но ее уста
Чего же не украсят? — Так поныне
Говаривал Аминт. — Мечта! мечта!
О замогильной сумрачной пустыне,
О мире том не знаем ничего».
И вот же час настал: с очей его,
Как чешуя, упало ослепленье;
Грудь и его объяло исступленье,
И, жреческий сорвав с себя венец,
«Я, — он воскликнул, — идолам не жрец!
Умру за бога Зои, с нею вместе!»
Тогда взревел неистовый народ:
«Смерть жениху-злодею, смерть невесте!» —
И, как бурун неукротимых вод,
На них нахлынул. Из страны изгнанья,
Из мрака и скорбей и скверн земли,
Туда, в отечество, в страну сиянья,
Их души серафимы унесли.

Стоял же у подножья трибунала
Во всё то время мрачный иудей,
И, будто в темной глубине зерцала,
Пред взорами души его всплывала
Картина прежних дней.
Ему знакомый образ отражала,
Священный, дивный, юная чета:
Пред ним воскрес Христос в них, избранных Христа;
Так с тверди солнце сходит в грудь кристалла,

Так в лучезарные, златые небеса
Им превращается смиренная роса.
Но где гордыня, там не созревает вера;
Надменных чуждо божество;
Сразило то святое торжество,
Но не восторгом, сердце Агасвера.

Примечания

[1] Римляне свою империю называли Orbis Romanus, т. е. Римским миром: этот Orbis они противуставляли городу (urbi), мир — Риму. И по сию пору папа, преемник не только апостола, как называют его католики, но и древнего первосвященника (Pontifex Maximus) языческого Рима, в первый день пасхи с балкона собора св. Петра произносит сначала благословение urbi — Риму, потом orbi — миру.

[2] Критики очень справедливо заметят, что в царствование Траяна зверям уж несколько поздно было искать в земле трупов тех, которых убили при взятии Иерусалима Титом.

[3] Саддукеи отвергали, как видно из Евангелия, бессмертие души: они между жидами были вольнодумцами, философами, esprits forts.[1]

[4] Эта исполинская просопопея в Мильтоновом «Потерянном Раю» пришла очень не по нутру Аддисону и чопорным Аристархам XVIII столетия. Между тем в ней все так живо и ужасно, что, право, кажется, читаешь не просто продолжительное олицетворение двух отвлеченных понятий, а изображение двух настоящих чудовищных лиц: Грех и Смерть Мильтона вовсе не сродни скучным и вялым аллегориям, которыми Вольтер вздумал, было, в своей «Henriade» заменить мифологические лица Гомера и Вергилия.

[5] Данте и Тассо, первый — Эсхил, другой — Еврипид между романтиками, оба в том сходны между собою, что диаволу вполне сохранили ту страшную маску безобразия, которую надели на него средние века и народное верование. Мильтона, протестанта и поэта-метафизика, почти невозможно считать романтиком: но, без сомнения, он между *новыми* величайший, точно так как, земляк его и почти современник, Шекспир — последний и величайший между романтиками. Как несчастный Спинелло Аретинский первый между живописцами, так Мильтон прежде всех поэтов дерзнул отступить от всеми принятого предания и представить князя темных сил не отвратительным чудовищем, но, по наружности, все же ангелом, хотя и падшим, сохранившим и в самом падении красоту и величавость. Но у Мильтона, как и у Спинелло, сатана ужасен самою красотою: он ею не может обмануть духов света, с которыми встречается. Только философскому безвкусию первой половины

---

[1] Вольнодумцами (франц.). — *Ред.*

XVIII века была предоставлена честь выдумать сентиментального диавола-плаксу — Аббадону, равно отвергаемого и небом и адом. Пери персидской мифологии совсем другое дело: раз, существа средние, падшие, но не отверженные, чающие примирения, они, во-вторых, духи-девы, обитательницы не ада, но мира вещественного; наконец, в них сильно преобладает начало добра: после своего первого и единственного падения они только и думают, как бы благотворить человеку, утешать страждущих, лелеять сирот и пр. Им не только красота, но и скорбь о минувшем и тоска по прекрасной утраченной отчизне — в высокой степени приличны.

6 Хотя не патрициев, однако же все же джентльменов, кавалеров, всадников (equites), выводил в цирк не Нерон, не Калигула, а лучший, может быть, изо всех цесарей — Юлий.

7 Об этом соусе заставил рассуждать отцов римского народа император Домициан.

8 Панегирик Траяну известен всем — несколько знакомым с классическою литературою.

9 В стихах позволено забыть, какая это была страна; в прозе скажем, что Плиний был проконсулом в Вифинии.

10 Graeculi — уже Гораций их так величает.

11 Тор (torus) — возвышенное ложе вроде наших канапеев, но не низменных турецких диванов: «Ac toro pater Aeneas sic orsus ab alto» (Verg. Aen. Lib. II. Ver. 2).[1]

12 Антиной и Мессалина слишком известны. Спор (Sporus) — гнусный любимец императора Нерона.

13 О запросе Плиния касательно христиан и об ответе ему Траяна смотри Диона Кассия. Довольно любопытно, что в XVIII веке (и не в школе энциклопедистов) сыскался писатель Cuvier, ученик Ролена, который находит, что — vu les circonstances[2] — Optimus Maximus[3] Траян не мог дать лучшего ответа.

14 Астарот (Astaroth) и Астартэ, идолы ханаанитского, финикийского происхождения, вероятно олицетворение сил природы оплодотворяющей и рождающей. Римляне охотно принимали в свой пандемониум богов племен, которых покоряли; но с новыми именами обыкновенно сопрягали свои понятия: Бел или Ваал становился у них Аполлоном, Астарот — Юпитером, Астартэ — Юноною.

15 С курульских кресел преторы разбирали дела своей курии. Потом подобные кресла были присвоены всем мужам консулярским и наконец и остальным сенаторам.

16 Петух Сократа довольно известен; положим, что тут скрывалась какая-то аллегория. Но Цицерон, без всякого сомнения, был авгуром, а между тем в одном из своих писем (не помню — к сыну ли, к Аттику ли) говорит, что невозможно, чтоб авгур глаз на глаз встретился с авгуром, не захохотав во все горло.

---

1 Родитель Эней так начал с высокого ложа (Верг., Эн., кн. 2, стих 2) (лат.). — *Ред.*

2 Ввиду обстоятельств (франц.). — *Ред.*

3 Всемогущий (лат.) — *Ред.*

IV

Блестят надменные палаты
С чела присолнечной скалы:
Бароны, рыцари, прелаты
Текут в Каноссу, [1] как валы. . .
И что же их в Каноссу манит?
Или спешат на светлый пир,
И арфа трубадура грянет,
И бурный закипит турнир?

Нет, в честь Марии, в честь Амура
С дрожащих, сладкозвучных струн,
При чистой песни трубадура,
Не побежит живой перун; [2]
Девизы [3] не сорвут улыбки
С румяных губок нежных дев,
И треска дерзновенной сшибки
Не сопрово́дит трубный рев.

Прелестных жен, мужей суровых
Иной туда позор влечет:
Там пред рабом рабов христовых [4]
Властитель мира в прах падет,
Падет, смиренный и покорный,
Пред дряхлым старцем грозный царь:
По битве страшной и упорной
Порфиру победил алтарь.

И вот стоит с свечой в деснице,
Немым отчаяньем объят,
Бос, полунаг, в одной срачице,
У запертых дворцовых врат
Злосчастный Гейнрих; жрец угрюмый
Глядит с балкона на него;
С чела жреца тяжелой думы
Не снимет даже торжество.

А кругом дворца толпа,
И жестока и тупа,
Зверь свирепый, зрелищ жадный,
Смотрит, будто камень хладный,

На безмерный срам того,
Чьих бы взоров трепетали,
Чей бы след они лобзали
В день величия его.

И чуждый толпы и в толпе одинок,
На кесаря, папу и волны народа,
Как белый кумир, недвижим и высок
(В нем точно ли бренная наша природа?),
Стремит кто-то с башни таинственный взор,
Пылающий, словно ночной метеор. . .

Он, по одежде странной и бесславной,
Однако и богатой, — иудей: [5]
Их в оный век слепой и своенравный
Едва ли и считали за людей,
Жгли, резали; а между тем в их руки
Попали и отцветшие науки,
И золото. Во всех землях пришлец,
Всем ненавистный, нужный всем делец,
Растерзанный, а всё несокрушимый,
Израиль странствовал. — Бывал врачом
И пап и кесарей еврей гонимый,
Бывал заимодавцем, толмачом
Арабских книг не раз служил монаху, [6]
Монах же выводил потом на плаху
Учителя или в огонь ввергал.
Еврей и папский врач тот муж, который
Вниз на народ бросает с башни взоры, —
И вот он прошептал:

«И царство твое не есть сего мира?
А ряса наместника господа Сил
Ответствуй, — ужели не та же порфира?
А инок на выю царя́м наступил?»

Как некогда из клева врана,
Ведомый богом на восток,
В горах питаем был пророк,
Так в царстве Роберта Нормана, [7]
В стране разительных судеб,

Смягченный бременем изгнанья,
Ест горестный и черствый хлеб
Из рук суровых подаянья
Бессильный и больной старик,
А был он паче всех велик:
Пред ним народы трепетали,
Дрожали вла́стели пред ним;
И что ж? настали дни печали,
Восстал неблагодарный Рим [8] —
И он, из уз освобожденный
Пришельцев хищною толпой,
На одр скорбей в земле чужой
Пал, славы и венца лишенный. [9]
Десницей господа разбит,
Свинцовой бледностью покрытый,
Полуразрушенный, забытый,
В Салерне Гильдебранд лежит,
И, мрачный, у его возглавья
Его суровый врач стоит.
Искусен Агасвер, но здравья
Отдать и он тому не мог,
Кого на суд зовет сам бог.
Какое зрелище — кончина,
Исход в могилу исполина,
Вещавшего: «Я на земле
Наместник Вечного Владыки;
Мне покоряйтеся, язы́ки,
Цари, — смиряйтесь!» — На челе,
С которого перуны власти
Когда-то падали, — все страсти
Потухли в передсмертной мгле;
И только некий луч чудесный
Дробится из-за тяжких туч
Изнеможенья, — веры луч
Святый, таинственный, небесный.
И врач увидел, как старик
Подъял к распятью взор смиренный.
Тут обвинитель раздраженный
Сначала головой поник
И, мнилось, собирает мысли;
Потом сказал: «Монах, исчисли,
Раздумай всё, что повелел

Тот, чьим зовешься ты слугою,
Что нарушал ты, горд и смел,
Что перед чернию слепою
Неправдой наглой искажал. . .
«Да будешь кроток, тих и мал!
Благословеньем за проклятья,
Любовью за вражду плати,
Господь — отец ваш, все вы братья.
От Бога власти, — власти чти;
И, если даже кто в ланиту
Тебя ударит, — ты в защиту
И тут руки не поднимай,
Ему другую подставляй. . .»
Ты — презрел ты его глаголы:
Шатал ты и громил престолы,
Смущал вселенну, на отца
Злодея, жадного венца,
Родного сына ты воздвигнул; [10]
Ты наконец меты достигнул:
С челом, израненным от стрел
Ужасных клятв, тяжелых слуху,
У ног своих царя узрел. . .
Ужель Христу служил ты? — духу,
Владыке мрака ты служил.
И что ж? — ужель и ты возмнил:
«Причислен буду к чадам света»?
Молчишь, Григорий? — жду ответа!»
Григорий на него взглянул:
«Меня твой голос досягнул,
Как будто мук нездешних гул,
К которым кличет преисподня!
Так! спал с очей моих покров. . .
Посол ли ты суда господня?
Увы мне! к ближнему суров,
К себе еще жесточе, строже,
Я и на троне был монах,
Был сух мой хлеб и жестко ложе,
И что ж? — соцарствовал мне страх:
Поправ закон любви смиренной,
Я гордых попирал во прах,
Я, судия царей надменный!
Кругом меня лежала мгла,

И слеп я был... Пусть не была
Та слепота моим созданьем,
Но — спал покров с моих очей,
Увы! ты прав: я был злодей!
Не торжествуй еще, еврей!
Всё ж я проникнут упованьем:
Христос отвергнет ли меня?
Не пал же в алчный зев огня,
Живым раскаяньем объятый,
И тот разбойник, с ним распятый,
Которого в последний час
Христос, мой бог, простил и спас!»

Он умер — и что же? уста Агасвера
Пятнать не дерзнули клеймом лицемера [11]
Седого чела
Огромного старца, его же была
Начертана в мире десницею бога
На пользу веков роковая дорога!

Примечания

[1] Каносса — замок знаменитой маркграфини Матильды, в котором, подвергшись самой унизительной эпитимье, император Гейнрих наконец вымолил себе прощение папы Григория VII. О Матильде скажем, что она была постоянным в счастии и несчастии другом Гильдебранда; напрасно протестантские писатели силились очернить их отношения; по недавно напечатанным письмам к ней Гильдебранда видно, что эти отношения были чистые и высокие. Она была ему предана искренно, как отцу — по понятиям католиков — христианского мира и как человеку истинно необыкновенному.

[2] Языческий мир в песнях трубадуров и в рассказах троверов долго еще жил как народное, темное предание, хотя церковь и отвергла его верования; вдобавок, жил не просто как реторическая фигура, а с некоторою склонностью — в душе певцов и рассказчиков, с одной стороны, а слушателей, с другой, — предполагать, что боги прекрасной Греции не одна выдумка, а, может быть, существа настоящие, живые, средние между человеком и жителями духовного мира, нечто вроде арабских фей или иранских пери. Вот почему так часто встречаешь в романсах и канцонах средних веков возле имен Пречистой Девы и святых имена Амура, Венеры, Юпитера (Jupiro) Последние следы этого очень примечательного явления находим в Камоэнсе и в немецкой прелестной народной сказке: «Der Schwa-

nenschleier» («Лебяжье покрывало»), переделанной Музеусом. — Греческая мифология перестала быть преданием и стала пустою реторическою фигурою без жизни и таинственности уже по так называемом возрождении наук в XVI столетии.

[3] Девизы и эмблемы, это чисто восточное обыкновение, как известно, играли большую роль в живописном языке и нравах рыцарских веков.

[4] Папы назвали себя *рабами рабов Христовых* (Servi servorum Christi), желая пощеголять своим смирением перед цареградскими патриархами, которым вздумалось было принять титло: «патриархи патриархови и епископы епископови».

[5] Жиды в средних веках, сколь бы богаты ни были, везде должны были носить на одежде своей какую-нибудь отлику, например желтый лоскут на правом плече, чтоб их тотчас можно было узнать. См. «Ивангоэ» Вальтера Скотта.

[6] Посредниками между учеными арабами и варварами-франками (и почти единственными) были жиды. И сами они, несмотря на оковы, налагаемые на их ум вместе и гонениями, и талмудом, превосходили тогдашних христиан и просвещением, и успехами в науках. Имена, каковы: Веньямин Тудельский, Авиценна, Аверроэс, останутся незабвенными: все трое были испанские жиды.

[7] Роберт, по прозванию Гвискард, т. е. мудрый, *вещий*, полуземляк нашему *вещему* Олегу, выходец из Нормандии, где его родовичи в то время едва ли еще успели стать французами, с своими братьями отнял Неаполь и Сицилию у арабов и греков и основал Королевство Обеих Сицилий. Он был другом папы Григория VII и противником Гейнриха IV.

[8] Бунт римлян противу папы, им облагодетельствованных и возвеличенных, во время осады города их Гейнрихом может назваться истинною неблагодарностию, да — вдобавок — изменою отечеству, потому что тедеск Энрико, хотя бы он был и прав в своем споре с первосвященником, во всяком случае был врагом и утеснителем Италии.

[9] Папа принужден был заключиться в замок San Angelo и, вероятно, не миновал бы плена, если бы его врасплох не освободили сицилийские норманны.

[10] Известно, что наконец, вследствие раздоров кесаря Гейнриха и папы, отложился от императора собственный сын его, который потом царствовал под именем Гейнриха V.

[11] Называйте, как угодно, Гильдебранда: честолюбцем, жестоким, пронырливым, — но лицемером он едва ли был: жизнь он вел самую строгую, истинно постническую; сверх того, по месту, которое занимал, и по духу времени, сам глубоко убежден был в святости своих прав.

V
ЛЮТЕР

Идет, идет вперед без отдыха гонимый,
Таинственный ходок, ничем не сокрушимый,
Идет на север он: за Альпы путь простер
Из Рима вечного бессмертный Агасвер.
Он день и ночь шагал, как будто крылья бури
Унесть его хотят за крайний край лазури;
Он несся мимо гор, и деревень, и скал,
И будто призрак он пред встречными мелькал. . .

И вот пред ним стоит громада башен острых
И шестиярусных подоблачных домов:
Из самых старших то тевтонских городов,
Богатый, вольный Вормс; и в Вормсе сейм имперский,
И должен быть судим на сейме инок дерзкий,
Который там в углу, в Саксонии, восстал
На страшного жреца семи латинских скал.
Сам кесарь судия; с ним вместе кардинал
И семь электоров: не убоится ль инок?
Он даст ли им ответ без страха, без запинок?
И в Думе городской сошелся весь собор:
Князья, епископы; шляп, шлемов, перьев бор,
Всё рыцарство; сидят. Дон Карлос мрачный взор
С престола на вождей племен германских мещет;
Надежда гордая в груди его трепещет,
Он шепчет: «Этих всех сломлю полуцарей,
Им рухнуть под рукой железною моей!
Я им товарищ, им! Ведь и на них порфира!
Я им товарищ, я, властитель полумира,
Аббату Фульдскому товарищ, да князькам,
Которым нет числа, Саксонским! нет, не дам
Им дольше чваниться! Слугой или вельможей
Пускай любой из них торчит в моей прихожей,
Но от державства вас, друзья и сватовья,
Примусь я отучать, и отучу же я!»
Но в Думе, вне ее, на стогнах ждут монаха;
Его же самого костер ждет или плаха,
Когда бы вздумал Карл, смеясь, нарушить лист,
Где сказано: «Хотя б и не был прав и чист

Ты, инок ордена святого Августина,
А слово ты прими царя и дворянина,
Что возворотишься и невредим и цел».
Не точно ли таким и Гус листом владел?
И что же? на костре отважный чех истлел!
Вдруг раздалось: «Идет!» Безмолвье вместо шума
Настало. Смотрит чернь. Засуетилась Дума.
Тут дивного Жида, как древле Аввакума,
Схватило за вихорь, бросает за толпу
И ставит на ноги к стрельчатому столпу,
У самого крыльца, за сотником отважным
Трабантов кесаря, седым, суровым, важным,
Угрюмым воином, изрубленным в боях. . .
И должен проходить пред сотником монах,
Взбираясь вверх, туда, где, темный и презренный,
Он станет отвечать пред сильными вселенной.
Вот он! Не скор, но чужд боязни твердый шаг,
С него не сводит глаз тот самый строгий враг,
Который, потому что благодать порочил,
Великому из пап при смерти ад пророчил,
Который лишь кивал надменной головой,
Когда толпа, подняв свирепый, зверский вой,
Скрежеща, тешилась над Зоею святой.
Бесстрашен Агасвер. Но силы непонятной
Вдруг что-то вздрогнуло под чешуей булатной
Седого рыцаря: ударив по плечу
Героя инока, он молвил: «В бой лечу —
И бой мне нипочем; но твой поход тяжеле:
Поп, ныне я в твоем быть не желал бы теле!»
Но очи Лютера заискрились, зажглись
И устремились вверх в лазуревую высь
С той дивной верою, всесильно-чудотворной,
Которая без дум речет горе покорной —
И ввергнется гора в пучину волн морских;
Потом, на сотника понизив с неба их,
Ответил: «В божьей я защите, в божьей воле!
Их не боюся я, хотя б их было боле,
Сплошь дьяволов, чем вот на крыше черепиц!
Без бога не падет малейшая из птиц,
Без бога (с нами бог!) не сгинет мой и волос!
Зовет меня мой бог, я божий слышу голос!»

И в зале очутился Жид,
Никем не видим, словно в том тумане,
Который защищал в сухом Аравистане
От зноя некогда евреев. Пышный вид
Собрания его не озадачил:
Он видел кесарей восточных светлый двор;
Он что-то при дворе Бабера-шаха значил, —
Но на монахе он остановил свой взор.
Насмешник пагубный и едкий,
Философ, филолóг и диалектик редкий,
Сам кардинал вступил с суровым немцем в спор,
А кроме вечного божественного Слова
Не знает Лютер ровно ничего;
Всех знаний и всех чувств и мыслей всех основа —
Единое оно наука для него.
Бой начался. И кардинал лукавый
Сначала, будто тигр, жестокий и кровавый
В самом медлении, свирепо-терпелив,
Прилег и дремлет, когти притаив;
Стремит на жертву масляные взгляды
И льет реками мед обильной звучной свады;
Потом без принужденья перешел
К иронии; вот легкие угрозы;
Вот снова на глазах явились чуть не слезы...
Но наконец его зарокотал глагол.
И засверкал сарказм, и громы Ватикана
В персть, кажется, сотрут германца-великана.
Спокоен Лютер; изворотлив враг,
Блестящ, язвителен, красноречив и тонок;
Полудикарь тедеск всё тот же: без уклонок
За речию его идет за шагом шаг,
Не опирается на разум ломкий,
Но произносит текст решительный и громкий —
И разлетелись врозь, как стаи диких птах,
Софизмы мудреца. И смотрит вверх монах,
И самого себя смиряет он и малит,
И молча молится, и молча бога хвалит.
Неистовый доминиканец Эк
Сменяет кардинала-дипломата;
Но этого невежу-супостата
Уничтожает вмиг великий человек.
И за учителем подъемлется учитель,

И много доблестных; но всех их правота
Сражает именем и помощью Христа;
Отважный Лютер всех их победитель.
Тогда в сердитых их рядах возник
Глухой, опасный шепот,
Он вскоре превратился в громкий ропот,
И вскоре — в бешеный, неукротимый крик:
«Пусть отречется еретик
Без дальнего, пустого объясненья
От своего проклятого ученья;
Или в него перун анафемы метнем,
И в ад он ринется в нечестии своем!»
Так немцы голосят и топают ногами
И сжатыми грозят противнику руками;
А итальянец обнажил кинжал
Или прицелился тишком из пистолета.
Эк, грязный симонист, вскочил и вопиял:
«Костер, костер ему, он хульник параклета!»
Кто мог бы тут узнать святителей синклит,
Честь церкви божией, цвет лучший христианства?
Со смехом Жид шепнул: «Безумная от пьянства,
Пред блудным домом чернь, беснуяся, кричит!»
Нахмурил брови Карлос величавый
И скипетром махнул и бросил гневный взор:
Затрепетал и смолк их яростный собор.
Властитель Лютеру сказал: «Они не правы,
Но слишком дерзок ты, свой голос ты понизь;
Ступай, от своего ученья отрекись».
И Лютер тут к готовому налою
Бестрепетно идет
И руку на Евангелье кладет,
И, воспарив горѐ восторженной душою,
Воскликнул: «Духу правды не солгу!
Отречься, видит бог, никак я не могу!»
Да, он погибнет: слаб отпор баронский, —
Анафема и дерзких леденит.
Да! он погибнет, если божий щит
Его незримо не прикроет. Князь Саксонский,
Что медлишь, благородный Иоанн?
Ты ль, Гессенский Вильгельм, всегда доселе смелый,
Испугом бледным обуян?
И что же? сыну Изабеллы,

Властителю столь многих царств и стран,
Которых и ему неведомы пределы,
Так молвил темный инок: «Государь!
Ты защитишь меня от кровопийц свирепых:
К числу ли сказок отнести нелепых
И честь и честность царскую? Есть царь
И над царями: лист твой у меня, —
И лист твой вынесу я из того огня,
Которым мне грозят, и к господу представлю!»
— «Молчи! тебя избавлю», —
Дон Карлос отвечал, с досады побледнев,
Но не на Лютера он излиял свой гнев:
«Мятежники, садитесь! не забудьте,
Что здесь верховный судия
Германский император, я!
В моем присутствии смиренней вы будьте!
Я вам не Сигизмунд», — сказал
Могущим голосом прелатам император.
Красноречивый, вкрадчивый оратор,
Хотел промолвить что-то кардинал,
Но Карлос головой кудрявой покачал
И подозвал саксонца Иоанна:
«Электор, проводи из города, из стана
Схизматика: он твой вассал...
Ему дан лист охранный;
Но пусть не попадется мне:
На колесе склюют его орлы и враны,
Или истлеет он в огне!»
И вывел ратника за истину и бога
Саксонец из опасного чертога,
И император сейм мятежный распустил.

Что ж Жид пред мужем веры, мужем сил,
Почувствовал? «Фанатик! много их, —
Он молвил, — в стаде Иисуса!
Жаль, не сожгли его, как Иоанна Гуса!»
Но нечестивец вдруг притих:
Ему явился ряд таких воспоминаний,
Которые излили ток страданий
В окаменелую от долгой муки грудь, —
И Агасвер был принужден вздохнуть.

VII

Безверье, легкомыслие, разврат
Избрали Францию любимицей своею.
Маркиз и откупщик, философ и аббат
Равно готовили для гильотины шею,
Затем, что, позабыв, что есть господь и бог,
Там всякий делал то, что только смел и мог,
И что глупцы слепые, без печали,
Резвясь, переворот ужасный вызывали,
Который пролил кровь, как водопад с горы,
Который, как и всё, что шлет нам провиденье,
Ниспослан был земле во благо и спасенье;
Но звать, выкликивать без мысли, до поры,
Без веры, с хохотом, столь страшные дары —
Не богоборное ли дерзновенье?
И как же было в эти дни
Всё так изящно, гладко, мило,
И вместе всё так страшно перегнило!
Играли, прыгали, резвилися они,
Как будто обезумев от дурмана,
Над яростным жерло́м разверстого волкана.
Разврата грубого регентовских времен,
Времен Людовика, Людовикова деда,
Конечно, не было в Версале даже следа,
И следу не было и средь парижских стен,
Где богачи порой без вкуса подражали
Всем выдумкам и прихотям Версали.
На троне юноша задумчивый сидел,
С душой, исполненной любви и состраданья
К народу своему и чистого желанья
Помочь его беда́м. За всякий же предел
Беды́ те перешли: придавлен тяжкой дланью
Откупщика к земле, обремененный данью
Правительству, дворянству, алтарю,
Крестьянин раннюю в трудах встречал зарю
И отдыха не знал до самой поздней ночи,
А дома — дети, голод, плач и стон!
Когда ему терпеть не станет мочи,
Не в тигра ли перезродится он?
А между тем, беспечная как птичка,
Порхала средь цветов державная Австрийчка

И за мильоном тратила мильон,
Чтоб в Пафос превратить Марли и Трианон.
А между тем Дора, Бернар и Сенламбер
Без мысли и печали
Свои стишки водяные кропали. . .
Им всем в провинции жестоко подражали:
В Лане, например,
Любезник деревянный Робеспьер;
Он. . . но тогда точил он мадригалы,
Которым удивлялись залы
Руанские. А между тем ужасно,
Нося погибель, долг народный рос;
Министры и системы ежечасно
Переменялись. Но колосс
Весь трясся, перегнив до сердцевины.
Священство? Высшее? Предчувствуя погром,
Казалось, только думало о том,
Как бы спасти свои доходы, десятины,
Поместья и помещичьи права.
Аббаты лучше их: пуста их голова,
Святые их обеты позабыты,
Сплошь будуарные шуты и волокиты;
Но кое в ком из них душа еще жива,
Но кое-кто из них перо брал для защиты
Народа скорбного, сравненного с скотом.
Всё это замечалося Жидом,
И радовался он глубокому упадку
В религии, и был уверен в том,
Что эти лже-жрецы все первому нападку
Уступят и отступят от Христа.
Но гордого ума догадки суета;
Но насылает бог неистовые бури
Для очищения померкнувшей лазури;
И чудным образом, средь гроз, и зол, и бед,
Дух просыпается, и вот находит след,
Находит верную, надежную дорогу
Обратно к своему отцу и богу.

Всё рушилось; всё пало; церкви нет;
Престол вдруг рухнул в зев бездонный;
Глухая ночь, померк последний свет;

Король казнен. Народ кровавый, полусонный,
Жертв требует еще, но жертв почти уж нет.
В то время палачу тяжка была работа:
Он чистил Францию, как чистит рощу пал.
Сначала с эшафота
Он буйной черни головы казал
Ей ненавистных монархистов,
Различных видов и цветов,
Когда-то яростных между собой врагов:
Народ их не терпел; но, молчалив, суров,
Встречал и их без хохота и свистов.
Но вот Жиронды час настал:
Стал чистить кум палач и их, как тот же пал.
Тогда великие таланты пали:
Вернье и Барбару, Роланова жена
И дева дивная, чудесная, она,
Пронзившая огнем холодной стали
Урода гадкого, который во́пил: «Кровь!»
И крови жаждал, как воды студеной;
Он, вечно бешеный, всегда остервененный,
Печатал и кричал: «К отечеству любовь,
К свободе, человечеству и благу
Должна в нас укреплять свирепую отвагу
Срывать с тех головы, сажать их на копье,
По улицам рубить, кто мнение свое
В Конвенте выскажет, не справясь с нашим мненьем!»
И дале, дале, очередь дошла
До мужа грозного: он черным преступленьем
Себя ославил, много сделал зла,
Но Францию он спас, когда уж погибала.
Он создал войско, создал генерала,
Он храбрость создал: ребятишек он,
Босых мерзавцев, превратил в героев.
И что ж! пред ними дрогнул легион,
Который целой сотней боев
Стяжал в Европе первенство. Дантон
Рукой гиганта, гением титана
Попятил пруссаков: свободен край родной,
Но кровь темничных жертв подъемлет к небу вой!
Готова кара великана.
Как лев, погиб он: судьи трепетали,

Как уличенные преступники, пред ним.
Он шел на казнь неустрашим,
Но не без тягостной печали:
Жалел жены смиренной он своей,
Жалел птенцов — своих детей.
С ним пал и Демулен, вития превосходный,
Да с милой легкостью, уж чересчур свободной,
Менявший мнения, знамена и вождей.
Но, чтоб набросить тень на яркий блеск Дантона,
С ним вместе гильотине роковой
Предали взяточников рой,
Воров публичных, продавцов закона.
«Кто ж эти чудеса творил?
Не муж ли, недоступный страху
И полный демонских неколебимых сил?
Потомка ста царей возвел на плаху,
Талант, науку, ум, честь, красоту казнил,
Казнил порок и добродетель. . .
И наконец,
Презрев порфиру и венец,
Стал страшной Франции безжалостный владетель.
Злодей-то он, ужаснейший злодей,
Но вместе самый мощный из людей!»
Не беспокойтесь: это трус тщедушный,
Перед грозой всегда дрожащий, малодушный,
Оратор слабый, но чудесный лицемер,
Гиена-плакса, честный Робеспьер,
Когда-то сладеньких стишков плохой слагатель,
Теперь земли родной кровавый обладатель.
Всё это замечалося Жидом,
Но вместе видел он, как двадцать, тридцать верных,
Свой дом покинув ночию, тайком,
Сбирались в глубинáх пещерных
И как принос бескровный иерей
Без страха приносил за божиих друзей.

§ 1-Й. НАНТ

Свирепствует Карье. Несчастный Нант трепещет.
Палач от казни изнемог;
Тут изверг гильотиной пренебрег:
Картечь в священников, в аристократов мещет.

Республиканские вдобавок свадьбы шут
Изволил выдумать: аббата с дамой вместе
Велит связать; приданое невесте —
На шею камень в пуд,
В два пуда жениху, — и их в Луару бросят, —
И это всё без всякого суда!
Нет, пусть властей парижских не поносят,
А в захолустия заглянут, да сюда,
В провинцию: здесь во сто крат страшнее!
Здесь всякий комиссар — проконсул, и сильнее
Любого римского. — С Карье сошелся Жид
И был тираном приглашен на ужин.
Карье был Агасверу нужен:
Он согласился. Звание и вид
Пришлец менял как вздумает, но чтобы
Везде ему был доступ, он врачом
Слыл часто, твердо убежденный в том,
Что людям их бесценные утробы
Всего любезнее под мировым шатром.

§ 2-Й. УЖИН У КАРЬЕ

Карье

Пей, доктор: это мне вино с курьером
Прислал гостинец из Бордо Тальэн.

Жид

Одобрится ли только Робеспьером
Такая дружба?
«Не без ушей у стен, —
Вскочив, пролепетал Карье с испугом. —
Откроюсь пред тобой, как другом:
Я чист; шпионы не найдут следа,
Чтоб брал я взятки. . . никогда!
Тальэн мне друг; но он иное дело:
Хватает, грабит слишком смело;
В Бордо составился ископ,
Чтоб на него донесть. — А что мой гороскоп?»

Жид

Тальэн переживет тебя.

Карье

Ужели!
А сколько мне прожить?

Жид

Не знаю; только мне
Пророческие звезды ныне пели,
И ты заметь вдобавок, не во сне:
«В страшной длани Робеспьера
Дни могущего Карье...
Не было еще примера:
Но Вереса пощадит,
Злой, благою тьмой покрыт,
Бессеребреник Катон,
И сойдет со сцены он».

Карье

Со сцены кто сойдет: Катон или Верес?

Жид

Не знаю. Вещий дух исчез
И не расслушал всех моих вопросов.

Карье

Я чист. Я не боюсь доносов:
Су ни с кого я не́ брал. Был я строг,
Но твердо убежден: быть мягче я не мог.

Жид

А завтра ты попов предашь картечи?

Карье

Да! завтра: решено... Не хочешь ли ты речи
Исподтишка со мною завести,
Чтоб их помиловать?

Жид

Почти.

Карье

Э, доктор, берегись! тебе я благодарен,
По милости твоей здоров я, словно барин;

Пропал мой ревматизм. Но за такую речь
Попасть и сам ты можешь под картечь.

Жид

Я под нее прошусь.

Карье

Ах, доктор ты мой бедный!
Недаром стал такой ты бледный:
Ты охмелел, ты совершенно пьян!

Жид

Я выпил во всю ночь один стакан.
Я не боюсь твоей картечи.
Я гость твой: неужели гостя речи
Не хочешь выслушать? Позволь мне им
На самом месте именем твоим
Пощаду объявить, но только б отступили
От своего Христа.

Карье

Изволь, изволь! Но ты не трать пустых усилий:
Их знаю; не отступят никогда.

§ 3-й. Мученики

Сияет светлый луг пред городом прекрасным;
Как утро хорошо под этим небом ясным!
Как воздух чист и свеж! Как сладок ветерок!
Приветлив и пригож каштановый лесок;
Повсюду пышные сады, усадьбы, нивы...
И как же ль люди не счастливы!
Взгляните: из темниц и башен городских
Не граждане ль влекут сто сограждáн своих,
В оковах, но свободных от боязни,
Священников, Христовых верных слуг,
На этот самый светлый луг,
Чтоб мученической предать их казни.
Свободен, без оков, шагает Жид средь них;
Он некоторых знал в Париже прежде, —
Вот почему он в суетной надежде,

Что увлечет хоть этих. Например,
Он руку подал бледному аббату,
Лет тридцати.
«Лизету мне и хату!»
Я ваши песенки, Лельер, не позабыл.
Тогда — вы как же были милы,
В сарказме вашем сколько было силы,
Как бредни поднимали вы на смех!
И что таить? да и таить-то грех:
Вы поклонялись шалуну Вольтеру
И славили везде естественную веру.
И вас ли вижу здесь, любезный мой аббе,
Клянусь, к живой моей печали?
Как в сонм фанатиков безумных вы попали?
И с ними вы ль одной обречены судьбе?
Ей-богу, это странно, это ново!
Но полномочье от Карье
Есть у меня; скажите только слово:
«Я не христьа́нин!» — буду сам без головы,
Когда не тотчас же свободны вы».
И вот закованные руки
С усильем на небо Лельер
С молитвой тихою, безмолвною простер.
«Я христианин, — он сказал. — Мне муки
За бога своего и спаса и Христа
Принять такая честь, которой, окаянный,
Я бы не стоил никогда.
Но *он*, мой пестун постоянный,
Он, верный пастырь мой, бежавшую овцу,
Уж погибавшую, нашел в степи ужасной,
На рамо возложил и, в день святый и ясный,
Принес обратно к *своему отцу*.
Молюся, доктор, чтоб и вас нашел спаситель».

«Sancta simplicitas,[1] — подумал соблазнитель. —
Вот молится, чтоб Вечный Жид
Покаялся!» Но вместе тайный стыд
Почувствовал и отошел смущенный.
Достигли места. Тыл к реке прижат

[1] Святая простота (лат.). — *Ред.*

Глубокой и заране раздраженной,
Что вновь ее телами отягчат.
И, собственную жизнь от выстрелов спасая,
Тут расступилась стража городская
И, глаз с страдальцев не спуская,
Построилась поодаль по бокам:
А там, а там —
Противу них, по манию злодея,
Готова адом грянуть батарея...
В руках солдат дымятся фитили;
Но грохотом еще не дрогла грудь земли,
И молнии смертей еще не засверкали,
И медлит пасть на осужденных рок:
Не миновал еще тираном данный срок
И могут все еще, без горя, без печали,
Свободные, назад идти в свой дом,
А только бы расстались с Христом
И увещаниям Жида усердным вняли.
К тому, к другому он с рассудком и с умом,
С доводами и просьбами подходит,
Но только ужас он на всех наводит,
И все бегут его, огородясь крестом;
Иной же говорит: «Отыди, муж жестокой!
Что так моей души ты ищешь одинокой?»
Тут бледный Агасвер, отчаянный игрок,
Не испытав такого срама сроду,
Стал тасовать свою последнюю колоду.
Он смотрит: молится дрожащий старичок;
Взглянул: епископ, в фиолетовой одежде;
Припомнил: он знаком и с ним был прежде;
К нему подходит в суетной надежде:
«Как? Вас ли, monseigneur,[1] я вижу? Вы ли то?
В нотаблях были вы: встречались мы в Версали...
Однажды мне с улыбкой вы сказали:
«Здесь о религии не думает никто;
Но галликанской церкви быт
Быть должен сохранен: при нем епископ сыт,
Да есть и лишек на собак сердитых,
По всей окрестности проворством знаменитых,
На áнглийского доброго коня,

[1] Ваше преосвященство (франц.). — *Ред.*

И — кое-что на что...» Оставивши меня,
Вы в бойкий разговор за Фигаро вступили...
И после легоньких усилий
Зоилов автора вы в пух, вы в прах разбили...
И ныне — извините — ха! ха! ха!
Не побоясь ни срама, ни греха,
Нас уверяете, что гибнете за веру!
Оставьте пошлому всё это лицемеру:
Вы гибнете за ваших псов,
За вашего коня породы чистой
И кое-что за что; вы человек речистый,
Но то оставили без дальних слов.
Я к вашей кстати подоспел защите:
«Философ я, — скажите, —
Я не ханжа» — и вам свободен путь — идите».
И старец покачал седою головой:
«Тяжелый, страшный груз лег над моей душой,
Но видит, знает он, мой послух и свидетель,
Что, скверн и мерзостей бесчисленных содетель,
От бога моего и спаса и Христа
Не отступлюсь я никогда!»
И старец замолчал, и тверд его был голос,
И солнцем озлащен кудрявый белый волос,
И озлащенна борода,
Лучами облит весь. Раздался конский топот,
И вершник закричал: «В народе слышен ропот,
Немедленно к себе
Вас, доктор, просит гражданин Карье,
А для преступников настало время казни!»
— «Я посрамлен попами: без боязни
Все на смерть просятся: я, брат, останусь здесь
И выжду я, чем кончится их спесь...»

Вершник

Здесь?
Здесь вас убьют, застрелят.

Жид

Как эти люди мелют,
А если я хочу застрелен быть, убит?

«У всякого свой вкус», — тот молвил и летит.
«Что ж — доктор?» — вершнику Карье кричит.

Вершник

Ваш доктор — доктор ваш сердит!
Или с ума сошел, или он англичанин. . .
Твердит: «Я, брат, останусь здесь
И посмотрю, чем кончится их спесь».

Карье

Он англичанин! Ах, я в сердце ранен,
Адепт он Йорка, Питтов он шпион!
А был почти моим домашним он!

Так бормотал Карье: и гадок и смешон
Был изверга трусливый, жалкий стон;
Но вот пришел тиран в остервененье:
«Пошлю я Робеспьеру донесенье,
А пусть теперь с попами сгинет он,
Пали!» И вот, по манию злодея,
Вдруг смертью плюнула и адом батарея,
И с болью дрогла грудь трепещущей земли,
И — половины нет. «Пали!»
И молнии смертей змиями засверкали, —
Все, кроме двух, в кровавый гроб упали:
Епископ молится, и Жид еще стоит.
«Твой англичанин не убит», —
Проконсулу сказали; канонеру
Подъехать ближе он велит
И выстрел прямо в грудь направить Агасверу.
Раздался выстрел: выстрел — хоть куда!
Но только не попал в Жида;
Епископа с земли он поднял, как пророка
Илью великого, и ринул в глубь потока;
А на полете, свысока,
Казалось, длани старика,
Врозь распростертые, всех тех благословляли,
Которые сегодня за Христа
С ним вместе пострадали. . .
Но взоры всех стремятся на Жида, —
Прямешенько к Карье идет он, невредимый,
Но видимой тоской тягчимый.
Сошлись.

Карье

Ты англичанин?

Жид

Ты... дурак:
Ты разве не взглянул в мои бумаги?

Карье

Куда же ты идешь так смел и полн отваги?

Жид

Куда хочу.

Карье

Тебя я задержу, чудак.

Жид

Нет, не задержишь.

Карье

Это как?

Жид

Нет власти.

Карье

Власти нет!

Жид

Да, так.
Уж в Нант тот въехал, кто сегодня ж, муж кровавый,
Тебя в Париж отправит для расправы.

Сказал; но вдруг поник тяжелой головой
И, будто призрак, он сокрылся за горой.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ОТРЫВОК

Вот так-то Агасвер
Переплывал моря и реки;
Прошел все земли, все страны́ и веки
И видел колыбель и гроб племен и вер,
Рожденье и кончину мнений.
Он длинную прошел аллею поколений
И был свидетелем холодным много раз,
Как человечества упадший с неба гений
От смрадного дыхания зараз,
От жадного ножа крамолы и смятений,

От труса и войны, грехов и заблуждений
В смертельных корчах издыхал,
Как пал ходил всемирных превращений
И все его созданья поедал,
Или ж, как он, победоносный гений,
Торжествовал могуществом ума,
И быстро таяла пред блеском света тьма.
Но наступала снова перемена,
И повторялся роковой закон:
Как некогда слова: Мемфис и Вавилон,
Так звуки: Лиссабон, Неаполь, Вена,
Москва, Афины, Рим —
С народной памятной скрижали
Один стирались за другим
И темной притчею столетий дальных стали.
Британец гордый уступил волкам
Свой белый остров, торжище вселенной;
Развалин грудой стал Париж надменный;
Вновь океан шумит и воет там,
Где полуночная Пальмира
Влекла к себе и страх, и взоры мира.
Иные стали слышны имена:
В замену старых, новые державы
Блеснули под луной одним мгновеньем славы;
Но след и их исчез, как след пустого сна,
И вот последняя настала перемена. . .
И вдруг среди померкнувших небес
Уж не было ни солнца, ни чудес,
И стала грязью радужная пена;
И пролетела жизнь земли, как миг:
Конца всех странствий Агасвер достиг.

Люди все почти легли
В лоно матери-земли;
Даже человека голос
Раздается редко где. . .
Как в забытой борозде
Иногда и в зиму колос
Уцелеет, одинок, —
Так, пойдет ли на восток,
Путь прострет ли к полуночи,
Мог не часто в оный век

Человека встретить очи
Одинокий человек.

И брани умолкли, и слышанья браней,[1]
Мечи еще целы, но нет уже дланей;
Нейдет ниоткуда кровавая рать:
Уж не за что брату на брата восстать.
Последняя вскоре зажжется денница:
Наш шар совершил свою жизнь и судьбу;
Простерлась архангела с неба десница,
И взять он готов роковую трубу. . .
Затрубит, — и мрачного, хладного гроба
Отверзнется с треском немая утроба;
На грозный его, повелительный зов
Застонет земля — и родит мертвецов.

И тот, кто был распят, и проклят, и поруган,
Тогда появится средь светлых облаков,
Средь сонма ангелов, своих святых рабов, —
И затрясется ад — *его* судом испуган.
И приближался час, когда приидет *он;*
Без остановки, без препон,
На шумных крыльях к неминучей цели
Земля летела; люди всё редели. . .
И оставался наконец
Единственный из миллионов;
Не сын, не брат он, не отец:
Он пережил паденье тронов,
Наук, искусств и городов,
И видел он возобновленье
Болот и дебрей, и лесов,
Где блеск, и лоск, и развращенье
Когда-то пировали пир. . .
С чего? — не всё ль равно? а мир
Одряхший пред своей кончиной
Весь стал пустынею единой, —
И в той пустыне заползли,
Взвились и забродили снова,
Воскреснув, первенцы земли. . .[2]
Их кости крыла гор основа,
И омывал безмолвный ход
Таинственных бездонных вод,

Которых глуби лот не знает,
Которых сна не возмущает
Дыханье бурь и непогод. . .
Но потряслись и глубь и горы,
И выступает во все поры
Пред смертию планеты пот —
И с ним чудовища,[3] — и вот
Их видят человека взоры.
Оживший мамут зашагал;
Летяг уродливое племя
Вдруг зашныряло; в то же время
Сто щуп до облаков подъял
Полип, подобье Бриарея;
Под тяжестью морского змея
Кипит и стонет гневный вал.
Здесь птеродактиль, ящер-птаха,
В тяжелом воздухе кружит;
Там движется огромный щит —
То в десять сажень черепаха.
И без клеврета человек
Меж них, меж тварей разрушенья,
И жаждет он успокоенья,
И во́пит: «Без конца мой век!»

Но между тем уже притек
Тот вечер, за которым дня светилу
Над мертвым миром не всходить:
Допрядена подлунной жизни нить,
И канет труп земли в бездонную могилу.

Жалок тот, кого сразил
Рок суровый смертью брата;
Тяжела того утрата,
Кто подругу схоронил;
Слез достоин тот и беден,
Кто стоит, один и бледен,
Средь чужих ему людей
Над доскою гробовою —
Всех родимых, всех друзей,
Всех, с кем связан был душою.
Но мучительнее часть
Пережившего отчизну;

Тот же, кто свершает тризну
Над вселенной, должен пасть
Под судьбой невыносимой,
Хоть бы был титанский дух
Для движенья сердца глух,
Каменный, несокрушимый.

Последний человек был муж булатных сил:
Холодный, дерзостный, бесчувственный, надменный;
Жены, детей, друзей, страны родной лишенный,
Он зубы стиснул и — слезы не уронил;
Но предпоследнему закрыл слепые очи,
И что же? — средь пустой и беспредельной ночи,
Как волк неистовый в немой степи, завыл;
А тот его врагом заклятым, горьким был.

И сидит, один и страшен,
Он, единый властелин
Мира трупов и личин:
Были там остатки башен,
Камни, след каких-то стен,
Медь, железо, даже злато;
Город там стоял когда-то,
Но теперь всё прах и тлен, —
Нет ему нигде ответа;
С мужем горя нет и пса;
Звезды без лучей и света...
Нет луны, одна комета
Опаляет небеса.

«Ад одиночества, ад однозвучный!
Страшно мне: вырвуся, выбегу вон!» —
Так простонал и дрожит злополучный;
Гул повторил его бешеный стон;
Вдруг замолчал, посмотрел и хохочет:
Белая бездна, слияние рек,
В пропасти черной ревет и клокочет;
Вспрянул последний живой человек,
В зев ее радостно ринуться хочет...

Но кто же за руку его остановил?
Какое вышло вдруг из дебри привиденье?

Зазорь без лучей и зор...
Нет луны, одна комета
Опаляет небеса

* *

Чу! одиночество, где однозвучный!
Страшно мне: вырвусь, к небу вон!—
Тихо простонал и дрогнет [illegible] звучный:
Гул повторил его бесчисленный стон,—
Вдруг замолчал, помутилось и хохочет:
Развалилась бездна, из гнилой реки,
в пропасти черной вверх и [illegible],
встрепенулся последний живой человек,
в зов ее радостно раскутие хохочет......

* *

Но кто же за руку его остановил,
Какое вымолвил вдруг [illegible] проклятье?
Мечта ли? или есть Дон Жуан [illegible]?
Еще ли есть живой не мертвый средь могил?
Походка тяжела, как будто истукана,
Который, отделясь от медного коня,
вдруг стал шагать на зов безумного Дон Жуана!
В лице его жизни, нет в глазах огня;
К мертвецу, родня и [illegible]:
Не горестный, не [illegible] призрак
Въ ~~[illegible]~~ [illegible] дней земли покинул [illegible];
Агасфер [illegible] вскричал:
Он за [illegible] и [illegible]
Христа, распятого [illegible] Израиля:
Он в этот страшный час ко страданью [illegible]
И смертный [illegible], перед [illegible]
Увидел, — и [illegible] тоже,
Кто бы [illegible] судьбы:
Устанет! [illegible]
Как свой несущий [illegible],
Тот [illegible] в [illegible]......
[illegible] в небо [illegible];
[illegible]
[illegible]:
[illegible];
[illegible].

Мечта ли, или есть в груди его биенье?
Еще ли есть один не мертвый средь могил?
Походка тяжела, как будто истукана,
Который, отделясь от медного коня,
Вдруг стал шагать на зов безумца Дон-Жуана,[4]
В лице нет жизни, нет в очах огня;
Но мышцы, рост и кости великана:
Не горестный, не воющий призра́к
В конечный день земли покинул гроба мрак.
Нет, Агасвер бессмертный ждет возврата
Из-за пучи́ны солнцев и светил
Христа, распятого велением Пилата;
Он в этот страшный час к страдальцу приступил, —
И смертный узнаёт, кого перед собою
Увидел, — и смирился перед тем,
Кто боле всех людей испытан был судьбою:
«Утешься! я тысячелетья ем,
Как свой насущный хлеб ты ел, бывало,
Тот яд, который в миг тебя добил...
Утешься! Нет в тебе моих проклятых сил;
Тебе отдохновение настало».

Так сыну тления нетленный странник рек:
Без жизни пал в его объятья человек;
Тот молча на землю слагает труп недвижный;
На груду камней сел и взор подъял горе,
Навстречу дивной и таинственной заре,
Предвестнице, что сходит Непостижный.

Примечания

[1] «Услышати же имати брани и слышания бранем; зрите, не ужасайтеся: подобает бо всем сим быти, но не тогда есть кончина» и пр. Гл. 24, ст. 6 и далее. Ев. от св. Матфея.

[2] Здесь дело идет о допотопных животных и некоторых других, о которых еще не решено, баснословные ли они или нет.

[3] В простом народе полагают, что от поту некоторых больных зарождаются вши.

[4] См. трагикомедию Мольера, оперу, переделанную из этой комедии, и гениальный отрывок нашего Пушкина: «Каменный Гость».

1832—1846

ДРАМЫ

3. ШЕКСПИРОВЫ ДУХИ

Драматическая шутка в двух действиях

Посвящается любезному другу Грибоедову

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вполне чувствую недостатки безделки, которую предлагаю здесь снисходительному вниманию публики; и в угоду г<осподам> будущим моим критикам замечу некоторые. Герой моей комедии обрисован, может быть, слишком резко: кто же в наш просвещенный век верит существованию леших, домовых, привидений? — Но мир поэзии не есть мир существенный: поэту даны во власть одни призраки; мой мечтатель, конечно, есть увеличенное в зеркале фантазии изображение действительного мечтателя. Далее чувствую, что прочие лица представлены мною не довольно тщательно: впрочем, вся эта драматическая шутка набросана слегка для домашнего только театра; вся она единственно начерк, а не полная картина, и никогда бы не решился я напечатать ее, если бы не желал хотя несколько познакомить русских читателей с шекспировым романтическим баснословием. Вот почему и считаю необходимым сказать здесь слова два об Обероне, Титании, Пуке, Ариеле, Калибане, созданиях Шекспира, гения столь же игривого и нежного, сколь могущего и огромного.

Оберон — царь духов, грозный для ослушников, благостный и щедрый для любимцев своих, в своем семейном быту не всегда счастливый: легионы сильфов и фей ему повинуются, но подчас раздор разлучает его с его ревнивою, своенравною супругою — *Титаниею*; и тогда половина подданных следует за нею. Оба они взяты мною из прелестной комедии «Сон среди летней ночи» («Mid-

summer Night's Dream»), в коей английский Эсхил является соперником Аристофана, причудливого творца «Облаков», «Лягушек», «Птиц». Насчет наружности Оберона и Титании в Шекспире не найдем ничего определенного; я осмелился вообразить Оберона прекрасным отроком, а Титанию величавою, прелестною женою с виду лет за двадцать: сии две черты, как и некоторые другие, добавлены мною из Виланда.

О *Пуке,* сем Меркурии нашего крохотного Зевса, один сильф в «Средилетнем сне» говорит следующее: «Ты тот хитрый, затейливый дух, который порой ловит, дразнит в деревне девушек! ты тайком выпиваешь из кувшина молоко; по твоей милости пиво перебраживает, и с досадою хозяйка, пахтая масло, выбивается из сил. Нередко путника заводишь в глушь и провожаешь с хохотом. Но если кто тебе приветно поклонится, помогаешь тому и шлешь ему удачу!» Пук отвечает: «Так точно: нередко шуткам моим смеется Оберон! Ржанием кобылицы маню за собою жеребца. Иногда спрячусь в стакан старушки и, когда поднесет его ко рту, оболью ее пивом. Иногда обернусь подножною скамейкою; рассказчица, повествуя своим кумушкам небылицы, захочет на мне успокоить ноги свои, — ускользну: она сядет наземь; крик, кашель! кругом крепятся, держатся и вдруг захохочут!» В другом месте он про себя говорит: «Вкруг земли обтяну пояс в четырежды десять минут!»

Ариеля и *Калибана* я перенес в свою драму из другого не менее превосходного творения Шекспира — «Буря» («The Tempest»). С ними я поступил несколько свободнее. Ариель и Пук — два сильфа довольно сходные в моих подлинниках: они оба резвы, оба проворы и затейники; но Ариель в «Буре» величественнее, эфирнее. Посему считал я себя вправе держаться преимущественно сих последних двух свойств его; а прочие для разнообразия придал, хотя и не исключительно, его товарищу.

Калибан же у меня, по образцу Шекспира, противоположен Ариелю: один из них весь поэзия, другой совершенная проза; точно как в «Буре» один совершенно бестелесен, совершенный эфир, а другой весь земля или, лучше сказать, — ожившая глыба, гад, как будто ошибкою одаренный словом и некоторым подобием человека. Из сего, конечно, следует, что *мой* Калибан только занял имя у Калибана, раба волшебника Просперо: но, признаюсь, мне стало жаль доброго Фрола Карпыча; не хотелось переодеть его в существо, без сомнения не в пример более поэтическое, а между тем по самой природе поэтических достоинств, ему присвоенных, слишком тяжкое для домашней сцены, для актеров, которых большая часть предполагается детьми.

Романтическая мифология,[1] особенно сказания о *стихийных* (элементарных) духах, еще мало разработана: тем не менее она заслуживает внимания поэтов, ибо ближе к европейским народным преданиям, поверьям, обычаям, чем богатое, веселое, но чуждое нам греческое баснословие.

Стихийные духи перешли в сказки Западной Европы частью от испанских мавров, частью из вымыслов гностиков и суеверий народов Востока. Между немцами Парацельс и Яков Бемен, а между французами граф Габалис покушались на них основать особенное учение: последний их называет *сильфами* (обитающими воздух), *ондинами* (жителями воды), *саламандрами* (населяющими огонь), *гномами* (кроющимися под землею), и говорит: «Неизмеримое пространство между небом и землею служит селищем не одним птицам и насекомым, но существам гораздо благороднейшим; бездна морская питает не одних китов и тюленей; глубина земли создана не для одних кротов; а ужели огонь, превосходящий качествами и землю, и воду, и воздух, лишен обитателей?»

В заключение надеюсь, что читатели не без удовольствия прочтут взятые мною, с некоторыми переменами, из сочинений Маттисона изображения сих четырех родов духов:

СИЛЬФЫ

Быстрее зефира,
Быстрее лучей
От звездных огней,
Созданья эфира,
Вдыханны в эфир, —
Вратами Авроры
Их стройные хоры
Помчалися в мир!
Для крылышек бремя
От розы листок;
Снесет мотылек
Их целое племя!

---

[1] К ней причисляю и те остатки *римской* (не греческой), которые в устах простолюдинов Западной Европы сохранились не из книг, но в преданиях. Таков, например, *Амур* провансалов и трубадуров их; таковы астрологические *Юпитер* (не Зевс), *Марс, Венера* и пр. — Jupin <Юпитер> рассказчиков fabliaux <фаблио> и, может быть, даже Камоэнсова Венера.

Поют соловьем;
Незримы волхвом,
Влетают к девице,
Плененной в темнице
Таинственным сном.

ОНДИНЫ

На сводах лазурных,
Весь о́блит огнем,
В пучинах безбурных
Златой стоит дом.
Там видятся девы!
Средь лунных ночей
Их песней напевы
Живят рыбарей;
Их сладостный голос
Играет душой!
Сидят над скалой:
Зеленый свой волос
Лилейной рукой
Вьют в локоны, чешут,
Взор путника тешат
Волшебной красой!

САЛАМАНДРЫ

Народ несонливый
Витает в огне:
То змейкой игривой
Вверх мчатся к луне,
То с неба летят
Звездою падущей
В пылающий ад;
Горит ими жгущий
Любовника взгляд!
Подвижной свечою
Над мертвой водою
Блестят плясуны;
С дороги детину
Манят шалуны
В болото и тину!

ГНОМЫ

Смешны, неуклюжи,
Не рослы, но дюжи, —
Из тьмы вылезают
Безвестным путем;
Их лица сияют
Багровым огнем!
Их руки как грабли, [1]
Их ноги как сабли,
Жар угля их взгляд!
Кривляясь, кряхтят,
Свистят, скалят зубы;
Укутаны в шубы
Из крысьих мехов;
Объятые мглою,
Клевреты кротов
Живут под землею!

Каковы заботы и занятия духов, особенно сильфов, мы можем усмотреть из ответа Пуку одного из них, слуги Титании (см. «Midsummer Night's Dream», начало 2-го действия):

Пук

Поведай, дух, куда несешься ты?

Сильф

Над долом, выше гор,
Чрез рощи, чрез кусты,
Чрез терны, чрез забор,
Насквозь огня, насквозь воды,
В миг облетаю все страны,
Проворнее, чем шар луны!

---

[1] Сие последнее изображение напоминает подобное в сказке «Жил-был Дурень»:

«Заглянет в подполье:
В подпольи черти!
Востроголовы,
Руки что грабли,
Глаза что часы,
Усы что вилы;
В карты играют,
Костью мешают,
Груды переводят!»

Царице Фей служу:
Для плясок их луга рошу!
Ее обстал веснянок двор:
На их златом плаще встречает брызги взор...
Рубины то, духо́в дары!
Встают из них живящие пары!
Сберу росинок, каждому цветку
Привешу жемчуг-капельку к ушку!

Предисловию конец! Охотники найдут в нем изыскания, ссылки, примечания, оправдания..., чего же более? — Vogue ma galère! [1]

[1] Была не была! (буквально: плыви моя галера!) (франц.). — *Ред.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Поэт.
Алина, старшая сестра его, помещица.
Юлия, младшая их сестра.
Фрол Карпыч, их дядя.
Лиза, Аннушка, Катя — дети Алины.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет сад.

ЯВЛЕНИЕ 1

Поэт и Юлия.

Поэт

Нет! Решено: для вас я не пишу.

Юлия

А почему? уведомить прошу.

Поэт

Писать для именин — какое униженье!

Юлия

Не чванься, сделай одолженье!
Так, был бы посрамлен твой дар,

Когда бы для спесивых бар,
Для покровителей бездушных,
Ты мог войти в восторг и жар,
Мог звать камен глухих и непослушных;
Тебя бы первая бранила я;
Но мы, сударь, твоя семья...

(После некоторого молчания.)

Живешь ты в обществе существ воздушных;
«Вокруг меня, — так нам рассказываешь ты, —
Кружатся, пляшут резвые мечты...»
Бьюсь об заклад: твои сильфиды, сильфы, феи
Племянниц наших не милее!
Они, конечно, не чужие нам...
Что нужды? справедливость им отдам;
И ты...

Поэт

Сестрица, ты смешна с своим пристрастьем!
Не спорю: говори про них с участьем;
Положим, пусть они пригожи и добры:
Нельзя же не любить детей своей сестры!
Но кроме шуток,
Как сельских девушек, взращенных среди уток,
Гусей и кур, теляток и коров,
Равнять с блестящими духáми,
Которые, носясь над облаками,
Пьют запах и вкушают пыль цветов?
Возьми, раскрой Шекспира...

Юлия

Он кстати целую нам лекцию прочтет!

Поэт

Из зарь, из радуг, из зефира
Поэт-волшебник им златую ризу тчет!
Велит — в мерцании прозрачной, летней нощи,
В таинственную тень, в прохладу темной рощи
На месячных лучах слетят на хоровод;
Их сладостный полет
Травы не мнет
В долине злачной,
Едва струит зерцало вод!

Титании союз приятен брачный;
Она царица их: в сиянии венца,
Облачена в роскошную порфиру,
Она дает блаженство миру,
Связует нежные сердца!
Разлучена с могущим Обероном,
С прелестным отроком, властителем духов,
Тоскуя среди пляск, уныла средь пиров,
Как эхо томное, она чуть слышным стоном
Тревожит тишину задумчивых лесов.
Но громко, радостно и шумно восклицает
(Ликуют гении, их верные рабы),
Когда, устав от ссор, от суетной борьбы,
Он к ней обратно прилетает.
И что же? своенравный Пук,
Не ты ли носишься в толпе их резвых слуг?
Ты то чепец сорвешь на чопорной старухе;
То прожужжишь, верхом на мухе,
К педанту в сумрачный чердак,
Ему надвинешь на глаза колпак
И в нос его щелкнёшь; вздрогнёт дурак,
Толкнет чернильницу и обольет бумаги!
Хвост лисий храбрецу даруешь вместо шпаги
И катишь под ноги колоду рифмачу:
Пусть сам я спотыкнусь — захохочу!
Затейливый шалун, насмешник вечно острый,
Ты в яркой мил чалме, ты мил в одежде пестрой.
Но сколь прекрасен Ариель,
Наставник соловья, любовник нежной розы!
Он строит пастуха свирель,
Он в рощах нежные растит, лелеет лозы;
Он разгибает листики шипков;
Он с верной горлицей воркует;
Устами вешних ветерков
Он щечки девушек целует!
Примчится вмиг из самых дальних стран.
Ему подвластен даже Калибан,
Едва носящий образ человечий,
Зверь, в коем чернь певец изобразил,
Сонм дерзостный слепых, уму противных сил!
Но время трачу я средь бесполезной речи;
Уважь мои высокие труды;

Из области духов, из области мечтанья,
Куда несусь душой, где зреют дарованья,
Не увлекай меня в пределы суеты!

Юлия

Друг, я заслушалась, тебе внимая:
Ты перенес меня к вратам златого края,
Где, чародействами дыша,
Пирует, нежится, парит твоя душа!
Не стану языком холодной прозы
Тебя за наслажденья осуждать,
Которые и нам ты можешь даровать;
Твои мечты, как розы,
Благоухают и живят!
Но раздели их с нами,
Любезный! сны всё будут снами:
Они изменят, улетят;
Тогда, остановя свой взгляд
На нас, утешенных, наставленных тобою...

Поэт

Как ты разжалилась над братнею судьбою!
Но полно: я с тобой довольно толковал.
Прошу, не предавайся состраданью;
В своей семье никто героем не бывал!
Всех мене моему вы верите призванью!
Мне всё равно; с духа́ми заживу;
Ко мне сойдут эфирные созданья —

Юлия

Ты их надеешься увидеть наяву?!

Поэт

Смеешься! — но древнейшие сказанья
Повсюду говорят об них!
Под именем богов лесных,
И фавнов, и дриад их греки почитали;
Их персы пери называли;
Дом каждый в Риме был священный ларам храм;
Их знают, помнят все народы;
Они Кальёстровым являлися очам;

В рассказах предает простым сынам природы
Русалок, домовых и леших старина!
И в наши дни они всё те же;
Прозрачная их кроет пелена;
Они ее снимают только реже:
Но это нашего безверия вина!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Юлия
(одна)

Тобою стал он полным сумасбродом,
Грех на твоей душе, божественный Шекспир!
Того и жди: он наш покинет бедный мир
И станет жить в луне или над звездным сводом!
Но — признаюсь — его мне жаль:
Он смех наводит и печаль!
Пока в нем не погаснул ум последний,
Его я вылечить желала бы от бредней!

(Ходит в раздумьи, вдруг останавливается.)

Прекрасно! — Мысль моя, ей-богу, хороша!
Добро же! отомщу тебе, душа!
Уж ты заплатишь мне за гордое презренье
Питомиц миленьких моих!
Ты от духо́в своих получишь посещенье;
В угоду им войдешь в восторги, в упоенье,
К счастливому стиху найдешь удачный стих,
Родишь прегромкое творенье,
Отдашь, мы выучим, а в заключенье
Детей своей сестры узнаешь в них!
Из странствий возвратясь, чужой между родных,
Он здесь их не видал; к нему я приставала:
К ним съездить, посмотреть на них!
Не разочла: о девушках простых
Нигде, ниже́ в стихах ни одного журнала
Он не читал; так он и знать не хочет их!
Чтобы детей привез, я к дядюшке писала;
Алину в гости между тем послала;
Он? — в оба глаза не увидит их!

Теперь тот час, когда выходит он на ловлю
Мечтаний, впечатлений и картин;
Он бродит по полям задумчив и один!
Итак, я их дождусь и здесь всё приготовлю:
Все роли розданы; в воздушную свирель
Разжалую свои, запрятав, фортопьяны:
Фрол Карпыч, дядюшка! готовьтесь в Калибаны.
Шалунья Катя — Пук, Аннюша — Ариель;
Венец из мишуры, из красной шали риза,
Взгляд гордый — Оберон преважный будет Лиза!
Мне ж быть Титанией повелевает рок:
Я (так и быть!) в атлас малиновый одета...
Но что? — они? — Так точно! их звонок!
Наш старичок
(Верна моя примета)
Страх, на помине как легок!

(Бежит к ним навстречу.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Юлия, Фрол Карпыч, Лиза, Аннушка, Катя.

Юлия

Фрол Карпыч, здравствуйте! как вас я ожидала!
Здорова ль, Аннушка? — Я без тебя скучала.
Ты, Лиза, выросла; а ты,
Резвушка, загорела, Катя!
Но, времени не тратя,
Вам объявлю сей час,
Зачем сюда я выписала вас.

Фрол Карпыч

Скорее! стану слушать в оба уха;
Тебе я выговор, голубушка, привез:
Ну! можно ли меня тревожить в сенокос?
Но делать нечего: рассказывай, воструха!

Юлия

Недолго, дядюшка, я вас здесь удержу!
Во-первых, вам скажу,
Что завтра именины
Сестры Алины —

Катя

Ах, маменькины именины!

Аннушка

Я знала и связала кошелек.

Лиза

Могу ли, тетенька, снять с пяльцев свой платок?
Его я кончила на той неделе!

Катя

Какие ж вы! — Сказать мне не хотели!

Аннушка

Ты проболталась бы!

Юлия

Не слушай их, дружок!
И отложи свои печали:
У нас в запасе, помнишь, есть чулок,
Который мы с тобой вдвоем связали!
Ну! дядюшка, еще извольте знать:
Гостит здесь брат: не офицер — писатель!
Для деток должен он стишки нам написать;
Но он упрям, спесив; он рассуждает: «Кстати ль
Мне сочинять для именин!»
Проучим мы тебя, упрямый господин!
Тебя, на зло тебе, нам услужить заставим!
Не правда ль, дядюшка? а сверх того,
Чтоб наказать его,
Себя над ним же позабавим!

Фрол Карпыч

Прекрасно! славно! вот люблю!
Ученых, свет мой, не терплю:
Все, все они отступники, Вольтеры...

Юлия

Быть может, были; но теперь
Ученый человек иного роду зверь:
Они нас хуже суеверы!
Повсюду видят леших, домовых...

Фрол Карпыч

Послушай, виноват! — а я, я верю в них!
Когда стоял с полком майор мой в Риге...

Юлия

Так слушайте ж! мой брат в какой-то старой книге
Прочел о многих чудесах,
И ныне он везде — и в поле, и в лесах —
Нечистых стережет, лукавых поджидает.

Фрол Карпыч

Избави бог! он их не в шутку повстречает!
Какой же сумасбродный вкус!
Признаться, я, хотя не трус,
Боюсь их как огня, их как чумы страшусь!

Юлия

Я отучу его от этих бредней.
Пойдемте: людям прикажу
Сидеть и примечать в передней;
А между тем я Катю наряжу!
Вдруг выскочит пред ним кикиморой шалунья;
Вы леший; я на этот раз колдунья;
Пойдемте, в комнате я всё вам доскажу.

Фрол Карпыч

Не он ли вон идет? — Он что-то горячится.
Что, ежели узнает нас?

Юлия

Не бойтесь: он в бреду, он без ушей, без глаз,
Он сочиняет; но — не худо удалиться!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Поэт

(приближается медленно, с записною книжкою и с карандашом в руке)

Элегия готова! — перечту!
Хвалю и славлю Аполлона,
Благодарю волшебницу-мечту!

Она ко мне была сегодня благосклонна!
«Мне постыл подлунный мир:
Я томлюся, я тоскую;
Ненавижу жизнь земную;
Не лобзай меня, зефир!
Не шепчите, листьев своды!
Смолкните, живые воды!
Не сияй, лице Природы!» —
Поймал! три рифмы! а на всякий случай: «годы»!—
«Летите!» — например,
Или, чтоб выходил размер,
Так: «Мчитеся, младые годы!» —
Прелестно! «Не сияй, лице Природы!
Грустен я, уныл и сир!» —
Хем! грустен, сир?..
Сир? слово старое; прочтут иные *сыр;*
Сир никого не тронет;
Да вспомнят лимбургский, голландский, всякий сыр!
Сир, слово *сир* мою элегию уронит!
Смерть скучно биться над стихом одним!

(Походив взад и вперед)

Чудесно! повторим:
«Мчитеся, младые годы!»
Рефрен не выйдет никогда из моды:
«Мчитеся, младые годы!
Мне постыл подлунный мир!»
За рифмой у меня не станет, впрочем, дело:
Есть много рифм на «ир»!
Но повторение и нежно здесь и смело!
Побережем эфир, и мир, и лир!
«Призываю вас, о духи,
Непонятные рабы
Сумрачной, немой судьбы! —
Но вы презрели мольбы;
К зову моему вы глухи!»
Паденье каково? а? — Это заклинанье
Приводит душу всю, все нервы в содроганье!
«Ах! где дуб тот, дуб таинственный,
Кругом коего вы пляшете,
Ветвью пальмовою машете,

Громами трубы воинственной
Море, горы оглашаете
Или вздохом флейты сладостной
Незабудочки лобзаете,
Милых чад долины радостной?»

Живой, нежданный переход!
Моих друзей в восторг он приведет:
«Как хорошо!» — Барон промолвит важно;
Со стула Лев Савельевич вспрыгнет
И «Прелесть! — закричит, — как ново, как отважно!»

«Видел я небес сияние,
Видел что-то, всё в лучах!
Ах! души моей желание
Там живет на облаках!
Совершится ль упование?
Их увижу ли, духо́в,
Безмятежных, не желающих,
Не скорбящих, не теряющих?
Разорвись, земной покров!

Юлия и дети показываются переодетые и снова прячутся.

Мне ли в суетах, в волнении,
Мне ли жить между людей?
Я всегда в уединении
Пас стада главы своей,
Вас, созданья вдохновения,
Сны, и грезы, и видения!»
Всему конец! .. финал:
В нем мастерски на тон унылый я попал!
«И мне надежда изменила!
Увы! уж младость отцвела!
Устали пламенные крила...
Сколь много мне мечта сулила,
Сколь мало принесла!»

Юлия

(показываясь)

Он рассуждает вслух! руками машет, пишет;
Он весь горит: он тяжело так дышит,
Как будто бы лежит на нем гора;

Читает, ничего не видит и не слышит, —
Посмотрим, кажется, пора!

Поэт

«Но вы, о жители
Той тайной, тихой, неземной обители! —
О духи! появитесь мне
В седых туманах, в сладкой тишине!»

Юлия

Возможно ли что выдумать смешнее?
Ну, Катенька! смелее!

Поэт

О духи! появитесь мне!

ЯВЛЕНИЕ 5

Катя

(в пестрой широкой одежде и красной чалме, подкравшись, крепко бьет его по руке)

Мы, духи, не всегда за дальными горами!
Воркуя, стихотворствуя, стеня,
Ты нас привлек усердными мольбами;
Я здесь: чего ты хочешь от меня?

Поэт

Я чувствую и страх и упоенье!
Воздвигся волос мой; мои стопы дрожат!
О мощный дух! — твое прикосновенье
По мне льет ужас, трепет, зной и хлад!
Но вот — склоняю пред тобой колени!

(Становится на колени.)

Скажи свое мне имя, дивный гений!
Иль проясни мой бренный взор,
Чтобы, хотя в душе постигнув, кто ты,
Иной не ведал в жизни я заботы,
Как воспевать тебя в дубравах, среди гор,
Как оглашать твоею славой скалы!

Катя

Пожалуй, кончи свой высокопарный вздор:
Я в области духо́в совсем незнатный малый!

Твои же песни мне не очень нужны, друг;
Я давний твой знакомец — Пук!

(Начинает рвать цветы)

Поэт

(идя вслед за нею)

Так это ты, проказник милый,
В груди надменной и остылой
Ленивую волнуешь кровь
И в ней рождаешь вдруг свирепую любовь!
Пастушку сонную щекочешь;
Свистишь, мелькаешь и хохочешь
Пред трусом в дебри, меж кустов;
Или совой из-за дуплов
Сверкаешь дикими глазами,
Даришь ослиными ушами
Глупейшего из всех Афинских скоморох?[1]
Его по горло в влажный мох,
В болото грязное сажаешь
И вдруг (ведь для тебя игрушка целый мир!),
Вдруг (если только не солгал Шекспир)
К уроду возжигаешь
В самой Титании слепую страсть. . .
Пук! .. мне твоя известна власть!

Катя

Известна? очень рад! — а то я над поэтом
Ее беруся испытать!
Но чу? — меня зовут: мне некогда болтать!
Приятель, я тебя снабжу советом:
Когда тебе ушей не надобно других, —
Брось всякое сомненье,
Исполни повеленье
Могущих братиев моих!
Носяся над твоей стишистой головою,
Верь, верь — они предстанут пред тобою!

Поэт

Я удостоюся увидеть их?!

Катя бросает ему в лицо цветы и убегает.

---

[1] См. «Midsummer Night's Dream».

ЯВЛЕНИЕ 6

Поэт

(один)

Где?.. нет его! так вмиг свет молний потухает,
Так утренний туман пред блеском солнца тает.
Как ноет голова моя!
Не ведаю, я спал ли, нé спал я?
Пук? Духи? я ужели видел Пука?

За сценою музыка.

Но что? подъялся вздох трепещущего звука,
Гул арфы сладостной, унылый, тихий звон!
Он шепчет с ветерком; мой слух ласкает он;
Он... льется в отдаленьи,
Он окрыляется потом;
Я слышу плеск, я слышу гром!
Еще ли новое виденье,
Спустясь по рдяным облакам,
Здесь явится моим испуганным очам?
Вновь внемлю голосу чуть ропщущего стона —
Иду! — зовет волшебная свирель!

Юлия

(за сценою)

Беда! узнает нас! не мешкай, Ариель!

Аннушка выходит, одетая Ариелем.

ЯВЛЕНИЕ 7

Поэт и Аннушка.

Поэт

О страх! ужели вижу Оберона?

Аннушка

Стой, дерзкий, стой! проникнуть не посмей,
В предел, где сонм сильфид и фей
Священной пляской услаждает взоры
Могущего властителя духóв;
Где в сладком сумраке лесов
Титанию поют послушных сильфов хоры!

Нет, маловерный, я не Оберон!
Но он, он упредил твои надежды;
Он прояснил слепые вежды;
Хотел тебе предстать; теперь же медлит он:
Его твое сомненье раздражает!
Ужасен гнев его, ничем неотразим;
Я Ариель, я послан им:
В последний раз тебе он милость возвещает!

После нескольких музыкальных аккордов.

Ты моих не презри слов!
Знай: младой Авроры слезы
Пью из чашечки цветов;
Неженка между духо́в,
В мягком лоне свежей розы
Сплю под голос соловьин;
Моюся в благоуханье;
Радужное одеянье
Тку себе из паутин.
Духи любят мрак долин;
Их качают древ вершины;
Легче пуха их семья;
Знай: дрожащий лист осины
В полдень колыбель моя!
В ночь, когда на всю природу
Стелется сребро луны,
Поспешаю к хороводу!
Мне навстречу с вышины
Не пучина капель блещущих,
Не на солнце в тяжкий зной
Брызгов водопад златой, —
Эльфы от ветвей трепещущих
Сыплются, за роем рой!
Гномы скачут подо мной,
Феи вкруг меня порхают,
Сильфы молнией сверкают,
Льются, мотыльковый дождь!
Я духо́в любимый вождь:
К пляске я их устрояю!
Над водой ли пролетаю —
Не зарябится струя;
Чистое лицо ручья

Подо мной не помутится;
Быстро вешний ветер мчится;
Но быстрее ветра я!
Слушай! пожалей себя!
Выполни мои веленья,
Или нет тебе спасенья —
В зверя превращу тебя!
Наш царь гостит в владениях Алины;
Он, полюбя ее,
Здесь праздновать ее желает именины,
Ей показать могущество свое,
Ей обещать дары земные,
Год светлый, здравие и жатвы золотые!
И для Титании и для Царя Духов,
Для Пука, для себя и даже Калибана
Я требую твоих стихов!
Но мне пора: завесою тумана
Оделася усталая земля;
Заснули рощи; спят поля;
Сверкают, вьются в облаках зарницы;
Темнеют небеса;
В пшенице шепчет стрекоза;
Меня зовут ночные птицы!
Но когда огнем денницы
Загорится небосклон,
Махом радостной десницы
К утру на отлете сон
Лучшие рассыплет маки,
Узрит светлые призраки
Беззаботная глава,
Скроется в дупло сова,
От росы заблещут травы,
День поведает петух,
Стадо выгонит пастух,
Замычат в деревне кравы, —
Принеси сюда свой труд!
Будь готов! — Меня зовут.

Музыка; Ариель исчезает: занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Тот же сад. Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1

Поэт

(садится на дерновую скамью; в руке у него сверток бумаги)

Ночь целую я нé спал и писал!
О духи! ваше я исполнил повеленье;
Я создал легкое, воздушное творенье!
Пусть телом и душой устал,
Но возгоржусь, возвеселюсь усталый!
Ничто теперь мне ваша брань, журналы!
Мне жалок ваш кривой, пристрастный суд, —
Я для духóв творил, и духи вознесут

(зевая)

Во храм бессмертья мой им посвященный труд!
Их жду я: не смыкайтесь, вежды!
Венец лавровый, счастие, надежды...
Унижены соперники мои...
Я славен... и потомство... и...

(Засыпает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Лиза и Фрол Карпыч (одетый Калибаном).

Лиза

Скорее, дедушка; извольте отправляться,
Достаньте нам стихи!

Фрол Карпыч

Уж верно за свои грехи
Задумал с вами я, с плутовками, связаться!
Чтоб одурачить дурака,
До петухов меня вы подняли с постели;
Одели чучелою старика...
Эх, стоят ли того все вирши пустомели?
Но для Алины я в огонь и воду рад!

Лиза

Как вы добры! бегу назад
В беседку, к тетушке в вишневый сад;
Вы всех нас там найдете,
Туда стишки тихонько принесете...
Скорее, дедушка; чтоб нам не опоздать!

Фрол Карпыч

Ох! вы затейницы лихие!
Мы знаем: мастерицы вы большие
Упрашивать, ласкать!

Лиза

Прощайте, — вас мы будем ожидать!

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ 8

Фрол Карпыч и поэт (спит).

Фрол Карпыч

Лукерья Власьевна! ну что бы ты сказала,
Когда бы вдруг в таком
Наряде шутовском
Супруга своего хоть в щелку увидала?
Чтоб беса отогнать, она на мой кафтан,
Наверно, вылила бы рукомойник!
Что, ежели еще рассердится покойник...
Как бы ж его? — да... Калибан!
Из лесу выскочит, с собой нас познакомит,
Мне, самозванцу, шею сломит?
Но пусть придет: ведь я не даром капитан!
Где, где же наш писатель?
Мне хочется его порядком постращать!
Ах, мой создатель!
Вот он! и он изволит почивать!
И вирша, верно, не готова! —
Чтоб потонуть ему в реке!
Но нет: бумага у него в руке...
Возьму ее и не скажу ни слова!

(Хочет взять бумагу)

Поэт вскакивает.

Поэт

Кто ты? — чего ты ищешь, странный зверь?

Фрол Карпыч

Что отвечать теперь,
Бог ведает; а я не знаю!

Поэт

Тебя я именем всех сильфов заклинаю:
Кто ты? — ночной ли ты сгустившийся туман?
Призра́к ли, скачущий со скал на скалы?
Медведь ли? человек ли одичалый?

Фрол Карпыч

Кто я? — я Капитан!
Не то! хотел сказать я... Калибан!
Так! Калибан! — прошу питать ко мне почтенье.
А если волю дам рукам,
Я докажу твоим бокам,
Что я не привиденье!

(Припоминает свою роль)

Велела мне... велела мне... судьба
Велела... так! духо́в слугою быть покорным!
За виршею твоей прислали нас сюда:
Подай! не мучь меня болтаньем вздорным!

Поэт

(про себя)

Не понимает этот людоед,
Не смыслит, *что* и *как* велит поэт!
Но мне не убеждать же истукана!

Фрол Карпыч

Да что? что ты ворчишь про Калибана?

Поэт

Что мне с тобой болтать большой охоты нет!
Возьми стихи... один не вычищен куплет,
Но все-таки возьми, да убирайся!

Фрол Карпыч

(берет стихи)

Теперь Титании я отнесу твой бред!
Ты между тем Алины дожидайся.
Когда ж вас вызовет воздушная свирель
(Да, так скрыпицу назвал Ариель) —
Сюда являйся
И приведи с собой ее.

(Уходя)

Фрол Карпыч! молодец! мы сделали свое!

ЯВЛЕНИЕ 4

Поэт

(один)

Какая глупая скотина!
Шекспир, как верно ты списать его умел!
Он в двести с лишком лет ничуть не поумнел!
Но я тебе завидую, Алина:
Сколь счастлив твой удел!
Все духи для тебя хлопочут, суетятся.
Как удивишься ты, когда они столпятся,
Из вышины безоблачной слетят,
Стихи, мои стихи тебе проговорят!

ЯВЛЕНИЕ 5

Юлия и поэт.

Юлия

Где, братец, ты таскаешься? где рыщешь?
Отходишь ноги, а тебя не сыщешь!
Сестра приехала сейчас;
И если кофе, чай, кусок простого хлеба
Вам могут заменить пиры камен и Феба,
В столовой завтрак ожидает вас!

Поэт

Ты только смейся надо мною!
Но я тебе ручаюсь головою:
Твои глаза

Увидят вскоре здесь такие чудеса,
Пред коими твое умолкнет пустословье;
Однако же ни слова: потерплю!
От бдения мое расстроилось здоровье:
Я завтраком себя немного подкреплю!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Юлия, потом Фрол Карпыч и дети, уже все переодетые.

Юлия

Ну, дети, по местам и протвердите роли!
Я тотчас буду; наряжусь...
Я к вам Титанией не медля возвращусь!

(Уходит.)

Фрол Карпыч и дети садятся с своими ролями в руке.

Фрол Карпыч

Тьфу, пропасть! до какой я дожил странной доли!
Уж с детских ног
Я книг терпеть не мог!
На слово скучное «ученье»
Уже в ребячестве я рифмовал «мученье».
И что ж? — когда я стар и сед,
Когда я взрослым внукам дед,
Сижу, твержу — бог весть какую ахинею?!
Чтоб лешие тебе сломили шею,
Из всех писцов несноснейший писец,
Который для смирения сердец
На муку мне скропал предлинную рацею!

(Углубляется в роль.)

Аннушка

Какой же дедушка прилежный ученик!
Как он перстом свой лоб, бедняжка, подпирает!
Как он в бумагу взор и мысли все вперяет!
Увидишь, Лизанька, нас пристыдит старик.

Лиза

Так! я уверена: сама мадам Ле Тик,
Которая зимой к нам приезжала,

На нас всегда ворчала,
Без зуб, под париком,
Хотела быть молоденькой вдовою
И надоела нам французскою журьбою,
Довольна бы была таким учеником!

Фрол Карпыч

Провал ее возьми, чертовку!
Ввек бегал от нее, как от огня;
Не выучу стихов! Эх! сбили вы меня!
Но слушайте, я выдумал уловку:
Ты помоги, дружочек Катя, мне! —
Булавкой приколю тебе свой лист к спине;

(прикалывает его)

Вот так... теперь не оплошаю!
Стань впереди меня; а я — я, наклонясь,
Не запинаясь, виршу прочитаю,
Лицом мы не ударим в грязь!

Лиза

Ах! дедушка, какой вы выдумщик счастливый!

Фрол Карпыч

Так, дети, я всегда был молодец ретивый:
Умен, и тонок, и смышлен;
Меня бы не провел и сам Наполеон!
Нет, хвастать не люблю; а кстати молвлю слово:
Во мне отечество Суворова второго,
Быть может, видеть бы могло!
Но я терпел, терпел, — вдруг лопнуло терпенье:
Я полюбил уединенье;
Моим завистникам назло
Я переехал жить в село!

Музыка за сценою.

Юлия

(вбегает)

Скорее спрячьтесь и молчите:
Идут!

Все прячутся.

ЯВЛЕНИЕ 7

Поэт и Алина; потом все прочие.

Музыка.

Поэт

...Сестрица, мне вы верить не хотите!
Ужели наконец не убеждает вас
Сей струн невидимых небесный, чистый глас?
И если вы не глухи,
Признайтеся, что *есть* на свете духи!

Алина

Любезный, мне мое неверие прости, —
Пеняй, сердись, произведи
Невежу, если хочешь, в Калибаны:
Я только слышу фортопьяны!

Все выходят переодетые.

Поэт

Так верьте же хотя глазам!
Взгляните: вот они предстали нам!

Алина

О! *эти* духи мне давно уже знакомы!

Оберон

Для именинницы... я отлагаю громы, —
Но будь молчание и на ее устах!

На быстрых облаках несомый,
Хранитель добрых, злобных страх,
В мгновенье пролетаю царства.
Явлюсь ли где бичом коварства? —
Горит перун в моих очах,
Пылает пламя близкой казни,
Текут на грешников боязни
В ревущих бурях предо мной!
Мой рог подъемлет дикий вой —
И вдруг хватает вихрь злодея:
Его глушит и стон и свист;
Он мчится, как осенний лист,
Он скачет, пляшет, цепенея;

С лица ручьями льется пот,
Кружится, наконец падет —
И се на крае небосклона,
Смыкая свой потухший взор,
Он узнает духо́в собор
И их владыку Оберона!

Поэт

(вполголоса)

Сестрица, он родня быть должен Аполлона:
Он мой запомнил каждый стих!

Оберон

Но неизменный щит благих,
Я пестую, лелею их;
Незримым другом и вожатым
Гюону[1] всюду предлечу;
Велю рабам своим крылатым —
И вдруг один летит к мечу
(Любимцу меч сей угрожает),
Но сильф *взнесенный* исторгает;
Речет — и, братиев губя,
Враги, беснуясь, на себя
Слепую обратят десницу:
Убийца поразит убийцу!
В степи усталого другой
Ведет к надежному жилищу;
Несет ему питье и пищу.
А третий мощною рукой,
Счастливца день и ночь стрегущий,
Вдаль от его смиренной кущи
Чудовищ гонит и разбой.
Алина! Оберон могущий
В сей для тебя священный день —
Услышь — клянется пред тобою:
Я над сынов твоих главою
Простру спасительную сень;
Прикрою их своей рукою;
Верь, не изменятся душою;
Цель их деяний будет *честь*.

---

[1] Герой Виландовой поэмы «Оберон».

А мне их поручи довесть
Чрез бури к счастью и покою!

Титания

Титанию ты видишь пред собою:
Я дочерей твоих пристрою;
Найду им женихов младых,
Прекрасных, мощных, светлооких,
В семействе милых и живых,
А в жизни твердых и высоких!
Вдали от всех забот и мук,
Тебя толпой любезных внук,
Послушных, умных и пригожих,
На матерей своих похожих,
Толпою внуков окружу —
Твой век в их жизни продолжу!

Ариель

Мне за долгое служенье
Даст отставку Оберон;
Я люблю уединенье:
Братцы духи, вам поклон!
Поселюсь в дому Алины;
Скромный, верный домовой,
Ариель сии долины
Станет окроплять росой:
Здесь я заживу незримый!
Но когда вздохнет зефир,
Будто звук воздушных лир,
На листок с листка носимый,
Ярче вспыхнет огонек
В час полуночи священной,
Веселее сокровенный
Вскрикнет в сумерках сверчок, —
Верь, тогда я не далек!
Загорятся ли ланиты
Спящих дочерей твоих? —
Я тогда парю сокрытый,
Я зарей румяню их!
Их власы завью в купальне;
В их укромной, мирной спальне
В час всеобщей тишины

Соберу златые сны.
Их товарищ и хранитель,
Я заботливой рукой
Наделю их красотой
И украшу их обитель!

Пук

Пук не злой, а резвый гений:
Признаюсь, люблю шутить;
Но среди твоих владений
Обещаюсь не шалить!

Калибан

Что же бедный Калибан
Наконец Алине скажет?
Чем усердье ей докажет?
Все кричат, что я буян
И невежа и ленивец:
Горемыка, несчастливец,
Чем поздравлю госпожу?
Но презреть их брань прошу!
Хоть порой и спать охотник,
Верь, я не плохой работник!

Алина

Ах, дядюшка! и вы! ну, как вы нарядились!
Как благодарна вам и Юлии моей!
Но дайте мне обнять детей...
Так вот к чему клонились,
Мой друг, слова высокие твои?!

Поэт

Ужели предо мной племянницы мои?

Юлия

Брат, извини мои затеи;
А мочи не было: сильфиды, эльфы, феи
Страх надоели мне!
Везде с духáми — наяву, во сне,
Для них ты нас забыл: терпеть не стало силы!
Тебя за гордость наказала я!
Но какова же выдумка моя?

Брось вид угрюмый, взгляд унылый!
Не стоит ли, скажи, сильфид твоя семья?

Поэт

(после некоторого молчания)

Твои питомицы, сестрица, очень милы!
Пук ловок, и затейлив, и умен;
Величествен, прекрасен Оберон;
Психеи легкий стан, улыбка, взоры Леля —
Не знаю ничего прелестней Ариеля!
Не дурен также Калибан.
Здесь не один бы я вдался в обман!
Итак, проказница, не торжествуй напрасно:
Поэта обмануть нетрудно! он всечасно
Возносится в волшебный, светлый край;
Он вновь на землю переносит рай;
Он ходит, окружен совсюду чудесами,
И... спотыкается!.. Но, не прельщен мечтами,
Когда бы более он осторожен был,
Он был бы холоден, лишен, быть может, крыл!
Без поэтических восторгов и страданий,
Слагатель дремлющих, безжизненных писаний,
Прикован, прилеплен к земле,
Он прозябал бы в вечной мгле! —
Не ведая тех творческих мечтаний,
Которые для зрения певцов
Мир одевают в ткань из призраков и снов;
Сердца холодные не знают заблуждений...
Так! не для них шумит источник песнопений!
Рабы приличий, суеты!
Надоблачной страны отважный посетитель,
Чудес, вам непонятных, зритель
Смешон для вашей слепоты...
Но что, что ваш надменный хохот?
На вас взирает он с веселой высоты;
Под ним ярится гром: он только слышит грохот;
Он гасит звуком вещих струн
Свирепый, гор сердца́ колеблющий перун!
Он жизнь обозревает смелым оком,
Он видит землю, видит небеса,
Могущею душой подъемлется над роком
И смотрит смерти дерзостно в глаза!

ШЕКСПИРОВЫ ДУХИ

ДРАММАТИЧЕСКАЯ ШУТКА

ВЪ

ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

В. Кюхельбекера.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА

1825.

Для гениев чудесных,
Чьи радости отгадывает он,
Он менее своих гонителей смешон;
Он ближе к гражданам обителей небесных.
Пусть будет чудаком для умников поэт!
А я, — когда другой для вас заботы нет, —
Прочту вам беглое творенье;
Свое в нем высказал я мненье;
Старался показать, как, чуждые сует,
Когда бы обращались с нами,
Бесплотные на наш благоразумный свет
Смотрели бы бесстрастными очами! [1]

1825

---

[1] По случаю бумаги г<осподина> поэта находятся в моих руках; итак, я могу со временем познакомить читателей с произведением, которое он, как истинный метроман, отправляется читать своим *родным*. Остается только спросить: пожелает ли и *посторонний* кто заглянуть в оное или нет?

4. АРГИВЯНЕ[1]

Трагедия в пяти действиях, с хорами

Μένει τὸ θεῖον δουλία περ ἐν φρενι.
(Ἀγαμέμνων Αἰσχύλου). *

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА ТРАГЕДИИ:

Тимофан.
Тимолеон.
Протоген.
Сатирос.
Поликрат.
Демариста, мать Тимолеона и Тимофана.
Аглая, супруга Тимофана, дочь Протогена.
Хор аргивских пленников.
Заговорщики.
Граждане города Коринфа.
Воины, градоначальники
и наемники карийские.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА МЕЖДУДЕЙСТВИЯ:

Венера, богиня-покровительница Коринфа.
Оры, богини времени.

Замечания

1

Автор назвал свою трагедию «Аргивянами», потому что хор в оной состоит из пленных аргивян. Он в этом следовал примеру греков, называвших нередко трагедию по хору. Доказательством сего могут служить «Эвмениды» и «Хоэфоры» Эсхила, «Финикиянки» Эврипидовы и проч.

2

Микены — город в Арголиде, принимаемый нередко за Арос, особенно у древних поэтов.

---

* И в рабстве сохраняется божественный дар (Агамемнон Эсхила) (греч.). — *Ред.*

3

Гадес, Айдес, Аид — название подземного царства и самого Плутона. Ад древних имеет и другие, в новейшей поэзии более употребительные названия: Тартар, Тенар, Оркус.

4

Эриннии -- эвмениды, фурии.

5

Адрастея — Немезида, богиня мщения.

6а

Кенхрея — западная пристань города Коринфа.

6б

Древние разделяли ночь по стражам: третья стража была перед рассветом.

7

Акрокоринф — крепость города Коринфа.

8

Пританы — градоначальники, присутствовавшие также и при торжественных игрищах.

9

Главною богинею коринфян была Венера. Они ей поклонялись в виде ратницы, как обыкновенно изображают Беллону или Минерву.

10

Контопара — река, протекающая частию через Арголиду, частию через область Коринфскую.

11

Завоевание Персии уже давно было замышляемо греками, но удалось только Александру.

12

Микены и Тиринф, другой город в Арголиде, за сто лет до Тимолеона были заняты и разорены дотла аргивянами; здесь автор по позволительному в поэме ахронизму сближает эпохи.

13

Греки часто сливали понятия о двух божествах в одно: Венера-Немезида, богиня, мстящая за поругание законов нравственной красоты и гармонии.

14

Древние чрезвычайно были умеренны в употреблении крепких напитков; Анакреон даже, родоначальник всех бакхических поэтов, говорит в одной оде, что не хочет пить по-скифски вино цельное, без примеси воды.

15

Праздник Посейдона — игрища, которые отправлялись каждые пять лет в честь Нептуна на Истме.

16

Греческие полководцы могли по законам «...добычею делиться с ратью».

17

Тринакрия — Сицилия.

18

Аполлократ, Гиппарин, Низей и потом и сам Дионисий несколько позже свирепствовали в сицилийских междоусобиях. Смот. з. 12.

19

Следующее от 424-го по 436-й стих описание взято почти слово до слова из Плутарха.

20

Платон был современником Тимолеона.

21

Гиакинф — прелестный юноша, любимый Аполлоном. Сей бог убил его нечаянно диском и превратил потом в цветок гиацинт.

22

Алкид, в наведенном на него Юноною бешенстве, умертвил жену и детей своих.

23

Гера — Юнона, помощница родильниц.

24

Геката — богиня волшебства, подземная Диана.

25

Клятва, о коей здесь говорится, — клятва Стиксом.

26

Периандр — тиран Коринфский, сначала обожаемый своими подданными, потом мучитель их.

27

Арес — Марс.

28

Греки касались лица того, кого о чем просили.

29

Клятва, здесь произносимая, вовсе не противоречит понятиям греков о верховном существе: философы их угадывали единство божие; в Элевсинских же таинствах получали довольно, как думать должно, очищенный символ веры.

30

Меды, мидяне были первыми изобретателями париков.

31

Медея, изгоняемая из Коринфа царем Креоном, упросила его даровать ей день сроку и в этот день успела совершить все ужасы, столь страшно прославившие ее в поэзии.

32

Карияне служили в греческих войсках наемниками, как в наше время швейцарцы.

33

Фемистокл перед сражением при Саламине нашелся принужденным послать к Ксерксу и известить его, что греческий флот намерен сняться с якоря. Царь персидский счел это знаком слабости, напал на них и был, как известно, совершенно разбит.

34

Фокидяне. современно Тимолеону, напали на Дельфы, разграбили храм Аполлонов и тем самым подали предлог честолюбивому Филиппу вмешаться в дела Греции.

35

Междудействия, конечно, не встречаются ни в трагедиях древних, ни новейших; но из комиков Мольер предшествовал автору своим примером. Сей же связал гораздо теснее свое междудействие с целою трагедиею: он считает оное существенною частию всей поэмы, без которой впечатление, производимое оною, будет совершенно иное; эпилог даже не мог бы заменить в «Аргивянах» междудействие, он бы был в сем случае, — чтоб употребить простую, но здесь весьма точную пословицу, — горчицею после ужина. Сверхъестественные существа, появляющиеся в сем междудействии, не противны ни духу греческой трагедии (у Эсхила и Эврипида боги наравне с людьми действуют в их произведениях), ни образу мыслей времен, изображаемых поэтом: коринфяне были тогда еще чрезвычайно суеверны. Всего более просит автор, чтобы не сочли его междудействие аллегориею: нет ничего скучнее и холоднее аллегорий.

36

Венера-Урания — богиня небесной красоты. Смот. з. 13.

37, 38, 40, 49, 51, 52

Смот. в Плутархе жизнеописание Тимолеона.

39

Деметра — Церера. Таинства, о которых здесь говорится, — Элевсинские.

41

Лилибей — город и пристань на северо-западном берегу Сицилии.

42, 43, 44

Амилькар и Аздрубал начальствовали 70 000-ным карфагенским войском, разбитым Тимолеоном при реке Кремесе.

45

Сидон вместо Карфагена.

46

Ихетас, тиран сиракузский, несколько раз посылал убийц в стан Тимолеона, но сей всегда был спасаем чудесным образом от их покушений.

47

Магон, предшественник Аздрубалов, обратился с войском, не менее многочисленным, в позорное бегство, не дождавшись и нападения коринфян.

48

Здесь говорится о Дионисии.

50

Тимолеон под старость лет лишился зрения.

53

Сароническим морем назывался восточный залив, омывающий берег Коринфской области. «Врата Сарона» — врата восточные.

54

Греки содержали своих жен почти столь же строго, как ныне их потомки и вообще все восточные народы, какого бы вероисповедания ни были. Прославившиеся же в греческой истории женщины принадлежали к классу гетер.

55

...latos um eros subiectaque colla
Veste super fulvique insternor pelle leonis,
Succedoque oneri; dextrae se parvus Julus
Implicuit sequit ur que patrem non passibus aequis;
Pone subit coniunx. — Aenidos Lib. II, vers 721—725.[1]

56

Алет — сын Алкида, один из древнейших царей Коринфских.

57

Кипсел — отец Периандра, царь Коринфский.

58

Тиндариды — Кастор и Поллукс.

59

Керы — сыны Ночи, божества, изображавшие смерть насильственную. Древнейшие поэты живописали их карикатурными чудовищами; позднейшие несколько облагородили их образ; разумеется, что автор здесь придерживается последних.

---

[1] Я накрываю плечи и склоненную шею одеждой и шкурой желтогривого льва и беру на плечи бремя; малый Юл, держась за руку, следует за отцом неровным шагом; сзади супруга идет. — Энеида, кн. II, стихи 721—725 (лат.). — *Ред.*

ДЕЙСТВИЕ I

Театр представляет площадь города Коринфа.

ЯВЛЕНИЕ 1

Хор пленных аргивян.

1-й полухор

Плачьте, девы Арголиды,
Плачьте, матери Микен! [2]
Нас в виду враждебных стен
Встретил вдруг позорный плен,
Нас постигли эвмениды!

1-й корифей

Кости наших убиенных
Побелеют средь полей;
Голос гимнов вдохновенных
Не утешит их теней!

2-й корифей

Нашей пламенной молитвы —
Пасть иль победить средь битвы —
Не услышали судьбы́!
Копья мимо нас промчались,
Невредимы мы остались;
Мы презренные рабы!

2-й полухор

Мы вовек не возвратимся,
Мы не у́зрим уж лугов,

Где мы — юноши взрастали,
Гордость радостных отцов!

2-й корифей

Страшно было бы свиданье,
Нестерпим их грозный взор;
Нам и матерей лобзанье
Было б смертный приговор.

1-й корифей

Для нас отверзся Гадес[3] молчаливый;
Уж Кербер лаял у подземных врат,
Но вырвал враг из наших рук булат.

2-й корифей

Нас ждал Харон нетерпеливый
И судия теней, Минос:
Их ожиданье не сбылось!

1-й полухор

Но и здесь, в веселом свете,
Как чужие мы стоим:
Нас влечет к безмолвной Лете;
Хладно мы на жизнь глядим!

2-й полухор

Жертвы глухой, неизбежной богини,
Мы без участья на бури глядим;
Мы приближенье предвидим эринний,
Смертные выданы им!

1-й корифей

В са́мом злодействе злодея
Вдруг поразит Адрастея,[5] —
Чистый один невредим!

Целый хор

Нас постигли эвмениды,
Плачьте, матери Микен,
Плачьте, девы Арголиды!
Нас убил позорный плен!

Мы как тени здесь стоим;
Без участья мы глядим —
Жертвы глухой, неизбежной богини —
На приближенье незапных эринний!

ЯВЛЕНИЕ 2

Народ сбирается на площадь. Два гражданина приближаются, разговаривая между собою.

1-й гражданин

Теперь, когда беседую с тобою,
Уже, не сомневайся, решена
Твоя, моя судьба — судьба Коринфа!
Ликаст, с едва блеснувшею зарею
Вдруг двинулись аргивяне к Кенхрее;[6а]
Когда меня сменили с третьей[6б] стражи,
С Акрокоринфа[7] видел в поле я
Клубящуюся пыль; казалось, слышал
Далекий вопль, далекий стук и грохот.

3-й гражданин
(к ним подходит)

О друг Клеон, ты прав; уже решилась
Судьба родных, свободных наших стен.
Знай, храбрый Тимофан, наш полководец,
К нам брата с важной вестию прислал.
Глашатаи сзывают весь народ.
Смотри! незапно площадь запестрелась;
Мы скоро здесь услышим глас героя,
Но нам и лица пленных говорят:
В их взоре мы прочтем свою победу!

2-й гражданин

И вестник уж идет. Валит за ним
Нетерпеливая толпа. Пританы[8]
С возвышенным и радостным челом
Ведут его к витийственным ступеням.

ЯВЛЕНИЕ 3

Хор, Тимолеон, Сатирос, Протоген, пританы и народ.

Хор

И се на всех легло молчанье!
Не смеют перевесть дыханье;
Их неподвижен жадный взгляд;
Боязнь, надежда, ожиданье
Их дух волнуют и мутят!
И скоро, скоро восхищенье
На них, как буря, налетит!
Но нет поруки за мгновенье,
И вечно лик судьбы закрыт!

Тимолеон

(входит на ораторское место)

О вы, любимцы бранной Афродиты,[9]
Коринфяне! Да даст она и впредь
Вам вольность, силу, счастье, торжество!
А ныне Тимофан, ваш полководец,
Вам возглашает радость и победу!

Народ

Хвала богам, вождю хвала и слава!

Тимолеон

Я вестник вам разбитья аргивян:
Их полчища рассеяны, их вождь
В водах контопарийских[10] утонул;
Пять тысяч юношей аргивских пало,
Пять тысяч, рабство смерти предпочя,
Нам отдали щиты в полях кенхрейских.
Богатую добычу вам несу:
Шатры персидские, коней кавказских,
Булат, янтарь и ткань финикия́н,
Кольчуги парфские и золото
Индийских рек, пустыней Аравийских!

Народ

Кумир из золота того, кумир
Да встанет в честь, в награду Тимофану.

Тимолеон

Из Азии потомки Пелопса
Сии богатства в Аргос привезли,
Когда при Кире мудрый Ксенофон
Был в пышных Сардах князем рати греков,
Когда Лизандр, потом Агезила́й [11]
Царю царей погибелью грозили;
Нам роскошь аргивян дала победу,
До нас уже их злато поразило!
А ныне да войну прокатит к ним,
Да в их земле засветит бранный пламень,
Преследует бегущих Тимофан.
Низверженные в прах нас ждут Микены,
Ждет мстителей разрушенный Тиринф; [12]
Пределы прешагнув, повсюду мы
Себе союзников в домах их встретим;
Неправедная брань погубит Аргос:
Коринфу нес он цепи, срам и смерть,
Но от богов нам послана защита,
И нас введет в их город Афродита.

Народ

Хвала, хвала вождю; о старцы, вы
Кумир ему воздвигнуть повелите!

Тимолеон

Пританы и народ! Победу вам
Я возвестил, вам возвестил надежды
И смелое намеренье вождя.
Теперь даруйте благосклонный слух
Совету, мне внушенному богами!
Сограждане, не высше ль меры вы
Почтить хотите подвиг Тимофана?
Я брат его, в своей душе его
С рассвета жизни я привык лелеять,
И чистой радости исполнилась мне грудь,
Когда вокруг меня в восторге шумном:
«Кумир ему, кумир!» — вы восклицали.
Но тот предатель, в ком родство и дружба
Отчизны голос может заглушить!
Меня сей голос нудит вас спросить:

Не каждый ли из ваших ратников
Делил с вождем опасность и труды
И не с избытком ли тот награжден,
Кто первый был в спасителях Коринфа?
В Афинах Мильтияд просил венка,
Свершив бессмертный подвиг Марафонский.
И был ему ответ: «Пусть Мильтияд
Рать персов в бегство обратит один,
И пусть потом один отлики просит!»
Сих мудрых слов забвенью не предайте,
О граждане! Раздайте часть добычи
Вдовáм и детям падших за Коринф;
Из части же на площади алтарь
Воздвигните Венере-Немезиде,[13]
Богине меры в счастьи, мести и любви!

Сатирос

Твои слова, о Тимодемов сын,
Достойны брата и тебя; но мне —
Недремлющая клевета меня
Считала некогда его врагом —
Мне подобает пред лицом народа
Иное говорить. Хвала богам!
Что я не враг ваш, ныне докажу!
Мы славный подвиг славно наградим,
Коринфяне! Нам то и долг велит,
И честь, и собственная гордость.
И се известна вам одна лишь часть
Заслуг вождя: узнайте все, внимайте!
Не только войском, не Кенхрейской битвой
Мы в сей жестокой брани спасены:
Что мы еще сбираемся на площадь,
Что здесь еще и говорим и судим,
Что не совсем замолкнули витии
И мы еще поныне называем
Могущего вождя своим слугою...
Ему мы тем обязаны, друзья,
Обязаны единственно ему!
Не раз послы врагов пред Тимофана,
Объяты тьмой полуночной, являлись,
Не раз, когда средь общей тишины
В его лишь ставке теплилась лампада,

Его царем коринфским называли.
Отвергнул он коварный их совет,
Но с мудрою заботою сокрыл
Приход их ото всех, да подозренье
Не пре́рвет в граде общей тишины;
Зане донос на сильного мгновенно
В народе будит зоркую боязнь,
И он не обладал еще тогда
Душой непостоянной, новой рати.
Владеет ею ныне Тимофан.
Так! не был никогда на троне царь
В столь беспредельную одеян силу,
Как в войске вашем воин, равный вам!
Я счастию и мудрости дивлюсь,
С какими он привлек сердца дружин:
Его боготворят наемники́;
«Для нас он расточил, — гласят они, —
Стяжание своих отцов; для нас
Его рука всегда была отверста.
Пусть нашей платы нам не шлет Коринф:
Мы Тимофана должники, ему
Мы продали свои мечи и души!»
И наши юноши не мене любят
Младого, смелого вождя, врага
Смешных старинных, нестерпимых правил,
Гонящих из шатров гетер,
Отъемлющих у воинов пиры,
В их чашах радость шумного вина
Мешающих с унылою водой. [14]
Коринфяне! При стражевых огнях,
В шатрах, в походах и в ночных беседах
Слыхал я речи ваших сыновей:
Они отвыкли от отечества!
Уже теперь у вас нет боле войска:
Не вашей ратью — собственной своей
Владеет ныне мудрый Тимофан!
Я не виню его, но удивляюсь
Чудесной странных случаев игре!

1-й гражданин

Ты не винишь предателя, Сатирос!

2-й гражданин

Сердца наемников он подкупил!

3-й гражданин

Он наших отчуждил от нас детей!

4-й гражданин

Он пре́зрел строгие законы предков!

5-й гражданин

Он угрожает нам ярмом тиранства!

6-й гражданин

И пусть еще теперь он чист в душе,
Он стал опасен, он уже злодей.

Сатирос

Когда же так, коринфяне, не вслух
Вы мысль свою, не громко, говорите!
Вы скоро будете в его руке:
Для ратных он отечество и бог!
Итак, явите преданность ему;
С восторгом в сретенье царя бегите:
Да вступит он на ваших раменах
В покорный город, в радостный Коринф!
Или — его немедленно казните!
Но поздно, может быть! И, может быть,
И жизнь и смерть его не в вашей воле,
И вам грозящей не избегнуть доли!

Голос в народе

Смерть, смерть мятежнику, тирану смерть!

Протоген

Нет! Смерть наветнику! Он вечно был
Противником, злодеем Тимофану!

(Всходит при шуме и вопле народа на ораторское место.)

Так! Граждане, Сатирос клеветник!
Его устами зависть говорит, —

Самих я вас в свидетели зову!
Не Тимофан ли победил
На Истме в громкий праздник Посейдона? [15]
Не Тимофан ли вырвал у него
Венок, бойцов завидную награду?
Не Тимофана ли вы предпочли
При выборе вождя в сей славной брани?
Сопернику Сатирос не простит!
Вы знаете меня: мне ненавистен,
Мне боле смерти мерзостен тиран;
И будь он сын мой, мой единственный...
С отчаяньем в душе, но в тот же миг
В его <я> сердце устремлю кинжал!
Но тот захочет ли тираном быть,
Кто с детства был вам сча́стливый любимец,
Кто здесь оставил вам в залог жену,
Родителей, детей, друзей и ближних
И брата к вам прислал того, чей меч
Не раз его спасал средь смертных сеч?
Нет! Нет! Сатирос жаждет казни Тимофана, —
Да после сам захватит власть тирана!

Сатирос

Напрасно оживляешь, Протоген,
Забытую картину наших распрей:
Они могли нас юношей делить;
Но мужу, но отечества слуге
Не подобает боле помнить их,
Чем слезы и забавы детских лет!
О жрец Нептуна! Я не клеветник!
Сын Тимодемов слишком поспешит
Пред вами оправдать мои слова.
Пусть громко брат его вам возвещает!
Он в Аргос рать коринфскую ведет,
Но новый путь предначертал себе
В враждебный Аргос храбрый полководец!
Им посланный сюда с Тимолеоном,
Оставил позже я Кенхрейский стан
И видеть мог, затерянный в толпе,
Как буйные наемники сбирались,
Как золото он сыпал ратникам,
Как триста наших юношей клялись

Низринуть власть, святую власть пританов!
Не знаю, слышал ли их клятву вождь, —
Но он идет не в Аргос, а в Коринф!

Протоген

Сограждане! Не верьте обвиненьям,
Бесстыдной, бешеной не верьте лжи!
Внимайте голосу своей души!
Не дайте места гнусным подозреньям!
На речи хитрые пускай дела
Убийственный ответ злодею грянут!
Не Тимофан ли вечно был рабом,
Безмолвнейшим рабом законов ваших?
Не тем ли вашу он стяжал любовь?
Все дни его раскрыты перед вами!
Других на эту площадь из домов
С зари их выгоняет голод славы, —
Но юный Тимофан бежал честей;
Враг шумных распрей, прений всенародных,
Он музам посвятить всю жизнь хотел,
И только власть пританов, власть отца
Могла похитить у беспечных дней,
Могла извлечь его сюда на вече!
Здесь стал он угнетенных щит и кров;
Как часто на себя он вызывал
За вас гнев, ненависть и мщенье сильных?
Когда же пред толпой витий его
Возвысили душа и дарованье,
Он тот же тихий юноша ходил;
На играх, на пирах, в шатре, во храмах,
Он старцам место уступал везде.
За славу раннюю молил пощады
В народе взор потупленный его;
Для всех он был примером, но всегда
Внимал и был покорен общим мненьям!
Кто ж от невинности шагнул когда
Без промежутка к адским преступленьям?
И кто ж, коринфяне, узнает здесь,
Укажет ли кто в жизни Тимофана
Высоковыйность, дерзость, буйство, спесь,
Сих спутников грядущего тирана?

Сатирос

Высоковыйность, спесь — он их умел
Сокрыть от всех очей! И не они
Мне будущего в нем царя являют!
При вечно возмущаемом лице
Я не люблю столь образцовой жизни;
По мне, без страха мысль свою скажу:
Премудрость в пылком юноше порок!

Протоген

Вы слышите! В запутанных речах
Он сам признал невинность Тимофана,
Он сам назвать не в силах преступленья;
Уж в добродетели соперника он мыслит
На пагубу его почѐрпнуть яд!
Но нет, Сатирос! Твоего врага
Не раз обворожало заблужденье:
Не мы ль его на пеню осудили,
Когда, обхвачен вдруг толпой микенян,
Он с ними бился, как боец простой?
Уже грозила нам вождя утрата,
Уж гибнул опрометчивый герой,
Едва его спасла отважность брата.
Я сам, — еще мои не ослабели силы,
Провидцем и жрецом я в войске был, —
Я видел сам, как конь, копьем сраженный,
Его повергнул посреди врагов,
Всех нас смутил аргивян крик победный,
И вдруг как вихрь Тимолеон помчался,
Вломился в них, щитом он кроет друга,
Он телом собственным удары ловит,
Он изъязвлен весь, он пронзен стрелами,
Но торжество их в бегство превратил.
Отозванный в Коринф, я пред народом
За безрассудство Тимофана обвинил;
Я, гневный, в нем не пощадил родного!
Нет! Слабостей его не утаю;
Но заговорщика и в них, Сатирос,
Крамольника и в них не узнаю!
Тирану ли не дорожить собой
Сперва для достиженья царской власти
И ею развращенному потом?

И что ж, признайся, все его вины?
Или добычею делиться с ратью
Меж греками воспрещено вождю? [16]
Он с нею делится трудом и смертью.
С какой поры пугаться мы должны
Пустых речей, бесед дружины праздной?
Сатирос, на свидетельство свое
Ты смеешь казни требовать героя
У граждан, им избавленных средь боя!
Я под защиту их даю его!
Страшись, твои слова их раздражили.
Страшись, здесь всё восстало на тебя:
Ужель тебя ступени не смутили,
Когда ты, злобы полн, всходил по ним?
При нем кто слушал бы твои советы?
Он сколько с них несчастных заступил!
Как часто расторгал твои наветы,
Как часто он тебя отсель громил!

1-й гражданин

Наследья давнего моих отцов
Едва здесь не лишил меня Сатирос;
Но Тимофан ходатаем мне был;
Едва в мою решили пользу тяжбу!

Протоген

Тебя, Ликаст, он выкупил из рабства,
А ты, Тимандр, я знаю, за тебя
Мне самому он уплатил твой долг:
Я сонмом окружен спасенных им!
Друзья! Его хотят у нас отнять,
Защитника всех вас в войне и в мире!
За вас себе он нажил сих врагов!
Как он всегда любил вас! Кровь свою,
Детей для вас забыл он в завещаньи:
Я помню, — уж труба звала в поход,
Он вдруг его дает мне при прощаньи.
«Когда паду за ларов, за народ,
Народ усыновит моих сирот!» —
Сказал, в последний раз пожал мне руку
И весел полетел на смерть и муку;
Муж храбрый победил; прошла борьба,

От ста смертей его спасла судьба,
Он уцелел средь ужасов сраженья,
И вы — вы не расторгнете сетей,
Расставленных рукой остервененья?
Дадите вырвать щит у жертв гоненья?
Отца лишите горестных детей,
От вас единых ждущих охраненья?
Вельможи вас давно уже теснят;
Для виду только вас еще сзывают
И здесь едва ль не правят без ответа.
За вас еще боролся Тимофан,
Но выдайте его их хитрой злобе —
Кто, кто за вас дерзнет на них восстать?
Коринф, внемли жрецу твоих богов!
От века проклят род неблагодарных,
Их запустеет скорбный град, и меч
Детей их посечет; травою стогны,
Мхом обрастут домов их алтари!
О, страшно в наши дни Кронид карает
Повинных в благодетельной крови!
В глазах Эллады гордые Афины
С своей ниспали светлой высоты.
В Тринакрии [17] сокровное вам племя,
Несчастный, развращенный Сиракуз
Бичами зверских пришлецов растерзан!
Там задушил великого Диона
Калипп чудовищный руками граждан,
И казней преисполнен целый край:
Аполлократ и Гиппарин, Низей
И воспрестоленный вновь Дионисий [18]
Разбой и язву, голод и секиры,
Ад принесли отверженной стране!
Тут сладостный весь остров одичал: [19]
Повсюду веси — стали пустыри;
Нумидец, лютый всадник, для коней
Богатый корм на площадях находит;
У самых стен, в немых предместьях ловчий
Встречает вепрей и еленей смелых;
Глухую область стая алчных псов
С конца в конец проходит с томным воем;
Костьми засеялась и смолкла степь;
Тучнеет волк и вран от смрадных трупов;

Боязнен одинокий странник бродит;
И душегубец на пути стоит!
Так строгий рок за праведника мстит!

(Указывая на Сатироса)

Сей изверг гнев небес на вас низводит!
Друзья! Он с Сиракузом вас сравнить хотел;
Позор ему, и смерть его удел!

Народ

Сатирос лжец! Он оскорбил Коринф!
Каменьями забросим нечестивца!

Тимолеон

Что ты вещаешь, Посейдонов жрец?
Сограждане! Не возглашайте буйства!
Ужель от рабства мы спасли Коринф, —
Да сам Коринф себя повергнет в рабство?
Свобода гибнет в бешенстве страстей!
Пусть здесь на суд предстанет Тимофан, —
Он будет прав, надеюсь на богов!
Но ныне кровь Сатироса священна
И каждый влас его главы сочтен!
Над ним каратель Зевс и сень эгиды!
Не призывайте страшной Немезиды!

Сатирос

Пусть он предстанет, пусть, когда возможет,
Пред вами обличит меня во лжи!
Но что? Я слышу шум, я слышу вопли!
Или мое пророчество сбылось?
Или герой, любимец ослепленных,
Уже вам с ли́хвой воздает за нежность?

ЯВЛЕНИЕ 4

Воины акрокоринфской стражи вбегают.

<Воины>

О граждане! Мятежник Тимофан
В Акрокоринфе, в городе, он здесь!
Из дома в дом его клевреты рыщут,

Вдруг он на нас напал, вдруг одолел;
За нами он, за нами ужас мчится!

Протоген

О небеса! Я защищал тирана,
Земля, развергнись, поглоти меня!

Сатирос

Здесь нет еще царя, коринфяне,
Схватите вольности последний миг, —
Пусть скосит казнь сообщников злодея,
Пусть кровью брата купит он венец!
И что же? Слов моих никто не слышит!
Все, полны трепета, отсель бегут!
Сковала силу дерзких рук боязнь
И этого мечтателя печаль.

(Указывает на Тимолеона)

Но если искрен мудрый друг Платона [20]
И верит сам высоким тем словам,
Которыми сияет пред народом, —
Смерть страшная постигнет Тимофана,
Я на него длань брата ворожу!
Эриннии врага мне сохранили, —
Да им сражен падет мой злейший враг.
К их общей гибели единый шаг!

ЯВЛЕНИЕ 5

Тимофан, окруженный телохранителями, входит поспешно.

<Тимофан>

Где, где они? Вы здесь, вы спасены!
Хвала богам! Мне ваша жизнь дороже
И самого венца, который мне
Сегодня бросила рука фортуны!

Протоген

Умолкни, лицемер! И здесь над гробом
Зарезанной тобой свободы ты
Нас думаешь коварством уловить
И ослепить лукавыми речами!

О, слишком, слишком долго Протоген
Игралищем твоим, насмешкой был!
Прости, Сатирос! Здесь я на тебя
И за него в безумном исступленьи
Народный гнев и ярость возбуждал:
Но здесь же я омою преступленье
В крови чудовища!.. Тиран, умри!

(Бросается на него с кинжалом)

Тимофан устраняется.

<Т и м о ф а н>

(к страже)

Из глаз моих безумца удалите!
Под крепкой стражею его держите,
Пока его судьбы я не решу!
А ты, Сатирос! Солнце при закате
Да у́зрит твой исход из этих стен!
Спокоен будь! Твоей презренной кровью
Своей руки не оскверню! Иди!
Ты пасмурен и тих, Тимолеон,

(отводит его)

Не стану тратить слов: так! для меня
Почтенны самые твои мечты!
При алтаре семейном наших лар
Готов внимать я всем твоим упрекам;
Но здесь яви ты светлое чело!
Тебя я нашей дружбой заклинаю!

Т и м о л е о н

Почто еще на солнце я взираю?
И ты и я из-под мечей в бою
Почто мы вынесли главу свою?

Уходят; остается хор.

ЯВЛЕНИЕ 6

Ц е л ы й х о р

Сын поднялся на отчизну,.
Встал и будит эвменид.
Побежденный Аргос зрит
Падшим детям тризну.

1-й полухор

Как ветер осенью туманной
Вдруг применяет свой полет,
По влажной области пространной
Бежит, ярится и ревет,
Вдруг до небес подъемлет волны,
Вдруг в область алчную влечет
Незапно схваченные челны, —
Так вечно движется народ!

2-й полухор

Но тиран уныл и мрачен,
Дикий взор его горит;
В нем нет сердца: другу, брату —
Всем он гибелью грозит.
Всех отчужденный в угрюмой боязни,
Он вымышляет и страхи и казни;
Бездну он видит и к бездне спешит.

1-й корифей

Зрел я тирана: душа моя сжалась,
Замер глагол на поблекших устах,
Хладной глава моя мглою объялась,
Сердце сковал во мне страх.

2-й корифей

Но изверг не избегнет фурий!
Они везде за ним текут:
Над ним в тиши парят, над ним летят средь бури,
Из собственной груди везде его зовут!

Целый хор

Не в радость взойдет ему страшный посев,
Не в радость созреет ужасная жатва,
Не минет преступника вечная клятва, —
Поглотит злодея разверстый Эрев!

ДЕЙСТВИЕ II

Театр представляет дом Тимофана.

ЯВЛЕНИЕ 1

Преддверие, ведущее во внутренние чертоги.

ХОР

1-й корифей

В чертогах нового царя
Я зрел прелестную Аглаю:
И се, казалось мне, взираю,
В туман столетий воспаря,
На Дафну робкую, на светлую Данаю;
Казалось, юная заря
За праг востока выступает
И в радужном пути веселье разливает!

1-й полухор

Но темно ее чело,
На устах ее молчанье;
Несказанное страданье
Ей на сердце налегло.

2-й корифей

Я враг владыки Тимофана,
Его мне ненавистен род:
На взморьи шумных, вражьих вод
Меня сломила длань тирана.

2-й полухор

Что ж невольная печаль
Дух в груди моей волнует?
Страшный рок их не минует, —
Мне жены невинной жаль!

Целый хор

О, как ужасна жизнь злодея!
Заране аду обречен,
Шагнул — и в неискупный плен
Его прияла Адрастея!

Нет, не спасут его мольбы,
Ни жертвы огорченных милых,
И уж на лицах их унылых
Он видит приговор судьбы!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Открывается гинекей.

Демариста и Аглая.

Демариста

Как ты прекрасна, о моя царица!
Какой восторг обнимет Тимофана,
Когда увидит, как с твоих рамен
До ног, волнуясь, нистекает пурпур
И под владычной светлой диадемой,
Под благовонной прядию власов
Блестит смиренно гордое чело!
Но разгони очей твоих туман!
К тебе спешит твой радостный супруг,
Уж он идет: безвременной тоскою
Не омрачай прелестного лица!
О, да не у́зрит на ресницах нежных
Сокрытой и тоскующей слезы!
Она его печалью возмутит.

Аглая

Прости Аглаю, матерь Тимофана!
Увы! Могу ли одолеть ту скорбь,
Которая мое снедает сердце?
Чем большим пламенем к нему горю,
Тем большая болезнь меня терзает;
Ах, черный жребий выпал для меня
Из роковой, из страшной урны Зевса:
Жена царя и дщерь я Протогена!

Демариста

Спокойся, милый друг, я говорила,
Я сто раз рада повторить тебе:
В царевых персях никогда не смолкнет
Любовь к тебе, заступник Протогена!

Аглая

Меня сразил их бедственный раздор;
Как нож, их распря мне пронзила душу;
Но я дрожала не за жизнь отца!

Демариста

Так что же, добрая, тебя волнует?

Аглая

О Демариста, весь Коринф смотрел
Моим влюбленным взором на героя;
Для всех он был отрадный Аполлон;
Но он воссел меж них, Кронид-каратель, —
И все его трепещут и бегут!

Демариста

Была в Коринфе лишь мечта свободы;
Мой сын попрал одни насилья мощных!
И ты жалеешь о минувшем буйстве?
На бурю веча буйство чернь сзывало
И по мгновенной прихоти ее
Судьбиной, жизнью лучших глав играло!
Забыла ты страдание свое,
Забыла страх, который ощущала,
Когда на площадь друга отпускала!

Аглая

Дитя богам приятного Коринфа,
Под сению священных алтарей
Я возлелеяна жрецом Нептуна
И с ранних лет благоговейно чтила
Законы древние моей страны;
Тиранов я обыкла ненавидеть,
Их имя вечной клятве предавать:
И ныне — ах! — любовник мой тиран!
Но, юная и слабая жена,
Не я сужу дела, вины мужей;
И чьи ж уста не смолкнут за него,
Когда в моих услышат приговор?
Всю душу, матерь, выскажу тебе!
Когда уж решено судом Олимпа:
Да над Коринфом будет жезл царя, —

В смущенном, слабом сердце восхищаюсь,
Что этот царь — супруг мой, Тимофан;
Он первый для меня в сынах земли:
Прекрасен, молод, смел, великодушен,
Он в страшной битве пламенный Ахилл,
На играх Гиакинф [21], избранник Феба,
Сладкоречив, как Маин мудрый сын, —
Да мне простит нечестье Афродита!
В моих глазах он всем бессмертным равен!
Но, Демариста, за него томлюсь,
Ах, за него дрожу в незапном страхе!
Быть может, очарует и меня
Безмолвное рабов подобострастье;
Быть может, я взирать еще привыкну
На грозного Коринфского царя,
Но некогда я здесь могла со всеми
Души моей все чувства разделять;
Здесь я могла во всех сердцах и взорах
К нему любовь свободную читать!

Демариста

Любовь слепой, непостоянной черни!
Аглая, пусть дрожат пред ним вельможи,
Пусть с трепетом падет пред ним народ, —
Но днесь не каждый темный человек
Дерзнет сказать: «Я равен Тимофану!»

Аглая

Что нужды нам до слов ничтожных, матерь?
Кто мог в уме твоем, в уме Аглаи
И дщерей всех и всех сынов Коринфа
У Тимофана первенство оспорить?
Но ненависть восторг их заменила!

Демариста

Их ненависть и гнев их презираю!

Аглая

Не все его презрительны враги!
И в их числе именовать должна
Всех дерзостных противников насилья
И много драгоценных сердцу глав!

Ах, первый мой родитель Протоген:
Он в мрачной ярости подобен буре;
В борении неистовых страстей,
Когда его дыханье тронет фурий,
Безумный полубог, Алкид ужасный,[22]
Он ни себя, ни кровных не щадит!
С ним рядом потечет Тимолеон,
Твой нежный, но в решеньях твердый сын!
Пусть Зевс рассыплет верх Афоса,
Подвигнет сердце трепетной земли,
Безмолвный дом Аидов поколеблет,
Бездонную пучину возмутит, —
Сам Зевс его души не изменит!

Демариста

Дитя, умолкни! Черная боязнь
Призра́ком суетным тебя пугает:
На брата ли убийцей брату встать?

Аглая

О матерь, матерь! О, как больно мне
Твой сладостный покой, твой сон разрушить!
Да обличит меня во лжи Венера!
О, да не сбудутся мои слова!
Но я всего страшусь, и глас надежды
Во мне боязни гласом заглушен.

Демариста

Увы, умолкни! Но, Аглая, нет,
Нет! с Тимофаном не родством единым,
С ним навыком и ранней дружбой связан
Мой строгий первенец Тимолеон!

Аглая

Так, пестун отрока, хранитель мужа,
Ему не раз он жертвовал собою;
Но он Коринф и вольность обожает...
Почто не возмогу в блаженство верить
И тешиться веселыми мечтами?
Увы! Зачем и у тебя желаю
Похитить упование и мир?
Услышьте, боги, чистые молитвы:

Напасти отвратите от него!
А паче уничтожьте все наветы
Коварного, холодного злодея —
Сатироса, который уж давно,
Голодный ястреб, выжидает жертвы!
Да ниспадет он, как свинец, на дно,
Да снидет в край забвенья, в Оркус мертвый!

Демариста

Богов благодарю, подам тебе
Немногими словами утешенье!
Уж нет Сатироса в стенах отчизны:
Его в чужбину понесло изгнанье.
Брось горесть и боязнь! К тебе твой царь
Грядет увенчан силою и славой.
Аглая! Твой хитон поверх плеча
Еще златым нарамником украшу,
Трудом далеким хитрого Сидона;
Вокруг душистого, младого лона
Сей драгоценный пояс обвяжу:
Я страстным взорам твоего супруга
Тебя в владычном блеске покажу!
А ты, его смиренная подруга,
Ты затвори стенаньям скорби слух!
На прелесть тихую твою взирая,
Пусть в нем спокоится смущенный дух;
Пусть радость принесет ему Аглая!

Аглая

Не веселит сей суетный наряд
Моей души унылой и стесненной:
Не так ли жертве, аду обреченной,
В кровавый пред бессмертными обряд,
Цветами выю мой отец венчает?
Почто о прошлом сердце вспоминает?
С младенчества владела мной тоска,
Когда жреца Нептунова рука
На смерть немого агнца украшала:
Иль я свой рок тогда предузнавала?

ЯВЛЕНИЕ 3

Хор с подарками от Тимофана.

Корифей

(говорит)

Мне царь мой повелел: «Иди и мой приход
Поведай дщери Протогена!
Ей будешь ты служить и цепи плена
Возлюбишь на брегу Контопарийских вод!»

Будь благодатна мне, прекрасная царица!
Как свежая роса, как алая денница,
Меня, унылого, возвесели!
Прими сокровища, дары моей земли!
Победоносная их шлет тебе десница,
Их выбрал для тебя твой благостный супруг:
Се злато и сребро, каменья и жемчуг,
Се риза царская, святая багряница,
Работа домовитых жен,
Труд тихих дев, красы моих родимых стен!
Воспоминаю их с болезненной тоскою, —
Но прелесть их померкнет пред тобою!

А вы, хранители торжественных сих мест,
Вы, зрящие на нас с высоких, светлых звезд,
В чертог моих владык меня примите
И радостным щитом главу их осените!

Раздается гром.

Аглая

По небу пробежал зловещий гром:
О боги, защитите этот дом,
Меня не устрашайте гласом гнева!
Свяжите кару в пропастях Эрева!

Вторичный гром.

Увы! Вы презрели мою мольбу,
Мне страшную вы предрекли судьбу,
До глубины души меня смутили;
Вы в грудь мою ту тайную боязнь,
Тот мрачный, быстрый ужас поселили,
Который смертным возвещает казнь!

Демариста

Аглая, ты почто себя терзаешь?
Ужели каждый гром посланник Зевса?
Как часто, случая слепого сын,
Он протекал над нашими главами!
Но сей да будет нам пророк Кронида:
О, верь мне, в нем благое божество
Царю предвозвестило торжество,
Его врагам позор и низложенье,
Коринфу радость, нам успокоенье!

Хор

Не в силах отвратить перун,
Твой раб, я сохраню молчанье.
Не стану, сумрачный вещун,
Усугублять твое страданье;
Пред тайной силою крылатых эвменид
Наш безответный сонм дрожит.
Но се, уже я зрю героя:
Живит зефир луга, добычу зноя, —
Тебя супруг в печалях оживит!

(Подходит к оркестру.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Тимофан и прежние.

Хор

Не светлый пламень восхищенья
Блестит в очах моих владык:
Взор князя пасмурен и дик,
В глазах царицы скорбь, в душе ее мученья!

Здесь царя узрел пенат
После тягостной разлуки, —
Что ж жены прелестной руки
К вые милой не летят?
Что ж уста ее молчат?

Но се любовь их победила:
Любви неодолима сила!

Рыдая, бросилась на грудь,
В слезах прильнула к сердцу друга
Младая, страстная супруга,
О боги, дайте ей в страданьях отдохнуть!

Тимофан

Плачь, плачь, Аглая, волю дай слезам!
Какое ждало здесь меня мученье!
О, скоро ненавистная молва
Тебе отца сказала заточенье!
Ты рассуди сама с ним Тимофана!
Когда для нашей общей славы счастье
Украсило меня венцом владычным,
Когда (прости невольному упреку)
Не столько в жажде собственного блеска,
Но да увижу дщерь его в Коринфе
Пред всеми дщерями превознесенной,
Я назвался царем своей отчизны, —
В нем черный гнев незапно воспылал,
Он на меня изрыгнул укоризны,
В родной, в его руке сверкнул кинжал —
И, если бы не праведные боги,
Уж я бы не вступил в сии чертоги!

Демариста

Нам горькое дано, мой сын, свиданье!
Так, Зевс без примеси не изливает
На бедный жребий смертных чашу благ,
Но будь ему хвала за твой возврат!
Приди, да днесь и я облобызаю
Ланиты моего царя и сына!
Теперь спеши, утешь свою Аглаю:
Свободу Протогену возврати!

Тимофан

Ему свободу, да он вновь меня
В унылый Тартар свергнуть устремится!

Аглая

(в сторону)

О боги, как его вы изменили!

Демариста

Сын, вспомни, он отец твоей супруги!

Тимофан

Он первый позабыл во мне родного,
И если грозной и незапной казнью
Не устрашит надменной, буйной черни,
Да жертвы принесет богам бессмертным,
Что мне живую память даровали!

Демариста

Возрос он, возмужал и поседел
Противником святой, верховной власти;
Но пылкая душа всегда открыта
Для гласа мира и благих внушений:
Народным счастьем оправдай себя.
А на его суровые упреки
Спокойным, гордым хладом отвечай!

Тимофан

Уже я не услышу сих упреков:
Пусть в чуждом граде он меня злословит!

Аглая

Будь милосерд к его печальной дщери,
О государь! Не возбрани ей ссылку
С ним разделить, с ее отцом несчастным!

Демариста

Тебя я заклинаю, Тимофан,
Изгладь из сердца ярость Протогена!
Прощение тебя сравнит с богами.
Когда, тебя рождая, я терзалась,
Во мне превозмогала нежность муки;
Тебя я боле всех детей любила.
Но слава сына — вот мое блаженство!
О царь! Не пожелай, да прокляну
Тот день, когда вещала Тимодему:
«Се Гера[23] вновь послала нам младенца!» —
В слезах к ногам твоим я припадаю;
Увы! Твои священные колена
В слезах объемлю!

Тимофан

Встань, о матерь, встань!

Демариста

Клянусь Гекатой[24] и глухим Айдесом
И тою клятвою (сам Зевс ее
Без трепета вовек не произносит),[25]
Меня одно насилие подымет,
Когда моей молитвы не внушишь!
Не только честь, твоя и жизнь, быть может,
И самый трон одно с его прощеньем!
Еще не заражен народ Коринфа
Безверьем греческих и ныне градов;
Привязан жизнию к богам бессмертным,
Он гибель вольности предаст забвенью,
Но за жреца ужасно отомстит.
Падешь, — а я что буду без тебя?
Падет моих преклонных лет опора,
Весь мир для моего затмится взора!

Тимофан

(к страже)

Пусть Протоген предстанет пред меня!
Но, матерь, если я когда погибну,
Обхваченный врагов моих толпою,
Да не рекут вовек твои уста:
Он пал, зане не внял моих советов!

ЯВЛЕНИЕ 5

Прежние и Протоген.

Протоген

Чего, мятежник, хочешь от меня?
Зачем призвал в чертог свой Протогена?
Зачем меня, преемник Периандра,[26]
Еще не предал вожделенной смерти?
Или мечтаешь прежде надо мною
Ругаться здесь пред слабыми женами?

Демариста

Ты вспомни, Тимофан, свои обеты!

Тимофан

Потребно пред его киченьем, Демариста,
Привесть на память мне мои обеты!

(К Протогену)

На гневные вопросы, жрец Нептуна,
Ответ мой будет краток: ты свободен!

Протоген

О! Берегись сломить мои оковы,
Пока в Элладе есть еще железо,
Пока еще не заросла дорога
В подземный дом безжалостного бога!

Демариста

Да обуздает твой язык Паллада!
Не раздражай его словами, старец!
О сын мой! Не всегда уста людей
Желанья их и мысли возвещают!

Тимофан

Отец Аглаи! Голос мой прошел
И твоего и не коснулся слуха!
Тебе твой царь поведал: ты свободен!
Царю не подобает взять обратно
Однажды изреченные слова!

Демариста

Гордись, герой, победой над собою!
Себя покрыл ты новым торжеством,
Ты, в силу облачен щадить врага!
Но доверши блистательное дело:
О будьте вновь родными и друзьями!
Почто стоите в хладном отдаленьи?
Ужель и дочь не умягчит отца?
На бледность мертвую ее лица,
На взор ее потухший вы взгляните!
Хотя ее, отец, супруг, щадите!
Ужель окаменели в вас сердца?
Брось, старец, позабудь свою строптивость:
Се первый сыну длань на мир простри!

Но вижу, слава дня сего вполне
Останется стяжаньем Тимофана;
Еще раз одолеет он себя!
Во всём мой сын предупредит тебя!

Тимофан

О Демариста, я хранил молчанье,
Молчаньем матерь я свою почтил!
Но не женáм решать дела мужей;
Тебя дарю я жизнию безумца, —
Пред ним же не унижусь никогда;
И он страшись второго преступленья!

(К матери и супруге)

Теперь да внидем в наш семейный храм
И воскурим хранителям богам,
Пославшим мне день светлый возвращенья,
Мольбу сердец и чистый фимиам!

Уходит с Демаристой и Аглаей, за ними следует хор, от которого, однако ж, один аргивянин отделяется.

ЯВЛЕНИЕ 6

Протоген и аргивянин.

Протоген

Едва ли не на пагубу тебе
Они, каратели, сей день послали!
Но мне — благословить ли их, суровых,
Что горечью угрозы отравили
Твои уста, когда мне отдал ты,
Бестрепетный, опасную свободу?
И дар твой обращу ли на тебя?

Аргивянин

Богам любезный Протоген...

Протоген

Кто ты?
И как, аргивский раб, меня дерзаешь
Среди противных мыслей возмущать?
Ужель желаешь, горестный невольник,

Утешиться глубоким униженьем
Невольника, подобного тебе?

Аргивянин

Кто я — не здесь, но скоро ты узнаешь;
И кто бы ни был, или кто посмеет
Над сильным Протогеном издеваться?
Что так колеблет твой могущий дух?

Протоген

Или мой лик зерцало бурь сердечных?
И се, не знаю кто, но некто нудит
(Не демон ли какой или сам Феб,
Сидящий грозный одесную Зевса?),
Влечет меня открыть все думы,
Всю глубину мою тебе поведать!
Сюда пришел я и в цепях свободный,
И в них я не покорен был тирану,
И вдруг — скажу ли? Тимофан меня
Из уз повергнул в злейшую неволю;
На западе моих остылых дней
Он душу превратил в утробе старца;
Не в силах я к нему питать презренье:
Злодей меня бесстрашьем победил,
Едва ли в эти перси не вселил
К себе мятежник удивленье!
С самим собой борюсь: в моей груди
Бунтуют мысли, чувства разразились!
Он жизнь мне даровал, — и не могу
Воздать ему возмездием убийства!
Но на меня он сыплет униженье;
Меня он даром жизни в прах попрал:
Се вновь меня берет остервененье,
И вновь хватаю мстительный кинжал!

Аргивянин

Пред слабым ли рабом тебе скрываться?
Пред ним ли притворяться, Протоген?
Реки открыто: я союзом крови,
Союзом дружбы связан с сим счастливцем,
И власть его решился разделить!
Иль я тебя отважусь осудить?

Иди, клеврет, достойный Тимофана,
Гнети с ним заодно родимый край!
Всех дерзких в первый подвиг раскидай
На месте лобном тучной снедью врана!
Казни их, жертвуй новому царю!
И если Крон и вновь пошлет зарю
Потомкам их, зарю былой свободы, —
Пусть их оплачут будущие роды;
Пусть их почтут с богами наравне;
Им смейся и вещай: «Что нужды мне,
Се ныне предо мной дрожат народы!»
Нет спора: ты тирана оскорбил!
Почто в мгновенном, непонятном гневе
В него при всех железо устремил?
Когда бы не упорный, долгий плач,
Не клятвы суеславной Демаристы,
Зане она страшилась, да в народе
Его не обесчестит гибель тестя, —
О друг бессмертных, крест уж был готов,
Ты на кресте бы испустил дыханье!
Что впредь он никогда не позабудет
В тебе маститого жреца Нептуна
И уж твоей обиды не помянет,
Я в том тебе ручаться не дерзну:
Еще я помню, как тебе он милость
Как хладно и строптиво объявил,
Ни слова о любви, он рек нахмурен:
«Тебе твой царь вещает: ты свободен,
Царю не подобает взять обратно
Однажды изреченные слова!»
Он тут же обратил к тебе хребет.
Но ты ему себя сам отдал в рабство,
К себе навеки веру погубил
Гражда́н, желающих расторгнуть цепи.
И, старец опытный, мечтать не станешь
Их убедить, что другом был свободы,
Когда за миг до похорон законов
Ты восставал защитником тирана —
И камнями побить желал противных!
И пусть потом твоя святая ярость
Иную мысль, быть может, в них рождала, —
Теперь и мир ваш и твоя пощада

Навек их в прежних думах укрепят
И призрак или истину согласья,
Которое они меж вами зрят,
Светильником блестящим озарят!

Протоген

Кто б ни был ты, но я клянусь Нептуном:
Ты черный гений мой и Тимофана;
Так, ныне ты обрек его на казнь:
Он сóрвал честь моей одряхшей жизни;
Он извергом меня явил отчизне;
О, буря бешенства в моей крови
Задула слабый жар к нему любви!
Любви к нему! — Меня он обесславил.
Мой хладный нож он на себя направил!

Аргивянин

Наперсник Посейдона! Самый воздух,
Которым дышат во дворце тирана,
Тлетворный, отравляет добродетель!
Пойдем, промчится час, и я, быть может,
Уже извлечь тебя не буду в силах!
К закату ль жизни осрамить себя?
Внемли! Отечество зовет тебя!
О Протоген, нас ждут друзья Коринфа:
Коринф к тебе подъемлет с ними длань,
Коринф от вас единых ждет спасенья.
Так, будет нелегка святая брань;
Но без нее под игом угнетенья
Родимый край померкнет и умрет.
Здесь каждый лучшее свое дает!
Какие дани слишком драгоценны,
Да из цепей воскреснут ваши стены?
Всех прежде сохраненью вольных лар
Ты жизнь принес, родство и дружбу в дар,
Или теперь боишься меньшей жертвы?
Для славы снидешь весел в Тартар мертвый, —
Но эту славу прямо возлюби!
Для ней свои сомненья погуби!
Не к хитрому льстецу великодушен,
Будь долгу, будь отечеству послушен.

Протоген

Не знаю твоего лица, тебя
Брада, язык, одежда — всё мне кажет
Плененным сыном древней Арголиды.
Но чудно мне звук уст твоих знаком,
Сии уста мне душу уловили,
Я не могу противиться их силе,
И, увлечен невидимой рукой,
Я следую безмолвный за тобой!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 7

Хор возвращается и спешит вслед за ними.

<Хор>

Куда с ним уходит
Встревоженный жрец?
Кто сей непонятный пришлец?
В микенский хитон облаченный,
Или, как я, он
Аргивянин пленный?

1-й корифей
(ко второму)

Вождь моих братий,
Ты его знаешь!

2-й корифей

Ты мою душу смущаешь!
Нашей отчизны питомец,
Или не твой он знакомец?..

Целый хор

О боги, трепет нас объемлет,
Страх вóлос на главе подъемлет!
Не адом страшным ли рожден,
Не сын ли древней бездны он?

1-й корифей

И се вдруг на меня находит исступленье!
Увы! Прозрел мой тусклый взор;

Увы! Ужасный слышу хор;
Завыло надо мной эринний диких пенье!

2-й корифей

Не се ли веянье их крыл?
Горят во тьме и жгут их очи!
Вас, вас я зрю, о дщери ночи!
Холодный пот меня покрыл;
Боязнь в мои проникла кости;
Я вижу ваших змей, о роковые гости!

1-й корифей

До небес главы восходят;
Светочи в руках горят;
Бьет, ехидной перевитый,
Ваши чресла черный плат!

2-й корифей

Се, беснуясь, предо мною
В пляске яростной бегут;
Над поникшей головою
Змей и факелы трясут!
Се, кружась, полунагие
Кару, гибель, смерть зовут:
Девы Оркуса святые,
Узнаю ваш гневный суд!

1-й полухор

Строгая дщерь жизнедателя
Зевса, отца и карателя,
О Немезида! Ты зришь
Светлые дни и плачевные,
Зришь все движенья душевные,
С вечной судьбой говоришь!

2-й полухор

Матерь святого молчания,
Мы обожаем тебя;
Мы поручаем себя
Грозным богам воздаяния!
Слабые дети земли,
Молим: от нас удали
Гордость, вины́ и страдания!

Целый хор

О небожителей царь!
Странники в жизни мгновенные,
Мы припадаем, смиренные,
Мы твой объемлем алтарь!

1-й полухор

В храме бессмертной царицы,
Светлой под бранным шеломом,
К небу воздενем десницы!

Целый хор

Да осенит над сим домом
Мирною сенью щита!

2-й полухор

Смерть и отчаянье, чада
Вечного, жадного ада!
Вы не входите в врата,
В стены Венерина града!

Целый хор

Ей принесем мы мольбы
В тяжких цепях победителей!
Ах, не избегнут рабы
Общей, ужасной судьбы —
Кары своих повелителей!

ДЕЙСТВИЕ III

Храм Афродиты.

ЯВЛЕНИЕ 1

Хор аргивян перед изваянием богини.

1-й полухор

Не сладкий запах фимиама,
Не кровь отважного тельца,
Закланного рукой жреца,
Приносим мы в святыню храма, —
Бог смерти, сокрушитель сил,
Железный Арес[27] в поле битвы

Наш меч и щит и шлем разбил:
Остались нам одни молитвы!

2-й полухор

Но они навстречу Фебу
Быстро понесутся к небу
На пылающих крылах,
Остановятся в вратах
Зевсова святого дома,
Брякнут в дверь кольцом златым:
Сын карающего грома,
Маин сын отворит им!

1-й полухор

К тебе они поднимут длани,
Коснутся светлого лица,[28]
Царица и любви и брани,
О дщерь всесильного отца,
Коринфа прелесть и защита,
Благая матерь Афродита!

2-й полухор

Да внидет в твой бессмертный слух
Их голос кроткий и смиренный,
Да поселится в эти стены,
Да препочиет мирный дух
Над граждан и владык главами!
Подвигнись нашими мольбами!

Целый хор

Подвигнись нашими мольбами!
Да внидет в твой бессмертный слух
Наш голос кроткий и смиренный!

1-й корифей

Смолкните, други, я слышу затворы,
Слышу — скрипит приворотный замок!
Ум победителя скор и жесток:
О, да не встретят меня его взоры!

2-й корифей

Не разбирает суровый властитель
Тихих речей, оправданий рабов;

Жадный захваченной силы хранитель,
Он и в невольниках видит врагов!

Целый хор

Скорее, о други, покинем сей храм!
Не следуй за нами, коринфянин строгий!
Твои милосердые, мощные боги
Да будут на гнев твой защитники нам.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 2

Тимолеон и Поликрат.

Поликрат

Почто безмолвствуешь, Тимолеон?
Не погружайся в самого себя;
За недостойную тебя отраду,
За слабость жалоб не считай;
Но в перси друга скорбь и слезы лей
И, сетуя, заране укрепи
Великий дух, тоскою угнетенный:
Зане на трудный подвиг мы дерзаем!

Тимолеон

Так! Я уныл до самой бездны сердца,
До сокровенного истока жизни
Я возмущен неистовой печалью.
Где я? Почто вступил в сей грозный храм?
Здесь брат на брата мстителей сзывает!
Увы! Его считал за сына я,
Когда, дряхлея, ветхий Тимодем
Мне поручил прекрасного младенца!
Украшенный дарами всех бессмертных,
Надежда всех, Тимолеона радость,
Он пышно на глазах моих возрос;
О, признаюсь, гордился я питомцем!
Я думал, в нем для Греции воскреснет
Один из тех божественных героев,
Которые сломили мощь Персиды
И в вечный блеск Элладу облекли;
Но строго мне воздала за надменность
Богиня, зрящая до дна души, —

Ужасная, святая Адрастея!
Не без вины пред нею я: не я ли
Честолюбивый пламень в нем возгнел?
Не я ль себе на взоры мрак навел,
Когда других сомнения смущали?
Я должен искупить пред нею грех:
Я сам на друга, на любимца встану!
Но если новый яд прольет мне в рану,
Предаст меня злодейству, злым на смех,
И слух она затворит Тимофану!

Поликрат

Не мучь себя безвременной боязнью!
Или наставника, отца второго
Уже он вовсе мог в тебе забыть?
Еще над ним ты должен властен быть:
Он не захочет видеть разрушенья,
И ты найдешь, надейся, верный путь
В открытую для гласа сердца грудь!
Любовь и жалость, близкие убийства,
Раздор, готовый обратить Коринф,
Священный город, в поле гнусной битвы,
Твои неутомимые молитвы,
Надейся, ум упорный умягчат:
Он слов твоих не презрит, он твой брат!

Тимолеон

Надеяться велишь мне, Поликрат!
Над гробом всех разрушенных надежд —
Последнюю я жадно обнимаю,
Последнюю я силюсь оживить!
Или не вовсе в нем алчбою силы
Хранитель, добрый гений умерщвлен?
Мой брат, он уловил меня притворством,
Меня, мой друг, он низко обманул!
Но если в нем благая искра тлится,
Быть может, искру в пламень я раздую;
Быть может, брата преклонить успею, —
Ужель на прочих уповать посмею?
Пустив однажды из лука стрелу,
Дерзну ли ей велеть, чтоб не разила?
Отныне отдался я эвменидам!

Кто скажет мне: сам ты мой утешитель,
Не будешь ли их казни совершитель?
Но старцы, нами сзванные, грядут:
Да укреплюсь на тяжкий, скорбный труд!

ЯВЛЕНИЕ 3

Входят заговорщики.

Один из заговорщиков

Мы вняли твоему, Тимолеон,
Усильному и тайному призванью:
Мы здесь; ты знаешь нас; до одного
Мы все друзья отчизны и свободы!
Открой, чего днесь требуешь от нас?
Что предпринять должны мы для Коринфа?

Тимолеон

Или того вам гордость не вещала?
Или на площади порабощенной
Еще не смолкнул зов витий и глас совета,
И мужи не сидят, сравнясь с жена́ми,
Безмолвные в унылых гинекеях?
В сем древнем храме безопасны мы,
Здесь говорить об общем благе станем!
Так, не потерян город Афродиты,
Друзья, когда еще в вас бьется сердце!
Услышьте мой глагол, отцы Коринфа;
Храните, что скажу, как юный воин
Хранит свой щит среди свирепой брани!
Коринф в цепях — расторгнем эти цепи!
Се ваши лица облегло сомненье,
Вам тайный голос шепчет в ваших недрах:
«Он кровь царя, и если в тихий храм
Мы притекли внимать его словам,
Мы лучше <б> жизнь покинуть захотели,
Чем слабую надежду погубить
Коринф ценою жизни искупить!»
Хвала богам, пославшим вам отважность,
Хвала сотворшим доблестных мужей!
Но должен вас дивить родных противник,
На брата поднимающийся брат:

Никто не вникнет в бездну человека,
В глубокий мрак страстей и помышлений;
Одним богам мои известны чувства!
Вам за отца порукой будут дети!
Пусть их восприимет Поликратов дом,
И если я предстану вам предатель,
Пусть поразит злодея бог-каратель,
Пусть жизнь их брызнет под его ножом!
Всели, о друг, в их перси упованье,
Клянись мое исполнить завещанье!

Поликрат

Нет нужды в сей противной небу клятве:
Тебя мы слышим, веруем в тебя!

Тимолеон

О Поликрат! Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ.
Мы любим и чрез час мы ненавидим;
Что славим днесь, заутра проклинаем.
Меня ты свяжешь сею мощной клятвой.
Клянись, тебя Коринфом убеждаю,
Клянись, когда желаешь дать нам смелость
И с нами воскресить святую вольность!
Но ты колеблешься: так знай же, ныне
Весь ужас неуспеха на тебя,
Погибель нашу на тебя слагаю:
Да тяготит тебя сей дар Плутона!
Главу твою эринниям вручаю!
Ты тайный недруг нам, ты враг закона!

Поликрат

Увы! Что делаешь с моей душою?
Прости мне, Зевс, хульбу жестокой клятвы;
Но я могу ль не произнесть ее?

Тимолеон

Друг верный, повтори ее за мною!
«Будь мне свидетелем, о ты, зиждитель,[29]
Правитель мира, тайн душевных зритель,
Святой, великий, благостный отец,
Всего и всех начало и конец!

Когда друзей Тимолеон оставит,
Сам он на чад своих мой меч направит!»
Вы отреклись ли от сомнений, старцы?
Да будет драгоценен брату брат,
Но кровь возлюбленных невинных чад
И крови собственной отцу дороже!

ЯВЛЕНИЕ 4

Входят Протоген и пленник аргивский.

Тимолеон

Но что я вижу? Ты ли, Протоген,
Бесстрашный, древний ратник за свободу?
О, благодатен нам приход героя!
Но безотрадный гнев тебя повергнул
В оковы плена: кто расторг их? Кто
Невольник сей, грядущий к нам с тобою?

Аргивянин

Тебе ответ дам вместо Протогена;
Сам Тимофан наперсника Нептуна
Освободил, мольбами премененный,
Склоняющим колени заклинаньем,
Слезами матери твоей почтенной;
И возвратил его Коринфу я,
Ему дорогу к вам я указал!
Меня не знаете, но верьте, я
Союзник ваш, желанья ваши вижу.
У темного раба есть соглядатай,
Который видел всё и мне поведал.
Он младший брат Афины, бог совета,
И между смертных носит имя: хитрость!
Он облачил меня в хитон аргивский,
Сокрыл власы медийскими[30] власами,
Мой образ изменил коварною брадою
И ввел меня в владычные чертоги;
Но здесь, здесь поклонюсь другой богине —
Тебе, бесстрашье, друг мечей и брани:
О старцы! Я — я изгнанный Сатирос!

(Срывает бороду и накладные волосы.)

Тимолеон

О боги! Вы почто его послали!

Протоген

Сатирос ты и не страшишься казни?

Один из заговорщиков

Что, если в граде кто тебя узнает?

Сатирос

Узнает — что ж? Едва успел за полдень
По небесам скатиться Гелиос:
Мой срок до позднего его заката!
Ко мне презренье гордый царь питает
И не прольет моей ничтожной крови!
Его не нарушаю повелений,
Но их не упрежду в усердьи рабском!
Он будет справедлив, не от меня
Потребует мой враг столь важной жертвы;
А если позабыл, что в тот же срок,
В сем самом граде создала Медея,
Какою смертью воздала Креону,
Надменному, подобному ему, — [31]
Ужели мне и днесь ему напомнить
О старой повести времен забытых?
Грядущие часы об ней напомнят
И, может быть, могущего владыку
Научат мене презирать меня!
Но ныне, юный вождь седых героев,
Дозволь, да буду ваших дел участник!
Или и ты, ни в чем не сходный с братом,
Или и ты пренебрегаешь мною?

Тимолеон

Тебя презрел злосчастный Тимофан:
Герой и в ослепленьи льву подобен!
Но мне ль пренебрегать тобой, Сатирос?
Меня страшит твой кровожадный взгляд!

Сатирос

Или единому Тимолеону
Святой отчизны вольность драгоценна?
С твоим мое намеренье одно;
И я еще — не брат я Тимофану!

Почто же на меня хуленья сыплешь?
Се ты уподобляешь льву тирана —
Он смрадный змей, взлелеянный Коринфом!
Я ж сам готов назвать его великим;
Не мал его бессмертный, смелый подвиг:
Насмéрть он уязвил страну родную!

Тимолеон

Чтоб я с тобой питал одно желанье!
Меня не месть, не ненависть, не злоба
На милого, на друга поднимают;
Когда же в час сей роковой и грозный
Любовь к нему, печальный, умерщвляю
Богов моей разгневанной отчизны, —
Не устрашусь украсить память брата
Моей любви святыми именами.
Но мы равны: я младший их товарищ;

(указывая на заговорщиков)

Не мне, решить им только подобает,
Возможешь ли быть принят в наш союз!
Пусть, впрочем, знают: без веселья вижу
Твой хитрый, неожиданный приход:
Скрывать не стану, злых я ненавижу;
Для них ничто свобода и народ;
Отчизна служит им одним предлогом;
Они вражду своим считают богом,
И я отцам Коринфа повинюсь,
Но дружества крамольников боюсь!

Протоген

Отчизна гибнет, Тимодемов сын!
Ты, ей принесший в дар любовь свою,
Своим ли гневом станешь дорожить?
В Сатиросе соместника забудь;
Забудь все свары с ним; не возжигай
В столь доблестных мужах огня раздора;
Словами едких стрел не расточай!
Я, старец, юноше тебе представлю
В себе для подражания пример:
Виновному забыть вину труднее,
Обидчик помнит долее обиду;

Виновный этот и обидчик я,
И больно мной обижен был Сатирос!
Но се ему я руку простираю, —
Я вкупе с ним тирана проклинаю!

Поликрат

И я Тимолеона умоляю,
Чтоб самого себя достоин был!
Сатирос гражданин могущий, смелый,
Испытанный герой и муж совета,
И боле Тимофана и его
Никто умами ратных не владеет;
Мы можем только одного его
В народе, в войске, средь семей богатых
Противуставить брату твоему:
В нем послан нам союзник драгоценный,
И ты желаешь, да его отринем, —
Зане противен одному тебе?
Не огорчайся, друг, моею речью:
Нет, никого не чту я, как тебя!
Но, вырвав брата из груди унылой,
Заклав родство над вольности могилой,
Ты, мощный, нас возвысил до себя!

Один из заговорщиков

Кто прав из вас, решить мы не сошлись,
Не судьи мы ничтожных ваших споров;
Вы воскресите их среди свободы,
И будет град наш их спокойный зритель,
Но ныне их забвению предайте!

Другой заговорщик

Здесь нам бесценным каждый миг быть должен:
На голос твой в сей храм мы притекли,
Тимолеон! и казням жизнь подвергли!
Не ты ль исторг нас из-под крова лар,
Из нежных и боязненных объятий
Сынов и внуков, дщерей, жен и братий?
Мы им Коринфа вольность предпочли!
Мы для отечества сюда пришли,
И мы тебя, не медля, покидаем,
Когда нам отрекаешься принесть
На жертву личную вражду и месть!

Тимолеон

Проникнуть мысль мою вы не хотели!
На мощь и разум хитрых уповая,
Напрасно чает праведник спасенья;
Слепец, он с ними к бездне той несется,
К которой тайно мчит их строгий демон!
Но пусть меня предчувствия волнуют,
Пусть вздрогнул я, когда средь нас раздался
Сатиросов глагол, и мне на сердце
Неизреченный, дикий ужас пал:
Для вас ничто немые предреканья!
Сей грозный страх, быть может, предсказал
Мне одному лютейшие страданья, —
Себя вручаю благостной судьбе!
Да мимо идет ваша укоризна!
Могу ли днесь и думать о себе,
Когда зовут нас вольность и отчизна?
Всё, всё свое я ныне отдал вам:
Будь мне от вас наградой снисхожденье!
Отцы, внемлите жалостным сердцам!
Я вашим зорким укажу очам
С пощадой брата рабства разрушенье!
О, да мое смиренное моленье
Душ ваших пылким гневом не смутит!
Но в шаткой вере к другу утвердит
И будет правых чувств моих залогом!
Нет, смертный быть не может богом!
Кто вам речет: «Се вам явлю пример,
Превосходящий все земные силы!» —
Того страшитесь боле, чем могилы:
Безумец он, или — он лицемер!
Свершив недосягаемое дело,
Он в нем не будет бог, но лютый зверь!
Так, старцы, вам теперь вещаю смело,
Зане я опытом познал теперь
Всё то, к чему быть должен муж способен!
Доколе в мире буду жизнь носить,
Клянусь Кронидом, не желаю быть
Ни чуду и ни извергу подобен!
Кто ж, брат, к спасенью брата путь прозрит,
Но хладен, справедлив, как рок-каратель,
На гибель кровь свою приговорит?

Увы! Я знаю, равных угнетатель
Повинен им преступною главой;
Но воскресите прошлые заслуги!
Главу сию носил он в смертный бой;
Стократ за вас он жертвовал собой.
О, будьте милосерды, братья, други!

Поликрат

С его мольбой покорной и священной
Свою пред вами сочетаю, старцы!
Не сомневайтесь, если нам свободу
Не искупить от мстительного неба,
А разве только смертью Тимофана, —
Тимолеон, отчаянный и верный,
Всю горечь ада горько ощутит,
Но сам богам подземным посвятит
Покорную и меткую десницу!
Услышьте ж, как в боязненной беседе,
До вашего прихода в этот храм,
Мы с строгим долгом съединить мечтали
Венец великих дел, святую милость!
Взгляните, брат, восставший на тирана,
Вас за него, за брата, умоляет;
Измену вспомнив одного из них,
Тогда же верность вспомните другого:
Пусть ныне доблесть защитит злодейство,
На благость ваши души обратит
И падший дух героя воскресит!

Тимолеон

Вы углубились в мертвое молчанье!
По важной сей и грозной тишине,
Отцы! явитесь вожделенны мне,
Примите благостно мое взыванье!
Я ваши совещанья упредил:
Готов мятеж народных, шумных сил;
Весь город только знака ждет и вспыхнет;
И днесь, пока в гражда́нах гнев не стихнет
И не погрязнут в гибельный покой,
Днесь, днесь еще мы поведем их в бой!
Царем узрело утро Тимофана,
Пусть вечер зрит падение тирана!

Ты, Поликрат, немедля им раздай
Добычу копий и мечей аргивских;
Нет, не погиб родной и милый край!
Едва ваш мощный зов по стогнам грянет,
И град весь из цепей к свободе вспрянет!
Все наши юноши, которых он
На миг опутал, буйством ослепленных,
Склонились под отеческий закон:
Я видел их стыдливых и смущенных!
Он может на наемников одних
Против отчизны опереться ныне.
Но знаю всю превратность их:
Противостать богатой благостыне
Продажные вовеки не могли;
Толпы их вечно за успехом шли!
На легкий подкуп их несу, веселый,
Свое добро, Коринфу нужный дар,
Тогда потухнет купленный их жар
И оскудеют пращи их и стрелы!
Когда же вдруг взволнуется народ,
Нахлынет, безоружит стражей сонных
И с воплем бунта к замку потечет,
Да призову пенатов благосклонных
И с словом мира к падшему гряду!
Сложить порфиру брата убежду:
Без битвы сын несчастный Тимодема
От скорбной власти должен отрещись,
С него падет без битвы диадема!
О, если бы тогда вы облеклись
На славный праздник общего спасенья
В прекрасный блеск небесного прощенья!
Не потеряв ниже́ одной главы,
Без крови пробудите вольность вы;
Изгладьте же минуту заблужденья!
Пусть в возрожденном сыне древний град
Вновь узрит щит своих и жен и чад;
Мгновенного злодея в нем забудет
И матерью его, как прежде, будет!

Сатирос

Не сомневаюсь в силе слов твоих,
Тимолеон; но Тимофану власть,

Власть новая должна быть драгоценна,
И если он твои вещанья пре́зрит...

Тимолеон

Сатирос, ты спешишь врага представить
Чудовищем, всех уз и сердца чуждым!
Я брата ныне оправдать не в силах:
Увы! Сам он уста мои зажал.
А только вам на память приведу,
О старцы, в чем и опыт вас уверит!
Как часто тьмит взор смертных искушенье!
Они летят за ним на преступленье;
Их манит вдаль блистательная цель!
Летят — и се не пристань видят, мель
Им вдруг являет близкое крушенье!
Тогда вдруг ужас в их вступает грудь;
Тогда они в обратный жаждут путь;
Но редко им дается возвращенье!
Без отдыха вперед и всё вперед
Их, горестных, длань грозная влечет
К злодействáм от злодейств и в ад из ада,
Смерть только может их спасти от глада,
От ненасытной страсти черных дел:
Смерть только их свирепых мук предел!
Не заграждайте же вы той дороги,
Которую так редко, редко боги
Преступнику показывают вспять;
Друзья! Не пожелайте вы того отнять,
Что одному благие даровали,
В чем строгие столь многим отказали!
Но пусть, Сатирос, пусть ты будешь прав!
Он, силу рук наемных потеряв,
Противясь, только казнь свою умножит:
Он мирных слов моих презреть не может!

Сатирос

Но если же? Надежду всю свою
Ты возлагаешь на измену рати?
Что ж, если, против чаянья, она
Пребудет власти хищника верна?
Ты всё предвидь! И при златой лазури,
И в вёдро мудрый воружен нá бури!

Тимолеон

О ненавистный муж, твой голос хладный
Подобен голосу зловещих птиц!
Тогда будь Зевс подземный, крови жадный,
Союзник наших праведных десниц!
Тогда — да отвратят позор сей боги! —
Я первый судия и мститель строгий
Явлюсь, и Немезиде эта длань
Обрящет искупительную дань!

Сатирос

Не содрогайся слов моих беззлобных,
О Тимодемов сын! Но мне подай
К забвению обид, к согласью руку
И верь: тебя и я ценить умею!
Священным, первым знаком уваженья
Тебе все покорю свои сомненья!
Последуем, друзья, во всем ему:
Пойдем, засветим пламень возмущенья!
А он пусть и́дет к брату своему,
Пусть говорит и сердце в нем подвигнет!
Пусть, радостный, святой мечты достигнет!
Теперь же я да не предстану вам,
Соратник бесполезный, друг ничтожный;
Связуя щедрость с тайною возможной,
Кариян [32] предприимчивым главам
Шепну не предаваться бранной думе
При возникающем в Коринфе шуме.
Они, быть может, вняв моим речам,
Воздремлют в благодатном нам покое?
Их со́брал я рассеянные строи,
Привел и нашим сочетал полкам,
И с той поры корыстным их рядам
Бывал вождем любезным и надежным;
Но, изгнан, быть я должен осторожным;
До времени властительным очам
Безумно показаться не решаюсь;
Пришлите двух в сей неприступный храм;
Их скорого прихода дожидаюсь!

Протоген

Я мятежей страшусь, страшусь измен.
В свободном городе не может боле

Дышать и жить сидевший на престоле, –
Пусть хищник устранится наших стен!

Один из заговорщиков

Ему мы жизнь дарим, но мы согласны
С твоею мудрой волей, Протоген:
Пусть устранится наших вольных стен
Обворожитель наших чад опасный!

Тимолеон

Преступный, но душе любезный брат,
Тебе в отчизну затворен возврат!
Прости! Иди в чужбину, друг несчастный!
И я тебя, я должен удалить!
Ах! Он и сам возможет ли сносить
Сограждан полные упреков взоры,
Их слов и их молчания укоры!
Почто же медлим? Вспрянем, потечем!
Вас ждет оружие в дому моем!
Воздвигнем волны спящего народа,
И да воскреснет ныне же свобода!

Сатирос

Друзья, отцы Коринфа! Кровь гражда́н
Должна для всех нас быть святее жизни;
Итак, не прежде к замку приступите,
Как будет несомненна вам удача!
Се придет к вам один из тех кариян,
Которых в этот храм ко мне пришлете,
И вам речет, сие кольцо вручая:
«Да здравствует коринфян мать благая!
Венера шлет вам вольность и покой», —
Тогда вы смело устремитесь в бой!

Все заговорщики

О братья, понесемся в славный бой!
Венера шлет нам вольность и покой,
Да здравствует коринфян мать благая!

Заговорщики уходят.

ЯВЛЕНИЕ 5

Сатирос

(один)

Каким они восторгом упоенны,
И как они бегут и восклицают!
Легко увлечь и полонить порывы
Умов недальновидных и горячих!
И эти старцы, отроки душою,
В блестящем сане пестунов отчизны
Всё та же чернь, все той толпе подобны,
Которой правит даже Протоген!
Едва ли не стыжусь своей победы,
Столь быстрой, столь не тягостной, над ними!
Мечтают зреть во мне слугу безумцы;
Но скоро, скоро с трепетом узнают,
Как сами мне оружьем только были!
Чтоб я за их Коринф подвергся казни,
Когда б меня не мщенье воздвигало!
Чтобы, воздвигнут им, я был доволен
Одним изгнаньем гордого злодея!
Герой свободы, нежный друг тирана,
Твоей боязнью даже боле я утешен,
Чем их слепым, презрительным доверьем:
Боязнь мое тщеславие щекочет!
Так, предо мной недоуметь возможешь!
Се без меня (кто бы тому поверил,
Кто бы дерзнул поведать то и в сказке?) —
Венец безумья, верх всем заблужденьям:
Низринуть власть и крови не пролить, —
Нелепый сей, достойный смеха подвиг,
Быть может, оправдался бы успехом!
Но я не сплю: и кары Тимофан,
Мой злобный ненавистник, не избегнет!
Тимолеоновой главы созданья,
Все мысли, все надежды их смету!
Я увлеку к убийствам их владыку;
Явлю его метою омерзенья
Непримиримой ярости народа:
Сей гнусный род я вкупе истреблю!
Не то пусть брат на брата длань подымет!
Когда ж при сем Коринф обрящет вольность,

Да скажут: «Друг отечества Сатирос
Обдума́нно низверг предтеч страшливых;
Он знал, лишь гибель хищника возможет
В стенах плененных возродить свободу:
Так Фемистокл изменою притворной
Погнал афинян в бой при Саламине!» [33]
Да не осудит дел моих мечтатель:
Достоин казни, ждущей безрассудных,
Кто вверит жизнь их трепетным десницам!
Сих старцев! Я и сам об них сжалею!
Но чья вина, что их встречаю здесь?
Им должно пасть, или мне не достигнуть
Давно желанной пагубы врага!
Пусть на судьбу, когда хотят, пеняют,
А я им тризну грозную устрою!
Притворство было мне всегда противно:
Терзался я, когда среди ругательств,
Под бурею страстей Тимолеона
Себя я укрощал, молчал, крепился;
Нет, не запнусь, единого <вождя>
В себе готов я указать вселенной!
Иль я не прав преследовать до гроба
Того, кто, дерзостный, меня лишил
Любви и славы, почестей и сил,
Кем в грудь мою вселились месть и злоба,
Кто жизнь мою так страшно отравил?

ЯВЛЕНИЕ 6

Два наемника и Сатирос.

1-й наемник

Ужели ты нас призывал, Сатирос,
Когда нам кра́дясь шепотом сказали:
«Не медля в Афродитин храм идите,
Там втайне ждет вас верная награда!»
Что повелишь? Или чтоб мы тебе
Связали руки за хребет цепями
И повели тебя к царю отселе?
Воистину, ты был нам благодетель!
Но нас тогда возмездье не минует:
Мы ведаем, ты изгнан из Коринфа!

Сатирос

Вас знаю: вы за мзду на всё решитесь;
Но не спешите: до ночи мой срок!
Меж тем внемлите, вам открою тайну,
Которая вас в золото оденет:
Царю грозит военный заговор!
Иди к нему, Архон, беги, поведай:
«Сатирос, враг твой, пред тобой смирился;
Он молит, жить ему дозволь в Коринфе;
И се тебе он в первый знак покорства
Гласит: будь вооружен и жди сраженья!»

1-й наемник уходит.

Ты ж, Диомед! в дому Тимолеона,
Кольцо вручая, скажешь Протогену:
«Да здравствует коринфян мать благая!
Венера шлет вам вольность и покой!»

2-й наемник

Сатирос! Где вино, веселье, деньги —
Мои пенаты там и там отчизна:
Все знамена равны для Диомеда!
Но мне, хотя я был в рядах фокидян
И, ратник Филодема, с ними грабил
Дельфийский храм,[34] потом в войне священной,
Союзник Македонского Филиппа,
Сих святотатцев резать помогал, —
Мне в жизни никогда еще не встрелось
Себя странам противным и враждебным
В одно и то же время продавать, —
А ты царю и вольнодумцам служишь!

Сатирос

Не ведал я, что совесть Диомеда
Так щекотлива; от него вовеки
Столь мудрых наставлений я не ждал!
Демарх, Аристомен, Стефанос, Лидий,
Другие, может быть, талант тот примут,
Который было я тебе назначил!
Ты ж, добродетельный, презрел корысти!
Твой проницателен и тонок ум,

Но посмотрю, они поймут скорее,
Что, посылая их к бунтовщикам,
Я тайно расставляю западню,
Чтоб уловить всех вместе беспокойных!

2-й наемник

Нет! Я готов, иду, бегу, Сатирос;
Нет! Нет! Вовеки жадному Демарху
Награду уступить не буду в силах;
Жить не хочу или на том поставлю,
Невежда Лидий не увидит перстня!
Ты мне его даешь! О, за тебя
Готов я в воду и в огонь, Сатирос!

Сатирос

Скорее ж оба вы! Они умчались, —
Так умный муж проворною рукою
Хватает счастье и вершит судьбою!

(Уходит.)

МЕЖДУДЕЙСТВИЕ [35]

Театр не переменяется; оркестр играет торжественную протяжную симфонию. Оры, богини времени, спускаются на светлом облаке в храм и разделяются на два полухора.

1-й полухор

С небес высоких и священных
По вечно светлому пути,
Урания, [36] в сей храм сойди!
Средь стен, коварством оскверненных,
Явись, и да дрожит обман!
Се грешный, спесью обуян,
Упитан ядом черной страсти,
Не зрит твоей бессмертной власти,
Смеется Зевсовым сынам
И, бросив камень к их ногам,
Речет: «Их вижу преткновенье!
Их безрассудное паренье
Дает венец моим делам!»

2-й полухор

Ты дитя отца вселенной,
Кем исполнен целый мир,
Кто от солнца до былинки
В нем разлит и дышит в нем!
Чудо твоего рожденья
Зрел единый Океан,
Древний царь тех шумных стран,
Где неистовые бури
Омрачали блеск лазури,
С ревом осаждали твердь
И горé стремили смерть
Из жилища бледных фурий;
Но когда явилась ты,
Вдруг, дивясь, остановились,
Унеслись и умирились
От воззренья красоты!
О небесная Венера!
К бедным смертным низлети
И сердца их освяти,
Да вовек не гаснет вера
На их жизненном пути!

Афродита
(выступает из облака)

В надзвездном доме, где ликую,
Где пляска сладостных харит
Бессмертных очи веселит,
Там вашу я мольбу святую
В открытый слух свой приняла;
Оттоле в ночь земного мира
Быстрее веянья зефира,
Быстрее мысли притекла.
Внемлите мне, часы и веки!
Земля и небо, верх и дол!
Примите в сердце мой глагол:
Богам любезны человеки!
И что они в живую грудь
Мужей свободных и великих
Послать замыслят и вдохнуть,
Не может мертвым сном заснуть;

Среди стихий слепых и диких
Горят их светлые дела;
И пусть их жизнь вотще была,
Но их душа расторгнет сети,
Чрез радостный поток столетий
Их мысль к потомкам преплывет
И там в степях, в странах далеких
Духо́в парящих и высоких
Чистейшим пламенем зажжет!
Так при святых истоках Нила
Благоуханная могила,
Златым возжженная лучом,
Прощальным взглядом дней светила
Объемлет феникса огнем.
И се, едва, дымясь, остыла
К заре зола душистых древ,
Бессмертный, для слепых сгорев,
Для зрящих разгибает крыла,
Горе́ возносит свой полет,
Одетый новыми лучами,
Шумя, течет над облаками
И солнце новое поет!

Хор

Взирают всевидцы блаженные боги
С спокойного неба на бурный мятеж,
За грозный таинственной смерти рубеж,
На темные строгого рока дороги
И видят сквозь ужас, и гибель, и тлен
Сокрытое, неоживленное семя
Грядущего счастья и лучших времен;
Толпа ж земнородных, ничтожное племя,
Во мраке, в слезах, среди страхов влачит
К Тенару тяжелое опытов бремя
И взор и надежду к минуте стремит!

Афродита

Искушенное в горниле
Злато чище возблестит:
Чрез печали в свежей силе
Мудрый к солнцу воспарит.
Смолкни ропот безрассудный

На бунтующих устах:
Зевс благой и правосудный
Пышный жребий, жребий скудный
Весит на святых весах!
Кто, растерзанный от терний,
Пре́зрел буйный хохот черни,
Смелый муж, кого прошло
В быстром, яростном теченьи
Испытующее зло
И унизить не могло, —
Тот познает провиденье;
Тот упорную судьбу
Превратит себе в рабу!
Сам Кронид его прославит,
Взложит на него венец
И его в фарос поставит
Для слабеющих сердец!

Да прояснятся ваши взоры,
О вы, чудес сокрытых оры!
Средь горьких мук Тимолеон
Да воспоется ныне вами,
Лелеян щедрыми богами,
Грядущим счастьем вознесен!

1-я ора

Роскошный, вольный и богатый,
Простерся Афродитин град;
Но клятву из свободных врат
Несет под сень забытой хаты
Герой, расторгший тяжкий плен
Родимых, оживленных стен!
И се через равнину моря,
Добыча слез, убийств и горя,
Тринакрия к своим отцам
Из бездны мрачных зол взывает
И, в прах простершись к их ногам,
Их о спасеньи умоляет!
Надежду дщери упредя,
Уж рать готова на злодеев,
Но рати нет еще вождя!
И вдруг, из немоты возвеяв,

Пронесся вдохновенный глас,
Он нáзвал вдруг Тимолеона, —
Толпа незапно потряслась;
Зовет защитника закона
И, дивным воспылав огнем,
Наполнив кликом однодушных
Далекий свод высот воздушных,
Велит герою быть вождем![37]

2-я ора

В Дельфах склонит вождь колены,
В вещем доме бога муз;
Я над храмом пронесусь;
Там одел столпы и стены
Всех градов усердный жар,
Фебу все богатства в дар
Принесли сыны и деды;
Для вождя венец победы
От тех даней оторву
И еще до трудной битвы,
В знак услышанной молитвы
На его спущу главу![38]

3-я ора

Носиться буду я над спящим океаном,
Одену целый мир в святую тишину,
И в небо выведу волшебную луну,
И облачу ее трепещущим туманом.
Тогда вдаль будут плыть несмело корабли,
Объяты сумраком прозрачной полуночи,
И се уж кроет сон пловцов усталых очи;
Но грезы их вождя коснуться не могли.
Он над кормой стоит, он быстрым, бодрым
зреньем
Парит над бездною и правит их теченьем!
Тогда предстанут вдруг герою чудеса:
Над ним разверзнутся и вспыхнут небеса,
Огонь с них низойдет блестящею струею,
Зажжет равнину мрачных волн
И окружит священный челн
Одеждой золотою!
Незапно светоч излетит

Из дивных зорь, из пламенного лона
И край последний небосклона
И путь коринфян осветит:
Подобен факелу живому,
Который в таинствах Деметриных [39] горит,
Он блеском спутницу богиню возвестит
Ее избраннику святому! [40]

4-я ора

Теки из Лилибея [41] к брани
С твоими тьмами, Амилькар. [42]
Готовы мстительные длани,
И казнь тебе их первый дар.
Сбери твоих жестоких воев,
Веди на смерть их, Аздрубал. [43]
Их кровожадный взор искал
Добычи верной среди боев,
Но меч коринфян поразит
Тиранов на брегу Кремеса, [44]
Там сонм их теней отлетит
Бесчисленный к рекам Айдеса!
Уже я слышу, на горах
Зефир, предвестник утра, веет;
Уж сумрак на земле редеет,
И звезды гаснут в облаках.
Шагает рать Тимолеона,
Молчат герои среди дум,
И к ним несется смутный шум
От войска грозного Сидона; [45]
И се достигли высоты:
Восходит в тучах дня светило,
Взошло и страшно озарило
Врагов несчастные щиты!
В сей день гелленов укрепите,
Подайте силу мышцам их,
Ваш ужас, боги, поселите
В опустошителей чужих!
Или вы тщетно чудесами
Спасли от купленных десниц,
От тайного ножа убийц
Главу над вашими полками; [46]
Или, беснуясь, Карфаген

Напрасно зрел побег Магона,[47]
И царь из Сиракузских стен,
Да упокоит тень Диона,
Вотще исшел в позорный плен,[48]
Преплыл враждебные пучины
И сел на площади чужбины,
Обруган, презрен и забвен!

5-я ора

Близкой грозою подернулись горы:
Бой закипел!
За засвиставшею тучею стрел
Солнца не зрят устрашенные взоры!
Вижу, пришельцы преходят Кремес,
Смертью рокочут врагов колесницы,
Латы их блещут огнями денницы,
Копья их шумный под бурею лес!
В смелую встречу к ним греки помчались
Вдаль на крылатых конях.
Но в недвижимых рядах
Варвары стройны остались!
Кто же их сломит ужасную мощь,
Дхнет и развеет их гордые силы,
Души пошлет в безотрадную нощь,
Трупы лишит вожделенной могилы?

Но что? Чей это грозный глас
Восстал и будто гром раздался?
Се дух неистовых смешался,
И рать их страху предалась!
О дивный муж! С твоим глаголом
Не бог ли некий сочетал
Свой зов над полным смерти долом
И в ад губителей позвал?

И вдруг в них ударил и вихорь и дождь;
Перун ослепил их, их рев оглушил;
Их ратник бледнеет, содрóгнулся вождь,
И рвутся коринфяне в сердце их сил!

Тогда увяли их десницы,
Их притупилася стрела,

Нога их в бегство потекла,
И разгромились колесницы;
Растаяли пред горстью тьмы,
Пожались тьмы косою брани:
Крылатым девам мщенья дани,
Их тел возвысились холмы! [49]

6-я ора

Скройтесь, роковые сечи!
Нет, не ужасы войны,
Нет, не вой враждебной встречи:
Славлю прелесть тишины!
Словом уст Тимолеона
Воскресает Сиракуз,
Стал святым жилищем муз,
Домом счастья и закона:
Все отечества сыны
Из унылого изгнанья
В милый край возвращены!
Миновали все страданья!
И божественный слепец, [50]
Их одряхший свободитель,
Зрится меж детьми отец,
Вольных стен до гроба житель! [51]

7-я ора

Сравнись, о голос мой, со стоном Филомелы!
Конец великого пою:
Он воспарил в Олимп, на пир богов веселый,
В отчизну горнюю свою!
Но граждане стеклись, покинул плуг оратай,
Рыдает по отце народ!
И се из той толпы вдруг выступил глашатай,
И гром от уст его течет:
«Внемлите! Возвещу признательность народа;
Гражда́н поведаю закон:
День смерти друга их да будет в год из года
Тимолеону посвящен!
Пусть юные борцы вокруг его могилы
Свои отведают в прекрасный праздник силы
И бег коней его почтит!»
Сыны младых камен и радостных харит

В покое возрастут в дарованном им мире
И воспоют его на вдохновенной лире![52]

Целый хор

Смертных и богов отец,
Сам Кронид его прославит,
Взложит на него венец
И в фарос его поставит
Для слабеющих сердец!

ДЕЙСТВИЕ IV

Ночь. Театр представляет пустынную часть города, вблизи на холме развалившаяся башня; в отдалении слышен стук сражения, и рдеют заревы пожаров.

ЯВЛЕНИЕ 1

Аглая вбегает и падает у подножия башни; за нею хор.

Хор

О стой, царица!
Куда потек
Твой скорбный бег?
Нас бой облег;
К нам брань стремится, —
О стой, царица!

Аглая

Где он? Где Тимофан? Где он, о боги?
Увы! Меня отселе не несут
Бессильные, мертвеющие ноги!
Напрасен был боязненный мой труд!
Почто, свирепым воплем пробужденна,
В пустынной тьме отверзла очи я?
Когда, крылатым страхом пораженна,
Его вотще на ложе длань моя
Средь стонов суетных, в слезах искала,
Почто тогда же жизнь я не скончала?
Несчастная! Я град весь обтекла:
Огни и шум, покрыла бледность лица,
Повсюду бешеный мятеж ярится,

Повсюду крику битвы я вняла;
Не раз во тьме свистящая стрела
Жужжала мимо смертью мне отрадной,
Не раз на труп я наступала хладный:
К нему, к нему проникнуть не могла!
Быть может, он теперь изнемогает;
Наемник, может быть, его предал;
Быть может, он в толпе сограждан пал
И — ах! — его изменник поражает!

1-й корифей

Я по следам твоим бегу,
Боязнью бурной утесненный;
Но ободрить не возмогу
Твой дух, страданьем угнетенный!

2-й корифей

Опасен светлый сан царев;
Не твердый щит для багряницы
Рабов и варваров десницы,
Народный кровожаден гнев!

Хор

Как ты, боязнью утеснены,
Колеблясь, мы в твой след бежим:
Или, бледнея, ободрим
Твой дух, страданьем угнетенный?
Смущает нас народный гнев;
Опасен светлый сан царев!

Аглая

Тебя, о блеск унылой, страшной славы,
О мощь и пышность! проклинаю вас!
О час, в который он взалкал державы,
Будь проклят черный, злополучный час!
Меня неизреченные печали
Ужасные с минуты той объяли,
Как братиев своих он стал царем!
Без слез уже мне не взглянуть на друга:
Навеки я утратила супруга,
Всё, всё навеки потеряла в нем!
Всех чувств его единственным предметом
Нет никогда уже не буду впредь!

Чело его отныне стану зреть
Грозящим омраченное наветом;
Везде его туманный беглый взор
Искать начнет вражду и заговор;
Ему тоска на очи сдвинет брови.
Увы! — как знать? — лишусь его любови!
Он вспомнит Протогена дщерь во мне,
Меня — увы! — меня возненавидит:
Он, трепетный, в семейной тишине
В Аглае скрытую змею увидит!
Ах, до того ужаснейшего дня,
О ты, Венера! истреби меня!
Пусть рано в грустной младости увяну,
Пусть на земле уж солнца не застану;
С блаженством навсегда простилась я,
Так пусть хоть имя, память пусть моя
Священными пребудут Тимофану!
Но что рекла я? Томные мечты
Здесь говорят со мною о грядущем,
Здесь о себе я сетую; а ты,
Друг милый, может быть там гибнешь ты!
Ты там в бою, позор и смерть несущем,
Ты без меня — и грудь моя, твой щит,
Руки убийц твоих не отвратит!

Хор

Повсюду вопль военный
И гром и стук мечей;
Сверканием огней
Все стогны озаренны!

1-й корифей

И се бойницу зрю
С сей высоты надменной,
Взор брошу окрыленный
На роковую прю!

2-й корифей

Пусть он отрадной речью
Возрадует твой слух,
Пусть не сраженный сечью
Придет к тебе супруг!

Хор

Пусть милого спасенье
В размученный твой дух
Прольет успокоенье!

Аглая

Спеши, о верный раб! чрез страхи ночи
Вдаль устреми над шумным градом очи!
Взгляни на их кипящий, близкий бой!
С сей башни, возвышённой и крутой,
Реши мою тяжелую судьбину!
Ты возвестишь мне скорбь или кончину!
О чем молить глухое божество?
Попраны будут все мои молитвы!
И чем бы ни свершился жребий битвы —
И пагуба его и торжество
Равно меня повергнут в сиротство!
Но что ты зришь? Вещай, не дай томиться!
Чего мне ждать? Чего, чего страшиться?

1-й корифей между тем взошел на башню, его полухор расположился по ступеням, второй полухор с своим корифеем остается при Аглае.

1-й полухор

Темен город возмущенный,
Смутен бой ожесточенный;
Гаснут тусклые свечи́.
Мрак возлег средь ночи хладной.
Но се вопли смерти жадной!
Бьются! Звукнули мечи!
Вновь сверкает факел ясный;
Распростерся блеск ужасный
Чрез восточную страну, —
Се туда к вратам Сарона [53]
Катят дикую войну
Мимо храма Посейдона!

1-й корифей

Но кто неистовые вои,
Сии свирепые толпы?
Чудовища, а не герои, —
Об камни, стены и столпы
Они младенцев разбивают,

Железо в слабых жен вонзают
По кисть убийственной руки!
Чьи эти буйные полки?
Их шлемы медные сияют,
Повязки зрю на шуйцах их!
Или светило зверской жизни
Они в стенах прияли сих?
Или в святой они отчизне,
Беснуясь, расточают кровь
Отцов и братьев и сынов?

Целый хор

Или в святой они отчизне,
Беснуясь, расточают кровь
Отцов и братьев и сынов?

Аглая

Увы! То сонм наемников жестоких!
На нас, как псов, их выгнал Тимофан.
Сломись булат чингалищ их широких,
Погибни их клятвопреступный стан!

1-й корифей

И се пришельцы отступают:
Обуревает их народ;
Они в обратный путь взирают,
И рой за роем вспять течет!
Дождем в них хлещет с кровов камень,
Их жрет домов зажженных пламень,
Их градом бьет полет секир!
Уже коринфян клик победный
Восстал и грянулся в эфир;
Уже везде наемник бледный,
Далече вергнув меч и щит,
Дрожит, колеблется, бежит!

Аглая

О горе, горе мне! Что ты вещаешь?
Что сердце страшной вестью раздираешь?
Где? Видишь ли его? — где Тимофан?
Не пал ли он, ногами их попран?
Почто я здесь средь суетной надежды?

К нему! к нему! несчастному смежить
Тягчимые последней мукой вежды!
К нему! С ним вместе душу испустить!

2-й корифей

Воззри, о царица, помедли, бодрись!
Здесь нового слова с бойницы дождись!
Стоит он и смотрит, в утес претворенный,
Но бурно лицо его движут премены:
Здесь нового слова с бойницы дождись!

1-й корифей

Кто там, на белом кто коне
Могущий, дивный всадник бьется?
Крыло на рдяном шлеме вьется,
Он светит в сребряной броне;
Пред ним, как море, чернь мятется;
Едва взглянул, суров и горд, —
И робкий полк стал снова тверд!

Аглая

О радость! Это он, он там несется!

1-й полухор

Бой жаркий закипел!
Под тучею свистящей
Средь черепиц и стрел
Внимаю визгу пращей!
С грядой сошлась гряда,
Смешались ополченья:
То волны их туда
Погонит длань сраженья,
То поженет сюда!
И мне ничье паденье,
Ничья победа мне
Не зрятся в сем смятеньи,
В сей яростной войне!

1-й корифей

Но что? Как бог военный,
Я зрю, в ряды граждан
Как лев остервененный
Вломился Тимофан;

Врубился, смял их, топчет:
Се первый строй их ропчет,
Вскричал, назад потек;
И се уже побег
Испугом ослепленных
Всех остальных стесненных,
Всех за собой увлек!

1-й полухор

И се уже побег
Испугом ослепленных
Всех остальных стесненных,
Всех за собой увлек!

1-й корифей

Я зрю их исступленных,
Бросающихся с стен;
Я зрю: другие в плен,
Простершись, высят длани,
Иной из алчной брани
Ввергается в пожар:
Он в дыме исчезает
И средь горящих лар
Свободный погибает!

2-й корифей

Но настала тишина!
Град унылый и дрожащий
Онемел, как область сна!
Только факелов блестящий
Ряд по стогнам к нам течет!
Встань, царица, се идет
Буйных грозный сокрушитель!
Близок светлый победитель;
Встань! Супруг к тебе грядет!

Между тем 1-й корифей и его полухор сошли с бойницы.

Целый хор

Встань, царица! Он идет,
Близок светлый победитель:
Буйных грозный сокрушитель,
Твой супруг к тебе грядет!

ЯВЛЕНИЕ 2

Тимофан, окруженный **воинами**, и прежние.

Тимофан

Стефанос! С сотней ратников беги,
Мне отыщи до утра Протогена,
Тимолеона, Реза, Поликрата,
Ко мне главы мятежных привлеки!
А ты, Аркас, к Сатиросу теки,
Вели ему прибыть с зарею в замок!
Он мне презрителен и ненавистен!
Он был своим, быть может мне изменник,
Но днесь меня о бунте предварил:
Неблагодарным не могу казаться!
И что? Ужели здесь супругу вижу?
Идите вы! Один хочу быть с нею!

Воины уходят, хор удаляется в неосвещенную часть театра.

Аглая! В эту ночь ужель и ты
Противной мне впервые быть желаешь?
Как без меня средь мрака ты решилась
Покинуть терем вопреки тем нравам,
Которые жену по всей Элладе
В святом уединеньи охраняют? [54]

Аглая

Что говоришь, о Тимофан, о нравах,
Что о законах тщетных говоришь?
Или когда здесь жизни драгоценной
Со всех сторон погибель угрожает,
Я о приличьях вспомнить возмогла?
Но ах! Теперь, когда здесь пред собой
Тебя я зрю, теперь, когда узнала,
Уверилась, что точно ты спасен, —
В моей груди сомненья возникают:
Быть может, было мне молить бессмертных,
Чтобы ты пал не в этой гнусной битве,
В борьбе против земли своей родной, —
Нет, прежде, как родимых оборона,
Отечеством оплаканный герой,
Тогда, в тот славный незабвенный бой,
Где щит прикрыл тебя Тимолеона,
Где ты избавлен был его рукой!

Ты не стреми ко мне сих взглядов гневных:
О, если б ведал, как страдаю я!
До смерти сетует душа моя:
Желаю одного в мечтах плачевных,
Желаю уничтожиться с тобой!
Будь милосерд! Прости мне ропот мой!
У башни сей по поисках напрасных,
Всех сил лишенная, я пала в прах
Без сил, но рвал меня и мучил страх!
С крутой бойницы при пожарах красных
Мои рабы ссудили мне свой взор, —
Уже в слезах мои потухли очи!
Там мягкосердый их и верный хор
Глядел чрез сумрак кровожадной ночи, —
Я с речью их сливала бытие,
И речь сия пременная вливала
Скорбь, ужас, смерть в бессилие мое!
Увы! я боль Тантала ощущала,
Когда просвищет алчная стрела;
В Тенар — увы! — погружена была,
Когда толпа дрожащая вещала
Твоих клевретов лютые дела!
Младенцев зрел ли, побиенных ими?
Узнал ли ими сверженных со стен?
Ты видел ли пронзенных ими жен?
Невинных кровь волнами роковыми
Стремится, грозный, шумный океан
Стремится нас покрыть, и громы мщенья
Зовет, и во́пит в уши провиденья!
Висит над ними кара, Ти́мофан!

Тимофан

О, что рекла ты? Пусть сих умерщвленных
Не от меня потребует Кронид, —
Пусть спросит он их жизнь от дерзновенных,
Пусть вечным их проклятьем поразит:
Они народ покорный возмутили!

Аглая

Не их главы та кля́тва отягчит!
Они поборники за вольность были!
Но — если бы! — твой стал прискорбен вид:

Или мне вновь надежды луч блестит?
Или ты мне вонмешь? Даруйте, боги,
Ваш разум мне! Вы лишь к упорным строги,
Вас чистое раскаянье мягчит!

Тимофан

Почто меня до дна души, Аглая,
Нежданной бурей всколебала ты?

Аглая

Изыди, наконец, из слепоты!
Тебя в Коринфе ждет судьбина злая:
Для подданных не можешь быть отцом, —
Они убийцу вспомнят под венцом!
Купив владычество ценой кровавой,
Ужели льстишься мирною державой?
Ужель еще дерзнешь на трон воссесть?
Тиранов никогда не минет месть!
Взгляни: се пред тобой одни волненья,
Мятеж и казни, скорбь и убиенья!
О, грозно-правосудны небеса!
Нет, не заснут врагов твоих глаза;
Ты будешь чужд покоя и надежды,
Навеки мир твои покинет вежды:
Исполнен ужаса средь тишины,
В ночи хвататься будешь за железо!
Тебе в грядущем брани рождены;
Во всяком подданном, в потомках Реза,
В отважных Поликратовых сынах,
В родных и братьях ты познаешь страх!

Тимофан

Или к родным сим и тебя причислю?

Аглая

Увы! Я о себе уже не мыслю!
Любви моей неугасимый жар
Один еще мне согревает душу:
С весельем жизнь печальную разрушу,
Когда тебе приятен жизни дар,
Когда тебя возможет успокоить,
Когда вдали от оскверненных лар
Возможет счастье для тебя устроить!

Тимофан

И, бешеный, дерзнул я оскорбить
Суровым словом гнева сердце милой!
Но чем в тоску груди твоей унылой,
Чем мне отраду в грудь твою пролить?

Аглая

Покинь ту власть, которую напрасно
Захочешь без насилья сохранить!
Уже тебе нельзя в среду сограждан
С твоей угрюмой высоты сойти,
Нельзя меж ними жить, как друг и равный:
Тебе то возбранил твой бой бесславный.
Но — ночь! и се вселенна пред тобой!
Не дожидайся с утром вероломства
Готовых ползать пред тобой льстецов!
Иди! И справедливый глас потомства
Тебя почтит в преданиях веков!
Твои не воспомянут преступленья,
И горесть из отчизны удаленья
Тебя очистит пред лицом богов!

Тимофан

Итак, я здесь, здесь должен бросить всё:
Святую родину, святых пенатов,
Отца, чад наших, матерь и тебя!

Аглая

Меня? — Нет, нет! не разлучусь с тобою,
Я разделю изгнание твое!
Я стану облегчать твои страданья,
Я буду в перси принимать твой стон,
Во все твои я вслушаюсь желанья,
Нет! В мире будет мне один закон —
Угадывать твою, о милый! волю;
И нареку мою завидной долю,
Когда до смерти буду пред тобой
Женой угодной, верною рабой!
И дети, друг, нас дети не покинут!
Своих младенцев позовем с собой,
Да к нам сердца их вчуже не остынут!

Их выведем заботливой рукой,
Их, пестунов нежнейшего союза!
Так из Пергама исходил Эней, [55]
Так за героем шла его Креуза:
Но я — я не лишусь твоих очей,
Я буду счáстливей в любви своей!

Тимофан

И старца, твоего отца, оставить
Решишься ты? Его давно ли мне
В моем раздоре с ним предпочитала?

Аглая

Я на изгнанника его взирала,
В тебе я зрела мощного царя:
Гонимый друг нам должен быть дороже!
Но, Тимофан, днесь изгнан будешь ты
И сир! В душе нуждаться будешь близкой
В стране, где веет воздух неродной!
Но нет, и там, в чужбине, в доле низкой
Еще ты встретишь радость и покой:
Возделаешь ли сильною сохой
Близ нашей хижины святое поле,
Или к тебе пришельца приведут,
Кого в радушный пригласишь приют,
Или, не восхотя работать боле,
В кругу малюток наших отдохнешь,
Беспечно на груди моей заснешь, —
Блаженней будешь ты, чем на престоле,
О милый друг! блаженней во сто крат,
Чем средь угрюмых, царственных палат!

Тимофан

Волшебница! Почто я в жизни бурной
Не чаще жадно мог внимать тебе!
Не в столь гремящей, в сладостной судьбе,
Под синевой прекрасной и лазурной
Все дни мои спокойно бы текли.
Мучительный, крылатый призрак славы
Я не помыслил бы ловить вдали!
Но поздно! Ах! Вкусив его отравы,
Уже я рок не в силах одолеть!

Погибнуть должно мне или блестеть
Сияньем начинаний дерзновенных,
Безмолвствовать народам повелеть
И ослепить потомков изумленных!

ЯВЛЕНИЕ 3

Прежние и воин.

Воин

Дозволь, о государь, да я прерву
С царицей светлою твою беседу!
Ританы, старшины, отцы племен
Тебя в Акрокоринфе ожидают:
Смиряясь пред тобой, к стопам твоим
Повергнуться желают всем собором,
Колена царские хотят обнять
И благости твоей главы вручают!
Они, я видел, молча принесли
Тебе венец Алета[56] светозарный,
Кипселов[57] древностью священный меч
И жезл и багряницу Периандра, —
И жаждут лицезренья твоего!
Но тщетно мы искали Протогена,
Напрасно обежали все домы́
И строго робких граждан вопрошали:
И Рез, Тимолеон и Поликрат
Скрываются от наших бодрых взоров!

Тимофан

Итак, мне воспрещен обратный путь!
Аглая, се судьба моя решилась!
Почто рыдаешь ты? Нет, кровь сия
Была не всуе расточенна мною!
Из сих смертей свобода, жизнь и слава,
Как древо пышное, взрастут для мира;
С Лакедемоном дружбой сопрягусь,
Взыщу любовь аргивян побежденных,
Вокруг себя Элладу созову
И сокрушу коварного Филиппа!
Уже готов могущий наш союз:
Вострепещи, надменная Персида!

Восстанут боги-мстители за нас,
И осенит нас Зевсова эгида,
И страшно грянет твой последний час!

Уходит с Аглаею и воином.

ЯВЛЕНИЕ 4

Хор выступает из мрака.

1-й корифей

Юнейший был я среди братиев,
Я возмужал и се состарился,
Но правого не зрел оставленным,
Ни чад святого, хлеб просящими!
И не ревную спеющи́м в путях
Мужам, творящим преступления:
Зане я видел славу грешников,
И Зевс приник и посмеялся им!

2-й корифей

Их мышцы, зрел я, намещали лук,
И обнажали меч десницы их,
Да посекут главу невинную,
Да в смертный ров сразят убогого!
«Пусть сокрушится лук гонителей
И меч злодеев внидет в души их!» —
Так рек я, и протек, и вновь воззрел —
И се и места гордых не обрел!

Целый хор

О жребий смертных суетный!
Им конь не во спасение,
Их не прикроют шлем, броня и щит,
От гроба их ничто не охранит,
И всем удел истление!

1-й корифей

Но, други! Отступим в отрадную тьму,
Преклонимся ухом: се и́дут к холму!
Богов призовем к безоружных защите!
В туман окрыленные взоры прострите!

2-й корифей

И я боязливые слышу шаги,
Я слышу: се шорох дрожащей ноги!
Подобен он ходу ночного призрака;
И внемлю я речи, грядущей из мрака!

Хор

Мы ухо склонили — се йдут к холму!
Уж внемлем мы речи, грядущей из мрака.
Отступим, о други, в отрадную тьму!

ЯВЛЕНИЕ 5

Тимолеон и Протоген.

Протоген

Не утешать тебя теперь я стану, —
Ужасный рок постиг твою главу!
Безумец, изверг не дерзнет помыслить
Тебя в твоих терзаньях утешать.
И из очей злодея выжмешь слезы!
На гибель братом обреченный брат,
Отец, детей лишенный дланью друга,
Ты в ночь одну паденье зрел отчизны
И смерть своих всех упований зрел!
Но пусть же на единый миг отклонят
От мук мои слова твой мрачный дух.
С тобой, для одного тебя не медлю
Еще раз с новым утром принести
Глаголы убежденья Тимофану!
Хотя я, старец, чуждым стал надежды,
И суетность усилий всех предвижу,
И знаю: он, несчастный, нас принудит
Избрать последний, грозный путь к свободе,
Но ныне весь я покорюсь тебе!
Мне внемлешь ли, о мученик свободы?
Почто тебя не видит Поликрат?
Твой искаженный лик в него бы пролил,
Его достойный, казней изобильный ад!
В тебе изменник скорбный усомнился,
Тебя с нежнейших первых лет любя,

Он верить горестной молве решился,
Что предал ты губителям себя!

Тимолеон

Где, где я, Протоген, чьи слышал пени?
Умолкни! Не волнуй унылой тени!
Здесь Поликрата нет! Со мною он
Огнем, его пожравшим, примирен!
Се зрю его в безмолвной, мирной сени;
Оттоле к детям он зовет отца!
О дети, о мои птенцы!..
Светает!
Я должен чашу выпить до конца, —
Пойдем! Меня отчизна призывает!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 6

Хор снова выступает вперед.

1-й корифей

Стою я на краю могилы,
Но мнил еще в минувший миг:
«Совет бессмертных я постиг!
Хранят с небес святые силы
Благого безмятежный век!» —
И вдруг сей труженик притек!

2-й корифей

Сошел с Олимпа муж великий,
Подобный божеству герой!
И что же, вечные владыки,
Се непонятною судьбой
Вы целым адом посетили
Его земной крылатый час!
Ужель навеки вы от нас
Лицо во гневе отвратили?

1-й полухор

Больно слушать глас стенания,
Плач рыдающей жены!
Что ж безмолвные терзания,

Ужас мертвой тишины,
Очи дикие, бесслезные?
Перси львов, сердца железные
Скорби мужа рвать должны!
К вам, отчаянья полны,
Наши взоры взведены!
Шлем упреки бесполезные
К вам, Урановы сыны!

2-й полухор

Где обитель провидения?
Небо зыблют преступления;
Стае хищных отдана
Вся подлунная страна;
Нет приюта добродетели;
Боги зол мирских свидетели;
Но кругом их тишина;
Облаком глухого сна
Их глава отягчена!
Изверг плещет, правый стонет,
Высится до звезд злодей, —
И горé ничьих ушей
Ропот бледных жертв не тронет!

1-й корифей

Поле бурь, юдоль ненастия,
Не земля жилище счастия:
Здесь и розы кроют змей!
Или область воздаяния,
Область темная теней,
Край за краем испытания?

2-й корифей

Мы толпами и́дем к ней:
За предел мятежных дней
Нам настали упования!

Целый хор

Край за краем испытания,
Область темная теней!
Мы толпами и́дем к ней!
За предел мятежных дней
Мы преносим упования!

ДЕЙСТВИЕ V

Великолепное преддверие в Акрокоринфе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Хор

СТРОФА

Владыка светит в багрянице,
Царь блещет в радостном венце,
Судьба градов в его деснице,
Честь, сила, гордость на лице;
Он взглядом расточает счастье,
Живит движением очей,
На мир безмолвный шлет ненастье
Суровым манием бровей!

АНТИСТРОФА

Но пусть чистейшее светило,
Пусть солнце, вечное горнило,
На землю мещет жизнь и день, —
Се в путь его ложится тень!
Она лучом зовет туманы:
Встают пары из лона блат,
И тучи, новые титаны,
Огромные его мрачат!

ЭПОД

Ночь черная за рдяным блеском,
За мощным, крадясь, льстец идет;
Он топчет бедственный народ,
Глушит владыку гнусным плеском;
Раб подлый с слабыми надмен,
Он льет, как воду, кровь и слезы. . .

2-я СТРОФА

Манит сосуд с душистым медом
Жужжащих насекомых рой;
Под раскаленным горним сводом
Кипела брань в стране глухой, —
Я зрю, желтеет жатва боя,
Вкруг вьются вранов облака,

Немая стала степь громка
От гладного шакалов воя!

2-я АНТИСТРОФА

Так здесь недавние враги,
А ныне трепетные слуги
Царю несут хвалы, услуги,
Считают все его шаги;
С него горящих глаз не сводят,
В груди удерживают дух,
Стремят к его молчанью слух,
В его воззреньи рай находят!

2-й ЭПОД

Нет! С этой не сравнюсь толпой:
Я узник робкий и презренный,
Я раб, насильственной рукой
С смертельной нивы увлеченный.
Увы! Я щит свой бросил в прах,
Сковал мне длани победитель,
Но ты почти меня, властитель, —
Не ползал я в твоих ногах!

ЯВЛЕНИЕ 2

Тимофан, окруженный старейшинами Коринфа. Он в венце и багрянице, за ним несут жезл и меч.

Тимофан

О други! Умилен, вас отпускаю:
Святыми знаками верховной власти
Меня в народе вы превознесли
И сан мой, дар бессмертных, утвердили!
Но снова вам Кипселов меч вручаю:
К чему мне меч в кругу сынов любезных?
Несите же его в Венерин храм!
Когда же угрозит родным стенам
Войной незапной чуждый ненавистник,
Когда блаженства нашего завистник
На вас подымет дерзостную длань, —
Препоясуйте им меня на брань!
Возьмите Периандров жезл обратно:

Всевидящих богов молю стократно,
Чтоб пурпур сей, который он носил,
Меня с ним-юношей сравнил!
Тогда он был отчизной обожаем,
Тогда в жезле он нужды не имел!
А ты, богоподобный сын Алкида,
Да служит мне залогом твой венец,
Что ты мне будешь светлый образец!
Клянусь великим именем Кронида —
Коринфу жизнь, Коринфу мой конец!
Теките, братья, с миром к алтарям домашним!
Да прйдет он за мятежом вчерашним!
Пусть тишина загладит самый след
Злодейств невольных и взаимных бед!

Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ 3

Хор отступает в глубину театра; **Тимофан** приближается к оркестру.

Тимофан

Итак, свершились все мои желанья
И вы, златые сны мои, сбылись!
Давно ли я в сем велелепном граде
Безвестный, темный юноша бродил, —
А ныне стогны, полные народа,
И торжища, кипящие гостьми,
И пристани, к которым отовсюду
Летят на шумных крыльях корабли,
И храмы пышные, и зданья славы —
Всё, всё, куда ни брошу взор веселый,
Всё стало здесь стяжанием моим!
Я счастлив! .. Или дерзкий кто посмеет
Всемощного несчáстливым назвать?
Я счастлив! Пусть же смолкнет глас ничтожный,
Который тайно шепчет о бедáх
И всуе страхами меня тревожит!
Почто же скрытый червь мне сердце гложет?
(Он задумывается.)
Но! Чудится здесь воздух гробовой!

Мне мнится, заунывный слышу вой!
Не ликом ли чуть видных привидений
Обступлен я таинственной толпой!
Так! Так! се взгляд в меня вперили тени;
Се перст их кажет в некий мрачный путь!
Меня коснулось хладное порханье!
Мне слышится невнятное призванье!
Нашла язык моя немая грудь,
Их стоны, замирая, повторила;
И не дают подавленной дохнуть
Смертельной стужей пышущие крила!
Не шлет ли мне былых царей могила?
Не руку ли ко мне простер мертвец
Алет, как я носивший сей венец?
Растаяла моя незапно сила,
Меня мутят угрюмые мечты;
Или, кружась от гордой высоты,
Глава моя без навыка уныла?
Ужель от слез, от слабых слез жены
Во мне все мысли вдруг превращены?
Не близкий ли удар мне предсказала
Живая боль невидимого жала?
Противоречий полон человек!
Достигнул я, к чему так жадно тек:
Я укрощал неистовые страсти,
Томилась пылкая душа моя,
Носяся с бурями, был ясен я
И стал, владев собой, достоин власти;
Се по трудах жестоких наконец
Я вздел давножелаемый венец, —
Но вдруг на вышине меня обстали
Нежданные и черные печали!

ЯВЛЕНИЕ 4

Те же и Сатирос.

Тимофан

Тебе прибыть я повелел, Сатирос,
Да объявлю, что можешь жить в Коринфе:
Тебя в твоих наследьях утверждаю!

Сатирос

О государь! Прими благодаренья
За чувства премененные твои:
Ты на меня, не на врага взираешь,
Всё прошлое забвенью предаешь!

Тимофан

Ты враг ли мой или не враг, Сатирос,
Мне недосужно ныне разбирать:
Но ты, ты мне не можешь быть опасным!

Сатирос

Отраден твой глагол великодушный,
Отрадна мне доверенность твоя
И, может быть, меня к мете приближит,
Которой боле жизни дорожу!

Тимофан

Того, кто служит мне, я гнать не стану;
Себя я чту, тебе ж не доверяю,
Но знай, злодеев низких презираю!

Сатирос

И это ты Сатиросу вещаешь!
Мне, Тимофан, дозволишь удивиться,
Что, не забыв соперника во мне,
Назначив мне в Коринфе пребыванье,
Ты так не обинешься говорить!

Тимофан

Моей ли речью станешь изумляться?
Пусть иногда царям дает измена
В делах отважных радостный успех, —
Вовек изменник гнусен и для них!

Сатирос

От слов подобных, признаюсь, смущаюсь!
Твою в них слышу прежнюю вражду;
Верь, впрочем, Тимофан, я оправдаюсь,
Надеюсь, здесь предстанут пред тебя
Твои, мне вожделенные, друзья,
И я — тобою буду узнан я!
Но се твой брат! Пред ним я умолкаю:
Ему с тобой беседу уступаю!

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же, Тимолеон и Протоген.

Протоген

Ты поручил своим клевретам нас обресть
И в узах пред тебя привлечь к ответу.
Их мы предупредили, Тимофан,
Се сами твоему лицу предстали!
Но не ответ, вопрос тебе приносим!
Ты ж зрителей излишних удалишь,
Ты нам вопрос глаз на глаз разрешишь!

Тимофан

Главы моих врагов, я вас искал;
Меж тем в груди, вас некогда любившей,
День наступивший много пременил!
Но для чего же устраню рабов?
Быть может ли теперь меж нами тайна?

Протоген

Или, бестрепетный, ты нас страшишься?
Ничтожен твой и малодушен страх!
И если на тебя замыслим гибель,
Верь, не спасут тебя твои толпы:
Повсюду и средь копиев карийских
Найдет тебя свободный наш кинжал!
Язык велеречивый — храбрость низких:
Иною мы отважностью владеем!
Я то на шумном вече доказал.
Что ж ныне возвестить тебе посмеем,
То не для их невольничьих ушей.
Пусть идут! От сокрытых же сетей
Тебя пусть защитит наперсник новый,
Предатель гнусный для главы твоей,
Хранить тебя нечаянно готовый,
Сей доблестный палач своих друзей!

Сатирос

Не старец — опрометчивый дитя,
Ты в день сто раз меняешь суд и мысли,
Ты жрец, но не оракул речь твоя!
Кто ты, быть может, скоро вновь докажешь, —

Падешь, строптивый, с мнимой высоты,
Быть может, скоро, запинаясь, скажешь,
Что я был постояннее, чем ты!

Тимофан

Или тебе дозволил кто, Сатирос,
Врываться в мой с родными разговор?
О Протоген! Ты зришь во мне тирана,
Но может ли тиран глагол твой снесть?
Здесь брат мой: он мне вечно драгоценен!
Я вечно буду веровать в него!
Для брата гнев возникший потушаю,
Нептунов жрец! Для брата отсылаю
Сих даже безоруженных рабов!
Сатирос, ты останься: будь свидетель,
Как чтить умею мужество врагов!
Свята мне и в противных добродетель!

Хор уходит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Их нет: доволен ли? Жду ваших слов!
Или желаете, да я ответом
Вопрос ваш, мне знакомый, предварю?
Предвижу, для чего вы днесь пришли,
И верьте, я ваш подвиг оценяю!
Но, други, тщетны ваши убежденья!
Я ныне тих, вы зрите, не пылаю,
С самим собой вчерашним я не схож.
Тем тверже быть должна моя решимость!
Я устоял противу жарких слез,
Противу страшных, милых заклинаний
Возлюбленной, отчаянной жены:
Аглая на моей рыдала шее,
Ее я слушал, ей внимал, стеня,
Но се мой жребий одолел меня!
И вы ее не будете сильнее!

Тимолеон

О Тимофан! И по супруге нежной
Дерзнет еще надеяться твой брат!

Да помяну златую нашу младость!
Или, счастливцы, мы тогда мечтали,
Что потечем противными путями?
Что нас сведет подобный разговор?
Былую воскреси ко мне любовь!
Мы Тиндаридами[58] слыли́ в Коринфе, —
Ужели ныне, ныне мы враги?
Се пред тобой услуги пробужу,
Услуги, их забыть бы я старался,
Когда бы не претил мне строгий долг!
Мне был ты предпочтен в семье моей,
Тебе я не завидовал, и ты,
Любимец всех, ты был и мой любимец!
Из ветхих рук родителя прияв,
Не я ль твое младенчество лелеял,
В твоих недугах не смыкал очей,
Крепил бессильную твою десницу,
Тебя священной мудрости учил;
Для милого и жизни не жалея,
Тебя подобно матери взрастил.
Се ты подъялся, гордо возмужал;
Тогда я, вдовый, возлюбил Аглаю,
И мне она обручена была,
Но ты предстал ей, юноша прелестный,
И, полонен ее красой небесной,
Ее младые чувства полонил.
Я видел вашу скорбь и отступил!
Тогда ты мне клялся среди восторгов:
«О брат, отец мой, я тебе воздам!»
Сквозь горесть я внимал твоим устам.
«Созреют, — думал я, — для верной жатвы
Сии святые, сладостные клятвы!» —
Те клятвы ныне помяну тебе!
Так ныне, друг (угодно то судьбе!),
Сбылись твои недавние желанья:
Я требую, о сын мой, воздаянья!

(После долгого молчанья)

Взгляни, я чрез тебя осиротел!..
Во цвете лет уже клонюсь к могиле!
Когда, противник беззаконной силе,
Мятеж незапно в граде закипел,

Под тучами твоих нежданных стрел
Вдруг гибельный в народе слух промчался:
«Поведал нашу тайну брату брат!»
Кто предал их, никто не догадался;
Вне всех сомнений твой злодей казался:
Меня кровь, чувства, мой смущенный взгляд,
Мольбы щадить тебя меня винят!
Увы! Тут в вере к другу всколебался,
Отчаяньем был схвачен Поликрат.
Моих заложенных невинных чад
Он умертвил; он бешеной рукою
Свой дом возжег над ними и собою!
Один теперь я на земле стою!
Или ты отравишь и смерть мою?

Они бросаются друг другу в объятья и рыдают.

Тимофан

О злополучный друг! О брат несчастный!
Чем для тебя потерю заменю,
Священную, бесценную потерю?
Молю, Тимолеон, тебя молю, —
Да буду для тебя, как прежде, сыном!
Да на престол воссядешь близ меня!
Меня научишь счастию народа:
Блаженством чуждым собственные муки,
Благословенный всеми, заглушишь!

Тимолеон

Ужель ты понял, что сказал, жестокий?
Престол, ужасный твой престол обрызган
Горячей кровию моих детей!
Сойди с него, тебя я заклинаю!
Он куплен платой горестных смертей!
Сойди! И, может быть, еще воздвигнешь
Погрязший мой в аду мучений дух!
О Тимофан! Склони, склони свой слух!
Внуши мое последнее моленье!
Мне дай еще до гроба утешенье!

Тимофан

Возможешь ли собрать на миг единый
Унылые, рассеянные силы
И, беспристрастный, внять моим словам?

Клянусь! Желать бы власти не решился,
Когда бы я все бедства предузнал!
Но днесь — уже содеян шаг злосчастный;
Бесплоден будет поздний мой возврат:
Он не загладит зол незагладимых,
Не оживит твоих погибших чад!
Уже мой жребий брошен, не подвигнусь,
Но вознесусь отечества отцом
И другом братий буду под венцом!

Тимолеон

В последний раз тебя я вопрошаю:
Или тебя ничем не умолю?

Тимофан

Всех боле смертных я тебя люблю;
Но жребий брошен: твердым пребываю!
Сам я — я ад в сих персях нахожу;
Но кровь текла, и я богине черной
На троне искупленье приношу!

Тимолеон закрывает лицо плащом.

Глубокое молчание; расступается задняя стена, и является за дымным прозрачным покровом призрак Тимофана; по правую его руку плачет Гений в белой одежде, по левую — другой в черном облачении; выходит из бездны Кера; [59] чудовище подъемлет над призраком секиру. Слышна таинственная тихая музыка, прерываемая резкими, грозными звуками; все действующие лица обращены спиною к видению: оно явно для одних зрителей и исчезает прежде, чем Протоген начинает говорить.

Протоген

Се в очередь свою, о муж упорный!
И я в последний раз тебя спрошу:
Тебя совсем ли ослепили боги,
И нет к тебе раскаянью дороги?

Тимофан

Вином ли упоен Нептунов жрец?
Его ли ты красноречивей будешь?
Или меня, беспомощный, принудишь?

Протоген

Сложи, сложи кровавый свой венец!

Тимофан

Теряю я терпенье, наконец!
Не исцелит безумца кротость даже.
Иди! Не то тебя вручаю страже!

Протоген

(поражая его кинжалом)

Погибни же, отечества отец!

Тимофан

(колеблясь)

Меч, меч! Твой меч, Сатирос! Прочь, убийца!

Сатирос

(поражая его несколько раз)

Тебя спасти, и мне тебя спасти!
Или моя не отпадет десница?
Я мчал тебя на гибельном пути:
Познай врага презренного! пади!

Тимофан умирает; Тимолеон до последних слов, которые произносит в девятом явлении, остается неподвижным, с лицом, закрытым мантией.

ЯВЛЕНИЕ 7

Хор

(еще за сценою)

Чей это раздался
Пронзительный стон?
От твердого свода отгрянулся он,
Свод твердый, гремя, всколебался.

(Входит.)

1-й корифей

О, горе! О, позор жестокий!
Лежит зарезан Тимофан!
Он пал, сей сча́стливый тиран!
Увы! он в низкий прах попран,
Сей гордый вождь, сей царь высокий!

2-й корифей

Я тебя на позор сей, Аглая, зову!
Ты любила его молодую главу;

Но ее не узнаешь: спеши! притеки!
Притеки, Демариста, сюда притеки!
На убитого сына взглянуть прибеги!

Хор

О, горе! О, позор жестокий!
Он пал, сей счастливый тиран!
Лежит, зарезан и попран,
Сей гордый вождь, сей царь высокий!
Притеки, Демариста, сюда притеки!
На позор сей, Аглая, воззреть прибеги!

ЯВЛЕНИЕ 8

Демариста и Аглая, за ними прислужницы.

Аглая

Ко мне пронесся дикий крик отселе,
Зовут меня зловещие рабы!
Увы! Что вижу! Горе мне, увы!

(Глядит цепенеющим взором на труп Тимофана, потом падает в объятия одной из прислужниц.)

Немая же и здесь чрезвычайно трудная роль Аглаи вся зависит от искусства актрисы; в ее отчаяньи должно быть нечто, выражающее, что ее предчувствия сбылись. Она подходит к телу, преклоняет колена; то смотрит на небо и на него, то тихо плачет.

Сатирос

Твой сын не умолил глухой судьбы:
Се на последней он простерт постеле!
Усугубляй сторично вопль и стон:
Сюда ввел смерть твой сын, Тимолеон!

Протоген

Коварный изверг, мерзостный предатель,
Что катишь на других свою вину,
Что раздираешь скорбную жену?
Но ждет тебя, Сатирос, бог-каратель!
Бегу, народ воздвигну на тебя!
Надеяться еще я на себя,
Так, на богов надеяться я смею!

О, будет, будет казнь тебе, злодею!
Давно уже Тенар зовет тебя!

(Уходит.)

Сатирос

Я ведаю твою над чернью силу;
Но ныне я и в мрачную могилу,
Веселый победитель, низойду, —
Я там врага предтечею найду!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

В глубине театра сбирается в смятении народ.

Тимолеон

О матерь!..

Демариста

Устрани свои объятья,
Чудовище! Услышь мои проклятья!

Хор

Умолкни! Произнесть их не дерзни!
И слух, благоговея, преклони!

1-й корифей

Се ныне предстою пред вами
Не в лике робкого раба:
Моими вещими устами
Глаголет дивная судьба!

Кто ступит шаг
Путем неправым,
Тот отдан гениям лукавым,
Тот стал богов-всевидцев враг!

Хор

Тот отдан гениям лукавым,
Тот стал богов-всевидцев враг,
Кто ступит шаг
Путем неправым!

2-й корифей

Он стремится, обуянный;
Кров волшебный и туманный
Тьмит его неверный взор;
На беды́ красноречивый,
Обольстительный и лживый,
Вслед за ним взлетает хор;
Завывает грозный хор
Вслед за жертвой несчастливой!

Хор

Духи стадо смертных мчат,
Очаровывая вежды
Тщетным призраком надежды,
Мчат их в ненасытный ад!

1-й корифей

Не тобой, кичливый грешник,
Муж кровей, слепой насмешник!
Пал, подкопан, Тимофан;
Рока строгого спослешник,
Сам себя казнил тиран!

2-й корифей

Сам расстался с небосклоном,
Сам покинул пляску ор,
Не сражен Тимолеоном, —
Он нарушенным законом
Сам решил свой приговор!

1-й полухор

Неиссякный плач Аглаи льется,
Обратились в горний ток глаза,
Скорбь горе́, как горлица, несется,
Скорбь немая всходит в небеса!

2-й полухор

Всходит в светлый дом Уранионов,
Вздрогли их бессмертные сердца;
Темен стал от неутешных стонов
Ясный лик всемощного отца!

1-й полухор

Нет в унылой жизни, в безотрадном свете
Нет Аглаи друга!
Он ушел из мира к безответной Лете;
О, рыдай, супруга!

2-й полухор

Ах! Она движенья боле не находит
На устах любезных:
Он в полях безмолвных, мертвый призрак, бродит
При потоках слезных!

1-й полухор

Стал он ночи житель:
Мрак его обитель,
Тьма глухая!
Плачь, о плачь, Аглая!

2-й полухор

Над могилой,
Сумрачной и милой,
Будь осиротелой
Грустной Филомелой!

Целый хор

Увы! Злосчастная Аглая,
О злополучная в женáх!
Дана тебе печаль святая,
Отрада глаз твоих в слезах!

1822—1823

5. ИЖОРСКИЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лев Ижорский, богатый русский дворянин.
Князь Пронский.
Княжна Лидия, дочь его.
Графиня Шепетилова, двоюродная ее сестра.
Ветренев, Жеманский, Веснов — Молодые люди, служащие в Петербурге.
Богдан, Жена его, Фома, сын их, Марфа, дочь, Вавила — Крестьяне Льва Петровича Ижорского.
Ямщик.
Духи.
Бука.
Кикимора.
Шишимора.
Сова.
Знич.
Волк, оборотень.
Мертвецы.
Блудящие огни.
Русалки.
Лешие.
Домовые.
Сильфы.
Гномы.
Ондины.
Саламандры.

Действие происходит то в Петербурге и в окрестностях, то в Брянских лесах в поместье Ижорского.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Царскосельская дорога, солнце заходит; Ижорский скачет на перекладных.

Ижорский

На водку, брат, рублевик! погоняй!
Таскаться, право, надоело.

Ямщик

Таскаться? наше ли с тобою, барин, дело?
Взгляни-ко, примечай:
Скатилось солнышко, а не уступит ночи,
Как раз тебе заблещет Питер в очи!
Соколики, эй! дернем, эй!
Эй, варвары, смелее!
Не выдай, сивка, пожалей!
Боишься? ну, дружнее!
Чтоб волк тебя! дворянчик ты, не конь!
Вон, видишь, барин? от колес огонь!
По всем по трем — эх, коренной не тронь!
Издалека ли едешь, ваша милость?

Ижорский

Издалека.

Ямщик запевает песню, Ижорский про себя.

На родину спешу,
Родимым воздухом дышу:
Так, радость чувствую, но вместе и унылость.
Поверю ли, чтоб здесь, в земле родной,
Столкнулось счастие со мной?
Игралище страстей, людей и рока,
Я счастия в стра́нах роскошного Востока
Искал, в Аравии, в Иране золотом,
Под небом Индии чудесной,
В блестящих городах, под подвижным шатром;
Но не встречал нигде, скитаясь в поднебесной.

Ничем моя не исполнялась грудь;
Напрасен был мой долгий путь.

Задумывается; между тем являются *духи*, не видимые Ижорскому.

Один дух

Закатилося солнце,
Глядь — стало темно:
Человек засыпает;
Наш час настает.

Другие

Взвейтеся, взвейтеся, легкие други!
В звездном мерцаньи туда и сюда
В небе давайте отважные круги;
Выглянул филин и сыч — наши слуги,
Синие светят по тундрам огни.
Мчитеся: нетопыри нам кони!

Ижорский

Ямщик, что так жужжит над нами?

Ямщик

Кружатся комары роями:
День жаркий был, знать, будет новый зной.
Но город видишь ли перед собой?

Ижорский
(про себя)

Вздымается Петрополь из тумана,
Весь мрачен, — только вот бойницы острие
Горит средь темноты, похоже на копье
Чудовищного великана.

Духи.

Один

На сизой стрекозе верхом
Летит Кикимора забавный;
Он витязь, он наездник славный:
Цвет колокольчика — шелом,

Броня ему — кольчуга рака,
А плащ — листок багровый мака;
Поит он пьяницу вином,
Толкает пóд бок забияку,
С женою мужа вводит в драку;
Катясь, кружася кубарем,
Сшибает с ног девиц спесивых;
Рогами красит лоб ревнивых, —
Его блаженство шум и гром.

Хор

Скорее, скорее! навстречу ему!
Поклонимся, братцы, вождю своему!

Часть летит навстречу Кикиморе; другая остается.

1-й дух

Уж луга и нивы пусты,
Пахарь в хижине храпит...
Братцы, что за важный вид!
На большом листе капусты
Вон Шишимора летит:
На ковре на самолете
Хитрый козноде́й сидит;
Полночь близко; он к работе,
К черным радостям спешит.

2-й дух

Пауков добычу крáдет
И высасывает мух;
Он со всякой ведьмой ладит,
Он наушник злых старух.
В сад ли лазить кто решится
К милой в ночь через забор?
Вдруг Шишимора примчится,
Свистнет, весь поднимет двор,
Всех напустит на детину,
Дворнику подаст дубину,
Псов разбудит, — стук и вой!
И с разодранной шинелью
И с разбитой головой,
Путь к опасному веселью,

ИЖОРСКІЙ,

МИСТЕРІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

1835.

Обтирая кровь и пот,
Страстный витязь проклянет!

Хор

Товарищи, други! уйдем, утечем;
Страшитесь: найдете доносчика в нем.
(Разлетаются.)

Ижорский

Семь верст еще, — как скучно!
Быть, кажется, грозе: чернеет небо; душно.
Спой песню, брат, — авось развеселюсь.

Ямщик

Петь рад бы: надоест, боюсь...
(Поет)

Как из-за моря, из-за синего
Добрый молодец возвращается
В свою сторону, милу родину,
Много молодцу вображается,
Про себя он сам усмехается:
«Отцу, матери поклонюся я,
С красной девицей поцелуюся,
Золотым кольцом разменяюся,
Золотым венцом обвенчаюся
С моей суженой, с моей ряженой,
С моей верною полюбовницей».

Как из-за моря, из-за синего
Воротился свет добрый молодец:
Его батюшка во сырой земле;
Родна матушка на чистóм столе;
Красна девица обвенчалася,
Друга верного не дождалася...

Ижорский
(прерывает его)

«А товарищи, а разгульные
С добрым молодцем повстречалися —
Бесталанному посмеялися».
Не так ли, брат ямщик?

Ямщик

Так точно, ваше благородье:
Признаться, так поют у нас в простонародье.

Ижорский

Я? Я не жду отца: давно уж мой старик
Покоится за Охтой на кладбище.
А мать, родя меня,
Терзаясь и стеня,
От сей земли ушла в бессменное жилище.
Я матери своей, приятель, не знавал,
На родине любовью не сгорал;
С невестой мы не расставались...
Не отгадаю я,
Чему веселые друзья,
Со мной бы встретясь, посмеялись.

Ямщик
(начинает другую песню вполголоса)

Как молодчика взманила
Баба водяная.
Удалого потопила
Глубина речная.

(Бьет по лошадям.)

Вот я тебя, красотку!
С горки на горку, — барин даст на водку.

(Бьет по лошадям.)

Кикимора
(в описанном выше виде)

Шурмуйте, дети темноты!
Взлетайте выше туч, луною посребренных,
Пляшите ниже ландышей смиренных,
Вскружилась голова от вашей суеты;
Нет, *так* я не скучал еще ни разу!
Какую бы мне сотворить проказу?
Кого бы нарядить в шуты?
Да! вот несется кто-то;

Меня берет охота
Телегу опрокинуть в ров.

(Вьется над телегой и пугает лошадей хлопушкой.)

Шишимора

Кикимора, не трогай ездоков.

Кикимора

Ты унимать других всегда готов,
Да не трудись! коней бешу хлопушкой,
Играю собственной, а не твоей игрушкой.

Шишимора

Не тронь! он
(указывая на Ижорского)
мне принадлежит:
Туранский див, Арслан, мне шлет его в подарок.

Кикимора

Ах, братец! мерин коренной пыхтит.
Послушай: день был жарок, —
Дай их помыть, дай в лужу окунуть.

Шишимора

Не смей на них ниже́ дохнуть;
Прочь! подниму тревогу;
Ведь Буку позову: он — знаешь ли? — тебя...

(Про себя)

Конечно, можно бы... но нет! боюсь себя...
Пусть кончит мой мудрец дорогу:
Как разыграюсь, руку или ногу
Ему сломлю, а он мне нужен цел.
К тому же этот мне пострел,
Кикимора — нет мочи! — надоел.

(Громко)

Прочь, рассержуся не на шутку!

Кикимора

Мы похохочем лишнюю минутку:
Сердись!

Шишимора

Смеешься надо мною, плут!

Кикимора

А! ты ругаться смеешь, шут?
Ну, не во гнев: приму тебя, брат, в руки;
За чуп, за чуп!

Шишимора

(защищаясь)

Кикимора, не будь же глуп!
Кикимора, и не боишься Буки?
Ай, право, Бука близко! ай!
Ай, Бука! ай, ай! Бука, помогай!

Улетают оба. Ижорский между тем подъехал к заставе.

Ямщик

Эй, барин! спишь? Застава! прилетели!
Тьфу, пропасть! ввек мои лошадки не робели,
А нынче что-то да не так:
Метались в сторону, храпели;
Да, благо, я не из зевак;
Не то — мы в яме бы сидели.
Сем, колокольчик отвяжу! слезай,
Проснись-ко, подорожную подай;
Мы в Питере, суда́рь!

Ижорский

(подает часовому подорожную)

Я здесь, родимый край!
Здесь сын твой: из степей, из обиталищ дальных
В родные стены возвращен;
Для радостных ли дней или для дней печальных?
Ответствуй, пышный град! Но в безответный сон
Немой, безжизненный Петрополь погружен:
Ни гласа, ни привета!
Вся область спит, туманами одета...
Туманы! мгла! — Увы! где полуде́нный рай?
Ты далеко за мной, Иран, отчизна света!

Унтер-офицер
(подходит к телеге)

Где остановитесь?

Ижорский

У Демута.

Унтер-офицер

Ступай!

Шлагбаум поднимают, Ижорский въезжает в город; прилетает Кикимора.

Кикимора

Еще бы их застать! да, чай,
Они уж въехали в заставу...
Ну, всё равно! уж я потешился на славу.
Как я его таскал!
Уж как поколотил исправно!
Как он кувыркался забавно!
Да как я хохотал!
Что ж мы теперь начнем? Из слуховых окошек
Дай вызову влюбленных кошек:
Котом мяучить стану по стене.
Быть праздным не люблю: возьмет тоска и скука...

(Испугавшись)

Чу! поле вздрогнуло от топота и стука!

(Смотрит вдаль.)

При выглянувшей из-за туч луне,
Мне чудится, на соловом коне
Там грозно мчится — неужели Бука?
Он! он! — Шишимора, не в добрый же ты час
Сказать решился правду в первый раз!
Что, ежели тебя нашли в канаве?
Воображаю, как расплакался пролаз,
Как начал доносить, наушничать на нас!
Быть, кажется, допросу, быть расправе.

Духи невидимые.

Одни
(издали с одной стороны)

Содроглися кости в заросших гробах:
К нам Бука несется в густых облаках;
Дохнет ли перуном — завяла трава;
Просвищет ли бурей — валятся древа.

Другие
(с другой стороны ближе)

Кикимора!
Ау, зовут!
Спеши, лети: зовут на суд.
Кикимора!
Явися, оправдай себя:
Ау! ау, Кикимора, зовут тебя!

Кикимора
(передразнивая их)

«Ау! ау! зовут!»
Не устают:
Кричат, аукают, — ну, словно девки,
Как в чаще разбредутся по грибы!
Но делать нечего, не миновать судьбы:
Пришлось разделаться за шутки, за издевки!

Духи
(приближаясь)

Ау! Кикимора!

Кикимора

Ау! лечу, лечу!
Но я тебе, приятель, отплачу!

Улетают.

ЯВЛЕНИЕ 2

Ночь; пустынное место; перекресток; по одну сторону лес, по другую кладбище; вдали волнуется море; луна перебегает тучи.

Сова

(сидя на пне над курганом)

Крик призывный, крик совы:
Духи, собрались ли вы
В час волшебный пред рассветом
На холме, в туман одетом?

1

Мертвецы

Мы услышали твой зов:
Поднялись мы из гробов
Там из-под дубов и липок,
Рой беспятых, рой антипок.

2

Блудящие огни

Рой надводных плясунов,
Мы услышали твой зов
Там над радугой болота,
Средь зеленых, влажных мхов:
Что? какая там работа?

3

Русалки

Мы при месячных лучах
Раскачались на древах,
Хохотливые русалки, —
Вдруг услышали твой зов,
Голос твой смешной и жалкий,
И примчались из лесов.

4

Лешие

Ель, сосна не выше леших,
Нам в траве равна трава, —
Что прикажешь нам, сова?
Мы заводим в тину пеших,
Мы обходим ездоков:
Мы услышали твой зов.

5

Домовые

На грудя́х, как лебедь, белых,
Чистых, будто первый снег,
Юных вдов и дев созрелых
Мы избрали свой ночлег;
Там мы на грудях сидели,
Зов услышали — слетели!

6

Сильфы

Сильфы мы; мы от высот,
Где без скорби, без забот
И резвились и кружились,
На лучах луны спустились.

7

Гномы

Блеск несносный, свет дневной
Ненавидят наши очи;
Мы жильцы подземной ночи,
Вверх мы вызваны совой.

8

Ондины

Дом наш в глубине пучины,
Но на берег вышли мы
Из речной, прохладной тьмы,
Сладкогласные ондины.

9

Саламандры

Мы ж купаемся в огне;
Любим мы и треск и пламень;
С дымом вьемся к вышине,
Растопляем медь и камень, —
Совушка, сова из сов,
Мы услышали твой зов!

Все

Совушка, сова из сов,
Мы услышали твой зов!

Сова

Сюда вас звать велел великий Бука:
Судить он хочет двух ослушников-духо́в;
Над ними приговор да будет вам наука!
Не знаю, превратит ли их в волов,
Иль человеку предоставит
И грудь земли орать заставит,
Или же обернет в почтовых лошадей,
Или в кряхтящих стихотворцев,
Или в дрожащих царедворцев,
Или в игралище детей,
Жуков, привязанных ногою к нитке, —
А только знаю, их осудит к страшной пытке.
Пора унять вас: вы охотники шалить.
Но благо: с вашей братьею шутить, —
Я вам порука, —
Не любит Бука.

Бука, огромная обезьяна, поднимается из-под земли, в больших креслах, обитых алым бархатом; на нем алый же плащ, на голове большой парик века Людовика XIV, в правой руке пук розог.

Бука

(к Кикиморе и Шишиморе, которых держит перед ним связанных другая обезьяна)

Кикимора! Шишимора! раздор,
Который сеете между духа́ми,
Нам надоел; от жалоб, криков, ссор
Покоя нет нам; что нам делать с вами?
А сверх того, не я ли вам велел
Отнюдь никак не ведаться с чужбиной?
И что же? ты, Кикимора, пострел,
Ты англичан, ты немцев облетел,
Ты воротился с целою корзиной
Противных мне, неслыханных затей!
И что же? Русскую литературу,
Мою шутиху, смирненькую дуру,
Ты, ты заставил умничать, злодей!
Я дядьку дал ей, чинного француза;
Я няньку дал ей, — называлась Муза,
Да, Муза! — Им подчас давал щелчок

Кикимора; старушка, старичок
Сердились, но не ждали, не гадали
От детища ни горя, ни печали:
Оно их слушалось, под их гудок
Плясало по введенному порядку;
Вдруг няньку в шею, старику толчок,
Ногами топнуло и ну! вприсядку.
А ты, Шишимора! — ты не шалун,
Ты хуже шалуна: наушник, лгун;
Обнесть других тебе и пир и праздник;
Но сам каков ты? говори, проказник;
Скажи, как смел ты, Буки не спросясь,
Сноситься тайно с дивами Турана?
Не ты ль подарок принял от Арслана?
Или не я властитель твой и князь?
К тому ж, кому раскидываешь сети?
Холодному, слепому гордецу,
Безумному, как Евины все дети,
Бегущему на гибель, как к венцу,
Без всякой помощи духóв и ада, —
Ловить таких — какая тут отрада?
Теперь внемлите мне, духов собор;
Произнесу над ними приговор:
За все помянутые мною шашни
Я мог бы их томить в подвалах башни;
Зашить я мог бы в зайчий их тулуп,
Пугать и гнать помещескими псами;
Лет нá сто запереть в пустынный дуб...
Не так ли? мог бы? рассудите сами!
Но потому ли, что наш век так глуп
И уж с виновных не сдирают кожи,
Или что с прежним Букою не схожий,
Хотя, как прежде, хмурю бровь и лоб,
Я сам под старость тайный филантроп,
Или что без того не быть бы сказке, —
Я положил в премудрости своей,
Дабы подобных не было затей,
По предварительной примерной таске,
Их порознь на год в кабалу отдать
Ижорскому. — Надеюсь, им наскучит,
Нас слушаться, надеюсь, их научит!
Не слишком ли я благ? прошу сказать.

Все духи

Преступники достойны всякой муки:
Поем и славим милосердье Буки!

Бука

Но месяц в облаках потух:
Белеет край небес туманных,
Редеет тьма полей пространных,
Светает... чу! запел петух!

Бука снова погружается в землю; духи исчезают.

Сова

Легче дыма, легче снов
Разлетелся сонм духов:
Нет виденья, нет призра́ка;
Шум и шепот их затих:
Миновало царство мрака,
Солнце близко, рассвело;
Спрятаться и мне в дупло!

(Прячется.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Огромная освещенная зала; оркестр играет вальс; пар несколько кружатся, в числе их Ижорский с Лидиею; после двух или трех тур он подводит ее к стулу графини Шепетиловой и откланивается; музыка перестает, танцоры расходятся.

Лидия

Алина, с кем я танцевала?

Графиня

Ижорского, me chère, [1] ты не знавала:
Он путешествовал, в пять лет
Объехал целый свет;
Как слышно, человек необычайный
И свел своим умом Ветренева с ума.

Лидия

Людей необычайных ныне тьма.
А впрочем, ты признаешься сама,
Ветренева с ума свесть — нет великой тайны.

[1] Дорогая (франц.). — *Ред.*

Графиня

(Ветреневу, который разговаривает в нескольких от них шагах с одним генералом)

Ветренев, слышите?

Ветренев

Позвольте, генерал!
Графиня, нет! простите! не слыхал.

Графиня

Княжна божится, что не трудно
С ума вас свесть.

Ветренев

С княжной и с вами спорить безрассудно:
Княжне и вам на жертву ум принесть
Всегда себе поставлю в честь.

Лидия

Знакомы вы с Ижорским?

Ветренев

Боже!
Мы с ним друзья:
Он жизни для меня дороже,
С ним неразлучен я.

Графиня

Нам друга своего, Ветренев, опишите!

Ветренев

Глубокий ум, но сердца не ищите:
Оно растаяло от гибельных страстей.

Лидия

Господь избавь нас от таких друзей!

Ветренев

Лицо Вампира или Лары...

Оркестр начинает играть кадриль.

Кадриль! там недостало пары:
Осмелюсь ли, княжна?

Лидия встает и подает ему руку.

Графиня

Вертеться не откажется она!

Ижорский между тем бродит по зале; останавливается и смотрит на танцующих.

Жеманский
(подходит к нему)

Вы так задумчивы, не влюблены ли?

Ижорский

Что за вопрос? но пусть так! я влюблен.

Жеманский

Не верю я: вы ко всему остыли.
И я, признаться, светом утомлен:
Я много жил, и чувствовал, и видел,
Я много жил — и жизнь возненавидел!

Ижорский

Но с небольшим вам двадцать лет?

Жеманский

Да в двадцать лет я прожил веки.
Испил и радости и скорби реки,
И для меня обманов сладких нет!

Ижорский

Тогда возьмите пистолет
И — застрелитесь.

Жеманский

Вот совет!
Но видно по всему, вы не поэт.

(Уходит.)

Ижорский

Вот молод и румян и глуп и тучен,
А и в него вселилась блажь,

И лезет он туда ж,
И страстию *байро́нствовать* размучен!

Веснов

(приближается к Ижорскому с некоторою робостью)

Вы здесь, Ижорский? и не скучно вам?
Средь вихря света леденеют чувства;
Природы чудеса и чудеса искусства
По слуху одному знакомы нам,
Но вы их видели! вы были в вечном Риме;
На Этне были вы: в ее священном дыме
Над морем пламенным, над ранней, светлой мглой
Носились вы ликующей душой
При воскресающем, дневном светиле!
Вы поклонялися в степях при древнем Ниле
Царей египетских гробам;
Вы измеряли пирамиды...
О боже мой! вы были там,
Где за свободу гибли Леониды,
Где пел божественный Гомер —
В Афинах, в Спарте были сами!
Ах! как вы счастливы в сравненьи с нами!
Я, например,
Под хладными я зрею небесами,
Всё это только знаю я из книг, —
Как на восторги вас достало?
Клянуся, за один подобный миг
Отдать полжизни дешево и мало!

Ижорский смотрит на него не без участья, но не отвечает; Веснов удаляется.

Ижорский

Как молод он, как пламенен, как свеж!
Да, были и во мне когда-то чувства те ж...
Зачем же я отцвел и почерствел так скоро?
Давно я позабыл свою весну.
Но от его сокрою взора
Души моей убитой глубину:
Холодный мой язык счастливца не встревожит.
Он, впрочем, и понять меня не может:
Содрогся бы, когда б воображал,
Что я среди святых воспоминаний,

Среди развалин, водопадов, скал,
В стрáнах, к которым простирает длани,
Где каждый шаг мой чудо обретал,
Без крыльев, без мечтаний
Скучал!..

(Помолчав)

Как надоел мне этот бал!
Мне душно! шумом оглушенный,
В толпе, но средь толпы уединенный,
Забыться не могу: пойду;
Но скуку ту же я везде найду.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Невская набережная; светлая северная ночь; Ижорский прогуливается.

Ижорский

Плывет по небу ясная луна;
С чуть слышным стоном о гранит прибрежный
Бьет сонная, ленивая волна;
Кругом меня и мир и тишина,
Но мира нет в душе моей мятежной.
Исполнен дерзости, исполнен сил,
Когда-то призрак счастья я ловил,
Но скрылся средь ненастья призрак дивный.
Всё испытал я, всё я разлюбил:
И скорбь и радость мне равно противны.
Пусть ищут! счастия искать не мне
В унылой, вялой, мертвой тишине.
Я всё вкусил: и блеск златой лазури,
И брань стихий, и брань сердечной бури,
Восторг и ярость, ревность и любовь;
Вкусил, забыл, — не пожелаю вновь.
Я в битве зрел дымящуюся кровь,
Близ моего чела жужжали пули;
По битве с пламенных, роскошных уст
Я поцелуи пил: и что ж, скажу ли?
Меня война и нега обманули!

В войне и неге холоден и пуст,
Я видел смерть без страха, без участья,
Я поднимался с ложа сладострастья
С усталой, пресыщенною душой
И снова рвался в ужас боевой!
Что может быть еще мне в свете ново?
Всё, всё, что сладостно, всё, что сурово,
Знакомо, старо для меня; не я ль
Исчерпал всё: и самую печаль
И самое раскаянье? Сначала,
Так, — кровью обливался я, стеня,
Но алчный коршун — совесть — занимала,
Живили угрызения меня...
Теперь — или последовать совету,
Который с час назад я дал поэту
Жеманскому? — Так, вижу, средства нет:
Когда-нибудь и тот же пистолет,
Или вода, или кинжал надежный...
А если то конец мой неизбежный,
Что медлить? но зачем же и спешить?
Нет, не в минуту прихоти, не в скуке
Я разорву бесцветной жизни нить:
Я хладно приготовлюся к разлуке
С унылою гостиницей земной;
Я выйду равнодушный постоялец,
Не скроюсь из нее, платильщик злой.

И что же? в путь готовлюсь роковой,
А перстень? почему хранит мой палец
Подарок этот чудный и смешной?
Как сердце человека своенравно!
Ужель? — клянусь, и ново и забавно:
Тому, чем мог бы быть блаженным я,
Не верит мертвая душа моя;
И между тем, как разбирать я стану, —
Здесь, в глуби сердца, верю талисману!

Ог шайки бедуинов караван
Я с горстью храбрых спас в глухой пустыне
(Всё это помню, будто вижу ныне),
Тогда-то насмерть раненным мне дан
Дервишем этот дивный талисман;

И он сказал мне: «Вот кольцо простое;
Ты ж, сын мой, пренебречь им не дерзни;
Кольцо на пальце трижды поверни
И покоришь себе начало злое».
Старик вдруг умер; но в его очах
Изображались злоба, смех и страх.

Вот шепчет мне какой-то демон, чтобы
Я испытал могущество кольца;
В прошедший век, в век моего отца,
Такое дерзновенье навлекло бы,
Что хуже казни, хохот на меня;
Но изменился свет: день ото дня
Воскресшие старинные преданья
Приемлют бóльшую над нами власть;
О люди! люди! странные созданья!
К чудесному во всех возникла страсть.
Давно ль кричали: «Ад и небо бредни!»
Не верили ни в бога, ни в чертей;
Всё просвещалось, самые передни.
Теперь — взгляните на своих детей,
Ученики, поклонники Вольтера!
Конечно, суеверие не вера:
Но где же, где хваленый ваш успех?
Что ваша мудрость? и подумать — смех!

На чем же я остановлюсь? и веря
И вместе и не веря, что начну?
Что будет — будет! — перстень поверну,
Пусть ошибусь, — не велика потеря!
Раз, два, три — вздор! — Пора домой: с Невы
Поднялся ветер... Кто же там навстречу
Ко мне идет? — Остановлюсь, замечу.

Кикимора

(в виде маленького старика в сером фраке, в альмавиве, в большой белой квакерской шляпе)

Вы звали, кажется...

Ижорский

Ошиблись вы:
Я звать не думал.

Кикимора

Право? вот забавно!
Да кто же здесь глубоко так и плавно
О вашем просвещеньи рассуждал,
О предрассудках, суеверьи, вере,
О людях, веке, мире и Вольтере,
И наконец вертеть колечко стал?

Ижорский

Итак... но не того я ожидал!

Кикимора

Беда! и нас встречают уж по платью!
Неужто мне явиться было с ратью
Чудовищ разных? век ведь не таков!
И к нам безжалостлив он и суров:
Мы из баллады в прозу перебрались.
Не горд, не пышен ныне наш наряд:
Нам вместо прежнего всего остались
Фрак серый, пестрый плащ да чудный взгляд.
Но позабудь на час мой вид смиренный.
Чего желаешь? будет! прикажи!

Ижорский

Клянусь, хотя зовешься духом лжи,
Старик ты в самом деле драгоценный!
Итак, послушай, милый супостат:
Мне тридцать лет, здоров я и богат,
И, говорят, не дурен я собою,
Быть может, и не глуп; но кто ж судьбою
Во всем доволен? тяжек жребий мой!
И я (стыжусь! смеяться надо мной,
Насмешник ты лукавый, старый, волен!),
Но общею и я болезнью болен:
Всё надоело мне; и жажду я
Каких-нибудь безвестных впечатлений, —
Всех вялых скорбей, пошлых наслаждений
Пугается, бежит душа моя.

Кикимора

Да, нелегко тебе помочь, приятель!
Да, люди стали очень мудрены!

Бывало, деньги, женщины, чины —
И счастливы, а ныне, ныне кстати ль?
Не смей и предлагать им вздор такой!
Но быть так: выслушай, философ мой;
Придумал я новинку вот какую:
Доселе ты людей, их мысли, свет
Знавал, признайся, — только из примет;
Скажи мне, видеть истину нагую
Везде, во всяком случае, всегда
Желаешь ли?

Ижорский

Скажу, положим: «Да»;
Твои условья?

Кикимора

Не страшись, любезный,
Не стану требовать твоей души:
Обряд пустой, старинный, бесполезный!
Нет! вон бумагу только подпиши,
Что год меня продержишь.

Ижорский

Шутишь?

Кикимора

Только!
Что ж? по рукам?

Ижорский

Бумага где?

Кикимора
(подает ее)

Изволь-ко!

Ижорский подписывает.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Кабинет Ижорского; его нет дома; Кикимора сидит перед камельком в вольтеровских креслах; смеркается.

Кикимора

Как весело моим товарищам-духа́м!
А мне как скучно!
Как тесно средь людей, как вяло и как душно!
Друзья, друзья! раздолье вам:
Вы вьетесь к светлым высотам,
Перелетаете моря и сушу,
Подслушиваете природы душу,
Таинственный бой жил земных,
Вниз смотрите очами звезд златых,
Поете в гласе бурь, средь пламени трещите, —
Меня, изгнанника, вы, братья, помяните!
И, если близко кто порхает в ветерке,
Или работает и роет подземелье,
Или вкушает сладкое безделье,
Купаясь в быстром, алом огоньке,
Вот в этом, например, что в камельке,
Пусть мне предстанет! пусть веселье
С ним посетит меня в угрюмой келье!
Мне грустно: я сижу нахмуряся как сыч,
Сижу, Ижорского хандрою зараженный,
Вздыхаю, как влюбленный,
И сонный монолог читаю, усыпленный...
Придите же!

Саламандр Знич выскакивает из огня.

А! здравствуй, Знич!

Знич

Не думал, не гадал в тебе найти поэта!
Брат, славная тобой элегия пропета!
Ха! ха! ха! ха! как ты, Кикимора, смешон!
Дай осмотрю тебя со всех сторон:
В руке газета,
А на носу очки,
Глубокомыслия и дельности примета!

Где прежние твои прыжки?
Проворство где былое?

Кикимора

Оставь меня в покое!
Я без того сердит:
По милости наушников и Буки
Мне умереть пришлось со скуки...

Знич смеется.

Всё вашу братию смешит!
Поверь, мне не до смеха:
Плохая тут потеха
Дни проводить с брюзгой,
Кому всё надоело под луной.
Хоть бы он раз, хоть бы ошибкой
Меня порадовал улыбкой!
Казать ему я истину взялся,
Срывать с людей, с их помыслов личину;
Вот думал: угожу! Кляну свою судьбину:
Расшевелить его нельзя!
Кто б ни был, а при мне свои все мысли,
Все тайны выскажет; сам случаи расчисли,
От них хотя бы кто да хохотал —
Пример: писатель; издает журнал;
Заглавье чудо: «Беспристрастный»!
Судья стихов и прозы самовластный,
Он уши свету прожужжал
Про чистую свою любовь к наукам; я же
Смекнул, что чистота его вся в саже;
С ним свел Ижорского, и был мой журналист
Речист!
С глазами, полными огня и чувства,
Он стал — ты отгадал — ругать искусства,
С восторженным размахиваньем рук
Стал поносить безумный бред наук
И восклицал: «Нет! только в деньгах счастье,
К ним только, к деньгам, есть во мне пристрастье;
За деньги — Пушкина я унижать готов,
За деньги Пиндар мой — Свистов!»
Так толковал герой бумажный,
Но сохранял и вид и голос важный

И надрывал витийством грудь;
Что исповедал нам, нимало не заметил
И только помышлял и метил,
Как нас надуть.

З н и ч

Смеялся твой Ижорский?

К и к и м о р а

Он? ничуть!
Зевал. Когда ж ушел писатель,
Зевнул, еще зевнул и мне сказал: «Приятель,
За истину твою и гро́ша я не дам.
Ее и прежде знал я сам,
И для таких, как это, откровений
Не нужен мне ни злой, ни добрый гений».
К влюбленным я его привел потом:
За постоянство их хвалили всюду,
Дивились все их нежности, как чуду, —
Но нам они простейшим языком
Признались, что друг друга ненавидят,
Смешнее ничего любви не видят
И только для того доигрывают роль,
Чтобы о них не замолчали в свете.
И мы отправились оттоль
К ученому: его застали в кабинете
За книгами; но книги ела моль;
Он нам сказал: «Они единственно для виду,
В них в год заглядываю раз;
Труды и чтенье пагуба для глаз».
Вот завернули к Аристиду
Новейших дней, к судье: «Сердечно бы я рад, —
Так говорил судья, — продать неправде душу,
Но, мой почтеннейший, я трушу!
Ведь сто рублей и тысяча не клад,
И предлагать такую малость глупо;
Большая у меня семья —
Дарить, так уж дарить не скупо!»
Два франта к нам пришли; их про́звали: *друзья*;
Что не солгали
Красноречивой древности скрыжали,
Что подлинно Дамон и Пифиас живали,

Из их примера утверждали;
Друзья уселись — и тогда...
Ты отгадаешь их признанье:
То было их последнее свиданье, —
Друзья расстались навсегда.

Знич

Что ж твой питомец при подобных встречах?

Кикимора

Жалеет о своих минувших сечах,
О странствиях своих былых,
О тех пустынях грозных и немых,
Где он скучал, как здесь скучает,
И сердится и уверяет,
Что ведал это наперед,
Что это вовсе для него не ново:
Он каменный, он лед!
И если бы не данное мне слово,
Меня прогнал бы он давно:
Ужиться с ним страх, братец, мудрено!

Знич

Кикимора, тебе, как другу,
Я окажу услугу:
Возьми, вот порошок;
Он мной составлен из огня живого,
Которого пылающий поток
Причина всякого бытья земного;
Я ж при содействии ночных светил
Моими чарами огонь сгустил.
Знай: в порошке чудеснейшая сила;
Знай: смертный, будь он хладен, как могила,
Любовью загорит, как вкусит от него,
И отречется от всего;
Ее лишь будет видеть во вселенной,
За ней последует повсюду и всегда,
Но если влюбится она в него — беда!
Любовь погаснет в нем — перун мгновенный,
Раздравший ризу тьмы,
Блеск, за которым мрак мрачнее вдвое.
Заговорились мы;
Прощай, обнимемся!

Кикимора

Нет, брат, пустое!
Благодарю тебя, но ты сожжешь мой фрак.
Вы, саламандры, пламень,
Да я теперь не воздух и не камень.

Знич

Я зябну здесь: прощай, чудак!

Знич пропадает в огне.

Кикимора

(один)

Да, славный порошок и преполезный!
Спасибо, Знич любезный!
Вам, Лев Петрович, удружу:
Не стану перед вами лицемерить,
Не обману вас, правду всю скажу;
Но вы вольны ж мне верить иль не верить...
И если вам лжецом казаться буду я,
Что делать? такова судьба моя!
Хотя и горько и обидно,
Не спорить же с судьбой, как видно.
Излечится от скуки наконец
Страданьями мой молодец
Живыми, самыми живыми — вам ручаюсь.
Посмотрим, как их поспешит обнять?
На вялость их — надеждою ласкаюсь —
Не будет нам пенять.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Дом князя Пронского; комната Лидии. Лидия и графиня.

Лидия

(поправляясь перед трюмо)

Еще бы не скучать! Мой боже!
Здесь, в Петербурге, всё одно и то же.

Графиня

Неблагодарная! она, —
Нет бала, нет собранья, —

Полком поклонников окружена;
Для них закон ее желанья, —
И смеет говорить, что скучно ей!

Лидия

Да, признаюся в глупости моей:
Они-то именно мне надоели,
Все эти селадоны, пустомели,
Любезники, питомцы наших зал.
Как только вспомню бал,
Их сладость, остроты́, кривлянье, вздохи, лепет, —
Меня бросает в страх и трепет.
Сначала весело дурачить было их;
Но вижу: и щелчков моих
Они не стоят.

Графиня

Все? без исключенья?
По крайней мере, вот Ижорский не похож.

Лидия

Ижорский? ваш герой? — хорош!
О! нет сомненья:
Он не мартышка... он медведь.

Графиня

Однако ж этому медведю сеть
Раскинуть ты пыталась.

Лидия

Что ж? вам я признавалась
И признаюсь... ведь было бы смешно,
Когда бы небом было суждено
Его разнежить мне!

(Помолчав)

Ma chère, смешно бы было:
Воображаю, как смотрел бы он уныло,
Как ревновал бы невпопад!

Гяур наш, наш Конрад
От одного дрожал бы, таял взора,
От взора моего! — Ручаюсь вам, умора!

(Хохочет.)

Входит слуга.

Слуга

Ижорский Лев Петрович...

Лидия
(продолжая смеяться)

Он! принять!
Его в гостиной будем ожидать.

Слуга уходит; за ним Лидия и графиня.

ЯВЛЕНИЕ 3

Кабинет Ижорского; Кикимора, потом Ижорский.

Ижорский

Кикимора, где ключ от фортепьяна?

Кикимора

Не знаю: заложен.

(В сторону)

Лекарство действует: герой влюблен.

Ижорский

Что ты смеешься, обезьяна?

Кикимора

От скуки сказку я прочел:
Мудрец влюбленный; пресмешная сказка!

Ижорский

И сходство ты нашел?

Кикимора

Прошу покорно: вот привязка!
Какое сходство? с кем? с тобою?

Ижорский

Да.

Кикимора

Влюблен ты? не поверю никогда.

Ижорский

Влюблен?.. как это слово мало!
С ее бытьем мое бытье
Судеб определение связало;
Из всей вселенной я избрал ее.
Горжусь перед тобою,
Насмешник жалкий, злополучный дух:
В тебе нет жизни, ты для гласа сердца глух;
Могущ, бессмертен ты, но ты с душой родною
Не встретишься вовек;
Я слаб и смертен — пусть! — но человек.

Кикимора

Так, так! ты человек: в восторге этом глупом,
В непостоянстве этом узнаю
Природу ветротленную твою.
Давно ли сравнивал себя ты с хладным трупом?
«Я для всего простыл, перегорел;
Уж недоступен я для стрел
Страстей и рока и напасти».
И кто же? ты — невольник страсти,
Которой (не сердися, свет!)
Из всех страстей смешнее нет?
К тому ж, перед тобою
Скрывать нужды нет, и не скрою:
Ты точно прав был; без огня,
Без жизни, камню мертвому подобен,
Ты не был уж способен
И забавлять меня.
С таким кумиром год, по нашему условью,
Прожить мне стало тяжело:
Я, я надменности твоей назло
Околдовал тебя любовью.

Ижорский

Ты?

Кикимора

Так, я. Неужéль не знаю вас,
Смешные, гордые Адамовы потомки,
Вас, род заносчивый, как вечный кедр, и ломкий,
Как трость сухая, как зерна лишенный клас?..
По воле мы играем вами:
Вам заблуждения даем,
То стужей вас знобим, то жжем огнем
И веселимся вашими страстями.
Безумья ваши нам насущный хлеб;
А не припомню я ни разу,
Чтобы из вас кто сотворил проказу
И не винил бы неба и судеб:
Нос расшибете? — божие веленье!
Споткнетесь? — тайна! глубина!
Не так ли? встретилась тебе твоя *«она»*,
И ты задумал в то ж мгновенье:
«Ее узнал я, роком мне дана!
Она — моя та половина,
С которою соединен и слит,
Божественный гермафродит,
Когда-то я носился среди чина
Бесплотных, дивных сил,
Но там — не знаю, как? — да согрешил;
Тогда создатель
Меня во гневе на два распилил».
И прочее, о чем мечтатель
Платон премудрую систему сочинил!
Прекрасно, слова нет; догадлив ты и тонок
И рассудителен: а между тем бесенок,
Покорный ваш слуга, над вами подшутил!

Ижорский

Досадно, и тем более досадно,
Что, кажется, ты прав!
Но быть так: от твоей мне шутки не накладно;
От чар ли я каких, волшéбства или трав
Влюблен — но всё влюблен, и радуюсь любови:
Ты с нею ток роскошный новой крови
Мне пролил в жилы; сердце расцвело,
Всё вкруг меня вновь ясно и светло;

Во взорах Лидии взаимность я читаю,
В порывах сладостных и бурных утопаю.

Кикимора

И всё, что следует, как то известно нам
Давно из приторных элегий, из посланий,
Исполненных восторгов и страданий!
Да с позволенья вашего я вам
Со всею скромностью вопрос задам:
Что, если ангел ваш лукавит, лицемерит?
Что, если — пусть и не при всех, —
Но тайно подымает вас на смех?
Ваш ангел женщина, а женщине поверит
Ребенок разве — вдруг...
Задумался? .. меня к ней не свезешь ли, друг?

Ижорский берет шляпу и выходит. Кикимора за спиной его кривляется с злою улыбкою, а потом выбегает вслед.

ЯВЛЕНИЕ 4

Сад на даче у князя Пронского. Князь, Лидия, графиня, прогуливаясь; Ижорский и Кикимора, спрятанные за деревом.

Графиня

Послушайте, mon oncle,[1] что Лиди говорит!
Неу́жели мой фаворит
Ижорский держит шу́та?
Он? путешественник, философ, филантроп?

Князь

Ох вы, разумницы! ну, держит шута!
Что ж тут худого? Йорик и Эзоп
Что были? ведь шуты ж! и на меня минута
Находит иногда, в которую, когда б
Я не был ваших предрассудков раб,
Меня бы утешал дурак забавный
Гораздо более всех ваших мудрецов.
Люблю Москву я, город православный:
Вот там живут по правилам отцов;

[1] Дядя (франц.). — *Ред.*

Хоть наряжаются и там подчас в шумиху,
А золоту все честь и славу отдают;
В Москве у князя Алексея шут,
Купила Марья Дмитревна шутиху...

Лидия

Papa![1] возможно ли? Москва...

Князь

Не Петербург? — Слова, одни слова!
Ижорский странен, мы согласны;
Да человек богатый он, прекрасный,
Родня большая, множество связе́й,
Проигрывает куши,
Сказать, какие? при ином не смей;
Зато семь тысяч душ! за эти души
Прощу мильон да не таких затей!
Ижорскому из первых я друзей,
И вас, mesdames,[2] прошу, как можно
С ним обходитесь осторожно.

Лидия

Его просили вы?
Он дурака хотел привезть сюда на дачу...

Князь

Просил.

Лидия

С досады чуть не плачу:
C'est ridicule![3] побойтеся молвы...

Князь

«C'est ridicule» — вот ненавижу слово:
Оно у вас про всё и для всего готово.
Но больше не хочу вам потакать:
Моих плохих и жалких обстоятельств
Не утаю от ваших я сиятельств,
А чем могу их поддержать?

---

[1] Отец (франц.). — *Ред.*
[2] Дамы (франц.). — *Ред.*
[3] Это смешно (франц.). — *Ред.*

В Ижорском бог послал мне благодать:
Он не игрок, не любит он играть,
Играет так, со скуки;
А между тем господь недаром дал мне руки.
Конечно, этот способ сопряжен
С большою трудностью, — другой я, лучший, знаю;
Тебе, ma chère Lydie,[1] его не предлагаю;
Однако же в тебя философ наш влюблен...

Лидия плачет.

Mon âme,[2] сентиментальность ненавижу:
Не плачь! я для тебя беды большой не вижу,
Хотя бы замуж выдти за него.
Но, впрочем, и не требую того.
Неужто не поймешь? У вас, плутовок,
Тьма хитростей, уверток и уловок;
Не мне тебя учить: найдешь сама
Довольно средств, как свесть его с ума.
Мне денег, денег! бьюсь не из большого:
Будь деньги, сыщем жениха любого.
Принарядитесь для побед:
К нам Лев Петрович будет на обед...
Как вас приму я, Лев Петрович!

(Делая рукой движение, будто знакомит гостей между собою)

Рекомендую: наши все! друзья!
Граф Фаро, князь Тузов, лорд Гамстер,
пан Стоссович, —
Их полюбить прошу покорно я!

(Помолчав)

Да! приказать в уху прилить араку:
Одно шампанское — без крепости, без смаку!
В пух разорился я: увы! — уха и дочь,
Не откажитесь вы сегодня мне помочь!

(Уходит.)

Графиня

Какие правила! какие наставленья!
И будут в пользу вам? но в этом нет сомненья:

---

[1] Моя дорогая Лидия (франц.). — *Ред.*
[2] Душа моя (франц.). — *Ред.*

Вы своего отца достойное дитя;
Пленять, обворожать, заманивать шутя
Умеете...

Лидия

Оставьте оскорбленья,
Графиня! низостей чужда душа моя:
Ижорского я не любила,
Но гордость, признаюсь, мне голову вскружила,
И очень виновата я —
И вот наказана!.. Однако мне поверьте,
Различие найдется между нас:
Тщеславье ослепить могло меня на час,
А всё на свой аршин меня не мерьте.

(Уходит.)

Графиня

Благодарю покорно! но я вам
Себя — в свою мне очередь поверьте —
Без наказанья унижать не дам!

(Уходит.)

Выходят Ижорский и Кикимора, который в продолжение предыдущего разговора несколько раз высовывался и телодвижениями сопровождал слова играющих, особенно князя.

Кикимора

Кто прав? я или ты? Ты слышал сам:
«Ижорского я не любила,
Мне только гордость голову вскружила».
Вот видишь ли, любезный мой Адам:
Твоя небесная, божественная дева —
Хотя признаться в том и неприятно мне —
Такая ж Эва,
Как все оне!

Ижорский

Вот, вот где — в сердце смерть! Ты победил, лукавый!
Так, смейся, торжествуй! Растерзанный, кровавый,
Для человечества бесчувствен, слеп и глух,
Я твой отныне, адский дух!
Людей я презирал, отныне ненавижу.
Она — нет! нет! — ее я боле не увижу.
Любовь, ко мне любовь мне в ней являло всё:

В движениях, в очах любви святая сила,
Со мной душа ее, казалось, говорила...
И не любила!
Я был игрушкой для нее:
Она меня с Вздыхалкиным сравнила,
С Жеманским, с тварями! а я ей бытие,
Дыханье каждое ей посвящал я! больно!

Кикимора смеется.

Хохочешь, враг? довольно!
Да, мера есть всему,
Терпенью даже моему;
Ты вспомни, власть дана мне над тобой, предатель:
Ужасным быть могу...

Кикимора

Не для меня, приятель:
Мой год неволи кончился вчера;
Из милости одной, из сожаленья
С тобою пробыл лишний день я;
Расстаться нам пора!

Так, пора — и я покину
Ваш несносный, бледный свет,
Вашу душную долину,
Где наводит всё кручину,
Где ни тьмы, ни блеску нет.
Прилечу — и будет праздник
Между наших шалунов:
«Воротился наш проказник!» —
Так воскликнет полк духов.
Здесь я дряхлый старикашка,
Там же свеж и вечно юн,
Весел, легок, будто пташка,
Скор, как яростный перун.
Стрекоза, мой конь ретивый,
Верный конь, — зову! сюда!
Унеси меня туда,
В край свободный и счастливый,
В край лучей и гроз и бурь,
В беспредельную лазурь!

Кикимора исчезает; Ижорский закрывает лицо руками и поспешно уходит.

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Брянский лес. Русалки качаются на деревьях: Кикимора; потом Ижорский.

Хор русалок

Смотрят вниз густые тучи;
Чей-то голос в мраке бродит:
Леший путников заводит, —
Дик и страшен бор дремучий.

Здесь и днем глухая ночь;
Не был слышен здесь от века
Стук секиры дровосека;
Зверь бежит отселе прочь,
Здесь объемлет человека
Дрожь, немого мрака дочь.

Здесь ничей нас не тревожит
Любопытный, дерзкий взор:
К нам проникнуть в черный бор
Только оборотень может.

Одна русалка

Но что я вижу? Ловчий дерзновенный
Сюда зашел! и не содрогся он,
Когда седого Пана тяжкий стóн,
Стоустным, диким гулом повторенный,
Восстал пред ним при входе в наш предел!
От страха он не пал? не помертвел?

Другая

Когда пред ним сгустилися туманы,
Когда из них призрáки-великаны
Подъялися, наш полк сторожевой,
Стояли, возвышались над древами
И длинными махали рукавами, —
Ужель тогда при входе в наш предел
От страха он не пал, не помертвел?

Хор

Ужели он при входе в наш предел
От ужаса не пал, не помертвел?

Кикимора

Бросьте же вздор романтический,
Гнев прекратите лирический;
Но удивляюсь и сам я:
На чудака погляжу,
Может, узнаю и вам я,
Кто этот ловчий, — скажу.

1-я русалка

Скажи, скажи, любезный братец!
Между людьми ведь ты живал:
Быть может, где его встречал.
Смотри, какой нахал,
Какой наглец и святотатец!

Все

Какой наглец и святотатец!
Какой нахал!
Между людьми ведь ты живал:
Кто он? скажи, любезный братец!

Кикимора

(смотрит с дерева)

Ижорский, ты ли? старый друг,
Как изменился ты! Как исхудал ты вдруг!
Как бледен! Дик твой шаг то медленный, то шибкий,
Уста искажены язвительной улыбкой,
В лице, в движеньях тягостный недуг.
Бедняжка! — нет, теперь живых тех ощущений
Не думаешь искать, которых ты искал;
Отравою напитанный кинжал
В груди твоей, кинжал безумья и мучений;
В твоей бунтующей крови
Весь пламень яростной, неистовой любви,
Весь пламень ревности — и нет тебе надежды!
Вы, люди, жалкие невежды:
Почто зовете нас духáми зла и тьмы?
Союза вашего не ищем мы:

Над человечеством не возноситесь сами;
А нам — к чему нам связываться с вами?
Вот пре́зрел данное ему судьбой,
Желал того, что смертному не в силу, —
И сокрушился подо мной
И клонится в разверстую могилу!
Но ведайте, друзья,
Его сгубил не я;
Его сгубила собственная гордость:
Орлом не будет муравей вовек,
И грязи не дана алмаза твердость, —
Быть демоном не думай, человек.

Хор русалок

Его сгубила *и проч.*

Кикимора

Молчите, пустомели!
Вы мне рефренами своими надоели:
Вы хуже русских рифмачей,
Которые не раз меня бесили:
Ввек то твердят, что им друзья их натвердили,
А рады присягнуть: «Не кра́дем у друзей!»
Стихи их рвотное для страждущих ушей.
Да мы оставим их и с высоты древесной
Послушаем знакомца моего:
Ручаюсь, будет монолог чудесный;
Ведь звали ж в свете умником его.

Хор русалок

Послушаем, послушаем его!

Ижорский
(облокотясь об ружье)

1

С ружьем блуждаю одинокий,
Взведен убийственный курок;
Неутомимый я стрелок,
Ловец суровый и жестокий.

2

Слежу медведей и волков;
Меня ж следит, не отдыхая,
Всегда, повсюду боль живая
И гонит в тьму из тьмы лесов.

3

Как труп, оживший средь могилы,
Так, содрогаясь, ожил я
Для чувства — муки бытия;
Я рвусь — нет, нет спастися силы!

4

Увы! испил я лютый яд,
Отраву страсти безнадежной;
Ношу в груди моей мятежной
Все муки ревности, весь ад. . .

5

Люблю и вместе презираю;
Кляну себя, но всё люблю, —
Кто выразит, что я терплю?
Кто выскажет, как я страдаю?

6

Огнем свирепым стала кровь;
Как на горе ужасной, хладной
Терзал титана коршун жадный,
Так я растерзан, о любовь!

(Помолчав)

В немую глушь, страдалец, убегаю
От рода омерзевших мне людей,
Так! люди хуже диких тех зверей,
Которых здесь напрасно поражаю.
Бегу — но всюду гибельный призра́к
В прозрачной тьме мелькает предо мною;
Он, гладный, кормится моей душою;
Вотще скрываюсь в неприступный мрак:

Везде, всегда сирены образ вижу,
Которую люблю и ненавижу;
Ее лицо являет мне луна,
Ее встречаю я во всей вселенной,
Всё для души моей обвороженной —
Заря и солнце, день и ночь — она.
Она — в зефире каждом дышит,
Со мною шепчет в шелесте листов;
Падет ли что? — то шум ее шагов;
Мой слух ее в ручье и ветре слышит.
Когда ж заблещет ранняя роса,
Тогда ее густые волоса
Я обоняю в мураве душистой,
Тогда в росинке каждой серебристой
Навстречу мне горят ее глаза.
Она — о страх! о радость и мученье! —
Теперь же, в это самое мгновенье,
Сквозь слезы улыбаясь и стеня,
Вот с каждой ветки смотрит на меня!

(Убегает.)

Кикимора

Он бредит непутем, сестрицы!
Ведь сумасшествие его печаль,
Признаться вам — его мне жаль...
Как? жаль! а скажут что чтецы и чтицы
И критики, когда прочтут,
Что пожалел о нем я? — кстати ль?
Кто? я? Кикимора, бесенок, шут и плут,
Я, Мефистофля подражатель?
К несчастью дан характер беса мне;
И вот воскликнет хор их стоязычный:
«Характер злой, чертям приличный,
Чертенок должен выдержать вполне».
Что делать, друг? вот, видишь ли? не смею!
Жалеть хотелось бы мне о тебе;
Но неугодно то журналам и судьбе:
Итак, любезный, не жалею.
И в самом деле повар был бы глуп,
Который, сам свернув цыпленку шею,
Над ним бы плакать стал? нет, брат: цыпленок — в суп!
А человек, игралище волнений,

Когда его покинет жизни гений,
В могилу, смрадный труп!
Пока ж еще в нем сердце бьется,
Пока еще страдает и мятется,
Потешимся игрой его страстей;
А дабы кое-что прибавить к нашим знаньям,
Его подвергнем разным испытаньям;
Нас извиняет же пример самих людей:
Для расширения границ науки
Они ж ведь режут на куски червей,
Ведь потрошат живых пернатых и зверей, —
Так точно наши опыты и штуки
Обогащают физику чертей.

Бука вдруг выходит из-за пня.

Русалки

Сестрицы, Бука! ай!

(Прячутся.)

Бука

Да, Бука! я вас, шлюхи!
Нет, верно, розог у Яги-старухи,
На всех мамзели елях и дубах
Качаются; не держит их в руках!
Что, краснобай! пустился в рассужденья?
А Буки нé ждал? Есть хвалиться чем!
Да ты, я вижу, поглупел совсем;
Забыл уроки все, все наставленья,
Которые там, в школе чертенят,
По книжице ученейшего беса,
Профессора Денницы, вам твердят.
Так мало же я сек тебя, повеса!
Ижорского с ума свел — удружил!
Я разве этому тебя учил?
Не скорби, не болезни, не страданья,
Нет, сударь, — преступленья, злодеянья
Крепят в подлунном мире власть чертей.
Одно у нас осталося орудье,
Которым вызываем правосудье
На племя ненавистных нам людей, —
Грех! и грехом, как сетью или мрежей,
Мы тащим в ад Адамовых детей.

А ты. . .

Кикимора хочет что-то сказать.

Еще оправдываться смей!
Молчать! ты совершенным стал невежей!
Без помощи других духо́в, смотри,
Что сам испортил, сам изволь поправить;
Твоей хочу я спеси поубавить:
Чтобы до ранней, утренней зари
В нем сумасшествья не было и следа!
Не то — от нас подале удери:
Надеюсь, знаешь Буку-людоеда!

(Уходит.)

Русалки
(выглядывая)

Кикимора, ау!

Кикимора

Чего хотите? ну!

1-я русалка

Кикимора, ушел ли Бука?

Кикимора

Ушел.

2-я русалка

Как страшен он! от одного уж звука
Такого голоса мы всё еще дрожим.

3-я русалка

Про что, голубчик, говорил ты с ним?

Кикимора

Не я с ним говорил, он говорил со мною,
И раскусить мне дал такой орех,
Который. . . Но мне спех.
Прощайте вы; пущусь падучею звездою,
Слечу к Вавиле-колдуну;
На перекрестке он, как полночь, так ворожит.
Я старика на разум натолкну,
Надежда на него: Вавила мне поможет!

(Улетает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Изба крестьянина Богдана; Богдан с женой и детьми за ужином.

Богдан

К обеду каша, к ужину грибы:
Еще мы богом не были забыты.
Что, дети? сыты ли?

Дети

Спасибо, тятя! сыты.

Богдан

Так встаньте же, перекрестите лбы,
Ложитесь спать вы — нутка!
Да накормила ты телят, Марфутка?

Дочь

А как же.

Богдан

То-то же! ну, кончен день теперь.
Куда ты, Фомка?

Сын

Зачиню я дверь.

Вавила

(входя)

Не зачиняй, впусти, Фома Богданоч!

Богдан

Сосед Вавила! ты зачем забрел?

Вавила

В извозе был я, воротился на ночь;
Огня уж в хате не нашел;
Придется завтра потазать Марину, —
Так одолжи же, засвечу лучину.

Дети

Колдун Вавила! у!

Богдан

Огня
И не проси ты у меня:
Ты на страстной у Московенка
Вот так же брал огня,
А к вешнему Николе ни коня
Не стало у него, ни свинки, ни теленка.

Вавила

Не дашь огня?

Богдан

Не дам.

Вавила

Так помни ж: я Вавила!
Сынок твой, дочка смерть как хороши!
Меня не любишь — пусть! люблю их без души.
(Уходит.)

Богданиха

Ох! крестная да будет с нами сила!
Он похвалил их! дунь да плюнь! беда!
Зачем его впустили мы сюда?

ЯВЛЕНИЕ 3

Полночь; перекресток; Вавила ворожит.

Вавила

(кланяясь на все четыре стороны)
На восток раз, раз на запад,
Раз на север, раз на юг
Обернуся, поклонюся:
Сват восток мне, север друг,
Запад! я тебя держался,
Юг! с тобой я побратался.

Духи ночи, духи смерти,
Духи ада, духи зла,
Был отец слугой вам, черти!
Ведьмой мать моя была;
Сын отрекся от крещенья:
Я их сын — ваш раб с рожденья.

Проклял я отца родного,
Проклял я родную мать,
Проклял, что ни есть святого,
Бросил крест и благодать:
Ваш я, ваш; мне помогите,
Род Богдана истребите!

Падает звезда; удар грома: перед Вавилой стоит **Кикимора.**

Кикимора

Что, красноглазый, ты развылся так?
Вытьем пугаешь полуночный мрак.
Чего желаешь?

Вавила

Много чести,
Кикимора! — скажу без лести:
Не стою, право, я того,
Чтоб умник ты, любезник и повеса
Послушал зова моего;
Довольно было бы и худенького беса
Из мелких, из хромых мне, старику;
Мужик простой я, без затей, без чванства,
Дворянчик ты из адского дворянства:
Мне ль знаться с господами, мужику?

Кикимора

Смиренничай! ты плут, Вавила, плут известный,
Да ведь меня не проведешь:
Других бесов не призовешь;
Все заняты... Мне ведом подвиг честный,
Который хочешь совершить;
Людской же жизни нить
(Так непостижными положено судьбами)
Расторгнуть можем мы людскими лишь руками.
Приятель, отвечай: желаешь ли под кнут?
(Сам видишь, я тебе не расставляю сети!)
Тогда сегодня же Богдана дети
Под топором твоим — не иначе! — умрут.

Вавила

Кнут? нет! не хочется под кнут. Ну, корчу
Нашли на них!

Кикимора

Я их испорчу;
Но долг, сам знаешь, красен платежом:
Тебя на часик в волка обернем.

Вавила

Прошу покорнейше! Какие предложенья!
Какие выдумки у этих чертенят!
А что, когда меня собаки заедят?

Кикимора

Что? заедят тебя зубами, без сомненья!
Да нет: не трусь! тебя я сберегу:
И ноги подкошу собакам на бегу,
И проведу все пули мимо;
А быть волком тебе необходимо
И даже прибыльно — вот видишь, почему:
Ты службу барину сослужишь своему.

Вавила

Ижорскому?

Кикимора

Ему.

Вавила

А как?

Кикимора

Да слушай!
Как будешь ты волком, овец не кушай,
В соседний двор
Не лазь через забор;
Нет! тотчас отправляйся в бор.
В бору Ижорский, словно Каин, бродит,
Вздыхает, рвется, мелет вздор,
Тоску, зевоту, сон на леших всех наводит;
С ним встретишься — вступи с ним в разговор
(Каков он, от него скорее волку
Добиться толку,
Чем людям: он бежит людей,
И всякий человек в его глазах — злодей);
Скажи ему: «Влюблен ты, примечаю,
А как помочь тебе, поверь мне, знаю!»

Он назовет — тебе вот слово я даю —
Красавицу свою;
Как будешь имя знать, известным наговором
Взволнуй девчонки гордой кровь;
Надежда на ее любовь
Излечит чудака: он де́ньгами, как сором,
Тебя осыплет; славно будешь жить,
Над старостой смеяться и десятским,
И сладко есть и сладко пить,
Всех в зависть приведешь кафтаном хватским
И...

Вавила

Быть так: по рукам! смотри же, не солги!

Кикимора

(кладя руку на голову Вавиле)

Будь волком волк! душой ты волк: к волкам беги!

Вавила оборачивается в волка и бежит в лес.

Исчезнуть? нет! еще мне слово
Почтенной публике желается сказать.
На эту сцену вот как станут возражать:
Сосед соседу скажет: «Бестолково!
К чему Кикиморе к Вавиле прибегать?
Как будто он не дух? Он должен быть сильнее,
Умнее, чем колдун».
Так точно! но Ижорским ведь по шее
Был прогнан бы шалун,
Когда бы где с ним встретился. К тому же
Гораздо быть могло б еще и хуже:
Ижорского кольцо забыли вы?
Он им любого духа свяжет:
Что, ежели еще служить себе прикажет?
Нет! лучше жить в дупле кумы моей, совы!
Тогда (ну, знаете! в конце второго акта)
Он память потерял с сердцов:
А то бы без условья, без контракта,
Не рад, да будь готов,
Покорен будь во всем его капризной воле,
Доколе
Он сам тебя не сгонит за порог.
Итак, да будет приговор ваш строг,

Но рассудителен! Вниманья
Причины удостойте, коим я
Никак не мог противиться, друзья!
Теперь исчезнуть можно: до свиданья!

(Исчезает)

ЯВЛЕНИЕ 4

Ночь; лес; Кикимора сидит на дереве; Ижорский следит волка, стреляет; пуля мимо.

Волк

Напрасный труд! твои все пули,
Меня не тронув, мимо прожужжат.

Ижорский

Ты шутишь или в самом деле, брат?
Ведь, кажется, те времена минули,
Когда медведь, баран, лисица, волк и кот
С людьми вступали в рассужденья,
И размышлял о просвещеньи крот,
И дубу трость читала поученья.
Ты волк, а говоришь как человек!
А впрочем, не дивлюсь: в наш век
Волками люди стали,
Так отчего ж не быть людьми волкам?

Волк

Мудрец, пример ты мудрецам!
Не знаю я, с досады ли, с печали,
А судишь здраво и умно:
Я то же думал уж давно.
Был человеком я, да вот: кривые толки,
Притворство, лицемерство, ложь
Меня взбесили наконец — и что ж?
Людей я бросил и — завербовался в волки.

Ижорский

Ты человеком?..

Волк

Был. Но из любви одной
Ко благу ближних, к истине святой
Стал волком.

Ижорский

Это как?

Волк

Об этом после. Ты же,
Как рассмотрю тебя поближе,
Сдается мне, Ижорский.

Ижорский

Так.
Да кто ты? говори, чудак!

Волк

Узнай-ко!
С тобой я был знаком.

Ижорский

Подумать должно... Прокурор Хватайко?
Ведь он и прозван был волком.
Нет! — ну, Воров, квартальный надзиратель!
Что ж, и не он? А! вот я отгадал:
Фирюлин, «Вестника Австралии» издатель!
Не он ли всякого, кому создатель
Хоть несколько ума и дарований дал,
Лишь в силу, лишь бы мог, схватил бы и сожрал?
Не он? неужто? пустяки, приятель!
Признайся, ты Фирюлин!

Волк

Да, попал!
Кто я? не скоро, вижу, отгадаешь:
Переменился я; и ты не то, что был;
Бывало, ты хохочешь — вот вздыхаешь;
Ты цвел как маков цвет — вот бледен и уныл.
Влюблен ты, примечаю;
А как помочь тебе, поверь мне, знаю.

Ижорский

Помочь мне? мне?

Волк

Тебе; и — видишь ли? — судьбе
Угодно, чтобы я помог тебе.

Ижорский

Да кто же ты?

Волк

Как будто в этом сила?
Ну, я не леший, не мертвец;
Не гневайся, признаюсь, мой отец:
Я твой крестьянин, я — колдун Вавила.

Ижорский

И ты, ты мне помочь готовишься, глупец!

Волк

Вот то-то, господа, вы чересчур спесивы!
Кто лапти носит и тулуп
И бороздит сохою ваши нивы,
Всегда в глазах боярских прост и глуп;
А между тем... Да что! молчи, Вавила!
Ты говоришь, а он
Руками режет воздух и ворон
С кустов сгоняет!..

Ижорский

(про себя)

Чтоб меня любила,
Чтоб о взаимности сама меня молила...
О! если б это быть могло!
Нет! нет! я не воздал бы злом за зло!
Ах! при одной уже мечте блаженной,
Что Лидиею несравненной
Могу любимым быть, что я
Могу сказать ей: «Ты моя!» —
Забыто всё: обман, предательство, притворство —
Всё, что меня страданью обрекло.
Так, сердце, не совсем еще ты черство,
Не вовсе мертво ты! — сы снова расцвело;
К ней из груди моей ты рвешься, к незабвенной...

(Волку)

Вавила, ты бедняк презренный,
Ты всеми ненавидим и гоним;

Но если бы ты мог — клянуся им,
Чье имя оба мы произнести не смеем!
Хотя б ты был злодеем,
Чернейшим из людей — нет, для тебя
Не пожалел бы я и самого себя!

Волк

Ты много обещаешь, барин!
Надеюсь, будешь благодарен.
Всё сделаю, награды ж никакой
Я не желаю, кроме вот какой:
Мне год позволь прожить с тобой.

Ижорский

Со мною год прожить? — ты не Вавила!

Волк

Еще раз повторю: как будто в этом сила?
Вавила? нет ли? дай ответ:
Что? ты согласен или нет?
Не бойся, я скучать тебе не стану:
Я знаю, вреден вашей братье свет;
Уж вы привыкли к сумраку, туману.
Предместник мой навязчив был и скор,
Проказничал, молол вчастую вздор;
Я не таков: поверь, молчать умею;
Хотя бы видел, сломишь шею —
Какое дело мне? я твой слуга, служу,
Молчу; а разве уж захочешь, спросишь, —
Тогда, конечно, правду всю скажу.
Поверь, меня полюбишь, сам не бросишь!
Что? как? решился ли?

Ижорский

Решился: на год твой.

Волк

Итак, теперь ступай домой;
А я — принаряжусь. Вот видишь ли, любезный,
Я даже подписи не требую твоей;
Сам видишь, демон я и скромный и полезный!

Уходит Ижорский; волк превращается в Шишимору; Кикимора сходит с дерева.

Кикимора

Шишимора! меня он обманул, злодей!

Шишимора

Каков Вавила красноглазый?
За шутки прежние, за прежние проказы
Он, кажется, тебе исправно заплатил.
Уж гаснет блеск предутренних светил,
Уж ранние в лесу проснулись звуки, —
Ты ж не исполнил приказанья Буки!

Кикимора

Помилуй! что? Ижорский ведь здоров.

Шишимора

Ай, молодец! всегда ответ готовый!
Здоров, как могут люди быть здоровы
(У них-де вот и всё различье от скотов,
Что нет меж них несумасшедших,
И не было в веках прошедших,
И в будущих не будет: уж таков
Весь род их). Но каков
Теперь Ижорский — их на свете много...
Судить не будем слишком строго:
Положим, он здоров;
Да нам скажи, наш умник, наш затейник,
Кто вылечил его? не я ли, ваш дурак,
Я, вашей братьи забияк
Всегдашний мученик? Итак,
Пук розог, плеть, ошейник,
Колодка или что подобное тому
Вас ожидает, — видно по всему.
Я не злопамятлив, я добрый малый
И расскажу тебе, пожалуй,
Как я собой Вавилу подменил.
Вавила, видишь, вышел от Богдана,
Я знал, что час его пробил,
И подстерег его над речкой у кургана,
Едва он на доску — и доску я пихнул,
Упал он в воду, крикнул, потонул.
А лесу здешнего султан ревнивый, Гул
(Ты у него отбил двух или трех русалок),
Что хочешь к колдуну, мне между тем шепнул.

От всей души тебе желая палок, —
Не ради мести, а для твоего ж добра, —
Я в труп вселился, стал Вавилой
И обманул тебя на перекрестке, милый!
Раздумай это всё, а мне идти пора.

(Уходит.)

Кикимора
(один)

Итак, любезный друг, читатель или зритель,
С тобою глаз на глаз
Мы видимся в последний раз,
А там за сценой мой сердитый повелитель!
И знать нельзя (сказал, быть может, правду плут),
Меня и впрямь порядком отдерут!
Когда же на тебя еще навел я скуку,
Тогда уж самому просить придется Буку,
Чтоб он меня построже наказал.
Но если две-три правды я сказал, —
Их, может быть, еще не знает всякий, —
Ты мне прости и шутовство и враки,
Для коих, сам я чувствую, в наш век
Уж не довольно молод человек.
Иду; иному уступаю духу:
Он будет в страх очам твоим,
Он будет в ужас слуху.
Но, что бы ни свершилось им,
Всё приготовлено (пусть не забудешь) мною:
Я, помни, овладел Ижорского душою,
Я ненависть в него излил
К людскому племени, в нем веру погасил
В невинность, истину и добродетель;
Вот почему вина я и содетель,
Источник первый злодеяний тех,
Которые во плач преобратят твой смех;
И трепетный воздвигнется твой волос,
И задрожит поэта робкий голос,
И скажет он испуганным друзьям:
«Без веры к людям
Отверженным принадлежим духам
И на земле чудовищами будем!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лев Петрович Ижорский.
Князь Пронский.
Княжна Лидия.
Графиня Шепетилова.
Веснов.
Кондрат Максимович Ковалок, Фалалей Кузмич Подлипало, Анисим Павлович Вестовщиков — помещики, соседи Ижорского
Честнов, управитель Ижорского.
Станционный смотритель.
Атаман и три разбойника.
Слуги.
Духи и видения:
Добрый дух.
Титания.
Ариель.
Бука.
Шишимора.
Кикимора.
Демон огня.
Знич и саламандры.
Демон воздуха.
Демон моря.
Демон земли.
Заяц.

Действие происходит большею частию в поместьях Ижорского и в окрестностях, кроме начала второго акта, которое разыгрывается в Петербурге, и конца третьего, происходящего в Новороссийских степях и на берегу Черного моря.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Почтовый дом на земле Ижорского. Вечер. Слышен колокольчик; потом входят князь Пронский, Лидия, графиня и смотритель.

Князь

Скорее, лошадей!

Смотритель

Прошу покорно вас!
В разгоне лошади: повремените с час.

Князь

Повременить? и час? ниже́ одной минуты!
Уж эти мне смотрители! все плуты,
Разбойники.

Смотритель

Не обижайте нас:
Я офицер, четырнадцатый класс...

Князь

Четырнадцатый класс! пусть будет хоть тридцатый.
А есть ли что поужинать у вас?

Смотритель

Есть: окорок, и пребогатый.

Князь

Пожалуй окорок сюда!

Князь садится; перед ним ставят окорок и бутылку вина.

Смотритель

Хорошего вина бутылка!

Князь

Да?
Ты малый, вижу, хоть куда.

Смотритель

У нас всегда найдется что в запасе;
Не при одном живем при хлебе мы и квасе:
Не будь подчас хорошего куска,
И нас самих возьмет, суда́рь, тоска.

Князь

Ты говоришь умно и прямо мне по сердцу.
Горчицы нет ли?

Смотритель
(подает)

Вот-с.

Князь

А перцу?

Смотритель

Здесь.

Князь

Почту держит кто?

Смотритель

Помещик.

Князь

А зовут?

Смотритель

Ижорский.

Князь

Лев Петрович!

Смотритель

Отгадали-с.

Князь

Мы в Петербурге часто с ним видались:
Философ он, чтоб не сказать мне: шут.
Здесь как живет?

Смотритель

Не выезжает,
Соседей никого не принимает,
По целым суткам заперт, всё один;
Именьем правит старый дворянин,
А верите ль? и он, что нужно, все приказы
Находит письменно в прихожей.

Князь

Вот проказы!

Смотритель

Так: от него
И слова не слыхал ни одного
С его приезда из столицы
Ни камердинер, ни казак,
Ни повар.

Князь

Даже повар? Небылицы!

Смотритель

Поверьте слову честному.

Князь

Чудак!

Лидия

Il est intéressant, mon père. [1]

Князь

Intéressant? il est timbré, ma chère. [2]

Графиня

Intéressant ou bien timbré: toujours
C'est à vous qu'il le doit. [3]

Лидия

A moi? [4]

Графиня

Oui, mes amours. [5]

Лидия

Ah! Vous me tourmentez sans cesse.
Ne finirez Vous donc jamais, Comtesse? [6]

Графиня

Finir? pourquoi?
Ce jeu me plait à moi. [7]

Князь

Он, стало, никогда из дому не выходит?

---

[1] Он интересен, батюшка (франц.). — *Ред.*

[2] Интересен? он помешан, моя дорогая (франц.). — *Ред.*

[3] Интересен или помешан: во всяком случае он обязан этим вам (франц.). — *Ред.*

[4] Мне? (франц.) — *Ред.*

[5] Да, душа моя (франц.). — *Ред.*

[6] Ах, вы меня беспрестанно терзаете. Вы никогда не кончите, графиня? (франц.) — *Ред.*

[7] Кончить? Почему же? Эта игра мне нравится (франц.). — *Ред.*

Смотритель

Выходит: по ночам в лесу соседнем бродит
С ружьем; а не видал еще никто,
Чтоб из лесу принес хоть зайца.

Князь

Что?

Смотритель

Болтают старожилы,
Что там нечистые всегда водились силы...
Я этому не верил ничему...
(В губернской я гимназии воспитан,
Живал в Орле, в Москве, довольно и начитан:
Не суевер), — но видно по всему...
Недаром — вам сказать короче —
В лесу проводит Лев Петрович ночи!
И старика видали с ним и...

Князь

Вздор!

Смотритель

Вы ж слышали: я сам не верил до сих пор.
Но...

Князь

Я ж скажу тебе без прибауток:
Старик знаком мне; он Ижорского дурак.

Смотритель

Нет, ошибаетесь никак:
Ижорскому, ну, право, не до шуток.
Он так уныл, так бледен, так иссох,
Что самый лучший скоморох
Бедняжку рассмешить, ей-богу, не успеет!
Он тает, исчезает, тлеет,
И скоро мы его
Свезем и... барышня бледнеет!
Помилуйте, что с вами?

Лидия

Ничего...
Кружится голова — с дороги.

Князь

Mon Dieu![1] тебя не держат ноги!
Ma nièce,[2] подайте руку ей.

Смотритель

Пожалуйте к жене моей:
Там можете раздеться; отдохните.

Князь

Графиня, от нее, прошу, не отходите.

Выходят Лидия и графиня, за ними смотритель.

Князь
(один, не вставая из-за стола)

Уж эти женщины! чудесницы, ей-ей!
Вдруг в обморок... с чего? прошу покорно!
С дороги? — может быть. Но их причуд, затей
Не перечтет и лучший грамотей:
Вдруг вздумают, и — ангелом злодей!
Вдруг закричат: ужасно, гнусно, черно!
Вдруг то же самое прекрасным назовут!
Ижорский? ведь Амур проказник, плут:
Быть может, именно отъезд... его не ждали;
К тому ж (как нам кузины рассказали)
Горячка, бешенство, затмение ума,
Приметы романтической печали...
А сверх того, кто знает? и сама
К нему и перед тем сильнее привязалась,
Чем мне по спеси признавалась...
Как бы то ни было, душой я был бы рад,
Когда б господь послал мне в этом зяте клад.
Богатство, говорят, и вздор и предрассудок,
Но верьте мне, не вздор пустой желудок;
И честью уверяю вас,
Когда вот помянул про хлеб один и квас,
По жилам пробежал мне вдруг огонь и холод,
И был я сыт еще, а чувствовал уж голод!
Взят дом мой за долги в казну,
В опеку отдано именье;
В деревню еду: скука и мученье!

---

[1] Боже мой! (франц.) — *Ред.*
[2] Племянница (франц.). — *Ред.*

Теперь досуг мне будет: на луну
Смотреть и сочинять эклоги,
И починять дороги,
И книгу написать, хоть житие мое,
И всех старух и стариков соседства
Прилежно слушать мудрое вранье,
И к улучшенью паств искать в газетах средства,
И Петербург бранить и славить тишину,
Невинность и коров! — Какая перспектива!
Деревня для меня Япония и Хива
И хуже, чем Сибирь! — Забудусь-ко, засну.

(Засыпает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Перед почтовым домом; глубокая ночь.

Шишимора

Темнота, тишина:
Закатилась луна,
Помертвела природа,
Тихо звезды горят,
Бледно звезды блестят
Средь небесного свода.
Демон, демон огня!
Ты послушай меня,
Смертных ужас и кара!
Ты явись предо мной,
Окруженный грозой,
В буре, в вое пожара!

Демон огня

(является)

Вихрем мчит меня огонь,
Мой ретивый, добрый конь;
Раздается трус и грохот, —
Это мой веселый хохот;
Слышишь ли глушащий треск?
То моих ладоней плеск!

Я мирно покоился в твердом кремне,
Лежал беззаботный под насыпом лавы;

Вдруг зов твой могущий послышался мне, —
И вот я восстал, роковой и кровавый!
Чего ты желаешь, скажи, от меня?
Чего ты желаешь? Я демон огня.

Шишимора

Воспали пожаром
Этот спящий дом;
Гибельным ударом,
Яростным крылом,
Предсылая дым и страх,
Обрати его во прах!

Демон огня

Вы, саламандры, мне внемлите,
Услышьте мой владычный глас;
Предстаньте: призываю вас,
Предстаньте, поспешите!

Саламандры

(вспыхивают из-под земли)

О царь! ты призываешь нас,
Мы слышим твой владычный глас:
Что нам прикажешь, наш властитель?
Разрушить чью велишь обитель?

Демон огня

Отвалите с бездны камень,
Зачерпните в бездне пламень,
В тьме зажгите яркий свет:
Будь сей дом в огонь одет!

Саламандры

Был сей дом — заутра нет!
Скорее, скорее
За дело, за дело!
Дружнее, живее!
Чтоб дело кипело!

Знич

Ты жги; ты свети; ты махай, а ты дуй;
Ты пламенный ток и мешай и волнуй;
Ты, брат, завывай среди рдяной пучины;
Я ж ветер ревущий воздвигну с равнины.

И в полымя грянется, радостен, яр,
И к тучам подымет блестящий пожар.

Саламандры

Дружнее!
Живее!
Чтоб дело
Кипело!

Знич

Чтоб дом в океане горящем исчез;
Чтоб наше по воздуху взвилося знамя,
Багровое, шумное, жадное пламя
До звезд полуночных, до самых небес!

Саламандры

Скорее, скорее
За дело, за дело!
Дружнее, живее!
Чтоб дело кипело!

Шишимора

Один кряхтит, другой надулся, будто мех;
Сверкают в черной тьме чудовищные лица,
Как с наковальни жар, как быстрая зарница...
Потеха! смех!
Работайте: пора! к Ижорскому отправлюсь,
Над страхом гордого безумца позабавлюсь.

ЯВЛЕНИЕ 3

Ижорский в своей комнате один; входит Шишимора.

Ижорский

Что?

Шишимора

Ничего.

Ижорский
(помолчав)

Что я любим,
Ты мне клянешься и не лицемеришь?

Шишимора

Когда поверишь
Глазам своим,
Сегодня же из разных обстоятельств
Довольно выведешь и сильных доказательств,
Что ты любим.

Ижорский

Еще сегодня! как?
Княжна с отцом в столице...

Шишимора

Как не так!
Графиня и княжна с отцом-брюханом
Ночуют у тебя в деревне.

Ижорский

Что ты? здесь!

Шишимора

На почте князь заснул на креслах за стаканом.
А дочь... ты на ее ль мне жаловался спесь?
Про Льва Петровича рассказывал смотритель,
Подействовали на княжну слова:
Вдруг дурно, — закружилась голова...
(Хороший, верно, был риторики учитель
В гимназии губернской!) Вот она
Теперь, лишенная утех, надежды, сна,
В светелке по тебе, по милом, стонет, плачет.
И сердце у тебя от радости не скачет?

Ижорский

Здесь Лидия, в двух от меня шагах,
И с нею я не свижусь... ах!

Шишимора

Не свидишься?

Ижорский

Не свижусь: перед нею,
Нет, не унижусь! Если бы и рай

За то мне был наградой, не считай
Она меня игрушкою своею!

Шишимора

И ты решился?

Ижорский

Да.

Шишимора

Ну, я ж о ней жалею:
Сгорит бедняжка.

Ижорский

Лидия сгорит?

Шишимора

И без метафоры; нет, просто, в самом деле.
Должно быть видно и отселе...

(Смотрит в окно.)

Так точно: вот блестит!
Тебе, любезнейшему другу,
По мере данных мне способностей и сил,
Я, было, вздумал оказать услугу:
На почте я пожарец разложил;
Хотел, чтоб ты предстал ей как спаситель,
Чтоб вынес героиню из огня...
Оставим: пусть горит! Устал я; вы поспите ль?
Покой бы нужен был и для меня.

Ижорский

Будь проклят ты! — Пожар! эй, люди! эй, коня!

Входят слуги.

Скорей на почту! — Почта запылала!
Коней! — чтоб вы издохли! мне коня!
На почту, — говорю, — все с велика до мала!
Приезжие... спасите их!
Коня! коня! — не стало сил моих!

Слуги

(вбегая и выбегая)

Пожар! пожар! на почту!

Один из них

Лошадь, барин,
Готова.

Ижорский

Благодарен!
За мной! туда, туда!

Выбегает; потом слышен конский топот.

Шишимора

Умора! шум какой! какая суета!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Перед почтою; почтовый дом пылает; народ толпится. Впереди видны графиня, смотритель, жена его, спасенные; Шишимора; потом является Ижорский с князем, которого выносит из пожара.

Князь

Тьфу! было мне тепло: боюся,
Не растопился ли — жирненек — мой живот!
Без дальных без забот
Чуть не изжарили меня, как гуся.
Ну, Лев Петрович, хват! сказать, что молодец!
Спасибо! выручил! родной ты мне отец!
Дым! пламя! я кричу; горит, пылает;
Уж жаром дух мой занимает, —
Вдруг Лев Петрович прилетел
И вынес на плечах меня из ада.

Шишимора

(вполголоса)

Как не сломила плеч подобная громада?

Князь

Спасибо! я здоров и цел.

Ижорский

От благодарности избавьте,
Князь; пустословие оставьте!..
Где? где княжна?

Князь

Княжна?
Еще не спасена?
Так, братец, знал я, что меня ты любишь;
А чтобы предпочел меня княжне,
Не думал я — и очень лестно мне!

Ижорский

Бездушный! и отец! себя, несчастный, губишь!
Княжна где? знаешь ли, кто я?
Княжна где? или (вот рука моя!)
Тебя, негодную и мерзостную ношу,
В пожар, в котором был ты, снова брошу!

Князь

Да не сердись! ее я вижу; там она!

(Показывает на окно, у которого является Лидия.)

Ижорский

Огнем и смертию окружена,
Из верхнего жилья, моля, простерла руки, —
Рвет сердце вопль ее, ее стенаний звуки!
На помощь, духи тьмы! вам душу отдаю:
Ее спасите, Лидию мою
Спасите!

(Бросается в огонь.)

Графиня

Грудь от ужаса не дышит:
Густое полымя ему навстречу пышет
И лижет жадным языком
Пылающий совсюду дом;
Пропал, — явился вновь; обоих их не стало,
Их не видать, — заныло сердце, вот —
Так точно, он! Он снова у ворот!
Увы! огнем все ворота объяло!
Он держит Лидию без чувства на руках,
Он медлит, епанчой ее закутал... ах!
Он ринулся...

(Лишается чувств.)

Ижорский выносит Лидию.

Князь

Ma nièce,[1] вы в обморок упали
Напрасно: живы, спасены!
И даже волоса не сожжены
У Лидиньки: так бросьте же печали!

ЯВЛЕНИЕ 5

Сад Ижорского. Входит Кикимора.

Кикимора

Здорово, милый мой раек!
Здорово, друг партер! мое почтенье, креслы!
Без вас наскучило: препоясáл я чреслы,
Взял посох и суму; шел, шел, всё на востóк —
И наконец прибрел на эти доски.
«А для чего? — кричит Фирюлин, мой Зоил, —
И прежде ты довольно нас бесил;
Твои все шуточки так глупы и так плоски!
И я душой был рад, когда ты объявил,
Что, к прекращенью нашей муки,
Здесь с нами глаз на глаз
Ты видишься в последний раз...
И что ж? опять ты здесь! Где ж плеть и палка Буки?»
Трофим Михайлович, не торопитесь бить;
Позвольте наперед вам доложить:
Бесенок я, а сотворен для дружбы;
Для ней ни от какой не откажуся службы.
Есть друг и у меня, предобрый человек,
Пречестная душа — писатель;
И вот пришел ко мне и говорит: «Приятель,
Преемник твой не то, что ты; он ввек
Со сцены с публикой не вступит в разговоры.
К тому ж угрюмые, косые взоры,
Его коварный, злобный нрав,
Ну, право, созданы не для забав!
А, брат, необходим с партером мне посредник,
Веселый, умный собеседник,
Который бы подчас, как Шекеспиров хор,
Им пояснял мой вздор».

---

[1] Племянница (франц.). — *Ред.*

И ну просить и лестными словами
Превозносить меня, хвалить мой ум, мой дар!
Что ж? просьбы и хвалы, — вы ведаете сами, —
Хоть в ком, а породят усердие и жар;
Я к Буке; Бука молвил: «Отпускаю»;
И вот я здесь, и в должность я вступаю!
Не так ли, господа, вы видели пожар?
Лихая, говорят, тут заварилась каша!
Ижорский спас княжну. Что ж? героиня наша
Занемогла; к тому ж погода, грязь...
У Льва Петровича остался в доме князь.
Прошло недели с две: княжна с постели встала,
Но, благодарности полна,
Любовию занемогла княжна.
И прежде, говорят, тайком пылала
(Действителен же был Вавилин наговор!),
Теперь же и таить любви не стала;
Обрадовался князь и — сладил вмиг сговор.
Однако ж кланяется хор:
Жених, пожалуй, сгонит с места!
Чай, наших прежних шашней не забыл;
Да и сердит: смотрите, как уныл!
Зато уж как мила, как хороша невеста!

(Уходит.)

Входят Ижорский и Шишимора.

Ижорский

Любим я, счастлив! Счастлив? я? да что ж

(указывая на грудь)

Здесь ад мой шепчет? — клевета и ложь!
Любим! положим, но любить могу ли?
Навеки дни минувшие минули.
Всё выскажу: ее я не люблю;
Я чувств вчерашних уж обресть не в силах.
Не стужу ль скуки я при ней терплю?
Огонь мгновенный вспыхнул на могилах
Моих истлевших ощущений: я
Считал огонь тот светом оживленья, —
От одного погас он дуновенья —
И в прежней хладной тьме душа моя!

Чтобы любить ее, свою природу
Я победить бы должен; с корнем вон
Всю ненависть к ее исторгнуть роду
Предательскому — к людям; а мне он
Так мерзок, как тирану сумасброду,
Который — мысль не глупая! — скорбел,
Что не дана одна и та же шея
Всем этим тьмам и тьмам бездушных тел;
Вдруг, разом... да! Желание злодея
Понятно мне. И я, в груди моей
Ко всем к ним ужас, ненависть лелея, —
Я соглашуся для одной *для ней*
На подлую, безумную измену
Суровой правде, самому себе?
Вовеки унизительному плену
Уж не подвергнуся... Хвала судьбе!
Нельзя. Но если б даже, я ль забуду,
Как эта Лидия играла мной?
Кто? я овечьей одарен душой?
Нет! пусть она трепещет: тигром буду!
Так! Но чего ищу, найду ль у ней?
Быть может, уж давно жокей, лакей,
Или Ветренев, шут презренный,
Или молокосос, дитя — Веснов,
Или Жеманский, гений несравненный...
О! всех их я бы растерзать готов!
Пускай! — по крайней мере на коленях
Ее хочу я видеть пред собой,
Роскошствовать в ее рыданьях, пенях.
Да! — Чтоб, объята смертною тоской,
Рыдая, поднимала вопль безумный,
Чтобы, без памяти, дрожа, стеня,
Сама молила о любви меня,
И чтоб ей был ответ мой хохот шумный...
О! если бы!

Шишимора

Я поздравляю вас,
По чести, Лев Петрович, поздравляю, —
Вы понабрались кой-чего у нас;
Вас, сударь, уважать я начинаю.
Положим, ты по слабости своей

И не совсем еще достиг чертей,
А, право, хороши твои успехи;
Ты уж почти опередил людей.
Ну, продолжай! Для адской ты потехи
Созреешь, может быть: надежда есть, —
И то не малая, поверь мне, честь,
Когда столь рухлое, как ты, созданье
За нами следует, хоть сдалека.
Одно противно мне: твоя тоска
И то, что слишком в вялое мечтанье
Вдаешься... Нет, живи-ко, брат, слегка,
Без этих глупых, тяжких размышлений...
Не слушай предрассудков и сомнений:
Шаршавят жизнь — и только! А к чему?
Всё делай по желанью своему,
И будешь ты первостепенный гений!

Входит Лидия.

Лидия

Не помешала ли я вам?

Ижорский

Княжна, вас посетить я собирался сам:
Поговорить мне должно с вами.

Лидия

Поговорить? Вы правы: между нами
О многом должно бы поговорить.
Так, перед вами я во многом виновата;
Считаю вас за друга и за брата,
Для вас хочу свою всю душу обнажить.

Ижорский

Позвольте...

(Шишиморе)

Ты ступай, и чтоб нам не мешали!

Уходит Шишимора.

Лидия

Я много причинила вам печали,
Мой друг! и вспомнить — так стыжусь. Но нет:
Пусть вы узнаете, пусть слышит целый свет!

Как грешник, исповедав преступленья,
Надеется от бога отпущенья,
Так, исповедав все мои вины,
И я надеюсь: будут прощены.
Тот, с кем я говорю, не мой ли избавитель,
Который жизнию мне жертвовал? К тому ж
Не благородный ли, великодушный муж?
Узнать хотите ль,
Ижорский, как могла дойти я до того,
Что самым лучшим, самым высшим чувством
Играла? что с предательским искусством,
Боль, муку душ себе вменяя в торжество,
Сама и холодна и с безмятежной кровью,
Шутила, забавлялася любовью?
Бог дал мне добродетельную мать:
Она меня с каким старанием растила,
Как силилась свою мне душу передать!
Мне было десять лет... ее взяла могила...
Отец мой... больно сердцу моему...
Его вы знаете: не вам одним, всему
Известен свету он... он был мой воспитатель.
Но защитил меня создатель,
И, верно, матери святая тень
Меня хранила ночь и день,
Меня, как ангел божий, сберегала:
Я правила его, содрогшись, отвергала;
Был долго невнимателен и глух
К его учению испуганный мой слух;
Успел он не во всем, увы! успел во многом.
Он сердце мне тщеславьем отравил,
Он блеском суеты мне взоры ослепил.
Единственным своим и счастием и богом
Считать я стала этот блеск.
Куда ни покажусь, везде встречаю плеск,
Восторг, и торжество, и восхищенье...
Сначала это всё рождало упоенье,
Потом наскучило: безумная толпа
Моих поклонников казалась так глупа,
Казалась так мертва, что стала в омерзенье.
Явились вы: вы были исключенье;
Мое тщеславье пробудилось вновь,
Но я наказана: отомщена любовь.

Ижорский

Вы, Лидия, меня, прошу вас, извините:
Вы не к тому привыкли, что теперь
Услышите. Не знаю...

Лидия

Говорите;
Всё, всё мне выскажи, мой друг, и верь:
Хотя бы речь твоя была сурова,
Хотя бы ты мне сердце растерзал,
Хотя бы в каждом звуке был кинжал,
Всё от тебя я выслушать готова!

Ижорский

Итак!.. судьбой учитель был мне дан
Жестокий — опыт, вождь безжалостный, но верный:
Он весь мой путь одел в волчец и терны,
Он много мне нанес страдания и ран;
Но предо мной рассеял заблужденья
И продал правду мне, — без спору, за мученья,
Всё ж правду. С той поры исчезли все мечты,
Спал с глаз покров бывалой слепоты,
И сновиденьями я назвал сновиденья:
Увидел я людей в их гнусной наготе,
Изгибы душ бездонных разгадал я,
Зажег светильник в их ужасной темноте,
Всю злобу, всё коварство их познал я.
Меня вы любите? вы говорите так...
Желал бы верить, но — мне ненавистен мрак:
С словами сердце не всегда согласно;
Хочу, чтоб для меня светло всё было, ясно.

Лидия

Несчастный, бедный друг! что, что скажу тебе?
Не оскорбляюсь, нет: душою я болею.
Ах! не желала бы и злейшему злодею
С тобой равняться в тягостной судьбе,
Какого страшного в себе ты кормишь змия!
Желаешь доказательств: но какие,
Скажи мне, доказательства сильней
Тех, что сквозь слезы из моих очей
Блестят теперь? тех, что из каждого движенья,
Из звука слов моих сам можешь почерпнуть?

Как веру влить в твою неверящую грудь?
Как одолеть твои упорные сомненья?
И если ты не убежден
Всем тем, что видишь, всем, что слышишь, —
Что ж убедит тебя? — Тобой мой дух пленен,
В моем дыханьи каждом дышишь
Ты, ты один; так, ты один
Моих всех чувств и мыслей властелин;
Да! из малейших даже обстоятельств
Ты мог бы видеть, как люблю тебя,
И что тебе весь мир я и себя
Охотно б отдала... Каких же доказательств,
Жестокий, требуешь еще? — Но нет: скажи!
Какие б ни были, я наперед согласна
И, радостна, безгласна,
На всё решаюсь: прикажи.

Ижорский

Доверье нужно мне; одно доверье
Доверье может породить во мне,
И вот вопрос мой вам, сиятельной княжне:
Вы в силах ли презреть высокомерье,
Спесь рода своего, молву и сан отца?
Принадлежать мне до венца
Вы в силах ли?.. Молчишь, бледнеешь... Слушай, кто я:
Ценою счастья и покоя,
От роковых, от грозных сил
Ценою дорогою я купил
Единственный мой дар. Дар этот что? Свобода.
Да! после многих тягостных побед
Не святы для меня ни одного народа
Обычьи, предрассудки, бред.
Единый мой закон, единый бог — природа.
И мне подобна быть должна
Та мощная, отважная жена,
Которая подать не содрогнется руку
Мне на всю жизнь: со мной сопряжена,
Должна дерзать на скорбь, на смерть, на муку.
Должна встречать с возвышенным челом
То даже, что зовете вы стыдом.
Не так ли? Вас, княжна, я ужасаю?

Однако же я честный человек,
Я слова данного не нарушал вовек;
И вам под клятвой обещаю:
Как скоро сами вы по жертве той
Решитесь быть моей обвенчанной женой,
Тогда исполню вашу волю,
И пусть обряд пустой
Соединит, как сам умеет, нашу долю.

Лидия

О боже праведный! он болен, он больней
Стократ, чем думала я в простоте своей!
Ижорский! что, о! что мне предлагаешь?
Своей ли собственной погибели желаешь?
А мне? в ужасном лучше бы огне,
В пучине пламенной, неизбежимой
Истлеть, исчезнуть было мне!
Ты для того ли спас меня, неустрашимый,
Чтоб стала я тебе, бесстрашному, в боязнь?
Чтоб ты, спаситель мой, обрел в спасенной казнь?
Внемли: ты уж теперь растерзан подозреньем;
Не сомневаюсь в слове я твоем:
На мне ты женишься; но что? всегда, во всем,
Уверенный моим паденьем,
Что снова пасть могу, — во всем ты ложь, обман
Увидишь, растравишь все язвы прежних ран,
К ним новые, ужасные прибавишь
И страшным бременем меня, себя подавишь.
Меня? не мыслю о себе:
Я силою непостижимой,
Таинственной, неодолимой
Привлечена к тебе...
Нет! об одной твоей я думаю судьбе:
О! сжалься над собою;
О! да остануся достойною тебя;
Меня губя,
Души моей любимец, ты со мною
Не погуби себя!

Ижорский
(в сторону)

Еще она, клянусь, и бездну одолеет!
Клянусь, меня едва

Не сбили чистый взор и мощные слова.
Нет! нет! всё это вздор, притворство! — не успеет!

(Громко)

Княжна, в последний раз
Я спрашиваю вас:
Согласны ли принять мое вы предложенье?
Нет? — так покиньте же мое уединенье,
Меня оставьте одного;
Чтобы, как прежде, мне людей не видеть,
Отречься навсегда от мира, от всего
И без изъятья всех вас ненавидеть!

Идет; Лидия удерживает его.

Лидия

Ижорский! боже мой! согласна... я твоя!

Ижорский

Теперь тебя своею я считаю,
Теперь ты истинно моя.
В беседке... в полночь... ожидаю.

(Уходит.)

Лидия

(одна)

Не сплю ли я? не в мрачном ли бреду
Меня пугают дикие виденья?
Что я сказала? помощь где найду?
К кому воздвигну стоны и моленья?
Увы мне! сердце с сердцем не в ладу:
От неба ль, от чудес мне ждать спасенья?
Весь мой обзор могильной мглой одет:
Потух отрадный, путеводный свет.

Сурово, бренное свое созданье,
Сурово наказал меня мой бог:
Кому и жизнь и каждое дыханье,
Все чувства посвятила я, *он* мог
Обречь меня на срам и поруганье?
Бессмертный! ты непостижим и строг:
Что смертного, как бога, я любила,
За то меня твоя карает сила.

О дочери молися, мать моя!
Ты, коей глас любезный и священный
С младенчества златого помню я!
Ко слабой мне, отвсюду утесненной,
Из рая пусть прострется длань твоя,
Или к своей обители блаженной
Восхить меня: постыл мне мир земной;
Покоя жажду страждущей душой...

Покоя жажду... ах! но очарован
Всесильным обаянием мой дух:
К нему привязан, связан с ним и скован,
К погибели стремится, слеп и глух...
Страдалец! нет, он счастьем не балован:
Везде встречал и взор его и слух
Предательство; он горькую судьбину
Был должен пить... и я его покину?

Я? никогда! ему я докажу,
Что в мире есть еще любовь прямая;
Что суетой и я не дорожу;
Пусть судит и гласит толпа слепая,
Ты подвиг мой благослови, святая!
Так, устою, все бури отражу:
В житейской темной, горестной пустыне
Я буду ангелом его отныне.

(После некоторого молчания)

Всё решено. Нет Лидии: она
Для мира, для родных погребена;
Отныне отроком да будет дева,
Рабом да будет гордая княжна;
И раб судеб не убоится гнева,
И отроку не будет смерть страшна,
С весельем он сразится с нищетою:
Он укреплен любовью роковою.
Но кто ж введет меня в унылый дом,
Где ныне вновь Ижорский одинокий,
С ужасным, всех пугающим челом,
Снедаемый змеей — мечтой жестокой,
Как первый богом мучимый злодей,
Как Каин, отречется от людей?

К нему, как волны ко скале кремнистой,
Толпа текла из города всего;
Но только юношу с душою чистой
Из всей толпы Ижорский одного
Встречал когда-то взором несуровым;
И душу за Ижорского Веснов
Был в это время положить готов.
И я — я не без власти над Весновым:
Свой первый пламень посвятил он мне;
Меня любил он в робкой тишине.
Вот верный, вот усердный мой союзник!
К нему, в столицу, не теряя слов!
Так, им и мной наш драгоценный узник
Воздвигнется из адовых оков.

(Поспешно уходит.)

Смерклось; вечерняя заря осветила сад багряным мерцанием; несколько музыкальных аккордов, потом являются Титания и Ариель.

Титания

Сильф, где был ты, где порхал?

Ариель

Мед с цветов я собирал,
Омывался я росою.

Титания

Сильф, бессилен ты и мал;
Но судьбы благой рукою
Быстротой ты наделен,
Наделен умом проворным;
Ныне мне явись покорным, —
Мною будешь награжден.

Ариель

Быть твоим слугой не мне ль?
Вечный раб твой Ариель:
С ранней, сладостной денницы
До возврата вещих снов
Я веления царицы
Всюду совершать готов.

Титания

В путь же, сильф, скорее в путь!
Ход на север простирая,
Выдет дева молодая:
Под кафтаном девы грудь,
Шляпа на главе мужская.
Ты, ее оберегая,
Не позволь нижé дохнуть
На нее дождю, ненастью;
Страх таинственною властью
Насылай на злых зверей,
На недобрых, на людей;
Чтоб в дубраве девы нежной,
Чтоб ее в степи безбрежной
Обижать не смел злодей,
Волк не испугал голодный,
Ветер не знобил холодный.
В путь же, сильф, лети скорей!

Ариель

Внял я голосу царицы;
Полечу быстрей зарницы.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Занавесь еще опущена; выходит **Кикимора**.

Кикимора
(публике)

То, что вы видели, почтенные друзья,
    На колдовство, на чудеса похоже;
    Однако же встречал нередко я
        В житейской вашей прозе то же:
Пока красавица к красавцу холодна,
    Он вылезть, кажется, готов из кожи;
И что ж? едва к нему преклонится она, —
    И вдруг — его душа застужена,
И он, — о ужас! — он готов прозваньем рожи

Тот лик, небесный лик бесславить и срамить,
Без коего, клялся, не в силах доле жить.
Но я не вышел к вам для рассуждений,
Я ныне автору подручный гений,
А тот покорно просит вас:
«Перенеситесь в Петербург на час».
Туда в кафтане, шляпою покрыта,
Отправилась отважная княжна;
Сильф Ариель ее вожатый и защита,
И, кажется, могла уж и дойти она,
Пока гремели здесь басы, литавры, скрипки.
Надеюсь, многие простите нам ошибки,
Когда, превращена
В амура-русачка, предстанет вам она,
И нас отпустите не без улыбки.
Пора мне: занавесь шумит,
Взвилась...

Занавесь поднимается: открывается комната; **Веснов** сидит у окна и читает.

...Взгляните: вот Веснов сидит,
Читает — что? *Два дворянина
Веронские*... вы не читали их?
Прочтите ж! Но из-за кулис детина
В ливрее мне грозит; разлив речей моих
Гневит директора; а то счастливый стих,
И не один, и презабавный,
Вам предложил бы: я болтун исправный.

(Уходит.)

Голос под окном

Арбузы, дыни хороши:
Купи же, барин тороватый,
Позвать сиротку прикажи
В свои высокие палаты;
Арбузы, дыни хороши:
Купи же, барин тороватый!

Веснов

(у него выпадает книга из рук)

Что слышу? голос чей? — Он чудно мне знаком,
И тою ж сладостью и тем же серебром

Наполнен, как ее! — То не простое сходство,
То голос Лидии!

(Помолчав)

Какое сумасбродство!
Как мысль такая мне на ум придти могла?

(Берет опять книгу.)

Да! эта Юлия мила:
Она его любовь своей любовью мерит;
Ему, бедняжка, беспредельно верит!
Счастливый путь в Милан! — а как ее поэт
Представил отроком?

(Читает.)

Голос

Арбузы, дыни...

Веснов

(вскакивает)

Нет!
Неужели причиной чтенье?
Меня или дурачит вображенье,
Или... Эй, мальчик! — эй, лоток!

(Глядя из окна)

Взглянул... ее глаза! — идет... и поступь та же!
И рост и волос, — так, улыбка даже!
И млею и дрожу... Что тут готовит рок?

Входит Лидия, переодетая мальчиком-разносчиком; продолжается немая игра.

Лидия

Что, барин? верно нет у вас охоты
Отведать наших дынь?

Веснов

Скажи мне, мальчик, кто ты?

Лидия

Сиротка; в Питер прибыл из села.

Веснов

Откуда родом ты?

Лидия

Из-под Орла.

Веснов

А прозываешься?

Лидия

Иван Сусанин.

Веснов

Чей?

Лидия

Льва Петровича Ижорского крестьянин.

Веснов

Его? — Сомненья нет: я отгадал, кто ты,
Я отгадал, кого перед собою вижу,
И эти ли мне позабыть черты?
Молчишь? — навязчивость, поверь мне, ненавижу.
Поверь: свята
Мне будет тайна та,
Которая тебя скрываться принуждает.
Чего же Ваня от меня желает?

Лидия

Служить вам; вместе ж и... от вас услуг.

Веснов

Каких? скажи... помещик твой мне друг.

Лидия

Ваш друг? — и я слыхал так от людей дворовых.
Да мало, говорят, в наш век друзей, готовых
Друзьям в беде помочь:
Все в счастии друзья, в несчастии все прочь.

Веснов

Изведай и найдешь: усердным буду другом.

Лидия

Иное тяжко и для истинных друзей.

Веснов

Так, так! — Всё ж вверься твердости моей.

Лидия

Мой барин страждет злым недугом.
(Дед думает: испортили его.)
Он в жизни, говорят, отведал от всего
И много горького, — а пасмурен с природы;
Объехал белый свет, все земли, все народы
И воротился на святую Русь
Мрачнее вдвое, чем поехал. — Не берусь
Подробно рассказать, да слух такой носился:
Здесь, в Петербурге, будто бы влюбился
И будто бы в последний раз
Девичьей ласке положил поверить.
И что ж? (недобрый, верно, глаз
Завистницы какой!) Лукавить, лицемерить
Перед несчастным принялась она;
Прикинулась, что влюблена,
Сама ж ему смеялась стороною,
Он вдруг узнал — и помертвел душою,
И бросил город, и покинул мир,
И ныне, одинок и сир,
Живет сам-друг с змеей, злодейкою-тоскою.
Мне ж дед мой сказывал: кого любовь
Убила, тот воскреснет вновь,
Как будет поднят дружеской рукою.

Веснов

К нему?

Лидия

Так точно.

Веснов

Не допустит нас.

Лидия

Увидим; выждем легкий час:
Он, знаю, боле всех знакомых любит вас;

К тому же разные петь песенки умею;
Когда-то нравились ему оне...
(Болтают, недурной господь дал голос мне.)
Так, с богом, с вами, может, и успею:
Успел же с богом молодой пастух;
О нем вот пишут, что лукавый дух
Царя смущал, а пастырь юный
Ударил в золотые струны
И гласом сладостным святой псалом запел, —
И дух лукавый отлетел.

Веснов

Готов я; за земной предел
Идти готов я за тобою!

Лидия

Спешишь к страдальцу с дружбою святою,
И уж, сдается мне, страдалец исцелел.

Уходят рука в руку.

ЯВЛЕНИЕ 2

Дом Ижорского в орловском его имении; **Ижорский, Шишимора.**

Шишимора

Опять тоскуешь — ох!

Ижорский

О чем же веселиться?

Шишимора

Ты любишь Лидию, скажи мне, или нет?

Ижорский

Ее — нимало.

Шишимора

Дельный, брат, ответ.
О чем грустишь?

Ижорский

Грустишь? мне должно бы беситься!
Не удалось, не отомстил.

Шишимора

Зато уж желчь на князя ты излил:
Ему досталось на порядках.
Ты часто ли в таких припадках
Бываешь? в бешенстве таком?
С двора убрался он тишком
С племянницей, с графинею жеманной,
Не то бы случай вышел, и престранный:
Пришлось бы отвечать спине отца
За то, что дочь ушла не наша до венца!
Но разве ты обижен ею только
И ненавидишь только что ее?
Ушла — ну, на других ты вымести свое!
Да, правда: добреньких жалеешь!

Ижорский

Я? нисколько;
Без исключенья ненавижу всех, —
Мне, право, кажется, их вопль мне был бы смех.

Шишимора

Похвально. Между тем, что делаешь с досады?
Витийствуешь, поешь йеремиады;
Не хуже, чем покойник Ювенал,
Ругаешь дураков, злодеев наповал;
А дураки, злодеи
Всё продолжают прежние затеи;
Живут — и думают: «Сатира не кинжал,
Не пистолет и не отрава;
Бранится? — пусть! ведь первым нам забава».
Я, dixi, [1] досказал.

Ижорский

Послушайте, вы, господин лукавый!
Я не хочу ничьею быть забавой,
Ни вашей, — верьте мне. Так, не люблю людей
(Любить их нет причины),
Но расставлять оставьте паутины;
Груба уж слишком ткань таких сетей!
Злодейства гнусны мне, я не злодей;

---

[1] Я сказал (лат.). — *Ред.*

Вам слово я скажу: я дорожу собою,
Своим я мненьем дорожу;
Мне люди мерзостны, пред адом не дрожу,
Но не унижусь никогда душою.
И ежели вы, господин Пролаз,
Дерзнете искушать меня еще хоть раз,
Не забывая дружбы нашей,
И я дерзну — и прогоню вас взáшей.

Шишимора

Прогонишь? Наш контракт! ты позабыл его?
Собою дорожишь? не хочешь быть злодеем?
А с позволенья твоего
Еще мы над тобой похохотать посмеем.
Да! что злодей? кого зовешь злодеем ты?
Есть, право, славные черты
И в житии твоем! И вот тебе образчик.
(Я не рассказчик,
Но привожу его,
Приятель, только для того,
Что память у тебя плохая.)
Кто? я ли, зверской яростью пылая,
Хотел невинную девицу соблазнить?
Потом сразить ее ужасным, адским смехом?
Когда бы увенчалось то успехом,
Ты дней ее расторг бы нить,
Или бы душу вверг в холодное затменье,
Навеки в ней задул бы ум...
Но это ничего, не преступленье;
Ты праведник, ты поднял крик и шум
И говоришь: «Не смей вводить нас в искушенье!»
Люблю я, что всегда, во всем
С делами мнение твое согласно:
Кто ненавидит, тот не оскорбит ни в чем
Врагов своих — не так ли? это ясно!
Ты дорожишь собой
И по прекрасной сей причине
Себя терзаешь вечною тоской
И грызть себя даешь убийственной кручине.
А разве зло творить, — когда уж так ты строг, —
И бескорыстно бы не мог,
Без пользы для себя, единственно из рвенья

Ко злу? Тогда — ну, чванься в добрый час!
Тогда бы истинно ты походил на нас
И всякого достоин был почтенья.
Я, например, открыл бы дом
Про всякого, про всех, веселый, молодецкий,
На славу, дом игрецкий:
Здесь банк, тут стосс, там кости, а притом
Вино, балы, театр, музы́ка роговая,
Цыганки, кони, псарня — и лихая,
Ну, словом, всё — Гоморра и Содом!
У нас ли нет на всё и способов и средства?
Вообрази возьми,
Как тут из близкого, из дальнего соседства
Нагрянули бы к нам с сынами, с дочерьми!
Тут сколько бы нашлось приятелей старинных:
Тот батюшку знавал, тот по жене родня,
А тот, не зная, почитал меня;
Сестриц и тетушек откормленных и чинных,
И грязных дядюшек и глупых братцев — полк!
Их стаду был бы рад гостеприимный волк:
Так! обирать бы их я стал до нитки,
Не для себя: на что мне? нет, хоть в печь
Весь выигрыш! но весело их жечь
Огнем медлительной, учтивой, тихой пытки;
А только пикнет кто, а только кто дрогнёт
И не найдет, что мы черезвычайно милы,
Того наш пистолет на разум наведет:
Пускай раздумает там в тишине могилы,
Как больно оскорбил таких, как мы, людей,
Своею щекотливостью известных,
Радушных, благородных, честных!
Про жен их, про сестер, про дочерей
Уж что и поминать! достались бы в придачу.
Чудеснейший проект! чуть с радости не плачу!
Но ты, мой друг, ступай,
Как прежде, самому себе надоедай,
Филиппики, как прежде, расточай;
Ведь знаю же: твое веселье — скука,
Твое блаженство — мука,
Зевота для тебя и счастие и рай!
Но только не мечтай,
Что от других ты в чем-нибудь отличен;

Как все они, ты двуязычен;
Как все, одно толкуешь, говоришь,
А глядь, другое сотворишь!
Такая ж бренная, как все собратья, глыба,
И ты, как все, не мясо и не рыба.

Ижорский

Послушай, демон, прав ты; точно так,
Я точно был дурак,
Что за вины других себя терзал и мучил.
Быть одиноким я соскучил:
Пусть едут, пусть бегут! открыт для всех мой дом.
Увидишь: с небледнеющим челом
И я раскидывать умею сети.
Что стыд? что совесть? что молва?
Нелепые слова!
Боится кто их? кто? никто, ни даже дети!

Уходит; за ним Шишимора.

ЯВЛЕНИЕ 3

Дом помещика Кондрата Максимовича Ковалка. Кондрат Максимович и Фалалей Кузьмич Подлипало.

Ковалок

Что нового, сосед?

Подлипало

Есть кое-что, и вам
За что купил, за то продам.
Ижорский...

Ковалок

Колобродит?

Подлипало

Нет; но он на отца теперь походит:
Такой же стал, как был покойник, хлебосол;
Прогнал с двора печаль, забыл беды́ и горе,
Для всех нас у него театр, охота, стол,
Ну, словом, разливное море.
Вот со́звал третьего дня весь уезд.

И съехались: кресты, да было не без звезд,
Превосходительных с пято́к, князей довольно.
И было всё так благородно, вольно,
Без принужденья, без чинов,
И рад хозяин всем, всех обласкать готов,
А как в игре ему везет! скажу вам: вот
Тупалов, — вышел голый из ворот,
Раздел его Ижорский до рубашки.

Ковалок

Да это не отцовские замашки!

Подлипало

Кондрат Максимыч, — молодежь!
Остепенился ты: не мудрено — седенек;
А, чай, и ты летал туда же, где картеж.
Ведь бьется он, сердечный, не из денег.
Премилый человек! его я полюбил;
И нашим бабам всем он голову вскружил.

Ковалок

И к молодцу своих возить ты станешь на дом?

Подлипало

А почему же нет?

Ковалок

Поздравлю ж вас с нарядом,
С убором головным.

Подлипало

Сули убор иным:
Не опасаюсь.
А за Ханжевских, брат, так не ручаюсь;
Да берегись и Пустяков:
У них уж и дошло с женой до крупных слов.

Входит **Анисим Павлович Вестовщиков.**

Ковалок

Слуга покорный! Кум наш драгоценный!
Прошу присесть.

Вестовщиков

Благодарим за честь.

Ковалок

Нас рассудите, друг почтенный:
Вот Фалалей Кузмич привез мне весть...

Вестовщиков

Признаться, кой-какие есть
И у меня.

Подлипало

Какие?

Ковалок

Кум, какие?

Вестовщиков

Преважные, предорогие:
Вы Машу, Вспышкина меньшую знали дочь?

Ковалок

Знал. Что ж?

Вестовщиков

Бежала нынче в ночь.

Ковалок

Бежала? как?

Вестовщиков

Из переписки
С Ижорским вышло всё: письмо нашел отец;
Что правда — правда, Вспышкин не подлец,
Служивый старый, человек не низкий
И честью дорожит,
А сущий черт, когда сердит:
Пристал к ней, стал произносить проклятья,
Монастырем, побоями стращать,
Некстати тут вмешалась мать,
Вступился дядя, раскричались братья;
Перепугалась девка — и бежать,
И, говорят, к Ижорскому в объятья.

Ковалок

Ну, Фалалей Кузмич, Ижорский твой каков?

Вестовщиков

Вам был знаком поручик Храбряков?

Подлипало

Владимир Карпыч?

Вестовщиков

Он. Зарезался, бедняжка!

Ковалок

Помилуй бог! за что?

Вестовщиков

Его же кучер, Яшка,
Мне обо всем подробно рассказал:
Ижорский ободрал поручика как липку.
Казенную тот сумму проиграл;
Взыскателен и строг их генерал, —
Итак, чтобы поправить ту ошибку,
Несчастный глотку отмахнул себе.

Ковалок

Ну, славный хлебосол, ну, ласковый хозяин!
Сосед, скажу тебе:
Разбойник он!

Подлипало

Злодей!

Ковалок

Губитель!

Вестовщиков

Ванька Каин!

Входит слуга.

Слуга

От Льва Петровича нарочный прискакал.

Ковалок

Не слышу... ась? что, братец, ты сказал?

Слуга

Приехал к вам нарочный из Сладкова.

Ковалок

Нарочный!.. из Сладкова!.. к нам!

Вестовщиков

(Подлипале вполголоса)

Плясать его душа от радости готова!

Ковалок

Да, Фалалей Кузмич, сказать позвольте вам:
Оно немножечко на старину похоже.
Покойник Петр Степанович, — мой боже!
Мы были с ним приятели, друзья:
Нарочных от него и жди, бывало, я
Двух, трех в неделю; что же?
То пригласит на травлю, на обед,
То позовет на именины,
То свадьба дочери, то внучкины крестины.
Брат, честный человек, прекрасный был сосед!
Пивал я у него, да уж какие вины!
Шутник, любил смеяться, вздор молоть...
Дай царствие ему небесное господь!

Вестовщиков

Неужто примете Ижорского лакея?
Вы...

Ковалок

У тебя свербит, Анисим Павлыч, шея:
Помилуй! Губернатору родня!
Еще вот обнесет, пожалуй, и меня!
Нарочный пусть войдет.

Выходит слуга, потом входит нарочный.

Нарочный

Велел спросить вас барин:
Все ль в добром здравии?

Ковалок

(кланяясь)

Обязан, благодарен!

Нарочный

И приказал донесть,
Чтобы изволили с ним запросто откушать.

Ковалок

Считаю за особенную честь.

Уходит нарочный.

Нельзя же отказать, нельзя же не послушать:
Богатый, знатный человек, —
Тронь — не развяжешься и ввек!
Анисим Павлыч, ваш слуга всегдашний...
Сегодня ж!.. Фалалей Кузмич у нас домашний
И не рассердится: итак,
Отправлюсь, наряжусь, надену новый фрак.
Прошу вас, извините!

(Уходит.)

Вестовщиков

Вы, Фалалей Кузмич, куда же вы спешите?

Подлипало

Заеду, брат, домой:
В Сладково, чай, и мы приглашены с женой.

(Уходит.)

Вестовщиков

(один)

Вот люди — за обед, за приглашенье
Готовы всё продать, и вечное спасенье!
Да Лев Петрович ожидает нас:
Пора...

(Смотрит на часы.)

Так точно, вот уж первый час!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Дом Ижорского; Ижорский и Честнов.

Ижорский

С ноги ты на ногу переступаешь,
Сморкаешься, и кашлешь, и вздыхаешь...
Ну кончишь ли? — тоска!
Давно ли стал без языка?
Такие лица, знаешь, —
Мне невтерпеж.

Честнов

Что ж делать? в добрый час!
Не умереть мне в вашем доме, видно,
А я, — пусть было больно и обидно, —
Еще не то переносил от вас,
Как были вы больны.

Ижорский

Да брось же пустословье!
Ты видишь: я здоров.

Честнов

Продли вам бог здоровье
И наведи на истинный вас путь!
А мне позвольте отдохнуть;
Пожалуйте мне, старику, отставку.

Ижорский

То есть: прибавку?
Не так ли?

Честнов

Нет. В последний раз, прошу,
Вы выслушать меня извольте, Лев Петрович,
Вам слово про себя скажу:
Не мещанин я, не попович,
Природный русский дворянин,
И кровью я купил мой малый чин.
Наш добрый генерал, ваш батюшка покойный
(Будь мир его костям! вельможа был достойный) —
Мой благодетель: я служил в его полку
Еще при матушке Екатерине.

Вот, Лев Петрович, по какой причине
Он предложил мне, старику,
Когда уж продолжать я не был в силах службы,
Местечко, хлеб и кров,
И принял их Честнов
От щедрости его, великодушья, дружбы, —
Но, — вот господь свидетель! — их
Не принял бы ни от кого других.
При мне вы родились; росли в глазах моих,
И часто вас качал я на коленях...

(Утирает слезы.)

Ижорский

Браво!
И слезы! продолжай: надоедать мне право
Ты приобрел. Но не обманешь, нет!
Нет, не совсем я глуп; мне не шестнадцать лет.

Честнов

Сын друга моего, и это твой ответ?
Не мучь меня, взгляни: бел, будто снег, мой волос!

(Помолчав)

В последний раз вы слышите мой голос,
Суда́рь: вперед уж вам не стану докучать!
В последний раз мне дайте досказать.
Всё выскажу — а! сладко вспоминать!
Мы вами, мальчиком прекрасным, любовались:
Какие пылкие в вас чувства разгорались!
Какой живой и чистый жар,
Какое рвение к делам всем благородным!
И вас увидеть мужем превосходным
Надеялися мы... вдруг умер ваш отец:
Господь ему послал конец,
Чтобы избавить от печали;
Тут для меня дни горькие настали;
Я на земле остался сиротой.
Вас повезли в столицу:
Мое последнее веселие с собой
Вы взяли. В службу вы вступили; за границу
Отправились — и наконец
К нам возвратились... мой творец!
Зачем до вашего я дожил возвращенья?

Следы ужасного являя разрушенья
На яростном челе, в потухнувших очах,
Во всех обезображенных чертах,
Так вы предстали мне; взглянули на Честнова,
Я к вам бросаюсь, — вы ни слова —
И заперлись. И стал мне страшен дом,
И мне мечталось: здесь витают духи злые.
Утер я слезы кулаком,
Но вспомнил дни былые
И вас, больных, покинуть не хотел,
И вот, казалось, день наш просветлел:
Здоровы стали вы; за тот пожар молебен
Я отслужил,
В который бог вас укрепил
Спасти княжну. Теперь... не нужен, не потребен
Я вам; в таком быту, каков
Ваш новый быт, не может жить Честнов.

Ижорский

Старик, как хочешь: я тебя не принуждаю;
Держать — я не держу, и гнать — не выгоняю:
Остаться можешь, можешь и пойти, —
Сам вижу, наши разошлись пути...
Что делаю, за то пред богом отвечаю,
И тяжко, может быть, то для моей души;
Но мне не нужны наставленья
И слышать твоего я не желаю мненья.
Итак, как хочешь... Но ко мне пиши.
Тебя я не забуду.

Честнов

В слезах, в посте, рыдая и стеня,
За вас молиться буду;
Ах! если бы услышал бог меня.

Ижорский

(вынимая бумажник)

Вчера я выиграл: возьми вот — на дорогу...

Честнов

Я грешный человек (и кто же без грехов?) —
Так, деньги я люблю, и в том я каюсь богу;
Но *этих* денег не возьмет Честнов.

Ижорский

На это важные причины, без сомненья?

Честнов

Их знать хотите вы?

Ижорский кивает головой.

Прошу же извиненья:
Я этих денег не возьму...

Ижорский

...Ну... не возьмешь... а почему?

Честнов

Не будет божия на них благословенья.

Ижорский

Не будет?..

Честнов

Да, на них
И плач и клятвы бедных жертв твоих.

Ижорский

Ты забываешься... какая дерзость!

Честнов

Не деньги нужны мне, нет, мне нужна любовь!
Мне ваши деньги в мерзость:
На ваших деньгах Храбрякова кровь.

(Поспешно уходит.)

Ижорский

(один)

Кровь, Храбрякова кровь! Ее недоставало!

Задумывается; входит Шишимора и останавливается в отдалении.

Как я собой владею мало!
Прав демон: бренен я и слаб,
И я, как все, слепых предрассуждений раб.
И что ж тут? Бытия единого не стало
В бездонном токе жизней и смертей,

В сем море неисчисленных зыбей
Единой капли нет... и оттого мне жало,
Такое жало в сердце *мне* запало?
Тебя я вырву, адская стрела!
Беда большая! жизнь одна прошла!
И жизнь какая?
Безумца жизнь, ничтожная, пустая,
Как бледный пустоцвет...

(Опять задумывается.)

Шишимора

(вполголоса)

Его терзают угрызенья,
Сосет, грызет его бессмертная змея:
Безмолвно наслажуся я
Бесов достойным зрелищем мученья.
И повлеку его потом на преступленья,
Как глупого тельца на бойню под обух, —
На подвиги, от коих взор и слух,
Содрогшись, помертвеют:
Пред ними прежние, как тени, побледнеют,
Неискупимы будут и весь ад
Вольют в его раздавленную душу;
И перережу всякий путь назад
И клятву вечную на падшего обрушу!

(Выступает вперед.)

Грядущей смерти внемлю я шагам:
Сюда, сюда, к сим близится стенам!
И жертва новая уже готова,
Увенчана — и нож уже остер,
И вскоре, вскоре загорит костер!

(Громко)

Письмо к вам от какого-то Веснова.

Ижорский

Подай.

(Читает письмо.)

В выздоровлении моем
Приемлет непритворное участье...
Он здесь в имении своем...

«Для молодого человека счастье
Знакомство с вами». Моему уму
Дивится, знаньям... Просит позволенья
Ко мне приехать...

Шишимора

И ему
Позволишь, без сомненья?

Ижорский

Зверь ненасытный, и его
Пожрать ты хочешь?

Шишимора

Я? кого?
Помилуй! мне какое дело? что ты?
С людьми же у тебя, не у меня расчеты:
Не сделали мне люди ничего.

Ижорский

С тобою спорить нет охоты:
Ты знаешь силу перстня моего?
Он дорог мне. Напрасно брови
Насмешливо сближаешь: крови
Веснова, вот тебе рука моя,
Ты не напьешься: да! спасу Веснова я.
И глупый ли, смешной ли,
Какой бы ни был я, мне всё равно;
Отказ на просьбу, — решено:
Он не погибнет!

(Уходит.)

Шишимора
(уходя за ним)

Ой ли?

ЯВЛЕНИЕ 5

Открытое место в лесу близ большой дороги. Глубокая осень.

Шишимора

Где ты, заяц? заяц, где ты?
Что нейдешь ты, трус косой?

Заяц

Дуб, береза, вяз раздеты
Лиходейкою-зимой:
Сад и поле стали пусты,
Льдом покрылася река,
Позабыт кочан капусты
В огороде мужика.
Тот кочан и бел и сладок;
Зайчик на капусту падок:
По просторным по лугам,
По веселым по холмам,
Вдоль забора, по оврагу
Трус поднялся в огород.
Да! и зайцу даст отвагу
Холод, голод и нужда.
Звал ты: трус бежит сюда,
Прибежал и ждет, что скажешь?
Ждет, что заюшке прикажешь?

Шишимора

С горки прыг, на горку скок,
В лес беги ты на восток:
Раздается рог ловецкий,
Псы подняли лай и вой;
Мчится всадник молодецкий,
Ворон конь его лихой...
Ты яви свою отвагу:
Перережь дорогу псам;
По просторным по лугам,
По веселым по холмам,
Вдоль забора, по оврагу
Примани ловца сюда.
Нет, не трусь, русак проворный:
Не тебе грозит беда, —
Шею сломит он, задорный.

Заяц

Как? не верю я ушам:
Мне явить свою отвагу?
Мне манить сюда ватагу
Злых собак, ловцов лихих?
Пуще смерти трушу их.

Шишимора

Ну, пошел же! или духу
Я придам тебе, косой!

Заяц

Тотчас, благодетель мой!
Но утешь мою старуху,
Коли зло случится мне;
Ох! недаром и во сне
Был я позван к людям в гости:
«Велика, — я думал, — честь!»
Уж сегодня не унесть
Вас мне, бедненькие кости!

(Убегает заяц.)

Шишимора
(один)

Так, оправдается примета стариков:
«Беда, когда русак перебежит дорогу!»
Наедешь на нежданную тревогу,
Ижорский; бойся русаков!
И выручит тебя Веснов,
И будет предан неминучей доле,
И в дом его ты примешь поневоле.
Но слышу голоса воров:
Подобно вою стаи гладной
Неистовых волков,
Несется песня шайки кровожадной.

Скрывается. Является атаман с тремя разбойниками.

Разбойники
(поют)

Не батюшка напутствовал,
Снабжала же не матушка
Удалых нас, молодчиков,
В дорогу ту, дороженьку,
В дремучий бор, в ночь темную.
Напутствовал царев кабак,
Снабжала же головушка,
Головушка разгульная,
Разгульная да буйная;

И нам дала подарочки:
А первый был подарочек
Товарищ наш, булатный нож;
Второй-то был подарочек
Кистень с ремнем, товарищ тож;
Ружье, ружье немецкое
Был третий нам подарочек!

Атаман

Пожалуй, вы пеньём накликнете врага:
Молчать! Мне слышатся рога.
Приляг на землю, Костя:
Не к нам ли черт несет какого гостя?
Что?

1-й разбойник
(прилег к земле)
Конский топот.

Атаман

Близко?

1-й разбойник

Да.

Атаман

Взберись на елку, Фомка-борода.

2-й разбойник взбирается на дерево.

Не видишь ли чего?

2-й разбойник

Мне видится охотник.

Атаман

Один?

2-й разбойник

Один.

Атаман

Здесь стой, Андрюшка-плотник,
Ты, Костя, здесь, а мы с Фомой,
Мы станем вот за этою сосной.

3-й разбойник

По нас ли, полно, драка?
Эй, не попасть бы нам в беду, Космач!

Атаман

Один! — Ты слышишь ли, измоченный калач?
Чего ж боишься?

1-й разбойник

Чу! залаяла собака.

2-й разбойник

Бежит русак.

Атаман

К ружью! дружнее! стой!

Является Ижорский верхом; его окружают; несколько выстрелов.

Ижорский

(кричит)

Злодеи! режут!

Атаман

Точно так.

Ижорский

Разбой!

Еще несколько выстрелов; Ижорский падает с лошади. Вдруг прибегают Веснов и Лидия, одетая казачком. Веснов убивает атамана; разбойники разбегаются. Лидия между тем бросилась к Ижорскому и поддерживает ему голову. Занавесь опускается.

ДЕЙСТВИЕ III

Кикимора

(по поднятии занавеса)

Вы мне скажите, вы, чувствительные дамы,
Охотницы до страхов и чудес,
Что может быть милее нашей драмы?
В ней всё, чего ни спросишь: темный лес,

Безумье, и любовь, и нежности, и бес,
И наконец, о радость! и разбойник.
Мы подождем: быть может, и покойник
Еще появится, какой-нибудь Вампир,
Таинственный, ужасный, бледнолицый:
Вот тут-то будет пир!
Вот тут-то все заохают девицы!
Вы поняли, любезные друзья
(По крайней мере так надеюсь я),
Что в глушь, где приняли в кровавые объятья
Ижорского Космач и братья,
С большой дороги близко; а Веснов,
Скакавший по делам на тройке рысаков
В Орел, услышал выстрелы воров:
Он оттого-то так явился кстати
И спас Ижорского. Ижорский ранен, — вот,
Исполнены любви, старанья и забот,
Веснов и Ваня от его кровати
Не смеют отойти. Но вскоре, здрав и бодр,
Покинул Лев Петрович одр,
И вскоре снова
Веселье дикое в стенах Сладкова:
Вино и карты, песни, крик и шум;
Он вновь средь жертв своих приветлив и угрюм,
И шепчет, кажется: «Всем гибель вам готова!»
Тогда смутилася душа Веснова;
Тогда тяжелой тучей облекло
Его унылое чело;
Он не сказал Ижорскому ни слова,
Но часто на него подъятый долгий взор
Могущий выражал укор.
А каковы подчас бывают стрелы взора
И как их трудно перенесть,
Из следующего на сцене разговора
Вы можете расчесть.

Занавес поднимается; Кикимора уходит.

ЯВЛЕНИЕ 1

Кабинет Ижорского в Сладкове; Ижорский и Шишимора.

Ижорский

Он осуждать меня дерзает:
Его молчанье хуже, чем слова.
Какие ж надо мной даны ему права?
Что этот мальчик воображает?
Спас жизнь мне! — Но, во-первых, я
Не знаю, стоит ли того и жизнь моя,
Чтоб ею дорожить; а во-вторых, и всякий
Не трус, из самолюбья одного,
На месте Дон-Кишота моего
Не отказался бы от драки.
За что же тут благодарить?
Какое сделал он неслыханное дело?
И дерзости его мне почему сносить?
Я докажу свое мальчишке превосходство!

Шишимора

(смотревший на Ижорского исподлобья, как будто пораженный нечаянною мыслию)

Какое сходство!

Ижорский

Чье? с кем?

Шишимора

С княжной.

Ижорский

Да, на княжну похож
Ванюша, казачок Веснова. — Дале что ж?

Шишимора

Ты мыслями себя пустыми не тревожь,
Но сходство велико. К тому ж, такая нежность,
Почтительность у барина к нему!
А у него какая-то небрежность,
Когда что господину своему
Подаст, когда поднимет что? .. и даже:
Раз в разговоре казачок
Карманный уронил платок;
Веснов хотел поднять; я был на страже,

Вошел — и, будто пойманные в краже,
Слуга и барин вздрогли.

Ижорский

Точно так!
Но мы исследуем, узнаем, что и как...
И, если я обманут, —
Надеюсь, уж вперед обманывать не станут!

(Смотрит в окно.)

Смотри: какой же ряд саней
К нам валит! как на сахар мухи,
Ко мне летят они: клянусь, должны быть глухи
И слепы все, без глаз и без ушей!

Шишимора

Пусть их! — иди, встречай любезнейших гостей.

Уходят оба.

ЯВЛЕНИЕ 2

Другая комната в Сладкове; Веснов и Лидия.

Веснов

Нет, Ваня, нет! с меня довольно:
Здесь доле не останусь я.

Лидия

Ах, понимаю вас, и мне смотреть так больно.

Веснов

Растерзана душа моя:
Как! он ли, кто умом и пламенным и смелым,
Избытком чувств, избытком сил
Меня потряс, мне душу поразил?
Его ль своим летам незрелым
Избрал я в образец?
Я на него ль взирал, исполнен удивленья,
И думал: «Наконец
Тебя нашел я, доблестный боец,
Исшедший с честью из сраженья
С огромной ратницей-судьбой!»

Воскресли для меня в его лице те мужи,
Прелестной греческой священной старины
Могущие и дивные сыны,
На коих среди битв и рока и оружий
Взирали юноши и вместе с жизнью кровь
За их высокую любовь
Из ста смертельных ран с улыбкой изливали.
Отныне ж для меня великих имена —
Пустые буквы лишь на суетной скрижали:
Очнулся я от сладостного сна;
Пал идол мой и все, с ним все кумиры пали!
Когда еще, как радостный маяк,
Он освещал моей грядущей жизни мрак, —
Блажен его любовью,
Своею лучшей и чистейшей кровью
Я за его любовь бы заплатил:
Безумец, за него, и дерзостный и гордый,
Я мир неизмеримых сил
Предполагал в неколебимо твердой
Его душе, достойной всяких жертв. . .
Вдруг ослеплен затменьем дикой страсти,
Он для меня, он для всего стал мертв.
Но даже и тогда всё оной темной власти
Хотел я приписать, которая мужей,
Над чернью вознесенных,
Колеблет во сто крат сильней,
Чем стадо смирное обыкновенных,
К порывам пламенным не созданных людей.
Теперь же — высказать устам моим не в силу —
Теперь же всех надежд, всех снов моих могилу
Я вижу: горе мне! — мой полубог злодей!

Лидия

Нет, не его вини в ужасном превращеньи,
Одну меня; так, я всему виной!
Ко мне он бросился с пылающей душой,
А я, холодная! он был осмеян мной!
И вот враждует всем в злосчастном заблужденьи
За преступление одной.
Но докажи ему, что дружба есть святая,
Что бескорыстная любовь
Не призрак, не мечта — и узришь: будет вновь,

Чем был он для тебя; и, землю освещая,
Вы вместе, две прекрасные звезды,
Взойдете выше горя и беды,
Вознесетесь выше всех искусов и прельщений,
И человечества восторга полный гений
В нем Кастора и Поллукса в тебе
Благословит. Тогда — так! вашей я судьбе
Возрадуюсь тогда и примирюсь с собою:
Быть может, свой обман тогда прощу себе.

Веснов

О Лидия! что ты творишь со мною?
Как надо мною ты, волшебница, сильна!

Входят Ижорский и Шишимора и останавливаются в дверях, не замечаемые Весновым и Лидиею.

У ног твоих клянусь:

(бросается на колени)

тебе посвящена
Отныне жизнь моя; твоим орудьем буду:
Тебе последую во всем, повсюду. . .

Ижорский

(выступая вперед)

Наш Грандисон каков!
Что это значит, господин Веснов?
Что это, госпожа Веснова, —
Или как вас прикажете назвать?

Веснов

(вскочив)

Ижорский, вас прошу — ни слова!

Ижорский

Не вы ль меня заставите молчать?
Уж это чересчур забавно!
И на сей раз
Ослушаться осмелюсь вас. . .
Да! жизнь свою ты начинаешь славно,
Ты, на груди моей согретая змея!
Но к сердцу своему тебя приблизил я,

А ты — ведь человек, и было б очень чудно,
Когда бы на досуге, в тишине
Ты не придумал, как расторгнуть сердце мне!

Веснов

Пред вами оправдаться мне не трудно.

Ижорский

О, верю! что же трудно для тебя?
Ты мальчик хоть куда красноречивый;
Но не оправдывай себя:
Не так ли? я Dandin рогатый и счастливый!
За вкус свой похвалить позвольте вас, княжна,
За состраданье к малолетным; впрочем,
Над вашей хитростью немного похохочем:
Уж слишком романтически она
Придумана, уж слишком мудрена!
Ее и в глупой не допустят сказке.
Бежать от жениха к любовнику — и в маске,
В чехмене казачка. . . положим, но опять
Явиться для чего, и это как понять?

Веснов

Ижорский, на меня вы желчь свою излейте:
От вас я всё решился перенесть.
Но если дорога вам честь,
Княжну вы оскорблять не смейте!

Ижорский

Мне, мне грозишь, обманщик подлый, ты?
Нет, ярости своей не удержу я доле!
Рука ли у меня отпала? я ль в неволе?
Или, объятый мраком слепоты,
Я к сердцу твоему не обрету дороги?
Знай: льва ты уязвил среди его берлоги:
Умри!

(Бросается с кинжалом на Веснова.)

Лидия

Веснов! Ижорский!

(Хочет защитить собою Веснова.)

Шишимора
(удерживает ее)

Стой!
Судьбы не отвратишь: година роковая!

Ижорский закалывает Веснова.

Веснов

Всё кончено: я расстаюсь с тобой!
Сказать могу же ныне, умирая:
Тебя любил я чистою душой.
Ты от меня желала тяжкой жертвы.
Но жертву я принес: таил свою любовь.
Служил твоей любви к другому... Стынет кровь;
Темно... вас примирю ль по крайней мере мертвый?
Ижорский, да! тебя я предпочел себе;
Хотел, — но не угодно то судьбе...
Язык отяжелел; какая тьма густая!
Спасайся...

(Умирает.)

Лидия лишается чувств.

Ижорский

Что сказал он, демон? издыхая,
Он что сказал? «Тебя я предпочел себе»?
Что это? что?

Шишимора

Вот время ты нашел
Расспрашивать! не торопись: узнаешь!
Но буде ты теперь попасться не желаешь,
Хорош его последний был совет:
Людей еще покуда нет,
Спасайся! — Ведал я, что будет твой припадок
Не слаб, и вот к крыльцу велел подвесть лошадок
На всякий случай... Что стойшь ты? смотришь что?
Да, точно так! ее возьмем с собою:
Не скоро вас увидит кто,
Обоих вас плащом своим прикрою.

(Выносит Лидию и насильно выводит Ижорского.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Степь. Ижорский, Шишимора, Лидия спит.

Ижорский

Моим беспамятством воспользовался ты:
Ее с собою взял; на что нам это бремя?

Шишимора

Вы, люди, странное, смешное, право, племя:
Что час — меняете желанья и мечты.
Ушла — и ты бесился; ныне
Одна, в твоих руках, без помощи, в пустыне, —
Я думал, ты меня похвалишь, скажешь: хват!
Не тут-то было, нет! всё я же виноват.

Ижорский

Злой дух, довольно преступлений:
Их новыми умножить не хочу.

Шишимора

Ты только лезешь на ступень с ступени,
Но вот взберись совсем на каланчу —
Увидишь сам...

Ижорский

Ужасный искуситель!
Чего еще желаешь? я губитель,
Убийца подлый я:
Не в поединке, в битве равной,
Противника сразила месть моя, —
Нет, в безоружного вонзил я нож бесславный!

Шишимора

Ха! ха! ха! ха! ты шут забавный!
Тебе прискорбно то,
Что ты не в силу ваших правил,
«Как убивать людей», убил Веснова, что
Тебя я от хлопот избавил,
«Зачем при этом не был де никто
Из забияк задорных,
Отставленных за буйство, в фраках черных,

В усах, в венгерках, длинных, словно шест,
Сухих?..» Но описанье надоест;
И сами скуку и тоску наводят;
Их знаешь: в шулерах друзей себе находят;
Чтобы попить, поесть,
Так называемая *честь*
Для них единственное средство;
Два пистолета герб их и наследство;
Двух молодых глупцов их дело свесть,
Заряд поверить,
Шаги отмерить
И выстрела дождаться; а потом
Подробно, с расстановкой, за столом
Рассказывать, как всё происходило,
Как благородно, мило,
И следуя всем правилам, дурак
Другого дурака отправил в вечный мрак.
Благодарить меня ты должен бы, чудак,
Что ты извел врага без дальных объяснений,
Без этих скучных всех приготовлений,
Переговоров, писем, посещений
Вышереченных забияк,
Которые тебе враньем бы надоели,
Тебя бы волокли к тому же, к той же цели,
Да только целые недели!

Ижорский

Что с нею делать мне? — Так, я неколебим;
Так, знаю: все они повапленные гробы,
Все преисполнены предательства и злобы,
И никогда ни в чем уж не поверю им...
Но, признаюсь, пустые уверенья,
Что из любви ко мне, для моего спасенья
Переоделась, что Веснов,
Собою жертвуя, ей помогал, не боле...
(Такие басни для одних глупцов...)
Но, признаюсь, меня смущают поневоле;
А чаще бесят, — лоб у ней каков?
Чтоб я вдался в обман, надежды не теряет!
Я? сумасшедшим ли она меня считает?
К тому же эти слезы. — Сверх того
И для побега моего

Она тяжелая помеха. . .
Чему смеешься ты? мне, право! не до смеха.

Шишимора

Как не смеяться тут? ты чудный человек:
А разве мало рек,
В которые ее ты мог давным-давно бы? . .
Ты ж знаешь: «Все они повапленные гробы,
Все преисполнены предательства и злобы», —
Так что же и жалеть? Или, когда в тебе
Уж нет довольно мужества и силы,
Чтоб самому раскрыть ей дверь могилы,
Так предоставь ее судьбе,
Брось Ариадну здесь — и будешь ты Фезеем!

Ижорский

Мне ль совершенным быть злодеем?

Шишимора

Быть совершенным, брат, довольно мудрено,
И потому-то, знай, оно
Всегда, во всем почтения достойно.

Ижорский
(глядя на Лидию)

Как спит она и сладко и спокойно!

Шишимора

Тем лучше для нее и даже и для нас!
Пока еще не отворила глаз,
Пойдем, прими совет полезный,
Пойдем — и разом с плеч долой.

Ижорский медлит.

А то, тебе сказать я должен, друг любезный,
Ты молодец с горячей головой;
Мне не предвидеть всякого мгновенья:
Еще, быть может, собственной рукой. . .
Оно б и ничего: но скучны поученья,
Упреки скучны мне, которым всякий раз
Внимаю вследствие твоих проказ,
Так лучше удались от преткновенья;

Мне дорог до того покой,
Что даже я забыл бесов обыкновенья:
Тебя не искушаю, мой герой, —
Напротив, предваряю преступленья.

Ижорский поспешно уходит.

Идет, бежит... постой!
Подействовало! — нужно ж было,
Их было разлучить пора;
Она опасна нам: уж начал он уныло
Смотреть, вздыхать.— Нет! тут не вышло бы добра.
И эти самые всегдашние нападки
На человечество, на мир и на нее...
Да! подтверждают мнение мое,
Что правила его уж очень стали шатки,
Что голос сердца криком заглушить
Едва уж может он... пора его сгубить!
Тебя я, безнадежность, призываю,
Отчаянье, тебя зову!
Тебе его, как жертву, посвящаю:
Созрел — и богоборную главу
Пусть сокрушит в неистовстве о камень!
Схвати безумца, смерть души! схвати
Преступника железными когтьми
И сринь его в неугасимый пламень!

(Уходит.)

Солнце садится; при последних его лучах начинается тихая торжественная музыка; является Т и т а н и я и становится в головах Лидии.

Т и т а н и я

Пронеслися испытанья;
Стану и расширю длань я,
И страдалицу младую
Сном чудесным, мирным сном
Непробудным очарую.

(Ведет рукой)

Розы, вспыхните кругом!

Кусты роз распускаются вокруг Лидии.

Вы, древа, к ее защите
Ветви темные прострите!

Дерева поднимаются из-под земли и осеняют Лидию.

Ты запой в ночи ветвей,
Сладкогласный соловей!

Слышно пенье соловья.

Мимо прожурчи, ручей!

Является ручей.

Пусть твой тихий, тихий шепот,
Заглушая стон и ропот,
Унесет с собою вдаль
Девы слезы и печаль!

Темнеет; музыка.

Пир готов благоуханий,
Звуков пир и пир мечтаний:
Да почиет, возлетая,
В вечном сне в жилище рая,
Да почиет здесь, доколе
Ангел не слетит оттоле!
Ангел тот путеводитель
Вознесет ее в обитель,
Где без примеси блаженство,
Вечный свет и совершенство!

Стало совсем темно; Титания пропадает в мраке; музыка продолжается все тише и тише; восходит луна и озаряет спящую Лидию.

ЯВЛЕНИЕ 4

Взморье, утесы; полночь. Бука на свиснувшей над водой скале.

Бука

Расширь сотка́нные из молний крила,
Одень в пожары темную лазурь,
Дохни, задуй полночные светила,
Взволнуй пучину неба, демон бурь!

Демон воздуха
(в высоте)

Разыграюсь под шатром
Беспредельного эфира;
Вихрем гряну, брошу гром, —
Вздрогнут основанья мира.

Начинается гроза и буря.

Бука

Реви, реви, властитель вод шумящих,
Против твердыни черных, диких скал
На приступ устремляй за валом вал!
В унылом гуле гласов их стенящих
Пусть слышится последний, смертный стон,
Пусть в искрах моря взгляд последний блещет,
И пусть убийца узрит и встрепещет,
И с ужаса пусть обезумит он!

Демон моря

(вздымаясь из волн)

На приступ, на приступ! бегите, валы;
Главы воздымайте огромные, белые;
Дружнее, вперед, мои ратники смелые!
Подройте подножье кремнистой скалы.

Начинается волнение.

Бука

О царь подземной тьмы! и ты внемли:
Схвати, подвинь столпы безмолвной бездны;
Пусть с треском лопнет скорлупа земли,
Пусть в мрак могильный свет проникнет звездный,
И пусть суда проникнет грозный свет
С ним вместе в мрак дрожащего злодея,
Пусть он воскликнет: «Мне спасенья нет!» —
И в бездну прянет, цепенея.

Демон земли

(высовывая огромную голову из пропасти)

С роковых твоих слов
Среди тьмы я проснулся;
И едва я коснулся
Адамантных столпов,
Весь мой дом пошатнулся;
И ногой едва топнул,
Рухлый хрящ земли лопнул.

(Погружается.)

Земля трясется.

Бука

(смотрит вдаль)

Он! он идет, самим собой гонимый,
И черный ангел с ним; и в чашу ад
Уж налил свой огонь неугасимый:
Его нам предал рок неумолимый;
Испьет преступник неисцельный яд.

Исчезает Бука; на противоположный утес выходят Ижорский и Шишимора.

Ижорский

Природа в судоржном припадке:
По черной тверди мчится гром;
Кивнул седой утес челом;
Земля трясется в лихорадке.
Но жажду слышать треск и шум:
Пусть шум и треск и завыванья
Поглотят чувств моих и дум
Неукротимые взыванья!
Нет! не вопий, Веснова кровь!
Нет! не воздвигнется мой волос:
Напрасно к небу вновь и вновь
Возносишь мстительный свой голос.
Меня ль лишишь ума и сил?
Тебя ль услышит бог-каратель?
Я сердце черное пронзил;
Да! — мерзостный погиб предатель.
Была ужасна жизнь моя:
Сначала жертва, — тут губитель...
Но пусть! — Не содрогаюсь: я
Был правой казни совершитель.
Так смолкни ж, лютая тоска!
Молчи, затихни, — заклинаю!
Или не слышишь, что вещаю?
Изменнику моя рука,
Злодею должное воздала,
Врагу воздал я мздой кинжала!
Засните ж, спите! но — увы! —
Вы не умолкнете вовеки,
Вовеки не умрете вы,
Безумной совести упреки!
Не я ль покинул и *ее*

В бесплодной, горестной пустыне?
Быть может, уж погибла ныне,
Скончала в муках бытие;
И члены сладостного тела —
Вотще щедрота неба их
В красу роскошную одела —
Истлеют средь песков сухих.
Или же будет им гробница
Зовущая своих детей
Голодным воем из степей
На брашно страшное волчица!
Прочь, прочь, призра́ки! прочь, позор,
Раздравший сердце, тьмящий душу!
Прочь! — Суетные сны разрушу, —
Их свеет мой отважный взор.
Ты свет зажги мне в тьме сомнений,
Ты днесь мне истину скажи,
Ты, мрачный раб мой, демон лжи,
Ты, древний хульник, черный гений!
Тебе я силою кольца
И властью, взятой над тобою,
И страшным именем творца
Повелеваю: предо мною
Мои все тайны обнажи;
Мне ныне истину скажи:
Я грозный ли, но правый мститель?
Или неистовый губитель?
Вещай, поведай, демон лжи!

Шишимора

Глаголом той трубы стенящей,
Которая в конце веков
Воздвигнет трупы из гробов,
Глаголом казни вечно мстящей
Вещать тебе подъемлюсь я:
Ничтожный смертный, торжествую!
Так, молвлю правду роковую —
И вмиг умрет душа твоя;
Заклятием твоим плененный,
Я, благости лютейший враг,
Я молвлю: «Он, тобой сраженный,
Он верен был, и чист, и благ!»

Кругом его души ходил я,
Высматривал, как жадный зверь,
Но — ярости моей поверь —
В душе его не находил я,
Не находил, за что бы мог
Схватить его, потрясть и сдвинуть
И в бездну за тобою сринуть.
Разрушил дивный ты чертог,
Ты храм сломил, злодей кровавый,
Где дух жил, созданный для славы,
Для утешения земли.
Терзайся, рвися и внемли:
Как некогда Алкид могущий,
Младенец, змея задушил,
Так точно он, Алкид грядущий,
Исполнен благородных сил,
Свое же сердце победил;
Души желанье, страсть живую,
Расцветших, первых чувств восторг
Он, раздирая грудь младую,
Для друга, для тебя исторг;
Тебя, слепец великодушный,
Приносом счастья своего
Спасти хотел; но ты, послушный
Злоречью сердца твоего,
Ты, алчный тигр, пожрал его.
Клянусь твоею слепотою,
Клянусь бездонной, вечной тьмою,
Грядущим жребием твоим,
Клянусь презрением моим
И яростной к тебе враждою,
Клянусь, клянусь, клянуся *им*,
Кого назвать я не дерзаю,
Клянуся: истину вещаю.

Терзайся, рвися и внемли!
Людей безумны, слепы чувства,
Смешны восторги чад земли;
Но без притворства, без искусства,
Забыв и мир весь и себя,
Любила Лидия тебя.

А ты — свирепый огнь Эрева
Твоя бунтующая кровь;
Нет! ты не веруешь в любовь;
Ты сын проклятия и гнева:
Смрад из души твоей возник,
Из гроба чувств твоих гниющих, —
И мглой зловоний, смерть несущих,
Прекрасный осквернился лик.
Ее, безжалостный и хладный,
Ты растерзал, как волк не гладный,
Но жаждущий убийств одних,
И бросил средь степей глухих.
Клянусь твоею слепотою,
Клянусь бездонной, вечной тьмою,
Грядущим жребием твоим,
Клянусь презрением моим
И яростной к тебе враждою,
Клянусь, клянусь, клянуся *им*,
Кого назвать я не дерзаю,
Клянуся: истину вещаю!

Терзайся, рвися и внемли!
Ты призван был в светило миру,
Был создан солью быть земли,
Но сам раздрал свою порфиру,
С главы венец свой сóрвал сам,
Державу сокрушил златую
И бросил часть свою святую
На оскверненье, в яству псам.
Ты волю буйным дал мечтам,
Межу ты сдвигнул роковую
И так в строптивом сердце рек:
«Да будет богом человек!»
Но человека человеком
Везде, всегда ты обретал;
Тогда неистовым упреком
На сына праха ты восстал
И бесом смертного назвал.
Но я твоею слепотою,
Но я бездонной, вечной тьмою,
Грядущим жребием твоим,
Но я презрением моим

И вечною к тебе враждою
Клянусь, но я клянуся *им*,
Кого назвать я не дерзаю,
Тебе клянуся и вещаю:
Не беспорочный сын небес,
Могущий, чистый, совершенный,
Не сын же бездны — нет! не бес,
Земного мира гость мгновенный,
И се — неисцелимый яд
В твою раздавленную душу
Волью — и с хохотом обрушу,
Безумец, на тебя весь ад!
Ты червь презренный, подлый гад,
Своею дерзостью надменной
Ты стал в посмешище бесóв
И в мерзость области священной
Блаженных, радостных духов!

После третьего *«терзайся, рвися и внемли»* Шишимора начинает превращаться в огромное, ужасное чудовище; при последнем стихе он возрос до того, что головой заслонил выглянувшую между тем из-за туч луну, а голос заглушил громы. Ижорский без чувств падает под скалу, являются Бука и Кикимора, также росту исполинского.

Кикимора
(смотрит вниз)

Лежит без жизни под скалою, —
Он жизнь в отчаяньи скончал,
Клеврет, смиряюсь пред тобою,
Я пред тобою слаб и мал.

Бука

Так, он без жизни под скалою, —
Доволен, демон, я тобою;
Ты, спутав сетию греха,
Сгубил безумца.

Шишимора

Ха! ха! ха!

Гул повторяет хохот бесов; громы гремят; вдруг необычайный блеск, перун падает перед бесами и им предстоит добрый дух.

Добрый дух

Ты торжествуешь, племя ада;
Но бог преложит смех твой в стон:
Не любит так родитель чада,
Как человека любит он.
Святой руки своей созданье
Вам даст ли он на поруганье?
Он? он и червя слышит глас,
Судьбину и былинки мерит;
Кто ж смеет молвить, кто ж поверит,
Чтоб сотворил благий для вас
Того, кому моря и сушу,
Огонь и воздух покорил,
Того, в кого живую душу —
Свое подобие вложил?

Кикимора

Не веришь? пусть! нужды нам мало;
Да лишь бы дело было так.
Взгляни: дыханья в нем не стало,
Его сковал могильный мрак.
Он был при жизни нашей жертвой, —
У нас отнимется ли мертвый?

Добрый дух

Да будет же, безумцы, вам
Пред небом и пред бездной срам!
Страдалец, вами возведенный
На темя дерзновенных скал,
Всех чувств от ужаса лишенный,
Не сам с них бросился, а пал;
И ныне вам я возвещаю:
Он сокрушен, но зрите, жив, —
Раскаянье не путь ли к раю?
Господь и свят и справедлив.

Бука

Раскаянье? Оно ли в силах
Судьбой разорванную нить
Связать и спящие в могилах
Погибших трупы воскресить?

Добрый дух

Блажен невинно убиенный:
Земли он не желает вновь;
Он там, где свет неизреченный,
Где неисчерпная любовь.
За душу ж скорбного убийцы,
Дрожащего полночной тьмы,
Бегущего лучей денницы,
Господню благость молим мы,
И се господь ему страданья
И долгий посылает век,
И се в горниле испытанья
Спасется грешный человек.

Шишимора

Нет! нет! я своего стяжанья,
Поверь, не выпущу из рук:
Ударю, плоть его разрушу
И с смехом стонущую душу
В ад увлеку, в жилище мук.

(Хочет броситься на Ижорского.)

Добрый дух

Стой, враг! во имя пресвятого
Тебе повелеваю: стой!
Отныне средь песка морского
Вздымайся черною скалой!

Шишимора превращается в утес.

Вы зрите ль, вы, его клевреты,
Чтó ваша буйная борьба,
Чтó ваши гордые наветы?
Вас да страшит его судьба!

Бука и Кикимора обращаются в бегство.

Бежите, полные боязни:
Но вас достигнут громы казни.

Между тем буря прошла; солнце восходит. Добрый дух исчезает, сливаясь с его лучами. Занавесь опускается.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Ижорский.
Барба-Яни (Граф Капо д'Истрия).
Никита Боцарис Туркофаг.
Триланэ (Trelawney).
Зосима, старый паликар дружины Никиты.
Еще несколько паликаров.
Омар, Сеид — турки.
Старик рыбак, Его невестка, Его внук — русские.
Мещанин, Крестьянин, Две деревенские девушки, Слепые гуслисты, Два мальчика — русские.
Кикимора.
Журналист.
Поэт.
Тени Лидии и Веснова.
Голоса с востока и запада.
Русские крестьяне, воины греческие и турецкие.

Первое действие в Новороссийском крае; остальные два, кроме интермедий, в Греции и Турции.

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Утро. Взморье; на берегу черные крутые утесы; поверхность воды гладка и спокойна; солнце сияет ослепительным сиянием. Лодка с двумя рыбаками, дедом и внуком. Ижорский лежит в обмороке у подножия выдавшейся вперед скалы.

ПЕСНЯ РЫБАКОВ

Старик

Смолкли бури,
Грома нет:
Свод лазури
В блеск одет;
Без завесы
Солнца щит;
Луч утесы
Золотит.

Мальчик

Весла машут,
Бьют и пашут
Ниву волн;
Хлябь белеет,
Тенью реет
Легкий челн.

Мальчик

Ну, дедушка, наслал же непогоду
Господь сегодня ночью!

Старик

Говори!
Я стар, а не слыхал такой, поверь мне, сроду.
Да только ты что? — До зари,
Как ни стонали воздух, море, суша,
Как ни гремел по бурной тверди гром,
Ты спал и — богатырским сном.
Мы дивовалися тебе, Петруша,
Тебе завидовали все:
Не просыпался ты ни разу...
А вот и ты по нашему рассказу
Рассказываешь о грозе!

Мальчик

С тобою, дедушка, поспорю:
Я слышал всё, хотя и спал,
Я слышал, как за валом вал
Катился и ревел по воющему морю,
Как гром беспрерывно рокотал;
Я слышал бой стихий, их вопль и треск и грохот,
И вместе чей-то хохот,
Зловещий чей-то свист...

Старик

Да что с тобой? дрожишь ты и теперь, как лист.

Мальчик

Взгляни, взгляни же: голову вздымая
До облаков, скала крутая,
Как уголь, черная...

Старик

Пускай себе крута,
В ней что же страшного?

Мальчик

Ее уста,
Ее бездонный зев! — Из этих уст сегодня
Хуленья изрыгала преисподня.

Старик

Ты спал, а бредишь, брат, и после сна.

Мальчик

А эти два горящие пятна...
Ведь были ж двух ужасных глаз зрачками
И, как колеса, быстрыми кругами
Вращались, словно у совы.

Старик

Послушай: выкинь вздор из головы,
Перекрестись, да за работу!
Вот утро! хоть в кого вселит охоту
К работе и трудам! — Обоих нас одеть,
Обуть и накормить, Петруша, — сколько можем,
Мы твоему отцу поможем.
Зевать не станем, — а что рыбы в сеть
Понабежит довольно: после грома
Всегда бывает так; знать, и она
Ожившей силой воздуха влекома
С родного тинистого дна.
Греби дружнее!

Мальчик

Дедушка!

Старик

Ну что же?
Опять какой-нибудь утес
Вдруг для тебя преобразился в нос
Морского чуда?

Мальчик

Господи мой боже!
Там мертвый на песку лежит.

Старик

Не мудрено: или грозой убит,
Или утопленник, изброшенный волнами.
Да где же?

Мальчик

Прямо перед нами.

Старик

Причаливай.

Пристают.

Он, может быть, и жив...
Так точно: тело
Еще совсем не посинело,
Еще тепло...

Мальчик

Вот был бы я счастлив,
Когда бы точно...

Старик

Нет сомненья:
Господь послал нас для спасенья
Несчастного. — Он не в подъем
Мне одному; его вдвоем
Мы в лодку как-нибудь внесем.

Уносят Ижорского в лодку.

ЯВЛЕНИЕ 2

Хижина рыбака. Ижорский только что очнулся. Старик рыбак, его невестка, внуки и внучки.

Ижорский

И жив я?

Старик

Слава богу!

Ижорский

Скажи мне: кто ты?

Старик

Я рыбак.
Лежал ты замертво у взморья; кое-как
Тебя я поднял: понемногу
Ты начал оживать, — вот ожил, слава богу!

Ижорский

В свой дом ты перенес меня... не так ли?

Старик

Так.

Ижорский

Старик, послушай: ты дурак.

Старик

Христос с тобою! ты в уме своем ли, барин?
За что бранишь меня?

Ижорский

Не благодарен
Тебе за жизнь я. Жить, мне жить опять,
Мне быть!

Хозяйка

(про себя)

Речей его мне не понять,
Да страшен этот голос,
И поднимается невольно волос,
Как на него взгляну.

Старик

Куда же ты детей
Уводишь?

Хозяйка

Посмотрю: нейдет ли Тимофей?
С детьми я сяду у дверей
И стану починять разорванные сети.
Пойдемте, дети!

(Уходит с детьми.)

Ижорский

Смекнула!

Старик

Что такое?

Ижорский

Ничего.
Умеешь грамоте?

Старик

Немного.

Ижорский

Про Каина читал ты? — Знак его
Ее пугает.

Старик

Слишком строго
Моей невестки не суди:
Ведь баба глупая.

Ижорский

В ее груди
Недаром вещий вопль: ей ангел ваш хранитель
Твердит, что я недобрый посетитель,
Что в вашу мирную избу
С собою внес я черную судьбу.
Она глупа? — Сам глуп ты, умник старый:
Зачем сраженного небесной карой,
Отверженного вырвал ты
Из челюстей бездонной темноты?
На самого себя пеняй же!

Старик

Власть господня!
Что бог велел, то сделал я сегодня,
И завтра сделать то ж готов.
Не стану разбирать твоих мудреных слов:
Ты бредишь, может быть, недугом одержимый...
Но ведай: кто бы ни был ты таков,
Я раб Христа; его крестом хранимый,
Не убоюсь ни ада, ни бесов.
Да полно: отдохни! Тебе покой же нужен.
Пойду-ко, выну из садка на ужин
Десяток-полтора ершей и окуньков.

(Уходит.)

Ижорский
(один)

Покой мне нужен,
Мне нужен сон...

О! если бы быть мог без перерыву он,
Сон без мечтаний, без пробуду!
Или, как здесь, и там я грезить буду?
Заснуть бы! перестать бы! — Зев небытия,
Тебе бы поглотить мое больное я!
Бесплодные заклятья! — Мысль моя,
То самое, что так уничтоженья жаждет,
Что чувствует во мне и умствует и страждет
(Как хочешь эту искру назови:
Душою, жизнью, силой),
А только это нечто не в крови,
Не в мозге... Нет! оно могилой
Не может быть поглощено.
Желал бы иначе, но я уверен:
Живое как сам бог, поглощено
Ничем и никогда не может быть оно;
Нет смерти. — Мир безмерен;
И что же? — весь безмерный мир,
Земля и море, небо и эфир,
В эфире звезд бесчисленное племя,
То даже, что не место и не время,
Таинственная вечность, — всё его;
Он всюду предо мною, — царь всего,
Он, судия мой! — Крылья ль у денницы
Возьму и понесуся, — от десницы
Неизбежимого не унесут;
«Ночь! ты сокрой меня», — скажу ли ночи,
Ему и ночь светла: меня найдут и тут
Его недремлющие очи.
Пускай бы я и спасся от всего,
Что только носит имя во вселенной,
Раз навсегда бессмертью обреченный,
Вовеки не спасуся от него,
И от себя спастись мне невозможно.
«Всё это вздор!» — твердили мне сто раз,
Острились и умно, да вздрагиванье глаз
Доказчиков являло, как безбожно
Самих себя морочат мудрецы.
На струса молодцы
Похожи произвольной слепотою:
Стрелка послышит — головою
Безмозглою уткнется он в песок

И думает: «Теперь меня стрелок
Уж не увидит!» — Я? — я старику Давиду
Уныло вторю, я, дрожа, шепчу:
«На небо ли я взыду, в ад ли сниду, —
Он здесь, он там, на небе и в аду!»

ЯВЛЕНИЕ 3

Открытое место перед деревнею, речка, усаженная ивами. Деревенская ярмонка. Входят старик и Ижорский.

Старик

Взглянуть на ярмонку ты вышел: дело!
Дай бог, чтоб у тебя на сердце просветлело,
Чтоб шум чужих хлопот, драгой мой гостенек,
Твою больную душу
Из-под ярма тяжелых дум извлек!

Ижорский

(садясь)

По крайней мере не нарушу
Веселья вашего: сидеть я стану здесь
Вот, под навесом ветхой ивы,
Молчать и не глядеть; ведь знаю эту смесь
Страстей и суеты. — Их грязные порывы
Не лучше и не хуже тех,
Где тот же смрад и суета и грех,
А только боле треску.
На говор их склоню без мыслей слух,
Как будто внемлю я бессмысленному плеску
Ручья сонливого или жужжанью мух.

Мещанин и крестьянин.

Мещанин

Решайся, брат: не то пойду к Ермилу.

Крестьянин

Что делать? — так и быть: сто двадцать за коня.

Мещанин

А девяносто за кобылу?

Крестьянин

С тобой не сладишь. Ну! (ты выручил меня
Прошедшей осенью) — возьми: твоя!

Мещанин

Насилу,
Приятель, вспомнил! Что ж? — Ты всё же
в барышах!

Крестьянин

Я в барышах! Андрей Фомич, помилуй,
Взгляни-ко: конь во всех статьях...

Мещанин

Брат, конь как конь: не дурен; только хилый.
Поджарый.

Крестьянин

Со степи.

Мещанин

Кормить овсом: авось
Поправится.

Крестьянин

Поправится небось.

Мещанин

На деньги!

Крестьянин

Вот узда! — С покупкой поздравляем.

Мещанин

Пойдем, запьем свой торг.

Крестьянин

Пойдем и — загуляем.

Уходят. Потом **две девки.**

Первая

Ну, Маша, у московского купца
Платки и ленты — загляденье!

Вторая

И Ванька на́брал же для дочки кузнеца!
Ты видела?

Первая

Он кра́дет у отца,
Для Ваньки Дунька разоренье
И (погоди) обманет молодца.

Проходят. Вбегают два мальчика.

Первый

Дай пряничка мне, Вася, сделай дружбу!
Не даром: отслужу тебе за пряник службу:
Аль змея вырежу, аль дудку подарю.

Второй

Благодарю:
Сулить умеешь, да твои посулы шутка.
Есть у меня получше вашей дудка:
Не нужно.

Первый

Брат, хоть покажи!

Второй

Пустое: вырвешь.

Первый

Я? — С ума ли
Сошел ты, Васенька? — Не бойся, покажи!

Второй

Так вот: смотри.

Первый

(вырывая пряник)

Прощай и поминай как звали!

(Убегает.)

Второй

Вор! вор! держи его, держи!

(За ним.)

Ижорский

Вот и природа вам нагая!
Эклога в лицах: честность, простота,
Невинность детская, девичья чистота, —
Образчик из пастушеского рая.

Входят два слепых гуслиста; после несколько нестройных аккордов начинают распевать, что следует. Народ обступает их.

ПРИТЧА О БЛУДНОМ СЫНЕ

Про блудного сына мы притчу расскажем
И милость господню народу покажем:
Народ православный! послушай с вниманьем
И нас, слепых старцев, почти подаяньем!

Еще несколько аккордов.

Человек был некий преклонного века,
Два сына у того были человека;
И рек ему младший: «Хочу я на волю,
Здесь жить не желаю, — дай мне мою долю!»
И что ж? им именье отец разделяет,
И младший в чужбину стопы направляет;
И зажил в чужбине, и зажил он блудно,
Что было, то прожил, — и вот ему трудно:
Наслал на ту землю бог нужду и голод,
И странник без хлеба зной терпит и холод,
Без крова от солнца, без одежды в стужу;
Что делать? — пристал он к богатому мужу,
И тот послал его пасти свиней в поле;
Бедняк согласился, пошел поневоле.
Есть нечего, никто не даст ему пищи;
Рад от свиных рожец насытиться нищий.
И вот в себя пришел и плача взывает:
«Наемников сколько отец мой питает!
Мне ж хуже и хуже, и нет облегченья;
Терпел я и долго, — не стало терпенья.
Ах, встать же, пойти мне в отцову обитель,
К ногам его упасть и вскликать: «Родитель!
Пред небом я грешен, мой грех пред тобою,
И быть твоим сыном, нет! — я уж не стою.
Причти меня, отче! к слугам твоим многим
И будь мне отныне властителем строгим!»

Несколько аккордов, потом перерыв, в продолжение которого один из стариков собирает с народа деньги.

Ижорский

Так, — «согреших пред небом и тобою!»
Читал покойный дед и эту притчу мне...
Я помню, как во сне,
Что действовал и над моей душою
Ее знакомый зов; хотел и я назад:
Да как в такую даль? — там небо, а здесь ад.

Гуслисты

(продолжают)

Ты притче священной внемли, человече!
Поднялся, пошел он, еще был далече,
А уж отец видит и сына жалеет!
Тот к вратам подходит, войти в них не смеет.
А тут уже старец хватает за руку,
И обнял и молвил: «Забудем разлуку!
Вы лучшую ризу, рабы, мне подайте,
Драгого мне гостя одеть поспешайте,
Тельца заколите жирнейшего в стаде:
Пир ныне и праздник о милом мне чаде,
О сыне, который был мертв и се — ожил!»
И радостью дом весь поднял и встревожил.

Музыкальные аккорды.

Про блудного сына мы притчу сказали,
На милость господню вам в ней указали.
Народ православный! слепцам подаянье!
И знай: когда грешник придет в покаянье,
Пусть будет последний, хоть изо ста братий,
Но теплых и он жди на небе объятий;
О нем в доме бога веселие боле,
Чем об остальных всех, не павших дотоле.

(Перестают петь и играть и собирают деньги.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Дорога в Одессу. Ижорский сходит в утесистом месте с коня.

<Ижорский>

Не мог я оставаться в том селе,
И я же слышал то, что Каин в первом веке:
«Тебе не будет места на земле».

Братоубийца в каждом человеке
Боялся встретиться с убийцей и — дрожал.
Я не дрожу *здесь только,* среди скал,
Которые бесчувственны и мертвы:
Их не погубишь; я губить устал.
Меня теснят и гонят жертвы
Моей неистовой, кровавой слепоты:
Из бездн минувшего их лица предо мною,
То светлы, то одеты темнотою,
Всплывают на волнах мечты.
Пока еще я не прибавил
К ним и тебя, младенческий старик,
Я твой смиренный дом оставил.
Ты умилительно велик
В твоей простой, неколебимой вере;
Но, друг, кому ты дал было приют?
Ты на душе моей по крайней мере
Не будешь же! — Пусть дни мои текут
Без отдыха, пристанища, покоя:
Боюсь себя, боюсь убийственного зноя
Дыханья своего. . . Подале от людей!
Здесь легче мне: здесь нет страстей,
Нет преткновений,
Здесь злой не следует за мною гений,
Уже невидимый, но все же спутник мой,
Когда я не один с самим собой.
Не следует? а жало угрызений,
Бессмертный червь, негаснущий огонь,
Как называет то писанье?
Жестоко этот нерв трепещет: в нем страданье
Невыразимое, — его, его не тронь! —
О! размозжить бы голову о камень!
Но мысли не поймать же, мысли не убью:
Здесь, там — один и тот же пламень. . .
Ту жадную змею,
Которая сосет мне душу,
Здесь хоть усталость погружает в сон;
Там, если плоть разрушу,
Не будет никаких препон
Невыносимой думе,
И совесть ни на миг уж не вздремнет при шуме
Забот, болезней и сует:

Ее я буду весь. . . да! развлечений нет
Там, где кругом души умолкнет мир мятежный
И беспредельная настанет тишина,
Где будет зреть себя, одну себя она
В унылом зеркале безмолвной, безрубежной,
Бездонной пустоты!
Ты, гордость прежних дней, куда девалась ты?
Увы! тогда, объят отрадной слепотою,
Я смел еще сказать, чего уж не скажу,
Сказать, что дорожу собою,
Что мнением своим я дорожу.
Тогда без мрака мне казалась и могила,
И вечность перенесть, казалось мне, я мог:
Меня бы почему она тогда страшила?
Был сам я судия свой и свой бог. . .
Вдруг всё исчезло: покрывало,
Сотканное из заблуждений, спало
С моих испуганных очей;
Над пропастью, с насмешкою кровавой,
С геенским хохотом, стал предо мной лукавый:
«Проснися! — прошипел мне древний змей, —
Что озираешься? где, праведник, проклятья
Грехам, коварству? — грянь, и да дрожит злодей!
Молчишь, надменный? как? — ты ль то же, что все братья?»
Я хуже их; я с светлой высоты
Пал, как Денница, в зев темнейшей темноты,
И нет и нет мне из нее исхода!
Живет поверие в устах народа,
Что крови требует закланной жертвы кровь:
Вот ночью, говорят, являясь вновь и вновь,
Перерывает сон убийцы убиенный
И во́пит: «Что же ты? что медлишь? объяви!»
И грешник вдруг встает, взываньем утомленный,
Идет, приемлет казнь и в собственной крови
Находит наконец успокоенье.
Что ж? может быть, и правда; но
Не будет мне и то спокойствие дано:
Дворянство! ха! ха! ха! *мой* жребий — заточенье!
Всё на меня: и даже чистота
И непорочность погублённых;
Жилище их — обитель та,

Где вечный мир, где среди душ блаженных
Они забыли обо мне. . .
В передрассветной вещей тишине
В наш смрад ли спуститесь вы, праведные тени,
Чтоб произнесть и жалобы и пени?
Чтоб разорвать страдальца скорбный сон?
Убийцу вашего толкнете локтем вы ли,
Того, кого когда-то вы любили?
Уж вы теперь не знаете, что́ стон
И что такое месть, исчадье нашей ночи.
Вы отвратили очи,
И навсегда, от наших скверн и бед:
Сюда и вашего призра́ка
Не вызовет из гробового мрака
Моих сердечных мук свирепый, тяжкий бред.
Всё на меня: и ад, и небо, и природа!
К скале, как Промефей,
Прикован я, не оторвусь от ней!
Темно, темно везде — и нет нигде исхода. . .
О! кто ужасную расторгнет эту тьму?
К нему? — но как? каким путем к нему?
На плаху я прилег бы и без страха,
Да только бы на свет — к нему!
Мне, сыну блудному, в отеческом дому
Хоть бы последнее местечко! — ах! и плаха
Чуждается моей проклятой головы!
Ххмм! что за мысль? Ее узнайте только вы,
Ловласы-мудрецы, софисты-вертопрахи,
И уж поднимете и целым хором ахи!
Вы вкруг меня, как вкруг совы,
Кружились некогда, испуганные птахи,
Тщеславьем подавляли страх
И писком споров и приветов
При громе скрыпок, при лучах кенкетов
Надоедали мне на всех балах.
Вы, Чайльды в золотых очках,
Гяуры в черных фраках, Лары,
Забывшие сыскать для котильона пары. . .
Глупцы! глупцы! то был для вас я бес,
То ваше щебетанье до небес
Меня превозносило. . .
Так вот же: ваших зал светило,

Ваш Lyon,[1] ваше чудо из чудес
(Свищите же, разгневанные птахи!),
Ижорский — чуть ли не пойдет в монахи!
Да! приготовиться к тому,
Что будет там моим уделом?
Заране здесь, не расставаясь с телом,
Мне самому
Начать ту вечность роковую,
Которая так стра́шна моему
Высокомерному и робкому уму?
Или же броситься в тревогу боевую,
В Морею, например, и — пасть?
Когда-то я питал особенную страсть
Показывать презренье
К тем пышным фразам и делам,
Которые приводят в восхищенье
Ребят и женщин... Даже ныне вам
Скажу, преемники Веснова...
Да не об этом речь: итак, ни слова!
К высоким чувствам, к энтузьязму я
Надменное являл пренебреженье...
Всегда ли прав я был? — Опроверженье
Вы, незабвенные мои друзья,
Вы, полные неколебимой веры,
Вы, чистые до двери гробовой.
Господь свидетель! — вы не лицемеры,
И не безумцы вы: один безумец я.
Какая ж может быть эпитимья
За буйную хулу земной святыни,
За поругание того,
Что прямо от него,
В чем, вопреки безверию гордыни,
Сияет и средь праха божество?
Встать, вспрянуть из-под власти духа,
Который искони наш враг и клеветник!
Он оскверняет всякий чистый лик, —
Не обращать к нему отныне слуха,
Стоять и не дремать, чтоб не опутал вновь
Коварной сетью сердца и рассудка.
Питомцы похоти, тщеславья и желудка,

[1] Лев (англ.). — *Ред.*

Послушайте и смейтесь: кровь
И жизнь отдать, приять крещенье муки
Мне что-то хочется за веру, за любовь,
За правду и свободу, за те звуки,
Которых смысла, дети тьмы,
Когда-то отыскать не в силах были мы:
Я, грешник закоснелый,
Я, ко всему давно охолоделый,
Давно разочарованный во всем,
Я, будто юноша незрелый,
Горящий первых чувств огнем,
Я на корабль в Одессе сяду
И донкишотствовать отправлюся в Элладу!

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Осада Афин. Греческие ставки несколько в отдалении. Ночь. Паликары сидят вкруг огня; с ними Травельней и поодаль от других Ижорский.

1-й паликар

Не стану тратить слов: я на своем стою.
Достойна удивленья Бобелина:
Вся жизнь великой — месть за мужа и за сына;
Канарису хвалу и славу воздаю:
Не шутка же отвага,
С которой он, один среди ночи глухой,
Огонь геенны внес в необозримый строй
Злодейских кораблей; без спору он герой.
А всё же предпочту обоим Туркофага:
Наш грозный сулиот, стратиг и паликар,
Друзьям вернейший друг, младенец среди мира,
В сраженьях лев, и что ж? ему любезна лира,
Наследник он священных оных чар,
Какими, лебедь сладкозвучный,
Владел когда-то Рига злополучный.
Он черный ангел ужасов и кар
Для хищных полчищ Магомета,
Но он же для своих чистейший ангел света,
И не оставили ни смуты, ни война
На нем, единственном, ни одного пятна.

Травельней

На этот раз твоя победа;
И в пору расхвалил ты Туркоеда,
Друзья, взгляните: он сюда идет.

Входят Никита и Зосима.

Никита

Здорово, молодцы! — о чем у вас беседа?

Травельней

Оценка шла вождям, шел их делам расчет.
Итог: и сам Колокотрона
Тебя не стоит.

Никита

С благовоний
С излишних, говорят, кружится голова.
Спасибо, дети, вам за добрые слова;
А знаю я себе и братьям знаю цену.
Мы — мужи битвы и меча,
Врагов крошили мы сплеча;
Но вам великую пророчу перемену:
Товарищи, наш срок минул;
С полсотни лет, и наш умолкнет самый гул...
Да, братья! — мы стоим у неизбежной грани,
И завтра выпадет булат из нашей длани:
Атину мы возьмем — и кончится война.
Тогда порядок, мир и тишина
Преобратят в народ орду питомцев брани.
Кто этому всему виновник? — Барба-Яни!
Так как же не сказать, что истинно велик
Меж нами он один? — Божественный старик
Заклял неистовых титанов;
Он слышит вой волков и каркание вранов,
Он видит лютый блеск кинжалов и мечей,
Но тверд и — превращает нас в людей.

Травельней

То есть он делает из клефтов и пиратов
Придворных, школьников, купцов и дипломатов,
Кроит из тигров и гиен и львов —
Ручных собак и кошек мирных,

Баранов жирных
И работяг-волов.
Положим, что его намеренье прекрасно,
Что с назначением согласно,
Какое на земле нам рок суровый дал;
Но он один средь ваших диких скал:
Удастся ли?

Никита

Товарищ Одиссея,
Героем можно пасть не на одной войне.
В душе своей любовь к опасностям лелея,
Враждуешь, сын грозы, смиренной тишине.
И я, — я их люблю: вливает пуль жужжанье,
И треск ружейного огня,
И сабель свист, и дротиков сверканье —
Неистовое обаянье,
Восторг роскошный, бешеный в меня;
Трепещут члены с нетерпенья
И сводит судорога длань,
Когда послышу зов на радостную брань;
Кидаться в пляску, в вихрь, в водоворот сраженья,
В густые волны войск неверного паши —
Не пир ли брачный для моей души?
Но быть ли навсегда без крова и защиты
Младенцам, девам, старикам,
Час на́ час смерти ждать и во́пить к небесам,
Чтоб только грудь твою или же грудь Никиты
Средь наших стонущих долин и сел и скал
Кровавый хмель резни свирепой упоял?
Итак, хвала седому Барба-Яни!
Однако легкий вздох, когда стоишь у грани,
Простителен, — сегодня живы мы,
А завтра среди чад иного поколенья
Пугать их будем, будто привиденья,
Исшельцы бледные из замогильной тьмы.
Зажгем же раз еще костра веселый пламень;
По-прежнему, опершися о камень,
Я к вам прилягу. — Вот и мех вина,
И вот я вырвал сам матерого овна
Из-под Акрополя, из вражеского стада.
Его зарежьте, взденьте на рожни,

Запойте песню и прославьте дни,
Которых после нас не узрит уж Эллада.

Паликары
(поют)

Прицелился я из-за скал —
Ага пошатнулся и пал;
Я снял с его тела кинжал, —
Кинжал мой, кинжал! ты мне дорог.
К паше я прокрался в шатер;
Он крикнул, — я руку простер,
Кинжал мой широк и востер, —
Паша покатился за полог.
Неверные ловят меня;
С их ружей пошла трескотня,
Я вдруг на его же коня —
И нет меня, нет среди ночи!
Мне мил вороной с того дня:
Он выручил, вынес меня! —
Но нож мне милее коня,
Ружье же милее, чем очи!

Травельней

Никита! и не жаль тебе?
Уж клефтам не певать таких удалых песен.

Никита

Пусть будет с нами то, что надобно судьбе:
Наш жребий дивен и чудесен;
Лежала Греция в могиле вековой, —
Вдруг вспрянула, подъятая рукой
Всевышнего... и мне ли
Не верить, что к высокой, тайной цели
Назначена? — Но эту ночь, друзья,
Желал бы посвятить одним поминкам я
О прошлом, не вдаваясь в размышленья
О будущих путях святого провиденья.
За песней сказка следует всегда;
Мы спели песню, — сказке череда.
Зосима, куманек! из-под багровой фески,
Из-под седых густых бровей
Глаза твои бросают на друзей

Те вдохновенные, живительные блески,
Которые предвозвещают нам,
Что хочешь волю дать трепещущим устам...
Вот и свой длинный ус расправил он
перстами:
Скорее, земляки, в кружок!
Закурим трубки, дров подбросим в огонек
И в сказку вперемся слухом и душами!

Зосима

1

В Модоне седой проживал Аполлос;
Хоть поздно, а бог даровал ему сына;
Понес Аполлос к вещей женке вопрос:
«Какая назначена сыну судьбина?»
И вещая женка ему говорит:
«Рукою сыновнею будешь убит;
На матери юноша женится
И двух угомóнит попов;
Но третий-то поп не таков,
И бешеный зверь переменится».

2

И трепетом обдало тут старика:
С холодного ужаса, как полоумный,
Завыл он и вырвал из зыбки сынка,
И вынес, и выбросил на берег шумный.
Пошел, не озрелся и так лепетал:
«Пусть съест тебя лучше голодный чакал,
Пусть лучше, заклеванный птицею,
Замучишься, чем посрамлять,
Проклятый, тебе твою мать,
Чем стать тебе нашим убийцею!»

3

В то время монах из обители шел
Для братьи с мирян собирать подаянье;
Когда же дорогой до моря добрел,
Он стал, он услышал ребенка рыданье...
Нашел его, взял сердобольный монах;
И нáйденыш имя принял: Каллимах,

И рос во священной обители,
И были в господнем дому
Друзьями, отцами ему
Спасителя бога служители.

4

Вот он возмужал, и закинули сеть
По душу невинную силы геенны:
«Тебе бы, — лукавый шепнул, — посмотреть
На жизнь и на мир, на веселье вселенны!»
И вот к настоятелю он приступил:
«Ужель, — говорит, — не отведаю сил
В борьбе со врагом и природою?
Нет, я не монах, а боец;
Навек расставаться, отец,
Не мне с молодецкой свободою».

5

Сказал, и поклон, и выходит на свет,
Становится клефтом и ночию бродит,
И пуля его непременный привет,
Где только врасплох оттомана находит.
Ему удалось и пашу застрелить;
Тут начали клефта повсюду следить,
Да он наряжается плотником;
С секирой за поясом, он
Спускается в мирный Модон
И стал в чьем-то доме работником.

6

Хозяин его и силен и богат,
И в городе том человек именитый.
Он молвил однажды работнику: «Брат,
Мой сад по ночам карауль плодовитый;
Туда еженочно неведомый вор
По яблоки лазит за крепкий забор».
И, взявши ружье заряженное,
Вступил в караул Каллимах;
Но сердце хозяина страх
Мутит и раздумье бессонное. . .

7

«На душу ли я положусь пришлеца?
Он кто? не бродяга ли, рода лишенный?
Нет! надобно мне поверять молодца».
И в сад свой спустился, судьбой увлеченный,
И крадется там средь ночной тишины
В кустах, при мерцании тусклой луны.
Что ж? дал ему сторожа редкого,
Надежного, верного бог:
Не мучился он, не немог,
Не встать ему с выстрела меткого.

8

Ошибка: хозяина сторож убил!
Но время несется: невольный убийца
Убитого скоро жене заменил;
Поплакав, за юношу вышла вдовица.
Раз в мыльне на персях у мужа пятно
Хозяйка заметила: сердце оно
Ей вещим объяло волнением;
Вот начала спрашивать. . . ах!
Что вышло? — ей сын Каллимах;
Пятно получил же с рождением.

9

Она умерла, не опомнясь; а он?
Взвалив самопал на могучие плечи,
Он ищет, покинув унылый Модон,
Отрадной погибели в яростной сече;
Нет! нет! не находит и вот говорит:
«Я всё еще жив, я всё не убит,
Увы! нестерпимо страдание!
Господь милосерд, я пойду,
Я в ноги к попу упаду;
Творцу принесу покаяние».

10

Но в ужасе прочь оттолкнул его поп,
Вскочил и завóпил: «Погибни, проклятый!»
Проклятый зубами скрежещет и — хлоп:

Поп пал, нерассветною ночью объятый.
«Прощай! ты вини в своей смерти судьбу!» —
Так клефт и пошел ко другому попу.
Тот вскрикнул: «Ты бездной поглотишься,
Бесов заклейменный холоп!»
Клефт пулю всадил ему в лоб,
Сказав: «Проклинать не воротишься!»

11

И долго потом злополучный бродил
В долину с горы, из долины на гору;
Чуть жизнь перенесть достает ему сил:
Повсюду является мрак его взору.
Стоял он однажды в ночи среди скал
И к дикой пучине свой слух преклонял,
И море чернелося жадное
И так говорило ему:
«Проклятый, прыгни в мою тьму!
Скончай бытие безотрадное».

12

Но голосу бездны не внял паликар;
Спасла его искра последняя — вера:
«От божьих ли в бездне укроюся кар?»
И вдруг — он узрел пред собой калуера
И хочет его, как испуганный тать,
Без слов и привета скорей миновать:
В нем трепет и стыд и смятение. . .
Десницу же вдруг калуер
С крестом бога-спаса простер
И тихое шепчет моление.

13

А клефт простонал: «Ты отыйди, монах!
На грех и на пагубу ваша обитель
Взрастила меня. . . я беглец Каллимах;
Забыл и отринул меня искупитель!»
— «Христос, — был ответ, — не отверг никого,
Кто робко и ревностно ищет его:

Мой сын, принеси покаяние!»
И что же? — незапно во прах
Пред старцем упал Каллимах;
Слова ж заглушило рыдание.

14

Так точно рыданье младенца, чернец!
Здесь некогда душу тебе возмутило.
«Дитя мое бедное!— я твой отец;
Спасти тебя снова мне небо судило!»
Сказал, слезы брызнули из его глаз,
И слушает инок ужасный рассказ.
Вот кончен. — «Тебе разрешение
Не я дам: я пепел и прах! —
Так рек вдохновенный монах. —
Но, сын мой, для всех искупление.

15

Дорогу на север держи по звездам,
Пока не достигнешь Аркадской долины. . .
Далеко за Мистрой разрушенный храм,
Пустынный, во имя святой Магдалины:
Там нет алтаря, не видать образов,
Свод треснул и стал обиталищем сов, —
Простися с войной и ловитвою,
Ружье замени ты крестом,
Разгул молодецкий постом,
А клефтские песни молитвою.

16

По году взывай за отца и за мать,
А третий за души попов погубленных:
Спасен и прощен ты, когда благодать
Средь стен водворится, тобой освященных,
И явится снова служение там».
Того, что вещает, не знает и сам:
Таинственной двинутый силою,
Монах не свое говорит;
Тот внял, поклонился, молчит,
Прощается с родиной милою.

17

И быстро три года потом протекли,
За ними проходят еще три седьмицы.
Раз утром монаха, искав, не нашли;
Он вышел задолго до света денницы, —
За реки, дубравы и горы простер
В Аркадию путь свой седой калуер...
Не бренного сердца хотение
Влечет его в сумрачный дол;
Но духа господня глагол,
Но полное силы видение.

18

Пришел и увидел: лежит Каллимах,
Как сонный младенец, на паперти храма;
И дивному пению внемлет монах,
И в двери струится поток фимиама.
Он понял: послалось нетленье мощам, —
И молвил сошедшим со скал пастухам:
«Здесь, пастыри, дело чудесное!
Здесь церковь воздвигните вновь
И славьте господню любовь,
Христа милосердье небесное!»

Никита

Друзья, прославим господа и мы:
Творит он свет из самой тьмы;
Под сенью благости господней,
Клянусь, не страшен бой
С неистовой, бездонной преисподней.
Но, братья, время на покой:
Уже пропел петух, рассвета возвеститель.
До утренней зари
Свое крыло над нами распростри,
Слуга благого, ангел наш хранитель!

(Крестится и ложится.)

Все засыпают, кроме Ижорского.

Ижорский

Перекрестились и — заснули все!
«Встань, возвратись к отцу!» — мне слышится совсюду;
И что ж? ужели зов святой вотще:
Всегда ли глух к нему пребуду?

ЯВЛЕНИЕ 2

Кабинет очень недостаточного стихотворца.

Поэт

(один)

Ну, слава богу, — напоследок
Я от соседей и соседок
Избавился, — от их вранья
И сплетней; напоследок я
С плеч сбросил груз сует и хлóпот,
И смолкнул горькой жизни ропот,
И вот же, на крылах мечты
Перенесусь на высоты́...

Кикимора

(вдруг входит, одетый по последней моде)

С которых вы, как сын Дедала,
В болото падали не раз!
Охота улетать из глаз
У вас поныне не отпала?
А волос поседел совсем, —
И щеголять-то перед кем
Вам здесь поездкой Монгольфьерской?

Поэт

Вы кто? — сюда пришли зачем?
Не знаю вас, и гость вы дерзкий,
Прошу же, сударь...

Кикимора

Яков Бем
И Сведенборг на вашем месте
Тотчас меня б узнали... Вам
Раздумать, кто я, время дам.

Поэт

Шалун? Кикимора? — По чести,
Я думал, что уже с тобой
Не свижусь.

Кикимора

Вспомнить сердцу больно,
Как поступили вы со мной

Неласково, как богомольно!
Но что мне делать? К вам я слаб;
Своей привязанности раб,
Не то я, что другие духи.
Извольте видеть: ходят слухи,
Что сладить с драмою своей
Вам трудновато без чертей,
И взял я отпуск от Денницы
И через горы, степь и лес
Примчался прямо из столицы.

Поэт

Ты, братец, образцовый бес!
Тебе я крайне благодарен.
Скажу же детям и жене,
Что здесь со мной приезжий барин
И чтобы не мешали мне.

Кикимора

Помилуйте! Сочту за счастье,
Когда. . .

Поэт

Спасибо за участье!
Однако извини: моим
Не слишком, полагаю, нужно
Знакомство с щеголем таким.
Да и хозяйке недосужно:
К обеду кашу нам и щи
Она готовит. . . Не взыщи.

(Уходит.)

Кикимора остается один и роется в его бумагах. Поэт застает его за этим благородным занятием.

Кикимора

(нисколько не смутясь)

А я, по праву прежнего знакомства,
Те вдохновения перебирал,
Которые ваш гений завещал
Вниманию и памяти потомства. . .

Поэт

За наглый знак такого вероломства...
Но чувствую: всего глупей
Ждать благородства от — чертей.

Кикимора

Да! свой устав у нас, свои обыкновенья:
Не оскорбят нас ваши оскорбленья;
И я ж философ и плебей,
Хотя теперь и шляюсь в модном свете;
Поговорим же о другом предмете!
Итак, Ижорский стал ханжой у вас?
И, если не морочите вы нас,
Его увидим вскоре мы монахом.
От этого не трепетом, не страхом,
Зевотой обдает меня...
Монахом! — нет, со дня,
В который вы мне увольненье дали,
От духа времени в своей глуши
Немилосердо вы отстали!
Вы верите в любовь, в могущество печали,
В огонь страстей и в теплоту души...
Ба! это всё давно истертые пружины!
Нам нужны ныне посильней картины:
Герой сороковых годов
Без сердца, без друзей и без врагов;
Он даже самого себя не любит,
Не мстит, а если губит,
Так потому, что скучно и что вник
В ничтожество людей, — ему сказал рассудок:
Их нечего беречь. Он истинно велик,
Он убежден, что всё на свете предрассудок,
Всё вздор. — Когда ж расстроится желудок
Или не спится, — он начнет писать дневник...
Дневник chef d'oeuvres:[1] в нем, как анатом искусный,
Фразер наш разлагает свой же труп —
И варит из него спартанский, черный суп,
Суп гадкий, может быть, — зато чертовски вкусный.

Поэт

Ижорский мой — не так ли? — просто глуп?

---

[1] Шедевр (франц.). — *Ред.*

Кикимора

Вот и обиделись! — Знать, что и в наше время
Поэты раздражительное племя.
С полсотни мастерских стихов
В Ижорском, например когда на сцену
Выводите меня или других бесов;
Но — сделайте в развязке перемену:
Смешное ваше *Отче согрешихъ* —
Не в нравах нынешних холодных и сухих.
Не лучше ль будет, ежели участье
В убийстве графа примет ваш герой?
Вы покачали головой:
Не нравится? — Так что ж? — Ударьтесь
в сладострастье.
Обратно в Петербург (нам это нипочем!)
Молодчика перенесем;
Там мы с Ундиною Невы его сведем...
Не бойтесь же! боязнь удел певцов бездарных.
При хоре роковом духо́в элементарных
(Тот хор напишете в стихах таких,
Чтоб ужас с негою сливался дико в них),
При полном месяце среди лазури ясной
В объятья девы вечно молодой,
Всегда причудливой, всегда прекрасной,
Однако без души живой,
Уже не находя ни в чем земном отрады,
С безумным хохотом бросается герой, —
И что же? — тело сладостной наяды
Вдруг тает и — становится рекой.
Он тонет... Будет с вас; а только будьте новы,
И прочь все предрассудки, все оковы:
В одно спаяйте бред и смех,
Сарказм и страх, поэзию и грех —
И адом поручусь за бешеный успех;
Да! ваше гениальное созданье
Вмиг завоюет вам всех зал рукоплесканье.

Поэт

Бес, за совет благодарю.
Но, демон-обольститель,
Ты века нашего, положим, представитель,
Да я не для него творю.

Кикимора

Не для потомства ли? — о! труд похвальный!
К потомству только путь довольно дальный:
Не оборваться бы, да вместе — с книгой — бух...

Поэт

Бух в Лету? — *Так и быть*. Прощай, лукавый дух!

ДЕЙСТВИЕ III

ЯВЛЕНИЕ 1

Эгина. Дом президента. Барба-Яни и Ижорский.

Барба-Яни

Итак, вы едете, и это непременно?
Остаться с нами вас ничем не убедим?

Ижорский

Граф, слишком было бы надменно
Мне думать, будто я для вас необходим.
А сверх того, скажу вам откровенно,
Я не нашел у вас, чего искал.

Барба-Яни

Мне странно и, признаться, даже больно,
Что вы так говорите, хоть довольно
И я подобных отзывов слыхал:
Иной мечтал
Свою Утопию, свой идеал
Осуществить у нас нелепый, невозможный,
Ошибся, не успел и — проклинает нас;
Другой же человек, всегда, везде ничтожный,
Теперь кричит, что он Элладу спас,
Что мы народ неблагодарный,
Что недостойны мы его услуг;
А третий с самого начала был коварный,
Своекорыстный, ложный друг...
Вы...

Ижорский

Я не лучше их: пересказать ли повесть
Моих ужасных дней?
К чему? — Граф, знайте: Немезиду, совесть
Умилостивить кровию своей
Я здесь надеялся; внушала мне отвагу
Не чистая любовь к святыне и ко благу;
Мятежник гордый, но бессильный и слепой,
Я, чтоб не быть ни одного мгновенья
Глаз на́ глаз с внутренним своим судьей,
Со скрежетом бросался в дикий бой,
В неистовую оргию сраженья, —
И вот обманут: я с самим собой
Не мог расстаться.

Барба-Яни

Вы несправедливы:
Не спорю, что нечистые порывы
И здесь порою возмущали вас;
Но, если уж однажды, в грозный час
Святого пробужденья,
Вы с ужасом свои познали заблужденья,
Вскочили и взялись за наш священный меч,
Вы не могли средь бурь, опасностей и сеч
Искать единого самозабвенья, —

(взяв его за руку)

Вы лучшего желали, милый сын;
Да! вы стремились к лучшей, высшей цели,
Вы искупить свои вины хотели. . .
Друг, — искупить их может Он один!

(Помолчав)

Вы нужны мне, мне жаль расстаться с вами:
Скажу, как ваш бессмертный Ляпунов,
Что здесь, среди злодеев и глупцов,
Я действую и зижду под ножами.
Но веку нашему необходим пример,
И буде вас зовет души влеченье,
Ступайте: иногда смиренный калуер
Потребнее земле, чем Гектор и Гомер;
Сам бог больным сердцам дает уединенье.

ЯВЛЕНИЕ 2

Богато и со вкусом убранный кабинет журналиста.

Журналист

(в щегольском утреннем наряде сидит перед столом и кусает перо)

Я, право, горе-журналист:
Не оберусь досады, хлóпот, дела;
Едва одна статья поспела,
Исчеркивай опять каракулами лист!..
И для чего? для славы?
Попали! Венская карета нам нужна,
Любовница, и не одна,
Шампанское мне нужно, ложа, дача;
А слава к этому всему — придача.
Да все-таки я горе-журналист:
Речист и едок мой антагонист,
Мне должно отвечать, и желчи-то — спасибо! —
Не занимать мне; но
Я у министра не бывал давно:
Вот съездить бы к нему, а держит диатриба!
Когда теперь не напишу ее,
Все скажут: «Сознает бессилие свое,
Боится, уступил, и впрямь, ему ли
Бороться с Менцелем?» — Чтоб черти вам свернули
За пересуды, за мою тоску,
Любезные читатели, башку
Неугомонную! — Так, публику-старуху,
Хоть удавись, а надо рассмешить:
Ей-богу, нелегко весь век свой шýтом быть!
Прибегнешь поневоле к духу
Служебному, который выручал
Не раз меня... Пусть пишет мой журнал
И над соперником доставит мне победу,
Я между тем в воксал,
Потом к его сиятельству поеду.

Дух, который в виде змея
В спальню к Свифту заползал,
А затем в стенах Фернея
Желтою осой жужжал!
Клеветник бесчеловечный,
Лжец и отрицатель вечный!

Весь, и телом и душой,
Я холоп твой, весь я твой:
Ведь и я же для забавы
Отравляю честь и нравы,
Ведь и я сушу сердца;
Я отвергся от творца,
От небесной, чистой славы,
От глубоких дум и чувств,
От наук и от искусств, —
Ты предстань мне, дух лукавый!

С камина соскакивает одна из китайских кукол, которыми он уставлен, и оборачивается в Кикимору.

Кикимора

Вот я, писака! а чего
Ты хочешь от владыки своего?

Журналист

Почти что ничего:
Работник ваш — безмолвный раб покорный...

Кикимора

Без околичностей! твой лепет вздорный
Мне слушать некогда: я тороплюсь, спешу;
И я бываю не без хлóпот;
Сегодня, например, я грешника душу,
Мне слышать надобно его предсмертный ропот,
Чтоб дух его схватить и ввергнуть в ад.

Журналист с ужасом отступает.

Что меришь, чучело, меня глазами?
Что так трясешься весь и щелкаешь зубами?
Ты разве этому известию не рад?

Журналист

Бес девятнадцатого века,
Я думал...

Кикимора

Враг заклятый человека,
Его гублю; а чем? мне ровно всё равно:
Пером ли мерзостным безбожного писаки,
Или зубами бешеной собаки,
Ножом ли, клеветой ли... Мне дано

Довольно средств: когда одно
Не действует, к другому прибегаю.
Не слишком понимаю
И ужаса, которым ты объят...
Ты трус, ты не рожден к убийству и разбою;
Да как ты полагаешь, брат:
Не много душ мы извели с тобою?
Но и душе душа, как говорится, рознь;
Вот для твоей, — сказать примерно, — дальных кознь
Употреблять напрасно и не стоит;
А та меня, признаться, беспокоит:
Вертка проклятая! — Не помешай-ко ей,
Так чисто ускользнет из-под моих когтей!
В три короба, любезный, нагрешила:
На ней безверие в святыню и любовь,
Хула, отчаянье, отступничество, кровь;
Но в ней и грозная, таинственная сила.
Представь: решилася — назад!
Сначала издевался ад.
Да! и в изъязвленной стрела́ми угрызений
Еще вся гордость прежняя была
Несокрушима и цела
И сонм противоречий и сомнений.
Так что же? встрепенулась вдруг,
Всё сбросила и наших обольщений
Разорвала́ волшебный, страшный круг:
Смиряясь, к своему отцу и богу
Нашла единую, возможную дорогу...
Тогда всех нас потряс испуг;
Однако: пустяки! не допущу до места,
Где для принятья жениха
Омыться хочет от греха
Благоразумная невеста!..
Ты видишь сам, почтенный журналист,
Не слишком мне досужно;
Так говори ж скорей, без фраз: что нужно?

Журналист

Чтоб отвечали вы на этот лист.

Кикимора

Ты в нем разруган?

Ж у р н а л и с т

Да.

К и к и м о р а

И обижаешься?

Ж у р н а л и с т

Нимало;
И возражать бы сил достало;
Да только та беда,
Что тороплюсь и я кое-куда;

(одеваясь)

Итак, вострее очините
Свое геньяльное перо,
Присесть извольте за мое бюро
И мне статейку начертите.

К и к и м о р а

Не сяду;

(пишет на листе бумаги, он сам собой исписывается)

вот тебе готовая статья!

Ж у р н а л и с т

Вам очень благодарен я.
Да только. . .

К и к и м о р а

Знаю, что сказать ты хочешь:
«Я не читал, что пишут на твой счет».
Ты не ребенок, а об этом ты хлопочешь!
Злодея твоего моя статья убьет;
Надейся от нее чертовского успеха:
В ней вдоволь дерзости и клеветы и смеха.
Взгляни-ко, с самых первых слов
Кричу: «Противник мой и подл и бестолков;
Давно известно свету,
Что смысла в нем ни капли нету;
Я не унижусь до того,
Чтоб опровергнуть бред его»
И прочее. . . Печатай смело!
Прощай! Пора приняться мне за дело.

ЯВЛЕНИЕ 8

Подножие Афонских гор. Ночь. Ижорский, Омар и турецкое прикрытие, данное ему афинским агой.

Ижорский

Еще далёко монастырь?

Омар

Эфенди, близко, но за край обзора
Скатилось солнце, нетопырь
Вот вылетел из сумрачного бора;
Не рано, отдохнем; блеснет заря,
И мы, соснув часок в тени чинара,
Пойдем и до полуденного жара
Там будем у ворот монастыря.

Ижорский

Остановиться здесь, у самой цели?
Они устали и замлели:
Им нужно освежить себя. . .
Поешьте и вздремните, — я согласен.

Сходят с коней и располагаются на ночлег.

Омар

(подошед к Ижорскому)

Эфенди, божий мир, скажу тебе, прекрасен!
Вы, франки, мудры; я хотел спросить тебя:
Для одного ли украшенья
Все эти точки, эти звенья,
Златое войско звезд аллах
Рассыпал в синих небесах?
Или же ангелов и душ блаженных очи
Глядят на нас из-за покрова ночи?
А может, это стадо то,
Которого еще не сосчитал никто,
Те овцы, коих пастыри-пророки
В эдемских пажитях пасут?
Не свет ли радости незаходимой тут?
Не тут ли жизненные токи?

Ижорский

(глубоко тронутый)

Суровый сын войны, благослови
Всевышнего: он свят, он полн любви!
При тихом свете размышленья
И ты прочел две буквы откровенья,
Дарованного им же всем
В чудесной грамоте его творенья!
Счастливец, верь, что точно там Эдем,
Что там, в равнинах безрубежных,
Ликуют сонмы душ святых и безмятежных...
Друг, искра каждая, какую видишь ты
Из нашей низменной и бедной темноты
На черной епанче полуночи священной,
Есть мир несказанно огромнее вселенной,
Где прозябаем мы,
Мир совершеннее и необъятно краше,
Чем мир земной, жилище наше,
Сей дом греха, страдания и тьмы;
И все живут одним велением аллаха!
И все они ничто пред ним!

Омар

Я полн благоговения и страха,
О брат мой! — сколь же он непостижим!

Ижорский

Велик и грозен, чист и благ непостижимо!
Им каждое его создание хранимо:
Он знает, помнит, слышит, видит нас,
Он сосчитал наш каждый даже влас,
И он любви своей вовеки не изменит;
Он душу каждую живую выше ценит,
Чем весь сей океан бесчисленных светил!
Но, друг Омар, — товарищ твой почил;
Взгляни: играет с резвою мечтою
И улыбается; тяжелой головою
И ты киваешь: не противься сну.

Омар

Благослови, эфенди! — я усну.

Засыпают Ижорский и Омар.

Голоса: один с востока, другой с запада.

Восточный

Лебедь, омытый в волнах покаянья,
Гимн свой прощальный пропел:
Здесь испытаний предел,
Там совершатся его284 упованья.

Западный

Совершатся упованья?
Тот, кто лил и кровь и стон,
Ток соблазна и страданья,
Уповать дерзнет ли он?

Восточный

Если познал кто, смиряяся, бога,
В небо тому не закрыта дорога;
Сын возвращается в отческий дом:
В сына отец ли бросит свой гром?

Западный

Бьет нежданно час суровый:
Наступил последний миг;
Он ли пристани достиг,
Возрожденный жизнью новой?
Тех искус суров и строг,
Чей был грех тяжел и мног;
В боге нет противуречий:
Страшен правосудный бог.

Восточный

Под крест преклоняя смиренные плечи,
Поднялся, пошел он; еще был далече —
Отец же увидел и — сына жалеет. . ,
Но дух ли лукавый отца разумеет?

Западный

Поднялся, пошел он; но я — я назад
Мертвящею, бурною, хладною силой
Попячу его пред отверстой могилой
И грешника ввергну в пылающий ад!

Восточный

Буде однажды на ком опочила,
С неба сошед, благодать, —

С тем пребывает нездешняя сила,
Дивная, страшная Тартару рать!

Голоса умолкают.

Сеид

(входит и смотрит на спящих)

О Магомет! наперсник, друг аллаха!
(Благословен вовеки будь!)
Объял мою трепещущую грудь
Поток негодования и страха!
Принудили гяуры падишаха
Принять постыдный мир, — и вот же, ныне грек
Такой же, как и турок, человек!
Рабам дано название народа,
Холопам подлым — сила и свобода,
И братьями теперь нечистых псов зовем!
Что говорю? — франк помыкает нами,
Москову, франку стали мы слугами:
В них ищем; нам они указчики во всем;
Законы пишут нам, нам задают работы;
Приемлем на себя для них труды, заботы,
Их угощаем, их в дороге бережем...
Пример недалеко: лежит поклонник Иссы,
Кругом его безумцы османлисы...
И чтоб хоть кто из них для правой кары встал
И в троебожника вонзил святой кинжал!

Кикимора

(вдруг является на краю дороги в виде бедного дервиша и, качаясь, бормочет нараспев)

Тяжкий золотым зерном,
Полн питательного хлеба,
В жатву клас падет серпом, —
Так убьет незапный гром,
Луч разгневанного неба,
Всякого, кто долг познал,
Но, подобно робкой лани,
Прочь от долгу отбежал.
Взмахом быстрой, мощной длани
Можешь освятить свой нож
В кро́би нечестивца... Что ж
Сам ты медлишь, двоедушный?

Зову сердца непослушный,
Только «горе!» вопишь ты
Над сынами слепоты.
Ты ли муж прямой и правый?
Нет, ты свергнешься, лукавый,
В ночь бездонной темноты!

Сеид

От ужаса подъемлется мой волос;
Меня пугает твой зловещий голос. . .
Кто ты? поведай мне, отец!

Кикимора

Я нищий, рук лишенный и слепец;
Но только бы я был, как ты, здоров и молод,
Меня бы не томил бесплодный мести голод,
Давно бы меткий мой кинжал
В груди врага аллахова торчал. . .

(Приходит постепенно в исступленье и начинает вертеться на одной ноге.)

Застрелен я был бы, изрублен, заколот,
Но смерти меня не коснулся бы холод,
Нет! вождь светозарный сияющих сил
Мой радостный дух со земли бы схватил.

Вот понеслися мы выше лазури:
Выслал Эдем вечно юную Гури,
Дивную деву, навстречу ко мне. . .
Взор ее небо, и небо объятье. . .
Ты же, отверженный, чадо проклятья,
Быть тебе с Эвлисом в вечном огне.

Сеид

Умолкни, ради всех святых иманов!
Ты, старец, страшен и жесток;
Но пусть мой труп терзает стая вранов!
Ты не пророк!

(Кидается с кинжалом на Ижорского.)

Кикимора
(ему вслед)

Уходишь молодца — спасайся за поток.

Сеид, ранив Ижорского, бежит.

Ижорский

(вскакивает и тотчас падает)

Прочь! о! — я ранен.

(Лишается чувств.)

Омар

Боже правый!
Эфенди! — он убит!

Кикимора

(подходя к ним)

Напрасно! есть надежда. — Но бежит
Его злодей, проклятый и кровавый:
За ним! за ним! — а гостя своего
Оставьте здесь в моей защите:
Я в чувство приведу его.

Омар

Ловите изверга, проворнее ловите!

(Уходит с воинами.)

Кикимора

Ну, Лев Петрович! — вот как раз
Глаз нá глаз мы остались с вами!
Уж, верно, от моих проказ
Вам не отделаться... Что ж? — виноваты сами!
Вы наняли меня в благополучный час;
И с той поры я к вам горю любовью:
Жить не могу без вас.
Лежите, батюшка! — поисходите кровью!
Не зазеваюсь — нет! очнуться в пору вам
Перед блаженною кончиной вашей дам,
Чтоб вы могли союз прекрасный между нами
Навеки подтвердить своими же устами.
Пока же — чем займусь? — Сантиментальный бес
Твердил бы о soeurs grises, [1] о милосердых братьях,
Вас нянчил бы в своих объятьях
Или хвалил бы дол и горы, холм и лес!

---

[1] Сестры милосердия (франц.). — *Ред.*

Я резонер: пущуся в рассужденья
И обнаружу ложь того пустого мненья,
Что будто не дерзает произнесть
Трепещущая преисподня
Святого имени господня.
Раз, доказательства в самом писаньи есть,
Что в старину и черт умел найти дорогу
На небеса и представлялся богу;
А во-вторых,
В его же имя извергов святых,
Свирепых, бешеных, кровавых суеверов
И очень искренних, совсем не лицемеров,
Воспламеняет кто? Ужель еще не мы?
Так! мною обуян поклонник Магомета;
Да это пустяки: ученье даже света,
Пожалуй, превращу в ученье адской тьмы.
Чтобы расширить царство слез и бедства
И насадить повсюду смерть и грех,
Не презрю никакого средства:
Безверье и сарказм, иронию и смех
Употребляю с светским человеком;
А с турком-варваром, а с полудиким греком
Стихами говорю из их священных книг.
Но кровь пора унять: настал желанный миг;
Ижорский! на твою растерзанную душу
С победным хохотом отчаянье обрушу
И — размозжу ее!

(Ижорскому, который между тем очнулся)

Ты насмерть ранен.

Ижорский

Так;
Я приближение студеной смерти чую:
Но ты, чего ты хочешь, злой призрáк?

Кикимора

Ты жизнь провел примерную, благую:
Желаю слушать исповедь твою.

Ижорский

Лукавый, черный дух! меня ты не встревожишь:
Вот гóспода тебе в свидетели даю,
Я осудил себя, и строже, чем ты можешь, —

Так! я сгубил себя; без чуда я навек
Погибнул, но мне голос сердца рек:
«Есть чудеса!» — Пускай же человек
Не в силах сам собой делами покаянья
Достигнуть выкупа от вечного страданья,
Ужель и всемогущий изнемог?
Ты повторяешь: «Грозный бог
Послабник ли грехам? — он справедлив и строг!»
Благ он и справедлив, — мы рук его творенья,
Просились в жизнь не мы из недр небытия,
И вот, хотя душа моя
Вся тает, вся дрожит, а детски верю я
Святому таинству христова заступленья;
Увы мне! мерзостен я самому себе,
Но весь я предаюсь твоей благой судьбе,
Тоскую и прошусь, мой господи! к тебе:
Нет! и меня же ты не создал на мученья,
Ты, ради сына, слух склонил к моей мольбе,
И вот же, вот послы любви и примиренья!

В мерцании луны
С небесной вышины
Два ангела слетают;
Их лик блажен и тих,
Венцы на челах их,
Одежды их сияют;
В их взорах свет,
В чертах их нет
Ни даже следа гнева.
Маня, летят,
Летя, манят
И юноша и дева!
Блаженный час!
Вновь вижу вас,
Привету милых внемлю:
Зовет отец!
Иду — конец!
Я бросил грех и землю!

Лучи месяца освещают два прекрасных призрака, похожих на Лидию и Веснова; Кикимора, постепенно бледнея, исчезает от их чистого сияния. Ижорский умирает, простирая к ним руки.

1826—1841

6. ПРОКОФИЙ ЛЯПУНОВ

Земляной и часть Белого города заняты русскими; Кремль еще в руках поляков.

ДЕЙСТВИЕ I

СЦЕНА 1

В Москве на Арбате. Ночь. В простой избе Прокофий диктует, Феодор Ляпунов и Кикин пишут. На столе шлем Прокофья.

Прокофий

«Разбойный и земско́й приказ устроить,
Как прежде смут то было на Москве;
А кто кого убьет без приговора
Земско́го, самого того казнить».
Статья последняя: «Бояр же тех
Для всяких дел земски́х и ратных мы
В правительство избрали всей землею,
А буде те бояре не учнут
По правде делать дел земских и ратных
И нам прямить не станут, вольно нам
За кривду их сменить и вместо их
Иных и лучших выбрать всей землею».
Вот, Кикин, главное, о чем просить
Земску́ю думу надоумить должно.

Кикин

Заруцкий взбесится.

Феодор

Пускай себе!

Кикин

И князь не всем доволен будет.

Прокофий

Князь?

Кикин

Князь Дмитрий Тимофеич, твой товарищ.

Феодор

Боярин Тушинский!

Кикин

Так; но в чести
И силе он у всех, кто познатнее,
Кто починовнее, в земских полках;
И, впрочем, добрый человек.

Феодор

Добрейший!
Из тех, которых (только спеси их
Умей польстить) любой злодей и вор,
Что лошадь, оседлает и погонит.

Прокофий

Ты весь в отца: как он, смышлен и боек,
Зато, как он, и злоречив. — Где он?
По милости Московского синклита,
Быть может...

Феодор

На отца надеюсь: их
Он проведет.

Прокофий

Гонсевский не дурак,
Не глуп Михайло Салтыков, пронырлив
Андронов, их делец.

Кикин

Да князь Мстиславский
Не даст им веры.

Прокофий

Воли им не даст?
Зарезан ими князь Андрей Голицын,
В темнице душной старец Гермоген,
Вся выжжена с конца в конец столица,
Разграблены сокровища царей;
А что Мстиславский? подписью скрепляет
Доносы королю, на первом месте
Сидит в синклите, кормит и пойт
Гонсевского... Однако люди нужны, —
Бог не без милости; надеюсь сам,
Захарья ускользнет из их когтей.

Феодор

Володя, говорим и говорим,
А между тем ведь дяде нужен отдых:
Всех впереди он до ночи глухой
Сражался, бился, разгромил злодеев,
Втоптал их в Кремль, — и что ж? не сняв и лат,
Идет и за перо — и к свету нам
Устав готов спасительный и мудрый.

Прокофий
(встает)

Рязанцев, Кикин, соберешь, прочтешь
Всем головам и сотникам бумагу,
О мне ни слова, будто от себя.
Признаться, бражничества не терплю;
Да так и быть: пускай зовут на пир
Людей Заруцкого и Трубецкого.
Хозяевам за труд вчерашний дать
Вина и пива.

Феодор

Чтобы лучше им,
Беседуя с гостями дорогими,
Земско́е дело вместе обсудить?

Прокофий

Прощайте, дети.

Уходят Феодор и Кикин.

Начато 1 окт. 1834

— Прокофий Ляпунов

Первая Сцена

(Внутренность избы крестьянской. Ночь. Сидят за столом, на деревянных лавках Прокофий и Федор Ляпуновы и Владимир Кикин; [illegible] ... на столе [illegible]

[illegible]

[illegible]

На тебя узду
Накину, наглый атаман, грабитель!
Ты выгнан из Литвы; еще вчера
Ты был разбойником, вторым Лисовским,
И резал православных христиан,
А ныне ты защитник православья,
Боярин, вождь, правитель христиан!
Всевышний да не внидет в суд со мною,
Что для спасения родной земли
Не прéзрел я подобного орудья!
В наш грешный век кто чист? Сравнить нельзя
С Заруцким Трубецкого: князь Димитрий
Не без достоинств — да! но как же слаб,
И сколько и на нем бесславных пятен!
Что ослепил нас дерзостный расстрига,
Простительно: святое имя он
Употребил, и первый; сверх того,
И человек-то был, каких немного.
Но родовым быть князем, но гордиться
Своими предками, но знать обман —
И подлому обманщику служить,
Мерзавцу, трусу, Тушинскому вору, —
Вот для меня загадка!

(Сел.)

Впрочем, я
За слабость никому не судия;
Иной, быть может, и меня осудит,
Пред Шуйским, может быть, и я не прав:
Поверил я, что он убийца сына,
А на поверку вышло — клевета;
Увлекся я горячим, бурным сердцем
И согрешил; всё ж не из низких видов.

(Засыпает.)

При последних словах входят Ольга и мальчик.

Ольга

Заснул ли он?

Мальчик

Боярыня, заснул.

Ольга

Да! бурно это сердце, но горит
В нем чистая любовь к земле родимой;
В нем нет и места для любви другой. . .
Прибежищу, покрову всех скорбящих,
Царице неба, деве пресвятой,
Прокофий, за тебя и день и ночь
Я, грешница, молюсь. А ты, жестокий,
Ты, кажется, меня совсем забыл!
Зачем тоской не делишься со мною?
Скажи мне: Ольга злее ль и Литвы
И хуже ль и Заруцкого? — О них
Ты мыслишь целый день и, засыпая,
Твердишь о них, о них. . . Желать почти
Могла бы я, чтоб ненавидел ты
Сиротку Ольгу. . . Ты бы хоть подумал
Тогда о ней, хоть раз в неделю вспомнил!
О, как глупа я! Мной ли заниматься
Ему, когда на рамена его
С своей судьбой оперлась Русь святая!

Начинает светать.

Голоса за сценой

Впустите. — Прочь! не велено: назад!

Ольга

Кто тут шумит? покоя не дадут!

Мальчик
(подходя к дверям)

Боярин почивает: тише!

Голос

Мальчик,
Вели впустить: есть дело у меня
До воеводы.

Мальчик

До утра, земляк,
Повремени: всю ночь писал боярин,
Работал, а вчера до самой ночи
С Литвою бился, не сходил с коня.

Ржевский

(оттолкнув часовых, входит)

Прочь! говорят, впустите! место дайте!

Прокофий

(вскакивая)

А! что такое?

Сотник

Мы его держали.

Прокофий

Да, знать, не удержали: молодцы!
За дверь ступайте. Кто ты? Как ты смел
Войти насильно?

Ржевский

(сбрасывая охабень)

Как я смел, ты видишь.

Прокофий

Защитник Брянска, Ржевский?

Ольга

(вполголоса)

Брат Иван!

Ржевский

Защитник Брянска, тот, кому господь
(За грех ли тяжкий) не дал защитить
Бессрамной, древней чести рода Ржевских;
Тот, кто в плену тяжелом изнывал,
А между тем правитель православных,
Избранный на защиту беззащитных,
Сестру страдальца гнусно обольстил
И Ржевских честный дом покрыл бесчестьем.

Прокофий

Мне эта сказка глупая известна.
Но к обольстителю своей сестры
Зачем приходит Ржевский?

Ржевский

В этих жилах
Не кровь, а молоко, когда пришел
Не за твоею кровью я.

Прокофий

Ты искрен
По крайней мере; в польском полону
Ты кой-чему и научился; но —
Мы русские, и поединки, видишь,
Еще у нас в обычай не вошли.
А сверх того, измерь меня глазами:
Под русским небом только одного
Соперника по силе мышц я знаю,
Захарью Ляпунова: он мне брат.

Ржевский

И ты еще смеешься надо мною?

Прокофий

Нимало; только я с тобой не бьюсь.
Сядь, выслушай и будь моим судьею.

Ржевский

Женись на Ольге.

Прокофий

Я на ней женат.

Ржевский

Тогда мне голову вели отсечь
Бессмысленную с этих буйных плеч.
Вопрос последний: где же ныне Ольга?

Прокофий

Здесь.

Ржевский

Здесь?

Прокофий

Бедняжка и дрожит и млеет,
Рыдает — слышишь ли? а всё не смеет
К нам подойти.

(Ольге)

Что, Ольга? что, душа?
От сердца отлегло ли? К нам, в объятья!
Ты видишь: мы опять друзья и братья!

Ольга

Как мог ты?

Ржевский

Прочь! мы братья? мы друзья?
Сестра моя в распутном, буйном стане?
Нет, не солгали же; клянуся: в ней
Нельзя признать мне ни жены твоей
Законной, честной, ни сестры стыдливой
Ивана Ржевского!

Прокофий

Ты, брат, строптивый,
Заносчивый безумец. Но, любя
Жену, как душу, пощажу тебя.
К тому же позабуду ль об услуге,
Какую ты, отважен и удал,
Земле родимой в Брянске оказал?
Так слушай: дряхлый твой отец в Калуге
По приказанью самозванца пал...

Ржевский

Не растравляй хоть старых ран сердечных;
И с новых тяжко.

Прокофий

Выслушай меня!
Ей, Ольге, вымолила жизнь Марина,
Взяла ее к себе. Затем и вскоре
Урусовым обманщик был убит;
И вот Мариной завладел Заруцкий.
Я между тем поднялся, кликнул клич:

Сошлись вожди, в числе их и Заруцкий.
Тут у Марины Ольгу встретил я;
Мне стало больно, жаль ее мне стало;
Я от Марины, кто она, узнал
И настоял и выручил сиротку
И — с нею обвенчался.

Ржевский

Уверяй!
Клевещут? повод подаешь к злословью:
Зачем жену за войском водишь ты
Не по обычаям отцов и дедов?

Прокофий

Обычаи отцов, без спору, святы:
Но не всегда возможно и тому,
Кто сердцем предан им, в годину скорби,
Разврата, беззаконья, мятежей,
Без нарушенья сохранить их святость.
России нужен я; а признаюсь,
Не снес бы плена Ольги: здесь и бурно,
Да безопаснее, чем где-нибудь.

Ржевский

Не верю: отпусти ее в Рязань.

Прокофий

Не так ли? чтоб в пути перехватили?
Глупец ты! не гневи меня, ступай!

Ржевский

Умен ты, посрамитель женской чести!
Прощай: глупец идет; однако вести,
И скорой, от меня ты ожидай!

(Уходит.)

Прокофий

Ты плачешь, Ольга, друг ты мой сердечный?
Несправедлив твой брат; но, даст господь,
Опомнится. Иди в свою светелку,
Молись, и да утешит бог тебя!

Ольга уходит.

Прощай, душа! .. Пойти мне к Трубецкому,
Авось удастся: преклоню его
Уставу не противиться земскому.

СЦЕНА 2

Табор. Заруцкий, Просовецкий, Заварзин, переодетый казаком поляк Хаминский. Слышны песни пирующих казаков и ратников.

Просовецкий

Не удалось: не тайно, не врасплох,
Нет, силою к нему вломился Ржевский.
Прогнали молодца. Теперь дурак,
Хотя не слишком верит, что Прокофий
Женат на Ольге, — вздор такой несет,
Что уши вянут! «Жертвовать России
Я всем обязан, — вот что он поет, —
И самой тяжкою обидой личной».

Хаминский

Вот истый римлянин в наш век развратный!
Vir generosus, fortis anima! [1]
Ха! ха! ха! ха! — Привел же бог услышать
Под старость лет такую чепуху,
Какой я и у хитрых езуитов
Не слыхивал. Случалось, патер Чиж
Порой и выхваляет стариков,
Которых жизнь нам описал Плутарх,
Да никогда не опускал примолвить:
«Язычники! и жарятся в аду
За слепоту, за гордость. Всех их выше
Святый Франциск Ксаверий».

Заварзин

Атаман. . .

Просовецкий

Не атаман — боярин-воевода:
Прошу не забывать.

---

[1] Великодушный муж, сильный духом (лат.). — *Ред.*

Заварзин

Пожалуй! но
Ему, боярину, скажу одно:
Плутарха мы не знаем; впрочем, верю,
Что плут и архиплут, как все ксендзы;
Да дело в том, что ведь казак Мартыныч,
От ереси латинской он отстал,
Так вряд ли ксендз Плутарх ему поможет;
А если не поможет сам себе,
Боярствовать ему не долго.

Заруцкий

Знаю,
Старик, о чем ты хочешь говорить...

Несколько стрельцов и казаков навеселе; есаул Чуп, его поддерживает стрелецкий сотник.

Чуп

Сердит, а молодец, где только схватка,
Где рубятся! — Да вот тебе Христос:
И наш не промах! — Э! хе! хе! Ты здесь,
Мартыныч, здравствуй!

Заруцкий

Здравствуй, дядя Чуп.
Гуляете?

Чуп

Гуляем и гарцуем!
Москали Ляпуновские поят
Нас на убой... Брат, разливное море!
Ты любишь Ляпунова? а?

Заруцкий

Люблю.

Чуп

Так выпей же и ты за Ляпунова!

Заруцкий

Охотно. Много лет!

Чуп

Спасибо, пане!
И за тебя вот выпьем мы теперь
По чарочке.

Заруцкий

Благодарю вас, хлопцы.

Чуп

И грамотку (ну, знаешь?) подписали
Мы, есаулы. Нас с поклоном всех
Прошали Ляпуновские москали,
И мы не отказали; да и грех
Отказывать: написано красно.
И ты подпишешь?

Заруцкий

Посмотрю.

Чуп

Чай, глазки
Повыпялишь и станешь разбирать?
А мне не надо: я готов за ласки
Сто тысяч, пане, грамот подписать.
Прощай, Мартыныч.

Заруцкий

С богом!

Уходят казаки и стрельцы.

Просовецкий

Про какую,
Скажите, грамотку толкует он?

Заварзин

Про грамотку такую, Просовецкий,
Что сгубит воеводу, да и нас.
Принес я список.

Просовецкий

Подавай; прочтем!

Заварзин

Да как-нибудь придумаем втроем,
Как под подкоп злодея Ляпунова
Нам свой подвесть. Не должно мешкать нам,
Предупредим его; или не дам
(Вот бог тебе, боярин!) ни копейки
За наши три головушки и шейки.

Заруцкий

Бумагу, Просовецкий, можешь взять;
К себе домой ступай ты с нею. Знаешь,
Не грамотей я; ты ее прочти
Внимательно, размысли содержанье,
Потом мне перескажешь. Между тем
По табору побродим мы, посмотрим,
Как молодцы пируют.

Просовецкий

Лестно мне
Доверье воеводы.

Заруцкий

До свиданья.

Просовецкий уходит.

Вот человечек: пуст, как шелуха!

Заварзин

А в атаманы вышел!

Заруцкий

С рук нарочно
Я сбыл его: не для него, о чем
Осталось нам поговорить.

Заварзин

Бумага. . .

Заруцкий

Я не читал ее и не прочту.
Да нет нужды: о ней давно я ведал
И ныне же к ней руку приложу.

Заварзин

Помилуй!

Заруцкий

Не пугайся. Пьяный Чуп,
Ей-богу, прав: сто тысяч грамот смело
Подписывай; слова еще не дело.

(Хаминскому)

Решился ли Гонсевский?

Хаминский

Он не прочь,
Да приуныл с вчерашней неудачи.

Заруцкий

Неужто?

Хаминский

И твердит, что казакам
Пристать было в пылу сраженья к нам.

Заруцкий

Конечно, и тогда бы вы, быть может,
Не *уцекали добрже*. . .[1] Ха! ха! ха!

Хаминский

Тут не к чему смеяться: нет бесчестья
Такому многолюдству уступить.
Но ты. . .

Заруцкий

Но я, Хаминский, не намерен
Для пана Александра с головой
Расстаться. Мне пускай спасибо скажет,
Что мы, по крайней мере, бились с ним
Довольно плохо. Если бы не я,
Не в Белый город вторглись бы москали,
А в самый Кремль. Я хлопцев удержал
Едва-едва; судом казачьим даже

---

[1] Хорошо утекали (отступали) (польск.). — *Ред.*

Грозили мне, а суд казачий, брат,
Короток... С ними я стравлял Прокофья;
Ему и горя мало: в ус не дует!
Околдовал их, — мне беречься должно.
Однако... Да! Гуляют молодцы...
Поит их Ляпунов, чтоб подписали
Его премудрость... Хорошо! — Ты здесь
Повысмотрел наш табор? На Арбате
Стоит Прокофий: гряньте на Арбат,
Сегодня же под вечерок, дружнее;
Сегодня нас застанете врасплох.
Схватите Ляпунова, изрубите,
От Ляпунова, ради всех святых,
Меня избавьте! — Без него, ручаюсь,
И казаков склоню я. — Только чур:
Не нарушать условья.

Хаминский

Пани Мнишек
Довольна нами будет.

Заруцкий

Сам ты пан.
А в Кремль назад найдешь ли, брат, лазейку?

Хаминский

Найду.

Заруцкий

Прощай.

Уходит Хаминский.

Ну, видишь, Заварзин?

Заварзин

Так, атаман; да только если, если...

Заруцкий

Не повезет? Не без запаса я.
Да расскажи, что Троекуров пишет?
Его гонец?

Заварзин

Жить долго приказал.

Заруцкий

Проворен ты... Опять ватага валит.
Пойдем.

Заварзин

Доносит Троекуров, что...

Уходят, вполголоса разговаривая; входят стрелецкий рязанский голова, голова стрелецкий прежних Тушинских дружин, еще стрелец и француз, служащий в немцах, в рати Трубецкого, потом Ржевский, который останавливается отдаль, не замеченный прочими.

Тушинский голова

Что правда — правда: крут ваш Ляпунов,
Веревка у него за ослушанье,
Веревка за насилье, за грабеж,
За буйство та ж проклятая веревка.
Вдобавок горд: бывает, что в прихожей
Прождет и голова и сын его,
Да и боярин; не велит к себе
Пускать в избу — и только!

Рязанский голова

Тут не гордость:
Дела, заботы, — занят день и ночь;
Не хочет, чтоб мешали.

Стрелец тушинский

Чтоб мешали?
Пустое! Он ревнив: ведь у него
Живет красотка; за нее боится,
Ее хоронит.

Второй голова

Что ж? жена его.

Первый голова

А разве видел ты, как их венчали?

Второй голова

Не видел, да слыхал.

Первый голова

То-то и есть!

Ржевский поспешно уходит.

Те часовые живы ли, скажи,
Которых бешеный осилил Ржевский?

Второй голова

И живы и здоровы.

Первый голова

Мудрено.

Второй голова

Ничуть. Вот что Прокофий говорит:
«Меня пускай обидят! не взыщу.
Обидеть же присягу берегись,
Да берегись обидеть земледельцев
Несчастных, разоренных: я за них
Жестокий, непреклонный, грозный мститель».

Француз

Поквально! Sacrebleu! [1] Henry, [2] король наш
(Ma foi! [3] большой, славно́й король)... ему
Служиль я месте с Jacques de Margéret, [4] —
Henry наш то же самое твердиль.
Mais [5] — с дамами Henry гораз ушивей.

Стрелец

А что такое дамы?

Француз

Дами? Dames, [6]
Боярини по-русску.

Второй голова

Чем же, брат,
Невежлив с ними храбрый воевода?

---

[1] Черт возьми! (франц.) — *Ред.*
[2] Генрих (франц.). — *Ред.*
[3] Ей-богу! (франц.) — *Ред.*
[4] Жак де Маржерет (франц.). — *Ред.*
[5] Но (франц.). — *Ред.*
[6] Дамы (франц.). — *Ред.*

Француз

Невежив. Je comprends! [1] Сказали мне:
Тот сумасшедша, тот cerveau brulé [2]
Буль брат жена Messere [3] Прокопа.

Первый голова

Ну?

Француз

Бранились оба ошень, а молшать
Своей бояриня велел Прокопа.

Второй голова

И дело: не вступайся в ссоры мужа.

Француз

En France [4] ушив обышай: дами нас
Мирят и ссорят.

Стрелец

Хороши! Да что
И говорить? Сплошь нехристи все немцы.

Второй голова

Бумагу ты подпишешь?

Первый голова

Так и быть;
А только согласись, что крут Прокофий.

Второй голова

Пожалуй, братец; в самом деле был
Приветливей покойный Скопин-Шуйский!

Стрелец

Да! царствие небесное ему!
Сердечный был надёжа-воевода.

---

[1] Я понимаю (франц.). — *Ред.*
[2] Сумасброд (франц.). — *Ред.*
[3] Господин (франц.). — *Ред.*
[4] Во Франции (франц.). — *Ред.*

Первый голова

По нем рыдали самые враги.
Его злодейка тетка опоила?

Второй голова

Не знаю: общий слух; а впрочем, брат...

Входят Захарья Ляпунов и еще кто-то.

Захарья

Здорово, молодцы!

Второй голова

Захар Петрович,
Тебя ли видим? Ты ли то, родной?
Не чаяли...

Захарья

Увидеться со мной?
Да бог привел. Где брат?

Второй голова

У Трубецкого.

Захарья

Что смотрите? Не на него ль, шального?

Второй голова

Вестимо.

Захарья

Мне приятель дорогой.
Скажи им, Ванька, кто ты?

Ванька

Нет, спою.

Захарья

Так, спой.

Ванька

Как в Московском царстве,
В русском государстве
Жил-был скоморох.

Был плясун проворный,
Был певун задорный
Ванька-скоморох!
Вдруг не стало шуток!
<Песен>, прибауток;
Только ох да ох!
Ах! с тоски, с кручины
Тоне стал лучины,
Весь исчах, засох!
А с какой причины
Точат грудь детины
Плач и стон и вздох?
Али кем обижен?
Белый царь пострижен,
Свел царя холоп,
Свел в тюрьму с престола...
Ох! святый Никола!
Лечь бы в темный гроб!

Захарья

Ты видишь: прежний шут царя Василья,
Теперь же полуумный и блажной.
Сидели вместе в той же мы темнице:
За песни он, которые, шатаясь
По улицам, юродствуя, певал;
Я — не за песни. Смерти ждали мы:
Уж был и день назначен; что же? Я
Стряхнул оковы, выломил решетку,
Освободил и шу́та и себя.
Признателен мошенник: песню в честь мне
Успел сложить! — Да полно вздор молоть;
Пора: пусть кто-нибудь меня проводит
К боярам-воеводам. Их не грех
(Скажу я мимоходом) уподобить
Орлу и лошаку и осетру,
Которых бы в одну впрягли телегу:
Тот тянет вверх, тот вниз, а осетер,
То есть Иван Заруцкий, прямо в воду.

СЦЕНА 3

Великолепный шатер Трубецкого. Трубецкой, Прокофий Ляпунов, Заруцкий, боярин Иван Салтыков, окольничие князь Иван Голицын и Артемий Измайлов, князья Волхонский, Литвинов, Масальский; Просовецкий, Заварзин. Посреди стол с бумагами; за пологом в другой половине готовят обед. При первых словах Трубецкого Феодор вызывает Прокофия Ляпунова, который выходит и шепчется с братом вне ставки.

Трубецкой

Я бы согласен, и никто, надеюсь,
Не обвинит меня в насильях тех,
О коих здесь помянуто.

Измайлов

Никто,
Князь Дмитрий Тимофеич, — бог свидетель!

Трубецкой

Благодарю, Артемий; но...

Просовецкий

К чему
Отдать себя на волю этой думы,
Которая не нами созвана?

Голицын

Не всеми нами.

Трубецкой

Сверх того скажу:
Нет в думе голосов мужей синклита,
Больших, старинных, родовых бояр.

Заруцкий

Ведь Ляпунов нам объявил о них,
Что все они прельстились славой века,
От бога отступили и к врагам
Жестокосердым западным пристали
И обратились на своих овец.

Измайлов

Смеешься, атаман, а прав Прокофий:
Свободный голос трудно им подать;
Они в Кремле в опеке Сигизмунда.

Входят Ляпуновы.

Трубецкой

Нет подписи святителей великих.

Прокофий

Что до святителей, князь Трубецкой...
В темнице страстотерпец Гермоген,
Но вот Захарья, от него посланник...
Бежал из-под секиры из Кремля...
Он сам сидел в оковах, но нашел
К устам и слуху патриарха путь.
Желанье думы знает патриарх
И письменно прислал свое благословенье.
Князь, почерк ведаешь его руки:
Тут нет подлога.

(Подает бумагу.)

Трубецкой

Кто же о подлоге
И мыслить может?

(Прочитав, крестится и целует бумагу.)

А! Захар Петрович!
Добро пожаловать! — позволь в тебя,
Гость дорогой, всмотреться. Мы давно
(Всему виною старый шубник Шуйский)
С Москвой расстались; в люди вышел ты
Без нас, приятель; много про тебя
Слыхали, да в лицо тебя теперь
Впервые видим... Честь тебе, Захарья!
Ты разом кончил то, что с Шаховским
И Телятевским мы предпринимали,
За что погиб Болотников; ты свел
С престола недостойного Василья.

Прокофий

Оставим, князь. Хотя и сам я был
Клевретом брата, а хвалиться нечем.

Чем отдавать в добычу полякам
Родную землю... Впрочем, царь Василий
Сам виноват — был слишком мягок, слаб:
Срубить бы было голову Захарью,
Да голову Прокофью и — другим, —
Сидел бы и поныне он на царстве.

Захарья

Спасибо, братец!

Прокофий

Не за что.

Заруцкий

Шутник
Наш воевода.

Захарья

Здравствуй, пан Заруцкий!
Мы резались с тобой когда-то.

Заруцкий

Да;
А, кажется, теперь друзьями стали.

Захарья

Надолго ли?

(Измайлову)

Артемий, старый друг!
Ты лучше новых двух, — как говорится.

(Голицыну)

Челом от братца, князь Иван Васильич!

(Другим)

Поклон тебе, князь Федор; да и вам
Нижайший, князь Козловский, князь Литвинов!
Да полно: до поры я отложу
Приветствия... Нахмурился Прокофий,
Мешать не должно.

Прокофий

Дмитрий Тимофеич,
Подпишешь ли бумагу?

Трубецкой

Я не прочь;
Но что другие скажут?

Заруцкий

Я согласен,
И мой совет: скорее подписать.

Просовецкий

Заруцкий...

Заварзин

(вполголоса)

Тсс! ни слова, Просовецкий!
Подписывай.

Просовецкий

Да, братец, на себя
Сам нож подам.

Заварзин

Молчи! Заруцкий знает,
Что делает.

Просовецкий

Не понимаю вас.

Заварзин

Поймешь.

Измайлов

Иван Мартыныч, ты согласен?

Заруцкий

И очень.

Измайлов

Искренно: я от тебя
Никак не ожидал...

Заруцкий

Чего? помилуй!
Отныне никому не уступлю
В усердьи к общей пользе.

Измайлов

Дай-то бог!

Трубецкой
(подходит к столу)

Мне ото всех не отставаться, братцы!
Быть по сему: приложим руку.

За ним подписывает Прокофий.

Заруцкий

Брат,
Моя наука — сабля; не далось
Письмо мне: ты и за меня подпишешь.

Подписывают боярин Салтыков, окольничие Измайлов, Голицын, Захарья Ляпунов, потом прочие.

Трубецкой

Князья! бояре! кончили мы подвиг
Великий, трудный, — вот покорно вас
Прошу отведать нашей хлеба-соли;
Не взыщете: что есть! что бог послал!
Ведь наше дело ратное. Однако
Найдется кое-что: меды́, вино,
И даже фряжское и романея.

Заруцкий

Люблю я князя: истинный боярин,
Прямой москвич радушный!

Трубецкой

Что ж? идем!
Нет, правда, у меня, Иван Мартыныч,
Хозяйки ласковой, как у тебя.

Заруцкий

Я — не женат.

Трубецкой

Ах! старый беззаконник!
Нас всё же встретили бы у тебя

С поклоном, поднесли бы чарку, в лоб
Поцеловали бы гостей любезных.

(Прокофью)

Из них у нас, боярин, первый ты
С удалым братом. . . Бью я вам челом:
Вперед ступайте.

Прокофий

Путь нам укажи,
Князь Дмитрий Тимофеич; за тобою
Последуем.

Трубецкой

Аврамий у меня,
Разумный келарь Сергиевской лавры:
Трапéзу нашу он благословит.

Уходят все, кроме Салтыкова и Заварзина.

Салтыков

Ты скрытно дернул за кафтан меня. . .
Чего желаешь?

Заварзин

Тише! не так громко!

Салтыков

А почему бы? тайны с казаками
Нет у меня.

Заварзин

Боярин Салтыков,
Тебя Заруцкий просит после пира
Зайти к нему.

Салтыков

Меня?

Заварзин

Тебя.

Салтыков

Зайду,
Но, признаюсь, ума не приложу,
Что общего быть может между нами.

ДЕЙСТВИЕ II

СЦЕНА 1

В избе Прокофья Ляпунова. Прокофий и Захарья.

Захарья

Ты победил, Прокофий: поздравляю!
Устав твой обуздает казаков.
Теперь, признаться, ведать я желал бы
Дальнейшие намеренья твои.

Прокофий

Они, Захарья, и просты и ясны:
Освободить родимый край.

Захарья

А тут?

Прокофий

Быть верным подданным царю, кому
Господь наш бог поручит Русь святую.

Захарья

Прекрасно! только это говори
Заруцким, Трубецким... А мне ты мог бы,
Кажись, и без утайки всё открыть.

Прокофий

Да я и не таюсь.

Захарья

Рассказывай!
Помилуй! слухом полнится земля:
Неужто даром? Господарь, державец
Рязанский, — Белый царь... — вот имена,
Какие носишь ты в устах народа.

Прокофий

Нелепый бред! бессмысленный! мутит,
Терзает душу и меня погубит,

Тогда как не легко вам заменить
Меня иным и лучшим. Впрочем, пусть!
Когда бы только кто привел к концу
Мой труд, урок, назначенный мне богом!
Пусть был бы здесь хоть прежний мой противник
(Он ревностный слуга земли родной)
Пожарский. . . Я бы менее тужил;
Пусть знал бы я, что по себе ему
В наследство дело рук моих оставлю,
Я был бы рад на отдых в землю лечь;
Его мечу и непорочной вере,
Не оскверненной в омуте злодейств
И бед неслыханных, в котором тонем,
Я завещал бы подвиг свой святой!
(Быть может, подвиг-то и не по мне:
Порой вливаются и страх и трепет
Мне в грудь, когда размыслю я о нем.)
Но, роком непостижным пораженный,
Вдруг отнятый у русских смелых сил,
Пожарский так же пал, как Михаил,
Наш воевода славы незабвенной.
Да! отдыхает от смертельных ран
Младой стратиг, надежда россиян,
На Скопина похожий чистым сердцем
И разумом и доблестью души.

Захарья

Пожарский не умрет. Тебе за пиром
Надолго сам достался Трубецкой,
Хозяин, мне — Аврамий, келарь лавры,
Что прибыл к вам недавно. Рад я был:
Товарищ мне по бывшему посольству,
Товарищ и по хитрости, с какой
Он, я и несколько других отстали
От главного посла, чтобы служить
Ему вернее. . .

Прокофий

Братец, мне ль не помнить?
Как бог свят, многое загладил ты
И многое тебе господь отпустит

За то, что даже именем своим
Ты жертвовать решился, что решился
Прослыть изменником в глазах друзей,
Чтоб послужить им лучше и верней.

Захарья

Ххмм! я себя (признаться) утешал
Тем только, что в душе пана́м смеялся:
Надуты, чванны, заняты собой —
А легковерны, хуже ребятишек. . .
Да дело о Пожарском: старику
Соседу был я рад, разговорились. . .
И он сказал мне, что Пожарский слаб,
Но есть надежда. Иноки героя,
Для безопасности, для тишины,
Для лучшего леченья и покоя,
Подале от тревог и бурь войны
Отправят, — может быть, на Волгу в Нижний.

Прокофий

Благодарю за весть: теперь умру
Спокойно, без забот, когда угодно
То будет господу.

Захарья

Вот бог тебе,
Тебя не понимаю! — Торжествуешь,
Противники у ног твоих, вся Русь
В твоей руке, — к земле родимой Кремль
Вновь припаять готовишься мечом
И кровью поляков; ты наш Сампсон,
Ты наш Давид, ты первый человек
Под русским небом; только захотеть бы —
И без греха (ведь вымер же весь род
Царей московских) можешь взять венец
И бармы Мономаха, — между тем
О смерти мне толкуешь!

Прокофий

Ты в горячке! —
Прокофью Ляпунову, дворянину
Ничтожному. . . Ты не в своем уме!

Захарья

А Годунов? а Шуйский?

Прокофий

Славный род их
К престолу ближе был, но и они
Погибли же!

Захарья

Положим, будто так;
Кто ж нами будет править?

Прокофий

Не поляк;
За это я тебе душой ручаюсь.
Наш долг исполнить только что́ на нас,
На недостойных, возложил всевышний;
И жребий свой стократ благословлю,
Когда успею; но, чтоб я успел,
Не слишком верю.

Захарья

Ты опять свое!

Прокофий

Знай: под ножами действую; знай: пасть
Мне суждено. . . Качаешь головой?
Так слушай: согласишься поневоле.
Недавно ночью я бродил по стану
И вот взглянул, и что ж? упал покров
Густого мрака, — пламя так и пышет. . .
Плещеев правил стражей; я велел
Туда немедля, в верное село,
В тылу моих полков, и полагал,
Зажгли поляки. . . Что же, боже мой!
Нашел Плещеев? все дома пылают;
А от кого? от *наших* казаков!
Их двадцать извергов, напав врасплох
На спавших, всех зарезали мужчин,
И вот поют и пляшут, пьют и воют,
Младенцев делят и бесчестят жен,
И ссорятся заранее за плату,
Какую от татар за них получат. . .

Схватили их; был должен замолчать
Заруцкий, их потачник; все вожди,
Чтоб страх навесть и на других злодеев,
Решили окаянных утопить.
Преступников Плещеев поутру
Повел на казнь; вдруг взвыл, задребезжал
Набат, и с ревом вольница сбежалась;
Вмиг закипел мятеж: Плещеев пал
Застреленный, весь караул изрублен,
И мерзостных убийц ведут назад
Клевреты в табор с торжеством, а табор,
Как море, колыхается и во́пит
И требует, чтоб выдали меня,
Чтоб голову сорвали с Ляпунова.
Я на коня и встретил казаков,
И — удалось, — смирил; да видя вялость
И малодушье лучших воевод,
Вражду и ненависть и злобу прочих,
В пылу досады (сам теперь стыжусь)
Покинул было буйную толпу,
Которая срамит святое имя
Отечественной рати... Что ж? меня
Догнали сами ж казаки и нагло,
Не без угроз, а искренно, кажись,
Молили возвратиться, вновь принять
Начальство. — Возвратился, братец, я
И вновь начальство принял; только видишь...

Захарья

Прокофий, вижу, что тебе давно
Захарья нужен. Ты меня умнее,
Искусный вождь, в боях неустрашим,
Великодушен, — тьма в тебе достоинств;
Но — неприветлив, слишком строг и горд.

Прокофий

Строг? слишком строг? Или щадить мне было
Разбойников?

Захарья

Что делать, коли нам
Никак не обойтись без них, проклятых?

Прокофий

Захарья, ради бога, замолчи!
Господь свидетель, никогда не буду
Злодеев подлых мерзостным льстецом:
Пусть разразит меня небесный гром,
Когда, за Русь сражаясь, позабуду
И кто я, и к чему обязан! — Нет,
Мне лучше не глядеть на божий свет,
Не жить и не дышать, чем пред толпою
Грабителей и шайкой их вождей
Презрительных унизиться душою!
Пусть на суду откажет мне Христос
В спасеньи, если, низкий раб боязни,
Их ужасать грозою правой казни
Не стану, если от ножа убийц
Не стану старцев, вдов, сирот, девиц
Оборонять!

Входит сотник.

Сотник

Боярин Салтыков.

Прокофий

Просить.

Входит Салтыков.

Салтыков

Благодарю тебя, боярин,
Что, вопреки обычаю, не час
Прождал я там среди твоих холопий.

Прокофий

К чему насмешки? ведаешь ты сам...

Салтыков

Я только ведаю, что Делагарди,
Союзник твой и друг, изменой взял
Великий Новгород; что твой посланник,
Разумный, храбрый Бутурлин, бежал,
А на прощанье земляков ограбил...
Да ништо им, злодеям кровожадным!

Мой брат Иван Михайлыч Салтыков...
Всех дел его одобрить не могу,
Но пагубный пример отца, но юность...

Прокофий

Конечно, много и в земских полках
Похуже Салтыкова. Что же с ним?

Салтыков

Посажен на́ кол.

Прокофий

Боже! быть не может.

Салтыков

Не может быть. Положим, что я лгу;
Однако так твой верный Троекуров
Тебе доносит... Вот его письмо.

Прокофий

В твоих руках?

Салтыков

Мне дал письмо Заруцкий.
Он их гонца к тебе перехватил.

Прокофий

Перехватил и смел сорвать печать!
Я с ним сочтусь.

(Читает)

«Из Ладожского стана
По целованью крестному людей
Житых и черных в город прибыл он;
Но, целованье преступив, его
Тогда ж схватили и...»

(Роняет письмо.)

Господь свидетель;
Страдальца Салтыкова кровь падет
Не на меня! Мне тяжкий за нее
Ответ дадут убийцы. А тебе,
Иван Никитыч, бьет челом Прокофий

И молит всех святых, да наградят
Тебя, что, и проникнут правым гневом
И ужасом и горестью объят,
Всё ж к бесталанному ко мне пришел ты,
К бессчастному, которому пора. . .
Иван Никитыч, где мне взять людей?
Как бог свят! что бы ни предпринял я
Для блага русских, что бы ни придумал,
Всё только в пагубу в руках глупцов,
В руках предателей! — Но раз еще:
Челом тебе строптивый бьет Прокофий,
Надменный Ляпунов готов тебе
Пред всеми поклониться до земли
За то, что без коварства ты пришел
К нему и душу высказал ему.
Клянусь: отныне враг мне Делагарди,
В моих глазах не лучше поляков.

Захарья

Твои сношенья?

Прокофий

С ним? Захарья, долго
Так мыслил я, как старец Гермоген,
Как ты и князь Василий,[1] что России
Царем быть должен русский.

Захарья

Брат, оставим.
Об этом мы и после потолкуем!

Салтыков

Проникнуть в ваши тайны не хочу,
Тем боле что шатка же дружба наша.

Прокофий

Нет; друг ли, брат ли, русский человек,
Тебе подобный, честный и прямой,
Пусть знает, чем другой прямой и честный,
России верный, русский человек
Хотел было служить сынам России!

---

[1] Знаменитый князь В. В. Голицын.

Итак: держался долго мысли я
Святого патриарха Гермогена,
Но — разуверился. Товарищ наш,
Рожденный здесь, и подданным, как мы,
Не усидит на царстве. Посему
По зрелом размышленьи к шведам я
Решился напоследок обратиться;
Сперва отправил к ним Бутурлина,
Потом и Троекурова; у них
Филиппа-королевича просил,
Чтоб государствовать ему у нас,
С согласья, разумеется, земского...
Условья те ж, которых не сдержал,
Да и сдержать не мог поляк-католик.
Но после злой измены Делагарди
Всё кончено: на бога положусь;
Бог даст тебе царя, святая Русь!

Салтыков

Не знаю, право, что мне отвечать...
Я не любил покойника и, боле,
Не уважал его: однако он
Родной же мне и звался Салтыковым:
За кровь его я мстить хотел тебе;
Пришел сюда, чтоб навсегда расторгнуть
С тобой приязнь и молвить: я твой враг.
И что же? этот самый час ты выбрал,
Чтобы меня доверием почтить
И тайну мне открыть, которой, вижу,
Узнать еще и брат твой не успел...
Боярин-воевода! упокой
Спаситель душу бедного Ивана,
И да убавит бог ему грехов
За смерть страдальческую! — Так и быть,
Желаю верить, что в его сгубленьи
Не виноват ты; вот моя рука,
И впредь я твой помощник и слуга.

Прокофий

Иван Никитыч, пред святым налоем
Не с большей радостью я принял руку

Жены мне милой, как теперь твою.

Входит Ольга.

Легка ты на помине, Ольга! что ты?

Ольга

Ты занят, а вошла я, не спросясь...
Прости! — но долее не смела я
Не слушаться...

Прокофий

Кого и в чем?

Ольга

Блаженный,
Что нынче прибыл с братцем из Москвы,
Нам всё стужает, просится к тебе.

Захарья

Впусти его: урод, и презабавный!

Прокофий

Не до уродов мне, не до блажных;
Возиться, брат, мне некогда с шутами.

(Ольге)

Повесила головушку: отказ
Тебя печалит, огорчает?

Ольга

Нет;
Но не досадуй, а я к просьбе братца
Пристану... Чуден и угрюм и дик,
Почти помешан, а не прост старик;
На нем, не скрою, платье шутовское,
Да — вот вам бог! — с ним страшно; у него,
Поверьте, что-то грозно-роковое
В усмешке, в голосе.

Захарья

О, хо! хо! хо!
Хоть и боюсь прослыть я святотатцем,
По-моему, он шут, да умный.

Ольга

С братцем
Не спорю. Но не гордым мудрецам
Судьбы свои всевышний открывает,
А детям, а растерзанным сердцам,
Которым детство снова возвращает,
Чтоб боль унять, чтоб скорби их пресечь.
Нескладно говорю; да наша речь,
Бояре, женская; не наше дело
Довóды, притчи. . . Только молвлю смело:
Недаром к мужу просится старик.

Прокофий

И ты же ведь женат, Иван Никитыч:
Подчас нельзя жене не потакнуть;
Не осуди. . . Ну, где же твой блаженный?

Ольга

Блаженный старче! потрудись, войди.
Тебя и муж и деверь ожидают.

Входит Ванька.

Ванька

Здорово, серый!

Салтыков

Почему его
Зовешь ты серым?

Ванька

Он небось прослыть
Хотел бы беленьким. Пустое! поздно
И слишком рано, братец!

Салтыков

Это как?

Ванька

А вот как: поздно, потому что он
Запачкался, и рано, потомỳ
Что вымоют Прокофья, да не здесь!

Прокофий

Ты не совсем дурак.

Ванька

Дурак, дурак,
И пошлый! Умников без нас довольно:
Толстеют и жиреют, жрут и пьют
И вырастают, что твоя сосна!
Потом, подумав, лапу поднимают
И дерзкую и мерзкую на тех,
Что их кормили, холили, растили.

Захарья

Меня щелка́ешь? а?

Ванька

Тебя? не верь:
Тебе ли верить? ведь не веришь в бога.
Пространна, широка твоя дорога;
В конце же западня: да ты, мой зверь,
Мой черненький, пожалуйста, не верь;
Не про тебя! глаза зажмурь, сердечный, —
Вперед и бух, веселый и беспечный,
Бух в западню!

Захарья

И это, Ваня, мне,
Приятелю и другу? И не стыдно?

Ванька

Радею, брат, о бедном сатане;
Сам рассуди: ведь было бы обидно,
Когда б ушел ты от его когтей?
Сказать и то: кому же клясть друзей,
Как не друзьям? Да я ж не Еремей,
Я Ванька; «про себя ты разумей»
Не мне у люльки нянюшки певали.

Захарья

А кто тебя избавил, шут? не я ли?

Ванька

В печаль меня ты вывел из печали.
По крайней мере в сытость там давали
Наохаться, нахныкаться, а здесь
Изволь шутить и тешить вашу спесь!

Прокофий

Меня желал ты видеть... В чем тебе я
Могу служить?

Ванька

Служить? Дай напрокат
Свою мне ручку, задуши злодея!

(Указывает на Захарью.)

Не хочешь? жаль, что я не сопостат:
Тебя бы соблазнил я. — А что, шея
Толста ли у тебя?

Прокофий

Как видишь, брат.

Ванька

Позволь ощупать шейку... Только! только!
Ну, Проня, ты кругом ведь виноват.

Прокофий

Не спорю, Ваня; мне сказать изволь-ко:
В чем именно?

Ванька

Не слышишь ли? жужжат,
Тебе жужжат, тебе твердят: «Ты хват,
Ты наш Орел Орлович, Сокол ясный!»
А оплошал; вишь: шейки-то запасной
Себе не дóбыл.

Ольга

Что ты, Ваня?

Захарья

Вздор!

Ванька

Вздор, черненький, вестимо не топор;
А вот что: пусть и челядь наши бредни,
Так всё же, светик, не твоей передни.

Захарья

Толкуй, а я разделаюсь с тобой!

Ванька

Ой, батюшки! ай! режут! ай! разбой!

(Прячется за Ольгу и поет)

Не селезень за уточкой,
А шут поплыл за шуточкой;
Не селезня ж и подстрелили,
Нет, дурака поколотили,
Что больно горьки шуточки,
Не сладки прибауточки.

Прокофий

Не бойся, подойди: я не позволю,
Покуда жив, чтоб чья-нибудь рука
Тебя обидела.

Ванька

Итак, на волю
Язык отпущен Ваньки-дурака?
Да что ты нéвесел? о чем тоска?
О чем кручина?

Прокофий

Друг, назначил долю
Мне славную и тяжкую господь:
Врагов отчизны любо мне бороть,
И душу положить за Русь святую
Готов и рад я; а тужу, тоскую
О том я (да отпустится мне грех!),
Что всё не удается, как на смех,
Размыслить, располóжить здраво, зрело...
Что ж? Вечно злость и глупость портят дело!
Враги? Добро бы! нет, свои, друзья!

Так, право, начинаю думать я,
Что родился без счастья, без талану.

Ванька

Нет счастья? нет талану? Не достану,
Голубчик мой, до маковки твоей:
Да кто-нибудь из ваших, из друзей
Взберется, влезет на скамью, на лавку,
И с маковки-то сдернет камилавку.

Салтыков

Какую, брат? Кажись, он не чернец.

Ванька

Нет? мудрено! а государь-отец
Ведь в чернецах же! Ваньке и венец
С поры той, — да! венец священный, царский
Сдается камилавкой, клобуком.
Венец же, свет, не то, что шлык боярский.

(Прокофью)

Ты ж шлык свой назови хоть колпаком,
Тому, в ком нет талану, шапка кстати ль?
О бесталанности твоей трубя,
Сорвут холопи колпачок с тебя,
Как сорвал Воротынский, твой приятель,
Голицын и твой братец дорогой
Венец державный с головы святой
Царя Василья... А за что? Василий
Вас жаловал не так, как царь Иван:
Он не жалел ни поту, ни усилий,
Он душу отдал бы, чтоб слез и ран
Нигде не видеть... Вы же? вы твердили:
«Бессчастен, бесталанен!» — а теперь...
Нам что с тобою делать, серый зверь?
Ведь и тебе нет счастья, нет талану?

Прокофий

Не в бровь, а в глаз; и не могу, не стану
Оправдывать себя. Что говоришь,
В ночах бессонных я и сам вчастую
Твержу себе. В твоем лице, старик,
Оделась в плоть моя больная совесть.

Будь близок мне: мне правду говори;
Нужна мне правда. — Плачешь, бедный Ваня?

Ванька

Как тут не плакать? вор-то окаянный!
Кто научил тебя? — И речи-то
Из уст медовых Васиньки ты кра́дешь.

Прокофий

Со мной остаться хочешь ли? — Любить
Меня не можешь; всё же, Ваня, помни,
Что Русь святую столь же я люблю,
Как злополучный царь Василий.

Ванька

Знаю!
Ты, светик, любишь до того ее,
Что отнял у Василья и охотно
Запрятал бы в свой собственный карман.

Захарья

Ха! ха! ха! ха! Мошенник прелукавый!
За выходки такие, Ванька, мне
Никак нельзя с тобой не помириться!

(Целует его в лоб.)

Вдруг несколько выстрелов.

Салтыков

Что это?

Ванька

Огородники горох
Не в пору сеют.

Салтыков

Неприятель!

Захарья

Ляхи!

Выстрелы ближе и чаще. Входит сотник.

Сотник

Боярин, защищайся: дом обхвачен.

Голоса за сценой

Где Ляпуновы? Режьте их, собак!

Захарья

Спасай жену; гостей-то примем мы.

Голоса за сценой

За гибель сына гибель Ляпунову!
Прокофью ад и муки! мне его!
Схватить, поймать его живого.

Прокофий

(Салтыкову)

Брат,
Их вождь Михайло Глебович, твой дядя.

Захарья

Мне душно: на простор! К врагам навстречу!

(Хочет выйти.)

Врываются Михаил Салтыков, Андронов, Хаминский и поляки.

Михаил Салтыков

А! пес проклятый! ты в моих руках!
Вяжите вы его с злодеем братом!

Захарья

Старик, ты бредишь: мудрено вязать
Удалых братьев Ляпуновых.

Михаил Салтыков

Лжешь,
Разбойник! для тебя не ново: разве
Ты не был связан?

(Увидев племянника)

Ты, Иван Никитыч?
Ты в доме Ляпунова, палача,
Который брата твоего замучил?

Иван Салтыков

Жаль брата! бог с ним! Я стою за Русь:
За Русь я и с отцом родным сражусь.

Прокофий

Михайло, пал твой сын, твой сын погиб
За грех отца, предателя отчизны:
За кровь его *ты* богу дашь ответ;
Я в ней невинен. Но клянусь, Иуда,
Не попадайся в эти руки ты:
Тебя жестокой казнию замучу
В пример тебе подобным.

Михаил Салтыков

Мне грозишь?
Ты разве слеп, безумный? ты мой пленник.

Захарья

Ты сам с ума сошел, седой изменник!
Вот доказательство!

(Рубит его.)

Михаил Салтыков

Я насмерть ранен...

Захарья

Да?

Андронов

Убит боярин; всех их искрошите!

Гонсевский

(за сценой)

Стой! Стой!

(Входит.)

Прочь, говорят! не смей
Никто и пальцем прикоснуться к пленным!

(Прокофью)

Ты не сдаешься? все твои стрельцы
Убиты; выруки не жди. Тебе
И всем твоим дарую честный плен.
Ты воин доблестный; но срама нет
Отдаться в плен, когда нельзя сражаться.

Прокофий

Молчи, Гонсевский: плен и Ляпунов,
Что день и ночь; их сочетать не можно.
Умру...

(Взглянув на Ольгу)

Но, боже трисвятый! она!

Гонсевский

А? это что? — Эй, молодцы! схватите!

Ванька

Не подходи, Литва, не подходи:
Укусит Ванька, за нее и Ванька!

Захарья

Я вас, безмозглых! Вот вам раз, вот два,
Вот третий!

(Убивает трех.)

Гонсевский

Застрелите великана!

Выстрел, Захарья падает.

Прокофий

Захарья!

Захарья

Брат, прощай; не поминай
Захара лихом... Свижусь ли с тобой?
Но путь мой темен... Братец, не желаю!

За сценой выстрелы.

Хаминский

Поднялся табор!

Иван Салтыков

Наши! наши! к нам!
На помощь, братцы! к воеводе! к нам!

Гонсевский

Избу зажгите — и назад!

Хаминский

Назад!
Казак мерзавец! обманул, собака!

Врываются в избу Ржевский, Феодор Ляпунов, Кикин. Прокофий выносит Ольгу; за ним пробиваются другие. Битва продолжается.

СЦЕНА 2

Арбатская площадь. Ночь. Пожар. Поляки бегут. Прокофий, Феодор, Салтыков, Кикин, воины русские и тело Захарьи.

Прокофий

Кто поднял вас?

Кикин

Иван Иваныч Ржевский.

Ольга

О господи, мой боже! он, мой брат!

Прокофий

Я рад, что одолжен ему спасеньем.
Но мой-то брат, Захар мой! Долго с ним
Делил и счастье я и горе... ныне
Стою один... Крепишься, Федя? плачь
И вместе радуйся; как храбрый воин
Пал твой отец. Всевышний милосерд:
Послал конец Захарье не бесславный.
Счастливей будешь и отца и дяди:
Ты молод, жить ты будешь в век иной,
В покойный век, под скипетром царя,
Назначенного господом России.
Служи ему усердно: не впадешь,
Не так ли, Федор? в наши заблужденья.
Но не теперь о них воспоминать.
Меня любил Захарья, был мне верен,
Был предан брату, как никто другой.
Где Ржевский?

Кикин

Гонит польские дружины;
Да реже выстрелы; слабеет битва.
Воротится, и скоро. — Но идут.

Трубецкой, Измайлов и другие.

Трубецкой

Товарищ, больно мне: я опоздал;
А, слава богу! без меня отбито
Врагов коварных нападенье.

Прокофий

Так;
Да дорого, князь Дмитрий Тимофеич,
Отпор мне обошелся. — Вот! смотри!

Измайлов

Захарья, бедный друг! тебя ли вижу
Здесь без движения и жизни я?

Трубецкой

Был богатырь; такого молодца
Не скоро сыщешь... жаль! Да упокоит
Его спаситель! Исполать ему!
Прямой Болотников: такой же смелый,
Такой же и силач.

Феодор

Князь Трубецкой,
С отцом покойным подлого холопа
Не сравнивай: ты тем его срамишь.

Трубецкой

Не оскорбляйся; только строг же ты:
Болотников был воин знаменитый;
Конечно, Телятевского холоп,
Да Телятевский, Шаховской и я
Товарищем его признали, Федор.
Но ты теперь в печали: я молчу.

Уносят тело Захарьи; входят Заруцкий и Заварзин.

Заруцкий
(вполголоса)

Им помогли, проклятым! да узнать,
Велик ли недочет? .. Ты жив, Прокофий?
Не ранен ты? и цел и невредим?
Ну, поздравляю!

(В сторону)

Черт тебя возьми!

Рад, рад душевно! Торопился я...
Да, брат, храпят бездельники с пирушки,
Насилу я, насилу сóбрал горсть...
Кто выручил тебя?

Прокофий

Мне бог помог,
Заруцкий, и два друга, от которых
Иной бы и не ждал, что мне помогут...
Спасибо! одного ты мне прислал.

Заруцкий

Кого, любезный? Право, не припомню.

Прокофий

Великодушный витязь Салтыков
Стал за меня и об руку со мною
Разил врагов, пока не подоспел
Мой храбрый шурин, благородный Ржевский.
Иван Мартыныч, ложь сплести легко
И честных жен бесчестить клеветою,
Не трудно и письмо перехватить;
Да в пользу ли? .. Где мой гонец?

Заруцкий

Гонец?
И не слыхал я про гонца.

Прокофий

Письмо...

Заруцкий

Попалось мне случайно, видно, кем-то
Обронено; мне принесли, а я, —

Не из ученых я, — к тому ж не ведал,
Что грамотка к тебе... Питаю, брат,
Отличное доверье к Салтыкову,
Так и просил прочесть мне, — вот и всё.

Салтыков

Поклон мой за доверье! а скажу,
Чтобы прочесть письмо, к Марине за́звал
Меня тайком полковник Заварзин.

Заварзин

Вольно же думать...

Салтыков

Говорю: *тайком.*
Замечу, впрочем: грамотей почище
Меня и многих этот Заварзин —
Дьяком когда-то был. А мне пришлось
Письмо прочесть его же атаману.

(Оборачивается к ним спиною.)

Заруцкий

Так точно! и в глаза и за глаза:
Учен, умен, проворен... Здесь ты, братец?
Сердись, пожалуй! — Да, умен, а плут
Мой Заварзин, мошенник, и претонкий:
Вот почему и поверять его
Порой мне должно.

От него отходит и Заварзин; прочие разговаривают между собою; подходит к нему шут.

Ванька

Здравствуй, осетрина!

Заруцкий

Что шут ты, — очевидно; но не так
Мне ясно, почему я осетрина?

Ванька

Не ясно? а покойник-то тебя
Всё осетриной величал.

Заруцкий

Какой покойник?

Ванька

Да что говаривал: тот тянет вверх,
Тот вниз, а осетер-то прямо в воду.

Заруцкий

Пострел же твой покойник! Как зовут?

Ванька

Теперь не кличут, не зовут. Бывало ж,
Я Черным звал его, а ваш орел
Захаром, братом.

Заруцкий
(дает ему денег)

На, дурак! за весть
За недурацкую... Убит Захарья, —
По крайней мере, проглотил же ад
Хоть одного из этих Ляпуновых.

(Уходит.)

Трубецкой
(Прокофью)

Боярин-воевода, чем могу
Служить тебе?

Прокофий

Благодарю, боярин.
Покой мне нужен, отдых: должно мне
Собраться с духом, с силою собраться...
Я не дитя; однако брат — всё брат.

Трубецкой

Печаль твоя мне свята... До свиданья.

Прокофий

Еще одно, князь Дмитрий Тимофеич:
Пришли, прошу, Аврамия ко мне;
Он другом был Захарье; пусть положит
Захарью в лоно матери земли!

Трубецкой

Прощай; Аврамий будет непременно.

(Уходит со своими.)

Прокофий

Ушли... Ты, Федор, не стыдися слез.
Их не скрывай... Ей-богу! мне завидно:
И я хотел бы плакать, — не могу;
Здесь тяжело, здесь давит, но отрады
Горючих слез мне, верно, не вкусить.

Входит Ржевский.

А! Ржевский! руку! руку! — Без тебя
И я и Ольга так же бы лежали,
Как вот теперь мой бедный брат Захар.

Ржевский

(отдергивая руку)

Позволь, боярин... я исполнил долг
И спас не зятя, а вождя, который
России нужен.

Ольга

Братец, ты жесток!

Прокофий

Еще ли веришь клевете презренной?

Ржевский

Не верю ей, но повод к клевете
Не должен быть моей сестрою подан.
Вчера узнал я, как в гнилых устах
Распутных ратников сквернится имя
Сестры моей... Я свой исполнил долг;
Ничем, боярин, мне ты не обязан:
Услышал я тревогу и вскочил;
На треск и вопли битвы поспешил,
Увлек того, другого за собою,
И — посчастливилось, — и вождь спасен;
Но всё я враг Прокофью Ляпунову.

ДЕЙСТВИЕ III

СЦЕНА 1

У Марины. Марина и Лодоиска.

Лодоиска
(поет)

1

Без любви, без славы
Скучны все забавы,
Все беседы глупы,
Все утехи тупы.

2

Без любви девице
В свете, что в темнице:
Я бы без раздела
<Счастья> не хотела.

3

Без любви не в радость
Красота и младость.
Без любви и воин
Славы недостоин.

4

«Краков и Варшава!
Что мне ваша слава?
Только бы Людмила
Помнила, любила!

5

Марш! вперед, жолнеры!
В честь любви и веры!
Для похвал Людмилы
Рад я в зев могилы!»

6

Крикнул Ян и скачет.
Вслед Людмила плачет;
В гром и ужас битвы
Шлет за ним молитвы.

7

Без любви, без славы — *и проч.*

Марина

Нет, Лодоиска! эта песня душу
Терзает мне... Из темной глубины
Минувших дней, как будто из могилы,
Она воспоминанья и мечты
Умершие зовет и воскрешает.
О! было время... эту песню я,
И я певала в сча́стливом Самборе.
Переменилось, мати пресвятая!
Переменилось много с той поры:
Я, гордая, тогда цвела, блистала;
Тогда искали взора моего,
Гордились все улыбкою Марины,
Роились рыцари и палатины,
Князья и графы вкруг меня... Теперь —
Где ты, моя прекрасная денница?
Увяла я; грызет меня тоска
Смертельная; я двух лжецов вдовица,
Бесчестная добыча казака!
Не пой мне про любовь, не пой про славу...
Любовь и слава! Славу и любовь
Я бросила за горе и бесславье.

Лодоиска

Царица...

Марина

Не ругайся надо мной,
Над кралью злополучного расстриги.

Лодоиска

Расстрига или нет, он был царем
Помазанным, венчанным, — а вдобавок

Бесстрашный витязь, человек ума
Великого.

Марина

Положим, Лодоиска;
Да можешь ли то ж самое сказать
Про гнусного безумца, про бродягу,
Которого крамольники потом
Назвали тем же именем, — который
(Увы мне! стыд неимоверный!) — стал
Преемником и ложа и обмана
Зарезанного мужа моего?
Да <уж>и без того не верх ли срама
Заруцкого наложницею быть?

Лодоиска

Всё это позабудется, всё это
Покроется сиянием венца,
Порфирой царской сына твоего.

Марина

Порфирой сына Тушинского вора!

Лодоиска

Он кровь твоя.

Марина

Так! так! затем-то я
Его и ненавижу.

Лодоиска

Бог с тобой!
Не падай духом; на престол московский
Ты возведешь его...

Марина

Ха! ха! ха! ха!
Утратила я славу и любовь,
Покрылась я позором, поношеньем,
Я буду басней будущих веков,
И (верь мне: не ослепла) — уж давно
В груди моей растерзанной засохла

Надежда безрассудная, — а вот
Живу же я, я жизнь переношу!
Как? для чего? — меня что держит? — Мщенье!
Мне мщенье остается; им дышу,
Им существую; с головы до ног
Меня проникло мщенье, — вся я мщенье!

Лодоиска

И мщение готовишь?..

Марина

Всем: Москве,
Клятвопреступной, вероломной Польше,
Друзьям коварным, дерзостным врагам,
Литве и казакам и Сигизмунду, —
Для всех для них я бы желала быть
Неугасимым светочем пожара,
Источником неиссушимых слез,
Неистовой мегерой битв кровавых,
Орудьем гибели, бичом небес!
Обречь бы я желала посрамленью
Их жен, их дочерей, как обрекли
Они меня, царицу, посрамленью;
Желала бы повергнуть в сиротство́
Младенцев их, как ввергнут мой младенец
Еще до дня рожденья в сиротство!..
Душа моя всех, всех их ненавидит.
Всех боле одного!

Лодоиска

И он поляк?

Марина

Что нужды до народа, до земли?
Везде он был бы первым: горд, как я,
Прекрасный, величавый, дивный муж,
Умен, как царь Димитрий, столь же смел
И столь же счастлив, но не легкомыслен,
Не опрометчив, как то был Димитрий!

Лодоиска

Неужто Ляпунов?

Марина

Неблагодарный!
Ему я отдавала руку, сердце;
С его отвагой, с хитростью моей,
С любовию к нему земли московской
От нас бы и венец уйти не мог...
Но пре́зрел он меня, — девчонку мне
Ничтожную, мне Ольгу предпочел...
Злодей! узнаешь, какова Марина!
Доселе тщетны были все усилья,
Напрасны все попытки: бунт кипел, —
Он устоял; разжженный клеветою
До бешенства, клялся его убить
Отважный Ржевский, — что ж? он устоял.
И этот самый Ржевский спас его,
Когда придумала я новый ков,
Чтобы сгубить счастливца; Салтыкова
Вооружила я, — он устоял,
И Салтыков, как был, так и теперь
Ему слуга усердный! — Но пускай
Не торжествует: не легко ему
Исчерпать, истощить запас коварства
Марины гневной, оскорбленной им.

Входит Заруцкий.

Что нового, боярин?

Заруцкий

Я к тебе
С веселой вестью.

Марина

Лодоиска, выйди.

Выходит Лодоиска.

Заруцкий

Мы одолеем твоего врага.

Марина

Какого?

Заруцкий

А Прокофья.

Марина

Почему
Ты думаешь, что Ляпунов мне враг?
Я лично не враждую никому;
Конечно, приняла участье в мерах
Против него, но сын мой на меня —
Права и польза сына налагали
Тяжелый этот долг. Пусть к нам сегодня
Пристать решится, пусть мне слово даст,
Что, выгнав из столицы...

Заруцкий

Говори!
К чему витийство тратить по-пустому?
Уверена же ты, что Ляпунов
Ни завтра, ни сегодня не захочет
Содействовать намереньям твоим;
Он враг твой, личный враг твой; это знаю;
И мой, но только потому, что мне
Мешает.

Марина

Грабить не дает?

Заруцкий

Меня
Ведь не рассердишь. Впрочем, и сама
Довольно ясно видишь, что Заруцкий
Не Просовецкому чета, который,
Бедняжка! бьется только из того,
Чтоб не повесил Ляпунов его.

Марина

Однако, право, атаман, не худо
Об этом и тебе похлопотать.

Заруцкий

Не беспокойся: кое-что придумал
Пролаз мой Заварзин...

Марина

Казак невежа!

Заруцкий

Невежа? не совсем: он грамотей.

Марина

И точно! это для тебя не шутка!

Заруцкий

Я не таюсь: безграмотный казак,
Да вождь я и глава бояр строптивых,
И я же преученых, преспесивых,
Претонких поляков сажал впросак.

Марина

Скажи: посредством хитростей счастливых
Таких ли, например, с какою ты
Скрепил устав Прокофья Ляпунова?

Заруцкий

Что делать? — Я, быть может, и не прав,
А думал, что, скрепив его устав,
Внушу к себе доверье.

Марина

И обчелся!
Да, я забыла: что же Заварзин?

Заруцкий

Он за дверьми: сам всё тебе расскажет,
Позволь ему войти.

Марина

Пускай войдет.

Заруцкий

И Просовецкий с ним.

Марина

Покорно просим.

Заруцкий

Пожалуйте, друзья.

Заварзин и Просовецкий входят.

Марина

Сердечно я
Вам, атаманы, рада. — Слишком редко
Пан Просовецкий посещает нас:
Лисовского отважный победитель
Здесь должен бы быть чаще. — Заварзин!
Добро пожаловать, старик разумный!
Поверь мне! цену знаю я тебе.
Прошу же — сядьте.

Оба

Постоим, царица.

Марина

Нет, без чинов: садитесь; здесь не двор,
А стан воинский; да и лучше. — Хлопец!

Входит слуга.

Подать вина и чару. — Заварзин,
Кажись, ты русский.

Заварзин

Бельский уроженец.

Марина

Люблю я русских; всей душою
Обычаи России почитаю.

Слуга пришел с вином; она встает, сама наливает и подает и целует гостей в лоб.

По русскому обычаю я вас
Приветствую: друзья, здоровы будьте!

Оба

(выпивая)

Дай, господи, царице много лет!

Просовецкий

(вполголоса Заруцкому)

Как милостива, ласкова царица.

Заруцкий

Сказать, что баба! — голову в заклад,
Что за нее теперь в огонь и воду
Пронырливый старик готов и рад.

Марина

Ты, Заварзин, — так мне сказал боярин, —
Придумал средство, как к нам наконец
Прокофья Ляпунова преклонить.

Заварзин

Когда о средстве говорил боярин,
Могущем Ляпунова преклонить
На нашу сторону, тогда боярин —
Не гневайся! — поболее сказал,
Чем слышал от меня, чем в состояньи
Придумать голова Заварзина,
Чем, вероятно, то и сам желает.

Марина

А почему? по мненью моему,
Он должен бы быть рад такому другу.
Не правда ли, Иван Мартыныч?

Заруцкий

Ххмм!

Марина

В другое время потолкуем мы
Пространнее об этом. А теперь:
Что ты замыслил?

Заварзин

Замысл мой и прост;
Но знаю казаков и полагаю —
Подействует: указ бы к городам
За подписью Прокофья нам подкинуть,
Чтобы в такой-то день, в такой-то час
Ударили на казаков и всех
До одного убили без пощады.

Просовецкий

Умна же выдумка! — и, не шутя,
Ты думаешь, что кто-нибудь поверит?
Неправду разглядит тут и дитя.

З а в а р з и н

Хитер же ты! да, если глупых мерит
На свой аршин такой, как ты, хитрец, —
Хитер хитрец, но слишком, мой отец.

З а р у ц к и й

Припомни это.

(Заварзину)

Ты старик лукавый,
Однако, братец, слишком груб обман.

З а в а р з и н

Где тонко, там и рвется, атаман!

М а р и н а

Заруцкий, Просовецкий, — вы не правы,
И я так думаю, как Заварзин;
И мне известна чернь: не позабуду,
Какой нелепой сказкою на нас
Москву вооружил и поднял Шуйский.
Не для слепой толпы пронырства, козни
Преутонченные; не езуит
Придворный, ловкий, например Рангони,
Народ тупой и зверский возмутит.
Кто лист напишет?

З а в а р з и н

А я сам, царица;
Крапивное я семя: мне легко
Подделаться под руку Ляпунова.

М а р и н а

Прекрасно! будет у тебя в долгу
Марина на всю жизнь. Да только смерти
Ничьей я не желаю: так устрой
Всё дело, чтоб остался жив Прокофий.

З а в а р з и н

Остался жив?

М а р и н а

(надевает на него золотую цепь)

Возьми на память, друг.

Заварзин

Холоп я твой, царица! — Да едва ли...

Марина

Дальнейшее Заруцкому скажи;
Он всё мне перескажет. До свиданья.

(Уходит.)

Заварзин

Чтоб жив остался!

Заруцкий

Брат, не хлопочи!
Сам знаешь: мало ли что говорится.

СЦЕНА 2

Табор. Несколько крестьян.

Первый

С другим боярином по стану ходит:
Мне сказывали так.

Второй

Узнать его
Не трудно: он плечист, высок, осанист;
Глаза большие, голубые.

Третий

Так;
Да станет ли нас слушать, горемычных?
Ведь и с боярами-то больно горд.

Первый

С боярами! — А с нами, сват Гаврило,
Он ласков будет; нас ему смирять
Не нужно; мы и без того смиренны.

Третий

Тсс, Ермолай! идут.

Второй

Он, точно он!

Первый

Ретивое забилось и заныло.

Входят Прокофий и Салтыков.

Прокофий

Ты в Лавру хочешь ехать, Салтыков?

Крестьяне бросаются в ноги Ляпунову.

Что это? встаньте, встаньте, земляки!
Чего хотите?

Крестьянин

Бьем тебе челом!
Помилуй нас, кормилец, заступи нас,
Заставь молиться богу за тебя!

Прокофий

Али вас кто обидел?

Крестьянин

Ох! боярин!
В разор, дотла нас разоряют!

Прокофий

Кто?

Крестьянин

А казаки. Поборам нет конца...

Прокофий

Мне жаль вас, братцы; дело разыщу,
Да за поборы мне никак нельзя
Вступаться строго: войско жить должно.
Подводов и довольно; только грех:
Не в срок приходят. Между тем ведь нужны
И корм коням, и людям хлеб и харч.

Крестьянин

За хлеб и харч, родимый, не стоим;
Да денежную подать наложил
На нас их старший: денежек-то нет,
Так подавай последние пожитки,

И лопать, и скотинку, — и грозят,
Что и ребят и баб у нас отнимут
И продадут в неволю, нас побьют,
Как кудринских, — село же наше выжгут.

Прокофий

Село-то ваше?

Крестьянин

Черны Грязи, барин.

Прокофий

Кто атаман казачий?

Крестьянин

Бог его,
Кормилец, знает: с рожья-то румян,
Тебя помене, рыжеват, пузан —
И, батюшки! и трое не обхватят.

Прокофий
(Салтыкову)

Приятель Просовецкий. Я ж его!
Грабителя Заруцкий должен выдать,
И непременно.

(Крестьянам)

Братцы, не тужить!
Давать и хлеб и корм, но под расписку;
Во всем же прочем: в деньгах и пожитках
Отказывать, и смело, наотрез:
«Прокофий не велел», — и всё тут. — С богом!

Крестьянин

Отец ты наш! утешил ты сирот!
Дай-то господь наш бог тебе здоровье!

(Уходят.)

Прокофий

Вот так-то, так-то, друг Иван Никитыч!
Как только станешь думать о бедáх,
О всех страданьях русского народа,

Об этих страшных следствиях войны,
Так часто сердце кровью обольется.
Несчастный селянин ожесточен
И одичал: в глазах его что ратник,
То душегубец; русский и поляк
Ему теперь почти равны — обоих
Дрожит, страшится, ненавидит он.
А ведь с природы кроток и радушен,
И любит Русь святую, край родной,
И рад отдать бы и рубашку с тела.
Но — о другом. Ты едешь в Лавру, брат?

Салтыков

Так; тело дяди я туда свезти
И там предать святой земле желал бы.
За душу грешника причет и братью
Молиться упрошу: в молитвах он
Нуждается... да, признаюсь, боярин,
Боюсь, не отказали бы ему
И в честном погребеньи. Ведь под клятвой
Церковною скончался.

Прокофий

К патриарху
Доставить постараюсь письмецо:
Смиренный, милосердый христианин,
Он клятву снимет, — я уверен в том,
Хотя и оскорбил его покойник.

Салтыков

Ты был врагом Михайлы Салтыкова
И хочешь за него просить?

Прокофий

Врагом?
Противником его я был; но смертный
За смерть дерзнет ли простирать вражду?
Нуждается в молитвах... Кто ж из нас,
Из грешных, не нуждается в молитвах?
Все мы цветем и вянем, как трава:
Его была чреда, он пал сегодня;
А я, быть может, завтра же паду.

И я явлюся пред судом Христовым,
В последнем милосердьи отказав
Клеврету, искупленному, как я,
Христовой кровью, брату своему?
Идет там кто-то.

Салтыков

Просовецкий.

Прокофий

Он?
Останови его.

Салтыков

Эй, Просовецкий!

Просовецкий
(подходит)

Что надо?

Прокофий

Раз: чтобы передо мной,
Боярином и главным воеводой,
Наемник Просовецкий не дерзал
Стоять так нагло, в шапке.

Просовецкий снимает шапку.

Во-вторых,
Чтоб он и слово обращал ко мне,
Как следует.

Просовецкий

Как следует? — Пожалуй,
Ты мне и в землю кланяться велишь!

Прокофий

Не я велю, — а сам же Просовецкий
Так станет кланяться, и вот беда:
Ему поклоны эти не помогут.

Просовецкий

В чем не помогут? и зачем бы мне —
Я вольный атаман — так унижаться?

Прокофий

Читал ли ты Земской устав?

Просовецкий

Читал.

Прокофий

И подписал его?

Просовецкий

Ну, подписал;
Да черт с ним!

Прокофий

Слышишь ли, Иван Никитыч?
Возьми его и поручи стрельцам.

Салтыков

(кладет ему руку на плечо)

Истома-Лавр Степанов Просовецкий,
Земли Московской жалованный стольник
И вольницы Черкасской атаман,
Ты пойман богом и Земскою думой:
Отдай мне саблю и ступай за мной.

Просовецкий

Ни сабли не отдам, ни за тобой
Идти я не намерен. Что я сделал?
За что меня берешь под караул?

Прокофий

За хищность и грабеж.

Салтыков

И явный бунт.

Просовецкий

Я вольный атаман, и суд мне Рада
Черкасов вольных.

Салтыков

Русский стольник ты,
И суд тебе Земская дума. — Саблю!

Просовецкий

Не слушаюсь: Заруцкий мне большой.

Салтыков

И он,

(указывая на Прокофья)

и князь Димитрий Трубецкой.
А впрочем, ты сюда забрел к рязанцам:
Нам только свистнуть, и в мгновенье ока
Тебя скрутят.

Просовецкий

Боярин, дашь ответ
Заруцкому и войску.

Прокофий

Ладно.

Салтыков

Саблю,
Мерзавец!

Прокофий

Не сердись, Иван Никитыч!

Входит Кикин.

А! кстати, вот и Кикин! дашь ли саблю?

Просовецкий

Ну, на! возьмите! — Не по силам мне...
Прокофий Ляпунов, ты, повторяю,
Заруцкому и войску дашь ответ.

Прокофий

Не беспокойся. Отведи же, Кикин.

Уходят Просовецкий и Кикин.

Салтыков

Не постигаю дерзости его!
Как? этот раболепный Просовецкий,
Подлец, дрожащий взгляда твоего...

Прокофий

Да, Салтыков: признаться, это странно.

Салтыков

Я в Лавру не поеду!

Прокофий

Почему?

Салтыков

Недаром этот вор так нагл и смел.
Марина и Заруцкий... Нет, не еду:
Друзьям тебя не должно покидать.

Прокофий

Заботливость твоя, Иван Никитыч,
Отрадна мне; но поезжай, душа:
Уже молва о том, что хочешь ехать,
Успела разнестись; когда же вдруг
Останешься, тогда дремать не станут
Мои враги; язык их ядовит;
Начнутся толки. Бог меня хранит,
И, если в самом деле мне опасность
Грозит какая, отвратить ее
Он может, буде так ему угодно
И буде нужен я родной земле;
А не угодно — и старанья ваши
Напрасны будут. Под щитом его
Стою — и не боюся ничего.

СЦЕНА 3

Глухое место за табором.

Заварзин

(один)

Да! грамотки писать и мы умеем,
И чьи-то чище, хитрый грамотей,
Премудрый воевода? — Наши, правда,
Не слишком длинны, — но не без затей.
Увидим!.. Не забыл я, Ляпунов,
Твоей боярской ласки, как ты, было,
Чуть сына моего не утопил;

Я к вашим — и, спасибо! взбунтовались
И вырвали из рук твоих собак
Павлушу; только жаль: ослы потом
Испортили, что начали так лихо;
Ведь головою выдали его!
И стал я в землю кланяться тебе,
Стонал и плакал, охал — всё напрасно!
Ты чуть его опять не утопил.
«И своего-де сына, — ты твердил, —
Не пощадил бы». — Ххм! велико дело!
Дрянную деревушку запалить!
Насилу-то на просьбу Трубецкого
Сдался злодей и, наказав кнутом,
Из стана выгнал бедного Павлушу.
Да где же Просовецкий? — Хлопотун!
Отправиться изволил сам к рязанцам
Сыскать мошенника, который нам
Закабалил за горсть ефимков душу...
Не раз мерзавец службы нам служил;
Теперь, кажись, последнюю сослужит:
Пора и сбыть его; уж чересчур
Он много знает; продал Ляпунова...
Пожалуй, плут и нас ему продаст.
Всё нет их... Будут... Не сошлись бы только
До времени с засадой...

Входит **сотник**.

Хлопко, ты?

Сотник

Готовы молодцы.

Заварзин

Спасибо, братец.

Сотник

А что прикажешь учинить с гонцом?

Заварзин

Что с прежним.

Сотник

А устав?

З а в а р з и н

Вот пустяки!
Не до устава будет Ляпунову!
Хлопот не оберется он и сам.
Спустя немного с хлопцами засядь
Вот тут и тут! — Мои пролазы мне
Шепнули, что гонца отправят скоро.
Ступай.

Уходит сотник.

Всё нет их, а пора...
Бояться начинаю.

Входит с т р е л е ц.

А! приятель!
Добро пожаловать! — Но ты один —
Что это?

С т р е л е ц

Кланяется Лавр Степаныч,
А сам сидеть изволит.

З а в а р з и н

Он сидит?

С т р е л е ц

Не присягну: быть может, и лежит;
Ему теперь спокойно — в теплом месте.

З а в а р з и н

Короче: что с ним?

С т р е л е ц

Взят под караул.

З а в а р з и н

Он? А за что?

С т р е л е ц

Вот от него записка.

З а в а р з и н
(прочитав)

Ну, братец, знаю, знаю! а досадно:
Какая память у меня! Представь:

Возможно ли? Забыл! — Ведь с Ляпуновым
Мы сговорились, чтобы засадил
Для виду Просовецкого, как будто
Мы с ним еще в разладе; без того
Не проведешь же наших. На́ бумагу! —
И отправляйся...

Стрелец

Фрол Андреич!

Заварзин

Ну?

Стрелец

Ведь, право, совестно: боярин мне
Отец и благодетель!

Заварзин

Точно так;
И больно мне, признаться откровенно,
И самому, что в грех тебя не раз
Вводил я... Вот же, милый, случай славный:
Загладить можешь все свои вины;
Мы наградим тебя, и наградит
Рукою нескупою сам боярин.
Важнейшая бумага, братец, — да!
И видишь ли? Когда ее доставишь,
Боярина от всех врагов избавишь;
Он муж великий; будет он один
Всей нашей рати полный властелин.
И это только, друг ты мой, начаток!
А дале...

Стрелец

Если подлинно...

Заварзин

Иди!
Богатство, честь и счастье впереди.

Стрелец

Прощенья просим.

Заварзин

(дает ему кошелек)

Вот тебе задаток.

Уходит; перед уходом встречается с засадой сотника Хлопка и указывает им перстом на стрельца; они прячутся.

Стрелец

(один)

Они с ним помирились; очень рад.
Да так ли? правда ли? Христе мой боже!
Ах! Если бы! .. Скопил я кое-что;
Война не продолжи́тся; как возьмут
Столицу воеводы, — я тотчас
В Рязань к своей Параше, и грехи
Молитвой, покаянием, постом
Очищу — да! — и заживу потом...
Но что бы ни было, — пора! пора!
Вперед я не отважуся на дело,
Которое и душу-то и тело
(И сам я знаю) может погубить.
Ох! стыдно мне и тяжко! мне ль служить
За деньги этим казакам? — Боярин
Меня взрастил, он кормит мать мою,
Сестер пристроил... Как неблагодарен,
Как гнусен я! — Его я предаю...
Так предал спаса мерзостный Иуда...
Довольно! полно! Только бы оттуда
Здоровым воротиться этот раз,
Даю зарок: отстану от проказ.
Вот бог вам! буду человеком честным!
Мне грустно, больно грустно... Неуместным
Сомненьем, правда, ныне мучусь я:
Они теперь с боярином друзья;
Так, стало, я сегодня не изменник.
Пойду же!

Хлопко

(выскакивает с своими)

Стой!

Стрелец

Да что вы?

Хлопко

Стой, мошенник!
Бездельник, стой!

Стрелец

Пустите!

Хлопко

Ни на шаг!

Стрелец

Чего хотите?

Хлопко

Мы? Твоих бумаг;
Потом же, свет, хотим тебя повесить.

Стрелец

Помилуйте! Побойтесь бога!

Хлопко

Шут!
Кобениться ты вздумал, куролесить?
Э! не ребячься! и с чего бы тут
Так пятиться и вздрагивать и биться?
Тут ничего неслыханного нет:
Со всяким, братец, может то ж случиться,
Тащите!

Стрелец

Дай мне молвить слово!

Хлопко

Свет,
Нам некогда твои рассказы слушать:
Ведь ужин ждет нас; нам-то время кушать,
Тебе висеть. Тащите!

Стрелец

Заварзин
Вам скажет...

Хлопко

Уже сказал нам всё, что нужно:
«Не принимайте никаких причин!»
Прощай, сыночек! право, недосужно.

ДЕЙСТВИЕ IV

СЦЕНА 1

У Марины. Она одна.

Марина

Так! Есть предчувствия, и этот раз
Мне вещий голос говорит: удастся.
Что ж трепещу? что млею? — Час настал,
А я дрожу, колеблюсь. — Сердце, сердце!
Никто еще тебя не разгадал...
Давно ль? — Казалось, самый труп его
Я, женщина, а зрела бы с весельем;
С какой жестокостью в груди своей
Я заглушала внутренние вопли!
Я очень поняла недоуменье
Кровавое Заварзина, — и что ж?
Не отвечала! и мой враг падет, —
И вот же в самых этих слабых персях
Любовь, и боль, и жалость! — Внять кому:
Любви ли скорбной? дикому ли мщенью?
При прежних замыслах одолевал
Тоску и состраданье гнев: напрасны
Все козни будут. Зная это, я
С досады разрывалась. Но скажу ль?
Притом была и радость: да! ему
Грозила я, явить ему желала,
Что быть и я опасною могу,
Что презирать меня не должно... только!
Мои орудья были благородны:
Отважный Ржевский, храбрый Салтыков,
Земляк мой, доблестный Гонсевский — мужи
Не низкие, способные понять
Величье и врага; он непременно,
Я ведала, обезоружит их.
О гибели твердила, правда, я,
О мести, о кровавом воздаяньи...
(Безумные, проклятые слова!)
Но искренно: слова словами были,
Не боле! .. А теперь? — Мой гнев потух,
Но между тем беспечный Ляпунов

В руках безжалостных, в руках злодеев
Бессовестных, бездушных... боже мой!
И я, и я сообщница чудовищ!
Совсем ли добрый ангел мой меня
Покинул? и совсем ли темным силам
Немилосердым я принадлежу?

(После продолжительного молчания)

Заруцкий! вырву из твоих когтей
Ужасную бумагу; жертву их
Из самой пасти кровопийц исторгну...
Во что бы ни было, спасу вождя,
Твою надежду, русская земля!
Твою последнюю любовь, Марина!

Слышны выстрелы; входит Заруцкий.

Заруцкий

Царица, слышишь?

Марина

Слышу я пальбу;
А что такое?

Заруцкий

Хлопцы поднялись,
Мятутся, рвутся, воют, словно звери
Голодные, которых бы с цепи
Спустили. — Исполать тебе, Марина!
Заткнула за пояс меня!
Вы оба — окаянный Заварзин
И ты, родная, — заварили кашу
Такую прегустую, что ее
Не сварит и железная утроба.

Марина

Распущена бумага?

Заруцкий

Как же! С нею
Схватили казаки гонца, стрельца
Рязанского; недолго молодца
Сердечные томили: в петлю шею —

И поминай как звали; а печать
Сорвали с грамоты и ну читать!
И начитались — слышишь ли? на славу!
Был нужен подлинник, чтоб и другим,
Вот Трубецкому, например, — забаву
Доставить... Верь, не верь: насилу с ним
Читатели расстались. — Ты бледнеешь?

Марина

Заруцкий, поспеши утишить бунт.

Заруцкий

Слуга покорный! Я убил холопа
Прокофьева и должен поддержать,
Что начал, мятежом.

Марина

Себя погубишь!

Заруцкий

До вечера погибнет кое-кто,
Да не Заруцкий: казаки ударят
С лица на Ляпунова, — поляки
(Уведомил Гонсевского Хаминский)
С боков и с тыла: сломим молодца!

Марина

А Трубецкой?

Заруцкий

Князь Дмитрий Тимофеич,
Почтенный муж, в большом недоуменьи,
Наверно так толкует: «Казаков
Мошенников избаловал Заруцкий,
Не держит их в руках!» Тут наша знать,
Иван Голицын, тайный враг Прокофья,
С товарищи, — ну дакать, ну качать
В раздумьи головами, — так и вижу
Друзей сердечных! — Салтыкова нет,
Измайлов по запасные полки
Отправился в Коломну; я без них
Врага ухлопаю; потом, пожалуй,
Хоть на́взрыд буду плакать.

Марина

Лист-то где?

Заруцкий

А вот.

Марина

Отдай мне.

Заруцкий

Да тебе на что?
А мне-то он на всякий случай нужен,
Чтоб обличить злодея.

Марина

Не отдашь?

Заруцкий

Нет, не намерен.

Марина

Хорошо ж, разбойник!

Заруцкий

Мне не грози; припомни лучше то,
Что без меня, как застрелил Урусов
Жида, цыгана, мужа твоего,
И ты бы не спаслась с своим исчадьем.
Твой благодетель я; ты мной одним
И держишься.

Марина

О сердце! разорвись!
Ах! заклинаю: разорвись скорее!

(Падает в обморок.)

Вбегает Лодоиска.

Лодоиска

Царица! Боже мой! — Стыдись, Заруцкий!
Бесчеловечный!

Заруцкий

Пустяки: пройдет!
Эй, кто там? люди, эй!

Входят слуги.

Больна царица:
В опочивальню перенесть ее.

Уносят Марину. Один.

Нашла коса на камень... чересчур
Перехитрить изволила. Насквозь
Голубушку я вижу... Ляпунов
Ей враг, а между прочим за него
Отдала б и три дюжины Заруцких.
Но — ожидает мудрый Трубецкой;
Понаскажу ему такие сказки,
Что и Болотникова поминать,
Да и про бар больших твердить не станет.

СЦЕНА 2

Табор Трубецкого. Несколько стрельцов и казаков. Слышны выстрелы.

Казак

Всех казаков убить!

Другой

По всей Руси!

Третий

В один и тот же день!

Стрелец

Да так ли, братцы?

Казак

Не верит ничему, Фома неверный!

Другой

Бумагу же читали при тебе.
Али не слышал?

Стрелец

Слышать-то я слышал;
Но не поклеп ли?

Казак

Вот еще! поклеп!
Ведь Просовецкого он засадил же.

Второй стрелец

Проведать бы: за что?

Казак

Что тут проведать?
Известно, что мешал.

Входит Чуп.

Второй казак

А, дядя Чуп!

Чуп

Где ваши сотники? где голова?
Стоите здесь без дела... Стыд и срам!
Не отставайте, дурни, от своих!

Стрелец

А на кого? — На Ляпунова, что ли?

Чуп

На Ляпунова? Черт тебя возьми!
Когда тебя обидел Ляпунов?

Казак

Он казаков обидел. Казаки...

Чуп

Да! Думали схватить врасплох Прокофья, —
Не тут-то было; глядь: стрельцы в ружье!
Пошла сначала с ними перебранка,
Кричали хлопцы: «Выдайте его!»
Молчат, не выдают. Тут удальцы,
Казачья молодежь, народ горячий,
Не вытерпели, принялись стрелять,

И... закипело! — Что же? — как на грех,
Откуда ни возьмись, вдруг поляки.

Стрелец

Как? Поляки?

Чуп

Им, брат, зевать? Не так ли?
«На поляков, ребята! на врагов! —
Тогда завопил нам же Ляпунов, —
Отложим ссоры; к вам на суд явлюсь.
Вперед! на поляков!» — И бросились
Все мы, обиды позабыв, на ляхов.
Меня завидел, подозвал: «Старик,
Скорее в табор, к князю Трубецкому».
Сказать хотел я что-то: он взглянул,
И я — оторопел я, — вот я здесь.
На поляков же, братцы, в самом деле!

Трубецкой

(верхом)

В ружье, ребята! стройтесь! на врагов!

Войско собирается.

Все

Ура! вперед! На поляков безмозглых!

СЦЕНА 8

Арбат. Сражение. Сходят с коней Ляпунов и Трубецкой.

Прокофий

Враги бегут, не смеют и озреться.
Спасибо, князь Димитрий: этот день
Тебе принадлежит.

Трубецкой

Хвала вождя такого,
Как ты, лестна мне. Только казаки...

Прокофий

И казаки дрались не хуже наших.

Трубецкой

Не спорю; да горазды бунтовать.

Прокофий

Сегодня, брат, за храбрость им прощаю.
Мы помирились.

Трубецкой

А бумага?

Прокофий

Что ж?
Подложная.

Трубецкой

Конечно, без сомненья;
Однако...

Прокофий

Дале?

Трубецкой

С подписью твоей.

Прокофий

А разве князь Димитрий Тимофеич
Не слыхивал, чтоб подпись чью-нибудь
Подделать можно? — впрочем...

Трубецкой

Друг ты мой!
Я уж сказал и повторяю: верю.
Тебе оправдываться предо мной
Не надобно; но казаки...

Прокофий

Заруцкий
Мутит их.

Трубецкой

Ты опять несправедлив.
Иван Мартыныч, право, — добрый малый;
Быть может, он не дальнего ума,

Зато и прям и честен. — У меня
Он был же и с бумагой. Брат, казак!
Невежа! — Не сердись! Сначала он
И верил и не верил... Сам ты знаешь!
Все эти смерды, — если даже им
И повезет, глупцами остаются.
Таков был и Болотников. Заруцкий
Еще тупее. Долго бился я,
Но вот же напоследок он сдался.
Мы вышли вместе: я к своим полкам,
Которые сбежались на тревогу,
Заруцкий к казакам, чтоб их унять;
Да ты, удалый, упредил его:
Мятежников свирепых, разъяренных,
Готовых растерзать тебя, ты вмиг
В воителей послушных претворил.
Сказать, что хват! — одно нехорошо.

Прокофий

Что?

Трубецкой

Слово то: «Иду на суд казачий».

Прокофий

Да и пойду: давно желаю я
Судиться с ними.

Трубецкой

Щекотливо, братец!
Совет мой: лучше слова не сдержи.

Прокофий

Боярин, слово данное мне свято.

Трубецкой

И мне не мене. Всё же, Ляпунов,
Есть случаи... Но так и быть: не спорю;
По крайней мере, наперед не худо
Их преклонить на сторону свою.

Прокофий

Их преклонить?

Трубецкой

Да; например: сидит
Повеса Просовецкий у тебя.
Так выпусти его, и все, поверь,
Признательны за снисхожденье будут.

Прокофий

Признательны за подлую потачку
Грабителю? — Ты шутишь, Трубецкой!
Нет, Просовецкий пусть сидит, пока
Приказ Разбойный не решит законно
Судьбы его.

Трубецкой

Что делать с ним, упрям,
Погибнуть хочет, — жаль мне, а погибнет!

(Громко)

Прощай, товарищ.

Прокофий

Князь, прощай. Тебе
За помощь я сердечно благодарен.

Трубецкой

Не стоит: не за что.

(Про себя)

И точно я
Боюсь, что не за что! тяжел сердечный!
Ведь в пропасть так и лезет! жаль его.

СЦЕНА 4

У Марины. Вечереет. Марина и Лодоиска.

Лодоиска

Наряд мужской тебе к лицу, царица.
Как хорошо, что надеваешь ты
Наряд подобный редко, а иначе
В тебя бы я влюбилась!

Марина

Не шути!
Друг, мне тяжелый подвиг предстоит:
С ним говорить, кого с такою страстью,
С таким безумством я любила, кем
Я пре́зрена, кого я оскорбляла
Так часто и так больно... Говорить с ним!
Добро бы не напрасно! Но надменный
Отвергнет мой совет, мои мольбы,
Как им отвержена любовь Марины...
К тебе взываю, боже трисвятый!
О! преклонись на слезы и рыданья,
На слезы грешницы! Моим устам
Пошли ты силу, дай им убежденье!
Он гибнет: попусти его спасти!

Лодоиска

Тяжел твой подвиг; но, царица, вспомни,
На что отваживалась прежде ты...
Ты ведь не то, что мы: мы робки, слабы,
А тут в твоей груди живет душа
Могущая.

Марина

Зачем я не была
Всегда, как вы, робка, как вы, бессильна?

Лодоиска

Наряд твой воскресил передо мной
Чудесный день: надменный, дерзкий гетман,
Наглец Рожинский, изменил; хотел
Предать Марину в руки Сигизмунду;
Но ты в мужской одежде на коне
Из Тушинского стана ускакала...
О! как ты хороша была, когда
Явилась в Дмитрове перед Сапегой!
Прекрасный отрок всех обворожил:
Все на тебя, едва дыша, взирали.

Марина

Довольно! полно! — Пал мой гордый дух,
От сладкой лести отвращаю слух,
Которой слишком я внимать любила.

Но пра́ва ты: нужна, нужна мне сила;
Иду в неимоверно трудный бой!
Смягчи на миг, о совесть! угрызенья,
Нужна мне бодрость; вечность пред тобой...
Дай срок, потом удвой свои мученья!

СЦЕНА 5

У Ляпунова. Прокофий и Ольга.

Ольга

Прокофий! ты ли? — слава, слава богу!
Как я ждала, как трепетала я!
Был каждый выстрел в сердце мне направлен,
Мне прямо в сердце каждый попадал:
Я с каждым умирала.

Прокофий

Друг ты мой!
И я всевышнего благодарю,
Что дал еще мне видеть эти очи,
Что эту руку я прижать к груди
Могу еще! — Устал я: сядем, Ольга.
Здесь свет приветный, тихий, здесь тепло;
А за дверьми совсем уже стемнело,
И холодно и бурно — дождь сечет
И ветер свищет... Этот уголок
И эта ночь ненастная мне притча,
Судьбы моей подобье: холод, мрак
И буря за дверьми в быту житейском;
А здесь у сердца твоего мне блещет
Отрадный свет, и душу теплота
Живит и греет. — Отчего ты плачешь?

Ольга

Прости мне, глупой! Ах! таких речей
Давно я не слыхала; мне казалось,
Что разлюбил меня ты, что тебя
Я, верно, чем-нибудь да огорчила.

Прокофий

Прощать не мне: я очень виноват;
Мою вину ты отпусти мне, Ольга!

Ольга

Дела, тревоги...

Прокофий

Нет; и средь тревог
Всё ж время я бы удосужить мог,
Чтоб доказать, как дорого ценю я
Твою любовь. — Но, Ольга, жребий свой
Связала ты со жребьем человека,
Который от рождения лишен
Завидной легкости и чувств и мыслей:
Не скоро в старой голове моей
Докучливые думы засыпают;
Не скоро в жестких персях крик забот
И гнева и досады может смолкнуть...
С другим бы ты счастливее была,
Чем с этим Ляпуновым.

Ольга

Ради бога,
Супруг и господин мой!

Прокофий

Тяжкий грешник,
В бездонном тайнике души мятежной
Я змия властолюбия вскормил;
Так! с детства самого всегда, повсюду
Быть первым я хотел, — и видел бог,
Послал мне власть, — и отравила власть
Все наслажденья, все утехи сердца.

(Подходит к окну.)

Заслонено грядою темных туч,
Погасло солнце долго до заката;
Его заката не видал я... Жаль!
Скажи мне: может ли из смертных кто
Назвать своим безвестный, нерожденный,
Грядущий час? Сама ты знаешь: день,
Который звуком *завтра* именуем,
Ни мой, ни твой.

Ольга

Всё это знаю, — но...

Прокофий

Простертых на земле я видел многих
Сегодня, друг, холодных и немых,
А все считали: «Завтра то и то
Начнем мы или кончим. . .»

Ольга

Ты из битвы
Не раз без дум подобных приходил.

Прокофий

И был неправ: полезна мысль о смерти.

Входит Кикин.

Кикин

Боярин, на цепи ко мне явился
Какой-то польский латник и спросил,
Не Федор ли я Ляпунов? — «Я Кикин,
Рязанский дворянин», — был мой ответ.
«Рязанский? — Так веди ж меня, не медля,
К боярину», — промолвил воин так,
Что в самом голосе, сдавалось, слышу:
«Покорствуй! я привык повелевать».

Прокофий

Поляк? чего от Ляпунова хочет?
Зовут его?

Кикин

Мне не сказал прозванья,
Да и наличник шишака его
Опущен.

Прокофий

Может быть, переодетый
Земляк наш, пленный, или втайне нам
Усердный из бояр Московской думы?
Качаешь головой?

Кикин

По речи он
Не русский; говорит-то он и чисто,
А всё заметно, что не наш.

Прокофий

Впусти.

Ольга уходит. Кикин впускает поляка и хочет идти.

Владимир Кикин, здесь останься.

(Поляку)

Кто ты?
И с чем пришел?

Поляк

К тебе, пан воевода.

Прокофий

Так говори ж!

Поляк

Пусть выйдет наперед.

Прокофий

Нет, он не выйдет.

Поляк

Или ты боишься
Со мною быть глаз на глаз?

Прокофий

Ты смешон:
И русским я и полякам известен;
Но Кикин верный сын родной земли,
Он *должен* быть свидетелем беседы
Прокофья Ляпунова с поляком.

Поляк

Ты мне не доверяешь, пан Прокофий?

Прокофий

Тебя не знаю.

Поляк

(подняв наличник)

Знаешь ли теперь?

Прокофий

Гонсевский! и в рязанском стане ты!

Гонсевский

Ты видишь.

Прокофий

Но?

Гонсевский

Другому никому
Не смел я поручить, о чем тебя
Уведомить обязан. — Слушай: руку
Охотно правую себе бы дал
Я отрубить, когда бы мог тебя
В стенах кремлевских видеть нашим пленным.
Не скрою: я и с личными твоими
Недоброхотами из здешних был
В сношеньях, чтоб схватить тебя врасплох.
Но низкое убийство гнусно мне;
А уж враги твои острят ножи:
Погибнешь, витязь, ежели отвергнешь
Благий совет мой. — Брось ты этот сброд;
В Рязань или в Коломну удались,
Или на Волгу в Нижний, — там борись,
Когда достанет силы, с мощью Польши.
Но лучше к Владиславу перейди;
Тебе ручаюсь: будешь принят нами
Так, как никто. Для первого начала
Займешь (тебе готов я уступить)
Высокий сан наместника столицы,
Боярство за тобою утвердит
Младой монарх, которому и ты ж,
Прокофий, присягнул, — хотя потом
Присягу и нарушил.

Прокофий

Я присяги
Не нарушал; свою присягу вы,
Жолкевский и король ваш и вся Польша,
Нарушили, попрали: ждали мы,

С дня на день ждали, с месяца на месяц
И — королевича не дождались.
Не станем тратить слов; да ты и сам
Ведь не надеешься меня склонить
К предательству моей земле родимой.

Гонсевский

Так удались.

Прокофий

Наличник опусти.

Гонсевский

К чему?

Прокофий

Прошу тебя.

(Отворяя дверь)

Войдите все вы.
Весь караул и всякий, кто бы тут
Из посторонних ни случился.

Гонсевский

Что ты?

Прокофий

Не беспокойся: нужно.

Входят стрельцы и переодетая Марина.

Земляки!
Ведь есть и в неприятельских рядах
Честны́е души, помнящие бога.
Вот вам пример:

(указывает на Гонсевского)

нарочно из Кремля
Пришел отважный, благородный воин
И говорит (и верю я), что мне
Грозит опасность, что мои злодеи
В земских полках сгубить меня хотят.
Его совет, чтоб я покинул стан
И на́брал рать иную. — Мне скажите:
Что делать?

Стрелец

Головы все за тебя
Готовы положить мы; только нас,
Отец ты наш, не покидай.

Прокофий

Ты слышишь?

Марина
(выступая вперед)

Совет хороший дал тебе поляк.
Не слушай их, не верь им: удались.
Россию любишь? — Удались, Прокофий!
Спаси себя хоть для земли родной.
Теперь еще ты можешь: завтра — гибель.

Прокофий
(долго молча смотрит на нее)

Тебе я благодарен, добрый отрок!
Твое усердье вижу и ценю
Тем выше, что я от тебя никак
Не заслужил участья столь живого.
Довóдом сильным подкрепляешь речь:
Святой, бесценной пользою России;
Но эта ж польза именно, мой друг,
И требует, чтоб я остался в стане,
Чтоб и погиб, когда так суждено.
Не в укоризну никому: но мне ли,
Грозу завидев, броситься бежать?
Нет! Русскому народу нужен признак,
Чтоб истинных друзей своих узнать
И отличить от ложных: этот признак
Не верность ли? — Да! сам Христос сказал:
«За стадо пастырь душу полагает,
Наемник же бежит»; я — не наемник,
Себе я цену знаю, но и знаю,
Что малодушьем упаду в цене.
Да нет и той надменности во мне,
Чтобы себя избранником считал я,
Тем именно, кто господом призвáн

Освободить страдалицу Россию...
Ее и без меня бог не оставит:
Пошлет ей избавителя-вождя,
И будет оный вождь и боле счастлив,
И чище, и способнее меня;
Тот совершит, что только начал я.
Свой долг исполню: друг, предлогом мне
Служить не может и родной страны
Гадательное будущее благо.

Гонсевский

По крайней мере завтра ты нейди
На Раду казаков.

Прокофий

Нельзя нейти!
Я слово дал.

Марина

Тебя я заклинаю:
Нейди!

Прокофий

Не заклинай.

Марина

Рязанцы, мне
И витязю литовскому не верит, —
Пристаньте к нашей просьбе... вы ему
Издавна преданы... Ах! умолите,
Склоните, — силой, ежели нельзя
Уже иначе, удержите...

Прокофий
(с улыбкой)

Друг,
Из них кто силою меня удержит?

Кикин

Позволь мне с сотней избранных стрельцов
Идти, боярин, за тобой на Раду?

Прокофий

Когда опасность точно мне грозит,
Что значит сотня перед целым войском?

Кикин

Так большее число их устрашит.

Прокофий

А может быть, подаст причину к бою
Меж братьями. — Чем к мерзостной резне
Подать вам повод, сто раз лучше мне
Пасть одному. — Ступайте.

Уходят стрельцы.

(Кикину)

Ты из стана
За нашу цепь проводишь лично пана.
Прощай, поляк! ты человек с душой.

Гонсевский

Мне жаль, поверь мне.

Прокофий

Верю. Бог с тобой!

Уходят Гонсевский и Кикин.

Племянник мой с тобой пойдет, Марина...

Марина

Ах, Ляпунов! раскаянье, кручина,
Отчаянье.

(Заливается слезами.)

Прокофий

С отчаяньем борись;
Раскаянье благослови; молись,
Молись, прибегни к благости господней
И устоишь пред алчной преисподней.

ДЕЙСТВИЕ V

СЦЕНА 1

По табору прохаживаются Трубецкой, Голицын, Заруцкий. Чуть светает.

Трубецкой

Сердечно рад я, князь Иван, что ты
Сам вызвался присутствовать на Раде:
Ты друг Прокофью; отвратишь, надеюсь,
Опасность, буде там ему опасность
И угрожает. Я было и сам
Хотел туда же; да неловко что-то. . .
Не правда ли, боярин?

Заруцкий

Точно так.
(К тому ж тебя и трудно заменить.)
Но в этом случае тебя заменит
Благоразумный князь.

Трубецкой

Вполне! вполне!
Теперь, Иван Мартыныч, я спокоен:
Вступиться за Прокофья есть кому, —
Вы оба мужи честные; Голицын
Ему приятель: ты ему не враг,
Хотя и были ссоры между вами.

Заруцкий

Что было, то и сплыло. — Я его
Люблю и уважаю.

Трубецкой

Знаю, брат.
Не осудите, светы, что я вас
Так рано поднял: не спалось, признаться,
От дум, и попеченья, и забот,
А между тем мне виделись страшила:
Едва глаза зажмурю, не вздремну —
Что ж? Ляпунов стоит передо мною,
Рубаха вся в крови!

Голицын

Господь с тобою!

Трубецкой

Иной бы испугался; я же снам
Не верю, — да и верить им грешно.

Голицын

Грешно?

Трубецкой

Не знал ты? в книге Иисуса
Сирахова весьма запрещено
Держаться снов, видений, ворожбы,
Мечтаний и гаданий.

Голицын

В самом деле?

Трубецкой

В какой главе, теперь я не припомню.
Пропели петухи?

Голицын

Пропели, князь.

Трубецкой

Вот мы и прогулялися по стану...
Ведь вам знаком был немец доктор Фидлер?

Заруцкий

А как же.

Трубецкой

Окаянный был умен.
Он мне говаривал, что до зари
Вставать здорово. — Братцы, до свиданья.

(Уходит.)

Заруцкий

Поклон мой.

Голицын

Бью тебе челом.

Заруцкий

Сегодня князь Димитрий Тимофеич
Изволил ночью плохо почивать. . .
Что делать? — выспится и поутру! —
И, право, кстати; спишь, так не грешишь;
По крайней мере ближним не мешаешь.
Кого-нибудь к Прокофью, князь Иван,
Порасторопней из твоих. Скорее,
Чем нам, тебе поверит Ляпунов.

Голицын

Был правда к дому нашему всегда
Расположен счастливый этот воин,
Особенно к Василью; да меня
Он что-то невзлюбил по смерти Федьки
И Марьи Годуновых.

Заруцкий

Точно так;
А сверх того порассуди, размысли:
Ему ли, выскочке, повелевать
Боярами, князьями, и какими? —
Иван Голицын. . .

Голицын

Брат, не говори:
Иван Голицын позабыт, заброшен;
Голицын под рукою у кого?
У Ляпунова. А его отец,
Петрушка Ляпунов, ведь был в холопях
У моего отца. — Известно всем:
Он из простых дворян, не из московских,
Не из жильцов. — Какая, право, чернь
Выходит нынче в люди!

Заруцкий

Князь Иван,
Нам помоги усторонить Прокофья,
И сан его и место ты займешь.

Голицын

Вам рад бы помогать я; только что-то
Димитрий Тимофеич скажет?

Заруцкий

Что?
Потужит, и поплачет, и расхвалит
Покойника, потом и замолчит.

Голицын
(зовет)

Толстой! Потемкин!

Они входят.

Потемкин

Что прикажешь?

Голицын

Ступайте к Ляпунову; от меня
Ему ручайтесь (можете и крест
Поцеловать), — что будет безопасен
На сходке казаков, хотя бы он
Не оправдался даже; что обратно
Отпустится и цел и невредим.
Ступайте.

Толстой

Слушаем.

Заруцкий

О Просовецком
Им помянуть ты позабыл.

Голицын

Толстой,
Да что прошу его привесть с собой
И Просовецкого: желает Рада
Узнать вину его и наложить
По ней и наказанье на него.

Они уходят. Входит Заварзин.

Заварзин

Ты здесь, боярин; весь я стан обрыскал,
Искал тебя.

(Вполголоса)

Настроил я своих.

Заруцкий

Пойдем к весельчакам, Иван Василич.

СЦЕНА 2

У Ляпунова. Феодор и Кикин.

Феодор

Что дядя?

Кикин

Полагаю, скоро выйдет,
С ним только что расстался духовник.

Феодор

Как? духовник?

Кикин

Боярин покаянье
Принес в грехах и приобщился тайн.

Феодор

Знать, сам не чает воротиться с Рады.
Вот он!

Прокофий
(входит)

Уж здесь вы, дети? Добрый день!
Пришли вы кстати рано: порученья
Я изготовил для обоих вас;
Жену мою в Рязань проводишь, Федор;
А ты, Владимир, в Лавру, и тотчас,
Бумаги —

(отдает их)

эти, братец, Салтыкову,
А эти вот Пожарскому. — Друзья,
Что смотрите так грустно, так уныло?

Вы мужи; я и не таю от вас:
Иду на суд казачий, а с него,
Быть может, и на страшный божий суд.
Я снарядился в путь. Меня вы, дети,
Простите, буде вас чем оскорбил! —
Но оскорбленья лучше, чем соблазны...
Соблазны! — я увлек вас за собой
В мятеж безумный на царя Василья...
Вы были молоды; на мне ваш грех;
Вы согрешили только по незнанью:
Виновен я, и тяжко. Благ господь:
Меня спасает ныне милосердый;
За мой мятеж и кровь мою и плоть
Ему предать мятежникам угодно;
А душу (уповаю на Христа) —
Исхитит он из мятежей житейских
И упокоит в вечной тишине.
Но вас молю: соблазны мне простите,
Забудьте их! Еще одно: не мстите
Моим врагам; с вас клятву в том возьму.

Феодор

О боже! боже! Сохрани его,
Спаси надежду нашу!

Прокофий

Друг, я вам
Вчера доказывал, что я обязан
Не устранять сей чаши: пью ее —
И радостно. Да будет воля божья!..
Бедняжка Ольга!.. утешенье ей,
Защита и покров отец небесный...
В дороге, Федор, береги ее!

Феодор

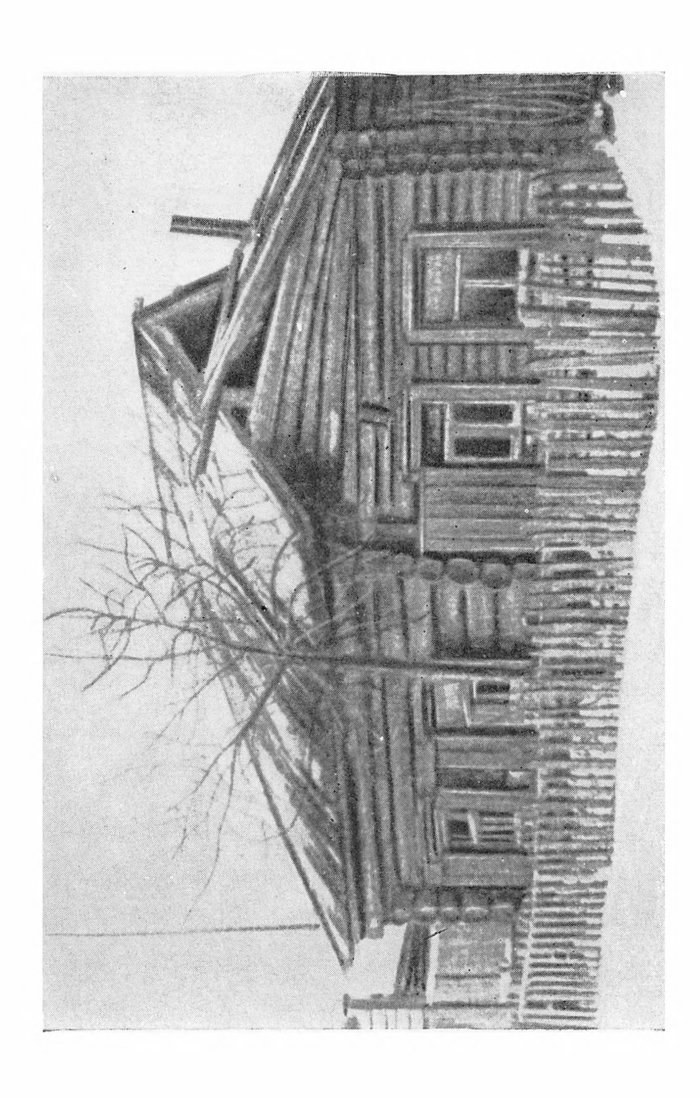
И жизни за нее не пожалею.

Прокофий

Бог, друг мой, наградит тебя. — Она!
Глаза утрите.

Входят Ольга и Ваня.

Ты, душа,
Зашла со мной проститься.



Ольга

Я совсем;
Да тяжело мне, тяжело, Прокофий!

Прокофий

Нас, Оля, помирит отъезд твой с братом;
Не навсегда ж и расстаемся мы;
Так, свидимся; я это точно знаю.

(Ване)

Здоров ли ты, приятель?

Ваня

Так и сяк;
А кое-кто совсем здоровым стал
И стал красавцем. Пусть себе заснет!
Когда проснется, подадут ему
Сорочку белую; в сорочке белой
Еще получше будет; по него
Заедут, повезут его на свадьбу.

Прокофий

Благослови меня, блаженный старче!

Ваня

Христос с тобою: кланяйся Христу.

Входят Толстой и Потемкин.

Прокофий

Добро пожаловать! Не по меня ли?

Потемкин

Поклон от князя; да и повещенье,
Что нечего на Раде казаков
Тебе бояться.

Прокофий
(тихо)

Я и не боюсь;
Но больно мне, что нá душу берет
Иван Василич лишний грех.

Ваня

Прокофий,
Твоим гостям я песенку спою.

(Поет)

Раскричалась галок стая:
«Заклюем мы сокола!»
Слышит их сова слепая,
К ним летит из-за угла...
Закричала галок стая:
«Помоги ты нам, родная!
Примани к нам сокола!»
Шлет она к нему посла...
Кто же совушкин посланник?
Отгадаете ли вы?
Филин ли, ее племянник?
Сыч ли, дядюшка совы?
Без ножа он, а убийца,
Дня не любит, — мраку рад;
Он не мышь, он и не птица,
С крыльями, а всё же гад.

(Кланяется.)

Посланник — нетопырь: с чем поздравляю.

Потемкин

То-то и есть, боярин! сам спесив,
А домочадцы с велика до мала
Заносчивы: и друга и недруга
Поднимут насмех.

Прокофий

Не сердись, прошу;
Вот если бы тебя Владимир Кикин
Или мой Федор словом уколол,
Ты сам увидел бы, что не потачник
Я дерзости обидной. — Но старик
Не от меня приял святое право
Младенчески высказывать, что дух
Высказывать ему повелевает.
Пора? — вы ждете? — Оленька, прости!

Прости! молися! —

Он целует ее, она лишается чувств.

Поддержи же, Федор!
Не дай упасть ей. — Бедная! прости!
Ты с нею, Ваня?

Ваня

Как же, мой сыночек!

Прокофий

Утешь ее.

Ваня

(поднимает руку вверх)

Вон тот ее утешит.

Прокофий

Прощай.

Уводят Ольгу Феодор и Ваня.

Не медли же и ты, Владимир.
Дай руку, братец. . . С богом! На коня!

Кикин уходит.

Пойдемте.

Толстой

Просит князь, чтобы с тобою
Пришел на суд и Просовецкий.

Прокофий

Нет;
Не казакам его судить; не судьи
Они грабителю. Скажите князю:
Земской устав нарушил Просовецкий,
Земскою думой будет он судим.

(Молится перед иконой и уходит с Толстым и Потемкиным.)

СЦЕНА 8

У Марины. Ржевский и Лодоиска.

Ржевский

К себе просила. После наглой лжи,
Которою так гнусно очернила
В моих глазах и зятя и сестру?

Лодоиска

Ах! Ржевский! позабудь! не знаешь ты,
Как мучится, терзается царица. . .
Идет! — Иван Иваныч, пощади!

Входит Марина.

Ржевский

Марина Юрьевна. . .

Марина

Благодарю,
Что ты пришел. — В другое время мне
И совестно бы было. . . Ржевский! Ржевский!
Мы говорим, а гибнет Ляпунов. . .
Не прерывай! Он сын твоей России,
И сын-то ныне самый нужный ей.
Он враг тебе. — Пусть! — За Россию ты
И душу положил бы. — Есть причины
Не слишком доверять словам Марины;
Но в эти искаженные черты,
В глаза потухшие всмотрись! — Спеши же,
Беги! туда, на Раду казаков!
Там гибнет, издыхает Ляпунов:
С мгновеньем каждым ближе смерть и ближе —
Ах! Ржевский, ради всех святых!

Ржевский

Царица!

Марина

Беги! лети! о! почему не птица,
Не ветер ты, не мысль моя?

Ржевский

Иду.
Спасу ль его? — не знаю, но паду
Хоть вместе — тут же.

(Уходит.)

Марина

С богом, храбрый воин!
Закрой его щитом твоей груди!
Великодушный! — с ним ты пасть достоин:
С ним пасть завидно. — Пасть! О! не пади!
Спаси его!

(Падает на скамью.)

Лодоиска

Как дух ее расстроен!
Ужасен вопль отчаянной любви.
Царица!

Марина

Лодоиска, не зови!
Пресытилась я жизненной отравой:
Не возвращай меня в ваш мир кровавый!

СЦЕНА 4

Девичье поле. Коло казаков. Заруцкий, Заварзин, князь Иван Голицын, Чуп, войсковой писарь, войсковой хорунжий, атаманы, есаулы, сотники, казаки.

Заруцкий

Смотрите, молодцы! — Когда мигну,
За дело принимайтесь. — Краснобая
Не слушайте: ведь вражий сын речист;
Как раз вас обморочит.

Есаул

Вот еще!
Мы видели бумагу, и — довольно.

Заварзин

И слышали, и писарь войсковой
Заверил и признал, что тут и подпись
Его руки. Не так ли?

Писарь

Точно так;
Не раз случалось видеть почерк мне
Боярина, — и я...

Сотник Хлопко

Да и гонец
Пред тем, как стал качаться на осине,
Во всем мне повинился.

Подходит Чуп.

Пане Чуп!

Чуп

А что?

Заварзин

Всех нас известь Прокофий хочет.

Чуп

Не изведет! Пускай себе хлопочет!

Заруцкий

Послушай, дядя!

Чуп

Слушаю, Мартыныч.

Голицын

Совсем его не допускать до слова,
Ей-богу, лучше.

Чуп

Этого, москаль,
Нельзя: где коло, тут и слово; в коле
Судья или судимый — всё равно,
Имеет слово.

Заруцкий

Чуп!

Чуп

Нельзя.

Заварзин

Злодей
Уж два раза от нас отговорился.

Чуп

Хотя бы десять раз, а всё нельзя.

Заруцкий

(Заварзину)

Зачем ты, Фролко, старого хрыча
Не напоил, не уложил до кола?

Заварзин

Поил, Иван Мартыныч; да его
Сам дьявол не уложит.

Заруцкий

Молодцы!
Всех нас убить намерен был Прокофий.

Казаки

Убить всех нас! — постой же: мы его!
В куски его изрубим, растерзаем,
Руками разорвем!

Входят Ляпунов, Потемкин, Толстой, с другой стороны Ржевский.

Идет! Идет!
Злодей проклятый!

Есаул

Всходит на могилу.

Заруцкий

Теперь на ней, а скоро ли то в ней?

Хлопко

Смотри, как горд: не кланяется Раде.

Чуп

Кто это с ним?

Заварзин

Один из них Толстой,
Другой Потемкин, а послал Голицын
Их по него обоих.

Чуп

Третий?

Заварзин

Где?

Чуп

Да вот, что прибежал, весь запыхавшись.

Заварзин

А! Это Ржевский: личный враг ему,
Хотя и кровный брат его красотке.

Хорунжий

(выступает вперед и поднимает белый жезл)

Без шуму, атаманы-молодцы!
Без шуму, хлопцы, вольные черкасы!
Открыто коло. — Тише! тише! тише!

Писарь

(с свитком)

Стоит на Раде, на суду казачьем
Боярин-воевода Ляпунов,
Чтоб дать ответ на тяжкие изветы:
Он обвинен, ответчик Ляпунов,
В управе самовластной и жестокой,
В чиненьи притесненья казакам,
И, наконец, по грамоте, к которой
Привешена семейная печать
Их рода, Ляпуновых, — сверх того,
При ней видна руки его и подпись, —
В злодейском приказаньи городам:
Напасть на оных казаков, какие
Где обретаются, и всех убить

В один и тот же день и час; и день-то
Число седьмое сентября, а час
Четвертый ночи.

Казаки

Слышишь ли, Прокофий?
Боярин Ляпунов, что скажешь нам?
Чем оправдаешься? — Ну, говори же!

Прокофий

Не вы — Земская дума мне судья.

Заварзин

Как? мы тебе не судьи? — ведь ты здесь;
На суд, на Раду, в коло ты пришел:
Так, стало, нас и судьями признал.

Прокофий

Я здесь, и в ваше коло я пришел
Не быть судиму, а судиться с вами.

Заварзин

Судиться, то есть спорить? нас учить?
Не думай: не дадим и не позволим.

Заруцкий

Ответ короткий: признаешь ли ты
Своею грамоту? — она тобой ли
Написана? твоя ли тут печать?
Твоя ли подпись?

Прокофий

Вышлите ее
В Земскую думу: думе отвечаю.

Хлопко

И отвечать не хочет: вот гордец!

Заварзин

Чего мы ждем? У нас в руках изменник!

Казаки

Злодей! изменник!

Ржевский

Стойте, казаки!

Хлопко

Прочь, Ржевский! и тебе он неприятель.

Ржевский

Я только знаю, что он прав. К нему
Пройдете вы по телу моему;
Не иначе.

Прокофий

Великодушный Ржевский!

Казаки

Пусть оправдается!

Прокофий

Не трудно мне
Пред вами оправдаться.

Чуп

Оправдаться
Он хочет... тише! тише!

Казаки

Говори!

Прокофий

Быть так; но не забудьте: чтоб себя
Очистить от клевет, товарищ ваш
Прокофий слово скажет, а отнюдь
Не покоряется казачьей Раде
Боярин-воевода Ляпунов.

Голицын

Какие, право, тонкие различья!

Прокофий

Ох! жаль тебя мне, князь Иван Василич!
Винят меня в управе самовластной;
Но хоть один мне случай укажите,
Чтоб вопреки уставу поступил?

Заруцкий

Да ты устав не сам ли сочинил?

Прокофий

Ты <сам> и все вожди его скрепили
И приняла вся Русская земля.
Всегда я действовал в пределах власти,
Мне данной.

Заруцкий

Смело утверждаешь, друг!
Но под тобой ли служит Просовецкий?
А ты его схватил и засадил.

Прокофий

Я избранный, законный защититель
Бессильных, беззащитных; он грабитель,
Он зажигатель: если бы его
Я нé взял, был бы я и сам преступник.

Заруцкий

Тебе бы было на него донесть
Казачьей Раде.

Казаки

Да! донесть! донесть!
А не вязать, как подлого москаля!

Прокофий

Он русский стольник.

Заруцкий

Он казак.

Казаки

Он наш!
Он где? сюда его! где Просовецкий?

Входит Просовецкий.

Ура! вот он! Ура, наш Просовецкий!

(Поднимают и качают его на руках.)

Просовецкий

Потише, братцы! я устал, вспотел!
Ушел я из-под стражи, а за мною
Так и гнались проклятые стрельцы;
Чуть-чуть не затравили. . . Ух!

Казаки

Ура!

Один из казаков

Прокофий, отслужи молебен спасу:
Когда бы наш пузатый не пришел,
Тебя бы мы каменьями побили.

Просовецкий

Неужто? — жаль же мне, что я пришел!

Прокофий

Истома Просовецкий, ты бежал
Из-под законной стражи: вдвое будешь
Пред думою Земскою отвечать.

Просовецкий

Прокофий, не боюсь твоих угроз:
Прошла твоя пора: ты сам в беде;
А мужиков изветы что мне? — Ты,
Ты научил их!

Заварзин

Точно! ты не любишь,
Не терпишь казаков: в его лице
Ты был намерен всех нас обезглавить.

Хлопко

Да что и толковать? Он нас хотел
Известь, зарезать. . . Где его указ?

Казаки

Указ злодея! Грамоту! указ!

Ржевский

Подайте, покажите.

Подают Ржевскому. Ржевский подает Ляпунову.

З а р у ц к и й

Ну, Прокофий!

П р о к о ф и й

И верите вы этой глупой лжи?

З а в а р з и н

Не хочешь, а поверишь! чья тут подпись?

П р о к о ф и й

Как вы достали этот лист?

З а в а р з и н

А так.
У твоего же отняли стрельца.
Стрелец же показал во всем согласно
С тем, что написано в твоем листе.

(Шепотом Заруцкому)

Опасно мешкать: увернется бес;
Уж хлопцы ведь развесили-то уши!

П р о к о ф и й

Где тот стрелец? Хоть для меня и низко,
Да так и быть; очну́ю ставку мне
С ним дайте.

Х л о п к о

Поздно, брат: стрелец не близко;
Он провалился в ад и ждет тебя.

П р о к о ф и й

И как вы смели?

З а в а р з и н

Полно! нам не время
С тобою рассуждать.

З а р у ц к и й

Твоя ли подпись?

П р о к о ф и й

Нет, не моя.

Заварзин

Твоя! я говорю!
Твоя, проклятый! Я тебе за сына!

Ржевский

Заруцкий, бешеного удержи!

Чуп

Да что вы, хлопцы?

Ржевский

Ты без рук, Голицын,
Стыдись! убийцам выдаешь его!
Толстой! Потемкин! — стойте, душегубцы!

Заварзин

Пошел, красавец! не мешай ты нам!

Ржевский

Вступитесь, казаки, за воеводу!

Заварзин

Прочь! прочь! — не хочешь? Сгинь же,
как собака!

Закалывает Ржевского, потом вместе с Заруцким и сотником Хлопко — Ляпунова; Чуп хочет броситься на помощь погибающим, — его оттесняют.

Прокофий

Брат, — брат Иван! погиб ты за меня!

Ржевский

Нас смерть мирит с тобою, брат Прокофий!
Христе-спасителю! прими мой дух!

(Умирает.)

Прокофий

Указ не мой, клянусь царем небесным,
Всесильный! милосердый! о! спаси
Россию и моих убийц помилуй!

(Умирает.)

Казаки с ужасом разбегаются.

СЦЕНА 5

Близ дороги в Троицкую лавру. Две могилы.

Ваня

(один с заступом)

Бедняжечка! Ее ли я забуду
В своих молитвах? Ты ее скорее,
Христе мой боже! прибери к себе! . .

(Помолчав)

Остановились под Коломной мы;
Зачем-то вышел Федя Ляпунов. . .
Глаз на глаз с нею я в избе остался,
И вот она подходит, в пояс мне,
Рыдая, поклонилась: «Муж блаженный!
Нельзя самой мне: прогневлю его;
Ты воротись: ему грозит опасность;
Храни, оберегай, спаси его!»
И рад бы был; да я старик бессильный,
И малоумен я в мирских делах.
«Дает бессильным силу бог всесильный,
Премудрый и младенцам ум дает».
Что было делать? воротился я,
Да поздно! — Уходили Ляпунова,
С ним вместе Ржевского, и я убийц
Насилу упросил тела мне выдать.
Пусть вместе спят! я вместе их зарыл!
Чудны же, батюшка, отец небесный!
Судьбы твои: Прокофья не любил
Ванюша Ржевский, а закрыл собой
И пал с ним вместе. — Я царю Василью
Усердным был холопом. . . Что же? я
Его врага Прокофья схоронил.
Бездомный я, юродивый бродяга;
Он был и мудр, и славен, и могущ,
И воевода, и правитель грозный,
И властвовал над Русскою землей;
А без меня истлел бы в чистом поле;
Да! псы бы растерзали труп его,
И птицы бы остатки расклевали.

1834

7. ИВАН, КУПЕЦКИЙ СЫН

ПИСЬМО К К⟨ОНСТАНТИНУ⟩ О⟨СИПОВИЧУ⟩ С⟨АВИЧЕВСКОМУ⟩

ВМЕСТО ПОСВЯЩЕНИЯ И ПРЕДИСЛОВИЯ

Не далеко время, когда мне придется расстаться с Вами, мой добрый К. О., и расстаться, вероятно, навсегда, до гробовой доски... Ужели в Вашей памяти воспоминание обо мне останется просто какою-то карикатурою, чем-то странным, причудливым, похожим несколько на те уродливые лица, какие рисует перед глазами нашими первосонпе? — Вашим другом я не смею называть себя: для дружбы нужно равенство, ваше чистое, свежее сердце заслуживает в жизни встретить сердце столь же чистое и свежее. Но я желал бы Вам оставить какое-нибудь доказательство, что и я умею быть благодарным: и мне ли не быть Вам благодарным за те часы, в которые Вы, благородный юноша, являлись истинным ангелом-утешителем мне, преждевременному старику, измученному до судорог всеми возможными житейскими и сердечными терзаниями, терзаниями самыми изысканными и вместе самыми пошлыми и гадкими?

Естественно, что мне должна была придти мысль посвятить Вам сочинение, которое я кончил в то время, когда наслаждался слишком коротковременным знакомством с Вами, — сочинение, которого отдельные части, так сказать, в Ваших глазах всплывали из глубины души моей, при Вас приняли настоящий вид и образ.

Чувствую, что этот плод моего хворого воображения не достоин Вас. — С Вашим именем надлежало бы соединить нечто вроде Шиллерова Дон-Карлоса; нечто похожее по крайней мере на те из

прежних моих собственных созданий, в которых еще виден набожный чтитель Серафима-Поэта, сотворшего этого Карлоса, Позу, Валленштейна, Теклу, Макса Пикколомини. — К несчастью, любезные сердцу моему памятники времени, для меня более отрадного, далеко предшествуют минуте, когда я Вас узнал и понял. Итак, примите то, что у меня теперь есть, — каково бы оно ни было. — А Ваше имя мне тут необходимо: пусть хоть оно служит для других доказательством, сколь и по сю пору мне дороги те чувства и убеждения, которых Вы для меня представитель, которых Вы для меня были прекрасным олицетворением.

Прости, — скажу, — тебя я видел,
И ты недаром мне сиял;
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал.

Дай-то бог, чтобы Вы и до дверей гроба не лишились утешительной веры в светлую сторону природы человеческой! — Но, если бы случилось, что Вы бы и поколебались, — и тогда:

Verachte nicht den Glauben deiner Jugend! [1]

Однако, мой добрый К. О., я забываю, что это не просто письмо к Вам, что эти строки, быть может, прочтете не Вы одни, что они не одно посвящение, а вместе и предисловие.

Предисловие обыкновенно оправдание, посильное ограждение себя от обвинений, которые предчувствует дурная совесть автора. Тащиться ли и мне по этой давно изъезженной колее? — Если мой Купецкий·Сын никуда не годен, его не спасут от заслуженного забвения ни самое превосходное предисловие, ни даже самые благосклонные отзывы критики. — Если же в нем есть *самобытная жизнь,* его не убьют никакие, ни даже самые едкие суждения. Вместо того чтобы оправдывать себя, не лучше ли самому исповедать свои ошибки и промахи? — К ним однако же не могу причислить главную идею: она, быть может, преувеличена, да что же мне делать, если она так, а не иначе поразила мое воображение, если принудила меня осуществить ее именно так, а не иначе? — В развитии, в подробностях скорее соглашусь признать недосмотры, например хоть в том, что Андана слишком скоро могла усомниться в Булате и слишком поздно уверилась в низости и скаредности своего почтенного сожителя. Правда, и тут я бы мог кое-что сказать в ее извинение; но еще раз: не желаю себя оправдывать. — Охотно

[1] Не презирай верований своей юности! (нем.) — *Ред.*

признаюсь и в том, что в моем Imbroglio[1] много такого, без чего бы можно обойтись, например, *Интермедии;* что вдобавок и в самых составных его стихиях слишком много разнородного, и что они потому никак не произведут стройного, классического целого. Возможно ли в самом деле спаять в одно: сатиру и элегию, рассказ и драму, комедию и трагедию, лирическую поэзию и сказку, идеал и гротеск, смех и ужас, энтузиазм и житейскую прозу, и — ожидать от всего этого гармонии? — Далее, не спорю, что в самой прихоти, с которою я так часто переменял метры, есть что-то похожее на шарлатанство; и сам вижу (и это всего хуже), что в моей сказке-драме все, чего ни спросишь, да только почти нет драматического движения! — На моем месте, а другой, столь же смело и откровенно, быть может, сознался бы во всем этом: только, кажется, у редкого не следовало бы за тем с полдюжины *но* и *однако,* а тут неоспоримые доказательства, что он совершенно прав и что критики врут, если его бранят за такие salti mortali[2] и непростительные опущения. — Я воздержусь от всех подобных красноречивых доводов и выходок, которые ровно ни к чему не ведут. — К чему же, ради бога, печатаю этот хаос и чего же хорошего от него ожидаю? — На это, любезный К. О., предоставляю за меня отвечать тому из моих критиков, у которого на то достает ума-разума и доброй воли; а сомневаться, чтобы между русскими рецензентами мог найтись такой не близорукий и честный человек, значило бы нанесть смертельную обиду тому почтенному сословию, которое так беспристрастно, тонко и глубокомысленно оценило «Горе от ума» Грибоедова, «Полтаву» Пушкина, «Гротески» Гоголя и «Сердце и думку» Вельтмана.

---

[1] Запутанном произведении (итал.). — *Ред.*

[2] Сальто-мортале (итал.). — *Ред.*

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

В доме Зулейки. Иван и Зулейка.

Иван

Устал я. . . Бабушка, здорово!
У вас обедать не пора?

Зулейка

Давно пора, и всё готово;
Да где ты с самого утра. . .

Иван

Таскался? — Видишь ли: вчера
Я сбыл последние товары,
Окончил все свои дела;
Когда ж проснулся, мне пришла
Охота посмотреть Бухары.

Зулейка

Как? — ты в Бухаре год почти
Живешь, торгуешь и. . .

Иван

Базары
В Бухаре видел, а найти
Промеж хлопот не мог досуга
Взглянуть на храмы, на дворцы

И прочее. Беда! — купцы
На вечеринках друг у друга
Привыкли спрашивать о том,
Что́ кто видал в краю чужом.
Итак, я побродил сегодня,
А завтра, бабушка, пущусь
(Была бы воля лишь господня!)
В дорогу на святую Русь.

Зулейка

Что ж? ты не встретил ли, сердечный,
Каких диковинок у нас?

Иван

Как их не встретить! я сейчас
С диковинки бесчеловечной:
Вот из царева кабака,
В оковах, как рука, нагого,
Несут богатыря лихого
Четыре дюжих мужика;
Других четыре со всей мочи
(Посмотришь и зажмуришь очи)
Раз в раз в четыре молотка
Разят его по груди белой
И приговаривают так:
«Скажи, Булат, наездник смелый!
Скажи: найдется ли дурак,
Чтоб выкупил из злой неволи
Тебя себе же на беду?»
Он? — словно и не слышит боли
И отвечает: «Подожду».

Зулейка

Мерзавцы!

Иван

Истинно безбожно!
Но вор же, верно, и Булат.

Зулейка

Ты судишь очень осторожно!
Всегда, кто страждет, виноват.
А между прочим вот в чем дело:

Их на попойках, в кабаках
Лихой Булат держал в руках.
Бывало, только пикнут смело,
Как вскочит и как гаркнет: «Вон!» —
Так всех их и положит он.
Буянам больно надоело,
Кипят на витязя враждой;
Взять силой — не по силе бой;
За хитрость взяться положили:
Булата зáзвали в кабак,
Употчивали, напоили, —
И богатырь попал впросак.
Сидят, идет у них беседа
Про то, про се, и вдруг соседа
Толкнул сосед: «Не ври же, брат,
Не согласится наш Булат!»
А витязь: «Всякое сомненье
В моем усердьи оскорбленье».
Тут третий тотчас подхватил:
«Булат — отец наш; это, други,
Не я ли вам сто раз твердил,
Но мы не требуем услуги,
Не утрудим могучих сил. . .»
Глупцу взбрела на ум нелепость;
Спьяна, как видно, вздумал хват:
«Что, братцы? — если бы Булат
На месяц нам отдался в крепость?»
— «Ххмм! — молвил богатырь, — и я
Желал бы очень знать, друзья:
Когда бы быть мне по несчастью
Случилося под вашей властью,
Что бы вы делали со мной?
Но месяц? — долго! а доколе
Не выкупят — я в вашей воле,
Вам отдаюся головой».

Иван

Ну?

Зулейка

Месяц пролетел и боле:
Никто не выкупил его;
А он, бывало, ничего

Не пощадит для избавленья
Того, кто терпит угнетенья!
Злодеям же его не лень:
Сидят в кружале каждый день
И пьют, выдумывая муки.
Конечно, отряхнуть бы руки, —
И цепи разорвал бы он;
Но слово для него — закон.

Иван

Жаль! .. я. . . Да великонька плата,
Которой просят мужики
За выкуп храброго Булата:
Ведь сто рублей не пустяки.

Зулейка

Не поскупись. Ты барышами,
Ты родовой казной богат;
Так будь по де́ньгам тороват:
То, что сегодня дашь руками,
То, чем пожертвуешь теперь,
Мой милый, завтра же, поверь,
К тебе воротится — мешками.

Иван

Мешками? — Дело! посмотрю.

Зулейка

Тут нечего смотреть, любезный;
А надобно богатырю
Скорей помочь.

Иван

Пребесполезный
На белом свете человек
Подобный богатырь.

Зулейка

Голубчик!
Конечно, богатырь не купчик:
Его учи хоть целый век,
Копить не выучишь. — Когда же

Награнет вдруг не в добрый час
Толпа разбойников на вас. . .

Иван

Не говори: не рад я даже,
Что в путь пустился, как про них,
Злодеев, вспомню! — Слов моих
Не примешь в сторону худую:
Героев, витязей лихих
(Я в том тебя, мою родную,
Уверить смею) всей душой
Я почитаю.

Зулейка

Друг ты мой!
В твоем почтеньи им нисколько
Нет пользы, ни нужды, — ты только
Булата выкупи скорей.

Иван

Булата и казной моей?
Послушай, бабушка: те люди,
Что бьют его по белой груди,
Те приговаривают так:
«Найдется ли такой дурак,
Который бы купил Булата
У нас себе же на беду?»
Казна моя не так богата,
Чтоб на нее мне сопостата
Себе купить. . . Нет! подожду!

Зулейка

Без отговорок: нет охоты,
Желанья нет ему помочь?

Иван

Я, бабушка, — я бы не прочь,
Да вот беды боюся!

Зулейка

Что ты
Меня морочишь? ведь ты сам
Не веришь их пустым словам,

Сам видишь: недруги страдальца!
Небось не укольнёшь и пальца,
А купишь добрым делом клад.

Иван

Кто кладу, бабушка, не рад?
Но мешкать — не минешь наклада;
Мне завтра с светом должно в путь...

Зулейка

Чтоб шею дать себе свернуть!

Иван

Как? шею?

Зулейка

Милость и пощада
Неведомы степным ордам;
А через степь тебе дорога.

Иван

Молчи, старуха, ради бога!
Я выкуп за Булата дам.

(Выбегает.)

Зулейка смотрит ему вслед и пожимает плечами.

ЯВЛЕНИЕ 2

Харем бухарского хана. Чертог его дочери Анданы. Андана и ее кормилица Зарема.

Зарема

Что тебя, царевна, краше?
Не лучом ли красоты
Отовсюду, солнце наше,
Пленных привлекаешь ты?
С юга, с запада, с востока,
С севера, с концов земли
На поклон к тебе пришли;
Ты ж ко всем равно жестока.

А н д а н а

Не на мой же зов пришли
С юга, с запада, с востока,
С севера, с концов земли!
По лазури одинока
Ходит чистая луна:
Не отдамся мужней воле;
Мама, кончу, как она,
Путь чрез жизненное поле.

З а р е м а

Не обманывай меня!
Что же, голову склоня,
Бродишь с грустию немою?
Отягченная тоскою,
Что же плачешь и во сне?
Я ль, дитя мое, не стою,
Чтобы вверилась ты мне?

А н д а н а

В темной роще не схоронишь
Звонкой песни соловья,
Слезки втайне не уронишь:
Нет, подсмотрят, вижу я!
Я...

З а р е м а

Ты любишь? Да? Андана,
Кто же избранный тобой?
Хан ли, князь или герой,
Юный, странствующий воин?

А н д а н а

Стан его, как пальма, строен,
Небо в голубых очах,
Мягче шелку темный волос,
Розы рдеют на щеках,
Соловья нежнее голос
В алых, сахарных устах,
Луч перуна в быстром взоре...
С быстрым взором мне на горе
Встретился мой робкий взор,

И я стражду с этих пор;
С этих пор грущу, тоскую;
Мама, наяву, во сне,
В день болтливый, в ночь немую,
Меж людей, наедине,
Говорить, молчать ли буду, —
Таю в сладостном огне:
Он мне чудится повсюду!

З а р е м а

Царь твой, дум твоих властитель,
Не эфира ль легкий житель,
Сильф, красавец неземной?

А н д а н а

Всех духо́в страны небесной
Превосходит красотой,
Но не гений бестелесный.

З а р е м а

Турок?

А н д а н а

Гя́ур.

З а р е м а

Мой творец!

А н д а н а

Властвует душой моею...

З а р е м а

Имя?

А н д а н а

И сказать не смею:
Русский.

З а р е м а

Их посол?

А н д а н а

Купец.

Зарема

Иноземец нечестивый!
Силой ада, чародей,
Возмутил покой счастливый
Девственной души твоей!

Андана

Он и не мечтал о власти
Над моей больной душой;
Он не знает даже страсти,
Отравившей мой покой.

Зарема

Дочь блистательного хана,
Вспомни то, кто ты, Андана!
Не минует нас беда:
Ждать отрадного плода
Можно ль от любви подобной?

Андана

Ждать?.. не жду я ничего!
Скоро камень мой надгробный
Нас избавит от всего,
Что терзает нас и давит:
Камень тот меня избавит
От мученья моего,
Ханский род от униженья,
А тебя от опасенья...
Яд, огонь в моей крови:
Что мне в жизни без любви?

Зарема

Жалости в тебе не стало...
Пожалей меня хоть мало,
Мамы ревностной своей
Хоть немножко пожалей!
Верь: мне не страшна и плаха;
Нет, страшусь не за себя:
Ах, тебя, как жизнь, любя,
За тебя полна я страха!
Мука для моей души,
Казнь и ад твои страданья;

Мне закон — твои желанья:
Что мне делать? прикажи!

Андана

Друг ты мой, моя Зарема!
Ночью при немой луне
Приведи в цветник харема,
Приведи его ко мне!

ЯВЛЕНИЕ 8

В доме Зулейки. Иван и Булат.

Булат

Не отвергай, прими благодаренье,
Великодушный муж, за то спасенье,
Которым я, не друг твой и не брат,
Тебе обязан!

Иван

Не за что, Булат.

Булат

Позволь мне...

Иван

Вздор! тебе даю я слово:
Всё было сделано охотно. — Да!
Изволишь видеть: наша вся беда,
Что это сердце мягко, не сурово,
Вот, как у многих.

Булат

Заплачу тебе,
И с лихвою.

Иван

Спасибо, мой любезный.

Булат

Клянусь: тот час тебе не бесполезный,
Когда, чужой мне, о моей судьбе
Ты пожалел, и мой народ железный,

Бесчувственных товарищей моих,
Покрыл стыдом и срамом! — Сколько их,
Клятвопреступников неблагодарных,
Мной одолженных! Сколько здесь таких
Бездушных, что в словах высокопарных
В свидетели блаженных всех духо́в,
Всех ангелов господних призывали:
«Булата не покинем в день печали;
Булат-де избавлял нас от врагов,
Стоял за нас, кусок последний хлеба
Нам отдавал!» — И что ж? (перуны неба
На всех вас, вероломные друзья!)
Попал в беду — и всеми брошен я;
Им стало жаль — чего? — презренных денег!

Иван

Признаться, нрав их должен быть жестенек.
А впрочем, деньги — мне позволь, мой свет,
Заметить — вовсе не презренны, нет!
И не презрительны: им с давних лет
Все воздают почтенье, и большое.
Но память нам оказанных услуг,
Но благодарность — видишь ли, мой друг, —
Есть дело точно самое святое.
Однако толковать всё про одно
Довольно скучно. Кстати! я давно
Слыхал, что ты силач, и несравненный,
Что сотню сопостатов, словно птах,
Шутя, разгонишь. . . но, Булат почтенный,
Ты мне всю правду исповедай: страх —
По-просвещенному, по-европейски,
Панический (их разговор злодейски
Мудрен, а нечего сказать, — учтив!),
Тебе знаком ли этот страх?

Булат

Труслив
В одном я случае.

Иван

В каком? Киргизских
Наездников боишься?

Булат

Подлых, низких,
Презрения достойных дел боюсь.

Иван

Шутник! шутник! — А на святую Русь
Охотно ль отправляешься со мною?

Булат

Отсюда прочь прошуся всей душою.

Иван

Прекрасно! — Стало, в шляпе дело. Брат,
Пойду, кой с кем прощусь, а завтра с светом
В дорогу... Нас не задержи!

Булат

Об этом
Не беспокойся: никогда Булат
Не мешкал сборами.

Иван

Ну ж, до свиданья!

Булат
(один)

Стране моей я все свои желанья,
Единой ей все думы, все труды,
Все чувства посвящал, — и вот плоды
И ран моих, и поту, и страданья!
Народу собрал здесь довольно бог,
Но в множестве голов и рук и ног
Я ни одной души сыскать не мог.
Прощай же, город трупов! без возврата
С твоими камнями, страна моя,
С детьми твоими распрощаюсь я!
И с кем связала же судьба Булата,
Меня в товарищи дала кому?
Непостижимо моему уму,
Как изо всех гостей иноплеменных,
Сюда торговлей жадной привлеченных,

Решился *этот* именно на то,
Чего мне оказать иной никто
Не захотел... Как может добродетель,
А пуще сердоболье жить в груди,
Где даже сердца вряд ли мне найти?
Но он мой избавитель, благодетель —
Довольно! Если в нем и нет огня,
Что нужды? Долг первейший для меня
Ценить одно: его благодеянья.
И впрочем, что ж? Холодность не порок:
Так потушу ж и самые мечтанья
О совершенствах, коих строгий рок
Дает не всем. — Мне душу сокрушила
Неблагодарность; чистые светила,
Небесные! внемлите: жизнь моя
Пусть будет и печальна, и злосчастна,
Пусть только укоризны не причастна,
Пусть сам избегну, чем гнушаюсь я!

Входят Зулейка и Зарема.

Зулейка

Не помешает витязь нам, Зарема;
Напротив: в нем
Советника, помощника найдем.
Так ты ко мне пришла, к старухе, из харема,
Чтоб видеть постояльца моего,
И говоришь, что именно в него,
Забыв и род свой и величье сана,
Влюбилась гордая Андана?

Зарема

Он, матушка, красавец?

Зулейка

И такой,
Каких мне мало
В теченьи жизни вековой,
Клянусь пророком, попадало.

Зарема

И русский?

Зулейка

Русский; и пока
(Считать нельзя же старика
Василья и Фому хромого)
У нас один.

Зарема

Искать мне нечего другого:
Он, точно он!

Зулейка

Его привесть
В харем княжна велела?

Зарема

Сегодня вечером.

Зулейка

Твоей княжне донесть
Я очень бы хотела,
Что нас такая честь
Едва ль порадует: когда услышим весть,
Какого требует несбыточного дела
От нашей храбрости она,
Мы тотчас вспомним кол и колесо и плаху
И с одного со страху
Умрем.

Зарема

Не бойкая ж душа ему дана!

Булат

Зулейка, — я тебя в Бухаре целой
Одну еще люблю;
Но обуздай язык свой слишком смелый:
И от тебя не потерплю,
Чтоб ты злословила того, который. . .

Зулейка

Любезный, не ищу с тобою ссоры;
Да мне Зарема дочь, я ей родная мать:
Я правду ей должна сказать.

Булат

Ты правду говоришь? — нет! не греши напрасно;
Ручаюсь: он не трус!

Зулейка

Прекрасно!
Давно ли с ним знаком ты, мой отец?
Со мной ли споришь? — Молодец
Или не у меня, не здесь, в моих хоромах,
Живет не много и не мало — год;
Не чудо ж он какое, не урод,
Чтоб я, старуха (и скажу: не промах),
Не разглядела бы и в этот срок
Какого поля
Голубчик ягодка!

Булат

Он гость твой!

Зулейка

Ваша воля,
А что не быть слепою — не порок.

Вбегает Иван.

Иван

Ох! не опомнюсь! ох! я весь не свой с испуга!

Зулейка

С испуга?

Иван

Бабушка! я только что от друга
(Он здесь товарищ нам: у дельного купца
Нет никогда друзей и быть не может, кроме
Полезных по торгам). На рынке в новом доме
Живет мой друг, Гассан, у самого дворца;
Я с ним простился; вот иду я мимо замка,
Взглянул я на окно — и что же?

Зулейка
(Зареме)

Слушай, мамка!

Иван

Из этого окна...

Зулейка

Вдруг вылетел дракон?

Иван

Помилуй, бабушка! как можно? Нет, дракона,
Спасибо, не боюсь; ведь знаю из Бюффона,
Он — басня, не бывал на белом свете он,
А я — должна ты знать — не трус: не оробею
От небывальщины! — Нет, ручка из окна,
В перстнях, в запястьях вся, до плеч обнажена,
Явилась... что твой снег? — Ах! продолжать не смею!

Зулейка

Здесь сору из избы не вынесут.

Иван

Алмаз
Сверкал на ручке: свесть с него не мог я глаз;
Вдруг, вдруг — пучок цветов и перстенек бесценный
Мне прямо под ноги! — Замлел я, вздрогнул я...

Зулейка

И их не поднял ты? Ты глуп, душа моя!

Иван

Зачем я не был глуп? — Но, бесом наущенный,
Я поднял их! Потом поступок дерзновенный
Я начал взвешивать; а между тем окно
Захлопнули.

Зулейка

Вот смех!

Иван

Мне, право, не смешно!
Беда! — народу тьма из улицы середней
Навстречу хлынула: я за стеной соседней
Был должен спрятаться, чтоб перстня и цветов

Не увидал в толпе какой-нибудь доносчик...
Уж эти мне цветы! уж перстень!

З у л е й к а
(вполголоса)

А, каков?

З а р е м а

Красавец, спору нет; но по душе — разносчик.

(Громко)

Иноплеменник, мне, признаться я должна,
Хотелось бы взглянуть...

И в а н

На что? не на цветы ли?

З у л е й к а

Не бойся ничего: ведь дочка мне она.

(Берет цветы и передает Зареме.)

Надеюсь, мы еще науки не забыли,
В которой были мы горазды в старину...

З а р е м а

Нисколько; не прочту и первых строк Курана,
А вот когда читать что по цветам начну,
Любого загоню муллу или имана.

(Разбирает цветы.)

И ландыш и лилия:
Вотще все усилия;
Цветущий гераний:
Я жертва страданий;
Нарцисс и левкой:
Ты властвуешь мной;
Две желтые розы:
Горючие слезы;
И мак и тюльпан:
Постыл мне мой сан;
Фиялка ночная:
Умру, воздыхая;

Листок виноградный:
Приди, ненаглядный!

Счастливый юноша! цветы твои — посланье!
Они зовут тебя сегодня на свиданье
С обвороженною, плененною тобой —
Высокой званием и блеском красотой.

Иван

Уф! тяжело! — Булат, — коней, коней скорее!

Булат

Хотел ты завтра?..

Иван

Да; но видишь сам: по шее
Отсюда гонят нас!

Булат

Нас? кто нас гонит, друг?

Иван

Рассказывать теперь, любезный, недосуг.
Здесь женщины в любви без милосердья смелы:
Спасемся, удерем, пока еще мы целы,
Пока не съели нас!

Булат

Всё приготовлю вмиг:
Но я, Иван, свой долг, священный долг нарушу,
Когда не выскажу того, что, видишь, душу
Мне давит и тягчит; вовеки не достиг
Ни власти, ни честей, ни славы, ни сокровищ,
Кто пребывал всегда на зов отваги глух
И случаев таких, в которых нужен дух,
Боялся, как чудовищ.

(Уходит.)

Иван

Никак он рассердился?

Зулейка

Да;
Он трусов смерть не любит.

Иван

Он удальством себя когда-нибудь погубит.
Но делать нечего: мне в нем теперь нужда.

(Уходит вслед за Булатом.)

Зарема

Ах! матушка, да твой красавец
Совсем без честолюбья и стыда:
Не согласится! — Уморит мерзавец
Княжну мою.

Зулейка

Не должно вдруг
Отчаяться, мой друг;
Он жаден к золоту, — мы бабы разве даром? —
Сокровища княжны
С таким красноречивым жаром
Мы описать ему должны,
Чтоб в нем слепая сила
Корыстолюбия все страхи заглушила.

Обе уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

На дворе перед домом Зулейки. Вечер. Входит Андана, переодетая мальчиком.

<Андана>

Да! этот самый дом. . .
Его мне указали на базаре:
Он занят русским молодым купцом,
А русский юноша один во всей Бухаре.
Но всё пусто — никого нет;
Терем, как могила, нем. . .
Грудь моя дрожит и стонет;
Не утешуся ничем;
Нет, обманщице-надежде

Сердцем не поверю прежде,
Чем любимца пред собой,
Боле мира мне драгого
(Он один не мир ли мой?),
Прежде, чем его живого
Не увижу пред собой.

Ждала я вести — ах! мне час казался веком,
А вести не было, — Заремы я упреком
Не стану оскорблять: и может ли она
Постигнуть тот огонь, каким я сожжена?
Но и меня ж бранить Зарема не должна:
Я виновата ли, что над моей судьбою
Над грустной сжалился какой-то добрый дух?
Чалму, мужской кафтан вдруг вижу пред собою,
И грянул гром, и внял мой изумленный слух:
«Не будет Зареме
Удачи ни в чем;
Что медлишь в хареме?
Царевна, — пойдем!»
Перерядилась я — и вышла. Что ж? и гула
Моих шагов никто, казалось, не слыхал!
Стражни́цу я минула, —
У башен и кругом забрал
Дремало всё в безмолвии глубоком;
Прошла — и ни единым оком
Я не замечена была;
Непроницаемая мгла
Меня, казалось, одевала;
Я под защитой покрывала
Волшебного, казалось, шла.
И вот я здесь! — В тот самый день, когда я,
Твоих душистых чад, земля святая,
Таинственных, с их стебельков срывая,
Твердила: «Жертвы страсти роковой,
Невольники желанья и печали,
Любовники не вам ли даровали
Язык без слов, но вещий, но живой?
Так будьте же моими вы послами,
Летите вы с родимых гряд своих,
К нему летите! — вашими устами
Я выскажу всё пламя чувств моих!»

Но вот я здесь: вступила я в обитель,
Где пребывает жизнь души моей,
Мой царь, кумир мой, дум моих властитель!
Не под шатром чинаровых ветвей
Я озарюсь лучом его очей;
Он не расторгнет ночи вертограда
Лучом волшебным сладостного взгляда;
Но он взойдет ли для рабы своей,
Моей тоски светило и услада?

Цветы, посланники любви моей!
Теперь мне ваша не нужна услуга:
Не под шатром чинаровых ветвей,
Тоскуя, буду ждать прихода друга;
Здесь, здесь я! — я пришла к нему сама!
Пусть, кто я, он не ведает сначала:
На мне мужской наряд, на мне чалма;
На миг я быть Анданой перестала,
Я бедный мальчик, — повелитель мой,
Позволь сиротке быть твоим слугой.

Входят Иван, Булат, Зулейка, Зарема.

Иван

Итак, Булат, я в той надежде,
Что понял ты, зачем такой мне спех...
Я трус? — вот выдумка! вот смех!
Нет, дураку, глупцу, невежде,
Кому-нибудь из тунеядцев тех,
Которым без злословья
Убудет, кажется, здоровья,
Любезный, предоставь и стыд и грех
Нелепых подозрений: пусть отраву,
Пусть яд свой на мою благую славу
Другие выльют, — ты...

Булат

Иван, сердечно рад,
Что с уваженьем
Мне можно на тебя смотреть: тебе спасеньем
Обязан я; а ты поверишь мне, что ад
Для благородного созданья

От тех благодеянья,
Кого не уважаешь. — Но прости!
Усердием заглажу на пути
Упрек, который...

Иван

Всё, братец, пустяки! Забудем эти вздоры!
Поедем: только бы найти
Еще мальчишку для прислуги...

Андана

(*между тем шепталась с Заремой; теперь в сторону*)
Он кроткий друг,
Он будет счастием своей супруги.

Зарема

Иноплеменник, если для услуг
Тебе потребен кто, — вот сын мой...

Иван

Слишком молод:
В дороге труд, нужда и зной и холод,
Не шутка их
Переносить в летах таких.

Андана

О мне не беспокойся, барин:
Я всё без жалобы надеюсь перенесть.

Иван

А в месяц что возьмешь?

Андана

Я? ничего. Мне честь
Служить тебе всего дороже.

Иван

Благодарен!
Зовут тебя?

Андана

Газемом.

Иван

Друг Газем,
Беру тебя; будь верен и послушен,
Не крадь, не лги, а я великодушен,
Не скряга, и ничем,
Когда твое усердие увижу,
Тебя, поверь мне, не обижу.
Ну, бабушка-голубушка! — затем
Прощай! — Не поминай купца Ивана лихом!

Зулейка

Дай бог, Иванушка, в благополучьи тихом,
Спокойно, без тревог доехать вам!

Иван

Дай бог, чтоб по твоим сбылось словам,
И мед бы пить твоими нам устами!
Киргизы... Но Булат же с нами,
Да я ж не трус!

Зарема

Прощай, купец!
Храни в дороге вас творец!
Увы! теперь я в мире одинока!
Тебя я заклинаю: пуще ока
Лелей и береги Газема моего!

Иван

Не плачь, не рвися: сберегу его!

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

Ночь. Степь. Шабаш духов.

Хор

Месяц, месяц серебристый
Народился в тверди чистой,
Пролил в дол дрожащий свет;
Мы слетелись на совет.

1-й дух

Я с юга безводного,
С песков, где охотится лев,
Где тигра голодного
Неистовый слышится рев,
Где огненной тучею
Над степью сыпучею
Кружится и воет сеймум,
Где смертию крыл его шум
Грозит неминучею.

Второй

Я же с могилы
Жизненной силы,
С севера, дому зимы,
Родины хлада и тьмы.
Там дуновение мраза
Создало горы алмаза,
Солнца по месяцам нет;
Свод же небесный
Ночью одет
В пурпур чудесный,
В радужный свет.

Третий

Шаман скакал
Средь грозных скал
В холодной тьме тумана;
Содрогся гул;
Луну задул
Свирепый вопль шамана:
Я махом крыл
Его убил
И созвал псов на тело,
С востока ж сам
Примчался к вам
На слово и на дело.

Четвертый

С водопадов заката,
С кровожадных пиров,
Из отечества злата,

Из дремучих лесов,
Над великой водою
Я летел и, когда
Море скрылось за мною,
Увидал города,
Где и в ночь никогда
Не прервется ни шепот,
Ни тревога труда,
Ни страдания ропот.

Хор

Мир умолк и потемнел,
Сон закрыл усталых очи;
Мы слетелись в час полночи
Для отчета наших дел.

Кикимора

Спасибо, братцы, за стихи: лихие!
Твои хореи, хор, на экосез
Велю переложить. Ты, африканец,
Нас славным амфибрахьем угостил
И рифмою в три склада; в них зверей
И бурю выть заставил, и у нас
С твоих стихов — в ушах так и завыло.
Чудесны дактили твои, лапландец:
Продрог я — жару в них нисколько нет.
Твои коротенькие ямбы милы,
Любезный камчадал: я с них вздремнул;
С них список я возьму, и, если мне
Не будет спаться, их читать я стану.
Твои же анапесты, ирокез,
Единственны; клянуся: ирокезы
Им в дикости и жесткости уступят!
А я решился с вами говорить
Размером, о котором на Руси
Спросил в невинности сердечной кто-то:
«Что, если это проза? и дурная?»
В прошедший месяц что творили вы?
Какие шутки вы шутили?

1-й дух

Я...

Кикимора

Твои дела, дела твоих клевретов
Не трудно отгадать; но потопить
Корабль, песком засыпать караван,
Нежданной стужею убить посев
Или промышленников уморить
В сибирских тундрах смертию голодной —
Конечно, очень остроумно, но
(Ты согласишься) не совсем смешно;
А, признаюсь, сегодня я желал бы
Похохотать. — Так пусть же наперед
Жильцы Европы просвещенной, духи,
Которым понабраться кой-чего
От внуков Иафета удалось,
Нам отдадут отчет в своих работах.

Пук

Кто только не дурак, и молод,
И не плебей, и знает свет,
Тот в нашем Лондоне одет
В стоический, бесстрастный холод.
Но Гаррик и сквозь этот лоск
Чудесной силою искусства
Порой дощупывался чувства:
Случалось, тает, словно воск,
Жеманство в денди самом гордом
От пламенной его игры,
Над дюком, баронетом, лордом
Он властвует: забыв пиры,
Заклады, Ню-меркет, дебаты,
Сидят затянутые хваты
И сходят от него с ума.
Однажды леди Стронг сама,
Когда тупым кинжалом смело
Ударил в грудь себе Отелло,
Чуть слышный испустила стон;
Она блистательная льдина,
Но и ее, царицу Сплина,
Расшевелить успел же он!
И всё в театре онемело,
Огромный дом, как гроб, утих. . .
Я рассмешить решился их

И тотчас принялся за дело:
Сидел за скрыпками толстяк
И судоржно сжимал кулак
И табакерку пред собою
Окаменевшею рукою
Держал без крышки, — я к нему,
Хвать табаку и вмиг на сцену
И в нос Отелло моему;
Вдруг чих Отелло; перемену,
Какой и я не ждал от них,
В партере произвел тот чих!
Поднялись шиканье и хохот,
За хохотом поднялся свист,
За свистом стук, за стуком грохот:
Покойник встал, дрожит, как лист,
И градом яблок был засыпан. . .

Кикимора

Рассказ прекрасный, — только длинноват;
Вскричит петух — и нам расстаться должно;
Нужна мне ваша помощь, вот в чем дело:
В народе русском и с большим трудом
Сыскал я труса (он у них один;
Другого не найдете экземпляра).
Мой трус красавец: что ж? в него влюбилась
Бухарская княжна. Он из Бухары
На Русь обратно едет; с ним княжна
И богатырь Булат великодушный.
Я свел их, льва я зайцу подчинил
И гусю дал в подруги Филомелу.
Скорее в город, разбудите всех
И по́д ухо обманутого хана
Завойте: «Хан! проснись: увезена,
В Россию скачет, хан! твоя Андана!»
Старик погонится за ними; мы,
Охотники до всякой кутерьмы,
Мы насладимся зрелищем забавным;
Да! похохочем над отцом державным,
Над бешенством его — и над княжной,
Ума лишенной от любви слепой,
И над дрожащим, как осина, хватом,
И над могучим витязем Булатом,

Который (кстати!) в наш бездушный век
Задумал быть с душою человек!

Духи разлетаются.

Взвились — и улетели: до свиданья!

А между тем поклон мой, господа!
Мы, кажется, видались иногда:
Неужто позабыли? — вас со мною
Покойник Лев Петрович свел — Ижорский;
Я должность шу́та исправлял при нем.
Наскучил мне Ижорский, — я его
Другому сдал, да с вами не расстался.
Нет! целый хор в себе соединил,
Но не трагический, не хор Эсхила
Или Софокла, а такой, каким
В своем бессмертном Гарри Уйлли Ше́кспир
Вас угостил: скачки поэта вам
Я пояснял и, может быть, подчас
Срывать случалось мне улыбку с вас.
И вот опять на сцену перед вами
Решаюсь выйти; снова стану вам
Досказывать все недомолвки драмы.
Любить и жаловать меня прошу:
Затем мое почтенье! — ухожу.

(Исчезает.)

ЯВЛЕНИЕ 2

Поляна, ключ, несколько деревьев. Ночь. Иван, Андана, Булат сходят с коней.

Булат

Здесь остановимся! — Вот мирная поляна
Кудрявой рощею осенена.
Взгляните: теплится луна
И льет сиянье по плечам кургана;
И золото с дрожащего луча
Дробится в серебре студеного ключа.
Мне эта степь давно знакома,
Я с детства самого в ней будто дома;
Поверьте: редкость в ней такой приют.

Иван

Здесь точно хорошо: в тени, в тиши, в прохладе;
Но ежели на нас злодеи нападут?
Молчишь?

Булат

Молчу, чтобы в досаде
Не насказать тебе обидного чего.

Иван

Ох! братец, нрава моего
Не знаешь: я не щекотлив!
Остался бы я только жив,
Сберег бы только все свои прибытки, —
А пышные твои слова
И колкости, приятель, — трын-трава!

Булат
(в сторону)

Я с ним терплю мученье хуже пытки!

Андана
(так же)

Как он любезен, как шутлив!

Булат
(громко)

Не слишком я красноречив,
Не слишком я ценю искусство,
Которого язык так часто лжив;
Но человеческое чувство,
Но душу я в тебя желал бы влить!

Иван

Пустое, батюшка: не ваше дело!
Вы, сударь, наняты, чтоб защитить,
Раз: это тело;
А во-вторых: мои деньжонки. . . Стало, смело
Расположиться можем на покой?

Булат молча кивает головою.

Газемка, что с тобой?
А? — что стоишь? — Не отнялись <ли> руки
У малого? — Отвязывай же вьюки
Проворнее!

Булат

Ему я помогу.

(Отходит в сторону с Анданой к вьючным.)

Иван

Терпеть я не могу
Всех этих умников! — Копейки за душою
Нет у бродяги; сам и доброго коня
Не стоит. — Что же? душу влить в меня
Желает! — Милый мой, чинились мы с тобою,
Поныне высказать тебе боялся я
Всю подноготную; но вот же, не тая,
Вдруг высказал и всю, — и мы друзья
По-прежнему! — По крайней мере
Смолчал ты и ушел. Дивлюся, право, сам,
Как с рук сошло! Тужить ли о потере
Его почтенья? — вздор! — Он мой холоп, мой хам:
Пусть только служит мне исправно!
Его почтенье! мочи нет, забавно!
Полушки за его почтение не дам!
Потороплю я их: копаются же там...

(Приближается к ним шагов на несколько; в это время спадает с Газема чалма.)

Что это? без чалмы мой мальчик! длинный волос
Упал и вьется по его плечам!
Неужто? точно ли? — Недаром вещий голос
В груди моей бедой мне угрожал!
К киргизам, в степь я от любви бежал...
Но как ни мал
Бесенок тот, которого прозвал
Амуром беззаконный галл,
А пребольшой мошенник и проказник:
Вот вам, Иван Иваныч, праздник!
Мальчишка мой вдруг женщиною стал...
Нежданная находка!

Бьюсь об заклад: та самая красотка,
Что вот в Бухаре из окна
Мне перстень бросила... Сказать, что влюблена!
Мне навязалася на шею!
Не знаю, право, — что мне делать с нею...
А впрочем, видно, не бедна
И, если догадалася с собою
Взять кое-что, — я жалостлив душою:
Я... что ты, молодец?
Ведь есть же у нее отец,
Или, быть может, и сожитель;
Ведь хватится же кто-нибудь,
Что нет ее... Так! ты не похититель,
Не ты ее просил с собой пуститься в путь;
Да как догонят и застанут
Обоих вместе, — спрашивать не станут!
Нет! удеру — и тотчас! страшно мне:
Опасна трата
Минуты каждой; позову Булата:
Булат! Булат! — да он уж на коне!

Булат несется мимо него во весь дух.

Куда ты?

Булат

Скоро буду... нужно.

Иван

Но...

Булат

Недосужно.

(Скрывается из виду.)

Иван

(один)

Прошу покорно, — и пропал!
Разбойник! вор! душепродавец,
Завел меня в глухую степь, мерзавец,
И — сгинул... Чтобы взял его провал!
Ох! батюшки! — что будет здесь со мною?
А сверх того меня он обокрал:

Уж знаю наперед! — С одной я головою,
Не то погнался бы за ним;
Не догоню! Да и с таким
Бороться людоедом
Не мне: ему перед обедом,
Как выпьет рюмку водки, — всё равно,
Что я, что килька; разом ведь проглотит!

Андана

(приближаясь к нему)

Что так его тревожит и заботит?

Иван

Да, сказано давно:
Не брат котел чугунный
Скудельному горшку.

Андана

Ах! Арфе златострунной,
Тоскующей в полуночной тиши
Унылой арфе, друг моей души,
Подобен сладостный твой голос!
Что медлю? — видел он мой длинный волос,
Как обронила я чалму:
Решуся, — подойду к нему!

(Подходит.)

Робею, юноша прекрасный!
Обворожительный твой взор,
Стыдливый, девственный и ясный,
Безумной мне живой укор...
Ты видишь... (Более не стану
Скрываться, повелитель мой!)
В глухой степи перед собой
Ты видишь страстную Андану...
Царевной ли или рабой
Андана родилась, — что нужды?
Ужели для любви не чужды
Различья сана и честей?
С тебя довольно: дом свой дева
Забыла для твоих очей;
Ни клятв родительского гнева,

Ни скорби кровных и друзей
Не вспомнила; и край священный,
Который дал ей бытие,
И гроб родимой, прах бесценный,
Не удержали же ее!
Да! стыд и робость заглушила
И славу презрела она:
Огнем любви воспалена,
За блеском своего светила,
За солнцем сердца своего,
Свой бег в отечество его,
Туда, в чужбину, устремила,
Где, может быть, одна могила
Довременная ждет ее!
Пусть! — не ужаснется дева,
Когда бы с сладкого посева
Взошла и гибель... Пусть! свое
Я сделала; да и могла ли
Противиться? Твоей рабе
Уставы рока предписали
Служить, покорствовать тебе.
Чем, как я кончу? — Святотатство
И думать, будто пред тобой
Земное, бренное богатство
Не прах ничтожный; я душой
Тебе бы жертвовать желала:
Но ведь и агнец жертва мала
И малоценен фимиам,
А сын мгновения и тлена
Не их ли, преклонив колена,
Приносит вечным небесам?
Прими ж и ты мой дар смиренный:
Алмазы, яхонт и жемчу́г;
Ты муж не строгий, не надменный,
Ты их не пре́зришь, милый друг!

Иван

(про себя)

Презреть? — Какая ахинея!
Ведь я себе не сопостат!
Ей, верно, дядя или брат
Высокопарный мой Булат:

И у нее и у злодея
Одна повадка; свысока
Такую чепуху городят,
Что хоть кого возьмет тоска.
Но удовольствье в том находят?
Пожалуй! — Даже я готов
Их слушать, лишь бы в заключенье
Надутых, громозвучных слов
В награду за мое терпенье
Мне предлагали всякий раз
Жемчу́г и яхонт и алмаз.

Андана

Ты углубился в размышленье?
Обдумываешь свой отказ?
Увы! читаю отверженье
В глазах твоих...

Иван

Нет, нет, мой друг!
Алмазы, яхонты, жемчуг,
Конечно, — от тебя не скрою,
И я считаю суетою;
Свидетель бог: иным порою
Клочок бумаги предпочту.

(Про себя)

Так точно: вексель полновесный!

(Громко)

Однако...

Андана

Юноша чудесный!
Души и тела красоту,
Ума игривость, остроту,
Сиянье мудрости небесной
Ты слил, ты сочетал в себе,
Их совместил в себе едином!
О! благодарна я судьбе,
Горжусь подобным властелином!

Иван

Уф! полно!

Андана

Нет! ты человек
Необычайный.

Иван

(про себя)

Так и век
Не кончим.

(Громко)

Добрая Андана!

Андана

Властитель!

Иван

Слово молвить дай!

Андана

Слова твои — слова Курана;
Внимать им для Анданы рай.

Иван

Так милость сделай же: внимай!
С тобой поговорим немножко
О бренности, о суете,
Примерно — об алмазах. Те,
Мой друг, которые в окошко
Выбрасывают их, как сор,
Те — полагаю — в заблужденьи. . .
А впрочем, не вступаю в спор:
В Бухаре, знать, в обыкновеньи
В прохожих перстнями швырять.
Меня же, свет, отец и мать
С ребячества совсем иному
Учили. . . Не запнусь сказать
Философу хоть бы какому:
Считаю эту суету,
Как всё в подлунной, — суетою,
Но берегу.

Андана

Перед тобою
Я каюсь: горе, наготу,
Нужду, болезни братьи нищей
Одеждой, подаяньем, пищей
Не я ли истреблять могла?
Тот, кто богат, посредник бога,
Искоренитель бед и зла;
Но, мимо сира и убога,
Я на льстецов дары лила.

Иван

Вот видишь ли? — Люблю богатство:
В нем вес и польза и приятство;
Скажу, что сверх того алмаз,
Жемчуг и яхонт самый глаз
Какою-то волшебной силой
Привлечь умеют... Друг мой милый!
Вот почему подарок твой
Я принимаю.

Андана

Как я рада!
Возьми ж.

Иван

(разбирая то, что от нее принял)

Брильянт, и пребольшой!
Расхвалена твоя лампада
И в прозе и в стихах, луна!
А ведь не годна, ведь темна:
При ней чиста ли, не чиста ли
Вода в брильянте, я едва ли
Узнаю. — Но и завтра день.
Вот четки, и длины изрядной...
Ххмм! мне молиться же не лень!
Андана, друг мой ненаглядный!
Скажи, когда тебе не в труд:
В них, — в четках, — зерна?

Андана

Изумруд
И яхонт.

Иван

Охо! хо! хо! — вдобавок
Полсотня золотых булавок:
Головки их?

Андана

У всех алмаз,
Да мелкий.

Иван

Уверяю вас,
И с мелких будет нам прибыток.
Посмотрим дале: сорок ниток
Сквозных жемчужин. . . Я бы мог
Цене их всех подвесть итог,
Но. . . Серьги, перстни и оправа
Тут не безделка, — сколько их?

Андана

Я не считала.

Иван

Ты не пра́ва:
Как не считать вещей таких?
Какая может быть забава
Приятнее? — Позволь же мне!

(Считает.)

Всего, Андана, на́ все — триста.
Запястье: два в нем аметиста;
Подобных им я и во сне
Не видывал: горят и блещут!
Все жилки с радости трепещут,
Как всмотришься! — Душа моя,
Тебе за суету такую,
Прекрасную, предорогую,
Сердечно благодарен я. . .
И, друг мой, — это всё лежало?

Андана

В моей чалме.

Иван

Да? — по всему
Я вижу, свет, что ты нимало
Не бережлива. — Ведь чалму
Ты уронила?

Андана

Уронила.

Иван

А если из нее в песок
Тут выкатился перстенек?

Андана

Легко быть может.

Иван

(в сторону)

С нами сила
Небесная! Ей — ничего!
Да вдруг ей мненья своего
Не объявлю же.

(Громко)

Что, Андана?
Ты, думаю, сочтешь Ивана
Скупым и жадным?

Андана

Никогда!
О! эти гнусные пороки
Не верх ли срама и стыда?
Их знать тебе ли? Но жестоки
Слова такие.

Иван

(в сторону)

Ла! ла! ла!
Вот фразу снова понесла!

(Громко)

Мне больно, что тебя обидел:

Поверь, царевна, не предвидел,
Что ты. . .

Андана

Я не сержусь, мой друг.

Иван

(в сторону)

Спасибо! мне же недосуг
Пред вами сыпать извиненья.

(Громко)

Вот дело в чем: малейший знак
Любви твоей и уваженья
Мне очень дорог, дорог так,
Что и сказать не в состояньи. . .

Андана хочет что-то сказать.

Прошу, не прерывай меня. . .
Велик ли труд добыть огня?
А с ним при небольшом стараньи,
Особенно, когда вдвоем
Поищем, мы в песке найдем
Еще вещицы кой-какие. . .
Увидишь! — в степи ли сухие,
В бесплодно-мертвые пески
Такие сеять перстеньки?
Не вырастут!

Андана

Я твой служитель,
Я твой Газем: что мой властитель
Прикажет, всё исполню я. . .

Иван

Итак, голубушка моя. . .

Высекает огонь, засвечивает фонарь и начинает искать вместе с Анданой; они попеременно подходят к оркестру.

Андана

Весь кротость он, весь снисхожденье,
Избранник сердца моего! . .

Из сладкозвучных уст его
Не мед ли даже поученье?
Мой друг боится оскорбленье
Нанесть усердью моему;
Вот почему
Он притворился чуть не жадным
К безделкам этим безотрадным,
А что они душе его?
(Удаляется.)

Иван

Нет! не найду я ничего!
Пожалуй, скажут: «И того,
Что получил ты, предовольно!»
Положим! всё ж и думать больно,
Что, может статься, тут прекраснейший алмаз
Упал, в песке завяз,
И навсегда исчез для кошелька и глаз.
Как ни крепись, вздохнешь невольно,
И ясно скажет этот вздох:
Жемчуг и яхонт не горох,
Да и горох продать бы можно.
Такие ж вещи, клад такой
Рассыпать по степи сухой,
Растратить — видит бог! — безбожно!
(Удаляется.)

Показываются Кизляр-Ага и бухарские воины.

Кизляр-Ага

Вот они!
Осторожно!
На огни!

Воины

Взяты! взяты!
Переняты
Все пути!
Невозможно
Им уйти!
(Отступают в темноту.)

Андана и Иван сходятся.

Иван

(вздрагивая)

Чу! что? из уст безмолвной степи
Несутся голоса!
Чу! зазвенело, словно цепи,
Или копье, или коса,
И что-то, как пылающие очи,
Из мертвой глубины угрюмой, черной ночи
Сверкнуло мне в глаза!

Андана

Это, друг, ковыль густая,
Злак, пустыни волоса;
Волоса те отягчая,
Блещет, будто огневая,
От лучей луны роса.
Ветер, шепча с повиликой,
Мчится в даль по степи дикой:
Их ты слышишь голоса.

Воины

(приближаясь)

Взяты! взяты!
Не уйти!
Переняты
Их пути!

Иван

Слышишь, Андана?
Мне ли погони
Не распознать?
Вижу с кургана
Шлемы и брони,
Воинов хана
Целую рать.
Ах! даже кони
Мне из тумана
Ржут: «Погибать!»

Входит Кизляр-Ага с воинами.

Кизляр-Ага

Так! — погибать! Сдавайся: ты мой пленник!

Иван

Помилуй! я совсем не виноват:
Причиною она и плут, мошенник,
(Куда девался он?) — Булат!

Кизляр-Ага

Булат? а где он? отвечай, изменник!

Иван

Он ускакал.

Кизляр-Ага

Куда?

Андана

Навстречу вам.
Ни этот юноша, ни он, кто я, не знали;
В одежде отрока они считали
Андану отроком; едва ли
И час прошел, как случай им явил,
Что не Газем Андана.
Но мне свидетель бог, создатель сих светил,
Что рода моего и сана
Не знает иноземец и теперь.

Иван

Не знаю, благодетель! — мне поверь!
И ежели то знать опасно
(Опасных тайн боюсь ужасно),
На этот счет мы будем, друг Газем,
Я глух, как тетерев, а ты, как рыба, нем!
Не из большого бьюсь; я, видишь, скромный малый:
Частичку суеты на память мне пожалуй
И, с богом, поезжай в Бухару, в свой харем!

Андана

Как он великодушен!
Как обо мне одной печется! Как послушен
И в этот грозный час
Заботливости самой нежной!
Бесстрашный, безмятежный,
Он мыслит: «Только бы я спас
Ее благую славу!»

И вот тлетворную отраву
На собственную льет.
Чудесен дерзостный полет
Столь совершенного самозабвенья:
Иному малость — смерть, но, будь метой
презренья, —
И ужаснется! — А, напротив, он?
Он подавляет благородный стон
В груди своей высокой
И говорит: «Из рук судьбы жестокой,
Андана, имя вырву же твое!
Бесславие мое
Избавит, друг, тебя от нареканья.
Мои слова, мои притворные деянья
Злословье самое введут в обман,
И даже клевета воскликнет: сей Иван,
Сей низкий трус, сей подлый себялюбец,
Любовником царевны быть не мог;
Он просто вор, пробрался к ней в чертог,
Украл ее; в степи же, душегубец,
Ее зарезал бы, — но не позволил бог».

ИНТЕРМЕДИЯ

Кикимора

(выскакивая из-за кулис)

Вот, господа, прекрасный монолог!
Иное дело: кстати ль он, не кстати ль?
Каков же стихотворец, мой приятель?
«Смелее! тот писатель не писатель,
Кто критики боится», — молодец
Сказал — и страх и стыд на крюк повесил
И за перо, марать, и, наконец,
Вы сами видите, — как начудесил!
А мне и любо; прыг из-за угла, —
И вот его потянем мы к ответу;
Вопросы наши смелому поэту:
«Во-первых, — в скуке ли ты боле зла
Находишь, в плоскости ли, в чепухе ли?
А во-вторых, ужель окаменели
И воины и купчик и евнух,

Пока Андана наш несчастный слух
Сентиментальной чепухой томила?»

Директор странствующей труппы

С досок долой, шалун-бесенок! прочь!
Ты (не забудь!) нечистая же сила:
Тебя заклясть недолго. — Наша дочь,

Кикимора прячется за кулисы.

Осмелюсь молвить Публике почтенной,
Андану представляет — и она
(Известно всем) особенно сильна
По части монологов. Бард смиренный,
Которого я нанял, написал
Нарочно для нее свои тирады.
«Что делать прочим?» — так твердит нахал...
Да мало ли? менять на взгляды — взгляды,
На сцене рисоваться, гнев и страсть,
Презренье, удивленье, радость, муку
Казать ужимками, глазами, — класть
То нá спину, а то на сердце руку,
И прочее, — не вспомню я всего;
Но слушайте пиита моего!

Публика
толстая дама в креслах

Пиита? с глупой дочкою твоею?
Их, сударь, слушать я сто раз успею:
Теперь же мне чертенка подавай!

Директор

Позвольте доложить...

Публика

Не рассуждай,
А делай, что велят.

Старик Рассудок
(высовывая свою напудренную голову из суфлерского ящика)

Но наша драма...

Публика

Какое дело мне? — Я, братец, дама, —
И не уступишь прихоти моей?
Ведь это долг твой со времен Адама.
Боюсь, а вместе и люблю чертей,
Хоть и не всех: плаксивый Аббадона
Не по нутру мне; сатана Мильтона
Изряден, да тяжел; но Асмодей,
Но Мефистофель славные ребята!
У них ума и выдумок палата;
Мне с ними весело: я хохочу,
Сержусь, острюсь, злословлю, — я богата.
Он

(указывая на Директора)

мой поденщик; я чертей хочу!

Директор

Беда! — карман и слава и желудок
На вас поднялись, — дедушка Рассудок,
Таких врагов не одолеть же вам!
Упрямство, знаете, поставят нам
В безвкусье, глупость, дерзость и измену!

Публика

Не иначе! — Кикимору на сцену!

Директор

Ступай, повеса!

Кикимора

(выходя опять из-за кулис)

Стулья господам,
Чтоб было им покойней!

Театральные служители приносят стулья.

Первый вам,
Андана! — сесть извольте; сядь же, купчик!
Со мною, черномазенький голубчик,
Рядком со мною, брат Кизляр-Ага!
Мы ведь свои: пусть у тебя рога
На лбу нахмуренном не вырастали,
Да, к твоему несчастью и печали,

И вырасти не могут; на врага
Ты всё же, — люди говорят, — и с рожи
И нрава кротостью и цветом кожи
Похож довольно. В этом деле я
(И сам ты должен видеть) не судья;
Но в доме хана, твоего владыки,
Тебя прозвали чертом одалыки,
Ты, стало быть, мне кровный, мне родня.

Рассудок

(который, было, вышел из своего ящика)

Уйду я; стула нет здесь для меня.

(Уходит.)

Кикимора

Директор сядет с бардом.

(Воинам)

Вы — статисты:
Так стойте. — Вот теперь начну свистать!

(Свищет и топчет изо всей мочи ногами.)

Публика

Кикимора, помилуй! что за свисты?

Кикимора

Ах, матушка! не хочешь ты понять,
Что это мочи нет как остроумно!

Публика

Неужто?

Кикимора

Разумеется.

Публика

А шумно —
Оглохнуть можно, да и ново.

Кикимора

Нет;
Библьотеку читает целый свет
Не первый год; а там возьми сужденья

Об *ибо* и об *оном* и о *том,*
О Г<оголе>, В<елланском>, П<олево>м,
О всяком, кто другого ополченья,
Не принят в клуб взаимного хваленья,
Не верует в наш каждый толстый том,
Возьми все сплошь Брамбеуса творенья,
Записки, повести и — повторенья,
Любой-ко вырви из разборов лист,
Без свисту ни на шаг, всё свист да свист!

П у б л и к а
(зевая)

Что ж он освистывает?

К и к и м о р а

Что угодно:
Поэтов, Наблюдателя, Молву,
Философов, французов, дам, Москву,
Всех, только не своих, и — превосходно!

П у б л и к а

Так человек завистливый и злой
Барон Брамбеус?

К и к и м о р а

Малый препростой,
Да щеголять умом и остротой
Я смертную вселил в него охоту!
И затянул одну и ту же ноту
Бедняжка, — всё одно и то ж поет:
Рассказ ли пишет, взгляд или отчет,
Везде, во всем одно и то ж кривлянье;
Сердечный дал под клятвой обещанье,
Что будет всё забавой для него,
Что в мире не пропустит ничего
Без свисту или кисленькой улыбки, —
Вот и Сыр-Да́рья, вот и Арарат
В его статьях читателя смешат!
По пальцам скажет вам: где, в чем ошибки;
Не хлопайте; взгляните: головой
Качает он и поднимает плечи.
«Я, — он гласит, — не из толпы слепой;

Я в этой сцене разберу все речи,
Я разложу, я взвешу каждый стих,
Я, как бы ни было, ручаюсь смело,
Большие промахи найду я в них!» —
Бежит на свой чердак, — и в шляпе дело.

(Тихонько встает и ускользает за кулисы.)

Публика

(сквозь сон)

Прекрасно! Как умно он говорит!
Не знаю только, отчего невольно
Дремота клонит?

(Засыпает.)

Поэт

Посмотрите — спит!
Ах! господин Директор! сердцу больно:
Предмет был превосходный, а убит!

Директор

Мы потеряем, друг, весь свой кредит,
Всю репутацью. . . Барыню нельзя ли
Вам разбудить?

Поэт

Зачем вы волю дали
Бесенку-негодяю?

Директор

Я холоп
Велений Публики. . .

Поэт

Но глас Рассудка —

Директор

Рассудок мне не платит.

Поэт

Пулю в лоб
Всажу себе!

Директор

Стара, мой милый, шутка:
Не кончена старухой паркой нить
Бесценных ваших дней, питомец Феба!
Ведь пороху вам не на что купить.

Поэт

Так утоплюсь, повешусь!

Директор

Ради хлеба,
Который доставляю вам!

Поэт

В обрез!

Директор

Помилуйте, суда́рь: я же не Крез!
Уж эти мне пииты! ввек не сыты.
Но разбудите нашу госпожу:
Я вам прибавлю.

Поэт

Музы и хариты!

Директор

Луна и Солнце!

Поэт

Средств не нахожу...
Однако... Страстный монолог, Андана!

Директор

Не монолог, — нет, грохот барабана
И треск трубы тут нужен, блеск мечей,
Проклятья, вопли, с дюжину смертей...
А! слава богу! — слышу конский топот.
Андана, полно! что за смех и шепот
С monsieur[1] Иваном? — К нам Булат летит;
Ну, докажи, что есть у нас актрисы!

---

[1] Господином (франц.). — *Ред.*

А я и эти стулья и пиит —
Мы скромно удалимся за кулисы.

(Уходит с Поэтом.)

Булат верхом, позади у него хан бухарский.

Кизляр-Ага

В оковы, воины, изменника-купца!
А ты, царевна, в дом державного отца
Благоволи со мной обратный путь направить.

Иван

Булат, Булат, спеши нас, гибнущих, избавить!

Булат сходит с коня и снимает хана.

Булат

Стой, мерзостный скопец! нечистою рукой
Царевны не коснись, или мне головой
Поплатишься! — Купца оставьте: вы Булата,
Надеюсь, знаете!

Иван

Спасибо! — не богата,
Мой друг, казна моя, но будешь награжден.
Да где ты был?

Булат

Или не видишь? полонен,
Со мною прибыл к вам сам хан земли бухарской
Чалма упала в прах, и деву крови царской
В Газеме я узнал — и мигом на коня! ..
Да вправо взял евну́х и обошел меня;
Отряд же хана мне попал как раз навстречу,
Пускай тебе другой опишет нашу сечу;
Без хвастовства скажу: я хана взял в полон;
Но отпущу домой и тотчас, если он
Прекрасной дочери здесь даст благословенье
На брак с тобой.

Хан

Увы, какое униженье!
Срам, вечный срам! Сойду от бешенства с ума!
Но, так и быть, Булат: когда она сама,

Мое дитя, мой свет, мой рай, моя Андана,
Когда царевна, дочь блистательного хана,
Решилась быть рабой презренного купца, —
Не стану клясть ее; а боле от отца
Не требуй: не могу.

Андана

Родитель!

Хан

Ах! Андана!

Директор

(из-за кулис)

Проснулась публика: сказать же, что впопад
Удалый богатырь примчал седого хана!
Но, ради бога, без тирад!

Занавесь опускается.

ДЕЙСТВИЕ III

Выходит Кикимора до поднятия занавеси.

<Кикимора>

Вступает в должность хор-повествователь;
Прошу покорно слушать: обладатель
Земли бухарской более венца
Любил свое дитя, свою Андану.
Распространяться я о том не стану,
Что душу мучило несчастного отца,
Когда без дочери, единственной и милой,
В свою столицу ехал он назад...
В груди страдальца был терзаний целый ад,
И он шептал: «Зачем могилой
Я не был взят до горестного дня,
В который жизнь проклясть заставила меня
Ты, хладных дней моих последняя услада!
Ах! мне заснуть бы навсегда!»
Откуда ни возьмися, вдруг засада:
Нагрянула несметная орда
Пустыни диких чад, вскормленных грабежами,

И стражу хана вмиг засыпала стрелами;
Их кони рвут коней зубами;
Их острые, смертельные мечи
Среди ненастной и глухой ночи
И вьются и блестят и, будто змеи, свищут,
Горячей крови понапиться ищут.
Бледнеют ратники; Кизляр-Ага убит;
Но хан бухарский не дрожит:
Он дряхл и слаб; он царства повелитель,
А бьется как простой воитель,
Как юноша. — Вот засучил рукав,
Вот бороду он закусил седую,
Кривую саблю над чалмой подняв,
Он, будто с неба гром, упал стремглав
В толпу злодеев самую густую;
Летит и колет, рубит, топчет их.
Он хочет пасть; пусть и отвык от боя,
Он жаждет вечного покоя. . .
Вот что из старика творит героя!
Вдруг древний богатырь притих:
Крылатая стрела его пронзила;
Его кровавый труп возьмет могила.
Но перед переходом через мост,
Ведущий в рай пророка Магомета,
Душа убитого, в прозрачный пар одета,
Который примет вид и взгляд его и рост,
Трепеща, явится могучему Булату.
Булат всё, что угодно, только прост,
Да и заносчив, — и получит плату
За то, что дураку-мерзавцу услужил.
Всегда и всюду, не спросяся броду,
Герой философ так и лезет в воду:
Царя, отца всему бухарскому народу,
И не желал, а всё наш Дон-Кишот сгубил.
А вот покоится Андана,
Дитя благого, доблестного хана,
В объятьях — чьих? купца, ничтожного Ивана!
Чье это дело? великана,
Кому рассудку мало, много сил
Судьба причудливая даровала!
Булат не спит; на бег полуночных светил
Глядит, задумчив: грусть ему на сердце пала.

ЯВЛЕНИЕ 1

Степь. Ночь. Иван и Андана спят.

Булат

(сидя на кургане)

Тихо всё; погружена
Безрубежная пустыня
В океан немого сна;
На меня глядит одна
Звезд бесчисленных святыня,
Да туманится луна,
С тверди взор угасший мещет.
В общей, в вещей тишине
Сердце бьется и трепещет:
Что пророчит сердце мне?
Откуда холодный неведомый трепет
В моей богатырской широкой груди?
Духо́в полуно́чи мне слышится лепет:
По Млечному носятся духи пути. . .
На облако кто-то спорхнул со светила,
Товарища кличет и шепчет: «Лети!»
Средь си́невы движутся легкие крила.
Ко мне ли хотят из эфира сойти?
Добро пожаловать! — Кто прав, кто чист душою.

Тень хана

(выступает из тумана)

Душою прав и чист? — а я сгублен тобою!

Булат

Кто ты, из серой мглы всплывающий мертвец?

Тень

Не узнаешь, Булат? — Анданы я отец,
Убитый степи хищными сынами,
Ваш хан я, прозванный когда-то добрым вами.

Булат

О царь моей земли! болезнует Булат
О горестной твоей, безвременной кончине.
Но припиши ее своей судьбине,
Не я в ней виноват.

Тень

Булат! отчаянье в меня излил не ты ли?
Не ты ли отнял дочь у сироты-отца;
Не ты ли бросил в руки подлеца
Ее, кумир мой, а твои глаза открыли
Тогда уже всю низость. . . для чего?
В надежде ли обресть признательность его?
Не то, безумец, положили
Уставы вечные судеб:
Нет, горек, полн отравы будет хлеб,
Который от бездушного получишь;
Чтоб услужить ему, себя измучишь,
Спасешь его, — а он, трусливый твой тиран,
Найдет и тут измену и обман.
И что ж? А ты молчи, ни слова в оправданье,
Хотя бы был его упрек
Немилосерд, как ад, как казнь бесов, жесток, —
За нестерпимое мое страданье
Булату вот какое воздаянье
Определил неумолимый рок:
Если, потеряв терпенье,
Молвишь: «Я в такой-то час
Не губил тебя, а спас!» —
Знай и помни: в то ж мгновенье
Дух-каратель претворит
Ноги у тебя в гранит;
Если повторить посмеешь,
Пó пояс окаменеешь;
В третий раз — твой друг Иван
Вдруг увидит пред собою
Не тебя, но истукан,
Дивный лик с живой душою.

Булат

Жестокий жребий! но его
Я заслужил и ничего
Не молвлю в оправданье:
Приму, безмолвствуя, смиряясь, наказанье,
А пред тобою, горестная тень,
Бледнеющая в утреннем тумане,
Клянусь, что каждый мне судьбою данный день
Я посвящу твоей Андане!

ЯВЛЕНИЕ 2

В Новегороде, в доме Иванова отца; образная.

Амфиза, мачеха Ивана

(одна)

Я к себе прилучила купца:
Старый черт на мне вздумал жениться...
Теперь только бы сбыть молодца,
Его сына, не дать воротиться
На сторонушку нашу ему!
Заживу-ко тогда в их дому!
Я, спасибо, не хуже наседки,
Под защиту родного крыла
Всех же вас до единого, детки,
Вас, цыплятки мои, собрала!
Пусть купчина трудится, хлопочет,
Пусть за сына мешки свои прочит, —
Коли промаха только не дам,
Они, батька, достанутся нам!
Ведь ребят-то не много, не мало,
У меня их две дюжинки есть;
Знай же, хворенький дедушка, честь:
Век не свой тебе жить не пристало!
Но еще не пробил твой часок;
Толковать про тебя, мой голубчик,
Ныне, видеть изволишь, не срок.
Расторопный, молоденький купчик,
За тебя я примуся, сынок!
Вот же, свет, чтобы дело шло ладом,
В уголку во святом образа
Наперед обернуть надо задом...
Так и жгут Николая глаза!
Тут же спас и двумя мне перстами
Со стены над лампадкой грозит;
С ним Предтеча, — сказали: «Убит,
Обезглавлен»; а как же глядит
Вниз со блюда живыми зрачками?

Погашу я лампадку теперь,
Да замкну на замок свою дверь,
На полу начертила я круг...
И одна-то я здесь и сам-друг:

Невидимка-малютка со мной...
Слышу хохот его над собой:
То Кикимора мой дорогой!
Не мешай же мне, крохотный друг:
Не входи в очарованный круг;
Мне с тобою шутить недосуг:
Гостя жду, и тебя познатней, —
Вот опять засмеялся злодей:
Негодяй, убирайся же! — ты ль
Позабыл ту большую бутыль?
Просидел же ты, маленький, в ней
Триста, помнится, дней и ночей?
Полюбилося, что ли, тебе
Проживать в той хрустальной избе?
На плите разложу огонек,
К огонечку придвину горшок,
А в горшок-то сухой порошок
Из человечьих я брошу костей;
Не забудь, молодица, прилей
Струйку собственной крови своей!
Струйку ту из-под левой груди
В желтый череп жида нацеди;
Подболтай мухомору — и брось:
Вот и вспыхнуло, вот и зажглось!
Затрещал, зазмеился огонь...
Понесло! чародейская вонь!

Начнем,
Кругом
Махнем
Ножом!
Сколько? три раза:
А раз —
То глаз.

Удар грома.

Другой —
Убой.

Другой удар.

Третий — зараза...

Усиленные удары грома; ведьма под них пляшет.

Зараза, зараза, зараза-чума,
Зараза мне тетка, чума мне кума!

(Останавливается.)

Поднялся пар:
Я силой слов,
Я силой чар
Сварила вар...
Мой пир готов;
Силен мой зов:
Он досягнул,
О Вельзевул!
В твой темный дом.
К рабе своей
Рогатым лбом
Стезю пробей;
В дыму, в огне
Явися мне!..

Вельзевул
(из-под земли)

Явлюся тебе ни в дыму, ни в огне,
Нет, иные дарованы способы мне
Окунуть окаянную в трепет:
Воскрешу пред тобой и кривлянье и лепет
Передсмертный седого отца твоего!
Ты, змея, подползла ко кровати его,
И померкли при черном убийстве светила:
Душегубка и дочь,
В ту ужасную ночь
Старика ты подушкой душила!

(Садится в волшебный круг в виде дряхлого старика в саване.)

Ай, спасибо! исполать!
Свет Амфиза, ты вся в мать:
Я за что любил старуху?
Встанет, сварит варенуху,
Встану — и начну хлебать!

Амфиза
(с ужасом)

Это он! отец мой бедный!
Он с бородкою седой,

Он с трясучей головой,
Лысый весь, сухой и бледный.

Вельзевул

Что же, дитятко, с тобой?
Что не молвишь: «Просим рушать,
Хлеба-соли нашей кушать!»
Я в гостях не у чужой;
Я ж и приглашен тобой.

Амфиза
(приходя в себя)

В мире нет страшнее зрака!
Хитрый бес, владыко мрака,
Раб и царь мой, черный бог!
Только ты придумать мог,
Как обдать Амфизы члены
Стужей яростной геенны!
Но — прошло: я вновь сильна,
Я в аду закалена;
Верх взяла я над тобою,
Устояла, и сей раз
Будь же ты моим слугою,
Да исполни мой приказ.
Едет с молодой женою
В этот город молодец;
Молодцу мой муж отец. . .
Бес! построй мне колымагу,
На пути их повстречай,
От меня поклон отдай,
Пригласи их сесть — и тягу,
И прямехонько к оврагу,
Да в овраг, что силы, бух:
Выбей, вышиби их дух!

Вельзевул

Ведьма, и тебе не стыдно
Вызывать для пустяков
Князя тьмы, вождя бесов?
Сатаной клянусь, обидно!
Казначей я бед и зла.

У меня беду на славу
Ты бы выпросить могла:
Книгу, дум людских отраву,
Трус, потоп или войну,
Бич на целую страну...
А то черта беспокоить,
Чтоб карету ей состроить!

Амфиза

Что же, коли так хочу?

Вельзевул

Поневоле замолчу:
Будет же тебе карета,
Яхонт, изумруд, алмаз,
Заглядение для глаз,
Чудо красоты и света!
Превращу ж и трех духо́в,
Не из крупных, мне подвластных,
В тройку бешеных, прекрасных,
Легконогих жеребцов.
Лишь бы муж с женою сели,
Я, извозчик Вельзевул,
По коням, и — полетели!
Только пыль и визг и гул...
Не к отцу помчатся в гости,
Не отец им будет рад;
Понесутся прямо в ад:
В порошок смелю их кости!

Амфиза

Буду благодарна я,
Куманечек, за услугу:
Дам опять тебе подругу;
Та подружка дочь моя.
На метле на шабаш ведем,
С дочкой мать, мы с ней поедем:
С дочкой там тебе плясать;
Здесь возьми покуда мать.

Начинает вертеться с бесом, скрыпка сама собой играет, повиснув в воздухе; Кикимора смотрит вне круга.

В воздухе повисла скрыпка,
Скачет сам по ней смычок;
Пляшет рак, и пляшет рыбка:
Прыг и скок, скок и прыжок.
Эх! вертися, куманек!
В пляске скорой, в пляске шибкой
Слишком низко стан мой гибкий
Обхватил старик ошибкой. . .
А Кикимора-пролаз
С нас не сводит быстрых глаз
С злой, насмешливой улыбкой.
Нам же ровно ничего.
Наплевать бы на него!

В воздухе повисла скрыпка, *и пр.*

Спеть я пасынку-злодею
Песню славную сумею;
Я над ним с его женою
Песню славную завою. . .
Гибель, гибель, гибель им,
Им и всем врагам моим!
Чтобы жатвы их посохли,
Чтобы их стада подохли,
Чтобы с нужды и печали
В корчах дети их пропали,
Чтобы сами сохли, чахли,
Гробом заживо запахли!

Вельзевул

Прыг и скок, скок и прыжок:
Пляшет с стрекозой сверчок,
Толстый жук с проворной мухой –
Старый дьявол с молодухой.

Амфиза

Расхрабрился старичок,
Рад вертеться с молодухой. . .
Полно, полно, вислоухый,
Дай мне отдохнуть часок!

(Падает без чувства на пол.)

Кикимора

Какова твоя колдунья!
Я устал, глядя на вас.
Чтоб издохнуть ей! шалунья
С бесом пляшет целый час.
Только худо знает нас:
Дур дурачить не тебе ли?
Ты ей молвил: «Лишь бы сели!»
Что же? ты ее надул:
Ведь не сядут, Вельзевул?

Вельзевул

Плут, ты чуть ли не смекнул!

Кикимора

Мудрено ли? — было б ново,
Если б ей сдержал ты слово.
Наше дело — да и нет;
С дня, в который наш ответ
Свел безумца Креза с Киром,
Много миновало лет,
Но над легковерным миром,
Дети двоеличной тьмы,
Как тогда, смеемся мы.

Вельзевул

Разгадал бесенок беса!
Отправляйся же, повеса:
Им ты на ухо шепни,
Чтобы береглись они
Ласк кумы моей почтенной,
Я не пошлый сопостат:
Чтоб погиб лихой Булат,
Мне приятней во сто крат,
Чем развеять прах презренный
Всех Ванюшек всей вселенной!

ЯВЛЕНИЕ 3

Взморье Каспийское.

Булат

(один)

Спасибо, мы в пределах Хивы:
Киргиз, подъемля дикий вой,
За грабежом, за барантой
Не заезжает в эти нивы.
Смелее стал и купчик мой:
Меня отправил в чисто поле
Скакать, потешиться по воле
И серых настрелять гусей;
Вот я промыслил, — слава богу, —
Свежинки для княжны моей:
Ни крошки, кроме сухарей,
Голубушка во всю дорогу
Не ела целых сорок дней,
И всё по милости Ивана:
Пустился в трудный, дальный путь,
А голод захотел надуть, —
Жаль и копейки из кармана;
Чуть нас не уморил с собой!
Так с этой грязною душой
Анданы душу, розу рая,
Связал глупец, злодей Булат...
И я ли, царь мой, тень святая,
Дерзну сказать: не виноват?..
Потороплюся: ждет бедняжка!
Обед ей приготовлю... Стой!
Вот там какая вьется пташка?
Я сроду не видал такой...
Как миловидна, как богата!
Спина из яхонта и злата,
Брюшко и шейка — бирюза,
И что за умные глаза!
Поймать бы птичку для царевны:
Ах! жребий выпал ей плачевный.
И дней ее уныла нить...
Мне тучи тьмы ее душевной
Хоть бы на часик прояснить!

Подкра́дусь: пташечку рукою
Как можно бережней накрою...

(Схватывает птичку.)

Птичка

Ах!
Я в неволе!
Уж мне боле
На кустах
Не качаться,
Не купаться
В облаках!
В клетке душной
Страшно жить:
Мне изныть
Без воздушной
Стаи птиц,
Без летуней
Щебетуней,
Без сестриц.

Витязь, умильную
Просьбу прими:
Грозную, сильную
Длань разожми —
Глупую, малую
Пташку пусти!
Молви мне: жалую!
Молви: лети!
Тронься мольбами!
Между перстами
Больно мне: ай!
Волюшка — рай:
Волюшку милую
Птичке отдай!

Булат

Если помилую?

Птичка

Знаю я честь:
Знатную плату

Может Булату
Пташечка внесть.

Б у л а т

Плату? Какую?

П т и ч к а

Плату большую:
Важную весть.

Б у л а т

Вести не плата;
Ты ли Булата
Хочешь провесть? . .
Весть важна, а для кого? . .
Для меня ль для одного?

П т и ч к а

Для тебя и для Ивана
И для бедненькой княжны:
Смерти вы обречены —
Ты и купчик и Андана.

Б у л а т

Пусть и скажешь: «Ты дурак,
Витязь, что разжал кулак», —
Но лети! — вот ты на воле,
Вот сидишь уж на сосне:
Расскажи же всё оттоле
Честно и подробно мне.

П т и ч к а

По белому свету не я ли гуляю,
Не я ли дома, города посещаю?
Мне любо с лазурной глядеть высоты
На шум и волненье людской суеты.

Туда и сюда и носясь и порхая,
Вот и́ в Новегороде нынче была я,
Сыскала Ванюшки родительский дом
И вздумала там отдохнуть под окном.

И вот я сижу, щебечу у окошка;
Вдруг вижу... (Хотя бы подкралась и кошка,
Не столько бы, право, пугнула меня,
С ружейного мене я дрогла б огня!)

Я, брат, затряслась всеми членами тела:
Там ведьма, Ванюшина мачеха, пела
И пры̀ткого с кем-то плясала бычка,
А хвост позади плясуна старика
Бил такт и скакал и вился, будто змейка.
И вот что ему заказала злодейка:
«В карету волшебную их усади
И с ними прямешенько в ад укати!»

ЯВЛЕНИЕ 4

Степь в Хиве. Иван, Андана, Булат обедают.

Иван

Обед живит: судить не станем строго;
Да только ты уж через меру много
Свинцу и пороху поиздержал.

Булат

(в сторону)

На что досадовать Иван таки сыскал!

Иван

(Андане, которая утирает глаза)

А ты, голубушка, скажи, о чем рыдаешь?
Ты недовольна чем?

Андана

Я, милый друг, довольна всем,
Но сам ты знаешь:
Отец мой стар, — невольная тоска
Возьмет подчас, как вспомнишь старика.

Иван

Вот то-то! нежны вы, умны, сентиментальны;
Я человек недальный, —
Пожалуй (вас послушать) — я дурак,
А я же говорил, что это будет так.

Андана

Ах, не сердись! — взгляни; я уж не плачу боле...

Иван

Ты и вперед, прошу, не плачь о пустяках.
Чу! это что? затрепетало поле...
Великолепная карета, вся в лучах,
Сюда несется и остановилась вдруг.
С запяток соскочил один из слуг;
Смотрите: в пух разряжен щеголь
И выступает, словно гоголь,
Сюда прямешенько идет.

Входит Демон в красной ливрее, но с небольшими рожками.

Да ты сиделец наш, Федот?

Демон

Я-с. — Вашей милости ваш батюшка со мною
Свое благословенье шлет.

Иван

Не налюбуюсь, брат, тобою...
Однако — как ты очутился здесь?

Демон

Приехал, сударь, я с каретой тою.

Иван

Переменился ты, переродился весь:
Ты малый был довольно неопрятный,
А вот стал молодцом, — красивый, ловкий, статный.
Одет ты, будто барин знатный,
И в взгляде у тебя насмешливость и спесь.
У нас не служишь? но ты мне прости, невежде,
Такой смешной вопрос: тебе ль служить у нас?

Демон

Я и теперь, как прежде,
У вас служу и век готов служить у вас.

Иван

И ты не шутишь, малый?
И сшил тебе старик кафтанчик этот алый
Из лучшего голландского сукна?

Демон

Нет, ваша матушка.

Иван

Помилуй!
Ты разве позабыл, мой милый:
Лет будет с десять, как она,
Моя голубушка, погребена.

Демон

Решился в брак вступить ваш батюшка вторично.

Иван

Хотя и не совсем прилично, —
Как тут не молвить сгоряча:
Черт дернул старого хрыча!
А мачеха богата?

Демон

Сказать вам не могу, — но как она щедра,
Вы сами видите.

Иван

Ххм, вижу: торовата!
Да только из чьего добра?
Что ж? взял девицу?

Демон

Нет-с, она вдова.

Иван

Купчиха?

Демон

Посадская.

Иван

А кто ж такая?

Демон

Тетериха.

Иван

Амфиза Пудовна! — Наслал же сопостат!
Ах! господи! — у ней ребят, ребят...
Не сосчитаешь всех, свидетель бог, и в сутки,
Она ж Вавиле-колдуну кума,
И, свято наше место! — и сама
Шутить охотница препакостные шутки.

Демона корчит всякий раз, как Иван произносит имя божие.

Да ты что морщишься?

Демон

Весьма прискорбно мне,
Что вы, суда́рь, не ласковы к родне;
Браните матушку.

Иван

Уволь от поученья!

Демон

Вдобавок вам скажу: такие выраженья,
Такие клятвы... и во сне
Уж не услышишь их в отборном, модном свете, —
Оставьте их, поверьте мне, —
Особенно когда поедете в карете,
Которую...

Иван

Федот о модном свете
Толкует — чудеса! Федот-то ты Федот,
Да вижу по всему: совсем уже не тот.
Не стану говорить уж о примете
На лбу твоем.

Демон

Ах! верно-с о рожках?
И поминать-то что о пустяках?
Их приобресть успел я в том же модном свете.
Рогами нынче изукрашен лоб
Всех знатных и воспитанных особ.

Иван

Да ты что за особа?

Демон

Ваш холоп,
Но понатерся между господами
И вот не пожалел, чтоб походить на них,
Последних сил и средств и денежек своих.

Иван

Оказия! — и батюшка с рогами?

Демон

С предлинными-с, увидите вы сами,
И вашему почтенному отцу, —
Заметить смею, — страх рога к лицу.

Иван

Старик давно рогатый?

Демон

Украсил голову его убор богатый
В тот самый день, когда домой
Из-под венца голубчик сизый
Пришел с хозяйкой молодой.

Иван

Теперь — козел седой:
Бодаться может он по милости Амфизы?

Демон

Амфизы Пудовны, — и доложу я вам:
Теперь большой расход рогам;
Все жены по ее следам,
Крестьянки даже — Маши, Даши, Лизы, —
Заказывают их в наряд своим мужьям.
Поверьте, несмотря на бороду и ризы,
Готовы на морщинистые лбы
Их вздеть иные и попы.
И в скором времени обычай этот новый
Всеобщим будет.

Иван

Да! Обычай образцовый
За столь похвальный труд,
За учреждение такой у нас обновы

На шею Пудовне навесил бы я пуд
И к карасям ее послал бы в ближний пруд.

Демон

Иван Иваныч, что вы?
Помилуйте, как вы жестоки, как суровы!
Она, сердечная, не такова...
Вот, помню, как теперь, ее слова:
«В дороге береги ты Ванюшку — смотри же!»
Как любит вас она! — Чтобы как можно ближе
Придвинуть вожделенный час
Приятного свиданья,
Свой экипаж прислать изволила по вас.

Иван

Ну, тут и я скажу: спасибо за старанье!
Спокойнее в карете и скорей
Доедем мы, — да только как же вьюки?

Демон

Мы прибыли не без людей:
Все ваши ящики и сундуки и тюки
Последуют за вами по пятам;
И, если сесть угодно вам,
Мы тотчас тронемся.

Иван

А хороша дорога?

Демон

Прекрасная.

Иван

Сбирайся же, Булат...
Да так руками что ты размахался, брат?
Что сделалось с тобой?

Булат

(подошед к Демону)

Во имя бога:
Исчезни, сопостат!

Удар грома; Демон и карета с лошадьми проваливаются сквозь землю.

Иван

Земля зевнула... ой!.. в глазах не стало света...
Куда мне спрятаться? — всё, всё дрожит кругом,
За блеском блеск, за громом гром, —
Знать, с нами вдруг столкнулася комета,
И повернется мир вверх дном!
Ах! ах! — вот провали<ла>ся карета...
Прошло... Теперь нам предстоит вопрос:
Мы сами целы ли? — Нос этот наш ли нос?
Мои ли это руки?
И эти вон, что тут передо мной стоят,
Андана ли княжна, наездник ли Булат,
Или какие призраки и штуки?

(Булату после молчания)

Ты, долговязый, умница, ты хват...
А? — что наделал ты, приятель?
Карету славную прислала ведьма нам:
Так нет же! кстати ль?
Непрошеный, проклятый заклинатель
Заклял лакея и — отправилась к чертям!
Уж как кареты-то красивенькой жалею!
Она тебе мешала, молодец?
Сказать же, что и тот глупец,
Кто выкупил тебя себе на шею!

Андана

И ты не шутишь, друг Иван?
Карета, и лакей, и кони — всё обман,
Всё...

Иван

Хоть досады-то не прибавляй, Андана!
Обман? — да что на свете без обмана?
Карета знатная. — Был из бесов лакей...
Что нужды? всё же мы доехали бы в ней...

Андана

Подобных от тебя я не ждала речей:
Ты человек разумный, осторожный...

Иван

Оставь свои хвалы: я просто трус безбожный,

Андана

А вот тебя не испугал же грех?

Иван

Тебя, Андана, слушать, право, смех:
Насчет грехов мы все бестрепетное племя;
Нет, этих пустяков,
Кто только не совсем из дураков,
Никто не побоится в наше время.

ДЕЙСТВИЕ IV

До поднятия занавеси.

Кикимора

Два только действия осталось нам — не боле!
А мы еще пройти должны большое поле;
Мы, стало, поневоле
Свою поэму сокращать должны.
Итак, ты знай, достопочтенный зритель:
Мы в Новегороде. Булат, хранитель
Красавца купчика и молодой княжны,
Исполненный усердья и отваги,
И, по спасеньи их от адской колымаги,
Не раз их избавлял в дороге от беды. . .
Пример: он вытащил их из воды;
А в воду с корабля они упали,
Подосланного с умыслом лихим
Колдуньей мачехою к ним.
Был слит корабль из золота и стали,
На корабле играл широкий алый флаг,
И правил им какой-то старый враг,
Амфизой нанятый из шайки Вельзевула.
Погода ни малейшая не дула;
Был Каспий тих, не воздымался вал,
И плавно по морю живой корабль бежал.
Вдруг он затрясся весь и с визгом без причины
Волчком кружиться стал и вот пошел ко дну.
Однако вынес из пучины
Булат Ивана и княжну,

Но — второпях — забыл на дне морском казну;
И обругал Иван, как следует, Булата...
Когда ж была иная плата
От душ, подобных Ванькиной душе?
Их бог, их царствие небесное — в гроше;
Людьми их сделать — подвиг донкишотский,
Вложить в них сердце — глупая мечта.
Родоначальник их — торгаш Искариотский,
Продавший за тридцать серебреных Христа.
Но занавесь шумит: открылся старый терем;
К нам вышла ведьма с дочерью сам-друг...
Болтать нам недосуг:
Мы только скажем, что не мерим
Амфизу на один
С презренным Ванькою аршин.
Она злодейка,
Отступница, убийца, чародейка, —
Всё так: да в ней огонь и дух и сила есть;
Что мы ее умели приобресть,
Нам истинно приносит честь;
Но твари грязные, подобные Ивану...
И толковать о них я даже, я устану —
Они болот геенских смрадный ил;
Мы их не ловим, — в бездну лезут сами.
Их небо не берет; но если бы — руками
С поклоном Тартар их ему бы уступил.

ЯВЛЕНИЕ 1

Амфиза и Даша.

Амфиза

Ох! дитятко, досадно мне до смерти,
Уж я ли не держала их в руках, —
И что ж? — совсем избаловались черти:
Я нынче с ними в сущих пустяках
Не успеваю: глупого Ивана,
Вот, как ни бьюсь, известь я не могу!
С поры сей ни единому врагу
Уж доверять не стану: без обмана
У них не обойдется; нет, сама
Всё сделаю и, свет, без проволочки —

Сегодня же; а между тем вы, дочки,
Сведите-ко богатыря с ума!
Он мне во всем мешает; а мне власти,
Покуда он с дурмана глупой страсти
Не обезумит, — не́ дано над ним.

Даша

Покорна я велениям твоим;
Но если я в него влюблюсь?

Амфиза

Шалунья,
Смеешься! — может ли любить колдунья?
Захочешь ли Булата быть рабой?
Порою на тебя, почти робея,
И я гляжу: ведь ты невеста Змея,
Ужасный царь теней — невольник твой.

(Уходит.)

Даша
(одна)

Во мне ошиблась ты: я тяжко, страшно пала,
Я пала чрез тебя (господь тебя прости!)
И очень ведаю, себя мне не спасти;
Но ошибаешься. . . Да! с самого начала
Дитяти своего, меня, ты худо знала! . .
Меж нами сходство есть, — так точно, я смела,
Наукою твоей прельститься я могла:
В ней, в бешеном вине ума и воображенья,
И я могла искать восторгов опьяненья;
Объятая огнем неистового мщенья,
Была бы, может быть, свирепа я и зла.
Но гнусно в низкие вдаваться ухищренья,
Улыбкой привлекать, обворожать, манить,
Возжечь желания и — наконец сгубить.
Нет! слишком я горда для ремесла такого!
Губить мне? и кого? его я, как святого,
Готова почитать: он в наш согнивший век
Меж трупами стоит с душою человек;
Он мне предстал, — гляжу, и что же? воздыхая
О тихих радостях утраченного рая,
Я прокляла свое паденье в первый раз. . .

Его задумчивых, глубоких, темных глаз
Страшуся более мученья вечной казни;
Волхвицы мощные, захочем — и сведем
Шар месяца с небес на землю; но при нем
Я робкая раба стыденья и боязни.
Пусть тешится моя безжалостная мать
Над Ванькой: он мне что? не стану я мешать;
Но витязя спасу; ему шепну два слова,
И тотчас! — Почему? — не знаю; а готова
Я для него на всё. — Чу! заскрипела дверь:
Идет! — я отчего так дрогнула теперь?
Я чары страшные предпринимаю смело;
А это, кажется, не черное же дело?

Входит Булат.

Булат

(не замечая Даши)

Прочь, безумцы! — ваши дни
Ткань дурачества и злобы;
Всюду люди; мне ж они
Ненавистны, будто гробы...

Даша

Думой черною объят,
Он меня и не заметил...
Взор его не часто светел;
Но теперь его тягчат
Чувства, тягостней вчерашних.

Булат

От горячек их всегдашних
Мне ль безумцев исцелить?

Даша

Он страдает... Что же? нить
Мыслей мрачных я прерву ли?
Я к страдальцу подойду ли?

Булат

(увидев Дашу)

Дочь-волшебница! — она
И разумна и скромна;
Предо мной не виновата:

Почему же для Булата
Всех противнее она?

Д а ш а

Здравствуй, витязь!

Б у л а т

Здравствуй, Даша!

(Хочет идти.)

Д а ш а

Да куда спешишь ты, друг?

Б у л а т

Извини: мне недосуг.

Д а ш а

Недосуг? — Сторонка наша,
Дом наш, наша вся семья,
Вотчим, сестры, мать и я —
Все тебе мы ненавистны. . .
Ты везде, всегда один:
Нас бежишь не без причин.
Да и прав ты: не корыстны
(Признаюся и сама)
Наши милые соседы,
Наши длинные обеды,
Наши игры и беседы:
Нет в них пищи для ума.

Б у л а т

Для ума! — да я нимало
Об уме не хлопочу:
Сердце средь людей устало,
В них души не отыщу.

Д а ш а

Одинок ты во вселенной. . .
Видит бог: тебя мне жаль;
Несказанную печаль
Ты, всех братьев отчужденный,
Будишь, труженик, во мне. . .
Но оставим, не поверишь!

Булат

Может быть, не лицемеришь;
Но мне, ведай, и во сне
Не привиделося, чтобы
На меня могла взирать
Дочь Амфизина без злобы.

Даша

Дочь — одно, другое — мать;
Ведь в семье не без урода;
Вместо всякого дово́да
Вот решаюсь что сказать:
Адский ков ужасный, новый
(Это помни, гость суровый,
И моих не презри слов!)
Против вас опять готов.

Булат

Ков готов! — я благодарен
За благую весть тебе...
Но дай молвить о себе:
Не хитер я, не коварен.
Да я всё же не дитя;
Правду мне прости, невежде!
Что хлопочут, не шутя,
Как нас сбыть, — я знал и прежде.

Даша

Вижу: суетной надежде
Предалась я; в эту грудь
Мне доверья не вдохнуть...
Между тем скажи мне: я ли
Прибавляла что-нибудь
К ноше горя и печали,
Данной жребием тебе?
Но угодно так судьбе:
Нам уж, верно, не сойтися!
Только, витязь, берегися:
К трудной будь готов борьбе!

Не столько чарами, сколь волею упорной
Сильна, страшна моя бестрепетная мать;

К дружине темных сил, нередко непокорной,
Ужасная теперь не хочет прибегать, —
Нет! действовать сама, всей силою своею!
Я не желала бы и своему злодею
Ей в руки грозные, безжалостные впасть...
Но ежели судьбой тебе дана над нею
Предсказанная нам ей гибельная власть,
О, пощади ее! — она мне не чужая...
И в роковую нынешнюю ночь,
Противу матери себя обороняя,
Ты не забудь: тебя предохранила дочь.

(Уходит.)

Булат

(один)

Сама, и в эту ночь... Хмм! каково известье?
Тут мало ли я что бы мог сказать!..
Дочь предает родную мать...
Нам выгода, но ей, изменнице, бесчестье!
Конечно, — если бы... да ведь оно не так:
Не легковерный я, как прежде был, простак;
Теперь гляжу на мир глазами беспристрастья:
Я разгадал вину столь нежного участья...
Шепну вполголоса: в ней нет ко мне любви;
Но огненна река ее крови,
Но час таинственный, предвестник сладострастья,
Для ней, для пламенной, пробил;
Не мужа честного спасает от могилы;
Нет, дюжий молодец, надежный, полный силы,
Ей по расчету чувственности мил...
Какое дело мне? — Пред бледной тенью хана
Я взял в поруки сонм таинственных светил,
Что злополучная Андана,
Пока я жив, во мне защитника найдет.
(Я, право, уж не тот,
Чтоб ожидать спасибо от Ивана!)
Пусть будет, что судьбе угодно, надо мной,
Анданин я слуга, я ей служу одной!

ЯВЛЕНИЕ 2

На воздухе встречаются **две ведьмы**: старуха верхом на метле, молодая на ухвате.

1-я ведьма

Здорово! здорово! — куда ты, кума?

2-я ведьма

А, кумушка, так! я не вем и сама...
Мной, девушкой, раз похвалился с похмелья
На честной пирушке чужой молодец, —
И в келью лихой меня запер отец:
Противна душе моей тесная келья...
Но быть же и ведьмой не много веселья;
А разве по вольному воздуху порх,
Под звездочкой ясной шнырять и кружиться,
Хватать на лету ненадежный восторг,
Минутной свободой допьяна напиться...

1-я ведьма

Вот, кумушка, — то-то и есть; молода!
Как тут не призвать, было, адские силы,
Да мучить его, хвастуна, до могилы?
Быть смирною ведьмою смех и беда...

2-я ведьма

Не спорю. А ты понеслася куда?

1-я ведьма

Назад я лечу в свою избу за угол.

2-я ведьма

Откуда же?

1-я ведьма

С ша́баша леших и пугал;
Тут было довольно и ведьм и бесов...
Мы тут обсудили преважное дело...
Оно решено большинством голосов.

2-я ведьма

Спросить тебя, тетка, не слишком ли смело,
В чем именно это преважное дело?

1-я ведьма

А вот в чем: задумала силою чар
Чудесить Амфиза без помощи духа;
На беса-де бесится злая старуха:
Зачем ей не всякий удастся удар...
И что ж, для своей и для нашей забавы
Ее обернет, и не прошен, лукавый,
Потешит ее еще раз Сатана;
Потом же кроваво погибнет она.

ЯВЛЕНИЕ 3

Спальня Анданы. Иван и Андана.

Иван

У мачехи с Булатом нынче дружно...
Весь день не отстает он от нее.

Андана

А ей сегодня недосужно,
Ей беспрестанно что-то нужно
В покое нашем.

Иван

Я твержу свое:
Они нас погубить теперь стакались оба.

Андана

Я ведаю, к чему *ее* способна злоба,
Но он, хранитель наш, защитник наш — Булат...

Иван

Не правда ли, тебе он нравится? — он хват!
Ты не желаешь ли, скажи мне откровенно,
Как наша мачеха...

Андана

Послушай-ко, Иван,
Ты хочешь, чтоб тебя совсем и совершенно
Я презирала.

Иван

Я, конечно, грубиян:
Заметить прихоти жены любезной кстати ль?

Андана

Жестоко же меня карает бог-каратель!
Но не роптать и не считаться мне:
Заслуживаю казнь его вполне.
А ты, бесстыдной лжи бессовестный слагатель!
Я говорю тебе: молчи;
Холоп! ты моего еще не знаешь гнева
(Я грозной Азии решительная дева),
Изведать этот гнев страшися, трепещи!

Входит Иванов отец; потом Булат.

Отец

Ай да деточки! я рад сердечно...
Вашей не нарадуюсь любви!
Только не дивлюсь: любить бесчеловечно
Уж у Ваньки моего в крови;
Он мне не чужой, а без пощады,
Как в поре я был, — и я любил!
Да! и я когда-то был же мил,
Побивали же и наши взгляды
В свое время женские сердца...
Ванька молодец; он весь в отца!
Жаль и ныне мне, что я отрекся...
Болтовнею, впрочем, я увлекся,
Позабыл совсем, — а ваша мать
Вас к гостям мне приказала звать...

Иван

Что ж? пойдем, прекрасная Андана?

Отец

За обычай я люблю Ивана.
Он учтив с тобою, как жених...
Хоть и дочь блистательного хана, —
А дерзну тебе сказать, Андана:
Он супруг, достойный ласк твоих...

Уходят Андана, Иван и его отец.

Булат
(один)

На посылках у старухи милый
Селадон ее, немножко хилый...
Слава богу, — я теперь один!
Спрячусь за́ печь, — и не без причин...
Ведьма будет (об заклад) — и вскоре,
Здесь ей волю дать — беда и горе!..
Следую за нею, словно тень:
Ныне роковой кому-то день.

(Прячется.)

Хор духов

В воздухе плавают адские чары;
Благо заснуло, проснулося зло;
Солнце за горы на отдых ушло:
Час наступил воздаянья и кары!
О царь подземный, встань!
Разгладь седые брови,
С улыбкою любови,
Простри сухую длань:
Встречай драгую гостью,
Прославленную злостью
И силой грозных чар...
Тяжелый, смрадный пар
Взойдет с пролитой крови...

С улыбкою любови,
Властитель темных стран,
Встречай драгую гостью!
Готовься, черный вран,
Играть проклятой костью:
Настал ее конец;
Труба суда затрубит,
Заблещет кладенец, —
В куски змею изрубит...

Вра́ждуя и небу и целой вселенной,
Едиными силами ада сильна,
Задумала ссориться с адом она:

Но ей ли с бездонной бороться геенной?
Над ней посмеется седой Сатана.

Умна, умна, но, видно, не всегда же;
Напротив, мы всегда, всегда на страже,
И, чуть-чуть оплошает их сестра,
Мы тут — и закричим: пора! пора!
Хохо́ча, душу грешную захватим
И с нею в ад, кувы́ркаясь, покатим.

Входит Амфиза.

Амфиза

Три раза тайком у себя в терему
Для опыта я обернулась змеею
И по́ произволу потом своему
Я той же купеческой стала женою;
Итак, и чертей призывать мне к чему,
Когда мне покорна Природа?
Бестрепетной, крепкою силой ума
Над нею я властвовать буду сама;
Рогатого ж я отпускаю урода,
Который мне льстиво и плохо служил...
Достанет Амфизе и собственных сил.

Кикимора

(выглядывая из-за кулис)

Колдунья мерзкая зазналась наготово!
А между тем и в тереме не мы ль
(Вам, господа, даю честно́е слово!)
В глаза пустили старой дуре пыль?
И без ее заклятья,
Храня и помня выгоду свою,
Мы, давние ее друзья и братья,
Мы ведьму обратили во змею.

Амфиза

Мешкать нечего: придут...
Обернусь, пока одна я.
Под кроватию немая,
Я дождусь, когда заснут;
В пору выползу — и тут
Кончу разом наше дело:

В их трепещущее тело
Жало погружу — умрут!
Презирать умею прибыль:
Их наследство, их казна
Чародейке ли нужна?
Нет! — мое веселье гибель:
Не могу без крови жить. . .
Пусть прибытка ищут люди!
Волка бешеного выть,
Голод адский в этой груди —
Страсть везде, всегда губить.

(Оборачивается в змею и подползает под кровать.)

Входят Иван и Андана.

Иван

Прямая дочь ты вспыльчивого хана,
В него сердита ты, любезная Андана!
Вот не на шутку шуточка моя
Тебя прогневала. . . и, точно, не из тонких;
Зато твой голосок из самых, самых звонких. . .
Но кончим: признаю себя неправым я.
А что до умника Булата,
Терять не станем по-пустому слов. . .
Пожалуй, не считай его за сопостата:
Сама узнаешь: молодец каков!

Андана

Мы любим легковерно, безрассудно;
Нас, женщин, ежели вас любим, вам не трудно
Во всем уверить, что угодно вам:
Желаю верить всем твоим словам
И думать: раздражительностью ложной
Я увлеклась, когда так вспыхнуть я могла
От шутки (истину скажу) неосторожной,
Но чуждой умысла и зла.
Я даже (ведь тебя отцу же предпочла)
Готова (виновата!)
Глядеть твоими, друг, глазами на Булата,
Хотя, признаться, и не любо мне
Холодным, трепетным сомненьям,
Кровавым, ядовитым подозреньям
Дать место на сердечном дне.

Да и против какого ж человека?
Он жил доселе без упрека,
Он глупой мне до времени сего
Казался честью века,
Он и тебя-то самого,
Когда, сдавалось, все исчезли средства,
От неминуемого бедства
Спасал не раз: но быть так! я тебе
Во всем покорна буду, как судьбе.

Иван

(про себя)

Охота ж разводить ей вздор высокопарный!
А я, неблагодарный,
Я за риторикой ее готов заснуть...

Андана

Но месяц начал уж давно свой путь
И, утомленная от зною,
Давно природа вся склонилася к покою:
Пора и нам, мой милый, отдохнуть.

Иван

(про себя)

Спасибо, догадалась, хоть и поздно!
А принялась было так ревностно и грозно,
Что полагал я: до утра
Проговорит.

(Громко)

Да, друг мой, спать пора.

(Ложится.)

Андана

Прощай! Храните же, таинственные силы,
Небесные, святые! нас,
Покуда не наступит час,
Который воззовет из временной могилы
Усталых чад седой земли;
Моленью моему, всевышний царь, внемли:
Даруй проснуться нам для тишины сердечной
И отврати от нас, покров наш вечный,

Лихие помыслы, и ненависть, и зло,
И всё то, что бы нам вредить могло!

(Засыпает.)

Амфиза

(оборотившись в змею, выползает из-под кровати)

Спят. Напоследок же дождалась я мгновенья,
Когда их крови я напьюсь до пресыщенья...

Кикимора

(выглядывая из-за угла)

Без беса у тебя нет вещего чутья:
Не слышишь ты чужого духа;
Конец тебе, свирепая старуха,
Конец тебе, змея!

Булат

(выскакивает и рубит ее; удар грома)

Сгинь, ведьма! пропади! настала смерть твоя!

Иван и Андана вскакивают.

Андана

Гром загремел... Какой удар ужасный!
И с тверди совершенно ясной...
Что б это значило?

Иван

Я трепетом объят:
Нам угрожает что-то злое...
У нас в покое
С мечом в руке Булат.
Улика налицо... Нас сохранило чудо:
Ударил гром — и он лишился сил,
Не то бы нас убийца умертвил...
Еще ли скажешь, что сужу я худо?

Андана

(Булату)

Не вижу ль это всё во сне?
Несчастный! что промолвишь в оправданье?
Но слишком явно злодеянье,
Которое тебе окончить не дал бог,
Чтоб сомневаться в нем и лучший друг твой мог.

Булат

На обвинения Ивана
Я отвечать не стал бы; но, Андана,
Но ты, святая кровь моих царей!
И ты поверила, что я, твой раб, — злодей?
Зачем же долее переносить мне ношу
Своих унылых, безотрадных дней?
Ее я разом сброшу!
Мне был зарок: ни в чем себя не смей
Оправдывать и, если позабудешь
Иль пре́зришь глас судьбы, — себя тотчас погубишь;
Явясь мне с дозволения творца,
Так мне вещала тень Анданина отца:
«Если, потеряв терпенье,
Молвишь: «Я в такой-то час
Не губил тебя, а спас!» —
Знай и помни: в то ж мгно́венье
Дух-каратель превратит
Ноги у тебя в гранит;
Если повторить посмеешь,
По́ пояс окаменеешь;
В третий раз твой друг Иван
Вдруг увидит пред собою
Не тебя, а истукан,
Дивный лик с живой душою».

Пусть будет так; дороже жизни честь:
Вражду царевны мне не перенесть...
Меня честите именем злодея;
Взгляните на́ пол: труп вы видите ли змея?
Он вам кровавой гибелью грозил,
Но я, злодей ваш, я его убил:
Узнайте в зме́е мачеху Ивана,
Служительницу темных сил...
Испод мой камнем стал: но сердца злая рана
Больнее во сто крат!
И вот же я еще пред вами виноват,
Что адскую разрушил колымагу;
А дай-ко в ней я вам проехать боле шагу,
Давно бы ваших не было костей...
Я мертв по пояс: но душе моей

Стократ больнее сердца злая рана...
И вот с тобой прощусь, злосчастная Андана.
Возможно ль было о казне
Неблагодарного Ивана
Там, на морском, унылом дне,
Когда и ты и он, вы оба,
Тонули в челюстях, в безумном зове гроба,
Не только помышлять, но даже помнить мне?

(Превращается в истукана.)

Занавесь опускается.

МЕЖДУДЕЙСТВИЕ

Поэт и Кикимора.

Кикимора

Утаена кровавая развязка!
Скажите, г<осподин> Поэт:
Неужто ваша легонькая сказка
Тем кончится?

Поэт

(отвечает)

Неужто? нет!
Придумаю конец чувствительно-немецкий,
Который публике замоскворецкой
Страх как полюбится! Медею и судьбу
Взять, бросить барышням в глаза нахально
Не слишком вежливо, да и едва ль морально:
Им нужен Август Коцебу!
Да как придумать? вот в чем сила!
Заняв предмет у дикаря Эсхила
И из мужичьих уст глупцов-бородачей,
Довольно трудно сладить без ножей,
Без неподкрашенных мучений и страстей,
Без грубой и нагой природы.
Тут крохотный аршин приличья, вкуса, моды,
Жеманства и притворства нипочем:
Гигантские размеры мы найдем
В отечестве гигантов и титанов;
Верстами мерят великанов,
Для карликов и выродков — вершки.
Ну, как же жаться тут без внутренней тоски

К микроскопическим понятьям,
Которые знакомы, близки вам,
Mes très aimâbles dames, [1]
И им, двоюродным, любезным вашим братьям.
Вам рад бы угодить, но не удастся мне,
Итак, не лучше ль верным старине
Остаться? старине суровой и народной,
Вам непонятной (очень жаль!),
Но тем не мене превосходной?
Вот расскажу, не отлагая вдаль,
Как мать, и нежная, убить решилась сына.
«Убила», — сказка просто говорит;
«Убить его была ее судьбина, —
Поведал бы Эсхил. — И вот он был убит».
И сказке наш народ благоговея внемлет,
Пред взорами его бежит поток причин,
Он все их чувствует и все без слов приемлет.
Так точно и народ Афин
Благоговел без слов пред грозною судьбою
И умолкал пред страшною женою,
Пред жрицей мстительной души своей,
Пред сей Медеею, исчадием Колхиды,
Заклавшей собственных детей
На смрадном алтаре кровавой Немезиды.
Но публика не русский бородач,
Но публика и не народ афинский;
Для публики и рок немой и исполинский
Не бог таинственный, а мерзостный палач.
«Причины дайте нам, — кричите мне, — причины».
Причины будут вам даны,
Вы образованны, вы милы, вы умны,
Но пальцем любите ощупать все пружины, —
Вы разгадаете ль могущества кручины
За вистом, на балу, всю святость той причины,
Того отчаянья, с каким свое дитя
Спасает мать для вечности небесной,
Ни чувств своих, ни крови не щадя
Младенца своего, а в этой жизни тесной
Ведь он был для нее
Всё — счастие, и рай, и мир, и бытие!

---

[1] Милейшие дамы (франц.). — *Ред.*

ДЕЙСТВИЕ V

До поднятия занавеси.

Кикимора

Булат окаменел; раскаяньем объята,
Андана сетует о гибели Булата;
Заботливо она и даже сам Иван
Хранят и берегут Булатов истукан...
А впрочем, у жены и мужа цель не та же:
Он только думает о выгодной продаже
Столь редкой статуи любителю искусств;
Она же, полная унылых, грустных чувств
И мыслей, тяжестью своей невыносимых,
Чудесной помощи от сил непостижимых,
Рыдая, требует, терзаясь день и ночь.
О прочих что сказать? Волшебницына дочь
По смерти матери невидимою стала,
А старика удар разбойничья кинжала
(Он ехал с ярмонки один в обратный путь)
От хлопот уложил торговых отдохнуть;
Так, стало, наш Иван хозяин полный ныне.
Недолго по отце сын пребывал в кручине,
Похоронил его — за торг, — и вскоре он
К мильону старика прибавил свой мильон.
Теперь же Публику, властительницу нашу,
Я вслушаться прошу: невидимую Дашу
С Анданой скорбною на сцене слышу я...
Сердечно их люблю, почтенные друзья,
Хоть знаю, что меня ничуть они не любят
И всякий вздор о мне, о бедном бесе, трубят.

ЯВЛЕНИЕ 1

Анданин терем. Она сидит задумчивая.

Голос

Горюешь, бедная Андана?

Андана

Чей это голос?

Голос

Из сестер Ивана
Одну любила боле прочих ты...

Андана

Ах! небо осуждает дружбу нашу!
Но так! — любила я восторженную Дашу
И думала в избытке слепоты:
Зовет ее язык презренной клеветы
Волхвицею, рожденной от волхвицы;
Вот поневоле верить я должна...
Погибла мать; она же в виде птицы
Взвилась и вылетела из окна.

Голос

Увы! сказать нельзя, что это небылицы!..
Но, ежели она
И чародейка,
Так более несчастна, чем злодейка;
И пусть своею силою страшна,
Пусть строго властвует над грозными духами,
А людям же благотворит она
И вместе пронзена
Безмолвного отчаянья стрелами...
Желаешь ли чего, печальная княжна?
Кручину сердца облегчи словами!..
Или от Даши ты совсем отчуждена,
И всё навеки кончено меж вами?

Андана

Сказать бы я хотела: нет!
Черты и голос Даши мне любезны,
И нужны мне участье и привет;
Но свяжет, я боюсь, такой ответ
Меня с ду́хами бездны.

Голос

Нам вместо счастья — свет ума,
Блаженство наше — мощь и знанье:
Сказать боишься? — так сама
Твое тебе скажу желанье.
В холодный заперлась гранит
Душа могучего Булата,
И во́пишь ты: «Я виновата!
Как? кто ее освободит?»
Булат над матерью моею,

Над горькой, кару совершил;
Булату я помочь не смею:
До врат могилы положил
Закон таинственных светил
Вражду и мщенье между нами.
Он в камень претворен духами,
А жив и видит сны, — и дочь
Невольно, лишь наступит ночь,
Его за мать терзает снами.
Пусть я, орудье мук, полна
Неизреченного мученья,
Пусть я не рождена для мщенья,
Для чувств иных пусть рождена...
Разрушить чары я могла бы,
Хотела бы, а без ослабы
Я гнать богатыря должна —
Моя ли участь не плачевна?
Но я люблю тебя, царевна,
И, если хочешь, так могу
Дать верную тебе слугу,
Послать усердную рабыню.
Внемли: мне подчинил пустыню
В Аравистане грозный рок;
Там вихрится сухой песок,
И беспредельный и глубокий;
Но в море праха одинокий,
Роскошный, свежий островок
Блестит чудесными цветами;
И остров населен духа́ми,
Лишенными святых отрад,
Которые они вкушали,
Когда еще в раю порхали,
Грехов не зная, ни печали;
Однако ж и не пали в ад,
О прежнем рае воздыхая,
Они, изгнанники из рая.
Их ненавидят духи зла,
Им заперты Эдема двери, —
Их жизнь ни мрачна, ни светла,
А легкокрылых имя — пери.
Одну из них пошлю тебе:
Вверяйся ей без опасенья;

Тебе ли сети погубленья
Раскину? — Я в твоей мольбе;
Ты руки обо мне возносишь,
Ты мне в слезах прощенья просишь.
Состражду я твоей судьбе.

Андана

Позволишь ли своей рабе
Все исполнять мои веленья?

Голос

Вопрос твой непонятен мне.
Любовь не знает запрещенья,
Любовь дарит совсем, вполне.
Во всем благом твое желанье,
Сердечным рвеньем сожжена,
С весельем совершит она.

Андана

Где ж это милое созданье?

Голос

Тебе предстанет легкий дух
В прелестном виде юной девы. . .
Но слышу я: запел петух;
Меня страшат его напевы. . .
Теперь явиться я должна
В том смертном и тяжелом теле,
В каком я здесь жила доселе,
Или исчезнуть с паром сна.

ЯВЛЕНИЕ 2

Улица. Лорд Эльджин и Кикимора в ливрее **лонлакея.**

Кикимора
(оборачиваясь к публике)

На мне ливрея
Наемного лакея;
Но и под ней, друзья,
Кикимора всё тот же я. . .
А впереди меня идет мой барин;

Он англичанин, вы заметьте, не татарин;
Вдобавок он ученый и турист.

Лорд Эльджин

В своих отметках исписал я лист
О Новегороде великом
И о народе полудиком,
Которых русскими зовут;
Но нового не много тут:
Все loci topici, [1] все тот же Олеарий...
Он пишет: «Moscoviti sunt barbari»; [2]
По-своему пишу я точно то ж,
Есть у него местами вздор и ложь, —
Есть и у нас. — Но он, он первый лгал, и кстати...
Быть первым — не дал бог мне этой благодати;
По крайней мере новым быть хочу.
Donnez nous du nouveau, n'en fût — et plus au monde!
Mais ou donc le trouver? — dans l'air ou bien dans l'onde? [3]
А на земле едва сыщу!

Кикимора

Угодно ль посмотреть торговой нашей казни?

Лорд Эльджин

The russian cnoot? [4] — Ну, это знак приязни,
My boy, [5] что хоть о казни вспомнил ты...
Ты выдумщик, in faith, [6] и превосходный,
Тут будут оргинальные черты, —
Характер тут проявится народный...
А где казнят? и скоро ль? и кого?

Кикимора

Могильщика.

---

[1] Общие места (лат.). — *Ред.*
[2] Московиты — варвары (лат.). — *Ред.*
[3] Дайте нам чего-нибудь нового, неужто его вовсе не стало! Но где же его найти? в воздухе или в воде? (франц.) — *Ред.*
[4] Русский кнут? (англ.) — *Ред.*
[5] Мой мальчик (англ.). — *Ред.*
[6] По чести (англ.). — *Ред.*

Лорд Эльджин

За что?

Кикимора

Его
Изобличили, что он камни гробовые
Домой с кладбища сваживал тайком,
С них надпись стесывал и продавал потом
За камни строевые.

Лорд Эльджин

Злодею кара поделом!
Да думать хорошо и о народе том,
В котором родился́ мерзавец, — очень трудно.

Кикимора

Мы без наук росли, в потемках вспоены;
А вы, сударь, учены и умны, —
И с вами спорить безрассудно...
Но мало ли каких наскажут пустяков?
Представьте: например, нас, дураков,
Хотят уверить, будто между вами
Торгуют мертвыми телами:
Могильщики их продают врачам,
А те их разлагают по частям
И парят и варя́т и только что гостям
Не подают с поклоном после супа...

Лорд Эльджин

Ха! ха! ха! ха! бифстекс из краденого трупа!
You are a humourist, my cook! [1]
Всё это, мой любезный, для наук,
Для расширенья
Границ ума и просвещенья, —
И потому...

Кикимора

Достойно похвалы,
А не кнута на площади торговой?
Ослы-то мы ослы!

[1] Вы юморист, мой кок! (англ.) — *Ред.*

Народ мы глупый, грубый и суровый,
Мы на порядках здесь отшлепали бы тех,
Которые на грех
У нас бы вздумали распространять науки
Через такие выдумки и штуки...
Еще одно дерзнул бы я спросить
И был бы крайне благодарен,
Когда б изволили мне это объяснить:
Земляк ваш и, как вы, богатый, знатный барин
(Прозванье я забыл, но только лорд и пер)
Раз вздумал итальянца и еврея
Послать в тот край, где родился Гомер,
В злосчастный город Кодра и Фезея,
В отечество Платона и харит,
И в силу грозного фирмана,
Который выпросил у евнухов султана,
Велел им (так предание гласит)
Сбить молотом со храмов архитравы
И плиты выломить и вырыть с корнем вон
Обломки драгоценные колонн,
Богов же мраморных, остаток прежней славы,
Столкнуть с подножий их родных...
И это всё для пользы просвещенья!
При виде наглого такого расхищенья
Слеза скатилась вдоль усов седых
Свирепого Османа,
Афинского аги;
А греки для него холопи и враги,
Искусства ж прокляты в стихах его Курана.
Он всплакал, но с безмолвием слуги
Не воспротивился свершению фирмана;
И — не спаслося ни одной стены,
Все до одной осквернены...
Вот кончилося мерзостное дело:
Тем, что дотоле уцелело
От ярости веков и бешенства войны,
Суда под флагом а́нглийского барса
До палубы, до мачт нагружены!
И после этого неслыханного фарса
Вы филантропы, вы просвещены,
Не людоеды вы, вы ж в книгах и журналах
Еще толкуете о гуннах и вандалах?

Хоть бы стыдились! Варвары — сыны
Кровавого Арея;
Их жребий истреблять: на то уж рождены;
По крайней мере нет меж ними фарисея,
Ручного дикаря, философа-злодея,
Который грабил бы и разрушал,
Как истинный вандал,
И сам же за грабеж вандалов бы ругал...

Лорд Эльджин

Плут, замолчи! Вот я тебя, мошенник!

Кикимора исчезает.

Да где он? — Осмеял меня, изменник!
Я за него, он вдруг пропал из глаз,
Разбойник! — а сначала-то пролаз
Был гладенький такой, учтивый и смиренный...
Но оскорблять себя не дам:
Я к вам отправлюсь, голова почтенный,
И жалобу вручу в своей обиде вам.

Входит Иван.

Иван

Сиятельнейший граф, я ваш слуга нижайший!
Куда изволите идти?
Как счастлив я, что вас встречаю на пути!
Я иностранцев друг, их чтитель величайший:
Желал я вам свои услуги предложить;
Я человек торговый, а купить,
Быть может, что-нибудь вам подешевле нужно.

Лорд Эльджин

Ко мне в гостиницу ужо ты приходи:
Теперь мне недосужно.
Да что же можно у тебя найти?

Иван

Всё, что угодно: пять амбаров
Немецких, английских товаров,
А с русскими завозень до шести!
Есть и азьятские: парчи, оружье, шали
(Всё это прежде лучше разбирали),
Но главный мой товар — сибирские меха.

Лорд Эльджин

Понадобятся мне доха
И шуба... Крыша — штоф, мех — малые медведки.
Покрой — ваш собственный.

Иван

Я понимаю-с! Есть,
Да только мелкие медведки нынче редки:
Боюся, чтобы ваша честь...

Лорд Эльджин

Не бойся: справку я могу навесть.
Твои медведки — редки;
А есть ли редкости другие у тебя?

Иван

Есть, сударь, есть! — в заклад вам самого себя,
Что не видали вы, ни даже ваши предки,
Нигде подобных! — У меня есть сад,
В саду беседка, а в беседке...

Лорд Эльджин

Клад?

Иван

Чудесный истукан стоит среди беседки.

Лорд Эльджин

Вот невидаль какая! истукан!
Довольно у меня своих, поверь мне, братец:
Я сóбрал их со всех возможных стран...
Лорд Байрон вопиет, что Эльджин святотатец,
И вслед за лордом рифмачи кричат,
Что Эльджин Герострат;
Но имя Эльджина не тонет в тихой Лете,
Но мраморы мои известны в целом свете.

Иван

Сиятельный, вам верю без божбы,
Не избежали вы судьбы
Людей великих, завистью гонимых,
Мужей, слепой толпе непостижимых.

А к слову молвить вы позвольте мне:
Не только наяву, но даже и во сне
Подобной статуи любители искусства
Нигде и никогда не видели, — милорд,
Я не учен, — да, право, ею горд:
Гранит, и что же? в ней заметны знаки чувства.
И клятвенно я уверяю вас,
Угрюмо хмурится мой Геркулес подчас,
Подчас же всем на страх и изумленье
Улыбкой кажет хладное презренье.

Лорд Эльджин

Лжешь, будто по печатанному, но
За то спасибо, что ты лжешь красно!
Ты где живешь?

Иван

Спросите дом Ивана
Иванова.

Лорд Эльджин

Не позабуду, друг;
Теперь мне недосуг;
Но заверну взглянуть на твоего болвана.

ЯВЛЕНИЕ 8

Беседка в саду Ивана: в ней истукан Булата. Андана одна. Потом Лúли.

Андана

Скоро ли Лúли воротится?
Где она? может, охотится
В пропасти воздуха за мотыльком...
Ведь не земля ее дом,
К нам прилететь не торопится;
В сиром же сердце моем
Копится горе и копится.

Лили

(впорхнув к ней в дверь)

Здесь твоя Лили унылая,
С Лили незримой давно ты вдвоем;
Но, госпожа моя милая,

Редко веселую весть принесем
С неба мы, неба изгнанники,
К вам, домогильные данники
Болей и слез и беды.

Андана

Вняла ли ты приговору судьбы?
Есть ли надежда?
Что? оживет ли Булат?

Лили

Счастлив, Андана, невежда,
Тот, для кого неземные — молчат.

Андана

Что говорили
Сестры твои?
Нет, ничего не таи:
Истины требую, Лили! [1]

ЯВЛЕНИЕ 4

Та же беседка. Даша и Лили, полузакрытые облаком, **парят** перед истуканом Булата; потом Андана с сыном. **Ночь.**

Лили

Три долгие, тяжкие ночи
Без сна ее тусклые очи;
Не ест трое суток она.
Как тень, она бродит,
Покоя нигде не находит,
Страшна, безобразна, бледна.
Но вот проглянула луна;
Она к истукану подходит.

Входит Андана, останавливается перед статуей, потом, **обнимая** ребенка, падает в бессилии на ближние кресла.

Даша

(шепотом)

Слушай, слушай, истукан!
Я палач твой, я твой вран;

---

[1] Далее в рукописи недостает четырех страниц.

Слушай, новый Промефей:
Ад в огне моих речей!

Жаль тебя или не жаль,
Бесполезна тут печаль:
Мучить я тебя должна;
Эта часть мне суждена.

Слушай, слушай, истукан! — *и пр.*

Нож в руке ее сверкнет,
Грудь младенцу раздерет:
Но, дитя свое губя,
Не спасет она тебя...

Слушай, слушай, истукан! — *и пр.*

Дух-то человека смел;
Да всему, всему предел;
Тесен круг возможных дел:
Слабость смертного удел.
Слушай, слушай, истукан!

Лили

Ты, владычица, страшна!

Даша

Мучить я его должна.

Лили

Что же с нею, бедной, будет?

Даша

Сон земной она забудет.
Там за гранию земною
Места нет земному зною.

Скрываются в волны облака.

Ребенок

Что так трепещешь ты и проливаешь слезы?
И отчего, терзаясь и стеня,

Так крепко жмешь к своей груди меня?
А иногда какие-то угрозы
Лепечешь? . .

Андана

Тсс, дитя! молчи!

Ребенок

Я замолчу, но ты меня пугаешь, мама!

Андана

В святыне этого божественного храма
Жить будут некогда и совы и сычи!
Да! скаредный отец украдет лик священный
Из церкви, запустенью обреченной. . .
Мне дан короткий, малый срок:
Завянули мои все жизненные силы,
А без меня корысть, бесславье, грех, порок. . .
О! лучше же во мрак таинственной могилы
С собою вместе почивать
Свое дитя возьмет заботливая мать!

Ребенок

Да, мама! спать пора. . . С тобою вместе ляжем?

Андана

Со мною. . . Неразлучны будем мы
В объятиях безмолвной мирной тьмы. . .

Ребенок

К Булату подойдем, «прощай!» Булату скажем.
Зачем же чашу ты берешь? . .

Андана

Нужна.

Ребенок

Как, мама, ты бледна!
Ты вся трясешься.

Андана закалывает ребенка и сама падает мертвая.

Мама, мама, больно!

(Умирает.)

Лили
(склонясь из облака над Анданой)

С нее довольно:
С ним вместе умерла она!

Исчезают Даша и Лили. Входят лорд Эльджин, Иван носильщики.

Иван

В дверь, милорд, прошу покорно,
В дверь пожалуйте, милорд!

Лорд Эльджин

Уф! кругом темно и черно! . .
Впереди какой-то черт
Спит, во всю длину растянут. . .

Иван

Вот огня тотчас достанут:
Мы узнаем, кто такой.

Слуга входит с фонарем.

Ах! хозяйка! — Боже мой!
И лежит-то тут, — не слышит!

Лорд Эльджин

Как слыхать ей, — ведь не дышит!
Возле твой сынок лежит:
Тьфу! — горячей крови лужа —
Мальчик матерью убит!

Иван

Будь ты проклята! — ты мужа
Следствию подвергнешь! — ох!
Навязалася на шею!
Дура! не тебя жалею;
Поскуплюся и на вздох
О тебе, — да жаль мальчишки:
Я недаром же отец;
Ох! — из бедного плутишки
Славный вышел бы купец!

Лорд Эльджин

Братец, не ушло же время:
Обвенчаешься с другой,
С ровней; разведет с тобой
Целое, пожалуй, племя
Расторопных торговцóв.

Иван

Оно так! — Андрей Немцов
Человек солидный, важный.
Дочь урод, — но двухэтажный
За уродом этим дом. . .
Двадцать тысяч чистогану:
Прочего считать не стану.

Лорд Эльджин

Да пять тысяч, друг Иван,
От меня за истукан!

Иван

Унесите же болвана!
Если ж нужно будет что,
Вспомните купца Ивана, —
Не продаст сходней никто.

1832—1842

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

1

Автограф
ЦГАОРСС

После заглавия А. С. Пушкину. (Напис. в зиму с 32-го на 33-й год)

Песнь 6
Вместо 28—29

В безмолвной горести взирал
И думал: «Скорбен же и мал
Был век твой!» Но господня сила
Их утешала, их живила;
Как на чужбине, так они
Вели в подлунном мире дни.

И друга князь забыл... ужели?
Удел великих вместо цели
Служить неистовству клевет;
Нет! не умножит их поэт:

12

Эпилог
После
строфы 11

Так скорбь не сон же, муки не мечты?
Так сломаны ж отцветшей жизни крыла,
И только ужас в бездне темноты,
И не взойдут погасшие светила?
О, почему же, чародейка, ты
Дремавшее былое пробудила
В больной моей, в растерзанной груди?
Жестокая! оставь меня, лети!

13

Уж некого, — ты видишь, — песней нашей
Нам радовать, и в сытость напоен
Твоею я отравы полной чашей...
Сыны России! ваш певец сражен,

Убийц ножами честь отчизны вашей,
Поэт, надежда поздних дней, пронзен!
Мои же что расстроенные струны?
Уже давно порвали их перуны.

14

Так! роковая, грозная стрела
Не мимо пала: пал удар смертельный,
Пал, — моего не пощадил чела...
Страдаю язвой, вечно неисцельной:
Когда же боль отрадно петь могла?
Пора! предамся жажде нераздельной
Не суетной молвы, а горних благ:
Их срок не миг, пространство их не шаг.

Список ЛБ4
Посвящение Наперсник муз, их баловень гласит.
Вместо 3 Но в мире сладостном, забыв труды и бои,

Вместо 22—29
Иначе мне судило провиденье!
Покорствую, а не таю:
Я победить не в силах жажды
Взглянуть, взглянуть хотя однажды
На мне бесценную семью, —
На связанных со мной не только кровью,
Но верной, но в бедах испытанной любовью.
Не вас ли, дети той, которая ж и мне,
Младенцу брату, в сельской тишине
Пожертвовала дней своих весною, —
Не вас ли, мнится, вижу пред собою!
О, пусть бы вы певцу предстали не во сне!
Пусть и она рассказ о русской старине
Пришла бы слушать с милой нам сестрою!
Пусть не забыли бы оне
Привесть и нашу мать! Родная наша!
Судьбою горестная чаша
Тебе, страдалица, дана!

Песнь 3
Вместо 1
Не к вам ли обратиться время,
Вы, коими земное бремя
Не бременем бывает нам,

Вместо 11—21
Певцы коснулись арф согласных
И зрят улыбку уст прекрасных,
Когда из-под волшебных рук
Исторгнется чудесный звук,

Дающий тело и дыханье
Бесплотным призракам! Вниманье
Прелестных сквозь завесу мглы
Их окрыляет, дев хвалы
Отрада их, когда их струны
Бросают дивные перуны,

Вместо 28—61 Вы, жизни горестной услада!
Из ваших чистых рук награда
Ужель не драгоценна мне?
В уединенной тишине
Мои прельстители, мечтанья,
Не ваши ли рукоплесканья
Вливают в жадный слух подчас?
Не вижу ли в восторге вас?
Не ты ли, дева дней грядущих!
Под сению сирен цветущих
При тихом лепете ручья,
При сладком стоне соловья
Склонилась на руку главою?
Читаешь ты, и что ж? Слезою,
Росой лазоревых очей
(О, радость для души моей,
Уже спокойной и блаженной,
Но из Эдема привлеченной
К душе твоей!) — ты песнь мою
(Ее, так точно — узнаю!)
Ты песнь о смерти Михаила [1]
Слезой бесценною почтила!
И Лидия моя тебе
Предстала: о ее судьбе
Ты тужишь; в час же искушенья,
Борьбы сердечной и мученья
Тебя крепит ее пример!
И вот идет Авиезер
И с ним страдалица младая,
И гроб их ждет; но песнь простая
Питомцев стада — пастухов,
Рахили дщерей и сынов,
Исторгнет память их из гроба!
Ах, если бы, когда утроба
Всех общей матери земли
Мой пепел примет, не прошли,
Не смолкли вовсе без отзыва
Стихи мои! — Медоточива,
Сладка мне речь твоя, мечта!
И может быть, твои уста
Полны коварного обмана
И, как созданья из тумана

---

[1] Михаил Вас. Скопин-Шуйский.

(Ничтожный, безобразный пар)
Не стерпят, тают, если жар
Прольется с тверди полудневной,
Так и всем им судьбою гневной
Исчезнуть суждено. Но пусть!
Я всё ж был счастлив: боль и грусть
Они ж от сердца отгоняли,
И отлетали все печали...

Эпилог
Строфа 3

Ах, дева! в бренном сердце я вмещу ли
Неизреченной радости прилив?
Под бурею восторга не паду ли?
Он мне предстал, он предо мной, он жив,
Чьи вежды, так я думал, в смерть уснули,
Он, чьей любовию я был счастлив,
Мой друг, мой брат, мне провиденьем данный,
Мой Исандер, души моей избранный!

5

После строфы 4

Не взор ли светлый, взор его правдивый
Ценитель и судья трудов моих?
Питомец твой беспечный и счастливый,
К нему, тобой внушенный, каждый стих
Не я ли приношу, нетерпеливый?
Он склонит слух, внимателен и тих,
Молчит — и вдруг единым мощным словом
Мне жизнь и мир являет в свете новом.

6

Бывало, я, тобою вдохновен,
Стою перед начатым начертаньем:
Весь я в картине, весь в нее вперен,
Весь дух мой поглощаем созиданьем,
И что ж? к нему внезапно унесен
Надеждою и страхом и желаньем,
Тебе вещаю: «Дева, дай ответ!
Одобрит ли он дар твой, или нет?»

Строфа 11
1—5

Царица песней, я почту сию обитель!
Всхожу и вот уж я в ее стенах...
Я их бывал и прежде посетитель...
Но вижу гроб... чей здесь почиет прах?
Могилы сей кто непробудный житель?

12

После строфы 11

Исчезли сны, исчез обман мечты!
Сокрушены минувшей жизни крыла!
Единый ужас в бездне темноты!
Нет! не взойдут погасшие светила!
О дева песней! почему же ты,
Жестокая, былое пробудила
В моей больной, растерзанной груди?
Иди, немилосердая, иди!

13

Уж некого с тобою песней нашей
Нам радовать! я в сытость упоен
Твоей отрав исполненною чашей...
Сыны России! ваш певец сражен
Убийц ножами, честь отчизны вашей,
Поэт, надежда поздних дней, пронзен...
А что мои расстроенные струны?
И опалили ж и меня перуны!

14

Так! роковая, грозная стрела
Не мимо пала, — пал удар смертельный
И моего не пощадил чела!
Страдаю язвой, скорбью неисцельной...
Когда же петь отрадно скорбь могла?
Пора предаться жажде нераздельной
Не суетной молвы, но горних благ...
Их срок не миг, пространство их не шаг!

2

Автограф ЛБ Предисловие Черновой вариант начала.

«[Напечатанные здесь вместе отрывки поэмы Агасвер — разрозненные члены целого, которое кончить сам автор едва ли надеется. [После четвертого] Между третьим и четвертым непременно должен быть еще один средний отрывок]».

I Между 315 и 316

[Не вдруг редеет тяжкий мрак ночной,
Не вдруг его сменяет день младой:
Сначала борется с прекрасным светом
Упорно тягостная темнота.

Всё спит; но вот же белая черта
На крае тверди, сумраком одетом,
Растет черта, алеет; мутный ток
Валов багровых из брегов исходит
И чернотой подернутый наводит
Румянец на взволнованный восток.
Вот стала таять тьма; как пепелище,
Дымятся горы; вот яснее, чище,
Как уголь, рдеет яркая заря, —
И наконец, по долгом ожиданьи,
В священном, ослепительном блистаньи
Подъемлется из моря янтаря
Чело златое, как чело царя,
Который, взяв венец во храме бога,
При звуке труб, при веяньи знамен,
Грядет обратно ко вратам чертога
Своих отцов, народом окружен.
Взошло светило мира: но доколе
С равнин и рощ не снимется роса,
И не прольются в мрачные леса,
И в влажный дол, и взрыхленное поле
Потоки животворного огня, —
Дотоле всадник на хребте коня
Могучий совершит пути немало.
Так точно истинной любви начало
Едва заметно; так чужой не вдруг,
Узрев чужого, брат ему и друг;
Не вдруг же ведь и лето сгонит стужу:
И в персях и господних верных чад
Усердье к богом избранному мужу
Не вдруг сражает малодушный хлад.
Но если вера, победив боязни,
Сожрет огнем небес земную страсть,
Тогда она уж не трепещет казни,
Тогда ее непобедима власть.
Не ею гордый Агасвер объятый
Вспылал бесплодным рвением к Христу:]

III
Между
171 и 172

[Прельстил ли Агасвера искуситель?
Претонкий диалектик и богат
Доводами издавна сопостат;
Коварного единый победитель
Не ум, не опытность, а то, что языком
Высоким простоты сердечной
В святом писаньи названо крестом:
Слиянье веры бесконечной
С любовью и надеждой и трудом.

Не ведаю, чем ныне Агасвера
Заставил бы сознаться бес,
Что всё естественно и без чудес

В существовании, какому нет примера
С рождения земли.
А мало ли причин нашли
Не изумляться бытию народа,
Который всюду странник и пришлец,
Который — не живой и не мертвец —
Блуждает под шатром лазоревого свода;
Уж двадесять веков терзаем и гоним,
Рассеян меж племен заката и восхода,
А не сольется ни с одним.
Не тот же ль Агасвер — евреи?]

Вместо 289 [И чуть было в тюрьму с фельдъегерской повозки,
Приехав, не прыгнул. — Да вот что: длинны, плоски
Сервилиевы письма; слух друзей
Порою Плиний тешил их красами;
Притом не напрямик, не грубыми словами
Он объявлял: «Сосед мой дуралей»;
Нет, тонко намекал об этой тайне важной.
«Сатиру любит он!» — заметили льстецы;
Вот почему их рой продажный
Гонец расшевелил. Поднялись молодцы
И к Плинию Дамасское посланье
Торжественно несут,
И плута упреждает плут,
И восклицают: «Нас томит желанье
Узнать, какое новое даянье,
От музы своенравной получа,
Сервилий на папир набросил сгоряча».

Наместник был делами не задавлен.
Прочел и молвил: «Жид!» — и жид ему представлен.]

Между 326 и 327 [«Сестра! — ей брат вещает, — слава наша!
Гордися, Зоя! жертвенная чаша
Уж ждет твоей десницы: будешь ты
Служить Астарте!» — «Вашей слепоты
Да не вменит вам бог, творец вселенной!
А я служу единому Творцу», —
Ответ был девы, свыше вдохновенной.
Что слышал, брат передает отцу].

Между 361 и 362 [Тебе в пути житейском нужен вождь
Спокойный, несколько холодный, Зоя:
Он тем же будет для тебя, что дождь
Для летнего пылающего зноя.
Мне быть подобным другом и вождем
Дозволишь, дева... Света ты с огнем
Не смешивай; питай свою лампаду,
Но не смолой; без дыму и без чаду:]

Вместо 431 [Спасти ее? — Есть средство препростое,
Прелегкое, да только вот беда:
«Она не согласится никогда», —
Ему предчувствье шепчет роковое.
Однако же он начал: «Губишь ты
Себя, девица! мне твои мечты
Непостижимы;] мне ученье ваше

Автограф ЛБ IV Вместо 140—164

Деннице! Князю темных сил! —
И что же? ныне к чадам света,
Работник царства темноты,
Судьей причислен будешь ты?
Ужель, Григорий? — жду ответа».
Григорий на него взглянул:
«Еврей, твой голос будто гул,
И речь, как гром суда господня.
Так! спал с очей моих покров,
Но ведай, спал только сегодня;
Так! к ближнему я был суров,
Но, друг, к себе ужель не строже?
На сильных наводил я страх,
А и на троне был монах:
Был сух мой хлеб и жестко ложе.
Всё прав ты: я не вник в закон,
Который нам оставил Он,
В святой закон любви смиренной...
Увы мне! грешный человек,
Я в темный наш и буйный век
Был гордый жрец и муж надменный.
Кругом меня лежала мгла,
И слеп я был... ах! не была
Та слепота моим созданьем!
Но пусть преступник, пусть злодей,
Не торжествуй еще, еврей!
Знай: я проникнут упованьем,
И не отвергнет Он меня;

Вместо 170—173

И вдруг его жизни светильник угас,
Владычные вдруг закатилися очи;
Из лона могильной, таинственной ночи
Не вышлет ответа усопшего глас, —
И суетен был бы вопрос Агасвера.
Воздержимся мы, мы клеймом лицемера
Пятнать не решимся седого чела
Могущего старца, его же была

4

CC2

Аргивяне

Трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Тимофан, полководец коринфский.
Тимолеон, старший брат его.
Сатирос, начальник конницы.
Протоген, жрец Нептуна.
Рез, Поликрат }ританы города Коринфа.
Аристон, Ксантипп } воины Тимолеона.
Демарх.
Демариста, мать Тимолеона и Тимофана.
Аглая, жена Тимофана.
Стефанос.
Хор пленных аргивян.
Аргивянин.
Граждане.
Коринфские юноши, соратники Тимолеона.
Карийские наемники.
Раб.

ПРОЛОГ

ЯВЛЕНИЕ 1

Площадь коринфская.

Хор пленных аргивян.

1-й корифей

О Аргос! Аргос! смерть скосила
Прекрасный цвет твоих детей;
Их не оплакал гимн рыдающих друзей;
Их трупов не взяла могила!

2-й корифей

Белеют груды их костей
По нивам горестной чужбины;
Я слышу, воет сонм любезных мне теней
В унылом царстве Прозерпины!

1-й полухор

Мы ж не пали в поле битвы!
В дым развеял гнев судьбы

Наши жертвы и молитвы;
Мы презренные рабы!

1-й корифей

Страшен будет час свиданья,
Нестерпим родимых взор;
Нам и матерей лобзанья
К смерти строгий приговор!

2-й полухор

Никогда не возвратимся!
Нет, не узрим уж лугов,
Где мы, юноши, взрастали,
Гордость радостных отцов!

2-й корифей

Я зрел: отверзся Айдес молчаливый,
Залаял Кербер у подземных врат,
И позвал нас Харон рукой нетерпеливой!
Но мощный супостат
Из длани вышиб мой булат!

1-й полухор

Ныне здесь, в веселом свете,
Как чужие, мы стоим;
Нас влечет к безмолвной Лете:
Хладно мы на жизнь глядим!

2-й полухор

Жертвы глухой, неизбежной богини,
Мы без участья на бури глядим;
Мы приближенье предвидим эринний;
Смертные выданы им!

Целый хор

Мы, как тени, здесь стоим;
Без участья мы глядим,
Жертвы глухой неизбежной богини,
На приближенье незапных эринний!

ЯВЛЕНИЕ 2

Народ собирается.

Два гражданина.

1-й гражданин

Теперь, когда беседую с тобою,
Уже, не сомневайся, решена
Моя судьба, твоя, — судьба Коринфа!
Ликаст, с едва блеснувшею зарею
Вдруг двигнулись аргивяне к Кенхрее.

Второй

Когда меня сменили с третьей стражи,
С Акрокоринфа видел в поле я
Клубящуюся пыль; казалось, слышал
Далекий вопль, далекий стук и грохот!

Третий
(подходит к ним)

Соседи! Тимофан, наш полководец,
К нам брата с важной вестию прислал:
Глашатаи сзывают весь народ.
Взгляните, вмиг вся площадь запестрелась:
Мы скоро здесь услышим глас героя;
Но нам и лица пленных говорят:
Читаю в взорах их победу нашу!

Второй

И вестник уж идет. Валит за ним
Нетерпеливая толпа. Пританы
С возвышенным и радостным челом
Ведут его к высокому амвону!

Поликрат

Сберите, старцы, граждан в племена!

Рез

Глашатаи! молчанье повелите:
Тимолеон, сын Тимодема, роду
Алетова, от племени Геракла,
Из войска полководцем в град наш прислан;
Предстал пред нашу думу и взыскал
(Мы ж разрешить ему благоволили):
«На вече пред народом говорить!»

Глашатаи

Умолкните, умолкните! — Внемлите!

ЯВЛЕНИЕ 3

Хор, Тимолеон, Сатирос, Протоген, пританы и народ.

Тимолеон
(с ораторского амвона)

О вы, любимцы бранной Афродиты,
Коринфяне! да даст она и впредь
Вам вольность, силу, счастье, торжество;
А ныне Тимофан, служитель ваш,
Вам возглашает радость и победу!

Народ

Хвала богам, вождю хвала и слава!

Тимолеон

Я вестник вам разбитья аргивян:
Их полчища рассеяны; их вождь
В водáх контопарийских утонул.
Пять тысяч юношей аргивских пало;
Пять тысяч, рабство смерти предпочтя,
Нам отдали щиты в полях Кенхрейских.
А ныне да войну прокатит к ним,
Да в их земле засветит бранный пламень,
Преследует бегущих Тимофан.
Низверженные в прах нас ждут Микены,
Ждет мстителей разрушенный Тиринф:
Пределы прешагнув, повсюду мы
Союзников себе в домах их встретим.
Коварная война погубит Аргос:
Коринфу нес он цепи, срам и смерть,
Но суд Кронидов праведным защита;
Се нас ведет в их город Афродита!

Народ

Вождю хвала! Кумир, кумир герою!

Тимолеон

Народ, пританы! торжество и славу
И смелые надежды вам поведал;
Теперь даруйте благосклонный слух
Совету, мне внушенному богами!

1-й гражданин

Умолкните! Тимолеон вещает!

Второй

Или не всё уж высказал вития?

Третий

Друзья, умолкните! внемлите, братья!
Драгая ветвь любезного нам рода,
К тебе сердца и слух свой преклоняем!

Тимолеон

Сограждане! не выше ль меры вы
Почтить хотите подвиг Тимофана?
Я брат его, в своей душе его
С рассвета жизни я привык лелеять;
И радости исполнилась мне грудь,
Когда вокруг меня, в восторге шумном:
«Кумир ему, кумир!» — вы восклицали.
Но тот предатель, в ком родство и дружба
Отчизны голос может заглушить!

Меня сей голос нудит вас спросить:
Не каждый ли из ваших ратников
Делил с вождем опасность и труды?
И не с избытком ли тот награжден,
Кто первый был в спасителях Коринфа?
В Афинах Мильтияд просил венка,
Врагов пресилив в битве Марафонской,
И был ему ответ: «Пусть Мильтияд
Рать персов в бегство обра́тит один,
И будет вознесен один пред всеми!»
Сих мудрых слов забвенью не предайте,
О граждане! добычи часть раздайте
Вдовам и детям падших за Коринф,
Из части же на площади алтарь
Воздвигните Венере-Немезиде,
Богине меры в мщеньи и в любви!

Сатирос

Твои слова, о Тимодемов сын!
Достойны брата и тебя, — но мне —
Меня издавна злая клевета
Считает рода вашего врагом —
Мне подобает пред лицом народа
Иное говорить. Хвала богам!
Что я не враг ваш, ныне докажу.
Мы славный подвиг славно наградим,
Коринфяне! и долг наш то велит,
И честь, и собственная гордость:
Реку, и вы мои слова блюдите!
Не только войском, не Кенхрейской битвой
Мы в сей войне жестокой спасены:
Единый он нам сохранил свободу
На торжище сбираться и судить;
И что поныне называть возможем
Могущего вождя своим слугою,
Ему единому одолжены!
Обязаны единственно ему!
Не раз послы врагов пред Тимофана,
Объяты тьмой полуночной, являлись;
Не раз, когда средь дремлющих шатров
В его лишь ставке теплился огонь,
Его царем Коринфским называли.
Отвергнул он коварный их совет,
Но с мудрою заботою сокрыл
Приход их ото всех, да подозренье
Не прервет в граде общей тишины, —
Зане донос на сильного мгновенно
В народе будит зоркую боязнь,
А он не обладал еще тогда
Душой непостоянной новой рати!
Владеет ею ныне Тимофан.
Наемники его боготворят.

«Для нас он расточил, — гласят они, —
Стяжание своих отцов; для нас
Рука его всегда была отверста!
Пусть нашей платы нам не шлет Коринф:
Мы Тимофана должники, ему
Мы продали свои мечи и души!»
И наши юноши не мене любят
Младого, смелого вождя, врага
Смешных, старинных, нестерпимых правил,
Гонящих из шатров толпу гетер,
Отъемлющих у воинов пиры
И разводящих их вино водою!
При стражевых кострах, в ночных беседах,
В походах я внимал их разговорам.
Коринф! твои сыны тебя забыли:
Не вашей ратью, собственной своей
Владеет ныне мудрый Тимофан!
Я не виню его, но удивляюсь
Чудесной странных случаев игре!

1-й гражданин

Ты не винишь предателя, Сатирос?

Второй

Сердца наемников он подкупил!

Третий

Он презрел строгие законы предков!

Четвертый

Он наших отчуждил от нас детей!

Пятый

Ярмом тиранства угрожает граду!

Шестой

Но пусть теперь еще и чист в душе,
Он стал опасен, — он уже злодей!

Сатирос

Когда же так, коринфяне! не вслух,
Не громко ныне это говорите!
Мы, верьте мне, мы все в его руке:
Он ратным царь, их идол, их отчизна!
Итак, явите преданность ему,
С восторгом в сретенье ему бегите,
Да вступит он на ваших раменах
В покорный город, в радостный Коринф!..
Или его немедленно казните!
Но поздно может быть; так, может быть,
Уже и смерть его не в вашей воле!

Голоса в народе

Смерть, смерть мятежнику! тирану смерть!

Протоген

Нет! смерть клеветнику! он вечно был
Противником, злодеем Тимофану!

Голоса в народе

Не слушайте его! он тесть тирану!

Один из граждан

Так! тесть ему, но верный друг народу,
Слуга богов, благочестивый старец!
А сей всегда теснил убогих граждан!

Протоген

Склоните слух свой, дети Посейдона!

Народ

Тебе даруем слово, Протоген!

Протоген

Сограждане! Сатирос клеветник:
Его устами зависть говорит!
Самих я вас в свидетели зову:
Не Тимофан ли вырвал у него
На Истме, пред собором всей Эллады,
Венок, бойцов завидную награду?
Не Тимофана ли вы предпочли
При выборе вождя в сей славной брани?
Сопернику Сатирос не простит!
Мне боле смерти мерзостен тиран,
И будь он сын мой, умерщвлю его!
Но тот захочет ли тираном быть,
Кто с детства был ваш счастливый любимец?
Кто здесь оставил вам жену и кровных?
Кто брата к вам прислал, того, чей меч
Не раз спасал его средь грозных сеч?
Сатирос жаждет казни Тимофана,
Да сам потом захватит власть тирана!

Сатирос

Напрасно оживляешь, Протоген,
Забытую картину наших распрей:
Они могли нас, юношей, делить;
Но мужу, но отечества слуге
Не боле подобает помнить их,
Как слезы и забавы детских лет.
О жрец Нептуна, я не клеветник!
Им посланный сюда с Тимолеоном
(Поверь, он наших взоров убоялся),
Оставил позже я Кенхрейский стан
И видеть мог, затерянный в толпе,

Как буйные наемники сбирались,
Как золото он сыпал ратникам,
Как триста наших юношей клялись
Искоренить святую власть пританов!
Он знает ли их клятву — вы решите!

Протоген

Ты рек ужасное; но ты клевещешь!
Друзья, не Тимофан ли вечно был
Безмолвнейшим рабом законов ваших?
Других на эту площадь из домов
С зари их выгоняет голод славы,
Но юный Тимофан бежал честей;
Враг шумных распрей, прений всенародных,
Он музам посвятить всю жизнь хотел,
И только власть пританов, власть отца
Извлечь могла его сюда на вече!
Здесь стал он угнетенных щит и кров:
Как часто на себя он вызывал
За вас гнев, ненависть и мщенье сильных!
Когда ж в витиях воссиял советом,
Он тот же тихий юноша ходил;
На играх, на пирах, в феатре, в храмах,
Повсюду старцам место уступал;
За славу раннюю молил пощады
В народе взор потупленный его;
Для всех он был примером, но всегда
Внимал и был покорен общим мненьям!
Кто ж от невинности шагнул когда
Без промежутка к адским преступленьям?
И кто ж, коринфяне, узнает здесь,
Укажет ли кто в жизни Тимофана
Высоковыйность, дерзость, буйство, спесь,
Сих спутников грядущего тирана?

Сатирос

Высоковыйность, спесь. . . чем лучше их
Сокрыть умел, тем боле он опасен!
При вечновозмущаемом лице
Я не люблю столь образцовой жизни:
Премудрость в пылком юноше порок!

Протоген

Вы слышите: в запутанных речах
Он сам признал невинность Тимофана!
Уже назвать не в силах преступленья,
Он в добродетелях его стремится
На пагубу ему почерпнуть яд!
Последнюю, Сатирос, отражу
Бессильную, но хитрую стрелу!
Чтоб оправдать (сколь беспримерный случай!)
Народ, я должен друга порицать!
Нет, братья, не владел он никогда

Сопутницей холодного злодея,
Премудростью, о коей сей вещает!
И Тимофан был молод, и его
Не раз обворожали заблужденья:
Не вы ль его на пеню осудили,
Когда, обхвачен вдруг толпой микенян,
Он с ними бился, как боец простой?
Уже грозила нам вождя утрата,
Уж гибнул опрометчивый герой, —
Едва его спасла отважность брата.
Еще мои не ослабели силы,
Провидцем и жрецом я в войске был;
Я видел сам, как конь, копьем сраженный,
Его повергнул посреди врагов, —
Всех нас смутил аргивян крик победный!
Но вихрем вдруг Тимолеон помчался,
Вломился, падшего прикрыл щитом,
Удары телом собственным приемлет
И торжество их в бегство превратил!
Отозванный в Коринф, я пред народом
Тогда же Тимофана обвинил
И, гневный, в нем не пощадил родного.
Нет! слабостей его не утаю;
Но заговорщика и в них, Сатирос,
Крамольника и в них не узнаю!
И что ж, признайся, все его вины?
Или добычею делиться с войском
Меж греками воспрещено вождю? [1]
С какой поры пугаться мы должны
Пустых речей, бесед дружины праздной?
Ты смеешь на свидетельство свое
Здесь казни требовать того героя,
Кто всех нас искупил в равнине боя!
Я под защиту всех даю его!
Страшись! Здесь всё восстало на тебя!
Ужель тебя ступени не смутили,
Когда ты, злобы полн, по ним всходил?
При нем кто слышал бы твои советы?
Он сколько с них несчастных заступил!
Как часто он отсель тебя громил,
Как часто расторгал твои наветы.

Один из граждан

Наследья давнего моих отцов
Едва здесь не лишил меня Сатирос —
Но Тимофан его расстроил козни!

Протоген

Тебя, Ликаст, он выкупил из рабства!
Он уплатил твои долги, Тимандр!

---

[1] Дело действительно в Древней Греции позволенное.

А ты, Клеон, в его торгах участник:
Я сонмом окружен спасенных им!
Друзья, его хотят у вас отнять —
Защитника всех вас в войне и в мире!
Как он всегда любил вас! кровь свою —
Детей для вас забыл он в завещаньи!
Я помню — уж труба звала в поход,
Мне оное вручая при прощаньи:
«Коринфу рудников моих доход!
Когда паду, — вещает, — за народ,
Народ усыновит моих сирот!»
Он тут в последний раз пожал мне руку
И весел полетел на смерть и муку;
Муж храбрый победил; прошла борьба,
От ста смертей его спасла судьба;
Он уцелел средь ужасов сраженья, —
И вы, вы не расторгнете сетей,
Расставленных рукой ожесточенья?
Отца лишите горестных детей,
От вас единых ждущих охраненья?
Давно уже вельможи вас теснят;
Для виду только вас еще сзывают
И здесь едва ль не правят без ответа.
За вас еще боролся Тимофан;
Но выдайте его их хитрой злобе, —
Кто, кто дерзнет еще за вас восстать?
Коринф, внемли жрецу твоих богов:
От века проклят род неблагодарных;
Их запустеет скорбный град, и меч
Детей их посечет; травою стогны,
Мхом обрастут домов их алтари!
О, страшно в наши дни Кронид карает
Повинных в благодетельной крови!
В Тринакрии, [1] в сокровном вам народе,
Великого Диона задушил
Чудовищный Калипп изменой граждан
И казней преисполнил целый край;
Бич зверских пришлецов терзает их!
Аполлократ и Гиппарин, Низей
И воспрестоленный вновь Дионисий
Разбой и язвы, голод и секиры —
Ад принесли отверженной стране!
Тут сладостный весь остров одичал;
Повсюду веси стали пустыри;
Нумидец, лютый всадник, для коней
Богатый корм на площадях находит;
У самых стен, в немых предместьях ловчий
Встречает смелых вепрей и оленей;
Глухую область стаи алчных псов
С конца в конец проходят с томным воем;

[1] См. Плутарховы жизнеописания Диона и Тимолеона.

Костьми засеялась и смолкла степь;
Тучнеют волк и вран от смрадных трупов;
Боязнен одинокий странник бродит,
И душегубец на пути стоит! —
Так строгий рок за праведника мстит!
Сей изверг

(указывая на Сатироса)

гнев небес на вас низводит:
Вас с Сиракузами сравнить хотел!
Позор ему и смерть его удел!

Народ

Сатирос лжец! он оскорбил Коринф!
Каменьями забросим нечестивца!

Тимолеон

Что ты вещаешь, Посейдонов жрец?
Какое буйство, други, вас объяло?
Ужель от рабства мы спасли Коринф,
Да сам Коринф себя повергнет в рабство?
Свобода гибнет в бешенстве страстей!
Пусть здесь на суд предстанет Тимофан:
Молю богов, да явится безвинным!
Но ныне кровь Сатироса священна
И каждый влас его главы сочтен:
Над ним каратель Зевс и сень эгиды;
Не призывайте грозной Немезиды!

Голоса за сценою

Измена! бунт! мятежники в твердыне!

Тимолеон

Увы! какое новое волненье?
Се ужас глубь души моей проник!
Что возвещает сей незапный крик?

ЯВЛЕНИЕ 4

Воины акрокоринфской стражи.

1-й воин

О граждане! предатель Тимофан
В Акрокоринфе!

Второй

В городе!

Третий

Он здесь!

Первый

Из дома в дом его клевреты рыщут!

Второй

Он вдруг на нас напал; вдруг одолел!

Третий

За нами он, за нами ужас мчится!

Протоген

О небеса, я защищал тирана:
Земля, разверзнись — поглоти меня!

Сатирос

Сбылись мои слова, — но я клянусь,
Ввек не мечтал, что сбудутся так скоро!
Еще его здесь нет! .. Коринфяне,
Схватите вольности последний миг!
Пусть скосит казнь сообщников злодея.

1-й воин

Не нас, себя губи, когда желаешь:
Изменники за нами вслед бегут!

Второй

Карияне вратами завладели!

Третий

Демарх и Лидий домы расхищают!

Четвертый

Сам Тимофан с толпой клятвопреступных,
Достойных казни наших сограждан
Уж в Пританее: он летит сюда!

Один из граждан

Скорее, други! наши жены, дети
Одни: спасем их от полков наемных!

Голоса за сценою

Хвала царю Коринфа, Тимофану!

Второй гражданин

О страх! его царем провозглашают!

Третий

Да будет проклят нечестивый изверг!

Четвертый

Тирана вижу: он грядет! взгляните,
Он грозным лесом копий окружен;
Уйдем; укроемся под сень пенатов!

Пятый

Злодей сюда идет! почто ему
Из персей сердца вырвать не могу!

Граждане большей частью в беспорядке уходят; площадь мало-помалу пустеет.

ЯВЛЕНИЕ 5

Тимофан, окруженный молодыми коринфскими воинами и карийскими наемниками.

Коринфские юноши

Да здравствует великий Тимофан,
Народ и вольность! сгибните, пританы!

Один из граждан

Пританов низвергает Тимофан:
Пританы податьми нас бременили!

Карияне

Царю Коринфа многи, многи лета!
А нам — сокровища его врагов!

Диомед

Приветствуйте владыку стран истмийских!
Или дрожите, наглые мещане!

Ксантипп

Презренный варвар, дерзостный пришлец,
Ты наших братьев смеешь поносить?

Тимофан

Безумным криком не пугайте граждан!
Соотчичи, друзья! куда течете?
Меня ли, вашего слугу, соседи,
Не узнаёте вы? — Услышьте, братья!
Я ваших утеснителей смирил:
Да здравствуют Коринф, народ и вольность!

Гражданин
(из-за амвона)

Умолкни, льстец! ты враг наш, тать, мятежник!
Твои клевреты грабят нас, предатель!
Исчезни ты и род твой окаянный!

(Убегает.)

Тимофан

Все полны трепета отсель бегут!
Все ужасаются меня, как зверя!
Рассей же шумный сонм их, Диомед!

Диомед уходит.

Любезный Аристон! ты кровный мне,
Ты дорожишь и мною и Коринфом;
Грабеж иноплеменных прекрати!

Аристон уходит.

Но брат мой где? Где тесть мой знаменитый?

Увы! или неистовая чернь?..

(Видя их)

Ужели вижу вас? вы спасены! —
Хвала богам! мне ваша жизнь дороже
И самого венца, который мне
Сегодня бросила рука Фортуны!

Протоген

Нас видишь, лицемер! и здесь над гробом
Зарезанной тобой свободы ты
Нас думаешь коварством уловить,
Нас ослепить лукавыми словами!
О! слишком, слишком долго Протоген
Игралищем твоим, насмешкой был!
Прости, Сатирос! здесь я на тебя
И за него в жестоком ослепленьи
Народный гнев и ярость возбуждал, —
Но здесь же я омою преступленье
В крови чудовища, — тиран, умри!

(Бросается на него с кинжалом.)

Тимофан

(устраняясь)

Из глаз моих безумца удалите!
Под крепкой стражею его держите,
Пока его судьбы я не решу!
А ты, Сатирос, солнце при закате
Да узрит твой исход из наших стен!
Спокоен будь; твоей презренной кровью
Своей руки не оскверню! иди!

Аристон возвращается.

Что, Аристон, бежишь ты бездыханен?

Аристон

Сам укроти их буйство, полководец:
Наемники моим словам не внемлют!
Они гласят: «Ответствуй Тимофану:
Ему венец *мы* даровали, ныне
Свою награду ищем и получим!»

Тимофан

Злодеи! но могу ль их безоружить?
Предам казну пританской думы им:
Она их жажду утолит, надеюсь.

Аристон

Священную казну пришельцам алчным?

Тимофан

Ни слова! или отроку тебе
В своих делах обязан я отчетом?

Ксантипп

Не расхищай святыни, полководец!
Мы силой усмирим толпу кариян:
Мы не дадим родных своих в обиду!

Тимофан

И ты, Ксантипп! советую: брегися!
Уже давно упорный дух твой знаю.

Коринфские юноши

Нам он грозит, а хищников страшится!

Тимофан

Кто ропщет здесь? в Акрокоринф идите!
Вас ненавидит чернь; раздор погубит.
Не с вами ль власть желаю разделить?

Большая часть молодых коринфян уходит.

Ужасный день, день распрей и смятений!
Но се иду и в граде мир устрою!
Ты пасмурен и тих, Тимолеон!
Стоишь, в меня вперяешь взор горящий!

(Отводит его.)

При алтаре семейных наших лар
Готов внимать я всем твоим упрекам,
Но здесь... яви ты светлое чело!
Тебя я нашей дружбой заклинаю!

Тимолеон

Почто еще на солнце я взираю?
И ты и я из-под мечей в бою
Почто мы вынесли главу свою?

Уходят оба.

ЯВЛЕНИЕ 6

Аристон и Ксантипп в глубине театра. Хор.

Аристон

Он слишком рано снял с себя личину!

Ксантипп

Ты был его любимцем, Аристон,
Меня он выше лет моих честил;
Он нас обманывал; тебя, меня
Властитель новый отвергает ныне!

Аристон

О друг! мы в страшном были заблужденье.
Исчезла нас прельщавшая мечта, —
Пойдем, свое загладим преступленье!
Раскаяться не поздно никогда!

ЯВЛЕНИЕ 7

Хор выступает.

Целый хор

Сын подъялся на отчизну,
Встал и будит евменид, —
Побежденный Аргос зрит
Падшим детям тризну!

1-й полухор

Как ветер осенью туманной
Вдруг обращает свой полет,
По влажной области пространной
Бежит, ярится и ревет;
Вдруг до небес подъемлет волны,
Вдруг в пропасть алчную влечет
Незапно схваченные челны, —
Так вечно движется народ!

2-й полухор

Но тиран уныл и мрачен,
Дикий взор его горит;
В нем нет сердца: другу, брату,
Всем он гибелью грозит!
Всех отчужденный в угрюмой боязни,
Он вымышляет и страхи и казни;
Бездну он видит и к бездне спешит!

1-й корифей

Зрел я тирана; душа моя сжалась,
Замер глагол на поблекших устах;
Хладной глава моя мглою объялась, —
Сердце сковал во мне страх!

2-й корифей

Но изверг не избегнет фурий:
Они везде за ним текут!
Над ним в тиши парят, летят над ним средь бури,
Из собственной груди везде его зовут!

Целый хор

Не в радость взойдет ему страшный посев,
Не в радость созреет ужасная жатва,
Не минет преступника вечная клятва,
Поглотит злодея разверстый Эрев!

Авторизованный список ПД

Отрывок трагедии

III

ДЕЙСТВИЕ I

ЯВЛЕНИЕ 1

Гинекей в Тимофано<во>м доме.
Аглая, Демариста. Хор (говорит корифей; один из аргивян, составляющих оный, отделяется от прочих и стоит в отдалении).

Хор

Мне рек властитель мой, богами вознесенный:
«На взмории саронских вод
Пенатам возвести мой близкий к ним приход:
Да отдохну при них, волненьем утомленный!»
Воззреньем милости меня возвесели!
Будь благодатна мне, прекрасная царица,
Прими сокровища, дары моей земли!
Победоносная их шлет тебе десница!
Се злато и сребро, жемчуг, познавший плен!
Се риза царская, святая багряница,
Труд тихих дев моих и домовитых жен,
Блестящая, как алая денница!

Демариста

Оденься в радость! облачись в порфиру,
Дитя мое! грядет к тебе супруг!
Скрепи хитон нарамником златым;
Вокруг душистого младого лона
Сей самоцветный пояс повяжи!

(Одевает ее.)

Гордись! Прелестна ты, моя Аглая!
Прелестно под владычной диадемой,
Под благовонной прядию власов
Твое смиренно-гордое чело!
На чистую твою красу взирая,
Речам твоим приветливым внимая,
Вспылает взор его, взыграет слух,
Восторга полный обомлеет дух!

Аглая

Прости меня, о матерь Тимофана!
Сей тщетный блеск меня не веселит!

Демариста

Но что тебя волнует, дщерь моя?
Ты узришь вожделенного супруга;
Он идет к нам в лучах верховной славы.

Аглая

Ах, Демариста! весь Коринф смотрел
Моим влюбленным взором на героя;
Для всех он был отрадный Аполлон;
Но он меж них воссел Кронид-каратель!
Пред ним все вострепещут, побегут!

Демариста

Или жалеешь о минувших бурях?
Ужель забыла, что ты ощущала,
Когда мой сын на вече исходил,
Где прихоть черни буйная играла
Судьбиной знаменитейших мужей,
Главами наших кровных и друзей?

Аглая

Дитя богам приятного Коринфа,
Под сению священных алтарей
Я возлелеяна жрецом Нептуна;
Я с ранних лет благоговейно чтила
Законы древние моей страны...
Но чьи ж уста не смолкнут за него,
Когда в моих услышат приговор?
Всю душу, матерь, выскажу тебе:
Когда уж решено судом Олимпа,
Да будет над сим градом жезл царя, —
Их выбор должен пасть на Тимофана!
Он первый для меня в сынах земли:
Прекрасен, молод, смел, великодушен,
В свирепой битве пламенный Ахилл,
На играх Гиакинф, наперсник Феба,
Сладкоречив, как Маин мудрый сын...
(Да мне простит нечестье Афродита!)
Он для меня богам бессмертным равен.
Но, Демариста, за него томлюсь,
Ах! за него дрожу в незапном страхе!

Демариста

Любовь слепой толпы непостоянна!
Она к нему с приливом возвратится!
Но днесь не каждый темный человек
Дерзнет вещать: «Я равен Тимофану!»

Аглая

Что нужды нам до их речей ничтожных?
Ужель кто мог в уме всех чад Коринфа
У Тимофана первенство оспорить?
Гнев, ненависть заменят их восторг!
Сатирос, наш злодей непримиримый,
Холодный изверг, кровожадный льстец.

Хор

Прерву приличное невольнику молчанье!
В чужбину понесло Сатироса изгнанье!

Аглая

Ты рек благую весть, иноплеменник!
Но — ах! почто средь сонма нам противных,
Злосчастная, я вымолвить должна
Любезные, святые имена?
Неукротимый старец, мой родитель,
Не будет рабства равнодушный зритель!
С ним рядом потечет Тимолеон,
Твой сын, ничем и дружбой неподкупный!

Демариста

Дитя, умолкни! черная тоска
Призраком суетным тебя пугает!

Аглая

О матерь, матерь! или я посмею
Твой сладостный покой, твой сон разрушить?
Но я всего страшуся! глас надежды
Во мне боязни гласом заглушен!

Демариста

Увы, умолкни! нет! Аглая, нет!
Союзом неразрывным с Тимофаном
Мой строгий первенец соединен!

Аглая

Так! пестун отрока, хранитель мужа,
Не раз ему он жертвовал собою;
Но он Коринф и вольность обожает!
В смиренных гинекеях мы не знаем
Обширных, дерзких замыслов мужей;
И пусть другим, пришед с войны и веча,
Гласят супруги о делах Коринфа, —
Но я, но я не зрела Тимофана!
До нас дошла лишь смутная молва!
Ты был всему свидетель, пленный странник:
Или согласно племя Тимодема?

Хор

Не слышал я, но видел их беседу:
По разным братья разошлись путям, —
Сей бледен, и лицо того пылало;
По граду же глухой несется ропот;
На стогнах шепчет сумрачный раздор:
Всех слух испуган, мрачен каждый взор!

Аглая

Что об отце речешь мне, строгий хор?

Хор

Мне повели безмолвствовать, царица!

Аглая

Ужасна немота твоих устен!
Что? что в твоем молчании таится?

Хор

Нептунова жреца похитила темница!
В оковах Протоген.

Аглая

Сбылись, сбылись мрачнейшие предчувства!
Увы! погибни злополучный час,
Когда впервые он взалкал державы!
Будь проклят блеск унылой, мертвой славы!
Величье, пышность, — проклинаю вас!
Отца спасите, благостные боги!
Спасите Тимофанову главу!
Терзаюсь! к вам взываю! вас зову!
Из неисходных бед не зрю дороги!

ЯВЛЕНИЕ 2

Тимофан, Демарх, воины.

Аглая

О государь! паду к твоим стопам,
Твои колена с трепетом объемлю!
Мечтала ли когда, что я тебя,
Мне возвращенного, со стоном встречу?
Отец — ужели верить повелишь? —
Гласят: «Тобой отец мой ввергнут в узы!»

Тимофан

Увы, я мог сии предвидеть слезы!
Восстань, Аглая! мне даруй вниманье!
Так! не ничтожный слух тебя смутил! —
Плачь! плачь! — Когда для нашей общей славы
Меня одело счастье в блеск владычный,
В нем ярый гнев незапно воспылал;
В родной, в его руке сверкнул кинжал,
И, если бы не праведные боги,
Уж я бы не вступил в сии чертоги!

Демариста

Нам горькое, мой сын, дано свиданье!
Кронид без примеси не изливает
На бедный жребий смертных чашу благ!
С ее мольбами я свои сливаю!
Забудь, забудь обиду Протогена!
Он поседел врагом царей и царства;
Но мне поверь: его душа открыта
Для гласа мира и благих внушений!

Он воспылал; будь благ: привыкнет к власти!
Внемли нам: возврати ему свободу!

Тимофан

Ему свободу! да он вновь меня
В унылый Тартар свергнуть устремится!

Демариста

Сын, сын мой! вспомни, он отец Аглаи!

Тимофан

Пусть жертву принесет богам бессмертным,
Что мне живую память даровали!
Да невредим из наших стен изыдет!

Демариста

Не вполовину будь великодушен,
Мой царь! — не изжени жреца из града!
Погибель вольности предав забвенью,
Коринф его изгнанья не простит!
Принудь, принудь твоих злодеев даже
Благословлять и славить длань твою!

Тимофан

Раба ли ты в царе явить желаешь?
На то ли я над равными воссел,
Да угодить потщусь им каждым шагом?

Демариста

Тебя унизить я ли восхощу?
Не я ли воспитала, Тимофан,
Пылающий огонь твоей души?
Не отвергай, молю! моих вещаний!

Демарх

Размысли, государь, на что решишься!
Упорствуй! пожалей своей главы!

Демариста

Боязни не являй своим врагам!
Не верь льстецам! не думай княжить страхом!
Ужели мене варвара сего,
Наемника — о сыне я болею?
Когда, тебя рождая, я терзалась,
Во мне превозмогала радость муки;
Тебя я боле всех детей любила,
Но слава сына — вот мое блаженство!
Воспомни грозный жребий Периандра;
Воспомни Дионисия судьбу! —
Не обрету ближайшего примера!
Он современник наш; Коринф исполнен
Изгнанников, им родины лишенных.
То повторю, что я от них слыхала;
Вещают: «Сна его не знают вежды!

В немую ночь он, вспрянув, меч хватает,
Везде его туманный, беглый взор
Зрит ненависть, месть, гибель, заговор;
Он видит в каждом подданном убийцу;
Злодеев в кровных, извергов в друзьях!»
Ты сринул — лишь приял бразды правленья, —
Драгого старца в узы заточенья.
Увы! последуй гласу нечестивых,
Трепещущий в семейной тишине,
Жену, быть может, мать возненавидишь!
Но до того ужаснейшего дня
Пусть Афродита истребит меня!
Тебя, о мой любимец! заклинаю:
Не допусти меня оплакать день,
Когда рекла в восторге Тимодему:
«Се Гера вновь послала нам младенца!»
Клянусь Гекатой и Айдесом жадным
И тою клятвою (сам Зевс ее
Вовек без трепета не произносит!) —
Нет, не снесу своей прискорбной жизни,
Когда моей молитвы не внушишь!

Тимофан

(к Демарху)

Пусть Протоген предстанет пред меня!

Демарх уходит.

Но, матерь, если от измены сгибну,
Да не рекут вовек твои уста:
«Он пал, зане не внял моим советам!»

ЯВЛЕНИЕ 8

Стефанос.

Стефанос

Вторая и шестая сотни, царь,
Истмийских воинов толпятся в стогнах;
В бесславных песнях нас, тебя поносят,
Всех граждан воззывают на мятеж!

Тимофан

Ксантипп и Аристон предводят их!
Сам я виновен! к ним я снисходил;
Растлил в их пользу бранные законы!
Но я, ослабу дав коню, надеюсь
Его в благую пору востягнуть.
Что прочие коринфские дружины?

Стефанос

Спокойны; но не восхотели с нами
Товарищей строптивых укротить!

Тимофан

Я усмирю их буйную надменность!

(Уходит с Стефаносом.)

Демариста

Увы мне! предо мной одни волненья!
О дщерь моя! прибегнем к алтарям;
Простремся в прах, восшлем горé к богам, —
Да ниспошлют нам день успокоенья, —
Мольбу сердец и чистый фимиам!

(Уходит с Аглаею.)

Отделившийся от хора аргивянин смотрит им вослед и поспешно уходит.

[Под ризою чужого поколенья
Врага премудрый враг мой не узнал:
Возрадуйся, мой мстительный кинжал!]

ЯВЛЕНИЕ 4

Театр представляет часть города между Акрокоринфом, пристанью и вратами саронскими: море видно издалека.
Аристон, Ксантипп, коринфские молодые воины, увенчанные миртом и плющом, некоторые с кубками в руках; другие, с обнаженными мечами, входят беспорядочною толпой. Потом аргивянин, Демарх и Протоге́н.

Сколия

В пирах венчая миртом чашу,
Вас славит Эрехтея сын,
Поет до утра доблесть вашу,
Освободители Афин!
Аристогитон и Гармодий!

Равно и нас не позабудет
Коринф, глава истмийских стран;
Нас чтить полубогами будет!
Смерть! смерть тебе! дрожи, тиран!

Эпод

В столетьях, как юный Эродий,
До звезд свой возвысим полет!
Вам, вам мы дерзаем вослед!
Аристогитон и Гармодий!

Аргивянин <входит>.

Аристон

Кто ты?

Аргивянин

Аргивский пленник, мой властитель!

Ксантипп

Куда идешь и здесь чего желаешь?

Аргивянин

Для раненых сбирая подаянье,
Я шел на пристань, — вдруг услышал песнь,
Стал, гласу твоему, герой, дивился!
Бывал я в Сузах, в Лидии, — но верь,
В феатрах, при симпозиях полночных,
Столь полному нигде я не внимал!

Аристон

Над нами ли ругаешься, невольник?

Аргивянин

Храни меня микенский Зевс! или
Не знаю Агатоновых стихов?
«Ум победителя скор и жесток:
Не разбирает младой повелитель
Тихих речей, оправданий рабов, —
Не раздражай его дерзостью слов!»
Но славлю Тимофанову судьбу:
Доколь поете вы, он безопасен!

Аристон

Слова твои смутили глубину
Душ наших! ты — ты наша евменида!
Но узришь: мы не только петь умеем!

Демарх ведет Протогена.

Друзья! теперь же подвиг свой начнем!
Нептунова жреца ведет Демарх:
Освободим его!

Ксантипп

Наемник, стой!

Демарх

Я не привык повиноваться детям!

Аристон

Когда тебе свет Феба не постыл,
Нам выдай без медленья Протогена.

Демарх

Прочь! — говорю! тебя я не лозою,
Мечом, надменный отрок, накажу.

Ксантипп

Умри, пришлец! погибни, наглый варвар!

Воины коринфские

Смерть! смерть тебе, иноплеменный хищник!

Демарх

Прочь! прочь — не то зарежу Протогена —
Он Оркусу приход мой возвестит!

Протоген

Мужайтесь, о сыны мои! не бойтесь:
Вперед, вперед! с весельем смерти жду,
За родину любезную паду!

Демарх

Умолкни, ветхий жрец! но вы, две сотни,
На одного напрасно устремились!
Кариянe вас ждут! померьтесь с ними.
Сюда! сюда! Карийские дружины!

Вбегают карийские воины.

Один кариянин

Здесь мы господствуем! Демарх, кто смеет
Противиться тебе?

Демарх

Взгляните, братья,
Коринфская бунтует молодежь;
Младенцы, коих мы водили к брани,
Поверите ль, на нас подъемлют длани!

Другой кариянин

Мы усмирим их дерзостный мятеж.

Ксантипп

Изрубим вас, сподвижники тирана!

Демарх

Мечи в ножны! я вижу Тимофана!

ЯВЛЕНИЕ 5

Тимофан

Сограждане! почто сей шум и вопли?
Вкусите сладкий отдых после боев.

Аристон

Мы на тебя восстали, обольститель!
Ты вольность нам сулил, а рабство дал!

Тимофан

Ужели ты не волен, Аристон?
Кто бы дерзнул в правление пританов,

Как ты, явиться в граде воружен?
Не выслушан, он вмиг принял бы казнь!
Я ж вопрошаю вас, чего хотите? —
И если только в силу мне, свершу!

Ксантипп

Престали верить мы твоим обетам:
Ты ныне называешься царем!

Тимофан

Ксантипп! ты ненавидел жезл вельможный:
Мне первый им на гибель длань простер!

Ксантипп

Мы мнили: возвратишь всю власть народу;
Могущество отдашь обратно вечу,
Которое, лишь изредка сзывая,
Они, как зверя, спутали цепями!

Тимофан

И ты при вече хочешь быть свободным!
Тогда не старшинам, не славным внукам
Героев и богов, — ты должен будешь
Мещанам, земледельцам, торгашам,
Дрожащим и при имени сраженья,
Отважный воин, робко угождать,
Их прихоти отыскивать во взорах!

Аристон

Друзья, не увлекайтеся коварством!
Возможете ли вы пощады чаять,
Когда он и жреца, когда родного
В начале самом власти не щадит!

Протоген

Загладьте, юноши, свою вину!
Сыны, из уз исторгните отчизну!

Тимофан

Не возжигай раздора, Протоген!
Пусть взглянут: недвижим народ Коринфа!
Никто внимать воззванью их не хочет!
Их малочисленная горсть совсюду
Надежной ратию окружена!
Но я даю им срок на покаянье!
Тебе ж поведаю, не принужден:
Твой краткий плен отныне разрешен!

Протоген

Или, тиран, меня прельстить мечтаешь?
Или дерзаешь мыслить, что подкупишь?

В отечестве, тобою посрамленном,
Мне будет каждый дом и храм темницей!

Демарх

О Тимофан, не лей в пожар елея!
Главой ли непокорных подаришь?

Тимофан

Царю не подобает взять обратно
Однажды изреченные слова! —
К мольбе жены и матери склоняся,
Я повелел его себе представить,
Да объявлю ему конец пленения:
Но бойся, жрец, второго преступленья!

Один из коринфских воинов

Воистину ты муж великодушный!
Мы все тебе готовы покориться, —
Но ты предпочитаешь нам кариян!

Тимофан

Пританы их народу в страх набрали!
Их распущу без страха и печали:
Они без скорби в край свой потекут;
Их жены, чада с нетерпеньем ждут.
Но мы их должники: мне время дайте;
На них без гнева, на гостей, взирайте!

Аристон

Тиран вам льстит: еще ему вы нужны!
Но вскоре вас наемникам предаст:
Словам его, друзья, не доверяйте!

Тимофан

Судите между мной и Аристоном:
Его на персях я взлелеял, грел;
Он ныне истребить меня стремится!
Кто, кто из вас с ним чувства разделяет?
Молчите! отделитесь от него!
Обстаньте полководца своего!

Все коринфские воины, кроме Ксантиппа, оставляют Аристона и окружают Тимофана.

Аристон

Предатели! вы свой обет забыли;
Вы вечной срамотой себя покрыли!
Меня же, льстец, не думай одолеть!
Меня не ввергнешь снова в ослепленье!
Смыть кровию умею посрамленье!

Тимофан

Что, что творишь?

Аристон

Умею умереть!

Тимофан

Увы! он был души моей любимец!
Ах! не спасла его моя рука:
Судьбина сильных мира не сладка!

ЯВЛЕНИЕ 6

Протоген, Ксантипп, аргивянин.

Протоген

Ступивши шаг в дороге преступленья,
Тогда же скорбный юноша обрек
Богам подземным свой мгновенный век!
Он пасть был должен жертвой искупленья!
Что ныне о себе реку, Ксантипп?
Сюда пришел я и в цепях свободный:
Но вдруг — скажу ли? — Тимофан меня
Из уз повергнул в злейшую неволю!
На западе моих остылых дней
Он душу превращает в персях старца:
Не в силах я к нему питать презренье;
Он днесь меня бесстрашьем победил!
С самим собой борюсь: в моей груди
Мятутся мысли, чувства разразились!

Ксантипп

Ответствовать тебе не в силах я,
Нептунов жрец! меня смерть друга слов
И памяти лишила! я иду;
На рамена беру драгую ношу,
В наш стан ее к клевретам отнесу;
Над милым прахом тризну совершу,
Свои власы к нему на пламень брошу.
О, да возжжет сей пламень все сердца!
Так, я предвижу брань, предвижу мщенье:
Дрожи, властитель! быстрое затменье
Грозит сиянью твоего венца!

ЯВЛЕНИЕ 7

Прежние без Ксантиппа.

Аргивянин

Отважен раб, дерзающий вступить,
Не вопрошен, в беседу мощных граждан;
Но мне дозволишь молвить слово, жрец!

Сидящий грозно одесную Зевса,
Феб иногда устами темных смертных
Вещает, мудрый Протоген!

П р о т о г е н

Кто ты?

А р г и в я н и н

Кто я, быть может, скоро ты узнаешь!

П р о т о г е н

Мне чудно звук речей твоих знаком!
Не обинуясь, мысль свою поведай!

А р г и в я н и н

Почто еще притворствуешь, о старец?
Вещай открыто: «Я союзом крови,
Союзом пользы связан с Тимофаном;
Я власть его решился разделить!»
Клеврет, достойный смелого счастливца,
Гнети с ним заодно родимый край;
Всех дерзких в первый подвиг раскидай
На месте лобном тучной снедью врана!
Казни их, жертвуй новому царю!
И если Крон пошлет и вновь зарю
Потомкам их, зарю былой свободы, —
Пусть их оплачут будущие роды,
Пусть их почтут с богами наравне, —
Им смейся и реки: «Что нужды мне?
Забыты их безмолвные могилы,
А я днесь упиваюсь чашей силы!»
Нет спора: ты тирана оскорбил!
Когда бы не упорный, долгий плач,
Не клятвы суеславной Демаристы,
О друг бессмертных! крест уж был готов;
Ты на кресте бы испустил дыханье!
Что впредь он никогда не позабудет
В тебе маститого жреца Нептуна,
Я в том тебе ручаться не дерзну!
Он жизнь тебе, как милость, объявил!
«Царю не подобает взять обратно
Однажды изреченные слова!»
Он тут же обратил к тебе хребет!
Но ты ему себя сам отдал в рабство;
Ты старец опытный: ужель мечтаешь
Сограждан убедить: «Я друг свободы!» —
Не ты ль воздвигся пестуном злодея
За миг один до похорон законов
И камнями побить желал противных!
И пусть потом твоя святая ярость
Иную думу в их сердцах рождала:
Теперь и мир ваш и твоя пощада...

Протоген

Кто ты, уже не вопрошаю боле!
Ты черный демон мой и Тимофана!
Я должен честь свою восстановить.
Он извергом меня явил отчизне.
Клянусь: его я не желаю жизни,
Но честь свою хочу восстановить!

Аргивянин

Что рвешься ты и вопишь и трепещешь,
Могущий Протоген? — или тебя
Сей слабый, мертвый отрок не стыдит?
Он был равно, греша и каясь, жалок;
Но знал, как смерть принять! и смерть, о старец,
Как в зрелище нелепом пышный хор,
Мягчит народа строгий приговор!

Протоген

Умолкни! Негодует на тирана
Муж твердый, мудрый муж Тимолеон:
Он воскресит свободу и закон —
Низвергнет, но не сгубит Тимофана!

Оба уходят.

ЯВЛЕНИЕ 8

Гроза. Хор, обошед весь театр, останавливается.

1-й полухор

В немом чертоге слезы проливая,
Кровавую предвидя месть,
Прискорбная Аглая
Исслала нас, да принесём ей весть!

2-й полухор

Взвыл Нептунов лес дремучий,
Тьмит тяжелая гроза
Море, воздух, небеса;
Мчатся громовые тучи;
С ревом черные валы,
Вспрянув, хлещут в грудь скалы!
Встал мятеж, подъялись свары:
Слышу приближенье кары!

1-й корифей

Какой меня объял незапный хлад?
Почто из хлада вдруг ввергаюсь в пламень?
Чей волны глас несут, разяся с шумом в камень?
Какие призраки мне кажет ад?

2-й корифей

О ужас! на меня находит исступленье!
Увы! прозрел мой тусклый взор!
Возник, возник свирепый хор!
Завыло надо мной эринний диких пенье!

1-й корифей

Не се ли веянье их крыл?
Горят во тьме и жгут их очи?
Вас, вас я вижу, дщери ночи!
Холодный пот меня покрыл!
Боязнь в мои проникла кости,
Я слышу ваших змей, — о роковые гости!

Хор

Проникнул трепет в наши кости!
На отуманенных главах
Власы горой подъемлет страх!

2-й корифей

Стан ваш до небес восходит;
Светочи в руках горят;
Бьет, ехидной перевитый,
Ваши чресла черный плат!

1-й корифей

Се, беснуясь предо мною,
В пляске яростной бегут,
Над поникшею главою
Змей и факелы трясут!

2-й корифей

Се, кружась, полунагие:
«Гибель, гибель!» — вопиют!
Девы Оркуса святые, —
Познаю ваш гневный суд!

Хор

Строгая дщерь жизнедателя,
Зевса, отца и карателя,
О Немезида! ты зришь
Светлые дни и плачевные,
Зришь все движенья душевные,
С вечной судьбой говоришь!

1-й полухор

К тебе воссылаем взывания,
Слабые дети земли,
Молим: от нас удали
Надменность, вины и страдания!

2-й полухор

О небожителей царь!
Странники в жизни мгновенные,
Мы припадаем смиренные,
Твой мы объемлем алтарь!

Целый хор

Ах, не избегнут рабы
Рока своих повелителей!
В тяжких цепях победителей
Мы воссылаем мольбы!

1-й корифей

И горе́ навстречу Фебу
Воспарят, помчатся к небу
На пылающих крылах!
Остановятся в вратах
Зевсова святого дома;
Брякнут в дверь кольцом златым:
Сын карающего грома,
Маин сын отворит им!

2-й корифей

Они к тебе подвинут длани,
Коснутся светлого лица,
Владычица любви и брани,
О дщерь всесильного отца!
Коринфа прелесть и защита,
Благая матерь, Афродита!

Целый хор

Внемли нам, матерь Афродита!

ДЕЙСТВИЕ II

ЯВЛЕНИЕ 1

В доме Тимолеона.

[Протоген и Поликрат.

Поликрат

Почто в сей дом меня приводишь, жрец?
Не здесь ли обитает брат тирана?

Протоген

Свободу помнишь ли еще, притан?

Поликрат

И день и ночь ее воспоминаю:
Я жизнию готов ее купить!

Протоген

Свобода — здесь, или навек исчезла
От раболепного лица земного!

(Стучится)

Тимолеон! Тимолеон! не слышит!
Друзья тебя зовут, Тимолеон!

Поликрат

Не извлечешь его из заключенья:
Он третий день, затворник, не выходит,
К нему супруга, дети не дерзают
В немое одиночество вступить!
С того часа, как Тимофан владыкой
Был буйной ратию провозглашен,
Он впал в свирепый, горестный недуг,
В нем разум, говорят, болезнию погашен!
Так карою родных святые боги
Измену Тимофанову казнят!

Протоген

Верь мне, притан, реку такое слово,
Которым исцелится вмиг герой!

(Снова стучится)

Тимолеон! к тебе Коринф взывает,
Взывает ниспроверженный закон:
Совета от тебя, Тимолеон,
Спасения Отчизна ожидает!

Поликрат

Что вижу? он ли то? твой мощный глас
В умершем сердце хладное потряс!
На зов твой труп могилу покидает!

ЯВЛЕНИЕ 2

Тимолеон выходит.

Тимолеон

Давно я вашего прихода ждал;
И знаю, для чего вы притекли.
Пробил последний час для гераклидов;
Наш род сокрыться должен от земли!

Протоген

Ты тяжкой скорбию гнетом, мой сын!

Тимолеон

Так, я уныл до самой бездны сердца;
До сокровенного истока жизни
Неистовой печалью возмущен.

Увы! он отдан в жертву евменидам,
Меня ли ты заклать его избрал?

Протоген

Заклать — кого? кто мыслит о закланьи?
Не мучь себя безвременной тоской:
Гордись и радуйся: ты ныне должен
Свободу, брата и Коринф спасти!]

Тимолеон

Спасти свободу, брата и Коринф!
Или не брат мой задушил свободу?
Или не кровью хищников Коринф
Издревле оживлять ее привык?

Протоген

Так! многие главы его желают,
Но ввек не буду я клевретом их!
Он жизнь мне даровал, и не хочу
Ему воздать возмездием убийства!
Царем же он моим вовек не будет:
Властителем его не я признáю.
Но ты — Тимолеон! ответствуй мне:
Восхощешь ли внушить глагол мой ныне?
Важна, тяжеловесна речь моя:
Судьбу отчизны с нею сопрягаю!

Тимолеон

Всю душу, жрец! в твои слова вперяю!

Протоген

Народ испуган был и поражен
Нежданным нападеньем, но теперь —
Уж ропщет и волнуется на стогнах;
Едва наемники толпу рассеют, —
Толпа сбежится снова на мятеж.
Истмийский стан встревожен, беспокоен;
Бунтуют ратники: их Тимофан
Вчера смирил, но Аристон упорный,
Отчаян, руку на себя взложил.
Весь город только знака ждет — и вспыхнет.
Тимолеон! мы подадим сей знак.
Ты, подкрепленный воплем возмущенья,
Склони царя от власти отрещись;
Из града он без битвы удались —
Мгновенно в нас погаснет мщенье!

Тимолеон

Напрасно устрашить его мечтаешь!
Или его бестрепетной души,
Его ума строптивого не знаешь?

Протоген

Или уже он вовсе мог забыть
В тебе наставника, отца второго?
Еще над ним ты должен властен быть, —
Он не восхощет видеть разрушенья,
И ты найдешь, надейся, верный путь
В открытую для гласа сердца грудь:
Любовь и жалость, близкие убийства,
Раздор, готовый обратить Коринф,
Священный город, в поле гнусной битвы,
Твои неутомимые молитвы,
Надейся, дух суровый умягчат:
Он ныне ослеплен, но он твой брат!

Тимолеон

Итак, ты мне надеяться велишь?
Над гробом всех разрушенных надежд
Последнюю я жадно обнимаю,
Последнюю я силюсь оживить!
«В нем, — говоришь, — не вовсе добрый гений
Властительства алчбою заглушен!»
Но, брат, он уловил меня коварством,
Но, друг, он обмануть меня возмог!
С его предательством в глазах моих
Всё человечество в цене упало!

Поликрат

Умерен в скорбях будь, Тимолеон!

Тимолеон

Так! если в нем благая искра тлится,
Быть может, искру ту раздую в пламень;
Быть может, брата преклонить успею, —
Ужель на прочих уповать посмею?
Пустив однажды из лука стрелу,
Дерзну ли ей велеть, чтоб не сразила?
О Поликрат, — сам ты мой утешитель...

Поликрат

Что медлим здесь, наперсник Посейдона?
Ты зришь — колеблется Тимолеон?

Тимолеон

Нет, нет, но долго колебался он,
Природа, долг и слабости боролись
В душе моей: я одолел себя! —
Забыл любовь, расторгнул узы крови
И Тимофану предпочел Коринф!
Клянусь: я тверд; вам подаю десницу!
На жизнь и смерть я с вами сопрягусь!

Протоген

Взгляни, притан: он вдруг стал весь иной!
Коринф воззвал, и се он вновь герой;
Он встал, и мы, мы узрим вновь свободу!
Не я ль тебе вещал, что здесь она,
Или навек с лица земли сокрылась!

Тимолеон

Ты жрец Нептуна, пестуна сих стран,
Напомни вече спящему народу;
Друзья! начнем свой подвиг: обозрим
Всё то, что предприять нам подобает!
Старшин исследуй и вельмож, притан;
Мне, воину, вы предоставьте стан!
Отчизну развращенье, лесть и страх
Еще убили не во всех сердцах!

Автограф ПД

ЯВЛЕНИЕ 2

Входит раб, потом Ксантипп.

Раб

Властитель, некий юноша желает
Допущен быть к тебе; но втайне он,
Никем не зримый, хочет быть введен.

Тимолеон

Вещать ему возможешь: я один!
С мужами сими я единодушен —
От них не скрою тайны никакой.

Раб уходит.

Поликрат
(в сторону)

Тиран к нему не подорвал доверья,
Опасный враг, союзник нам полезный,
Сердцами многими владеет он.

Входит Ксантипп.

Тимолеон

Чего ты требуешь, Ксантипп любезный?
Но ты стремишь на них смущенный взор,
Ты на меня печальный взор возводишь —
Не бойся! одного меня находишь:
И Протоген, и Поликрат, и я —
Мы равные отечеству друзья!

Ксантипп

Вы не равны! Смиряюсь пред тобою,
Но знай: поколебал жреца твой брат,
Притан же был всегда твоим злодеем.

Тимолеон

Мы ныне цель одну, мой сын, имеем,
И не был мне злодеем Поликрат,
Бывал моим противником на вечах,
Но веча нет, — раздоры позабыты!
Отчизне друг — всегда мне будет друг!
А доблесть Протогенову ты вскоре
Познаешь сам; но днесь не осуждай
Граждан, летами, саном отличенных.

Ксантипп

Велишь, герой, тебе я повинуюсь,
Зане на опыте познал, сколь мало
Возможем мы без опытных вождей —
С тобой не пал бы скорбный Аристон,
Друг сердца моего; но я клялся
Достойным друга быть; клялся омыть
Его и нашу память от упрека,
Что мы тирана дали сим стенам,
Днесь созвал я весь стан ему на тризну —
На многих уповать могу; но ты
Будь нам вождем; освободи отчизну!

Тимолеон

Иди, мой сын! — сердца их приготовь;
Когда зайдет за башни града солнце,
Я буду к вам и с вами совещусь!

Поликрат

(в сторону)

Его вельможам должно покорить,
Не то — он предварит нас, власть и вольность
Народу возвратит; а честь успеха
Себе единому присвоит всю!

Авторизованный список ПД

ЯВЛЕНИЕ 3

Тимолеон

Возрадуйтесь, союзники! вы зрите:
Отчизну развращенье, лесть и страх
Еще убили не во всех сердцах!

Поликрат

Нет, не во всех! сограждане, внемлите!
Открыть хощу благую тайну вам!
Рез собрал всех старшин в Кенхрейский храм,
Священной шлемоносной Афродите
Всех клятвой обязал к святой защите
Законов древних, вольностей и прав!

Тимолеон

О, да не будет подвиг их кровав!

Поликрат

Не малодушствуй, друг! своей главою
Отныне отвечаю за тебя;
Ты ныне наш, ты нам обрек себя!
Тебя с едва занявшейся зарею
Зову предстать Отечества отцам!

Протоген

Нет, Поликрат, он не изменит нам!

ЯВЛЕНИЕ 4

Театр представляет чертоги Тимофана. Вечереет. Тимофан, Демариста, Аглая, хор аргивян.

Демариста

Покинь свое унынье, Тимофан!
Не сетуй долее о невозвратном!
Ужель ни матери твоей любовь,
Ни ласки сладостной жены, ни слава
Не утолят твоей тоски бесплодной?
Утраты, сын мой, от пелен до гроба
Кронидом в общий жребий нам даны.
Тантала сладкогласные потомки,
Рабы пенатов наших, разгоните
Аргивской песнью мрак его души!

Хор

В праздник Феба Гиакинфом
Увенчай себе главу!
Гиакинф — наперсник Феба:
Тень его из тьмы Эреба
Вещим гимном воззову!

1-й корифей

Ловец Гиакинф по горам Таигета
Носился с колчаном убийственных стрел:
Прелестного юношу с неба узрел
Латоос, отец жизнедатного света!

Хор

В праздник Феба Гиакинфом
Увенчай себе главу!
Гиакинф — наперсник Феба!

2-й корифей

Феб выбрал себе Гиакинфа в клеврета,
Любимцем нарек молодого ловца!

С ним ночью и днем, без лучей, без венца,
Он вепрей следит по горам Таигета!

Хор

Феб ночью и днем, без лучей, без венца,
С ним вепрей следит по горам Таигета.

1-й корифей

С ним делит он ложе и борется с ним;
С ним игры, трапе́зу и сон разделяет:
Но смертной судьбой Айдоней управляет;
Рок грозный парит над ловцом молодым!

Хор

Гиакинф — любимец Феба:
Тень его из тьмы Эреба
Вещим гимном воззову!

1-й корифей

Оденьтеся мглой, высоты́ Таигета!
В разрезанном воздухе слышится визг, —
Диск брошен отцом жизнедатного света,
Сразил Гиакинфа сияющий диск!

Тимофан

И горестный Латой в цветок прекрасный
Любимца превратил. И у меня
Любимец был! Как матерь нежная
Его лелеял я, с ним радости,
Беседы, труд делил; я власть хотел
С ним разделить; но я его убил!

Демариста

Вы умножаете его печали!
Иную песнь, зловещие рабы!

1-й корифей

Глава всей Беотии — гордые Фивы:
Кругом их волнуются рощи и нивы,
Горит на холмах золотой виноград!
Но был злополучен сей радостный град:
Над смертными властвует Кронос ревнивый!

Хор

Над смертными властвует Кронос ревнивый,
Излишнего счастия бойся, счастливый.

2-й корифей

В Беотии славился мудрый Эдип, —
Но изгнан Эдип, он в чужбине погиб;
Роскошные Фивы объемлет осада:
На брата воздвигся враждующий брат,
Я зрю: они в бой ненавистный спешат!

Хор

Сражая царя пред бойницами града,
Царем Полиник низвергается в ад:
Их трупы, чернеяся, в прахе лежат!

Тимофан

О хор! не о сынах ли Тимодема
Вещаешь ты в пророческих стихах?

Демариста

Увы! погаснул свет в его очах;
Чело бледнеет; члены цепенеют!

Аглая

Для нас, о матерь, жатвы скорби зреют,
Светило наше меркнет в облаках!

ЯВЛЕНИЕ 5

Демарх и прежние.

Демарх

В необычайный час в истмийском стане
Я слышал голоса и зрел огни;
Мне стражи донесли, что все знамена
Туда на зов Ксантиппа притекли.
Спешу тебя, мой счастливый властитель,
Об их мятежном сборе известить!

Тимофан

Ксантипп над падшим тризну совершает:
Иду; меня глас сердца вызывает:
Мольбу смешать с мольбами их хочу,
Да друга душу гневную смягчу!

ЯВЛЕНИЕ 6

Стан истмийских воинов. Ночь. Сцена освещена факелами. Посреди театра урна Аристона на могильном холме. Вдали город. На высотах поставлены караулы. Ксантипп и коринф[ск]ие воины в печальных одеяниях.

Ксантипп

(с могильного холма)

Излив млеко́ и темное вино
Богам земным, подземным и небесным,
Заклав пред ними черного овна,
Свершив над милым пеплом все обряды,
О други! — помирим святым обетом
Героя тень. — Он пал за нашу вольность,
Он за любезную Отчизну пал!

Пред урною его с главы сстригаю
Власы свои, клянусь Аидом хладным
И бледной Персефоной и тобой,
В эфире, на земле и в бездне чтимый
Триличный Гéрмес, вождь немых призрáков!
Родимый край исторгнуть из неволи
Иль умереть, как умер Аристон!
Почто же так незапно вы смутились?
Ужель иного ждали вы конца,
Когда присутствием почтить решились
Сожжение того, кто не был в силах
Коринфскую свободу пережить?

Один из воинов

Мы не желаем крови Тимофана.

Другой

Он благ и милосерд к своим злодеям!

Третий

Ввек не сражу бесстрашного вождя!

Ксантипп

Я чту величье духа Тимофана,
Сразить его, как вы, я содрогаюсь,
И первый требую его пощады!
Люблю вождя, — но не хочу тирана!
Мы не хотим рабами быть кариян!

Воины

Ксантипп! нет спору: не хотим тирана!
Рабами быть кариян не хотим!

Ксантипп

Прямые, истые сыны Коринфа!
Но вижу: к нам идет Тимолеон!
Я с ведома его сюда вас сóзвал!
Наш подвиг прав, он наших дел участник!

Воины

Да здравствует! приветствуем его!
Да здравствует! хвала Тимолеону!

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Тимолеон.

Тимолеон

Хвала богам, пославшим вам отважность,
Хвала сотворшим доблестных мужей!
Так! не потерян город Афродиты:
В Алетовых потóмках бьется сердце!

Храните, что скажу, как вы хранили
Залог победы, щит средь грозной битвы:
Коринф в цепях, расторгнем эти цепи!
Я знаю вашу преданность к нему,
К герою, с коим вы врагов сражали:
Он вас к победе, к славе приучил, —
Не осуждаю вас! — но если вам
Его глава любезна, — вооружитесь,
Спешите, убедите Тимофана
Сложить неправедную власть! — она,
Товарищи, она его погубит!
И в дни свободы был он окружен
Соперников безжалостной толпою.
Но за него народ стоял на вече
И клевету и казни презирал.
Умножились его злодеи ныне;
Молчат, но требуют его души;
Народ из рук их не спасет тирана!
Но мы, мы замыслы их предварим!
Он дорог вам: друзья, свой слух склоните!
Он был мне с колыбели вместо сына.
Смыкая взоры, ветхий Тимодем
Мне отрока прекрасного вручил:
Украшенный дарами всех бессмертных,
Он пышно на глазах моих возрос!
Вам признаюсь, гордился я питомцем!
Я думал: в нем для Греции воскреснет
Один из тех божественных мужей,
Которые сломили мощь Персиды
И в вечный блеск Элладу облекли.
Но строго мне воздала за надменность
Богиня, зрящая до дна души,
Ужасная, святая Адрастея!
Не без вины пред нею я: не я ли
Честолюбивый пламень в нем возгнел?
Уже других сомненья волновали,
Но я себе на очи мрак навел!
Я должен искупить пред нею грех!
Вы, вы должны воздвигнуться со мною!
В столетьях ждет вас слава или срам!
Слепцы! вы отдали свой край тирану;
Его оружьем вы безумным были;
Вы иго возложили на себя;
Вы братьев и отцов повергли в узы!

Воины

Мы иго сбросим, разорвем их узы!

ЯВЛЕНИЕ 8

Страж и прежние.

Страж

Ксантипп, тобой поставленный на стражу,
Да устраню от стана любопытных,
Я на холме стоял и вдруг завидел
По улице Язона, от саронских врат
Ряд светочей; они идут к шатрам!

2-й страж

Толпой аргивских пленных и дружиной
Демарховой сопровожден, сюда
Царь близится...

Воины

Мы не хотим царя!
Мы не хотим рабами быть пришельцев!

Тимолеон

Товарищи! прервите восклицанья!
Примером Аристона научитесь,
Сколь гибелен безвременный мятеж!
И если вы, не проливая крови,
Воистину желаете Отчизне
Свободу и законы возвратить,
Умейте, юноши, внимать мужам,
Избравшим вас для подвига святого,
Они рекут в благую пору вам:
«Ударил час восстанья рокового!»

ЯВЛЕНИЕ 9

Демарх и карийские телохранители.

Демарх

Раздайтесь: царь! раздайтесь, говорю,
Мятежники, — я чаю, вы не ждали,
Что оргию бунтующих детей
Прервет ночным приходом педагог!

Ксантипп

Демарх!

Тимолеон

Ксантипп! умолкни, ради Зевса!

Демарх

Ты мне сказать, Тимолеон, дозволишь,
Что удивляюсь видеть здесь тебя!

Тимолеон

Кариянин, мы праху Аристона
Воздали горестный, последний долг,
И я не ведаю, чему дивишься.
Но я того и ведать не хочу!

ЯВЛЕНИЕ 10

Тимофан и хор аргивян.
Тимофан останавливается; внимательно смотрит на всех; коринфские юноши перед ним с некоторою робостью устраняются; потом, приближаясь к Тимолеону, говорит по долгом молчании:

Мы здесь, Тимолеон! уже давно
Не зрел я твоего лица; но я
В иное время вопрошу тебя,
Почто со мною медлишь разделить
Труды, на нас взложенные народом!
А ныне я над урной Аристона
Свершу молитву, жертву излиянья
Его прискорбной тени принесу,
Да успокоится в немом Тенаре,
Да на любовь отрадную пременит
Вражду, которая во цвете лет
Грядущего героя погубила!
И се привел аргивян, им плененных, —
Воспомня славу дней своих земных,
Призрак лучом веселия разгонит
Ночь хладную в Аидовом дому.
О хор! воспой печальный гимн ему;
Проникни гласом в темные долины,
Где льются Лета, Стикс и Флегетон,
Их волны усмири, надгробный стон;
Плените, песни, душу Прозерпины!

Он восходит на холм и совершает излиянье; от хора отделяется являвшийся в первом действии аргивянин и становится отдаль.

1-й корифей

В жизни сменяются вёдро и гром,
Шумная радость и быстрые муки;
Радуги светятся в мире земном,
Праотцы мрут, но рождаются внуки!

Хор

Лови крылатое мгновенье,
Ничтожный, бренный человек:
Мечта ночная весь твой век;
Вмиг исчезает сновиденье!

2-й корифей

Безответен грозный ад;
Немота и ночь и хлад
Распростерлись за могилой;

Жители страны унылой,
Души бледные молчат!

Хор

О ты, подземный Зевс, Аидоней ужасный,
Над бездной Тартара воздвигший свой престол,
Прими мой трепетный глагол.
С лица земли прекрасной
В пустынный, воющий и полный мрака край
Меня до времени не увлекай!

1-й корифей

Но строгие парки, не внемля, прядут;
По прихоти нить начинают и рвут:
Судеб не смягчат ни молитвы, ни пени,
Никто не укроется Фебовых стрел!
Без отдыха Гéрмес стенящие тени
Толпами женет в неизбежный предел!

2-й корифей

Увы! увянет юноша цветущий;
Усталый старец устоит;
Раба слепая смерть сегодня пощадит...

Аргивянин

(между тем приблизился к хору и вдруг прерывает корифея)

Заутра с трона царь могущий
Падет, стремглав падет в безрадостный Аид!

(Скрывается.)

Тимофан в смущении вскакивает и роняет из рук чашу; занавесь опускается, но хор продолжает:

Судеб не смягчат ни молитвы, ни пени:
Никто не укроется Фебовых стрел!
Без отдыха Гермес стенящие тени
Толпами женет в неизбежный предел!

Автограф ПД

⟨НАБРОСКИ I (?) ДЕЙСТВИЯ⟩

Демариста

Так! так! ничтожны мощь и слава смертных,
Но не вещай о счастьи правых: нет,
Ему не верю я! мой первенец,
Мудрец, герой, богоподобный муж,
Всю чашу горестей земных испил;
Недуг свирепый ум его затмил!

Хор

Больно слушать глас стенания,
Плач рыдающей жены!

Но безмолвные терзания,
Ужас мертвой тишины,
Очи мутные, бесслезные...
Перси львов, сердца железные
Скорби мужа рвать должны!
Наши взоры взведены
К вам, Урановы сыны!

Поле бурь, юдоль ненастия,
Не земля жилище счастия!
Высится до звезд злодей!
Или область воздаяния,
Область темная теней,
Край за краем испытания?

ЯВЛЕНИЕ 3

Сатирос, Демарх и прежние.

Сатирос

Ты ныне торжествуешь, Тимофан,
Твои враги рассеялись и смолкли.
Един из всех остался Протоген,
В цепях, — но он опасен и в цепях!
Демарха я исслал изведать граждан:
В Коринфе много шепчут о жреце
И свободить надменного мечтают!

Демарх

Сатиросову речь, мой властелин,
Я должен подтвердить: твои злодеи
Зрят в буйном старце смелого вождя!

Тимофан

Так да исчезнет же неукротимый!
К его ты казни повеленье дай!

Демариста

И ты недопрошённого погубишь!
Не будь несправедливым, государь!

Тимофан

Давно его исполнилася мера,
И смерть уже давно он заслужил!
Доселе я в мятежнике щадил
Аглаина отца... но что мне ныне
Сей беспокойный жрец? — сама Аглая
Меня покинула; она, сокрывшись,
Разорвала́ мои все узы с ним!

Демариста

Но Протоген, ты знаешь, не желал
Твоей главы!

Тимофан

Ужели думать мог,
Что, бросив власть, не брошу вялой жизни?

Демариста

Мольбу мою — последнюю — сверши!
Оставлен всеми ты, в руках наемных...
Последней — матери не удали!

Тимофан

Сама ты зрела, сколь полезны были
Твои советы мне — но буди так,
О матерь! Протогена допрошу.

Сатирос

(в сторону)

Не удалось! но боле одного
Пути к погибели твоей имеем!

(Громко)

Твое решенье благо, Тимофан;
Допрос тебя пред всеми оправдает.

Тимофан

Посол меня из Спарты ожидает,
Иду! — но ты да возвестишь ему:
Его заутра строгому суду
Не сын уже, властитель подвергает!

(Уходит.)

За ним хор и Демариста.

ЯВЛЕНИЕ 4

Сатирос и Демарх.

Демарх

Ты снова изумил меня, Сатирос!
Давно ль искал ты смерти Протогена?
Давно ли в ней вернейший способ зрел
Исполнить чашу ярости народной,
Чтоб истребить надменного тирана
И овладеть по нем его жезлом?
И что же? вдруг ты дни жреца спасаешь!

Сатирос

Равны все средства мне, — лишь бы достигнуть
Паденья Тимофана и венца!

Тогда, воспомянув твои услуги,
Тебя с щедротой царской награжу, —
Верь, мужество твое издавна чту...

Демарх

Оставь, Сатирос, пышные слова!
Не лесть нужна наемнику Демарху.
Впервые ли меняю знамена́?
Сначала бился я в рядах фокидян
И Филодему грабить помогал
Дельфийский храм; потом в войне священной,
Союзник Македонского Филиппа,
Сих святотатцев резал и рубил;
Коринфским после гражданам служил;
Но вскоре отдался я Тимофану!
Вселился демон скупости в него;
Я твой, не обинуясь повели:
Исполню слепо всё, чего желаешь!

Сатирос

Кинжал сей Протогену отнеси,
При том письмо. — Когда ж придет к допросу,
Сними с него оковы; удали
Карийских стражей из чертогов ближних!
Но зова моего у входа жди! —
Услышишь ли, ворвись, жреца срази,
Меня провозгласи царем коринфским!

ЯВЛЕНИЕ 5

Театр представляет внутренность темницы; сквозь одну решетку вид на улицу. Протоген читает записку:

Нептуна знаменитому жрецу
Безвестный друг кинжал сей посылает.

Автограф ПД

⟨ОТРЫВКИ ИЗ III (?) ДЕЙСТВИЯ⟩

⟨ЯВЛЕНИЕ 1⟩

. . . .[1]

<Протоген>

Мы любим и чрез час мы ненавидим;
Что славим днесь, заутра проклинаем.
Тот гибнет, кто возносится гордыней;
Кто скрытых искушений не бежит,
Скользит над бездной и в нее падет!

[1] Пропуск в рукописи. — *Ред.*

Тимолеон

Всё, всё свое я ныне отдал вам!
Будь мне от вас наградой снисхожденье
[Отцы, внемлите жалостным сердцам!]:
Я вашим зорким укажу очам
С пощадой брата рабства разрушенье.
О, да мое смиренное моленье
Душ ваших пылких гневом не смутит,
Но будет правых чувств моих залогом!
Нет! слабый смертный быть не может богом!
И гласа сердца ввек не заглушит!
Ужели справедлив, как рок-каратель,
Когда я путь к спасенью брата зрю,
На гибель кровь свою приговорю?
Увы! я знаю, равных угнетатель
Повинен им преступною главой;
Но воскресите прошлые заслуги!
Главу сию носил он в смертный бой,
Стократ за вас он жертвовал собой, —
О, будьте милосерды, братья, други!

Протоген

С его мольбой свою соединяю!
Услышьте, как в боязненной беседе
До нашего прихода в этот храм
Мы с строгим долгом сочетать мечтали
Венец великих дел, святую милость!
О, пусть герой усердьем беспримерным
На благость ваши души обратит!

Тимолеон

Вы углубились в мертвое молчанье!
По важной сей и грозной тишине,
Отцы! явитесь вожделенны мне!
Примите благостно мое взыванье!
Я ваши совещанья упредил:
Уже готов мятеж народных сил;
Весь город только знака ждет и вспыхнет!
И днесь, пока в гражда́нах гнев не стихнет
И не погрязнут в пагубный покой, —
Мы днесь еще, друзья, помчимся в бой!
Уже я зрел стыдящихся, смущенных
Всех наших юношей, которых он
На миг опутал, буйством ослепленных;
Они склонили выи под закон!
Против отчизны опереться ныне
Он может на наемников одних;
О старцы, ведаю превратность их:
Противостать богатой благостыне
Продажные вовеки не могли;
Толпы их вечно за успехом шли!
На легкий подкуп их несу веселый

Свое добро, Коринфу нужный дар:
Тогда потухнет купленный их жар
И оскудеют пращи их и стрелы!
Когда же вдруг взволнуется народ,
Нахлынет, безоружит стражей сонных
И с воплем бунта к замку потечет, —
Да призову пенатов благосклонных
И с словом мира к падшему гряду!
Его сложить порфиру убежду:
Без битвы сын злосчастный Тимодема
От скорбной власти должен отрещись;
С него падет без битвы диадема!
Не потеряв нижé одной главы,
Без крови пробудите вольность вы!
Тогда на праздник общего спасенья
Решитеся одеться в блеск прощенья.
Пусть в возрожденном сыне древний град —
Он был щитом жен ваших, ваших чад —
Друзья! сам Зевс прощает преступленья!

Один из заговорщиков

Ты душу мне исполнил умиленья.
Я бы вождя охотно пощадил.

Протоген

Он первый гордых аргивян смирил.
И пусть потом, успехом обуянный...
Но вашу мысль желаю знать, пританы?

Сатирос

Он слабые сердца их обольстил...
Уже и по тому, что ныне слышим,
Не сомневаюсь в силе слов твоих,
Тимолеон! Но Тимофану власть,
Власть новая должна быть драгоценна.
И если он твои вещанья прéзрит —

Тимолеон

[Сатирос, нет! он ищет примиренья:]
Блюдет свою добычу жадный ад!
Но нет! ты не лишишь его спасенья!
Уже он озирается назад!
Сколь часто тьмит взор смертных искушенье!
Их манит в даль блистательная цель,
Летят и се — не пристань видят, — мель
Им вдруг являет близкое крушенье!

Автограф ПД (на полях листов)

⟨ОТРЫВОК III (?) ДЕЙСТВИЯ⟩

Тимофан

Сатирос,
Неблагодарным быть я не хочу:
Ты то стяжал, чего достоин был!
Но ныне мне вещай, чего желаешь
И почему предстал ты пред меня?

<Сатирос>

Мне горько было родину покинуть,
Священный прах отцов и лар моих;
Скрывался в граде я; но был открыт
Строптивым скопищем крамольных.
Не требовал их тайны я: они
Ее насильно мне разоблачили.
Я зрел наш край со всеми умиренным,
Отечество в могущей тишине
И страх разбитых трепетных соседей!
Предвидел, что мятежники разрушат
Всеобщий мир и счастие Коринфа,
И снова воскресят раздор и распри
Меж Думою и Вечем, меж народом
И сонмом угнетателей вельмож!
И я решился козни их поведать
И от беды отечество спасти!
Но признаюсь   им
Моих не знают [1]

5

Автограф ГПБ ч. I, д. 2, л. 3. Между 44—45

Вы верить никогда не захотите,
Что Демиург [2] вас сотворил для нас
И чтоб о вашей он не помышлял защите,
О вашем счастии!.. Он с скуки создал вас;
　　Потом с презреньем отвратился,
Ничтожных бросил нам, кивнул главой,
Ваш грешный шар в пространство пхнул ногой,
А сам в ненарушимый свой покой
　　　　Как прежде погрузился.
Вы с той поры нам отданы во власть,
Вы наше достоянье, наша часть:

---

[1] Конец листа оборван. — *Ред.*

[2] Демиург у Плотина и неоплатоников название творца, которого заимствовали у них и гностики и считали его Эоном, подчиненным высшему существу.

7

Автограф ПД

Заглавие Иван, купеческий сын.

Драматизированная сказка.

Действие I Ремарка Город Бухара; время, несмотря на анахронизмы, шестнадцатое столетие.

Явление 1 После 22 (Между тем Зулейка подала ему обед; он сидит и ест. она ему прислуживает)

После 144

Слугу и друга лучше клада
Найдешь в Булате!

Иван

Я бы рад;

После 153

Зулейка
(смотрит ему вслед)

Благодарю покорно!
Насилу согласился! Ваня наш
Жалеет витязя и — трусит непритворно, —
Но телом и душой торгаш.
Жалеть о страждущем, пред светом эту жалость
Излить в потоке красных слов —
Как ни бездушны вы, любой из вас готов;
А скажешь: «Дай бедняжке малость», —
И сердоболию конец!
И тот, кто был элегик редкой,
Подчас представит образец
Сатиры самой едкой.

(Уходит.)

Театр переменяется.

Явление 2 После 4

Много их в стенах Бухары,
Много ханов и князей:
Турки, казаки,[1] татары
Узники твоих очей;
Трех их Персия прислала,
Трех Индийский дальний край;
Трое прибыли с Байкала,
Трех отправил к нам Китай;

Вместо 14—16

Мама, кончу, как она,
Путь чрез жизненное поле;
Мама, — счастья своего
Не отдам я мужней воле;
Я довольна, — что мне боле?
Быть в неволе для чего?

Зарема

Ты довольна? — Бог с тобою!

---

[1] Разумеется: казаки не русские, а азийские — кайсаки.

Зарема

Вместо 59—62

Как? Купец! Торгаш! да что же
Скажет гордый твой отец,
Грозный хан наш? Боже! Боже!
Цепенею и дрожу,
Чувств лишаюсь, как при вести
О нежданной этой чести
Гнев его воображу.

Андана

Мама, нет во мне боязни:
Что мне муки? что мне казни?
Преступлением зови
Пламя беспредельной страсти:
Яд, огонь в моей крови;
Я раба волшебной власти:
Что и в жизни без любви?

Вместо 63—66

Пусть же...

Андана

Перестань! довольно!
Не хули его: мне больно,
Больно от хулы твоей!
Он не знает лютой страсти,
Возмутившей мой покой;
Он своей не знает власти,
Дивной власти надо мной.

Вместо 79—81

Не потерпишь, друг, за то,
Что огня не потушила,
Коего бессмертна сила,
Коего никто, никто
Не задует! Зев могила
Для меня уж растворила...
Успокойся! — всех и вдруг:
И себя, и вас, и хана,
И властителя, и слуг
Злополучная Андана
От себя освободит.

Зарема

Будь над нами божий щит!

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЭМЫ

1. ПСС, с. 184; С (отрывки). Печ. по СС1, с. 255 (автограф ЛБ). Другой автограф — ЦГАОРСС. ПДЗ — отрывки: «Посвящение поэмы «Юрий и Ксения» матушке», «К женщинам», «Эпилог». Список ЛБ4 — отрывки («Не Ахиллесов гнев и не паденье Трои...», «Не к вам ли обратиться время...», эпилог). Замысел поэмы возник в августе 1832 г. 10 августа поэт записал в дневнике: «Наконец я нашел в 25 книжке Вестника <«Вестника Европы»> нечто, что может мне пригодиться для сочинения. Вот краткое извлечение: «Отроч монастырь, стоящий при устье Тверцы, основан по следующему случаю. Григорий, княжий отрок при дворе Ярослава, первого князя Тверского, влюбился в дочь церковнослужителя в селе Едимонове, которое князь пожаловал отроку. Григорий получил позволение от своего государя жениться на своей любезной. Они в храме. Внезапно разделяется на две половины толпа предстоящего народа и является князь. Сокол заманил его в село и сел на крест колокольни. Ярослав, видя празднество, отгадал причину его и захотел удостоить своим присутствием обряд бракосочетания. Ксения, взглянув на князя, смутилась, он также. Влекомый силой красоты, Ярослав подходит к ней, берет за руку, спрашивает: не хочет ли выдти за него? Она соглашается. — Бедный Григорий скрылся в толпе. Однако же князь наконец вспомнил о нем. Его отыскивают долго, тщетно, наконец находят в отчаянии, в рубище. Приводят к князю. Ярослав предлагает ему награды и почести; отрок не принимает их; просит позволенья построить келью при устье Тверцы и жить там вместе с некоторым отшельником. Позволено. Он умирает, и Ярослав строит Отроч монастырь над его могилою».

Мне кажется, что все это выдумано: но, надеюсь, согласятся, что выдумка недурна и что из нее можно бы кое-что сделать. Дай-то бог! давно уж мне не приходило ни одной творческой мысли».

Запись от 8 ноября: «В субботу 5-го числа я начал свою поэму: «Основание Отроча монастыря»; пишу об этом только сегодня, потому что до сих пор еще не смел надеяться, что точно начал». 14 ноября поэт пишет сестре Юлии: «Теперь занимаюсь я собственным сочинением, которого предметом — основание Отроча монастыря. Дело идет хорошо: ты счастливая пророчица. Моя поэмочка, конечно, не будет таким верным зеркалом времени Ярослава Тверского, каким бывают

поэмы Скотта различных времен старинной Шотландии, надеюсь, однако же, что в ней найдется кое-что истинно русское. В моем положении трудно, чтоб не сказать невозможно, быть живописцем минувших нравов и обычаев: все я должен почерпать из одной памяти; у меня давно нет никаких источников». 19 ноября была закончена первая часть поэмы. «Я ныне заметил, — записал Кюхельбекер в дневнике, — что Краббе, а не Скотт, вероятно, окажет самое большое влияние на слог и вообще способ изложения моей поэмы: по крайней мере это так в первой части». 3 декабря: «С доски внес я в тетрадь начало второй песни Отрочего монастыря. Всего для меня труднее то, где должно соблюсти не только дух, но и размер нашей простонародной поэзии». 17 апреля 1833 г.: «Начал эпилог к своей поэме, размером же выбрал для того октаву — но не совершенно ту, которую у нас первый стал употреблять Жуковский, потому что в моей после первого станса следует стих мужеский». 27 апреля: «Сочинил введение в вольных стихах». 4 мая: «Наконец могу прекратить свои переправки: все 6 песней пересмотрены и на первый случай по возможности выправлены. Если считать с 5-го ноября, так я ровно полгода занимался этою поэмою. Пусть теперь полежит она по крайней мере год». 7—15 мая 1835 г., в письме племяннику, Б. Г. Глинке: «О поэме своей «Основание Отроча монастыря» скажу, что она у меня à peu près <приблизительно> кончена: Саше посылаю эпилог». 5 августа 1836 г. К. сообщает Н. Г. Глинке: «С трепетом, друг мой, отправляю сегодня одно из любимых чад моих к Пушкину в Петербург, а именно Ксению. Дойдет ли? — Я ее очень сократил: из второй песни выкинул около 100 стихов; из других вместе по кр. мере столько же. Впрочем, черновая у меня, если Ксения доживет до второго издания, кое-что опять восстановится». 4 мая 1840 г.: «Переписываю «Юрия и Ксению». Дай-то бог, чтоб эта поэмка пошла в ход». Однако при жизни поэта поэма, над которой он работал столько лет, не появилась в печати. На этот же сюжет было написано «романтическое зрелище» «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне» А. А. Шаховского (1823). К., по-видимому, не был знаком с этим произведением.

Посвящение. *Ст. 1—2. Не Ахиллесов гнев и не паденье Трои* и т. д. — цитата из поэмы «Душенька» Ипполита Федоровича Богдановича (1733—1803). *Ст. 22—24. На вас взглянуть бы, на семью* и т. д. Имеется в виду семья сестры поэта Ю. К. Глинки. *Ст. 26—29. Пусть и она рассказ о русской старине* и т. д. Речь идет о матери поэта, Ю. Я. Кюхельбекер. *Ст. 35. Закуп* — имение Ю. К. Глинки.

Песнь 1. *Ст. 125. Ярослав* Ярославич — князь Тверской (1230—1271). *Ст. 131. Гремела брань над волжским брегом* и т. д. Имеется в виду одно из столкновений между Тверью и новгородцами середины XIII в., в частности распри Ярослава с его братом, Александром Невским. *Ст. 376. Ты клятву вспомни, что над Хамом* и т. д. По Библии, сын Ноя Хам увидел своего отца нагим и со смехом рассказал об этом братьям, за что Ной проклял его сына Ханаана и потомство его.

Песнь 2. *Ст. 72—73. И повелел волнам предать* и т. д. При князе Владимире в 988 г. было принято христианство; обряд крещения сопровождался разрушением языческих жертвенников и изображений богов. *Ст. 160. Княжич из Ростова* — Борис (1231—1277), сын

ростовского князя Василька. *Ст. 298—299. Мне своя княжна Прасковья* и т. д. По законам русской церкви нельзя было жениться на свояченице.

Песнь 3. *Ст. 37. Сирен* — здесь: сиреней.

Песнь 5. *Ст. 63—65. Их дивной силой волхв Олег* и т. д. Князь Олег (879—912) Вещий, т. е. волхв, язычник. Совершил победоносный набег на *Царь-град* (Константинополь) в 907 г. Поставив лодки на колеса, он посуху подошел к городу. *Ст. 66.* Князь *Святослав* (ум. 972) — киевский князь, язычник.

Эпилог. Строфа 3. *Мой Исандѐр, души моей избранный* — А. С. Грибоедов. Строфа 7. *Гурджистан* — Грузия. Строфа 8. *Кур* — река Кура. Строфа 10. *И свят его над падшим другом стон!* «Говорю здесь о плаче Давида над Ионафаном» (примеч. К. в списке ЛБ4). Строфа 11. *Здесь прах, здесь труп кровавый Исандера!* «Ал. Грибоедов погребен в монастыре с. Давида близ Тифлиса» (примеч. К. в списке ЛБ4).

2. РС, 1878, № 3, с. 403; ПСС; Дек. и их вр. (отрывки); С (отрывки). Печ. по автографам и спискам ЛБ. В черновом автографе ЛБ, содержащем пять отрывков: с 1-го по 4-й и «Окончательный» — авторское предисловие, посвящение Вельтману и комментарии; текст заканчивается словами: «Конец. Агасвер. Пять отрывков. — 1842 года». По-видимому, в таком составе автор собирался опубликовать поэму в 1842 г. Однако работа над ней продолжалась и в последующие годы и была оборвана смертью поэта. До нас дошли: список 5-го и автограф и список 7-го отрывков (ЛБ), а также автограф ранней редакции 4-го отрывка, существовавшей, по-видимому, до 1837 г. (см. запись в дневнике от 2 декабря 1837 г.: «В первый раз не совсем неудачно вырабатывал 4-ю книгу „Вечного Жида“». — ПД). Отрывки — в письме к Н. Г. Глинке от 9 декабря 1835 г. после слов: «Что тебе сказать о моем Жиде? Идет голубчик вперед: что-то будет? — Тут-то, брат, набеги не на причуды и слабости и глупости столичные и уездные, как в мистерии <«Ижорский». — *Н. К.*>, а почти на все, что мудрость, отметающая веру, привыкла выдавать нам за славу и доблесть и высокое. В 3-м отрывке дело идет о Траяне и его почтенном панегиристе Плинии». Автограф начала поэмы, под загл. «Бессмертие», — ПД4 и ПД3. Работа над поэмой была начата в 1832 г. (к 29 апреля почти закончена I часть); 21 октября 1835 г. поэт писал Н. Глинке: «Второй отрывок я уже начал. Слог его будет сжат, с притязаниями на силу и глубину, не чуждый антитезов и даже декламации, — словом, это будет нечто вроде слога Ювенала, Тацита, Сенеки-трагика. Предмет — падение Иерусалима; источник — Эгезипп и Иосиф Флавий. — Что такое выберу для третьего, не знаю. Прошу у тебя совета! — Падение Римской империи? Гонения, каким жиды подвергались в средние века? Крестовые походы? Наполеонов l'homme rouge? <красный человек. — *франц.*> — все это мелькает передомною, — да, к несчастью, зыбко, мутно, без заманчивости... Ты, милый друг, можешь видеть, как я уже далек от счастливого возраста поэтических самозабвений. Дорого бы я дал, если б мог воскресить это золотое время; но теперь я, к несчастью, только тогда совершенно забываюсь, когда принимаюсь за розги Ювенала». 28 ноября 1844 г. В. А. Ка-

задаеву: «Для двух отрывков моего «Вечного Жида» (Лютера и франц<узской> революции) — мыслей бездна: mon poème est tout fait, il ne me reste que les vers <моя поэма уже готова, остаются лишь стихи. — *франц.*>. Но приведется ли по-акшинскому просто выправлять уже написанное и дать разному старью ту последнюю окончательную форму, в которой я это старье передам времени, когда самого меня уже не будет?» Последний по времени написания, 7-й отрывок создавался после 28 ноября 1844 г. и имеет дату: 31 марта. В 1846 г. он вписан в дневник (ЛБ).

Первым толчком к возникновению замысла поэмы об Агасвере-сапожнике, оттолкнувшем Иисуса Христа от порога своего дома при крестном пути на Голгофу и услышавшем слова Христа: «Пусть он будет, пока я не приду», — было знакомство К. в Динабургской крепости в 1830 г. с переводной испанской повестью «Таинственный жид» (МТ, 1830, № 2 и № 3). Из замечания переводчика повести явствует, что она была напечатана в Лейдене в 1569 г. под названием «Удивительное судопроизводство» и представляет собой как бы выписку из «Красной Книги», в которую записывались тайные дела испанской инквизиции. Действие повести относится к 1492 г. в Испании, когда главный инквизитор Торквемада решил изгнать из Испании всех евреев и свирепо расправлялся с оставшимися. В центре повести — образ «вечного жида», схваченного и осужденного на казнь инквизицией. Однако, в отличие от К., здесь это образ доброго существа, несущего справедливое воздаяние злым и добрым делам людей. Видимо, с этой повестью связан замысел К. обязательно включить в поэму отрывок об изгнании евреев из Испании (не был написан или не сохранился). Образ Агасвера (Агасфера) был широко распространен в немецкой романтической литературе (Гете, Шиллер, Шубарт); использован К. в его повести «Последний Колонна». Возможно, с работой над образом Агасвера связан и еще один черновой набросок К.: «Меламегас» или «Бес-человек» (ПД).

<Предисловие>. *Об он пол гроба.* У края гроба; у конца жизни.

<Посвящение>. *Вельтман* Александр Фомич (1800—1870) — писатель, многочисленные произведения которого («Странник», «Сердце и думки», «Генерал Каломерос», «Кащей бессмертный», «Лунатик» и др.) вызывали у К. неизменный интерес. *Апулей* (II в.) — древнеримский писатель. *Лукиан* (ок. 120 — после 180) — древнегреческий писатель-сатирик.

1. *Ст. 86. Стены сионские.* Сион — крепость и храм в Иерусалиме. В переносном значении Сион — еврейский народ. *Ст. 90. С писаний Маккавеев.* Маккавеи — иудейский жреческий род; книги Маккавеев — часть Библии. *Ст. 133. Давидова держава* — Иерусалим; в I в. был римской провинцией. *Ст. 140. Иоанн* — Иоанн Предтеча, один из библейских пророков; предвещал пришествие мессии — Христа. *Ст. 148. Галилея* — область на севере Палестины, где, по Библии, родился Иисус Христос. *Ст. 216. Вифания* — селение близ Иерусалима. *Ст. 220. Воззвал от мертвых Лазарево тело.* О воскресении Иисусом Христом умершего Лазаря — см. Еванг. от Иоанна, гл. XI. *Ст. 332. И молвил: «В Каиафином дому. . .»* и т. д. В доме иерусалимского первосвященника Каиафы фарисеи по его предложению решили убить Христа. (См. Еванг. от Иоанна, гл. XI, 49—53).

Примечания к I. *Второй Бренна* — один из галльских (кельтских) вождей III в. до н. э., под предводительством которого в 277—276 гг. до н. э. кельтские племена вторглись в Малую Азию.

II. *Ст. 1. Сион лежал в осаде.* Речь идет о разрушении Иерусалима Титом во время Иудейской войны (66—73). *Ст. 24. Кедрон* — река близ Иерусалима. *Ст. 33. Антоний* Марк (83—30 до н. э.) — член второго римского триумвирата (Октавиан, Марк Антоний, Лепид), управлявший восточными провинциями. *Ст. 39. Иосиф* — едомлянин, член дружины, присланной на помощь осажденному Иерусалиму. *Ст. 60. Сарон* — по Библии, местность либо между Фавором и морем Тивериадским, либо на побережье Средиземного моря. В «Песни Песней» Соломона (гл. II, 1—2) говорится о цветке Сарона, с которым сравнивается невеста Соломона; в русском переводе Библии он назван нарциссом, в немецком — розой. *Ст. 90. Вопль протяжный.* Эпизод о безумном прорицателе, предвещавшем гибель Иерусалиму, — см.: Евсевий Кесарийский, «Церковная история». *Ст. 93. Иуда* — здесь: еврейский народ.

Примечания к II. *Казотт* Жак (1719—1792) — каббалист и мистик. Пророчество Казотта 1788 г. излагает Лагарп, французский критик и академик XVIII в., в записках, опубликованных в 1806 г. По словам Лагарпа, Казотт предрекал великую революцию, во время которой целый ряд лиц, якобы поименно названных Казоттом, погибнет. По пророчеству, должен был умереть и сам Казотт, — подобно пророку Иерусалима, о котором рассказывал Иосиф Флавий, он был поражен камнем в то время, как восклицал: «Горе Иерусалиму! Горе мне!»

III. *Ст. 14. Платон* (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ. *Ст. 68—69. Персий* Флакк (34—62), *Ювенал* Децим Юний (ок. 60 — после 127) — римские сатирики. *Ст. 86. Траян* (53—117) — римский император, значительно расширивший границы Римской империи. *Ст. 90. Брут* — либо Луций Юний Брут, полулегендарный герой Древнего Рима, свергший последнего римского царя Тарквиния Гордого (VI в. до н. э.), после чего в Риме установилась республика, либо Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) — один из руководителей заговора против Цезаря. *Ст. 93. Соломонова святыня* — Иерусалим или храм в Иерусалиме, разрушенные Титом. *Ст. 107. Учение Садоково* — учение саддукеев, религиозно-политическое течение в Древней Иудее, названное по имени иерусалимского первосвященника Садока (II в. до н. э.). *Ст. 111. Мильтон* Джон (1608—1674) — английский поэт, автор поэм, основанных на библейских образах, — «Потерянный рай» (1667) и «Возвращенный рай» (1671). *Ст. 145. А попадался мне, и видимо, лукавый* и т. д. Эти строки поэмы перекликаются с ранним отрывком незаконченного произведения Кюхельбекера «Меламегас» (ПД, на бумаге 1811 г.). *Ст. 182. Сезострис* — мифический египетский царь; известен своими пороками, в частности сладострастием. *Ст. 186. Тацит* Корнелий (ок. 55 — ок. 120) — древнеримский историк. *Ст. 196. Дион Кассий* (ок. 155 — ок. 235) — древнеримский историк, автор «Римской истории». *Ст. 199. Плиний* — Плиний Младший, Кай Плиний Цецилий Секунд (ок. 62 — ок. 114), древнеримский писатель и политический деятель, автор трактата «Панегирик Траяну». *Ст. 218. Ромул* — легендарный основатель Рима. *Ст. 221. Лукулл* Луций Лициний (106—56 до н. э.) — римский полководец и консул, славился

роскошью своих пиров. *Нерон* (37—68) — римский император, известный жестокостью и развратом. *Силла* (Сулла) Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец и политический деятель, здесь — как богач и распутник. *Ст. 224. Сократ* (469—399 до н. э.) — древнегреческий философ. *Ст. 250. Антиной* (ум. 130) — юноша из Вифинии, славившийся необыкновенной красотой, любимец императора Адриана. *Мессалина* Валерия (I в.) — жена римского императора Клавдия, известная своей жестокостью и развращенностью. *Спор* — евнух, приближенный Нерона, потом Отона. *Ст. 260. Сирийский проконсул* — Сервилий (I в.). *Ст. 321. Каллиадов... племя* — один из жреческих родов в Вифании, названный по имени родоначальника Каллия. *Ст. 369. Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.) — оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима.

Примечания к III. *Аддисон* Джозеф (1672—1719) — английский писатель и издатель ряда журналов («Болтун», «Зритель», «Опекун»). *Аристарх* (II в. до н. э.) — филолог александрийской школы; его имя стало нарицательным для обозначения придирчивого литературного критика. *«Henriade»* — «Генриада» Вольтера (1723), эпическая поэма, построенная с использованием античных мифологических образов и аллегорических фигур; современниками и читателями XIX в. признана неудачной. *Спинелло Аретинский* — итальянский художник XIII—XIV вв. Речь идет, вероятно, о его картине «Падение мятежных ангелов». *Аббадона* — падший ангел, герой поэмы Клопштока «Мессиада». *Калигула* Гай — римский император (37—41), известный своей жестокостью. *Юлий* — Гай Юлий Цезарь (100—44 до н. э.). *Домициан* — римский император (81—96). *«Ac toro pater...»* — неточная цитата из второй книги «Энеиды» Вергилия («Inde toro pater...»). *Cuvier* — Кювье, французский писатель XVIII века. *Ролен,* учитель Кювье, — Шарль Роллен (1661—1741), французский историк и педагог. *Аттик* Тит Помпоний — друг Цицерона, к которому обращены многие его письма («К Аттику»); крупный финансовый делец, издатель произведений Цицерона.

IV. *Ст. 29. Гейнрих* — германский император Генрих IV (1050—1106), потерпевший поражение в борьбе с римским папой Григорием VII (1073—1085); в январе 1077 года, отлученный от церкви и низложенный, он в замке *Каносса* должен был вымаливать прощение папы. *Ст. 90. Гильдебранд* — папа Григорий VII.

Примечания к IV. *Музеус* Иоганн Карл Август (1735—1787) — немецкий писатель. Его «Сказки» вышли в 1782—1787 гг. *Веньямин Тудельский* (Веннамин бен Иона, XII в.) — путешественник. *Авиценна* — Ибн-Сина Абу Али (980—1037) — философ, врач, естествоиспытатель, поэт Средней Азии. По недостоверным сведениям жил в Испании. *Аверроэс* — Ибн-Рошд (1126—1198) — испанский и арабский философ.

V. *Лютер* Мартин (1483—1546) — основатель лютеранства, деятель Реформации в Германии, положивший начало движению против католической церкви. *Ст. 12. Вормс* — город на юго-западе Германии. В Вормсе на сейме в 1521 г. был подписан так называемый «Вормский эдикт», указ императора Священной Римской империи Карла V, по которому все сочинения Лютера должны были быть сожжены, а сам он был объявлен вне закона и обязан был предстать перед им-

ператорской властью. В силу успехов реформаторского движения эдикт не был осуществлен. *Ст. 15. Страшный жрец семи латинских скал* — папа римский. *Ст. 21. Дон Карлос* (1500—1558) — Карл V, император Священной Римской империи. Боролся с Реформацией. *Ст. 36. Лист* — охранная грамота, выданная Карлом V Лютеру, подобная охранной грамоте, выданной Яну Гусу, когда он был вызван на церковный собор в Констанце; император Сигизмунд нарушил ее, и Гус в 1415 г. был сожжен. *Ст. 45—47. Как древле Аввакума* и т. д. Имеется в виду эпизод из жизни протопопа-старообрядца Аввакума (ок. 1621—1682), в 1666 г. на церковном соборе лишенного сана и преданного анафеме. См. также «Житие протопопа Аввакума», М., 1960. *Ст. 80—82. Никем не видим, словно в том тумане* и т. д. По Библии, при исходе евреев из Египта по воле бога в пустынях Аравии туман защищал от зноя избранный богом народ. *Ст. 85. Бабер-шах* — «Тигр», прозвище Захирэддина-Мохаммеда (1483—1530), «великого могола», падишаха Индии. *Ст. 116. Доминиканец Эк* — Иоганн Экк, противник Лютера на сейме, член монашеского ордена, основанного в начале XIII в. для борьбы с ересями. В Испании доминиканцы ведали инквизицией. *Ст. 158—159. Князь Саксонский, Иоанн* — саксонский курфюрст (1467—1532), один из первых последователей Лютера. *Ст. 160. Гессенский Вильгельм.* Сторонниками Лютера были гессенские ландграфы: Вильгельм II и Филипп Великодушный (1509—1567). *Ст. 162. Изабелла* — королева Кастилии (1474—1504), путем брака с королем Арагона Фердинандом объединившая Испанию. Карл V приходился ей внуком.

VII. *Ст. 8. Резвясь, переворот ужасный вызывали.* Речь идет о французской революции 1789—1794 гг. *Ст. 21. Разврата грубого регентовских времен* и т. д. — т. е. времени управления Францией герцога Орлеанского, регента при малолетнем Людовике XV. *Ст. 22. Времен Людовика, Людовикова деда.* Имеется в виду правление Людовика XIV (1643—1715), деда Людовика XVI (1754—1793), период наивысшего расцвета абсолютизма во Франции. *Ст. 40. Державная Австрийчка* — Мария-Антуанетта (1755—1793), жена Людовика XVI, дочь австрийского императора. *Ст. 42. Пафос* — древнегреческий город на острове Кипр с храмом Афродиты. *Марли, Трианон* — предместья Парижа, где расположены королевские загородные дворцы. *Ст. 43. Дора* Клод-Жозеф (1734—1780) — французский поэт. *Бернар* (ок. 1756—1833) — французский писатель. *Сенламбер* Жан-Франсуа (1716—1803) — французский поэт и философ. *Ст. 47. Лан* — город на севере Франции. *Ст. 48. Робеспьер* Максимильен (1758—1794) — деятель французской революции 1789—1794 гг., глава якобинской диктатуры, казненный 28 июля 1794 г. термидорианцами. *Ст. 92—95. Но вот Жиронды час настал* и т. д. В 1792 г. жирондисты пришли к власти; они были против углубления революции, и в результате выступления народных масс Парижа 31 мая — 2 июня власть перешла к якобинцам. Лидеры жирондистов — Пьер *Вернье* (1753—1793), Жанна Ролан и др. — были казнены. *Барбару* Шарль (1767—1794) — один из лидеров жирондистов. *Роланова жена* — Ролан Манон-Жанна (1754—1793), деятельница партии жирондистов, жена Жана-Мари Ролана (1734—1793). *Ст. 96. И дева дивная, чудесная, она* и т. д. — Шарлотта Корде (1768—1793), близкая к жирондистам, 13 июля 1793 года убившая вождя якобинцев Жана-Поля Марата

(1743—1793). Как и многие другие декабристы, К. был ближе по своим взглядам к жирондистам, чем к якобинцам. Он решительно не принимал политику террора, чем объясняется резкая и несправедливая характеристика Марата, Робеспьера и других вождей якобинцев. *Ст. 101. «К отечеству любовь...»* и т. д. Изложение речей Марата и статей в его газете «Ami du peuple», в которых идет речь о необходимости террора для упрочения революции. *Ст. 108. До мужа грозного: он черным преступленьем* и т. д. Речь идет о Жорже-Жаке Дантоне (1759—1794), якобинце, организаторе обороны Франции. Дантон выступал за примирение жирондистов с якобинцами; 5 апреля 1794 г. был казнен по приговору революционного трибунала. *Черное преступление* — по-видимому, обвинение Дантона во взяточничестве, растратах и организации убийств роялистов. *Ст. 127. Демулен* Камилл (1760—1794) — деятель французской революции, журналист, представитель в Конвенте партии монтаньяров. Выступал против якобинской диктатуры и террора и был казнен 5 апреля 1794 г. по приговору революционного трибунала. *Ст. 134. «Кто ж эти чудеса творил?..»* и т. д. Речь идет о Робеспьере. *Нант* — город на западе Франции, на реке Луаре. *Ст. 157. Карье* — якобинец, действовавший в Нанте, организатор расправы над враждебными революции священнослужителями. *Ст. 181. Тальэн* Жан-Ламбер (1769—1820) — деятель французской революции 1789—1794 гг., один из организаторов контрреволюционного переворота термидорианцев 27 июля 1794 г. *Ст. 199. Верес* — Веррес Кай (I в. до н. э.), римский всадник, правитель Сицилии, известный своим взяточничеством и мошенничествами. *Ст. 201. Катон* Марк Порций (95—46 до н. э.) — народный трибун, честный и неподкупный республиканец. *Ст. 322. Фигаро* — герой комедий Бомарше «Севильский цирюльник» (1775) и «Женитьба Фигаро» (1784). *Ст. 364. Йорк* — герцогский титул членов королевского семейства в Англии. *Питт* Уильям Младший (1759—1806) — английский государственный деятель, лидер партии вигов, премьер-министр, организатор коалиции европейских государств против революционной Франции.

Окончательный отрывок. *Ст. 30. Пальмира* — древний город в оазисе Сирийской пустыни, в I—III вв. столица государства Пальмирена, включавшего Сирию и Египет. *Полуночная Пальмира* — Петербург.

Примечания к Окончательному отрывку. *«Услышати же имати брани...»* и т. д. — цитата из Библии (см. Еванг. от Матф., гл. 24, 6).

ДРАМЫ

3. Отдельное изд., СПб., 1825. В ЦГИАЛ хранится дело «О неприятии к театру пьесы „Шекспировы духи“» (2 ноября 1825 г. — 5 января 1826 г., частично опубл. в ст. Э. Найдича «Новое о трагедии Кюхельбекера „Аргивяне“». — ЛН, с. 517—530). Дело состоит из трех документов: первый — заявление от 2 ноября 1825 г. актера Василия Каратыгина в контору Дирекции императорских театров: «Полученную мною от г. Кюхельбекера сочиненную им пьесу «Шекспировы духи» по просьбе автора при сем честь имею пред-

ставить в контору Дирекции императорских театров и по желанию автора покорнейше прошу означенную пьесу принять на существующем постановлении». Второй — записка директора театров Остолопова от 18 ноября в Комитет Главной дирекции, в которой он испрашивает разрешения возвратить пьесу автору ввиду ее художественной слабости: «По внимательном рассмотрении сей пьесы я нашел, что хотя оная и имеет несколько отрывков романтической поэзии, довольно хорошо писанных, — но весь сюжет комедии слишком слаб, чтобы выдержать представление на сцене, — да и по самому предисловию автора видно, что он сочинял оную для домашних театров и предполагал, что главные действующие лица будут играны детьми». Далее следует изложение сюжета комедии. Третий документ — заключение Комитета Главной дирекции от 5 января 1826 г., который согласился с мнением Остолопова. В тетради ЛБ имеются два стихотворения, свидетельствующие о том, что комедия, по-видимому тогда же, в 1825 г., была поставлена силами семейства Глинок на домашнем театре сестры поэта, Юстины Карловны Глинки:

В альбом Анжелики В . . . . ь от имени Наташи Г<линки>, которая когда-то в комедии «Шекспировы духи» представляла Оберона

Ты знаешь, милая моя,
Была по прихоти поэта
Когда-то Обероном я;
В порфиру я была одета,
На голову мою венец
Взложил затейливый певец,
Сказал: «Ты царь страны воздушной,
И вот народ тебе послушный,
Народ бесчисленных духов!»
Что ж? после этих громких слов,
Чуть занавесь опять спустилась,
Я вновь Наташей очутилась;
И признаюся не тая,
Довольна переменой я.

Но мне на час бы не мешало
Быть Обероном, милый друг.
Тогда мне стоило бы мало
К тебе моих приставить слуг:
Они бы жизнь твою хранили,
От бурь бы берегли ее
И чашу радостей излили
На всё течение твое.
Да что ж сказала бы Титанья?
Не помогли бы оправданья.
Взбесил бы Оберон ея:
Она причудливого нрава;
И, не ручаюсь за себя,
Царица фей была бы пра́ва:
Влюбился б Оберон в тебя.

В тот же альбом от имени Саши Г<линки> в роли Ариэля в той же комедии

«Владыко грозный и великий! —
Вещал бы Ариэль царю. —
Да буду стражей Анжелики!
За помощь же благодарю;
Но верь, — могущий мой властитель,
Мне помощь братьев не нужна:
Душа усердия полна,
Усердный буду ей служитель.
Занятий много у духов:
Пусть расстилают ткань лугов,
Пусть охраняют холм и долы,
Леса, утес и берег голый,
Пусть будят спящий ветерок,

Пусть наряжают в багряницу
И в злато и в сребро денницу,
Или же в темный ручеек,
С высот воздушных льют прохладу
Небесной шумною рекой,
Живят в тяжелый летний зной
Больную, скорбную наяду...
Не мне ль ты обещал награду,
Не я ли раб вернейший твой?
Владыко грозный и великий,
Да буду стражем Анжелики:
Награды не хочу другой».

Предисловие. *Английский Эсхил* — Шекспир. *Аристофан* (ок. 446—385 до н. э.) — древнегреческий поэт. *«Облака», «Лягушки», «Птицы»* — комедии Аристофана (423, 405, 414 гг.). *Оберон* и *Титания* — герои комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и фантастической поэмы Виланда «Оберон» (1780). *Виланд* Кристоф Мартин (1733—1813) — немецкий поэт и прозаик. *«Ты тот хитрый, затейливый дух...»* и т. д. Слова Феи из 1 явл. III действия комедии «Сон в летнюю ночь» Шекспира. *«Так точно: нередко шуткам моим...»* и т. д., *«Вкруг земли обтяну пояс...»* — слова Пука из того же явления. *Волшебник Просперо* — герой драмы Шекспира «Буря». *Венера* Камоэнса — действующее лицо «Лузиад» и др. произведений Камоэнса. *Парацельс* Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм (1493—1541) — немецкий врач и естествоиспытатель. *Яков Бемен* (1575—1624) — Якоб Беме, немецкий философ-мистик, астролог и алхимик. *Граф Габалис* — персонаж сочинений аббата Виллара (1635—1673) «Le comte de Gabalis» (1670) и «Entretiens du comte de Gabalis sur les sciences», в которых излагается в шутливой форме учение каббалистов. *Маттисон* Фридрих (1761—1831) — немецкий поэт. К. перевел его стих. «Die Elementargeister», состоящее из четырех частей: «Sylphen», «Ondinen», «Salamander», «Gnomen».

Действие I. Явление 1. *Они Кальёстровым являлися очам.* Граф Александр Калиостро (1743—1795) — мистик, чародей-шарла-

тан. Явление 3. *Вольтеры* — здесь: вольнодумцы. Явление 4. *Барон* — А. А. Дельвиг. *Лев Савельевич* — Лев Сергеевич Пушкин. Явление 5. *Даришь ослиными ушами* и т. д. — эпизоды из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Действие II. Явление 7. *Велю рабам своим крылатым* и т. д. — эпизоды из поэмы Виланда «Оберон» и комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь».

4. М, 1824, ч. 2, с. 1 («Пролог» 2-й ред.); СП, 1825, №№ 6 и 7 (отрывки 2-й ред.); СО, 1838, т. 4, июль («Междудействие из III д.», 1-я ред.); С (отрывки 2-й ред.); СС2 (2-я ред.); ЛН в статье Э. Найдича (отрывки 1-й ред). Печ. впервые полностью по авторизованной копии ГПБ. Авторизованный список и черновые автографы отрывков 2-й ред. — ПД (см. Др. ред.). Трагедия была написана К. в 1822—1823 гг. 24 января 1823 г. Е. А. Энгельгардт отвечал на письмо К., в котором тот спрашивал совета, можно ли посвятить трагедию Александру I: «Пришли мне свой opus, и я тебе, по старой привычке, откровенно скажу: можно ли и нужно ли посвятить оный государю. Тогда, то есть ежели посвящать, предстоит еще другой смотр: никакое сочинение не может быть посвящено государю иначе, как по рассмотрении оного предварительно в комитете, для сего при министерстве народного просвещения утвержденном, которое должно произнести: достойно ли оно того или нет. Итак, на всякий случай, пришли дитя свое сюда, а там увидим» (РС, 1875, т. 13, июль, с. 363). В январе 1823 г. К. посылает трагедию в Петербург на имя сестры Ульяны, которая, по-видимому, передает ее Энгельгардту или Дельвигу. 14 февраля К. спрашивает своего лицейского товарища Комовского: «Получили ли вы в Петербурге мою трагедию и что об ней говорит Дельвиг? Напиши мне это! Сделай милость!» (Г., с. 85—86). 12 июня, ознакомившись с текстом, Энгельгардт пишет о трагедии развернутый отзыв: «Твоих «Аргивян» я получил и просмотрел их *прозаически,* ибо о пиэтическом их достоинстве судить не мое дело. Итак, как прозаик, как друг твой и как человек, прошедший через горькую школу опыта, скажу тебе: «Аргивян» ныне *тебе* печатать нельзя. С тем сильным предубеждением, какое против тебя имеют, и самое невинное сделали бы виною, преступлением. А в «Аргивянах» есть множество мест, мыслей, выражений, из коих могут извлечь яд, чтобы тебя отравить, погубить. Я передал все Гнедичу и Жуковскому, они, кажется, к тебе хорошо и искренне расположены; они вместе, внимательно прочитают твое сочинение и произнесут приговор решительный. На будущей неделе я с обоими увижусь; вероятно, они сами к тебе напишут и чрез меня доставят ответ свой к тебе. Если они найдут пьесу хорошею, как стихотворцы, то, может быть, найдется какая-нибудь возможность напечатать и без имени; но и это опасно, ибо еще ни один писатель не успел в том, чтобы остаться незнаемым. Вернее оставить ее на время, до прояснения неба твоего, в portefeuille <портфеле. — франц.> — просмотреть, пересмотреть, очистить и, при благоприятных обстоятельствах, пустить в свет» (РС, 1875, т. 13, с. 370—371). Отзывов о трагедии Дельвига, Пушкина, Жуковского мы не знаем; известно лишь, что Дельвигу казались затянутыми хоры в первых двух действиях первой редакции. Пушкин постоянно интересовался работой друга над «Тимолеоном», впослед-

ствии взял строки из «Аргивян» эпиграфом к III главе «Арапа Петра Великого», а в набросках предисловия к «Борису Годунову» указывал на К. как на своего предшественника в написании трагедии пятистопным ямбом. В 1824 г. поэт принялся за кардинальную переделку трагедии. Были написаны «Пролог» и четыре действия (4-е окончено 5 апреля 1825 г.); видимо, работа завершена не была.

Эпиграф, взятый К. из трагедии Эсхила «Агамемнон» (трилогия «Орестея»), — слова хора о Кассандре накануне ее гибели, которыми хор сопровождает отчаянные вопли-прорицания Кассандры: «Наверное, она пророчествует о собственных несчастиях. И в рабстве не изменит божественный дар прорицания!» По смыслу связан с той ролью, которую К. отводит в трагедии хору пленных аргивян.

Действующие лица. *Тимофан* — коринфский полководец, в 365 г. до н. э. установивший в Коринфе диктатуру. Был убит республиканцами. *Тимолеон* (ок. 411—336 до н. э.) — коринфский полководец, возглавил заговор против брата Тимофана, ставшего тираном.

Замечания. *Аргивяне* — уроженцы Аргоса (Арголиды), государства, в течение IV в. до н. э. многократно воевавшего с Коринфом, Спартой и другими государствами Древней Греции. *«Эвмениды»* и *«Хоэфоры»* — третья и вторая трагедии трилогии «Орестея» Эсхила. *«Финикиянки»* — трагедия Еврипида (ок. 480—406 до н. э.). *Аполлократ, Гиппарин, Низей* — правители Сиракуз, тираны. *Дионисий* — сиракузский тиран (406—367 до н. э.). *Платон* — см. примеч. 2. *Периандр* — коринфский тиран (627—585 до н. э.). *Элевсинские таинства* (мистерии) — в Древней Греции обряд осенних празднеств, связанный с представлением об умирании и возрождении живой природы и надеждой древних греков на воскрешение мертвых. *Фокидяне* — жители Фокиды, области в Средней Греции. *Филипп* — Филипп II Македонский (ок. 382—336 до н. э.), царь Македонии, отец Александра Македонского. *Амилькар* и *Аздрубал* — карфагенские полководцы, войска которых Тимолеон разбил в Сицилии на реке Кремес (у Плутарха — Кримис) во время восьмилетней борьбы за освобождение греческой Сицилии (с 347 по 340 г. до н. э.). *Магон* — карфагенский полководец, вторгшийся с войском в Сицилию для поддержки тирании, но испугавшийся Тимолеона и вернувшийся в Африку. Замечание К. 55 — строки из «Энеиды» Вергилия, кн. 2, ст. 721—725. *Кипсел* — коринфский тиран (657—627 до н. э.), отец Периандра.

Действие I. Явление 3. *Из Азии потомки Пелопса* и т. д. Речь идет о греко-персидских войнах (V в. до н. э.), закончившихся блестящими победами греческих войск. Потомки Пелопса — потомки мифического героя Пелопса; здесь: греки. *Сии богатства* — добыча, с которой вернулось из Херсонеса войско Мильтиада. *Кир* — персидский царевич Кир младший, сын Дария II, койран (владыка) Малой Азии. *Сарды* — город в Малой Азии, входящий в состав Персидского государства; в 400 г. до н. э. город Сарды и другие города Малой Азии были освобождены греческим отрядом под предводительством Ксенофонта, историка, автора «Греческой истории». *Лизандр* — Лисандр, спартанский полководец V—IV вв. до н. э. *Агезила́й* — Агесилай, спартанский полководец и царь IV в. до н. э. *Царю царей погибелью грозили.* Речь идет о войнах против Персии, которые успешно вели в Малой Азии греки под предводительством Лисандра и Аге-

силая в конце V — начале IV в. до н. э. По словам греческих историков, добыча греков в этих войнах была настолько велика, что ее приходилось отдавать на хранение в храм Артемиды Эфесской. *Мильтияд просил венка* и т. д. Речь идет о полководце Мильтиаде, в 490 г. до н. э. разгромившем персов в Марафонской битве. *На Истме в громкий праздник Посейдона. Истм* — Истмийский или Коринфский перешеек, где каждые два года устраивались Истмийские игры в честь бога Посейдона. *Дион* (408—354 до н. э.) — сиракузянин, боровшийся с тираном Дионисием. О сиракузских (тринакрийских) междоусобиях см. «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. *Калипп* — предатель-афинянин, убийца Диона, взявшего в 355 г. Сиракузы для уничтожения в городе тирании. *Нумидец* — житель Нумидии, государства в Северной Африке.

Действие II. Явление 2. *Маин мудрый сын* — Гермес.

Действие III. Явление 5. *Так Фемистокл изменою притворной* и т. д. Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), вождь греческого флота, в 480 г. до н. э. одержал победу над персами у о. Саламин. Рассказ о том, как накануне сражения Фемистокл послал к персидскому царю Ксерксу раба с известием о мнимом сочувствии Фемистокла персам и о мнимом унынии и разброде среди греческого войска, содержится у Геродота в «Истории греко-персидских войн» (см. также замечание К. 33).

Междудействие. *Велит герою быть вождем* и т. д. Здесь и далее К. в своих замечаниях отсылает читателя к «Сравнительным жизнеописаниям» Плутарха, где рассказывается о том, что Тимолеон, давно отошедший от государственных дел, был назначен вождем коринфского войска, идущего на помощь угнетаемым тираном Дионисием Сиракузам, — по предложению человека «из простого народа», что было «наитием свыше». Перед отплытием войска жрицы Персефоны увидели сон, что с Тимолеоном поплывут богини Персефона и Деметра. Тимолеон отправился в Дельфы принести жертвы Аполлону, и там ему было знамение: со стены на его голову упала повязка с изображением венков и богини победы Ники. Тимолеон разгромил войска карфагенян, вторгшихся в Сиракузы, и освободил Сицилию. Состарившийся и ослепший за время войны, он не вернулся в Коринф и умер в 336 г. до н. э. в Сиракузах, где было принято решение на вечные времена чтить его память «мусическими, конными и гимнастическими состязаниями». *С твоими тьмами, Амилькар* и т. д. Тимолеон в 340 г. до н. э. отразил нападение карфагенян и освободил от власти тиранов Сиракузы и другие греческие города. *Вотще исшел в позорный плен* и т. д. В 356 г. до н. э. сиракузский тиран Дионисий бежал в Италию, в 346 г. до н. э. вновь захватил власть в Сиракузах, был свергнут с помощью Тимолеона и как частное лицо перевезен в Коринф, где, опустившийся и нищий, проводил время на торговой площади города.

Действие IV. Явление 2. *Так из Пергама исходил Эней* и т. д. Об Энее, троянском герое, и его жене Креузе рассказывается в «Энеиде» Вергилия.

5. СО, 1827, № 1, с. 91, ценз. разреш. 15 декабря 1826 (отрывки); П (отрывки); отд. изд. — СПб., 1835 (ч. I—II). Печ. по: ч. I—II — СС2, с. 63, где напечатано с учетом авторской правки на полях и

в тексте экземпляра изд. 1835 г. (ЛБ); ч. III — СС2, с. 185. Автографы отрывков — ЦГАОРСС («Песнь ямщика»), ПДЗ («Ружье (Песня греческого клефта)», «Притча о блудном сыне» и «Новый Эдип»). Автограф и списки отрывков ч. I — ГПБ. Список ч. III и предисловия ко 2-му изданию — ЦГАЛИ. Мистерия была начата К. в 1826 г.; в конце 1820-х годов он читал ее своим динабургским друзьям. Поляк Ф. Э. Скржидлевский пишет К.: «Щастного теперь читаю в Подснежнике: где вот 3 сцены Ижор<ского> — только, мне кажется, что-то пропущено, н<а> п<ример>:

Домовые

. . . .

Звон услышали — слетелись.

И все об домовых». 18 ноября 1830 г. К. послал Дельвигу первую часть «Ижорского». 20 октября 1830 г. он просит Пушкина: «Сделай, друг, милость, напиши мне: удался ли мой Ижорский или нет? У меня нет здесь судей: Манасеин уехал, да и судить-то ему не под стать, Шишков мог бы, да также уехал: а в бытность свою здесь слишком был измучен всем тем, что деялось с ним». 19 июля 1831 г. А. С. Пушкин писал М. Л. Яковлеву: «У Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же Ижорский. . . не может ли это все Софья Михайловна оставить у тебя. Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать». 27 мая 1832 г. Пушкин сообщает Бенкендорфу: «Девица Кюхельбекер <Юлия Карловна, сестра поэта. — *Н. К.*> просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого недостаточно, а необходимо разрешение Вашего превосходительства. Осмелюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому». Разрешение было дано, и летом 1833 г. рукопись «Ижорского» готовится к печати. Цензор В. Н. Семенов пишет А. С. Пушкину 15 июня 1833 г.: «Имею честь препроводить к Вам просмотренные и приготовленные для печати 2 первые части «Ижорского»; я сделал в них три или четыре бездельные перемены <Напр., исключение отрывка из ч. I. См. Др. ред.>. Если 3-я часть у меня в деревне не найдется, то по возвращении моем в С. П.-бург я буду просить Вас о доставлении мне другого списка оной». Но 3-ю часть сам К., видимо, еще не считал завершенной. О начале работы над нею К. сообщает в письмах декабря 1833 г.: «В последнем письме своем к Николаю извещаю тебя, что я начал третью часть мистерии. Первое явление готово, бьюсь только над романсом вроде тех, какие находятся в начале Шиллерова Вильгельма Телля: этот романс — песня рыбаков, — вот тебе образчик: Смолкли бури. . . <до строки: «Легкий челн. . .» — *Н. К.*> Поверишь ли, что этот вздор чрезвычайно труден, а именно потому, что тут нет и не может быть вдохновения. Сверх того опасность впасть в тон плоский, ребяческий! Когда-нибудь сообщу тебе первое явление». По-видимому, узнав, что первые две части «Ижорского» наконец выходят в свет, в мае

1835 г. поэт просит племянника Б. Г. Глинку на последней странице печатаемого сочинения добавить примечание издателя: «Окончание сей второй части заставляет нас полагать, что за нею последует третья». Однако работа над окончанием мистерии была задержана событиями, связанными с освобождением поэта из крепости, и тяжелыми условиями жизни в Сибири. 18 декабря 1840 г. он записывает в дневник: «Хотел было продолжать «Ижорского», но еще не было творческого электрического удара, а просто обдумать план не мое дело: все, что я когда-нибудь обдумывал зрело и здраво, лопало и не оставляло по себе ни следа». 22 декабря 1840 г.: «Сочинять хотел, да что-то не клеилось: причина, вероятно, слишком трудный размер, который выбрал я для сказки Зосимы в своем „Ижорском“». 23 февраля 1841 г.: «Вчера я кончил второй акт последней части «Ижорского»; теперь еще акт — и расстанусь с созданием, которое занимает меня 16-й год. Жаль! — какая мысль заменит эту, с которой я так свыкся?» О напечатании 3-й части «Ижорского» К. просит В. А. Жуковского в своем последнем предсмертном письме 1846 г.

Изд. 1835 г. К. предпослал следующее предисловие: «Если сочинение лишено внутреннего достоинства, самые красноречивые предисловия не доставят ему благосклонности читателей. Однако же при попытках, которые в какой-нибудь словесности еще новы и противоречат общепринятым правилам или предрассудкам, нельзя осудить писателя, когда он постарается указать публике ту точку зрения, с коей смотрел на предмет свой. Вот почему мы позволим себе поговорить о том, что всего более покажется странным в сей 1-й части нашей мистерии тем, которые знакомы с романтическою драмою по одному, может быть, Шекспиру и последователям его, Шиллеру и Гете. Наш «Ижорский» создан не по сим образцам, а более по примеру бесхитростных аллегорических игрищ Ганса Сакса, Братий страстей господних (Frères de la Passion), английских менестрелей, немецких мейстерзингеров и, если угодно охотникам до имен более громких, Кальдероновых *Sacramentales*. Об этом-то именно и желали мы намекнуть, назвав поэму свою *мистериею* и разделив ее не на пять, а на три действия, или хорнады, как обыкновенно испанцы разделяют свои драматические творения.

В старинных мистериях, равно как и в произведениях живописи XIII и XIV веков, нередко случается, что глазам зрителей на одном и том же плане представляется двоякая или даже трoякая сцена, например небо, земля и ад. Следы сего обыкновения еще находим в известном начерке (esquisse) [1] кисти Рубенса, представляющем Страшный суд, и в славном Рафаелевом Преображении. И мы подобную вольность позволили себе и, что всего хуже, — при самом начале, т. е. в 1-м явлении нашей мистерии. Признаемся, мы тем хотели несколько озадачить гг. защитников трех единств: человека, который до того мог забыть главнейшие сценические законы, без сомнения, они не удостоят классической критики, а пожав плечами . . .станут читать далее единственно для того, чтобы отыскивать новые причины к пожиманию плечами. Впрочем, чего же и ожидать

---

[1] Этого начерка существуют два экземпляра: один в бóльшем виде в Мюнхенской, прежде бывшей Дюссельдорфской, а другой, уменьшенный, в Дрезденской галерее.

порядочного от произведения, в котором действуют кикиморы, шишиморы, русалки и проч.

Заметим, однако же, для любителей литературы классической, что она оказала свое могущественное влияние и на нас грешных. В Аристофановых хорах и даже в монологах и диалогах действующих лиц его комедий много выходок, в которых он прямо говорит публике, в которых найдутся насмешки и над современными ему писателями и героев над самими собою и даже над искусством драматическим. За оные выходки его весьма справедливо осуждал некто профессор элоквенции при афинском университете: «Они-де, — говорил сей преострый муж, достойный многих хвал, — они-де разрушают сценическое очарование и напоминают почтенным афинским гражданам, присутствующим при лицедействиях, что перед ними не Бакхус, не Демос, не облака и не лягушки, а Карп, Сидор, крашеный холст и статисты. В противном же случае его превосходительство г. Архонт, их высокородия господа пританы и прочие точно были бы уверены, что видят самого Бакхуса, самого Демоса и проч. probandum erat и в чем уповательно никто не сомневается. . .» Мы не из числа неверующих. Но, как уж нам верно суждено было судьбою собрать вкупе и соединить все ошибки и промахи наших предшественников, мы обрадовались сей погрешности невежи Аристофана и ею воспользовались.

Но оставим г. профессора элоквенции и его собратию; обратимся к любезным нашим читателям. Ныне при общем движении в литературах всех языков европейских, при движении, которое обнадеживает всякого, следующего мыслию за ходом века своего, что бо́льшая народность, бо́льшая живость, бо́льшая соответственность современным понятиям будут плодами оного, ныне, кажется, можно было бы воскресить и мистерии, род драматической поэзии, по нашему мнению не заслуживающий совершенного забвения. Шекспир, без сомнения, величайший из романтиков; но Сервантес, Лопе де Вега, Кальдерон, Морето, самый Ганс Сакс — мужи, которые имеют неоспоримые, великие права на тщательное изучение стихотворцев нашего поколения. Есть истины, или забытые, или слишком мало еще оцененные, истины, которые весьма бы желательно представить в разительном виде не только уму, но, так сказать, самым очам людей мыслящих; а сего достигнуть иначе нельзя, как посредством формы драматической. Вот чего желали первые сочинители мистерий; вот к чему стремились и мы при сочинении «Ижорского». Одна главная мысль господствует в нашей драме: эта мысль уже изложена в сей первой части, а во второй будет развита еще более. Недоумение читателей насчет этой основной мысли — вот единственная критика, к которой мы были бы чувствительны. Высказать здесь мысль сию было бы лишним: ибо если сами читатели ее не отгадают, мы труд свой должны считать неудавшимся.

Нам остается еще отвечать на возражение, которое нам, вероятно, сделали бы критики другой школы, совершенно противной той, о коей выше намекали. «Цель поэзии сама поэзия», скажут они по словам Шлегеля: «Итак, не значит ли унижать сие высокое искусство, когда употребишь его средством для доказательства какой-нибудь отдельной, частной истины; когда, так сказать, разжалуешь Поэзию в служанки Нравоучения?» — Без всякого сомнения. Но есть

в нравоучении, как и во всех других науках, истины поэтические. Почему же не разработать, не развить их поэтически? Почему же не создать из них нового, поэтического мира? Во всей вселенной — гармония: нет предмета отвлеченного, которому бы не соответствовал чувственный; нет духа, который бы не отражался в каком-нибудь теле; нет мысли, которая бы не проявлялась в образе поэтическом. Найти сей образ не значит покорить его мысли; представить его зрителям так, чтобы они уразумели, чему он соответствует, не значит употребить его единственно средством к достижению цели непоэтической. Его унизишь только тогда, когда он будет служить одним украшением, одною одеждою к прикрытию наготы сухой истины, как, например, в поэзии дидактической. Скажем более: без главной, основной мысли (идеи), все соединяющей, все связывающей, все оживляющей, поэма, какая бы ни была, — тело без души, которого удел безобразие и разрушение.

Объяснившись, во-первых, насчет разряда поэтических произведений, к которому желаем, чтобы причислили нашего «Ижорского», и, во-вторых, насчет того, к чему стремились мы в сей мистерии, не излишним считаем сказать несколько слов о способе изложения, коего держались мы, и о характере употребленных нами существ мифологических.

По предначертанию нашему, поступки самого героя и окружающих его лиц, равно и все случающееся с ним, служит единственно к раскрытию его наклонностей. По сему самому бо́льшая часть сих действий и событий происходит за сценою; зрителям же гораздо чаще представляются перемены, произведенные ими в Ижорском, нежели сами они. Мистерия «Ижорский» в этом отношении составляет совершенно противоположный полюс Шекспировым комедиям и комедиям испанцев (Comedias de capa y espada); там по происшествиям догадываешься о чувствах лиц действующих, здесь чувства Ижорского поясняют происшествия и пророчат его действия. По лирическому духу, преобладающему как в мистериях, так и вообще во всех других родах драматической поэзии, близких к первоначальным стадиям оной, мы по необходимости и в своей драме, составленной по образцу их, должны были отказаться от разительных действий и событий перед самыми глазами зрителей.

Мифологических существ, составляющих в нашей драме чудесное или, по словам Вальтера Скотта, *волшебное*[1], много; но мы, воспользовавшись ими, хотели указать на богатство, которое поэту представляет романтическая мифология вообще, а русская в особенности. В драме, которой действие происходит в XIX столетии, мы употребили их не без иронического намерения. Какое это намерение, надеемся, легко увидит всякий, наблюдавший с некоторым вниманием век наш. Бо́льшей части сих мифологических пружин мы старались присвоить нечто народное, русское. Таким же образом мы поступили и с ямщиком, колдуном и семейством крестьянина Богдана. Лица высшего круга — европейцы; однако же и в их образе мыслей, поступках и словах найдутся оттенки, обозначающие русский народный характер, степень быта гражданского, образованности и

---

[1] См. «Сын отечества» на 1829, № 0.

просвещения, на которой находимся, привычек и причуд, нам преимущественно свойственных.

Спешим окончить наше предисловие, дабы оно не показалось слишком длинным и важным для произведения столь ничтожного, каким «Ижорский» наш многим покажется». Предполагая издать «Ижорского» в трех частях, К. начал работу над новым вариантом предисловия:

«В этом издании прибавлена к первым двум частям мистерии Ижорского третья, которая одна только может приобресть этой мистической драме право называться созданием художественным, во всех подробностях оконченным и для читателя разгаданным. Вот почему автор считает себя обязанным написать и новое предисловие к сочинению, которое теперь совсем иное, нежели было в отрывочном виде первого издания. Конечно, в конце второй части были уже намеки того, чего желает автор, как хочет, чтобы читатель понимал его мистерию. Но что такое намеки в сравнении с целою драмою, успокаивающею душу, вселяющею в нее (по крайней мере именно о том молился поэт) твердое упование на милосердие божие и на чудотворную силу креста Христова, пред ним же исчезоша яко дым все врази господни. Автор дерзает думать, что его мистерия *теперь* хоть несколько заслуживает название сочинения религиозного, чего хотел поэт в своем «Ижорском». Что такое Ижорский в первой части мистерии, что такое во второй, что, наконец, в третьей? Чего хотел поэт, окажется, когда дадим ответ на последние три вопроса. В первой части Ижорский — человек *естественный* (не в том смысле, в котором Жан-Жак понимал это слово, — его естественный человек, счастливый полузверь, чуть ли не ползущий на четвереньках, прямо человек неестественный и невозможный). Ижорский, повторяю, человек естественный, то есть естества падшего, и, если постоянно будет следовать внушениям этого естества, т. е. не одним увлечениям страстей, но даже и с первого взгляду безвредным и неважным прихотям, он погибнет непременно. Как всякий естественный человек, он самонадеян, заносчив и горд. Ему около 30 лет; он натура мощная, но до крайности раздражительная, душа его требует не наслаждения — он пресытился наслаждениями, но сильных, почти болезненных потрясений, как гортань и желудок старого горького пьяницы просят не шампанского, а полыньковой настойки и еще с перцем. Где найти здесь на земле этих полуадских восторгов? Сам Ижорский говорит, что он все успел узнать наслаждения и страдания, и сладострастный трепет при близости смерти в рукопашном бешеном бою, и этот же трепет, столь же гибельный, в объятиях любви и неги и ненависти с ее горькими внушениями, — и то мщение, которое Гомер называет напитком богов, — и даже, кто бы тому поверил? — привлекательные для него своей новизной терзания и муки совести — все это он испытал несколько раз, все перечувствовал, все это для него стало знакомым, — стало быть, вялым, — стало быть, ему опротивело. Между тем ему не более тридцати лет: он еще полон жизни и желаний; его ветхий человек без умолку вопиет: «Еще! еще! но только нового — незнакомого мне, пусть оно будет горько, как желчь преисподней, но вместе пусть кружит голову всеми восторгами магометанского рая! Не надо мне отварной во-

ды! я ее выплюну, выблюю!» Вот какой Ижорский в первой части по своим необузданным желаниям; ему приходит в голову мысль о самоубийстве, он отворачивается от нее, как от глупого ребячества. «Нет! жить я хочу, выжать последний сок, какой может дать земная жизнь! А там!..» Людей Ижорский от всей души презирает, но еще не ненавидит...».

Далее, по-видимому, должны были следовать разъяснения эволюции Ижорского во 2-й и 3-й частях мистерии. Одним из вариантов предисловия К. к мистерии «Ижорский» может быть названо «Рассуждение о Юморе», записанное им в дневнике 8 февраля 1832 г.: «Что такое Humour? — Понятия, не совершенно ясные, всего лучше определяются отрицаниями; итак: Humour не есть просто насмешливость, не есть одно остроумие, не есть vis comica без всякой примеси; Humour не выражается исключительно ни сатирою, ни иронией; насмешник, остряк, комик холодны, их обязанность, ремесло их — устраняться, избегать чувства; сатирик-саркастик ограничивается чувством гнева, негодования. Юморист, напротив, доступен для всех возможных чувств, но он не раб их, не они им, он ими властвует, он играет ими, — вот чем он с другой стороны отличается от элегика и лирика, совершенно увлекаемых, порабощенных чувством; юморист забавляется чувствами и даже над чувствами, но не так, как чернь забавляется над теми, над которыми с грубою и для самой себя неприятною надменностию воображает превосходство свое; но как добрый старик забавляется детьми или как иногда в дружеском кругу трунишь над небольшою слабостию приятеля, которого любишь и уважаешь. Юморист вовсе не пугается мгновенного порыва, напротив, он охотно за ним следует, только не теряет из глаз своей над ним власти, своей самобытности, личной свободы. Humour может входить во все роды поэзии: самая трагедия не исключает его; он даже может служить началом, стихиею трагической басни: в доказательство приведу Гетева «Фауста» и столь худо понятого нашими критиками «Ижорского»; «Ижорский» весь основан на юморе: автор смотрит и на героя своего, и на событие, которое изображает, и на самые средства, которыми оное изображается (чего никак не вобьешь в премудрые головы наших аристархов), как на игру, — и только смысл игры сей для него истинно важен; вот отчего во всей этой мистерии, от первого стиха до последнего, господствует равнодушие к самому искусству и условным законам его: поэт не боится разочаровать читателя, потому что не хотел и не думал его очаровывать; анахронизм его чудесного <1 слово неразборч.> (в котором упрекнул его какой-то критик С<ына> от<ечества>) основан именно на том же юморе, на коем основаны и весь план поэмы — и каждая сцена в особенности».

Часть I

Действие I. Явление 1. *Ст. 147. Туранский див, Арслан.* Туран — Турция, о туранских дивах см. «Шах-наме» Фирдоуси. *Ст. 188. Демут* — название петербургской гостиницы. Явление 2. *Ст. 8. Антипки.* «Беспятыми Антипками называются в некоторых у нас сказках мертвецы, вампиры» (примеч. К. в изд. 1835 г.) Явление 3. *Ст. 25. Лара* — герой произведения Байрона. *Ст. 59. Леониды* — нарицательное от имени спартанского царя V в. до н. э. Леонида, погибшего со своим отрядом при защите от персов Фермопиль-

ского ущелья в 480 г. до н. э. *Ст. 69. Как молод он, как пламенен, как свеж!* Ср. строку из «Цыган» А. С. Пушкина: «Как он молод и свеж. . .».

Действие II. Явление 1. *Ст. 52. «Беспристрастный»* — возможно, название возникло по аналогии с названием издававшегося в Петербурге при Министерстве иностранных дел журнала «Conservateur Impartial» <«Беспристрастный блюститель»>, где в 1817 году печатался К. *Ст. 94. Аристид* (ок. 540—467 до н. э.) — афинский политический деятель. *Ст. 105. Дамон* и *Пифиас* — два пифагорейца из Сиракуз, образец истинной дружбы. Явление 2. *Ст. 10. Селадон* — герой романа французского писателя О. д'Юрфе «Астрея» (1609—1625). Имя стало нарицательным для обозначения чувствительного или назойливого влюбленного. *Ст. 30. Гяур, Конрад* — герои Байрона. Явление 3. *Ст. 67. Платон премудрую систему сочинил!* «Мнение о первобытно-двуполой природе человека обыкновенно считают настоящим Платоновым; между тем в Симпозионе (в *Разговоре о различных родах любви за столом у поэта Агатона),* в котором Греческий Шеллинг предлагает оное, не Сократ, коему обыкновенно Платон влагает в уста то, что сам признает за истину, а насмешник Аристофан выставлен защитником этой системы; из чего по крайней мере для меня ясно, что тут не что иное, как шутка. Итак, г. Кикимора напрасно клеплет на покойника Платона» (Примеч. К. в изд. 1835 г.). Явление 4. *Ст. 6. Йорик* — королевский шут, действующее лицо ряда трагедий Шекспира. *Эзоп* (6—5 вв. до н. э.) — полулегендарный древнегреческий баснописец, по преданию — фригийский раб.

Действие III. Явление 1. *Ст. 107. Терзал титана коршун жадный.* Речь идет о Прометее. *Ст. 119. Ее лицо являет мне луна* и т. д. 9 декабря 1833 года К. записал в дневнике, читая повесть Вельтмана «Беглец»: «Но вот что истинно странно: автор «Ижорского» (который по крайней мере не помнит, чтобы прежде читал этот отрывок повести «Беглец»), самым разительным образом в начале третьего акта первой части своей мистерии встретился с г<осподином> Алекс<андром> В<ельтма>ном. Ижорский (в припадке сумасшествия. NB) видит и слышит почти то же, что не Леолин <герой Вельтмана. — *Н. К.*>, а поэт его, сам г<осподин> В<ельтма>н в полном разуме. Вот стихи сего последнего:

> Как солнце светит над землей,
> Так днем ты (т. е. покойница Мария) светишь
> надо мной:
> В глубоком сне, во мраке ночи,
> Ты, как луна, блестишь мне в очи;
> Хочу обнять — ты высоко,
> Хочу достать — ты далеко <. . .>

Картина в «Ижорском» полнее, — стихи, может быть, и зрелее, и сильнее, — но все же странно и очень странно так встретиться». Явление 2. *Ст. 5—6.* В СС2, видимо ошибочно: «Ложитесь спать вы — пушка; Да накормила ты телят, Марфушка?» Явление 3. *Ст. 63. Каин* — в Библии убийца своего брата Авеля. Явление 4. *Ст. 32. «Вестник Австралии»* — «Вестник Европы»; *Фирюлин, «Вестника Австралии» издатель* — Михаил Трофимович Каченовский, издатель «Вестника Европы».

Часть II.

Действие I. Явление I. *Ст. 6. Я офицер, четырнадцатый класс.* На классы делились чиновники царской России; четырнадцатый класс — самый низший.

Действие II. Явление 1. *Ст. 27—28. Читает — что? Два дворянина Веронские.* Речь идет о комедии Шекспира «Два веронца». «„The two gentlemen of Verona", комедия Шекспира, в которой также девушка переодевается в отрока» (примеч. К. в изд. 1835 г.). *Ст. 45. Юлия* — героиня комедии «Два веронца». *Ст. 109—114. Успел же с богом молодой пастух* и т. д. Речь идет о пастухе, песнопевце и царе Давиде, в юности исцелившем своими песнями от злого духа царя Саула. Явление 2. *Ст. 23. Ювенал* — см. примеч. 2. *Ст. 87. Гоморра и Содом* — в Библии города, наказанные богом за распутство.

Действие III. Явление 2. *Ст. 69. Грандисон* Чарльз — герой одноименного романа Самуэля Ричардсона (1689—1761). *Ст. 88. Dandin* — герой комедии Мольера «Жорж Данден, или Обманутый муж». «Dandin cocu, battu et content» (примеч. К. в изд. 1835 г.).

Часть III.

Действующие лица. *Барба-Яни,* или *граф Капо д'Истрия* — Иоанн Каподистрия (1776—1831), виднейший русский государственный деятель правительства Александра I, министр иностранных дел. В 1827 г., после провозглашения независимости Греции, избран ее президентом. *Триланэ* — в дальнейшем в тексте Травельней.

Действие I. Явление 2. *Ст. 89—90. Я старику Давиду уныло вторю.* Речь идет о псалме Давида, легендарного библейского царя и псалмопевца. Явление 4. *Ст. 83. Дворянство! ха! ха! ха! мой жребий — заточенье.* В XIX в. дворянин за преступление уголовного характера не подвергался смертной казни; казнь за политические преступления производилась после разжалования из дворянского сословия. *Ст. 114. Ловлас* (Ловелас) — герой романа Ричардсона «Кларисса, или История юной леди»; волокита, обольститель. *Ст. 122—123. Чайльд* (Чайльд Гарольд), *Гяур, Лара* — герои поэм Байрона. *Ст. 140. Морея* — область Греции.

Действие II. Явление 1. *Ст. 2. Бобелина* — гречанка, героиня борьбы греков за независимость 1820-х годов против Турции. *Ст. 4. Канарис* (1790—1877) — греческий государственный деятель, герой греко-турецкой войны. *Ст. 9. Туркофаг* — здесь: прозвище «пожирающий турок» (от греческого phagos — пожирающий). *Ст. 10. Сулиоты* — греко-албанское племя в бассейне реки Ахеронт; деятельные участники борьбы греков против Турции. *Ст. 15. Рига* (Ригас, 1757—1798) — греческий поэт и патриот, готовивший восстание греков против турецкого ига. *Ст. 26. Колокотрона* (Колокотронис) Федор (1770—1843) — герой борьбы греков с Турцией, главнокомандующий войсками Мореи. *Ст. 38. Атина* — Афины. *Ст. 133. В Модоне седой проживал Аполлос.* Сюжет притчи Зосимы близок к сюжету мифа об Эдипе; в записях К. 1830—1840-х годов имеется начало обработки прозаической «баргузинской сказки», предназначенной для «легкой чисто литературной газеты», — с тем же сюжетом и песней-пророчеством (ЛБ). Модон (Модона) — город в Пелопоннесе. *Ст. 274. Аркадская долина* — область в Греции (Пелопоннес). *Ст. 275. Мистра* — город на полуострове Морея. Явление 2. *Ст. 15. По-*

ездка Монгольфьерская — полет на аэростате братьев Монгольфьер в 1783 г. *Ст. 18. Яков Бем* — см. примеч. 3. *Ст. 19. Сведенборг* Эммануил (1688—1772) — шведский ученый и теолог. *Ст. 74. Герой сороковых годов.* «См. гениальный впрочем роман: „Герой нашего времени"» (примеч. К.)

Действие III. Явление 1. *Эгина* — остров и город в Греции. *Ст. 46. Ляпунов* — см. примеч. 6. Явление 2. *Ст. 18—19. Ему ли бороться с Менцелем?* Менцель Вольфганг (1798—1873) — немецкий публицист и историк; К. нравились статьи Менцеля о Шиллере и Гете; со статьей Белинского «Менцель — критик Гете» К. был не во всем согласен, об этой статье К. записал в дневнике 5 марта 1841 года: «В «Отечественных записках» прочел я статью «Менцель» Белинского: Белинского Менцель — Сенковский: автор статьи и прав, и не прав; он должен быть юноша; у него нет терпимости, он односторонен. О Гете ни слова, il serait trop long de disputer sur cela <было бы слишком долго спорить об этом. — франц.>, но я, Кюхельбекер, противник заклятый Сенковского-человека, вступлюсь за писателя. . .» *Ст. 33. В стенах Фернея* — у Вольтера. Явление 3. *Ст. 14. Вы, франки, мудры.* Франк — здесь: неверный, иноплеменник. *Ст. 108. Поклонник Иссы* — христианин. *Ст. 109. Османлисы* — турки (по имени турецкого султана Османа I (ок. 1258—1324/26), основателя Османской империи).

6. «Литературный современник», 1938, № 1, с. 124. Печ. по СС2, с. 229. Автографы первонач. набросков 1834 г. — в тетради ЛБ вместе с черновым автографом перевода драмы Шиллера «Димитрий» — «Demetrius» («Григорий Отрепьев» у К.). Замысел К. написать трагедию из времен Лжедимитриев I и II, русского ополчения и изгнания польских интервентов в 1611 г. восходит к 1827—1829 гг., когда поэтом была написана не дошедшая до нас трагедия «Падение дома Шуйских». 13 февраля 1834 г. он пишет из Свеаборга матери, что хотел бы написать трагедию «Прокофий Ляпунов»: «Характер героя бесконечно содержателен. Это не пустой идеал; это был человек, совершивший большие ошибки, но преисполненный силы и внутреннего достоинства; он несравнимо выше и даже в нравственном отношении лучше обоих других триумвиров — Заруцкого и Трубецкого. Его смерть — следствие его неустрашимости — особенно поэтична. Ржевский, его личный враг, защищает его от неистовствующих казаков Заруцкого, и Ляпунова убивают над телом его врага и защитника. Гигантский характер — Захария Ляпунов, которого я хотел бы представить необузданным, саркастичным, совсем не глупым, даже веселым, но грубым и отчаянным. Его исполинская внешность, его задор, насмешка, с которой он обходится с Трубецким и Заруцким, — все это богатый материал и составило бы резкий контраст с характером его брата, которого я хотел бы изобразить запальчивым, но много просвещеннее и дальновиднее, строгим, слегка меланхоличным, однако без сентиментальности, властным, сильным, тем, что итальянцы называют grandioso <величественным. — *Н. К.*>. Подчиненным характером был бы придворный шут царя Василия Шуйского, которого Ляпуновы свергли с престола. Его я наградил бы страстной привязанностью к его бывшему господину; я старался бы сделать его трогательным». 30 июня К. записывает в дневнике:

«Нельзя ли Самозванца превратить в русского Фауста?» 13 июля в письме Ю. К. Глинке К. вновь говорит о занимающем его замысле трагедии «Ляпунов» — о самозванце и «фаустиане», что трагедия должна быть «вполне фантастичной и сказочной, какою и была на самом деле история этого загадочного человека, — при этом по возможности в народном духе, — и эта фаустиана была бы жизнью Лжедимитрия, не по историческим источникам, а по старым песням и преданиям, в которых он считается волшебником». 5 августа К. начал трагедию «Димитрий Самозванец» — переложение трагедии Шиллера «Димитрий», но работа шла тяжело и вскоре была оставлена. 25 сентября в письме к А. Г. Глинке поэт мечтает о воплощении замысла «Ляпунова»: «Если бы господь бог дал, чтоб я начал своего «Ляпунова», тогда бы я все на свете забыл и был бы счастлив, здоров и свободен. . .» 1 октября была написана первая сцена; К. посылает отрывки трагедии в письмах В. Г. Глинке и Б. Г. и Н. Г. Глинкам. 21 ноября 1834 г. трагедия окончена: «Пять актов я написал в 52 дня и то с перерывами; иногда по два дня ничего не прибавлял». *Ляпунов* Прокофий Петрович (ум. 1611) — думный дворянин, вождь рязанского ополчения, отразившего нападение польских интервентов в 1611 г. Биография его содержится в «Истории государства Российского» Карамзина, т. 12, и в «Сказаниях современников о Самозванце» (СПб., изд. Н. Г. Устрялова, 1831—1834 гг.), бывших в распоряжении К.

Действие I

Сцена 1. *Феодор Ляпунов* — племянник Прокофия, сын Захарии Ляпунова, брата и друга Прокофия. *Кикин* Владимир — сторонник Ляпунова, русский дворянин. *Ст. 1. «Разбойный и земской приказ устроить»* и т. д. Имеется в виду проект Прокофия Ляпунова заменить Боярскую думу Земской, т. е. выборной от земства. *Ст. 15. Заруцкий* Иван Мартынович — атаман донских казаков, сторонник Лжедимитрия II. После смерти Лжедимитрия II вместе с кн. Трубецким и П. Ляпуновым составил временное правительство 1611 г. Казнен в 1614 г. *Ст. 17. Князь* — Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, один из руководителей войск, борющихся с Лжедимитрием, участник временного правительства 1611 г. *Ст. 27. Синклит* — здесь: Боярская дума, оказавшаяся в руках и на стороне поляков. *Ст. 29. Гонсевский* Александр-Корвин — польский дворянин, сторонник возведения на русский престол Владислава, начальник польского войска в Москве. *Ст. 30. Салтыков* Михайло Глебович — русский боярин, сторонник Лжедимитрия, позже Владислава и Сигизмунда. Умер в Польше в 1618 г. *Ст. 31. Андронов* — русский, состоявший на службе у поляков. *Князь Мстиславский* Федор Иванович (ум. 1622) — русский боярин, перешедший на сторону Лжедимитрия I, глава «семибоярщины» (правление 1610 г.), сторонник избрания на русский престол Владислава. *Ст. 33. Князь Андрей Голицын* — Андрей Васильевич Голицын, активный борец с польскими интервентами, член Боярской думы; за противодействие полякам убит ими. *Ст. 34. Гермоген* (ок. 1530—1612) — патриарх Московский и всея Руси с 1606 г. Умер в Москве в заточении у польских интервентов. *Ст. 55. Трубецкой* — см. ст. 17. *Ст. 63. Ты был разбойником, вторым Лисовским.* Речь идет о Заруцком. Лисовский Александр-Иосиф (ум. 1616) — польский шляхтич, разграбил Коломну и ряд русских областей, осаждал

Троицкий монастырь. *Ст. 74. Расстрига* — Лжедимитрий I, беглый монах Григорий Отрепьев. *Ст. 81. Тушинский вор* — Лжедимитрий II. *Ст. 85. Шуйский* Василий Иванович (1552—1612) — русский боярин, избранный царем после смерти Лжедимитрия I (1606). *Ст. 86. Поверил я, что он убийца сына* и т. д. Ляпунов обвинял Василия Шуйского в отравлении сына, талантливого полководца русских войск Михаила Васильевича Скопина-Шуйского (1587—1610). *Ржевский* Иван Никитич (ум. 1611), дворянин, союзник Прокофия Ляпунова, убитый вместе с ним казаками. *Ст. 172. Марина* — Марина Мнишек (ум. ок. 1614), полька, претендентка на русский престол, жена Лжедимитрия I, затем Лжедимитрия II. *Ст. 174. Урусовым обманщик был убит.* Лжедимитрий II убит в 1610 году.

Сцена 2. *Просовецкий* Истома-Лавр Степанович — казак, атаман черкасской вольницы. *Заварзин* Фрол Андреевич — атаман казаков. *Ст. 16. Плутарх* (46—120) — греческий историк. *Ст. 20. Ксаверий Франциск* (ум. 1552) — святой католической церкви, миссионер в Гоа, на полуострове Малакке и Молуккских островах. *Ст. 119. Троекуров* — возможно, Иван Федорович (ум. 1621), боярин. *Француз, служащий в немцах* — здесь, по-видимому, солдат-наемник войска Трубецкого. *Ст. 147. Henry* — французский король Генрих IV (1553—1610), глава гугенотов. *Ст. 149. Jacques de Margéret* — Жак де Маржерет, французский авантюрист. С 1600 г. был принят Борисом Годуновым на русскую службу; позже служил Лжедимитрию I. *Ст. 201. Царь Василий* — Шуйский.

Сцена 3. *Салтыков* Иван Никитич — русский боярин, участник борьбы с поляками. *Голицын* Иван Васильевич — князь, участник борьбы с поляками. *Измайлов* Артемий Васильевич (ум. 1634) — активный борец за освобождение России от поляков в 1611 г. *Волхонский* — вероятно, один из князей Волконских: или Федор Федорович (ум. 1665), который участвовал в низвержении Шуйского, глава земского ополчения; или Григорий Константинович (ум. 1634), или Михаил Константинович (ум. 1610); все трое участники борьбы с поляками. *Литвиновы* — русские дворянские роды; известно, что Василий Федорович Литвинов, окольничий Василия Шуйского, был убит в 1612 г. в битве с поляками. *Масальские* — русские и литовские дворянские роды. Масальский-Рубец Василий Михайлович — воевода, одно время сторонник Лжедимитрия II, потом посол к Сигизмунду для переговоров об избрании Владислава на русский престол. Масальский-Литвинов — союзник Ляпунова. *Ст. 38. Шаховской* Григорий Петрович — воевода Путивльский, любимец Лжедимитрия I, позже — противник Василия Шуйского, участник восстания Болотникова. *Ст. 39. Телятевский* Андрей Андреевич (ум. 1612) — князь, противник Василия Шуйского, участник восстания Болотникова; помещик, крепостным которого был Болотников. *Ст. 40. Болотников* Иван Исаевич (ум. 1608) — вождь крестьянской войны 1606—1607 гг. против феодально-крепостнического гнета. Одно время его союзником был Прокофий Ляпунов, боровшийся с Василием Шуйским. *Ст. 58. Козловский* — князь, участник борьбы с поляками. *Ст. 97. Аврамий* (Аверкий Иванович Палицын, ум. 1625) — келарь Троице-Сергиевского монастыря, автор «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и Литвы. . .»

Действие II

Сцена 1. *Ст. 25. Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578 — ок. 1641) — князь, один из руководителей борьбы русского народа против польских интервентов. В 1611 г. участвовал в боях в Москве; возглавил совместно с К. Мининым народно-освободительное движение и освободил Москву в октябре 1612 г. *Ст. 38. Михаил* — Скопин-Шуйский. *Ст. 78. Сампсон* — Самсон, библейский герой. *Ст. 79. Давид* — см. примеч. 5. *Ст. 83. Бармы Мономаха.* Мономах — великий князь киевский Владимир-Василий Всеволодович (1053—1125). Бармы и венец — знаки царского достоинства, якобы присланные Мономаху византийским императором. *Ст. 87. Годунов* — Борис Годунов (1551—1605). *Ст. 107. Плещеев* — вероятно, Алексей Романович (ум. 1607), окольничий при Лжедимитрии I и Василии Шуйском. *Ст. 170. Делагарди* Яков (1583—1652) — шведский полководец, союзник русских в борьбе с поляками. *Ст. 173. Бутурлин* Василий Иванович — один из вождей русских войск, победитель Лисовского. *Ст. 176. Салтыков Иван Михайлович* (ум. 1611) — участник посольства к Сигизмунду III, сторонник воцарения Владислава. *Ст. 216. Князь Василий* Васильевич Голицын — воевода, один из участников низвержения Шуйского, участник посольства к Сигизмунду, умерший в плену. *Ст. 235. Филипп* — шведский принц. *Ст. 390—391. Воротынский* Иван Михайлович (ум. 1627), *Голицын* и Захария Ляпунов — организаторы свержения царя Василия Шуйского и пострижения его в монахи. *Ст. 394. Царь Иван* — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584).

Действие III

Сцена 1. *Ст. 32. Самбор* — город в Галиции. *Ст. 229. Рангони* — иезуит, папский нунций при польском короле Сигизмунде III, один из вдохновителей интервенции поляков в Россию.

Сцена 3. *Ст. 92. Так предал спаса мерзостный Иуда.* Иуда, один из апостолов Христа, предал его за тридцать сребреников.

Действие IV

Сцена 4. *Ст. 31. Дмитров* — уездный город Московской губернии. *Сапега* Лев (1557—1633) — польский полководец, воевода виленский, гетман и канцлер литовский.

Сцена 5. *Ст. 115. Жолкевский* Станислав (1547—1620) — польский военачальник, гетман, канцлер. Под его руководством польские войска взяли в 1610 г. Москву, и на престол был возведен польский королевич Владислав.

Действие V

Сцена 1. *Ст. 27—28. Книга Иисуса Сирахова.* Иисус — житель Иерусалима, автор «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова», вошедшей в Библию. *Ст. 50—51. Федька и Марья Годуновы* — жена и сын Бориса Годунова, погибшие в 1605 году. *Ст. 70. Толстой* — возможно, воевода Московский, Селивестр Иванович (ум. 1612). *Потемкины* — мелкопоместный дворянский род.

7. С, с. 279 (отрывок). Печ. по СС2, с. 344. Автограф — ПД (1-е действие; по-видимому, оно было послано поэтом 21 декабря 1833 г. родным); машинописные копии отрывков (1-е действие): ПД, ЦГАОРСС, ЦГАЛИ. Драма была начата К. 8 января 1839 г.; 9 января начало было отброшено, и 15 января драма начата вновь. 15 февраля поэт записывает в дневнике: «Поутру я выправлял I действие:

я над ним трудился ровно месяц; Иван мой не растет так скоро, как Зоровавель или Отроки». Тогда же, в феврале, поэт записывает, что для написания драмы ему приходится изучать сказки Кирши Данилова. В 1834 г. он вновь возвращается к работе над «Иваном, купецким сыном»: «Перечел первое действие неоконченного своего «Ивана, купеческого сына». Первая сцена несколько растянута: прочие очень не дурны. Не худо бы его продолжать: по крайней мере выправлю то, что уж написано» (23 июня 1834 г., дневник). «Начал переправлять своего «Ивана»: главный порок моего слога, или лучше сказать слога моих первых начерков, — многословие. Все почти мои поправки состояли в сокращениях» (25 июня 1834 г.). В начале июля созревает замысел окончания всей драмы-сказки: «Сегодня со мною было то, что Гете рассказывает про себя, а именно, когда излагал я моему доброму пастору план «Ивана, купеческого сына», главная идея во мне самом развилась полнее и определеннее: изустное, живое сообщение своих мыслей послужило мне вдохновением. При развязке заставлю Ивана покуситься продать за редкую статую окаменелого своего друга и благодетеля Булата. Этот сарказм, выражающий низкую и подлую половину человеческой природы, составит резкую противоположность с трагическим действователем, движущим Анданою, которая для разочарования злополучного богатыря решается жертвовать даже кровью и жизнью своего дитяти». (7 июля 1834 г.) 16 июля К. выправляет начало второго действия; дальше в работе наступил большой перерыв. Письмо-посвящение драмы Константину Осиповичу Савичевскому датировано 13 августа 1842 г., по-видимому, 1842 г. можно считать годом окончания произведения.

Предисловие. *Савичевский* Константин Осипович — друг К. по Акше, с которым он расстался 27 ноября в Цурухаите, посвятив ему строки в стихотворении «Аргунь» («Увы, с последним другом расставанье! ..»). *Карлос, Поза, Валленштейн, Текла, Макс Пикколомини* — герои произведений Шиллера — «Дон Карлоса» и трилогии о Валленштейне («Лагерь Валленштейна», «Пикколомини», «Смерть Валленштейна»). *Прости, — скажу, — тебя я видел* и т. д. Неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Ангел» (1827). *Оценило «Горе от ума» Грибоедова, «Полтаву» Пушкина, «Гротески» Гоголя и «Сердце и думку» Вельтмана.* По-видимому, К. имеет в виду статью Булгарина «Письмо о русской литературе», в которой Булгарин ставил стихотворение «Демон» выше «Полтавы» и «Цыган» Пушкина, статьи Белинского о «Горе от ума», с которыми К. был не согласен, может быть — рецензию «Сердце и думки. Приключение. Сочинение А. Вельтмана» Белинского, рецензию О. Сенковского на «Арабески» Гоголя и др.

Действие I. Явление 2. *Ст. 15. Мама* — здесь: кормилица. Явление 3. *Ст. 147. Бюффон* — Бюффон Жорж-Луи-Леклерк (1707—1788), французский естествоиспытатель.

Действие II. Явление 1. *Ст. 72. «Что, если это проза? и дурная?»* Цитата из эпиграммы Пушкина на В. А. Жуковского: «Послушай, дедушка, мне каждый раз. . .». *Пук* — см. примеч. 3. *Ст. 93. Гаррик* Давид (1716—1779) — английский трагик. *Ст. 101. Нюмеркет* — Ньюмеркет, местечко в Кембридже, известное конскими скачками. *Ст. 104. Леди Стронг* — английская писательница XVIII в. *Ст. 167. В своем бессмертном Гарри Уйлли Шéкспир.* По-видимому,

речь идет о роли хора в трагедии Вильяма Шекспира «Генрих V»; однако возможно, что К. имеет в виду монологи Фальстафа в трагедии Шекспира «Генрих IV».

Интермедия. *Ст. 44—47. Аббадона* — см. примеч. 2. *Сатана Мильтона* — действующее лицо поэмы Мильтона «Потерянный рай». *Асмодей* — злой демон, глава демонов (см. Книгу Товита в Библии). *Мефистофель* — действующее лицо «Фауста» Гете. *Ст. 82. Библьотека* — «Библиотека для чтения», журнал, издаваемый с 1834 г. О. И. Сенковским. *Ст. 84—85. Об ибо и об оном и о том, о Г<оголе>, В<елланском>, П<олево>м.* Имеются в виду статьи в «Библиотеке для чтения» Брамбеуса — Сенковского Осипа Ивановича (1800—1858) «Резолюция на челобитную сего, онаго, таковаго» (1835, № 8), здесь же — о романе Н. А. Полевого «Аббадона»; о Гоголе — в рецензии Сенковского на «Новоселье», кн. II (1834, т. 3); о «Разборе Физики Г. Велланского» (1834, т. 4). Велланский Даниил Михайлович (1774—1847) — доктор медицины, философ-шеллингианец. В 1834 г. в СО Кюхельбекер читал «Извлечение из физики Велланского». В октябре 1834 года, читая «Библиотеку для чтения», Кюхельбекер отмечал: «„Библиотека" — журнал очень занимательный, только критиками я не слишком доволен. . .» *Ст. 94. Наблюдатель* — журнал «Московский наблюдатель» (1835—1839), издаваемый В. П. Андросовым; с 1838 года в журнале активно сотрудничал В. Г. Белинский. *Молва* — газета, приложение к журналу «Телескоп» (1831—1836), издаваемому Н. И. Надеждиным. *Ст. 109. Вот и Сыр-Дарья, вот и Арарат* и т. д. Намек на статью Сенковского в «Библиотеке для чтения».

Действие III. Явление 2. *Ст. 30. Предтеча* — Иоанн, по Библии, обезглавленный по приказанию царя Ирода. *Ст. 221. Свел безумца Креза с Киром.* Царь Лидии, Крез, после успешных войн в Малой Азии, получив от Дельфийского оракула двусмысленное предсказание, что в случае войны с Киром он «уничтожит великое царство», напал на персов и был разгромлен Киром. Явление 4. *Ст. 59. Вавила* — колдун, герой мистерии К. «Ижорский».

Действие IV. До поднятия занавеси. *Ст. 33. Торгаш Искариотский* — Иуда.

Междудействие. *Ст. 10. Август Коцебу* (1761—1819) — немецкий писатель, автор сентиментальных драм, очень популярных в России начала XIX в.

Действие V. Явление 2. *Лорд Эльджин* Томас-Брюс (1766—1842) — английский дипломат, лорд, разграбивший афинские древности и вывезший в Англию огромное собрание древнегреческих скульптур, ваз, монет и т. д. Во второй песне поэмы «Чайльд Гарольд» его клеймит Байрон. *Ст. 13. Олеарий* Адам (1599—1671) — автор «Путешествия по России». *Ст. 149. Герострат* — грек из Малой Азии, который, желая прославиться, в 356 г. до н. э. сжег храм Артемиды в Эфесе.

СЛОВАРЬ

Авгур — прорицатель в Древнем Риме.
Аврора (римск. миф.) — богиня утренней зари.
Агнец — ягненок.
Адамант — алмаз, бриллиант. В греч. миф. — непроницаемая сталь, из которой сделаны ворота ада и самый ад.
Адепт — вновь принятый в братство, новичок, обращенный.
Адрастея (греч. миф.) — богиня мщения.
Аид (греч. миф.) — бог подземного мира, владыка царства теней; подземное царство мертвых.
Аидоней — см. Аид.
Айдес — см. Аид.
Алет (греч. миф.) — сын Гипота, предводитель дорян, завоевавший Коринф и положивший начало владычеству Сизифидов.
Алкид — см. Геракл.
Альмавива — короткий испанский плащ.
Альциона — самая яркая из звезд группы Плеяд.
Амигдал — миндаль.
Андромаха (греч. миф.) — жена троянского героя Гектора.
Антигона (греч. миф.) — дочь Эдипа и его матери Иокасты, сестра Этеокла и Полиника; когда Эдип, узнав о своей страшной судьбе, ослепил себя, Антигона преданно сопровождала отца в его добровольном изгнании.
Аполлон (греч. миф.) — бог света, покровитель поэзии и искусства.
Аргивяне — уроженцы Арголиды, области и города в Южной Греции.
Арей (греч. миф.) — бог войны, сын Зевса и Геры.
Арес — см. Арей.
Ариадна (греч. миф.) — дочь Миноса и Пасифаи; дав Тесею клубок ниток, помогла ему выйти из лабиринта, где он должен был убить чудовище Минотавра.
Ариман (перс. миф.) — бог, правитель царства смерти, тьмы и зла, борющийся с богом света и добра Ормуздом.
Аркос (греч.) — Арктос, созвездие Большая Медведица.

Артемида (греч. миф.) — богиня чистоты и непорочности, покровительница охоты.

Архитравы — балки, соединяющие колонны.

Астартэ (финик. миф.) — Астарта, богиня плодородия и луны, покровительница любви и брака; отождествлялась с греч. Афродитой и римск. Юноной.

Астарот (финик., сирийск. миф.) — верховное божество неба, соответствующее греч. Зевсу, римск. Юпитеру.

Атандé — термин карточной игры, означающий заявление партнера о ставке.

Атрей (греч. миф.) — брат Фиэста, царь Микен; не зная своего сына, подосланного к нему Фиэстом, чтобы его умертвить, Атрей убивает его. Чтобы отомстить Фиэсту, Атрей угощает его мясом его родных сыновей; после многих злоключений был умерщвлен сыном Фиэста Эгисфом.

Аудитор — чиновник военного судопроизводства, письмоводитель, стряпчий.

Афина (греч. миф.) — богиня неба, повелительница туч и молнии, богиня плодородия, мудрости и мирного труда.

Афродита (греч. миф.) — богиня любви и красоты, возникшая из морской пены у острова Кипр, где в городе Пафосе был сооружен храм в ее честь.

Ахерон (греч. миф.) — река в подземном царстве мертвых.

Ахейский — греческий. Ахеяне — одно из главных племен греческого народа, названное по имени родоначальника Ахея.

Ахилл (греч. миф.) — величайший герой Троянской войны, сын царя Пелея и нереиды Фетиды; главное действующее лицо «Илиады» Гомера.

Ахиллес — см. Ахилл.

Багряница — царская торжественная одежда багряного цвета.

Бакх — см. Дионис.

Бальдер (сканд. миф.) — Бальдур, бог света и правосудия.

Барбитон (греч.) — струнный музыкальный инструмент, близкий к лире.

Баскак — татарский сборщик податей.

Бассарей — см. Дионис.

Бахус — см. Дионис.

Бел (греч. миф.) — царь Египта, сын Посейдона и Ливии.

Берендеи — народность тюркского происхождения, степные кочевники.

Бодцы — шпоры.

Браги (сканд. миф.) — сын Одина, бог поэзии, древнейший скальд.

Брашно — пища, еда.

Бриарей (греч. миф.) — сторукий великан.

Бука (слав. миф.) — ночное чудовище, пожирающее детей.

Ваал — см. Астарот.

Вакх — см. Дионис.

Ванда (слав. миф.) — польская королева, дочь Крака; когда поляки одержали победу над немцами, она бросилась в Вислу, т. к. дала обет пожертвовать жизнью за победу.

Вар — солнечный зной, жара; белая или черная сапожная смола.
Варвитон — см. Барбитон.
Велес (слав. миф.) — божество туч, облаков, скотоводства и плодородия.
Вельзевул — библейское название финикийского божества Ваалзевув, защищающего от мух. Позже отождествлен с Сатаной.
Вервы — веревки.
Вергнуть — бросить, кинуть, опрокинуть.
Вершник — всадник, ездовой, форейтор.
Весь — деревня.
Вечерь, вечеря — ужин, вечерний стол.
Виссон — тончайшее полотно или хлопчатобумажная материя, предмет роскоши; использовалась для изготовления царских и жреческих одежд.
Виталище — жилище, убежище, гнездо.
Возгнел — взрастил, воспитал.
Волос — см. Велес.
Воксал — зала, где играет музыка во время гуляния.
Волчец — колючая сорная трава.
Вретище — рядно, дерюга, грубая одежда.
Выжлята — гончие щенки.

Гадес — см. Аид.
Гай — роща, лиственный лес, кустарник.
Ганимед (греч. миф.) — сын дарданского царя Троя, за необыкновенную красоту взятый богами на небо, где стал любимцем и виночерпием Зевса.
Ганимеда — см. Геба.
Геба (греч. миф.) — богиня юности, дочь Зевса и Геры; на Олимпе подносила богам нектар и амброзию.
Гебея — см. Геба.
Гевея — см. Геба.
Геката (греч. миф.) — богиня земли, моря, неба и человеческих дел; иногда — богиня призраков и волшебства, зверей и луны.
Гекатея — см. Геката.
Гектор — троянский герой, старший сын Приама и Гекубы, супруг Андромахи. Был убит Ахиллом.
Гелены — жрецы, названы по имени троянского прорицателя, сына Приама Гелена.
Геликон — гора в Средней Греции, в греч. миф. — обиталище муз.
Гений (римск. миф.) — дух-покровитель, добрый дух.
Гера (греч. миф.) — жена Зевса, богиня туч и бури, урожая, брака и супружеской любви.
Геракл (греч. миф.) — герой, сын Зевса и Алкмены, внук Алкея, совершивший ряд замечательных подвигов, за что получил от богов бессмертие. В раннем детстве Геракл задушил двух огромных змей, посланных ненавидевшей его Герой.
Гераклиды — потомки Геракла.
Гермес (греч. миф.) — бог скотоводства, глашатай богов, покровитель путников, купцов и торговли, изобретатель лиры, букв и чисел; воплощение хитрости и сметливости.
Гермий — см. Гермес.

Геспер (греч. миф.) — божество вечерней звезды; вечерняя звезда.
Гесперий — см. Геспер.
Гесперия — земной рай; поэты часто называли так Италию.
Геспериды (греч. миф.) — нимфы, дочери Геспера.
Гесперские сады (греч. миф.) — сады нимф-гесперид, где росли золотые яблоки.
Гея (греч. миф.) — богиня земли и подземного царства, прародительница людей, жена Урана.
Гиакинф (греч. миф.) — юноша, отличавшийся необыкновенной красотой, любимец Аполлона; бог ветра Зефир также полюбил Гиакинфа и убил его из ревности, после чего Аполлон вырастил из тела юноши цветок гиацинт.
Гинекей — женские покои в Греции.
Гипербореи — см. Ипербореи.
Гномы — краткие изречения о смысле жизни в стихах, восходят к греческой гномической поэзии.
Гностики — мистические философы I—III вв. н. э., воззрения которых строились на соединении мифологии с христианством. «Гносис» — особого рода знание тайн бытия и спасения души.
Горé — вверх, вверху, на небесах.
Грации (римск. миф.) — см. Хариты.
Гривна — серебряное или золотое украшение типа медальона, крупная серебряная монета, носимая на шее.
Гулить — забавлять, тешить.
Гури — дева рая.
Гурия — см. Гури.

Дагон (финик. миф.) — бог, приносящий культуру, бог-законодатель, изобретатель плуга, сын Неба и Земли.
Дафнея (греч. миф.) — нимфа Дафна, которую преследовал влюбленный в нее Аполлон.
Данаи — жители Аргоса, аргивяне.
Даная (греч. миф.) — мать Персея, родившегося от союза Данаи с Зевсом, явившимся ей в виде золотого дождя.
Двудесноручный — владеющий обеими руками, как правой.
Дедал (греч. миф.) — великий строитель, художник и архитектор, отец Икара, положивший начало роду Дедалидов в Афинах.
Деметра (греч. миф.) — богиня плодородия и земледелия.
Десница — правая рука.
Десной — правый.
Диана (римск. миф.) — см. Артемида.
Диатриба — речь с желчными нападками личного характера.
Дий — см. Зевс.
Дионис (греч. миф.) — бог растительности, покровитель виноградарства и виноделия.
Дионисос — см. Дионис.
Дмиться — кичиться, чваниться, делаться надменным.
Дриады (греч. миф.) — лесные нимфы.
Дюк — герцог.

Евмениды — см. Эвмениды.
Егова — в Библии одно из имен бога.

Епанча — длинный и широкий плащ.

Ефимок — русское название талера; монета, бывшая в обращении до половины XVIII в.

Жило — жилье, дом.

Жолнеры — польские воины.

Забрало — защитная стена города, крепости.

Завозня — плоскодонная лодка, баркас.

Зевс (греч. миф.) — верховный бог, царь и отец богов и людей, сын Реи и Крона, управляющий всеми небесными явлениями, прежде всего громом и молнией.

Зевес — см. Зевс.

Зефир — теплый западный ветер, приносящий дожди; легкий ветер.

Златая Баба (слав. миф.) — языческое божество, мать богов.

Зрак — лицо, вид, облик; изображение; взгляд, взор.

Иапет — см. Иафет.

Иафет (библ.) — один из трех сыновей Ноя, от которого произошла иафетова, или арийская, раса.

Ида (греч. миф.) — гора на острове Крит, где в пещере младенец Зевс спасался от преследования своего отца Кроноса; здесь же, на Иде, сын троянского царя Приама Парис присудил яблоко раздора прекраснейшей из трех богинь Афродите. Близ Иды расположена Троя.

Иегова — см. Егова.

Иеремиада — слезная жалоба.

Имам — мусульманский священник.

Ипербореи (греч. миф.) — гипербореи, народ, обитающий на крайнем севере; в позднейшей мифологии страна гипербореев — это край блаженства, мира и изобилия.

Ископ — искапывание земли; подкапывание, заговор.

Исса — Иисус.

Исфраил (перс. миф.) — ангел поэзии.

Кадм (греч. миф.) — легендарный основатель Фив, отец Полидора, Автонои, Ино, Семелы и Агавы.

Кадмеида — дочь Кадма.

Какодемон — злой демон.

Калхас (греч. миф.) — прорицатель, участник похода греков на Трою.

Калуер — инок, старец.

Камена (римск. миф.) — нимфа-прорицательница, покровительница искусств, муза.

Камилавка — головной убор священника.

Карияне — уроженцы Карии, области в Малой Азии.

Кастор (греч. миф.) — один из двух близнецов Диоскуров (Кастор и Поллукс), сыновей Тиндарея и Леды (Тиндаридов), совершивших ряд героических подвигов. Тиндариды — символ братской любви, верности, покровители воинов и мореходов.

Келарь — инок, заведующий светскими делами монастыря.

Кенкет — комнатная масляная лампа.

Кербер (греч. миф.) — свирепый трехголовый пес, охраняющий выход из Аида.

Керы (греч. миф.) — злые демоны, дети Ночи, олицетворение смерти. Иногда отождествлялись с эринниями.

Кивот, киот — поставец для икон, у иудеев — место хранения «скрижалей завета».

Кидар — головной убор жрецов, род чалмы.

Кикимора (слав. миф.) — злой дух, род домового, совершающий злые дела по ночам.

Кимвал — старинный музыкальный инструмент типа литавров.

Киприда — см. Афродита.

Клеврет (лат.) — товарищ, собрат, приспешник.

Клефт — греческий воин, борец против турецкого ига; разбойник; клефты называли себя паликарами («сильные молодцы»).

Клобук — покрывало, одеваемое монахом поверх камилавки; камилавка.

Ковчег — ларец для хранения драгоценностей церкви.

Кодр — полулегендарный царь Аттики; в 1068 г. до н. э. спас отечество, пожертвовав своей жизнью.

Коло — казачий сход, рада, круг.

Крин — лилия.

Крон (греч. миф.) — древнейшее божество, сын Урана и Геи, отец Зевса (Кронида, Крониона).

Кронид, Кронион — Зевс.

Кронос — см. Крон.

Кружало — питейный дом, кабак, место гуляний.

Купидон (римск. миф.) — см. Эрот.

Купина — куст, группа деревьев.

Куран — Коран.

Курульские кресла (римск.) — официальные кресла римских консулов, диктаторов и пр. Имели форму складных стульев без спинок, изготовлялись из слоновой кости, мрамора, золота, бронзы.

Лавреат — лауреат.

Ланиты — щеки.

Лары (римск. миф.) — боги домашнего очага и семьи, покровители города и государства.

Латой — Аполлон, сын Латоны.

Латона (греч. миф.) — титанида, жена Зевса, мать Аполлона и Артемиды.

Леда (греч. миф.) — дочь Тестия, супруга Тиндарея, возлюбленная Зевса, которой он являлся в виде лебедя.

Лель (слав. миф.) — божество любви, напоминающее Купидона, Амура.

Лета (греч. миф.) — одна из рек подземного царства Аида, дающая забвение всего земного.

Либер (римск. миф.) — бог виноделия, отождествляемый с греч. Дионисом.

Ливан — название плоскогорья и полуострова; смолистое благовонис, ладан.

Ливь — племя ливонцев (литовцев).

Лик — собор святых или ангелов; хор.

Ликторы — в Древнем Риме официальные служители представителей высшей власти, перед которыми они несли символ власти — пучок розог и топор.
Ложница — ложе, спальня.
Локоть — мера длины (около четырнадцати вершков).
Локсиас — см. Аполлон.
Локсий — см. Аполлон.
Лоно — грудь; утроба; колени, подол.
Лопать — одежда.

Мамут — мамонт.
Мая (греч. миф.) — нимфа гор, дочь Атланта и Плейоны, мать Гермеса. В римск. миф. — богиня земли.
Мегера (греч. миф.) — одна из эриний, олицетворение гнева и мстительности.
Медведка — молодой бобер, морской бобер.
Медея (греч. миф.) — волшебница, дочь колхидского царя Ээта, внучка Гелиоса.
Мельпомена (греч. миф.) — муза трагедии.
Менада (греч. миф.) — вакханка, спутница Вакха (Диониса) во время празднеств в его честь.
Митра — головной убор епископов и некоторых других священников во время богослужения.
Митра (перс. миф.) — божество света, солнца и добра.
Можем — муэдзин, мусульманский священник, призывающий с минарета мечети на молитву.
Морфей (греч. миф.) — бог сновидений, сын бога Гипноса.
Музы (греч. миф.) — богини поэзии, искусств и наук, дочери Мнемозины и Зевса. Их было девять, любимое их местопребывание — гора Геликон в Беотии и Парнас, где они проводили время у прохладных источников (Иппокрена, Кастальский ключ).
Мски — мулы.

Намет — крыша над двором, кровля.
Нарамник — верхнее одеяние ветхозаветных первосвященников; оплечье, ожерелье, застежка.
Нард — индийское пахучее растение, благовонное вещество.
Наяды (греч. миф.) — нимфы вод, олицетворение благоприятных человеку сил природы.
Немезида (греч. миф.) — богиня судьбы, возмездия.
Нептун — см. Посейдон.
Нижé — ни даже, отнюдь не, нисколько.
Ниобия (греч. миф.) — Ниобея, жена царя Фив Амфиона, дочь Тантала. За чрезмерную гордость своими многочисленными детьми и насмешки над Латоной была наказана детьми Латоны Аполлоном и Артемидой, убившими всех ее детей. После этого от горя Ниобея превратилась в скалу.
Нотабль — в феодальной Франции почетное лицо из дворянства, духовенства или буржуазии, состоящее членом совещательного учреждения при короле.

Овен — баран.
Одалыки — одалиски, от турецкого odalik, прислужницы в гареме.

Оден (герм., сканд. миф.) — Один, верховное божество, олицетворение силы, сотворившей вселенную, и мудрости. Один владеет чудесным напитком, дающим дар поэзии.

Одесную — справа, по правую руку.

Одиссей — царь Итаки, участник Троянской войны, действующее лицо «Илиады» и «Одиссеи» Гомера.

Океан (греч. миф.) — прародитель всех богов, сын Урана и Геи, брат Крона. Позже отождествлен с Посейдоном.

Олимп (греч. миф.) — священная гора, обиталище богов; собрание, сонм богов.

Онагр — дикий осел.

Ондины (герм. миф.) — ундины, русалки.

Ореады (греч. миф.) — нимфы гор.

Орест (греч. миф.) — сын Агамемнона и Клитемнестры, по требованию Аполлона убивший свою мать, чем отомстил ей за смерть отца. За это его долгое время преследовали эриннии.

Орк — см. Оркус.

Оркус (римск. миф.) — божество смерти, доставлявшее тени умерших в подземное царство. Тождествен Аиду, Плутону. Иногда означает подземный мир вообще.

Ормузд (перс. миф.) — бог света и добра, борющийся с богом тьмы и зла Ариманом.

Ортигия (греч. миф.) — одно из названий Артемиды, происходящее от древнего названия острова Делос, считавшегося родиной богини.

Оры (греч. миф.) — богини смены времен года, порядка в природе.

Орфей (греч. миф.) — фракийский певец, изобретатель музыки и стихосложения; музыка Орфея заставляла растения склонять ветви, сдвигала камни, укрощала диких зверей.

Охабень — верхняя долгополая одежда, сермяжный зипун.

Оцет — уксус.

Ошиб — хвост животного, хобот.

Падиша — падишах.

Пал — пожар, огонь, выжженный луг.

Паллада — см. Афина.

Паликар — см. Клефт.

Пан (греч. миф.) — аркадский бог лесов и рощ, сын Гермеса, родившийся покрытым волосами, с рогами и копытами; Пан нагоняет панический страх на нарушителей своего покоя.

Пандемониум — собрание богов, сонм.

Параклет — в богословии святой дух, третье воплощение бога (бог — отец, сын и святой дух).

Парки (римск. миф.) — богини человеческой судьбы, тождественны греческим мойрам.

Парнас — горный массив в Фокиде, в греч. миф. место обитания Аполлона и муз.

Парсы — племя иранского происхождения, живущее в горах Индии и Персии, последователи Зороастра.

Пастырь — пастух; священник как руководитель паствы; глава, руководитель.

Патрокл (греч. миф.) — ахейский герой, во время Троянской войны одевший доспехи Ахилла и принесший грекам много побед над троянцами. Был обезоружен Аполлоном и убит Эвфорбом и Гектором.

Пафия — см. Афродита.

Пашалик — на востоке область, находившаяся под управлением паши, позже — римского наместника.

Пеан (греч. миф.) — бог, отвратитель зла; песня-молитва, первоначально обращенная к Пеану, позже — и к другим богам, хвалебная песня вообще.

Пелид — Ахилл, сын Пелея.

Пелопс (греч. миф.) — герой, сын малоазийского правителя Тантала, мясом которого Тантал угостил богов во время пира; оживленный Гермесом, Пелопс стал правителем Пелопоннеса. Игры, устроенные при погребении Пелопса на берегу Алфея, были позже возобновлены Гераклом как Олимпийские игры. По одному из мифов, Пелопс женился на дочери царя Эномая Гипподамии, победив его в состязании на колесницах, потому что Посейдон подарил ему волшебных коней.

Пенаты (римск. миф.) — боги-хранители семьи и государства, тождественны ларам.

Пери (перс. миф.) — дэвы, духи зла женского рода.

Пермесс — река, стекающая с Геликона, в греч. миф. место обитания муз.

Персефона (греч. миф.) — богиня подземного царства Аида и земного плодородия.

Персть — пыль, прах, земля, плоть, материя — в противоположность духу.

Перун (слав. миф.) — бог грома и молнии.

Петел — петух.

Пилад (греч. миф.) — сын царя Строфия, верный друг Ореста и спутник его во всех злоключениях.

Пирифой (греч. миф.) — царь лапифов, друг и соратник Тесея (Фесея), оказавший ему помощь в похищении Елены.

Пирра (греч. миф.) — жена Девкалиона, сына Прометея. Пирра и Девкалион единственные спаслись во время всемирного потопа и возродили человеческий род.

Пифия — жрица-прорицательница в Дельфийском храме.

Пифон (греч. миф.) — чудовищный змей, которого убил Аполлон при основании Дельфийского оракула.

Пиэриды (греч., римск. миф.) — музы; девять дочерей Пиэра, соперничавшие с музами в искусстве пения.

Плевелы — сорняки, растущие среди хлебных злаков.

Плесни — стопы, подошвы; обувь типа сандалий.

Плюэ — термин карточной игры.

Поветы — кровля, клеть; уезд или часть области.

Подир — длинная риза ветхозаветного священника.

Позор — зрелище.

Полидевк — см. Кастор.

Поликсена (греч. миф.) — дочь Приама, невеста Ахилла, была убита у гробницы Ахилла, тень которого потребовала очистительной человеческой жертвы.

Поллукс — см. Кастор.
Помона (римск. миф.) — богиня плодородия, плодов.
Поножи — ножные латы.
Поприще — мера пути (около двадцати верст).
Порфир — порфира, пурпурная мантия монарха.
Посейдон (греч. миф.) — бог морей, сын Крона и Реи, брат Зевса.
Потазать — потузить, поколотить, побранить.
Потребник — опреснок, пресная лепешка.
Претор — заместитель консула в Древнем Риме, представитель высшей судебной власти.
Преторьянцы — в Древнем Риме отборные войска, личная охрана претора; позже — опора власти, основанной на грубом насилии.
Приам (греч. миф.) — последний царь Трои, отец пятидесяти сыновей и огромного количества дочерей, в том числе Гектора, Кассандры, Поликсены и др. Один из героев «Илиады» Гомера.
Пританы — в Древней Греции градоначальники, представители высшей республиканской власти.
Пританей — место собраний пританов в Коринфе.
Провансалы — французские певцы-поэты XI—XIII вв., создатели куртуазно-рыцарской поэзии на провансальском наречии. Творчество крупнейших провансалов и трубадуров оказало большое влияние на поэзию Возрождения.
Прогна (греч. миф.) — сестра Филомелы, жены фракийского царя Терея, мать Итиса. Филомела стала жертвой насилия со стороны мужа Прогны Терея. Чтобы отомстить мужу, Прогна убила сына и накормила мужа его мясом. Разъяренный Терей хотел убить сестер, но Зевс превратил их в соловья и ласточку.
Прозерпина — см. Персефона.
Прометей (греч. миф.) — титан, сын Япета, богоборец и защитник людей. В наказание был прикован к Кавказской скале, где каждое утро орел клевал его печень; был освобожден Гераклом.
Промефей — см. Прометей.
Просопопея — уподобление.
Пруги — саранча.
Псалтирь — книга псалмов; музыкальный инструмент.
Психея (греч. миф.) — олицетворение человеческой души; обычно изображалась в виде бабочки или молодой девушки с крыльями бабочки. По Апулею — возлюбленная Эрота (Амура).

Рало — орало, плуг.
Рамо, рамена — плечо, плечи.
Романея — сорт вина.
Рушать — делить, резать пищу.

Саваоф (библ.) — одно из имен бога, по-еврейски — бог сил.
Сакер — сикер, хмельной напиток типа браги.
Силамандр, саламандра (герм. миф.) — дух, обитающий в огне, несгорающая ящерица.
Санета — синета, синяя пряжа.
Сарай (тюркское saraj) — ставка хана.
Свада — свара, ссора, смута.

Световид (слав. миф.) — языческое божество славян.
Седмица — неделя.
Сеид — почетный титул мусульманина.
Сеймум — самум, знойный ветер пустынь.
Селена (греч. миф.) — богиня луны.
Семела (греч. миф.) — дочь фиванского царя Кадма (Кадмеида), возлюбленная Зевса и мать Диониса.
Семик — Троицын или Духов день, седьмой четверг от Пасхи.
Серафим — высший чин ангелов.
Серовик — в Сибири название разновидности темно-серой глины.
Сизиф (греч. миф.) — царь и строитель Коринфа, славившийся своей хитростью. После смерти в Аиде должен был вечно вкатывать на гору тяжелый камень, который вновь скатывался вниз, едва достигнув вершины.
Сикль — мера веса.
Сильф, сильфида (герм. миф.) — духи воздуха.
Симпозий — беседа, пир.
Симонист — участник или сторонник продажи церковных должностей в католической церкви.
Сирин (библ.) — страшная птица, сова, филин; одна из двух райских птиц (Сирин и Алконост).
Склянный — стеклянный.
Скрыжаль — скрижаль, доска с написанным на ней священным текстом.
Скудельный — глиняный, непрочный; в переносном значении — бренный, преходящий, не вечный.
Смоква — плод смоковницы, винная ягода.
Сонм — собрание.
Софист — в Древней Греции мудрец; философ-оппозиционер, пользующийся софизмами; позже — человек, доказывающий ложные мысли путем софизмов.
Споборник — помощник, пособник, соратник.
Срачица — сорочка, исподняя одежда; покрывало престола в церкви.
Сретенье — встреча.
Стадии — у греков площадь для состязаний в беге; мера длины (около 189 метров).
Стигийская волна — см. Стикс.
Стикс (греч. миф.) — одна из рек подземного царства Аида с леденящей водой.
Стогны — площадь, улицы города.
Стосс — азартная карточная игра.
Стратиг — воитель, военачальник, вождь, воевода.
Струс — страус.
Схизматик — еретик.

Талан — счастливый жребий.
Талант (греч., римск.) — мера веса; золотая или серебряная монета.
Тантал (греч. миф.) — царь Сипила во Фригии, друг богов, допущенный к их трапезам. За провинность перед богами (по одним из мифов — за разглашение тайн богов, по другим — за то, что, желая испытать всеведение богов, он угостил их мясом своего сына Пелопса) был осужден после смерти на «танталовы муки» —

вечное страдание от голода и жажды среди изобилия пищи и воды.

Тартар (греч. миф.) — недра земли, нижняя часть Аида, где заключены Крон и побежденные богами титаны. Отождествлялся с Аидом.

Тенар (греч. миф.) — пропасть, вход в подземное царство Аид.

Тесей (греч. миф.) — Тезей, или Фесей, полумифический афинский царь, совершивший ряд подвигов (убийство Минотавра, участие в походе аргонавтов и т. д.).

Тимпан — древний ударный музыкальный инструмент типа литавров.

Тиндар (греч. миф.) — спартанский царь, муж Леды, отец Кастора, Полидевка, Елены и Клитемнестры.

Тиндариды — дети Тиндара.

Тирс (греч.) — жезл Диониса и его спутников, палка, увитая плющом и виноградными листьями и увенчанная еловой шишкой.

Титаны (греч. миф.) — дети Урана и Геи, восставшие против Зевса и побежденные богами.

Тоболец — сума, котомка пастуха.

Трабанты — драбанты, телохранители.

Трубадуры — см. Провансалы.

Троверы — труверы, средневековые северофранцузские поэты-певцы.

Трус — землетрясение.

Туискон (герм. миф.) — бог, праотец германских народов.

Тук — жир, сало.

Тул — колчан.

Укрух — кусок, ломоть хлеба.

Ундина — см. Ондина.

Уран (греч. миф.) — верховное божество неба, сын и муж Геи, отец титанов, киклопов и гекатонхейров. Свергнут и кастрирован сыном Кроном.

Ураниды — дети Урана, боги.

Ураниона — см. Ураниды.

Фаблио — жанр французской поэзии XII—XIV вв., сатирическое повествование, басня, сказка.

Фарисеи — в Древней Иудее члены религиозной партии, отличавшиеся крайним фанатизмом; лицемеры.

Фарос — маяк, выстроенный Птоломеем на о. Фарос близ Александрии; маяк.

Феб (греч. миф.) — одно из названий Аполлона (светлый, чистый).

Фемида (греч. миф.) — титанида, жена Зевса, мать ор и мойр, богиня права, закона и предсказаний.

Феникс — священная птица, возрождающаяся из собственного пепла.

Фесей — см. Тесей.

Фетида (греч. миф.) — нереида, дочь Нерея, мать Ахилла.

Филомела (греч. миф.) — сестра Прогны (см.), в поэтическом языке — соловей.

Фимиам — благовонное вещество для курения.

Фирман — разрешение, повеление.

Фиэст (греч. миф.) — отец Эгисфа, любовника Клитемнестры, брат Атрея. Атрей убил детей Фиэста и угостил его их мясом.

Флегетон (греч. миф.) — одна из рек подземного царства Аида.
Флора (римск. миф.) — богиня цветов, юности и удовольствий.
Франк — представитель германского племени франков; неверный, гяур.
Фряжское — сорт вина.
Фурии (римск. миф.) — демоны подземного царства, божества мести и угрызений совести; отождествлялись с эринниями.

Халдей — вавилонянин; халдеи — семитские племена в Южной Месопотамии, образовавшие Ново-Вавилонское государство.
Хаос (греч. миф.) — зияющее пустое пространство, существовавшее до создания мира; беспорядочное смешение тумана и мрака.
Хара — водоросль, похожая на хвощ; употреблялась при волховании.
Хариты (греч. миф.) — богини плодородия, красоты, радости, олицетворение женской прелести.
Харон (греч. миф.) — перевозчик теней умерших через реку Ахерон в подземное царство.
Хитон (греч.) — одежда из льняной, позднее — шерстяной ткани.

Цевница — свирель, дудка.
Цинтия (римск. миф.) — одно из имен Артемиды.
Цитерея (римск. миф.) — одно из имен Афродиты, происходящее от названия острова Кифера, бывшего центром культа богини.

Чакал — шакал.
Червленица — торжественная одежда царя багряного цвета с горностаевым мехом, иначе называлась багряница.
Чермный — червленый, багровый, темно-красный.
Чехмень — чекмень, крестьянский кафтан.
Чингалище — кинжал, большой нож.
Чолка — знамя, значок, хоругвь; по числу чолок в Древней Руси определяли численность войск.
Чресла — бедра, поясница.
Чудь — племя, живущее по берегам Чудского озера.

Шипок — бутон розы.
Ширяться — парить, простираться, плавно лететь.
Шишимора (вост.) — привидение; славянский вариант шишиморы — кикимора.
Шуйца — левая рука.

Щегла — мачта, шест для флага.

Эвлис (перс. миф.) — Иблис, злой дух преисподней, дьявол.
Эвмениды (греч. миф.) — богини почитания родителей, мщения за убийство и клятвопреступление.
Эгида (греч. миф.) — щит Зевса.
Эдем (вост. миф.) — рай.
Эдип (греч. миф.) — царь Фив; не зная о том, кто его отец и мать, убил своего отца и женился на матери; узнав о своих преступлениях, Эдип ослепил себя и отправился в добровольное изгнание. По другим мифам — его изгнали сыновья, Этеокл и Полиник, за что он проклял их, и они погибли в распрях.

Эклога — произведение античной буколической поэзии в виде диалога.

Экосез — старинный шотландский танец, род кадрили.

Электор — выборный в церковно-католическом суде.

Элизей (греч. миф.) — Элизий, Элизиум, место блаженства в загробном мире, куда попадают души праведников.

Энкалад (греч. миф.) — титан, сын Тартара и Земли-Геи.

Эпитимья — духовная кара, церковное наказание.

Эрев, Эреб (греч. миф.) — олицетворение вечного мрака, сын Хаоса, брат или муж Ночи.

Эрехтей (греч. миф.) — аттический герой, сын Геи, воспитанник Афины. Его сыновья — Кекроп, Метион, Орней, Пандор.

Эриннии — см. Эвмениды.

Эрмий — см. Гермес.

Эрот (греч. миф.) — бог любви.

Эфенди — в Османской империи форма обращения к лицам духовного звания и чиновникам, позже равнозначно обращению «сударь».

Эфуд — одна из одежд ветхозаветного первосвященника, сотканная из разноцветной пряжи и золота.

Юдоль — лог, долина; земля, мир.

Юница — телка.

Юнона (римск. миф.) — см. Гера.

Юпитер (римск. миф.) — бог света, владыка неба. Отождествлялся с Зевсом.

Язон (греч. миф.) — сын иолкского царя, воспитанный кентавром Хироном, научившим его искусству врачевания; глава похода аргонавтов.

Язык — народ, племя.

Ятровь — етровь, название определенной степени родства (жены братьев по отношению друг к другу, невестка по отношению к свекрови).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. В. К. Кюхельбекер. Рисунок С. Ф. Белкина. 1845.
2. *С. 9*. Автограф поэмы «Юрий и Ксения». 1836 (ЦГАОРСС).
3. *С. 137*. Автограф «Окончательного отрывка» поэмы «Агасвер». 1842 (ЛБ).
4. *Между с. 160 и 161*. Портрет сестры поэта У. К. Кюхельбекер работы неизвестного художника. Пастель. 1810-е годы (ПД).
5. *С. 173*. Титульный лист комедии «Шекспировы духи». СПб., 1825.
6. *С. 279*. Титульный лист мистерии «Ижорский». СПб., 1835.
7. *С. 447*. Черновой автограф драмы «Прокофий Ляпунов». 1834 (ЛБ).
8. *Между с. 544 и 545*. Дом В. К. Кюхельбекера в Смолинской слободе Курганского уезда Тобольской губернии. Фото 1952 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭМЫ

ДРАМЫ

Кюхельбекер Вильгельм Карлович

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1967, 788 стр. Тем. план вып. 1966 г. № 414.

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 21/VII 1966 г. Подписано в печать 26/XII 1966 г. Бумага 84×108 1/32 № 1. Печ. л. 24 5/8 + 3 вкл. (41,68). Уч.-изд. л. 42,08. Тираж 25 000 экз. Зак. № 1128.
Цена 1 р. 56 к.

Издательство «Советский писатель»,
Ленинградское отделение, Ленинград,
Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР. Красная ул., 1/3

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

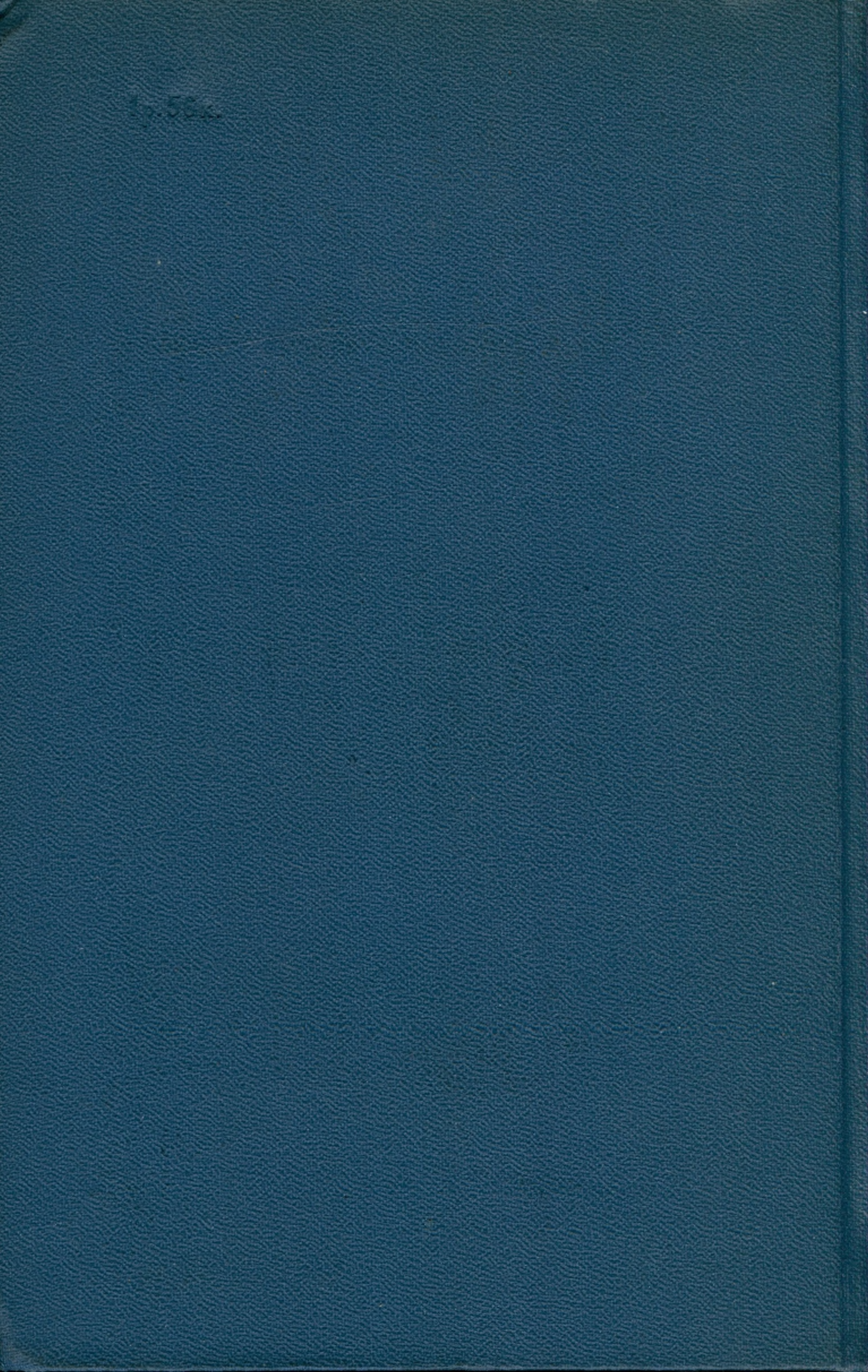
Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать

Том первый

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
58	4 св.	и прикрытию	к прикрытию
132	20 св.	Во мне	Во <мгле>
208	3 сн.	О очами	С очами
458	15 св.	будь	бурь
492	15 св.	любви	любови
620	9 сн.	Евгению	Евмению

Том второй

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
86	16 св.	Увижу	Унижу
175	4 сн.	Арос	Аргос
184	10 сн.	предпочя	предпочтя
240	10 сн.	несчастные	несчетные
290	10 сн.	me chere	ma chère


1 р. 50 к.